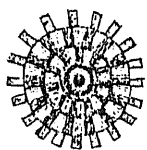

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

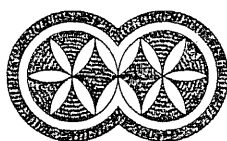
КОРЯКИ THE KORYAK

W. Jochelson

THE KORYAK

MATERIAL CULTURE AND SOCIAL ORGANIZATION

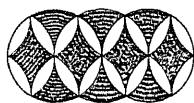
SANKT-PETERSBURG
„NAUKA”
1997

В. И. Иохельсон

КОРЯКИ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Ответственный редактор
Ч. М. ТАКСАМИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
„НАУКА”
1997

УДК 39 (571.661)

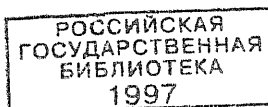
ББК 63.5

И 75

Эта книга написана сто лет назад, но и по сей день не утратила своей научной ценности и читательского интереса, поскольку создана выдающимся этнографом на основе им самим собранного и проиллюстрированного фактического материала, посвященного коренному народу Северо-Восточной Сибири — корякам, его материальной культуре и социальной организации на рубеже XIX—XX веков. Этот фундаментальный труд был опубликован в США на английском языке, а в России, на родине ученого, эмигрировавшего в 1922 году за границу, издается впервые.

Адресована не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Редактор издательства А. Ф. ВАРУСТИНА

*Издается по заказу и на средства Управления культуры
Администрации Корякского Автономного округа*

Без объявления

ISBN 5-02-028345-2

© Музей антропологии и
этнографии РАН, 1997 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сотрудники Отдела этнографии народов Сибири МАЭ РАН уже несколько лет разрабатывают тему «Культурное наследие народов Сибири» и предпринимают практические шаги для публикации материалов музейных коллекций, архивных материалов, рукописей, подготовленных к печати нашими предшественниками — учеными-этнографами.

В 1994 году сотрудники Института по просьбе Управления культуры Администрации Корякского Автономного округа приступили к подготовке к печати фундаментального труда В. И. Иохельсона «Коряки». Этот труд и сегодня сохраняет большую научную ценность, но он недоступен широкому кругу читателей, так как издан был в США в начале века и только на английском языке. Правда, в 1936 году книга В. И. Иохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация» была переведена на русский язык и подготовлена к печати Институтом народов Севера при ЦИК СССР в Ленинграде. К печати был подготовлен и обширный иллюстративный материал. К работе прилагалась также вводная статья К. Б. Шаврова и составленные им Примечания. Но работа эмигранта, покинувшего страну в 1922 году, так и не увидела света. И только в наши дни мы возобновили попытку по изданию книги В. И. Иохельсона на русском языке. Большая работа была проведена Е. А. Михайловой по проверке текста перевода и терминологического материала, составлены дополнительные редакционные примечания ко всем главам книги. Организационная работа по подготовке рукописи к печати была проведена Ю. В. Куприной и Ю. В. Чесновым.

Публикуемая в Приложении к книге В. И. Иохельсона статья К. Б. Шаврова подробно знакомит читателя с жизнью и деятельностью автора «Коряков». Здесь же я лишь коротко упомяну, что В. И. Иохельсон опубликовал ряд фундаментальных трудов по языку, фольклору и этнографии народов северо-востока Азии. Он больше двух лет провел у юкагиров всех групп (1895—1897), прекрасно выучил их язык, собирал фольклорные тексты и провел ценные этнографические

наблюдения. По итогам экспедиции к юкагирам им была опубликована в Санкт-Петербурге в 1893 году книга «По рекам Ясачной и Коркодону». В. И. Иохельсон принимал участие и в Северо-Тихоокеанской Джебуповской экспедиции (1898—1901). По материалам этой экспедиции он опубликовал ряд монографий на английском языке, в том числе и книгу «Коряки» в двух частях.

Участвуя в Камчатской экспедиции (1908—1911), во время которой В. И. Иохельсон снова объехал Камчатку, он побывал на основных Алеутских островах и собрал уникальные материалы по лексике, фольклору и этнографии алеутов. Эти материалы имеют исключительную ценность при комплексном изучении древней алеутской культуры.

Как многие ученые-этнографы, В. И. Иохельсон придерживался принципиальной позиции: «...этнологию народа нельзя понять без знания его подлинного творчества и языка». Поэтому свою работу в экспедиции он, как правило, начинал прежде всего со знакомства и овладения языком изучаемого народа. Это обстоятельство принесло ему большой творческий успех как ученому-этнографу.

Хочу заметить, что статья К. Б. Шаврова о творческом пути В. И. Иохельсона и его научных трудах была написана шестьдесят лет назад, и, естественно, некоторые ее положения и оценки нуждаются сегодня в небольшой корректировке и новом, современном осмыслении. Например, как мне представляется, автор уделяет чрезмерное внимание народовольческой деятельности В. И. Иохельсона и его «мелкобуржуазному мировоззрению». Будем иметь в виду также, что и Иохельсон написал эту книгу около ста лет тому назад, и, разумеется, что некоторые его авторские наблюдения и оценки также иногда подлежат корректировке (например, те, которые касаются быта коряков: одни из них субъективны, другие устарели и даже иногда звучат не совсем корректно по отношению к исследуемому народу). Тем не менее это личное восприятие и видение автора мы рассматриваем как исторический источник и документ.

Автор описывал увиденное исключительно добро-совестно и талантливо, и мы посчитали невозможным что-то менять в его изложении либо делать купюры текста при издании его книги сегодня, полагая, что современному читателю не нужен поводыр по этим поистине бесценным страницам работы выдающегося этнографа. И тем более не нужен цензор.

XX век — сложный период в истории народов Севера, в том числе и коряков. Но народ этот сумел сохраниться как этнос, продолжая развивать многие традиции, составляющие основу его национальной культуры. Народы Севера, несмотря на свою малочисленность, сконцентрировали в своей культуре глубокие познания об окружающей среде, выверенные на протяжении многих веков. Благодаря этому они сумели создать своеобразную и сложную культуру оленеводов, охотников, рыболовов и морских зверобоев, культуру, которая, может быть, единственно рациональна в данных природно-климатических условиях. Эти виды хозяйственной деятельности остаются основой экономической жизни коренных народов Севера, несмот-

ря на внедрение новых современных знаний и технологий. Практика показывает, что современное хозяйство и культура народов Севера способны плодотворно развиваться лишь на основе того лучшего, что прошло испытание временем. Всякие попытки обойти это обстоятельство ни к чему хорошему не приводят. Сегодня должны быть созданы условия для сохранения и развития тех форм культуры, которые сами народы считают необходимыми. Здесь, на мой взгляд, на первое место выдвигается то культурное наследие северных народов, которое было накоплено ими за всю историю и которое так ценится ныне как основа современных национальных культур. В этом плане книга В. И. Иохельсона «Коряки» поможет всем, прежде всего новым поколениям коряков, высоко оценить уникальное культурное наследие коряцкого народа, будет способствовать его сохранению и возрождению тех элементов культуры, которые были утеряны.

Ч. М. Таксами,
доктор исторических наук

I. СТРАНА КОРЯКОВ

СОВРЕМЕННАЯ И ПРЕЖНЯЯ ТЕРРИТОРИЯ КОРЯКОВ

Границы корякской территории несколько изменились со времени прихода русских в этот край. До встречи с русскими коряки распространялись до Тауйска, и, по донесениям казаков, первая встреча русских с коряками состоялась в селении Тауйск. В то время селения приморских коряков встречались по всему западному берегу Охотского моря и Гижигинской губы и на соседних скалистых островах между устьем реки Гижиги и Тауйском.

В наше время жители Тауйска официально считаются якутами, переселенными сюда из Якутии, на самом же деле они представляют собой смесь якутов, казаков и тунгусов.* Если мы исключим селения Ямск, Туманское и Наяхан, жители которых обрусели, а физически смешались с иными народностями (русскими, тунгусами и якутами), то далее на север границей корякской территории к северу-западу от Охотского моря можно считать реку Вархалам, в долине которой еще кочуют некоторые оленные коряки.

На Камчатке коряки, по русским сообщениям, доходили до реки Тигиль, на которой во времена Крашенинникова встречались корякские поселения.¹ Дитмар в 1853 году установил пограничную линию между коряками и камчадалами несколько ниже 57-го градуса северной широты, немного южнее селения Озерного со стороны Берингова моря и Воямполки на охотском берегу Камчатки.²

Крашенинников упоминает о группе коряков, которые в его время жили на р. Имашху, притоке Авачи, недалеко от Петропавловска.³ По его словам, эта группа принадлежала прежде к ветви кочевых оленных коряков, но после того как их

олени были угнаны неприятелем, они осели на месте. В то время они воздерживались от родственных связей с камчадалами,** сохраняя, таким образом, неприкосновенность своего языка и обычаев. Теперь они обрусели, как и камчадалы, и несколько не отличаются от последних. Единственным воспоминанием об их происхождении осталось название их селения «Коряки».

В настоящее время стойбища оленных коряков доходят на юге по западному склону Камчатского хребта до 55-го градуса северной широты; по Слюнину, несколько семей добираются иногда даже до Большерецка.⁴ К северу оленные коряки распространились тоже дальше, чем это было во времена межплеменных войн. Тогда, по преданиям, места кочевий южных чукоч отделялись от стойбищ северных коряков пустынной полосой, которую чукчи переходили иногда, чтобы напасть на коряков. Теперь чукчи и коряки мирно кочуют вместе по плоскогорью Палпал.

Я склонен думать, что в распространении коряков на Северо-Востоке никаких перемен не произошло. Северо-восточная ветвь коряков — кереки.*** Они держались вдали от русского влияния и были очень мало известны до последнего времени.

Западную границу корякской территории теперь, как и прежде, образует Становой, или, как его называл Майдель, Колымский хребет. Но зимой для охоты на белку несколько стойбищ переходят Становой хребет в бассейн реки Колымы до ее притоков Омолона и Коркодона, а весной возвращаются обратно. По преданиям коркодонских юкагиров, в старину коряки переходили Становой хребет с целями завоевательными.

В настоящее время корякская территория административно входит в две округа — Гижигинскую и Петропавловскую [I]. Площадь первой — 81553 кв. мили, второй — 149467 кв. мили. По официальным данным, плотность населения Гижигинской округи 0.9 человека на 1 кв. милю, а в Петропавловской — 0.45. Население сосредоточено около устьев рек, в речных долинах и местах, богатых оленьим кормом. Между этими заселенными местами лежат обширные пространства пустующих земель.

* Здесь и далее под звездочками см. редакционные примечания на с. 234—236 (в отличие от пристраничных примечаний В. И. Иохельсона и примечаний 1936 г. К. Б. Шаврова, размещенных на с. 230—233, и указанных на них ссылок в тексте под римскими цифрами в квадратных скобках).

¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 1. С. 32.

² Dittmar K. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. St.-Petersburg, 1890 (Дитмар К. Поездка и пребывание на Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901).

³ Крашенинников С. П. Описание... С. 50.

⁴ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1. С. 550.

Для того чтобы понять культуру коряков в той части, в которой она зависит от окружающей среды, необходимо привести краткое описание природы этого региона.

ОРОГРАФИЯ

Корякскую территорию можно скорее назвать возвышенной, чем низменной, но большой высоты она нигде не достигает. Возвышенности являются или отрогами горных цепей, лежащих вне страны коряков, или невысокими водоразделами внутри ее. Становой хребет выделяет к востоку несколько таких небольших отрогов, образующих водоразделы между реками Вархалам, Гижига, Оклан, Пенжина и др. Налгинский отрог на севере корякской территории упирается в Палпалские горы и отделяет систему р. Анадыря от рек Охотского моря. Прежние исследователи⁵ считали, что горный Камчатский хребет с его вулканами представляет собой изолированную горную систему, не имеющую ничего общего с возвышенностями, идущими от Станового хребта, и что, понижаясь постепенно к северу, он исчезает в покрытых мхом тундрах Парапольского Дола. Однако, по Слюнину,⁶ Камчатский хребет хотя и понижается к северу, но у Парапольского Дола круто поворачивает к востоку и на 170-м градусе восточной долготы от Гринвича соединяется с Палпалским плоскогорьем.

Тайгоносский кряж, идущий вдоль восточной части полуострова Тайгонос, также не отдельная возвышенность: проходя на севере через Гижигинскую тундру, он встречает отрог Станового хребта и составляет водораздел между реками Гижигой и Парень.

В этой связи следует упомянуть еще об одной возвышенности, именно о хребте Мамэчинском (*Ма'тёс*). Он тянется между селениями Рекинники и Мамэч и круто обрывается вертикальными утесами к морскому берегу, делая эту местность совершенно недоступной со стороны моря. Только зимой можно проехать на собаках по замерзшему морю под этими утесами. На востоке Мамэчинский хребет отделяется от северной части Камчатского хребта тундрой Парапольского Дола.

Существующие данные относительно высоты возвышенностей корякской страны указывают на их незначительность, и можно заключить, что эти возвышенности мало влияют на возможность сообщения между различными частями страны; с другой стороны, летом болотистые тундры очень затрудняют сообщение, а местами делают его совершенно невозможным. Становой хребет, составляющий западную границу страны, достигает значительной высоты, хотя здесь он гораздо ниже, чем в своей южной части, и уступает Верхоянскому хребту. Перевалив Становой хребет в его верхней части у истоков реки Гижиги, я установил высоту этого перевала в 950 метров барометрическим определением, а высоту окружающих вер-

шин — приблизительно в 1150 метров.⁷ Высота же гребней внутренних хребтов совсем незначительна. Высоту гребней я определил следующим образом:

1) отрог Станового хребта между рр. Вархалам и Гижигой — 517 метров; 2) ветвь Тайгоносского хребта между рр. Тополовкой и Килимаджой — 540 метров; 3) вершина Тайгоносского хребта между селениями Гижигой и Итканой — 500 метров; 4) гребень между рр. Таловкой и Пенжиной — 420 метров; 5) между селениями Итканой и Парень — 360 метров; 6) между устьями рр. Шестаковой и Пенжины — 360 метров.

Средняя высота вершин отрогов Станового хребта по дороге от села Марково до р. Пенжины вдоль реки Анадырь определяется Майделем приблизительно в 300 метров.⁸ Гребень северной части Камчатского хребта не считается выше.⁹

Привожу перечень более или менее обширных тундр, т. е. открытых пространств, лишенных деревьев и покрытых мхом, лишайниками, поросших травой и ползучими растениями, и превращающихся летом в болото.

1. Западная часть полуострова Тайгонос.

2. Гижигинская тундра, занимающая пространство от нижнего течения реки Колымы до притоков реки Парень на востоке.

3. Парапольский Дол, начинающийся около селения Лесновского (Лесная). Эта тундра, расширяющаяся около селения Рекинники, идет между кряжами Мамэч на западе и Камчатским на востоке и упирается в высоты Палпала на севере [II].

4. Палпалское плато, занимающее всю северную часть корякской территории.

Кроме того, вся прибрежная полоса Охотского и Берингова морей, шириною около 15 миль, является не чем иным, как тундрой, или понижающейся к морю, как у берегов Берингова моря, или поднимающейся над ним, как у Охотского побережья. Вершины плоскогорий, гребни гор, водоразделы и случайные прогалины в речных долинах, в тех местах, где они расширяются, также образуют тундры; первые покрыты обыкновенно мхом и лишайниками, а вторые — травой и кочками. Прибрежная тундра преимущественно травяниста, с встречающимися тут и там островками бурого мха и вряд ли где удобна для оленеводства.

⁷ Самый высокий перевал Станового хребта по дороге из Якутска в Удский острог (селение в устье реки Уды) определен Миддендорфом в 1200 метров. Две вершины Станового хребта по дороге из Якутска в Охотск — 1260 метров и 825 метров (*Ermanн. Reise um die Erde durch Nord-Asien und beiden Ozeane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin, 1838. V. 2. С. 378—392*). Две вершины между Якутском и Аянном — 940 и 996 метров (*Стефанович. От Якутска до Аяна. Иркутск, 1896. С. 106, 108*). Высота перевала Верхоянского хребта между Якутском и Верхоянском определена мною в 1550 метров. Майдель и д-р Бунге нашли ее равной 1500 метрам.

⁸ Майдель Г. Путешествие... Т. 1. С. 225.

⁹ Однако в южной части этого хребта мы находим вулканы, вроде Ключевой сопки, в 4839 метров высотой. Что касается перевала Полковник в северной части Камчатского хребта, то Слюнин говорит, что в день его перевала его aneroid показал давление в 738 мм, следовательно, абсолютная высота перевала меньше 300 метров.

⁵ Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1866—1870 годах. СПб., 1896. Т. 2. С. 101; Дитмар К. Поездка... С. 332.

⁶ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 166.

Мхи (*Muscineae* из рода *Politrichum*, *Hypnum*, *Sphagnum*, *Bryum* и др.) обыкновенно покрывают самые болотистые и топкие места тундры, а лишайники (*Lichtenes* из родов *Centraria islandica* и *arctica*, *Cladonia rangiferina*, *Stenocaulon paschale* и др.), служащие кормом оленям, распространены по менее болотистым местам, по вершинам и склонам холмов, по местам с каменистой подпочвой или по скалам. Часто моховые и лишайниковые тундры перемешаны, и одни составляют островки в других. Когда тундра холмистая или у нее есть склоны, способствующие ее осушению, на ней появляются явнотрачные растения.

Вышеперечисленные большие тундры все-таки не представляют сплошной гладкой поверхности. В некоторых местах они прорезаны оврагами или долинами, орошенными ручьями, или образуют холмистую местность с пригорками и скалами, обнаженными вследствие атмосферных явлений. Таким образом, ровные топкие, болотистые места, покрытые стоячей водой, которая не может просочиться через промерзшую землю, перемежаются с более или менее сухими землистыми и каменистыми склонами, с которых всякие осадки сносятся, или сырыми продолговатыми или куполообразными холмами, одиноко стоящими среди тундры и часто покрытыми кустами и деревьями. Русские поселенцы северной Сибири называют эти холмы «едома» — слово неизвестного происхождения.

Тундры эти не совсем лишены древесной растительности, она встречается там и сям, образуя нечто вроде оазисов. Иногда в овраге и на берегах рек встречаются скудные заросли тощих ив, тонких тополей и кривых низкорослых берез, а вершины и склоны гор часто покрыты низким кедровым стлаником, служащим единственным, но прекрасным топливом для кочевых коряков и путников, случайно проводящих ночь в тундре. Твердые и плотные дрова из кедровника горят долго и дают сильный жар.

БЕРЕГОВАЯ ЛИНИЯ

Побережье корякской территории, в особенности берега Охотского моря, богато небольшими заливами, очевидно благоприятствовавшими образованию постоянных приморских селений. За исключением восточного берега Камчатки, почти вся береговая линия представляет собой крутой непрерывный скалистый берег (из гранита или гнейса, как, например, на острове Тайгоносе, или из сланцевых скал) с рифами и небольшими близлежащими островами, на которых в прежние времена коряки спасались от нападений неприятеля. Только устья рек песчаные. Поэтому берега, в особенности в заливах Охотского моря, очень труднодоступны для судов. Кроме того, воды заливов мелки, и песчаные банки и отмели около устьев рек мешают судам подходить близко к берегу. Крупнейшие заливы в Охотском море — Гижигинская и Пенжинская губы, а в Беринговом — залив Корфа. Удивительно, что на карте Охотско-Камчатского региона Стеллера полуостров Тайгонос не

обозначен, и две губы, отделенные друг от друга полуостровом, слиты вместе под именем Пенжинского залива.¹⁰ Гижигинская губа вдается в материк почти на 170 миль. Вершина ее так мелка, что пароходы должны становиться на якорь в милях 16—20 от устья реки Гижиги, и войти в него буксирные пароходы могут только в высокий прилив.

При сильном ветре пароходы стоят на якоре не могут, а так как в Охотском море штормы бывают часто, то нередко пароходы вынуждены держаться вдали, не имея возможности бросить якорь. Однажды правительственный пароход (до 1900 года он приходил в Гижигу только раз в год) не мог подойти к устью реки в течение двух недель и, чтобы не терять еще больше времени, пошел на север в Анадырь, не разгрузившись в Гижиге, вследствие чего жители остались без провианта на всю зиму.

В прежние времена, когда Пенжинская губа кишела китами, американские китобойцы часто посещали ее, становясь на якорь около корякских селений. Даже и теперь американские китобойные шхуны время от времени заходят в Пенжинскую губу, но пароходы еще не посещали ее. Поэтому глубины ее до сих пор мало измерены [III]. В 1897 году пароход «Котик», принадлежавший Котиковой компании, сделал попытку бросить якорь около селения Каменского, но устье реки оказалось усеянным подводными камнями и пришлось отказаться от этого намерения. В 1895—1899 годах русской шхуне «Сибирь» удалось подойти к селению вплотную и разгрузиться.

Я приехал в Гижигу в конце августа 1900 года на пароходе русского добровольческого флота «Хабаровск». Чтобы не терять времени, я хотел попасть к корякам Пенжинской губы до открытия зимнего пути. Летом же сообщение с корякскими селениями прерывается. Решив для этого воспользоваться пароходом русско-американской золотопромышленной компании «Прогресс», который отходил из Гижиги во Владивосток, я обратился к М. Шоклею, американскому инженеру, стоявшему во главе экспедиции, с просьбой перевезти, по пути во Владивосток, меня и моих спутников к корякам Итканы в Пенжинской губе. И, к сожалению, он в моей просьбе отказал, так как капитан парохода считал слишком рискованным входить в еще не исследованный залив.

Залив Корфа в Беринговом море имеет 35 миль длины, глубок, и в нем есть несколько гаваней, подходящих для стоянки пароходов. Кроме него в Беринговом море есть еще несколько доступных заливов, например, при устье реки Караги, длиной 16 миль, и другой, называемый бухтой Ложных вестей, на западном берегу острова Карагинского, который часто посещается шхунами американских охотников на моржей.

¹⁰ *Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt; Leipzig, 1774. P. 12 (карта на обороте).*

РЕКИ И ОЗЕРА

Все реки, текущие от Станового хребта, его отрогов и Камчатского хребта, коротки и быстры. Хребты, в которых эти реки берут начало, очень близки к морскому берегу, что объясняет крутизну речных долин. Длина крупных рек колеблется между 40 и 250 милями, и они, конечно, кажутся карликами в сравнении с громадными реками, текущими в Полярное море к западу от Станового хребта. О быстроте их можно судить, например, по тому, что вверх по Гижиге можно идти на веслах только 7 миль, а она, так же как и Пенжина, одна из самых больших рек этого края. Дальше надо тащить лодку бечевой.

В этом отношении река Пенжина представляет до известной степени исключение. Она не только длиннее всех других рек корякской территории, но в своем нижнем течении она больше похожа на большую равнинную реку. В XVIII столетии казаки ходили по ней на лодках по пути из Камчатки в Окланск¹¹ и далее на север. До прихода русских в устье Оклана, самого большого притока Пенжины, было большое селение приморских коряков. Главным их промыслом было рыболовство, за счет которого они и существовали.

Почти все реки корякской страны проложили свой путь через горы; нагромождая камни на своем ложе, они несут мелкие осколки к морскому берегу и отлагают их у своего устья или образуют песчаные банки недалеко в море. Но некоторые из рек, впадающих в Берингово море, как, например, Дранка и Карага, хотя в начале своего течения и являются характерно горными, с приближением к тундренному морскому берегу текут спокойнее, благодаря чему залив у устья Караги представляет безопасную гавань.

В дождливое время года летом и во время таяния снегов и ледохода реки полноводны и бурны, но в сухое время они совсем мелки. Летом, если нет дождей, можно перейти вброд Гижигу на расстоянии только 45 миль от ее устья. Из-за этого на реки корякской территории нельзя рассчитывать, как на пути сообщения между различными группами населения.

Необыкновенная сила и высота приливов в длинных и узких Гижигинской и Пенжинской губах в Охотском море являются также причиной образования песчаных банок и разрушения прибрежных скал. Скалистое устье р. Пенжины около селения Каменского загорожено большими валунами и маленькими скалистыми островками. До сих пор никто не производил правильных наблюдений над приливами в Охотском море, но, по сведениям, полученным от русских моряков, приливы и отливы в Гижигинской губе, или по местному названию «большие и малые воды», правильно чередуются каждые 2 недели.

Прилив движется со скоростью от 1.5 до 2.5 миль в час, достигая высоты от 4 до 8 метров. По данным Слюнина,¹² в Пенжинской губе он еще

сильнее и выше. В устье реки Пенжины прилив достигает скорости 7 миль в час и высоты 7—10 метров. В селении Каменском я видел, как прилив разбивал прибрежный лед и гнал его в устье реки Пенжины. Огромные куски льда громоздились один на другой и разрушали крутой скалистый берег, на котором стоит селение. В устье реки Тигиль прилив достигает иногда высоты 5—7 метров. Высота прилива зависит, очевидно, от местоположения пункта. Например, около Охотска, где море совершенно открыто, прилив никогда не бывает выше 2.5—4 метров.

Благодаря неровной поверхности и отсутствию обширных равнин и несмотря на обилие тундр, число озер в этой местности очень ограничено и размеры их также невелики. В этом отношении страна коряков поразительно отличается от обширной равнины Колымской тундры, на которой разбросаны тысячи озер, связанных между собой ручейками. Озера эти изобилуют рыбой, что привлекает к ним как оседлое население северной Якутии, так и кочевых юкагиров. Быстрота течения рек и малое количество озер могут служить объяснением отсутствия оседлого населения внутри корякской территории.

Из озер Гижигинской тундры, более или менее значительных по размеру, упомяну Харитоновское, Чукотское, Анкундиновское и Паренское. Говорят, что они изобилуют щуками и карасями,¹³ но никто из жителей этой местности не думает их ловить. Несколько маленьких озер, из которых вытекают речки, расположены в горных долинах. Самые большие озера северной Камчатки — озеро Паланское, из которого берет начало река Палана, и озеро Великое в Парапольской тундре, откуда берет начало один из притоков реки Таловки.

КЛИМАТ

До сих пор во всей обширной стране коряков метеорологические наблюдения проводились только в одном пункте — в селении Гижиге (регулярно только с 1901 года), где имеется второклассная метеорологическая станция отделения Главной геофизической обсерватории С.-Петербурга. Однако из отрывочных наблюдений путешественников, а также и из наблюдений автора во время его странствий по стране можно вывести заключение, что климат внутри несколько более суров, чем в прибрежной полосе, где расположена Гижига, и что смягчающее влияние Берингова моря на климат восточного побережья сильнее, чем влияние Охотского моря и его заливов на климат прилегающих берегов.

Так как страна коряков простирается приблизительно от 56° до 64° северной широты (рис. 1), то климат ее отдельных частей различен в зависимости от географического положения. Однако отличия эти не слишком значительны. Насколько можно судить по кратким и отрывочным наблюдениям, разница среднегодовых температур различных районов страны с большей или меньшей

¹¹ Окланск был укрепленным русским поселком (острогом), основанным казаками около 1690 года на месте разрушенного корякского селения того же имени.

¹² Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 147.

¹³ Там же. С. 560.

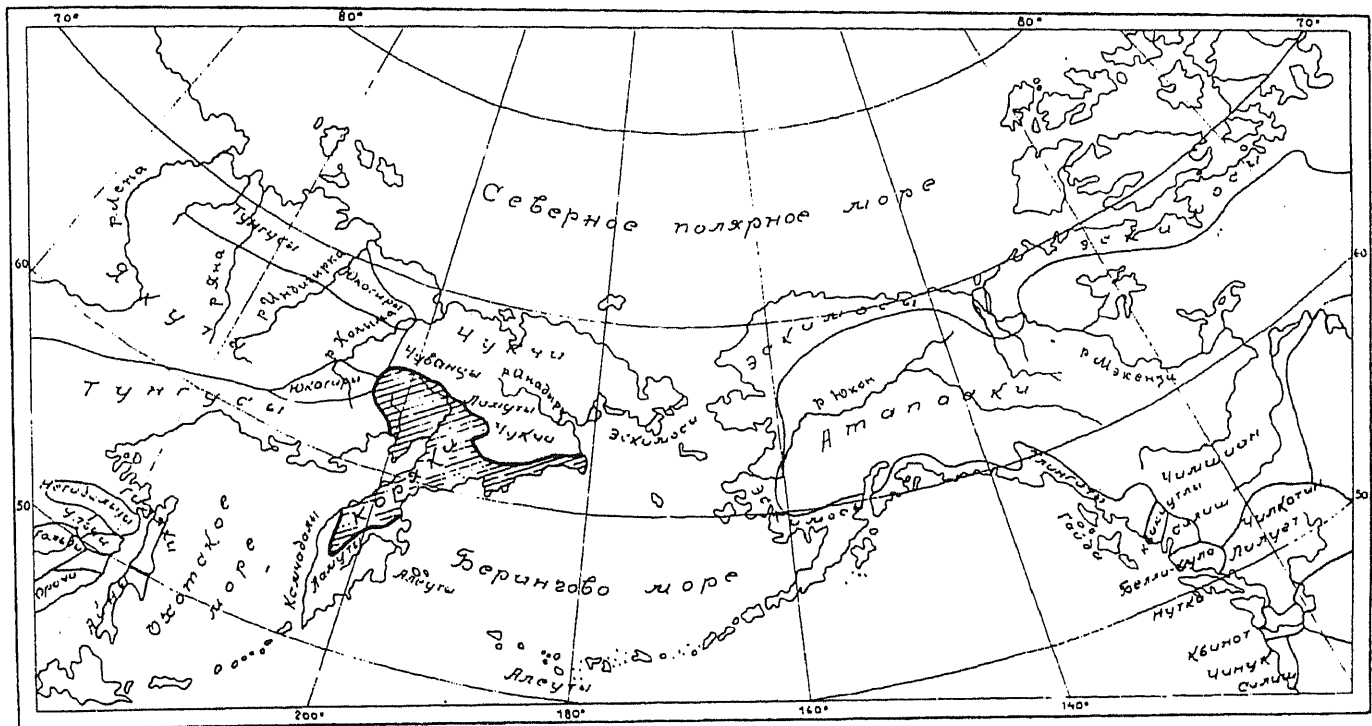

Рис. 1. Карта.

влажностью и суровостью зимы получается в 2 градуса.

Приведу здесь цифры, взятые из записей Главной геофизической обсерватории относительно среднегодовой и месячной температуры по наблюдениям Гижигинской экспедиции за 1901—1902 годы:¹⁴

	1901	1902
	(в градусах С)	
Январь	-26	-22.8
Февраль	-22.1	-27.6
Март	-16.2	-17.9
Апрель	-4.4	-9.6
Май	1.7	0.1
Июнь	7.8	9.4
Июль	13.2	12.1
Август	12.0	10.6
Сентябрь	4.0	3.0
Октябрь	-4.5	-11.1
Ноябрь	-14.1	-19.1
Декабрь	-14.9	-23.3
Среднегодовая температура	-5.2	-8.0

По дальнейшим сведениям, полученным с Гижигинской станции, максимум температуры за 1901 год был -25.19°C и минимум -42.0°C . В 1901 году первый мороз был 24 августа; за 1902 год сведений нет. Последний мороз был в 1901 году 6 июня, а в 1902 году — 29 мая. Первый снег выпал в 1901 году — 27 сентября, в 1902 году — 27 августа. Последний снег был в 1901 го-

ду — 19 мая, в 1902 году — 25 мая. В 1902 году река Гижига стала 15 октября, а вскрылась — 9 мая. Самый сильный мороз, испытанный мною во время моих поездок, был в Парени 26 января — минус 41.59° . Среднегодовая температура побережья Берингова моря -4° .

Если мы сравним страну коряков с другими приморскими местностями, лежащими на той же широте, то увидим, что она превосходит их всех по суровости своего климата, который можно совершенно справедливо называть полярным. Нигде, кроме Лабрадора, мы не находим на соответствующей широте такой низкой годовой температуры приморской полосы. Климатические условия приморского берега Америки определяются подобными же географическими условиями, к которым надо прибавить влияние холодного полярного течения, омывающего берега Лабрадора. В местах, лежащих даже севернее Гижиги, расположенной на $61^{\circ}55'$ северной широты, средняя годовая температура выше. Например, Рейкьявик в Исландии ($64^{\circ}8'$ северной широты) имеет среднегодовую температуру -4.1°C . Архангельск расположен на $2^{\circ}37'$ севернее Гижиги ($64^{\circ}32'$ северной широты), а среднегодовая температура его -0.4° . Суровость климата корякской страны объясняется влиянием таких неблагоприятных климатических факторов, как холодные течения, льды в море до позднего лета, влияние холодных северных ветров и воздушных течений с запада, т. е. со стороны Якутии—Колымы. Конечно, если взять для сравнения холодный континентальный климат Якутска, то климат Гижиги окажется менее суровым, благодаря близости моря и некоторой защите от холодных ветров, которую в какой-то степени дает Стаковой хребет, так как западнее его наблюдается самая низкая средняя температура на земном шаре. Средняя годовая

¹⁴ Так как наблюдения станции до 1901 года неполны, то среднегодовую температуру невозможно определить.

температура, высчитанная за много лет, была -11° для Якутска, -12.4° для Среднеколымска и -16.9° для Верхоянска.

При сравнении данных, показывающих разницу между самой высшей летней и самой нижней зимней температурой, еще ярче выступает приморский характер климата корякской страны. Годовая амплитуда была в 1901 году для Якутска 92.3° (летний максимум $+33.6^{\circ}$ и зимний минимум -58.7°); для Верхоянска в 1889 году 103.5° (летний максимум $+33.7^{\circ}$, зимний минимум -69.8°); в Гижиге же в 1901 году она была равна 67.1° (летний максимум $+25.1^{\circ}$, зимний минимум -42°).

Судя по данным, собранным в Гижиге, количество осадков незначительно для приморского района. Годовое количество осадков доходило в 1901 году до 218.2 мм, а в 1902-м до 283 мм. По месяцам это количество распределяется так:

	1901	1902
	(в миллиметрах)	
Январь	2.3	39.7
Февраль	19.0	8.3
Март	4.1	26.2
Апрель	10.3	11.2
Май	2.8	7.9
Июнь	14.4	11.4
Июль	8.3	21.0
Август	9.1	69.3
Сентябрь	26.9	58.6
Октябрь	45.4	17.7
Ноябрь	45.2	1.4
Декабрь	30.5	10.4
Итого за год	218.2	282.9

В 1901 году было 52 дня со снегом, 26 дней с дождем и только 42 ясных солнечных дня. В 1902 году было 62 снежных и 28 дождливых дней. Количество влаги и почти постоянная облачность указывают на приморский характер климата. Я приведу здесь некоторые наблюдения, сделанные мною во время моих поездок, которые могут дать представление о разнице количества атмосферной влаги в местностях к востоку и к западу от Станового хребта.

Уезжая из Гижиги летом (в августе 1901 года) по направлению к реке Колыме, я захватил в числе другой провизии сухую рыбу и ржаные сухари, упакованные в мешок из нерпичьей шкуры, которая не пропускает сырости. На третий день я был вынужден выбросить почти всю рыбу и около половины заплесневевших сухарей. На Колыме же, наоборот, сухая рыба держалась в моих мешках неделями, а сухари стали суше, чем были.

Следующий факт еще более интересен. Листовой табак для обмена и подарков был закуплен для экспедиции иркутской компанией А. И. Громовой.¹⁵ Упакованный в ящике, он был отправлен

¹⁵ Я рад возможности выразить благодарность А. И. Громовой и ее приемному сыну М. В. Пахтину, управляющему компанией, за помощь и бесплатное обслуживание, предоставленные ими сибирской части экспедиции. Фирма А. И. Громовой — крупнейшая меховая компания Восточной Сибири,

морем из Одессы во Владивосток. В июле 1900 года, уезжая из Владивостока в Гижигу, я взял табак с собой на пароход; часть я оставил в Ольской губе, откуда его переслали в Верхнеколымск, часть увез с собой в Гижигу. Весной 1901 года я взвесил остаток табака, хранившийся на складе в своей первоначальной упаковке. Листья оказались отсыревшими, и на каждый пуд веса по первоначальной накладной оказалось 1.4 кг лишнего. В октябре того же года я приехал в Верхнеколымск и, открыв ящики, присланные из Олы, нашел листья совершенно сухими, и на каждый пуд первоначального веса не хватило по 1.6 кг.

Следующая таблица дает понятие об изменениях барометрического давления в Гижиге в 1901—1902 годах по данным Гижигинской метеорологической станции.

	1901			1902		
	Среднее	Максим.	Миним.	Среднее	Максим.	Миним.
Январь	759.5	769.0	742.3	754.1	764.3	741.9
Февраль	62.9	84.2	39.2	56.3	65.0	37.6
Март	62.3	72.3	52.7	57.7	67.2	40.3
Апрель	62.4	76.9	43.7	56.5	76.2	31.3
Май	61.6	73.5	51.5	55.8	63.8	39.6
Июнь	57.4	67.8	49.4	56.7	61.2	51.0
Июль	54.5	66.0	45.9	54.5	59.1	48.0
Август	55.0	62.2	49.5	54.8	64.6	49.0
Сентябрь	54.5	62.5	28.0	53.0	61.7	37.2
Октябрь	56.5	71.2	35.0	52.7	62.8	36.6
Ноябрь	53.5	67.0	30.2	52.6	66.7	37.4
Декабрь	54.5	74.5	27.3	57.5	77.0	25.8
Итого за год	757.9	784.2	727.3	755.2	777.0	725.8

Из этой таблицы видно, что Гижига стоит вне сферы антициклона Северо-Восточной Сибири, на запад от Станового хребта, где можно наблюдать обычный зимний максимум и летний минимум. Вообще более высокое давление здесь можно наблюдать и в весенние месяцы, начиная с февраля, когда устанавливается более или менее спокойная погода; более низкое давление наблюдается осенью и в первые зимние месяцы, когда бывает и наибольшее число буранов. Но внезапная перемена давления может случиться всегда, в зависимости от преобладающих ветров.

По наблюдениям Гижигинской станции, в продолжении 1901 года направление ветров бывало: с севера — 324 раза; с северо-востока — 268; с юга — 94; с юго-запада — 91; с северо-запада — 46; с востока — 17; с юго-востока — 11; с запада — 7 и затишье — 196 раз.¹⁶

Следовательно, наибольшее число ветров бывает с северной стороны. Ветры с севера и запада, т. е.

занимающаяся также снабжением Ленского региона европейскими товарами. У компании есть собственная пароходная линия. А. И. Громова оказывала ценную помощь многим полярным экспедициям. Она послала свой пароход «Лена» на поиски барона Толля. Многие работы по этнографии Сибири были опубликованы на деньги А. И. Громовой, одна из них — большая работа по якутам В. Серошевского.

¹⁶ Эти наблюдения не полны для всех месяцев годов, предшествовавших 1901 году. В 1902 году они записывались 3 раза в день.

с Полярного моря и Станового хребта, приносят холод, дующие же с востока и юга, приносят тепло. Зимой внезапная перемена одного из этих двух направлений ветра может принести очень низкую температуру с последующей оттепелью, и наоборот. Неожиданный скачок температуры сопровождается сильным ветром и пронизывающим сырým туманом, от которого тает лед, или мелким морозящим дождем. Сырость проникает всюду, одежда промокает насквозь и прилипает к телу. Но вдруг поднимается холодный ветер, и сырость сразу сменяется морозом. Одежда, отяжелевшая от сырости, быстро твердеет, обращается в ледяную корку и немилосердно режет тело. Горе путнику, захваченному такой погодой вдали от человеческого жилья или в открытой тундре без дров и костра! Мне говорили, что люди, попавшие в такую перемену ветра на тундре, часто замерзали до смерти. Во время наших поездок мы сами два раза попадали в такие внезапные оттепели, но, к счастью, всякий раз недалеко от жилья.

Мои собственные наблюдения, охватывающие примерно три месяца (с ноября до января 1900—1901 годов) в Каменском в устье реки Пенжины, показывали преобладание северо-восточных ветров, причем в 30 случаях из 100 наблюдений за ними следовало повышение температуры. Восточные ветры в большинстве случаев тоже приносили тепло, которое сопровождалось значительными падениями давления и метелями. Например, 7 ноября 1900 года утром температура была -21.5° (минимум за ночь -24°), ветер был юго-западный, барометрическое давление 766 мм. Днем 8 ноября температура стала 1.6° , ветер северо-восточный, барометрическое давление 745 мм и шел дождь. Утром 12 ноября температура была -16.5° (минимум за ночь -23.5°), давление 749 мм, ветер северо-восточный с быстротой 8.1 метра в секунду; вечером того же дня температура -7.6° , давление 739 мм, ветер восточный — шторм со скоростью 18.6 метра в секунду; утром 13 ноября температура 3.8° , давление 735 мм, ветер восточный, скорость — 10.8 метра в секунду, шел дождь. Утром 18 ноября температура была -5.2° (минимум за ночь -11.5°), давление 755 мм, ветер северо-восточный, скорость 5.8 м/с; вечером того же дня температура была 0.5° , давление 745 мм, ветер северо-восточный со скоростью 18 метров. Утром 19 ноября температура 0.2° (минимум ночью тоже 0.2°), барометрическое давление 737 мм, ветер северо-восточный, скорость 21.3 м/с.

С другой стороны, судя по моим наблюдениям, в самые холодные дни зимы 1900—1901 годов, которые я провел в селении Куэл (21 января) и Парень (25 и 26 января) на берегу Пенжинской губы, ветер дул с запада, барометрическое давление было 761—762 мм, скорость ветра только 0.2—0.3 м/с, а температура колебалась между 41° и 41.5° . Как уже было сказано, пурги сопровождаются большим и внезапным поднятием температуры. Но в январе в Каменском было много штормовых дней при очень низкой температуре и северо-восточном ветре. Например, 17 января температура -21° (минимум ночью -37°), ветер северный и северо-восточный, давление 745 мм,

и анемометр показывал скорость ветра в 20.2 м/с.¹⁷

В такие дни никакая одежда, из чего бы она ни была сделана, не защищает от холода. Горе человеку, находящемуся в пути в такое время! Снежинки мелкие, как песок, и твердые, как хрусталь, вихрем носятся и свистят в воздухе, засыпаются под одежду, ослепляют глаза и режут лицо. Руки и все тело быстро коченеют, и в продолжительной борьбе с непрерывными порывами ветра человек в конце концов изнемогает. Ничего кругом видеть нельзя, так как весь воздух насыщен снегом.

Когда в такие дни я ходил делать наблюдения на свою станцию (которая отстояла от дома всего на несколько метров), я заблудился бы и не нашел дороги домой без помощи казака или переводчика. В дни, когда свирепствовали сильные пурги, мы не решались выходить иначе как, самое меньшее, втроем, потому что очень легко оказаться поваленным наземь ветром и засыпанным снегом в самом центре селения. Не только женщины, но и мужчины не выходят из дому во время сильных метелей.

Когда начинает свирепствовать пурга, собак спускают с привязи, чтобы в борьбе с непогодой они могли на свободе найти себе защищенное местечко. Они ложатся, тесно прижавшись друг к другу, и не двигаются, пока засыпающий их снег не затрудняет им дыхание. Тогда они встают, стряхивают снег и ложатся опять. В этой борьбе с бурей собаки так устают, что по окончании ее они целый день лежат совершенно неподвижно. Собаки, остающиеся на привязи, очень часто погибают. Когда в ноябре В. Г. Богораз приехал к нам из Маркова в Каменское, то его каюр оставил собак на ночь привязанными около моего дома. Утром их пришлось выкапывать из-под снега, и одна из них задохнулась. А скорость ветра в ту ночь была по анемометру только 3.5 метра в секунду.

О том, как часто бывают пурги в первые зимние месяцы (по крайней мере в 1900—1901 годах), можно судить по тому, что во время своего пребывания в Каменском в ноябре и декабре 1900 года и частью в январе 1901 года было 25 дней со скоростью ветра от 10 до 21.3 метра в секунду. Я поселился в маленькой бревенчатой избушке, принадлежавшей жившему там казаку. По утрам, после того как ночью дул сильный ветер, избушка оказывалась засыпанной по крышу, так что мы не могли выйти, и казак приходил откапывать снег и выкапывать нас.

Заливы Охотского моря так же, как и Берингова, у корякских берегов остаются открытыми зимой. Только северная часть Гижигинской губы замерзает на расстоянии в 10—15 миль от берега. 10 мая 1901 года мне удалось проехать на собаках по льду губы от устья реки Чайбухи до маленькой русской заимки Кушка в устье реки Гижиги, так как вследствие таяния снегов и начавшегося движения горных рек по суше проехать туда уже

¹⁷ Однако 16 января температура была -34° (минимум ночью -37.5°), давление 761 мм, ветер северо-восточный, скорость 4.5 метра в секунду.

было невозможно. В Пенжинской же губе и на Беринговом море замерзают лишь очень узкие бухты и небольшая полоса вдоль берега, но зимой очень часто и эта полоса не выдерживает напора бурных приливов и сильных ветров, и лед уносится в море.

Устье Пенжины оставалось чистым в продолжение всего моего пребывания в Каменском. Каждый прилив приносил сплошные льды, которые, разбиваясь о скалистый берег, превращались в ледяную массу или оставались на скалах. Все эти обстоятельства — открытое море, неустойчивость ледяного покрова вдоль берега и плавающие льды в море — неблагоприятно влияют на морской промысел коряков. В то время как чукчи и эскимосы зимой занимаются подледной охотой на тюленей под льдом, приморские коряки лишены этой возможности, и поэтому благополучие их зависит от летних и осенних промыслов.

С другой стороны, так как море не сковано льдом, навигация в Охотском море начинается ранней весной. По словам Слюнина,¹⁸ американские китобойные шхуны появляются в Пенжинской губе уже в апреле, становясь на якорь возле селения Иткана, на полуострове Тайгонос и в бухте Мамэч на Камчатке, где они укрываются от сильных ветров. Но первые русские пароходы не отходят из Владивостока на дальний север раньше конца мая ввиду плавучих льдов, которые встречаются даже еще и в июне в заливе Корфа, около Охотска и даже около Шантарских островов к северу от устья Амура, куда их заносит холодное течение. Холодное течение Берингова моря омывает восточные берега Камчатки, а в Охотском море замечаются два холодных течения — одно из Гижигинской губы к юго-восточным берегам Охотского моря, другое в северной части Пенжинской губы, идущие вдоль западного берега Камчатки и Курильских островов.

Присутствие до позднего лета льда, поглощающего большую часть тепла длинных летних дней этих широт, не дает морской воде возможности нагреться и смягчить ночную температуру прибрежных местностей. Почва нагревается очень мало вследствие постоянных холодных туманов в начале лета и траты тепловой энергии на таяние снегов. Более или менее ясные и сравнительно теплые дни бывают не раньше конца июля и начала августа. Почва оттаивает только на незначительную глубину.

Регулярных наблюдений на этот счет до сих пор не велось, но по всему региону туземцы пользуются ямами в вечномерзлой земле как ледниками, в которых хранят свои припасы. Слюнин нашел в Гижигинской тундре мерзлый слой земли на глубине 0.9 метра, и на Столбовой тундре на глубине 0.36—0.54 метра.¹⁹ Дитмар нашел в Гижиге летом слой вечной мерзлоты на глубине 45—60 см, а на реке Седанке на глубине 60—90 см.²⁰

На северных склонах даже небольших высот, в ущельях или в скалистых заливах обледенелый

снег, затвердевший от ветров, тает только к концу августа. Сырой, покрытый мхом слой торфа в тундре служит препятствием для проникновения тепла в почву. Вода от таяния снега и от дождей очень слабо испаряется и, не будучи в состоянии проникнуть в мерзлую почву, стоит на равнине, образуя обширные топи, и затрудняет или делает совсем невозможным всякое сообщение в течение лета. Таким образом, с начала мая и до середины или конца октября Гижига, а также и другие русские поселки совершенно отрезаны от корякских селений и стойбищ.

Сообщение между местами, недалеко отстоящими друг от друга, поддерживается коряками пешком, тунгусами верхом на оленях. Лучшее всего было бы приспособить вьючных лошадей для передвижения по болотистым местам, но подходящих лошадей очень мало, в особенности в Гижигинской округе. У русских жителей Гижиги было в 1901 году всего 65 лошадей, доставленных туда в разное время из Якутской области. Хотя эти лошади очень выносливы, но они недолго выдерживают езду по болотам и очень скоро теряют работоспособность, так как кроме скудного подножного корма у них ничего нет. Русские пользуются ими только для коротких поездок между селениями вдоль реки Гижиги, а также из Гижиги на тунгусские ярмарки на реках Вархаламе и Наяхане. Очень редко русский торговец летом отважится проехать верхом даже в ближайшее корякское селение.

Осенью 1900 года мне удалось нанять 20 верховых и вьючных лошадей, чтобы проехать из Гижиги в Парень (Poitin).^{* 21} Расстояние от Гижиги до Парени (около 150 км), которое зимой на собаках покрывается в 2 дня, потребовало осенью 18 дней. Надо сказать, что обстоятельства были особенно неблагоприятны. После необычно дождливого лета топи были глубже обыкновенного, и как раз в начале перевала через Тайгоносский хребет нас захватила сильнейшая буря, заставившая нас остановиться на 3 дня. Случайно место нашего привала было очень плохим пастбищем, и лошади, утомленные сделанным переходом, были совершенно истощены.

Хороший подножный корм вообще редкость в этой области. Болота покрыты главным образом осокой (*Cypraceae*), хвощом (*Equicetaceae*) и папоротниками, которые не особенно питательны. Многие из этих трав, служащие здесь кормом для лошадей, в странах цивилизованных считаются вредными для скота. Таким образом лошади еле дотащили нас до корякского селения. Из лошадей, которых я отослал назад в Гижигу с каюром, шесть пало по дороге из-за метели, а шесть в Гижиге вскоре по прибытию туда.²²

²¹ Эта поездка оказалась очень удачной. Если бы я ждал в Гижиге установления зимней дороги, я бы потерял не только два месяца, но и возможность наблюдать осенние религиозные праздники, описанные в V главе I части издания (*The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1905. Vol. VI. Part I*), которые до этого были неизвестны.

²² *The Jesup North Pacific Expedition. Popular Account // The American Museum Journal. New York. 1903. Vol. 3. № 5.*

¹⁸ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 259.

¹⁹ Там же. С. 250.

²⁰ Дитмар К. Поездка... С. 427, 431, 483.

В связи со сказанным следует заметить, что преобладание в корме хвощей часто служит причиной эпизоотии среди далеко не избалованного скота северной Сибири. Но встречаются несколько весьма полезных разновидностей хвощей. Один вид (*Equisetum scirpoides* Mich) особенно нравится якутским лошадям, и на пастбищах, поросших этим хвощом, лошади жиреют в 2 или 3 недели. Осенью 1901 года по пути из Гижиги к Колыме мы встретили на истоках реки Гижиги огромное пастбище, поросшее этим хвощом, и наш якут попросил меня остановиться на день, чтобы дать возможность лошадям нагулять потерянное.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

В корякской стране встречается очень мало древесных пород. Есть два вида хвойных — восточносибирская лиственница (*Larix Dahurica* Turcz)²³ и карликовый кедровый стланик, или каменная сосна (*Pinus pumila* Pall), разновидность сибирского кедра (*Pinus cembra*). Семена его, маленькие съедобные орешки и шишки, такие же, как и у кедра, и отличаются только величиной. Доктор Слюнин указывает,²⁴ что на северном берегу Охотского моря можно изредка встретить сибирскую пихту (*Picea obovate* Led.), но я не замечал этого дерева в области Пенжинской и Гижигинской губ.

Из лиственничных деревьев растут следующие: три вида березы — белая (*Betula alba* L.), эрманова (*Betula Ermanii*) и карликовая (*B. nana*), душистый тополь (*Populus suaveola* Fisch.), осина (*Populus tremula* L.) и два вида ольхи (*Alnus incana* Wild. и *Alnoster fruticosus* L.). Кроме того, в речных долинах растут несколько разновидностей ивы, часто достигающей хорошего развития и высоты при толстом древовидном стволе.

В то время как почти во всех других местах Сибири, особенно на севере, хвойные древесные породы преобладают над лиственными, здесь, наоборот, растут, главным образом, вышеперечисленные лиственные деревья, дающие менее прочный материал для построек и хозяйственных целей и дающие меньше жара как топливо.

Корякская территория (северная часть Охотского побережья и Северная Камчатка) в отношении растительного покрова отличается от Сибири к западу от Станового хребта отсутствием хвойных деревьев, например сибирской ели, сосны и пихты (*Picea obovata* и *Picea Aianeasis*), которые встречаются в южной части Охотского побережья.²⁵ Северная ель, столь характерная для лесов юго-западной части Восточной Сибири, исчезает к северу от Олекминска, а Верхоянский хребет образует северную границу сосны и пихты. К востоку от Станового хребта ель пропадает около реки Уды, а сосна и пихта доходят на севере только до

Охотска. На Камчатке сибирская ель (*Abies Sibirica*) и пихта (*Picea Ajanensis*) растут только на юге, вдоль реки Камчатки и в Кроноцком заливе.²⁶

По распределению лиственницы и карликового кедра корякская территория существенно отличается от полярной области Сибири западнее Станового хребта. Там лиственница (*Larix Dahurica*) представляет собой дерево, образующее северную границу лесов, как американская пихта в Северной Америке; она же поднимается выше всех на горах; тополь и сосну мы находим там только в долинах рек далеко южнее полярной тундры; точно так же кедровый стланик (*Pinus pumila*) покрывает склоны гор у устьев или по среднему течению рек Яно-Колымской области, не уходя дальше на север. Здесь же на корякской территории границу древесной растительности (юго-восточную по направлению от Берингова до Охотского моря) образуют лиственные породы: тополь и осина, в то время как кедровый стланик встречается выше всех в горах.

Лиственница на корякской территории исчезает только на значительном расстоянии от границы лесной зоны. Обширные лиственничные рощи можно встретить еще на восточных склонах Станового хребта и у истоков рек и их притоков, текущих в Охотское море, таких как Наяхан, Вархалам, Гижига, Парень и Пенжина. На Вархаламе и Гижиге лиственница вместе с тополем и осиной встречается даже возле устьев, только на Гижиге ее мало, и она слаба и низкоросла. Эти деревья растут на обоих берегах реки почти правильными рядами, так что можно проследить ниже течение Гижиги по изгибам редких рядов деревьев, стоящих среди болотистой тундры. На расстоянии 80 миль вверх по течению Гижиги можно еще встретить большие лиственницы с хорошими стволами; я нашел там один ствол в 63 см диаметром. К востоку от нижнего течения Гижиги до берегов Берингова моря лиственницы нет.

Во время моей поездки от устья реки Пенжины на север в район Палпалского хребта я заметил в речных долинах большие тополевые и ольховые рощи, но лиственницы не встречал. К югу ее можно найти опять, по словам Дитмара, только в Южной Камчатке, на средней части Камчатского хребта, но даже и там до берега моря она не доходит, будучи со всех сторон окружена лиственными деревьями. Соседство Охотского и Берингова морей оказывается вообще неблагоприятным для древесной растительности, а в особенности для лиственницы, которая удаляется от них по направлению к Становому хребту во всех речных долинах Охотского моря.

Лиственница, которая в Верхоянске может терпеть холод в -70 градусов, не в состоянии переносить разрушающее влияние метелей и внезапное образование на стволах ледяных корок после пронизывающей сырости. По этой же причине тополь и осина исчезают на расстоянии 12—17 (и даже более) миль от морского берега. Встречаются они

²³ Сибирская лиственница (*Larix Sibirica*) встречается к западу от Енисея, Даурская же (*Larix Dahurica*) растет к востоку от него // Коржинский Прокопий. Растительность России // Брокгауз и Эфрон. Энциклопедия. СПб., 1899. Т. 27А. С. 45.

²⁴ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 306.

²⁵ Там же. С. 269.

²⁶ Крашенинников С. П. Описание... Т. 1. С. 44; Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 269; Дитмар К. Поездка... С. 765.

и ближе, но только если от морского влияния их защищают горы или высокие склоны речных долин.

Каменная сосна (кедровый стланик), растущая на возвышенностях и горных склонах, встречается здесь выше других деревьев; по моим наблюдениям, на Тайгоносском хребте она растет на уровне около 500 метров абсолютной высоты, в то время как лиственничные породы, тополь, осина и ольха остаются в долинах и ущельях далеко внизу. Надо, однако, добавить, что собственно на Становом хребте, даже на восточном его склоне, лиственница маркирует верхнюю границу лесной растительности.

В моем путевом дневнике отмечено, что на восточном склоне Станового хребта в долине верхнего течения реки Гижиги тополь и осина исчезают на высоте 515 метров; каменная сосна на высоте 540 метров и лиственница доходят до 585 метров.²⁷ Путешественники, посещавшие Сибирь, обыкновенно описывают каменную сосну как низкий ползучий кустарник. Слюнин говорит, что она не бывает выше метра.²⁸ В большинстве случаев это совершенно верно, но на Тайгоносском хребте и на высоком правом берегу реки Парень мы видели каменные сосны высотой в 6—7 метров со стволами диаметром в 40 см и больше. В некоторых местах деревья эти образовывали настоящий густой лес. Сидя верхом на лошади, мы могли доставать и срывать руками шишки, полные орехов, но только с нижних ветвей, и поэтому название «ползучий» или «карликовый» едва ли применимо к этим особым экземплярам каменной сосны.

Вообще же можно сказать, что территория коряков, в особенности в необитаемых местах близ морского берега или тундры, имеет очень скудную древесную растительность. Как мы уже видели, большие леса встречаются на восточном склоне и на отрогах Станового хребта — леса лиственничные или смешанные с хвойными породами. Далее к востоку леса держатся в пределах лесных долин, и на горных склонах и холмах иногда встречаются рощи. Чем ближе к Беринговому морю, тем лесов меньше. К востоку от Гижиги пространства между речными долинами представляют собой или безлесые участки тундры с редкими кустами жиденькой ивы, ольхи, березы, рябины, брусники и разбросанными между ними голыми островками, или горы, склоны которых поросли карликовым кедром.

Таким образом, западный склон Тайгоносского хребта, Парапольский Дол (переходящий на севере в равнинную тундру) и возвышенные тундры Палпалского плато представляют собой более или

²⁷ К этому интересно прибавить описание, данное Слюниным (том 1, с. 194), восточного склона Камчатского хребта, между реками Карагой и Дранкой, начиная с побережья и до вершины. Он говорит: «Сначала идет волнистая, влажная и безлесая тундра — оленная; за ней немного выше следует широкая полоса кедровой тундры, еще дальше по склонам гор — редкие заросли эрмановой березы; вершины гор пологи и безлесы». Из описания мы заключаем, что в этой местности на горах береза (*Betula Ermanii*) указывает верхнюю границу древесной растительности.

²⁸ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 306.

менее обширные тундры, покрытые мхом и годные для оленеводства. Устья рек и скалистый берег моря, где живут приморские коряки, покрыты травой, в которой встречаются некоторые злаки, между прочим колосняк (*Elymus mollis* Trin.), играющий значительную роль в корякском хозяйстве и достигающий иногда высоты человеческого роста. Здесь же на прибрежной полосе растут несколько разновидностей осоки, применяющейся при жертвенных церемониях, съедобный кипрей (*Epilobium angustifolium*), два вида крапивы (*Urtica dioica* и *angustifolia*), употребляемые для изготовления ниток, для плетения корзин, мешков и сетей. О других полезных растениях читатель может получить информацию в главах VIII и X.

Недостаток леса в устьях рек компенсируется плавником, приносимым весной в полоую воду с верхнего и среднего течения рек. В некоторых местах на берегах рек бревна образовали нагромождения в несколько метров высотой. Это большей частью разные лиственничные деревья: тополь, осина. Этот лес, конечно, не очень прочен для строительных целей; лодки, выдолбленные из тополя, служат не более трех лет. Точно так же тополевые бревна, поставленные столбами в подземных жилищах, приходится заменять новыми каждые несколько лет; а у юкагиров на Колыме, употреблявших для постройки растущую там в изобилии лиственницу, я видел бревенчатые избы и склады, насчитывающие сотни лет, причем бревна еще вполне прочные.

В устье Наяхана, Гижиги, Парени и отчасти Пенжины мы находим иногда лиственницу среди наносного леса, но дальше к востоку ее нет. По словам местных жителей, лиственницу можно найти в верхнем течении реки Пенжины, самой длинной из корякских рек. Унесенные полой водой стволы лиственницы часто выбрасываются на берег гораздо раньше, чем достигнут устья реки.

Агенты Русско-Американской компании, проводившие телефонную линию,²⁹ рубили для столбов вдоль реки Пенжины, около того места, где Оклан впадает в Пенжину, только осиновые и тополиные деревья. Олкторские коряки должны довольствоваться только лиственным лесом для своих построек, а у керексов совсем нет никакого леса, так как короткие речки их страны текут в совершенно безлесых берегах. Они не могут сжигать своих мертвецов, и их подземные жилища строятся из прутьев и обломков дерева, покрытых землей и снегом (см. главу IV). Мнение Кеннана,³⁰ что коряки строят свои дома из плавникового леса, на-

²⁹ Кеннан замечает, что лиственницу можно найти по реке Пенжине там, где агенты компании валили лес для телеграфных столбов. Более достоверная информация по этому вопросу Майделя (*Майдель Г. Путешествие...* Т. 1. С. 230, 575; Т. 2. С. 245, 247). По дороге из Маркова в Гижигинск он видел небольшое количество отдельных скрюченных лиственниц на Пенжине только около Пенжинского селения; затем по Гижиге вплоть до впадения в нее реки Черной он больше лиственницы не встречал. Во время моей поездки из Каменского на Палпал я повернул от Пенжины направо, не доезжая Гижигинска. По пути в речной долине я видел только тополя и осины, которые на Пенжине есть у самого устья.

³⁰ Kennan G. Tent-life in Siberia, and adventures among the Koriak and other tribes in Kamtchatka and Northern Asia.

несенного морем, совершенно ошибочно. Море приносит очень мало леса к берегам, которые слишком круты и скалисты, по крайней мере в заливах Охотского моря, чтобы способствовать накоплению на них плавника. Когда я проплывал в лодке от устья Гижиги к устью Наяхана (почти 100 миль), я видел очень мало леса на берегу; в маленьких заливах, где мы останавливались на отдых или спасались от непогоды, мы находили достаточно материала, чтобы сложить костер, но недостаточно для постройки. К тому же бревна были так разбиты и разломаны, что вряд ли годились как строительный материал.

Коряки пользуются для построек и для топлива лесом, который они находят на берегах рек. Бревна, выброшенные течением, образуют иногда груды высотой в несколько метров. Лес этот уносится сильным течением с верховьев рек весной, когда трогается лед. Лед верховьев рек, продвигаясь вниз по течению, напирает на еще не взломанный лед впереди и образует заторы, поднимающие уровень воды в реке и расширяющие ее русло. Когда стоящий еще лед не может сопротивляться движению сверху, он с треском взламывается, и глыбы его вырывают с корнями деревьев, растущие по берегам; быстрое течение уносит их и выбрасывает где-нибудь ниже, когда уровень воды понизится до обычного.

Часто бывает, что льдины отрывают от берега кусок земли с растущими на нем деревьями и уносят их в море. Мне приходилось видеть такие плавающие острова во время ледохода на реке Колыме. Груды бревен переносятся с места на место, и часто можно найти древесные стволы, путешествовавшие в течение нескольких лет от верховья до устья реки.

ФАУНА

С этнографической точки зрения нам интересны только те животные, которые имеют какое-нибудь отношение к человеческой деятельности. О них мы будем говорить подробнее в главах, посвященных домашним животным и промыслам. Здесь же ограничимся несколькими общими замечаниями.

Млекопитающие представлены очень небольшим числом видов.

Слюнин³¹ перечисляет 43 вида сухопутных млекопитающих в Охотско-Камчатском крае, но из их числа надо исключить те виды, которые водятся в южной части Охотского региона, а не на территории коряков, такие как барсук, куница, красный волк, лось, косуля, кабарга.

Морских млекопитающих Слюнин³² насчитывает 23 вида, но в это число включены морская корова (*Rutina borealis*), которая вымерла, и *El-*

chydris marina, которая теперь уже не встречается в корякских водах. Из 9 перечисленных Слюниным видов китов, может быть, еще только 4 встречаются теперь.

По словам профессора Аллена,³³ млекопитающие Восточной Сибири, включая и территорию коряков, на которой и была главным образом собрана экспедицией Джезупа зоологическая коллекция для Американского музея, являются исключительно общеполлярными типами, представители которых в более или менее дифференцированных формах встречаются и в Америке, и в Евразии. Родство видов boreальных млекопитающих, живущих на обоих материках, не вызывает сомнения, и родство это настолько близкое, что оно могло явиться только при существовании некогда моста, соединявшего эти два материка.

Едва ли нужно говорить, что виды рыб, которые ловят коряки, те же, что и у американских берегов Берингова моря, но они отличаются от видов рыб в полярных реках западнее Станового хребта. Там мы находим главным образом *Coregonidae*, идущих вверх по рекам из Ледовитого океана, тогда как в корякских водах наибольшее значение имеют *Salmonidae* (лососевые), в особенности род *Oncorhynchus*.

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ НА КУЛЬТУРУ

Из этого краткого описания природы региона видно, насколько тип его культуры зависит от окружающих условий. Вряд ли можно ожидать, что при таком климате образ жизни может быть существенно изменен. На далеком севере материальная культура зависит больше от градусов широты, чем от усилий человека. Земледелие невозможно, потому что почва не оттаивает до надлежащей глубины, она большей частью болотиста, и температура слишком низка для прорастания злаков.

В 1901 году в Гижиге было только 78 дней без мороза; период недостаточный для вызревания зерновых хлебов. В действительности время это еще короче, потому что рост злаков не начинается, а если начался, останавливается, пока температура не станет несколько выше точки замерзания; ботаники находят, что она должна быть обязательно выше +6° С.

Принимая во внимание скудность трав, огромные пространства, покрытые мхом, лишайниками и болотами, видим, что скотоводство как хозяйственное занятие также невозможно. Усилия русского правительства развить скотоводство среди обрусевших приморских коряков Камчатки и Охотского округа, т. е. южной части территории, большого успеха, как мы увидим впоследствии, не имели.

London, 1870. (Кеннан Дж. Степная жизнь в Сибири. Странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии. СПб., 1871).

³¹ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 2. С. 84—86.

³² Там же. С. 86.

³³ Allen J. W. Report on the Mammals collected in North-eastern Siberia by the Jesup North Pacific Expedition // Bulletin of the American Museum of Natural History. (New York). 1903.

Пушной промысел не может рассматриваться как средство для улучшения общего благосостояния туземцев, так как количество пушного зверя быстро уменьшается благодаря немилосердному истреблению, не говоря уже о том, что вся прибыль остается в руках хищников-торговцев.

Рыболовство и охота на морского зверя, как отмечено выше, возможны только летом, следовательно, долгой зимой население может рассчитывать исключительно на летние запасы.

Оленеводство находится до сих пор в самом первобытном виде, хотя оно и является более верным источником существования для кочевых оленных коряков, нежели охота и рыболовство для приморских. Тип оленеводческого хозяйства остается неизменным до сих пор, и полуторавековое общение с русской цивилизацией несколько не повлияло на него. Этот примитивный материальный быт коряков, почти не затронутый внешними влияниями, определяет и соответствующее состояние их духовной культуры.

II. КОРЯКСКОЕ ПЛЕМЯ

НАЗВАНИЕ «КОРЯК»

Сами себя этим именем коряки не называют, и точное происхождение этого слова неизвестно. Некоторые исследователи склонны связывать название *коряк* со словом *qoua'ni*, или *qora'ni*, означавшим «домашние олени». В. Г. Богораз думает, что казаки-завоеватели произвели его от слова *qora'ki*, взятого из юго-восточного корякского наречия и означающего «суший с оленями», оленевод.¹ С другой стороны, юкагиры называют коряков *kere'ki*, или *kere'ke* (множественное число *kere'kepul*). Вот почему трудно сказать, кто первым назвал это племя коряками. Остается заметить, что в языке юкагиров нет другого слова для обозначения коряков. Происхождение слова *ke'rek* также неизвестно. Кереки являются восточной ветвью приморских коряков, занимающих местность между мысом Ананнон* и мысом Барыкова, а название их заимствовано русскими у чукоц.^{**}

Что название коряки не выдуманно русскими, а было взято у соседних с коряками племен, вытекает, по-видимому, из следующих предположений. В прежние времена приморские жители составляли большую часть корякского племени; в то же время чуки, в особенности те, которые вошли в соприкосновение с русскими, принадлежали главным образом к ветви оленных, составляющих теперь семьдесят пять процентов всего племени.² Следовательно, русские имели большее основание называть «оленным народом» чукоц, чем коряков. В то же время ближайшими соседями кочевых оленных коряков, кроме чукоц, были, с одной стороны, юкагиры, живущие близ истоков реки Колымы, а с другой — камчадалы, среди которых не было кочевников. Если название коряков связано со словом *qora'ki* («суший с оленями»), то оно могло быть дано им камчадалами или юкагирами. Надо сказать, что юкагирское слово *kere'ke*, или *kere'ki*,

является, очевидно, тем же корякским словом *qora'ki*, в котором гласные «а» и «о» перешли в «е» согласно фонетическим законам юкагиров.^{3***}

Сравнивая слова, имеющие, по-видимому, отношение к образованию этого названия, можно прийти к заключению, что точным правописанием его было бы «кораки», принятое же в этнологии написание «коряки» связано, очевидно, с русифицированным произношением этого слова.

Сами коряки не имеют общего племенного названия, если не считать слов *voye'mtivolanu*, или *voye'mtivolu*, — «народ», «люди». Этим термином именуют себя как оленные, так и приморские коряки, и он соответствует чукотскому *ora'welat* («люди»). Приморские коряки называют себя *na'malan* (мн. ч. — *na'malu*), *ne'melan* (мн. ч. *ne'melu*) или *ni'milan* (мн. ч. *ni'milu*), смотря по различному произношению корякских наречий; так же называет их и оленная ветвь племени. Эти слова означают «житель селения» и происходят от *na'mnat*, *ne'mnet* или *ni'mnim* («жилище»).**** Приморские коряки называют себя также *ne'mnemkin voye'mtivolan* («человек из жилища»), или *a'nqalan* («приморский житель») от *a'nqa* «море».

По Стеллеру, оленные коряки — ближайшие соседи камчадалов, называли последних *namälän*, так как они были жителями подземных домов.⁴ Но, как мы видели раньше, это название значит просто «житель селения», и, очевидно, правописание Стеллера соответствует нашему *na'malan*. По Врангелю,⁵ чуки называли «намолло», или «онкилон» древних жителей подземных домов, найденных им на полярном побережье. Но мне кажется, что и эти имена являются не чем иным,

³ Jochelson W. Essay on the Grammer of the Yukaghir Language // Annals of the N.Y. Academy of Sciences. 1905. Vol. 7. № 2. P. 373 (Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. Л., 1934. Т. III).

⁴ Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern deren Sitten, Nohnen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt; Leipzig, 1774. P. 240.

⁵ Wrangel F. Narrative of the Expedition to the Polar Sea in the Years 1820, 1821, 1822 and 1823. London, 1840. P. 295, 333 (Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством Ф. П. Врангеля. СПб., 1841).

¹ Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1904. Vol. VII. Part I. P. 19 (Богораз В. Г. Чуки. Л., 1934. Т. 1. С. 8).

² Patkanov S. Essai d'une statistique et d'une geographie de peuples palaeasiatiques de la Sibirie. St. Petersburg, 1903. P. 66 (Патканов С. (ред.). Главнейшие данные по статистике населения Крайнего Востока Сибири. Приморская и Амурская области и остров Сахалин. СПб., 1903).

как неправильно переданными теми же чукотско-корякскими словами *na'malan* и *a'ñqalan*, означающими «житель селения» и «приморский житель».⁶

Оленных коряков, как и оленных чукчей, называют *ča'uṣu* (двойств. ч. *ča'uṣenet*, мн. ч. *ča'uṣenni*). Утверждение Крашенинникова,⁷ принятое после него и другими исследователями, включая Слюнина,⁸ что приморские коряки называют себя «чаучу», а оленные — «тумугуту», основано, очевидно, на недоразумении, потому что *ča'uṣu* значит «богатый оленями», а *tumu'gutu* (ед. ч. — *tu'mgin*) означает «товарищ», а также «родственники», «родные».

Чукча называет коряка *ta'nñitan*, а коряк, в свою очередь, так же называет чукчу, с той только разницей, что форма множественного числа у чукчей употребляется коряками как двойственное число. Форма множественного числа по-корякски будет *ta'nñi*. У чукчей нет двойственного числа. По объяснению коряков, слово это значит «воин». Любопытно, что на нижнеколымском наречии юкагиров чукчи называются *kude'je*, что также значит «воин».⁹

Отдельные подразделения оленных и приморских коряков дают себе и друг другу названия по местностям, смотря по месту кочевания, стране света или рекам, где находятся их селения. Например, оленные коряки полуострова Тайгонос называют себя *taigonotolu* («люди Тайгоноса») от русского слова Тайгонос.¹⁰ Жители селения Каменское называются *va'ikenalu* («люди Каменского») от *Va'ikenan*, корякского названия этого селения; жители поселка Наяхан называются *e'igivalu* («люди с запада») от *e'igival* (буквально «закат», «запад») корякского названия поселка. Гижигинские коряки называют камчатских коряков так же, как и камчадалов, *i'vtalalu* (ед. ч. *i'vtalan* или *i'vtalalan*), «нижние», «те, которые живут внизу». По устному сообщению Богораза, кереки так же называют приморских коряков, живущих южнее их.

⁶ Исходя из того факта, что у эскимосов Северо-Западной Америки мы находим тот же тип подземных домов, что и жилища, развалины которых были найдены вдоль арктических берегов от мыса Эрри или Шелагского до Берингова моря, Врангель приходит к заключению, что прежние жители арктического побережья были эскимосами. На том же основании Маркхам делает свои выводы относительно миграции эскимосов из Азии в Америку (*Markham*. On the Origin and Migrations of the Greenland Esquimaux // *Journal of the Royal Geographical Society* (London). 1865. Vol. XXXV. P. 87—99). Это предположение так же не основательно, как и предположение, что к одним эскимосам относятся названия, вообще даваемые чукчами, а также коряками народам, живущим в постоянных жилищах.*

⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 6.

⁸ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1. С. 376.

⁹ *Kude'je* — совместный клич («убивать вместе») от глагола *kude'de* («убивать»). *Kude'jepul* значит «товарищи-убийцы», «товарищи-бойцы», т. е. люди, которые убивают или сражаются вместе. В древние времена было естественным называть так племя, с которым постоянно велась война (см.: *Jochelson W.* Essay on the Grammar... P. 403).

¹⁰ Возможно, полуостров между Гижигинской и Пенжинской губами назван русскими Тайгоносом (от слов *тайга* и *нос* — мыс), благодаря лесам в его речных долинах, особенно тополевым лесам в долине реки Таловка.**

До сих пор разработана только очень небольшая часть антропологического материала, касающегося коряков, собранного экспедицией Джексона; но я воспользуюсь здесь некоторыми данными основных измерений коряков, сделанных Д. Л. Йохельсон-Бродской,¹¹ а также наблюдениями из антропологических записей экспедиции.

Коряки ниже среднего роста и даже, можно сказать, малорослы. Измерив 173 мужчины и 133 женщины, мы нашли, что средний рост мужчины 1596 мм (максимум 1700, минимум 1490 мм), а средний рост женщин 1491 мм (максимум 1610, минимум 1380 мм). Средний рост коряков Северной Камчатки (основанный на измерении 24 мужчин и 19 женщин) для мужчин 1620 мм (максимум 1710, минимум 1530 мм) и 1530 мм для женщин (максимум 1600, минимум 1430 мм).¹² Таким образом, мы можем считать камчатских коряков за людей ниже среднего роста, согласно общепринятой норме; но ввиду такого небольшого числа измерений не следует спешить с выводом. Тем более, что камчадалы, с которыми коряки до некоторой степени смешались, в среднем еще ниже. Измерения 63 камчадалов мужчин и 65 женщин дали средний рост мужчин 1601 мм (максимум 1740, минимум 1470 мм) и женщин 1496 мм (максимум 1600, минимум 1400 мм). Некоторым исследователям коряки казались наро-

¹¹ Я хочу сообщить, что антропометрическая работа моей партии экспедиции выполнялась Д. Л. Йохельсон-Бродской. С разрешения Ф. Боаса она обработала часть сибирского антропометрического материала экспедиции Джексона для своей диссертационной работы в Цюрихском университете Швейцарии. Эта работа была также опубликована в «Archiv für Anthropologie» (Jahrgang V, Neue Reihe, Heft 1, 2, 1906, p. 1—63) под заголовком «Zur Topographie des weiblichen Körpers nordostsibirischer Völker», а русский перевод работы был опубликован в Русском антропологическом журнале в Москве. Д. Л. Йохельсон-Бродская разработала следующие измерения и индексы: высота стоя, высота уха, длина головы, ширина головы, бизигоматическая ширина, анатомический индекс лица и высотнo-широтный индекс головы. Для сравнительных данных и специальных измерений женщин см. указанную выше работу.

¹² Все вышеприведенные числа относятся к мужчинам в возрасте 20—50 лет и женщинам 18—40 лет. Вообще измерено было больше 500 коряков (мужчин, женщин и детей), и эти измерения были первыми из когда-либо производившихся. Д-р Слюнин говорит, что все его попытки сделать измерения коряков были безуспешны. Он всегда встречал отказ (*Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 378). Мы же встретили нежелание подвергнуться измерениям только у оленных коряков Палпала и у некоторых приморских коряков селения Каменского. Не могу сказать, чтобы остальные шли на измерения с большой охотой, но их обыкновенно привлекали подарками, и они относились к процедуре с забавной любознательностью. В селении Парень молодежь, надев деревянные маски, пантомимой изображала весь процесс измерения (см.: *Jochelson W.* The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // *Memoirs of the American Museum of Natural History*. Leiden; New York, 1905. Vol. VI. Part I. P. 80 and Plate V, fig. 2, opp. P. 74). С помощью палочки и различных жестов один мужчина в маске снимал измерения с другого, изображая нас в комическом виде. Многие коряки спрашивали, зачем их измерять, и, как только старики соглашались, молодежь шла, не протестуя. Среди коряков Тайгоноса я был обязан своим успехом влиянию их старшины, живого и умного человека. Он уверял коряков, полусерьезно-полусерьезно, что их измерили, поскольку царь на будущий год собирается прислать им шапки, сапоги и одежду. Тем не менее сам он долго не соглашался быть измеренным.

дом рослым, вероятно, благодаря сильной конституции, а также оттого, что соседи коряков — ламуты и юкагиры — очень маленького роста. Среди коряков нет полных и жирных людей, какие встречаются среди богатых скотоводов якутов и бурят; но нет также тощих и дряхлых, как среди оленных всадников ламутов и тунгусов.

Вообще коряки сложены хорошо: у них хорошо развитый скелет, широкие плечи и крепкие мускулы. Среди приморских коряков часто встречаются стройные фигуры, например среди жителей селения Большая Иткана. В этом отношении впечатление от оленных коряков менее благоприятно — вид у них неуклюжий, сложение асимметричное и движения угловаты, но несмотря на это, они проворны и ловки в своих заботах о стаде. Вообще же, как правило, коряки медлительны, говорят они лениво, не спеша, исключая случаи, когда они возбуждены или раздражены.

Черепной индекс мужчин 80.3 (максимум 86, минимум 75), женщин — 80 (максимум 86, минимум 75). Наибольший процент падает на группу между 78 и 82. В среднем черепной индекс ниже, чем у племен монголо-тюркских.

Также ширина лица у коряков меньше, чем у племен монголо-тюркских. Средняя ширина лица мужчин 146.2 (максимум 160, минимум 132 мм), женщин — 139.5 мм (максимум 151, минимум 125 мм). Сделанные нами измерения якутов дают среднюю ширину лица мужчин 150 мм и женщин 142 мм. Лицо обыкновенно овальное, углы нижней челюсти сильно развиты, подбородок узкий. Некоторое число типов показано на рис. 2—5.

Преобладающий цвет волос у мужчин — черный; из 282 человек у 220 (78 %) волосы были черные, у 59 (20.9 %) — русые; у 2 (0.7 %) — светло-русые и 1 (0.3 %) был блондин. Преобладающий цвет волос женщин также черный, но процентное отношение гораздо ниже, нежели у мужчин. Из 185 женщин у 98 (53 %) волосы были черные, у 78 (42 %) — русые, у 8 (4.3 %) светло-русые и 1 (0.5 %) блондинка.¹³ Седые волосы очень редки: из 14 стариков в возрасте от 55 до 70 лет седыми были только 2. Плешивых не было ни одного в числе всех тех, которые были измерены; но мифы говорят, что среди коряков плешивые люди встречаются, только редко.¹⁴

Волосы всех 282 человек были прямы, а из 178 женщин у трех они были волнисты, у остальных прямые. В. Г. Богораз говорит, что волосы как чукчей, так и коряков часто волнисты и даже кудрявы, но это относится, по-видимому, к корякам Берингова моря; и мне говорили, что среди олюторских коряков встречаются люди с кудрявыми волосами, но у коряков тихоокеанского побережья, которых я видел, волосы были прямыми.

¹³ Хотя генеалогические сведения о блондинках показали, что их отцы и матери были коряками, все-таки можно предполагать, что тут есть примесь русской крови, тем более что глаза женщины светло-карие, а мужчины — серые, что вообще не встречается у коряков.

¹⁴ Некоторые мифы рассказывают, как Великий Ворон или другие люди становятся плешивыми, побыв некоторое время в желудке или заднем проходе человека или животного (см.: *Jochelson W. The Koryak... P. 34*).

Преобладающий цвет глаз — темно-карий. Из 257 осмотренных человек 189 (73.5 %) были с темно-кариими глазами, 62 (24.2 %) с светло-кариими, 4 (1.5 %) с черными и 2 (0.7 %) с серыми. Из 166 женщин у 151 (90.9 %) были темно-карие глаза, у 12 (7.2 %) светло-карие и у 3 (1.8 %) — черные. Таким образом, мы видим, что число мужчин с темными глазами меньше числа женщин с такими же глазами, а черноволосые женщины малочисленнее черноволосых мужчин. Среди мужчин большой процент людей с более светлыми глазами.

Форма глаз у коряков не резко монгольского типа, но она все таки узкая, внешние углы приподняты, верхняя складка развита, но разрез глаз шире, чем монгольский. Нижнее веко редко образует прямую линию, что делает монгольский глаз узким; за редким исключением оно изогнуто. Складка верхнего века развита только слегка, и бывают примеры широко открытых глаз, как у кавказской расы.

Брови коряков не составляют прямой линии или дуги. Обыкновенно они растут неправильно, образуя широкую несимметричную линию, и сходятся над переносицей. Это придает лицу выражение строгости; издали брови кажутся густыми и тяжелыми. Ресницы очень редки и едва заметны.

Измерения носа пока еще не обработаны, и я могу только сказать, что он умеренной ширины, в профиль приплюснут сверху и прям книзу. У мужчин переносица выше, нос длиннее и ноздри не так часто вывернуты кверху, как у женщин. У этих последних короткий нос с низкой переносицей часто производит впечатление плоского монгольского лица. Выдающийся нос с высокой переносицей чаще встречается у мужчин, чем у женщин, но я никогда не видел носа с горбинкой.

Растительность на лице очень скудна. Все цифры, касающиеся этого вопроса, взяты мною из измерительных записей, так как рассказы по памяти, основанные на личных впечатлениях, могут легко ввести в заблуждение.

Из 185 человек старше двадцати лет 66 (35.7 %) не имели никакой растительности на лице, 32 (17.3 %) уничтожали ее бритьём, срезали ножом или просто выщипывали; 37 (20 %) снимали баки, оставляя усы, и 13 (7 %) имели и усы, и баки. На усах волосы обыкновенно редки, коротки и прямы, и трудно найти длинные, густые усы. Возраст к усам и бакам отношения не имеет: молодые часто носят усы, а старики их выдергивают. Вообще же волосы появляются на лице достаточно поздно. Более половины людей без всякой растительности на лице были в возрасте 20—25 лет, и у некоторых еще может вырасти борода.

Дожив до сорока лет, мужчина обыкновенно отпускает бороду, хотя из стариков, упомянутых в наших записях, как имевших седые волосы (одному, говорят, было 60 лет, а другому — 70), только двое носили усы, а бакенбарды обыкновенно выщипывали. Борода представляет собой вообще короткую и скудную растительность на подбородке, хотя иногда бывают случайные пучки волос и на щеках. Только одного коряка в Пенжинской губе, старика из селения Мамэч, видел я с более

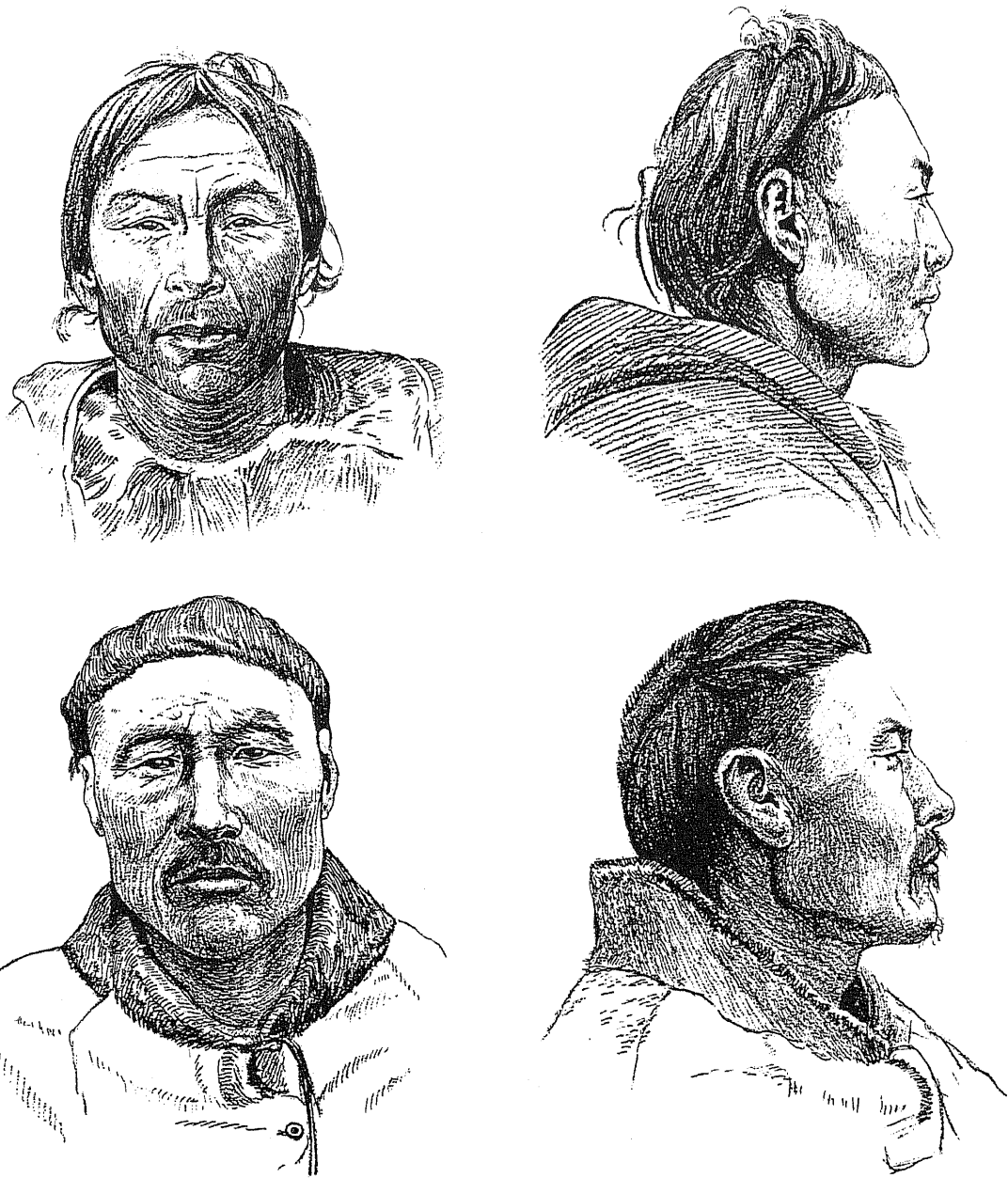

Рис. 2. Типы мужчин-коряков.

или менее густой, круглой бородой, но он произвел на меня впечатление русско-коряцкого метиса. Я слышал, что растительность на лицах олюторских коряков более обильна, но те, которых я видел, ничем в этом отношении не отличались от пенжинских коряков.¹⁵

Без хроматических таблиц, которых у нас не было, совершенно невозможно точно определить оттенки цвета кожи, так что об этом мы можем говорить только приблизительно.

¹⁵ Интересно отметить, что в своем донесении завоеватель Камчатки Атласов характеризует коряков как людей бородатых. Б. Гамильтон и А. Джонс (Visit to Karakinski Island, Kamchatka // Geographical Journal (London). 1898. Vol. XII. P. 290) говорят, что некоторые из жителей селения Карага были с бородами, и считают это признаком примеси русской крови.

Характерный цвет кожи коряков представляет гамму бронзового цвета, начиная с светло-коричневого до медно-красного и тускло-коричневого, причем он темнее на открытых местах. Кожа женщин немного более светлого оттенка. Цвет кожи коряков от их соседей тунгусов и русских отличить очень легко. Мне кажется, что кожа коряков совершенно лишена желтого пигмента тунгусской кожи, а также белого — русской; тунгусы показались мне белыми по сравнению с коряками.

Мне пришлось наблюдать очень интересную иллюстрацию этого факта. Летом 1901 года я был у устья реки Авековой, где охотились и рыбачили несколько тунгусских и коряцких семей. Однажды я присутствовал при борьбе двух мальчиков, тунгуса и коряка. Тела их были обнажены до пояса, и я был поражен белизной тела тунгуса сравнительно с коряком.

Рис. 3. Типы коряков мужчин и женщин.

Меня часто поражал светлый цвет кожи тунгусов (по крайней мере северных представителей тех племен, с которыми я приходил в соприкосновение), в особенности их женщин и детей. Когда я стал ближе рассматривать их кожу и сравнивать ее с кожей моей и моих товарищей по путешествию, европейцев, я увидел, что кожа тунгусов собственно светло-желтая (цвет лимонной корки) или даже немного светлее, а у нас, северных европейцев, она иссиня-молочная или розово-белая.

При определении цвета лица особенно вводит в заблуждение яркий румянец, так часто встречающийся у молодых тунгусских женщин. Большая часть северных тунгусов, виденных мною, были темно-желтого или тускло-землистого оттенка.

Вышеприведенное описание цвета кожи коряков настолько точно, насколько это можно сделать без таблиц.

Чукчи, камчадалы, тунгусы, русские, якуты, чуванцы и юкагиры — вот племена, с которыми

коряки смешивались прежде посредством браков, что, впрочем, они продолжают делать и теперь. Оленные коряки Палпала, на южной границе чукотской территории, часто женятся на чукчанках, и наоборот. В Северной Камчатке приморские коряки и камчадалы давно вступали в браки между собой; также в старые времена коряки на границе древней тунгусо-корякской территории, близ Тауйска, несомненно смешивались с тунгусами. В последние времена оленные коряки с Гижиги и реки Вархалам брали в жены тунгусских женщин, а тунгусы — корячек. С конца восемнадцатого столетия некоторые обрусевшие приморские коряки из селений Ямск и Туманское на Охотском побережье начали вступать в браки с якутами. Полукровных русско-коряков можно найти в обрусевших селениях Наяхан, Ямск и Туманское и в русских поселках этой местности.

Коряки смешивались с чуванцами и юкагирами в то время, когда они вели с ними войны и брали их женщин в плен.

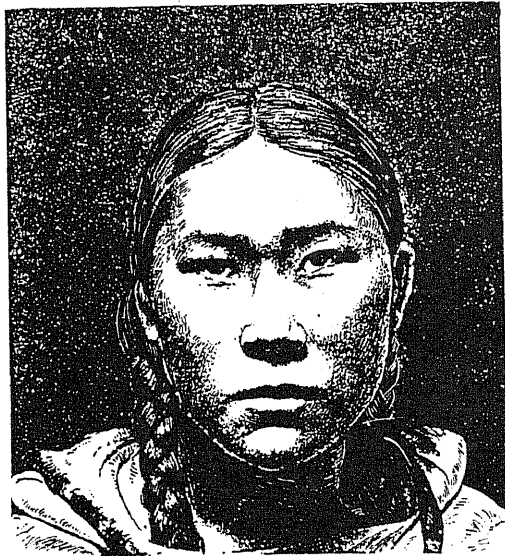

Рис. 4. Типы женщин-корячек.

СМЕРТНОСТЬ, ПЛОДОВИТОСТЬ, ПРЕДЕЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ

Чтобы иметь представление о смертности среди корякских детей, я выписывал сведения о живых и усопших детях тех женщин, измерения которых мы делали. Из 278 родившихся 160 детей были живы, а 118 умерло (42 %).¹⁶ Возраст умерших детей не указан, но так как половина матерей еще не достигли тридцати лет, то дети должны были быть еще очень малы, когда умирали. У коряков, как и везде, невыживающие дети умирают обычно в течение первого года жизни. Это может служить объяснением корякского поверья, что детские души робки, а потому больше подвержены нападением злых духов, чем взрослые. По этой же причине дети ставятся под особое покровительство домашних богов.¹⁷ Несмотря на это, детская смертность громадна по сравнению с таковой у народов культурных. Это тем более замечательно, что корякские женщины сами кормят своих детей и

нередко продолжают это, пока ребенок не достигнет трех лет. Как хорошо известно, в цивилизованных странах большая смертность детей в первый год жизни связана с искусственным кормлением. Следует указать, что мои сведения взяты вскоре после эпидемии кори, которая оказалась роковой для детей всех возрастов. Смертность детей одинакова как среди оленных, так и приморских коряков; разделив вышеприведенное число людей на две группы, согласно их происхождению, я получил одинаковый коэффициент смертности для обеих. Очевидно, что различный образ жизни этих двух групп не имеет влияния на детскую смертность.

Для исследования вопроса о плодовитости женщин я выбрал из их числа всех старше 39 лет. Корякские женщины стареют рано, и в большинстве случаев сорок лет можно считать предельным возрастом их производительности. Таким образом, я нашел, что двадцать две женщины в возрасте старше сорока лет имели больше 120 детей; у одной из них был один ребенок; у пяти было по 3, у четырех по 4, у троих по 5, у двух по 6, у одной 7, у трех по 8, у одной 9, у одной 10 и

¹⁶ Мертворожденные и выкидыши в счет не идут.

¹⁷ См.: Jochelson W. The Koryak... P.101.

Рис. 5. Корякские дети.

еще у одной 11. Предположив, что все эти женщины не могут более рожать (чего, очевидно, с уверенностью сказать нельзя), мы получим в среднем 5.6 рождений живых детей на каждую женщину, что дает значительный коэффициент женской плодовитости.

Из всего числа женщин, измерения которых были взяты, 13 никогда не рожали детей, но часть из них была женами двоеженцев, обе жены которых были бесплодны, и в этом случае виновником бесплодия мог быть муж [IV].

Рассказы некоторых исследователей о предельном возрасте коряков очень преувеличены. Мы могли только приблизительно определить возраст коряков, судя по их внешности, так как сами они его не знают.

Разговаривая со стариками, мы старались вызвать воспоминание о каком-либо случае из их детства или другого периода их жизни, оставившего след в их памяти. Мы старались узнать, кто был начальником округа ко времени женитьбы данного лица; но в большинстве случаев воспоминания коряка о событиях его жизни крайне спутаны.

Составляя свои записи, мы нашли только 13 человек из 284, которым мы могли дать больше 55 лет, и только одного очень старого оленного коряка. Судя по воспоминаниям его детей, ему было не меньше 70 лет, а может быть, и больше. Он уже не был в состоянии управлять оленями, и его привез к нам один из его внуков. Старухи встречаются еще реже, чем старики.

На основании всех этих цифр трудно дать определенный ответ на вопрос о том, увеличивается или уменьшается общая численность коряков. Вообще говоря, в промежутках между эпидемиями и голодовками число коряков в настоящее время увеличивается; эпидемии же часто уносят прирост за много лет. Численность населения некоторых корякских селений, русифицированных прежде или подвергшихся русификации теперь, заметно уменьшается.

Нет оснований предполагать, что число оленных коряков уменьшается, разве за некоторыми исключениями. Они меньше, чем приморские коряки, приходят в соприкосновение с русскими и вообще с цивилизацией, более обеспечены средствами к

существованию, а следовательно, в большей степени сохранили свою первозданную энергию, столь необходимую в борьбе с превратностями полярной жизни. Многочисленны коряки не были и в прежние времена: то, что теперь делают занесенные русскими болезни, делали прежде войны и голодовки.

В настоящее время корякское племя в целом самое здоровое после чукчей из всех племен Северо-Восточной Сибири. О влиянии на них цивилизации я буду говорить в отдельной главе.

ЧУВСТВА

Коряки по запаху отличают людей своего племени от других. Так, например, они не выносят запахов русского дома или тунгусского чума. Могут сказать, впрочем, и про себя самого, что после многолетних сношений с разными сибирскими племенами я мог различать характерный запах юкагира, тунгуса или якута.

Зрение у них очень острое. Они различают предметы и узнают людей на таком расстоянии, на котором я не могу ничего увидеть. Близорукость у них встречается очень редко; вряд ли среди них можно встретить человека, щурящего глаза, что так характерно для близоруких. Надо сказать, что я все-таки видел двух-трех близоруких, и эти люди чувствовали себя беспомощными: они не выходили на охоту и не правили передовыми нартами.

Коряки не любят ничего соленого и горького. Юкагиры, якуты и тунгусы часто приходили к нам за солью, коряки же не чувствуют в ней потребности. Те, кому я дал попробовать горчицы, долго плевались после нее.

Они очень любят сухари, но многие предпочитают свежий черный ржаной хлеб, который пекут тамашние русские и который я возил с собой в мешках замороженным. Перед едой этот хлеб ставят у огня, чтобы он оттаял. Кислый и острый запах гниющей рыбы и разлагающегося мяса, по видимому, очень приятен коряку.

Они очень любят все сладкое, и сахар в большом спросе как предмет обмена; они сравнивают вкус сахара с оленьим салом и костным мозгом.

Коряки любят жир во всех видах, как, например, рыбий жир, оленье сало, ворвань морского зверя и сало других животных, но они не могут есть его в таком количестве, как якут поедает топленое масло. Чрезмерное потребление жира ларги вызывает рвоту; кроме того, многие не выносят запаха ворвани кольчатого тюленя (акибы).

Коряки различают следующие цвета: черный и темно-синий (называется одинаково *ni'uqen*), белый (*ne'lhaqen*), красный (*naye'zeqen*), зеленый, голубой и кофейный (*nota'lhayeqen*) и желтый (*mali'zeqen*). Когда им показывают (например, на ситце) различные цвета, промежуточные вышеименованным, то они причисляют их к тому или иному из знакомых им. Красный считается самым лучшим, и краснощекие лица самыми красивыми. Мягкие светло-русые волосы и карие глаза ценятся как признаки женской красоты; черные жесткие

волосы и темные глаза рассматриваются как признаки плохого характера у женщины.

ЧИСТОПЛОТНОСТЬ

Чистоплотным народом коряков считать ни в коем случае нельзя. Они никогда не моются, кроме исключительно редких случаев, и то только благодаря некоторому культурному влиянию русских. Лица детей и стариков покрыты слоем грязи и копоти, смешанных с жиром, так что трудно определить естественный цвет кожи. Только женщины и девушки умывались перед тем, как идти к нам на измерение. Выделения из носа — обычное украшение корякских детей, и взрослые часто не отстают от них в этом отношении.

Котлы, в которых варится пища, полны оленьей и собачей шерсти, которая падает с одежды и носится в воздухе корякского жилища. Коряки дают вшей зубами и смотрят на них как на непрременную принадлежность здорового человека. Так же, как и юкагиры, коряки верят, что если вши покидают человека, то он скоро умрет. Они едят также большие личинки, развивающиеся из яиц, отложенных оводом в оленьей шкуре. Как бы ни была испорчена пища, коряку это не противно, и они могут пить мочу людей, опьяневших от настойки мухоморов.

БОЛЕЗНИ

Из болезней незаразных чаще всего встречаются расстройства органов пищеварения, вызванные неправильным питанием и употреблением испорченных рыбы и мяса. Жалобы на боль в животе очень часты, а приморские коряки особенно страдают от ленточного глиста. Вследствие неопрятности очень распространены болезни кожи: лишай, чесотка и другие.

Также часто встречаются болезни глаз, например воспаление век или болезни роговой оболочки, что следует приписать действию дыма в подземных жилищах приморских коряков и отраженного от снега от снега весной. Часто встречаются люди, страдающие катарактой и конъюнктивитом, но случаев слепоты я видел только три и все у людей среднего возраста. Из отчета доктора Успенского, посетившего в 1884 году некоторые селения и кочевья коряков, видно, что в семидесяти домах, осмотренных им, он нашел четырнадцать человек, страдавших катарактой,¹⁸ что составляет большой процент.

Нервным болезням коряки не подвержены в той степени, как другие полярные народы, хотя некоторые страдают симптомами двух видов нервозности, так часто встречающейся в полярных странах. Эти два вида широко распространены в полярных странах среди юкагиров, тунгусов, якутов, а также среди русских переселенцев. Они общеизвестны под якутским названием «меряк» и «мэнэрик», однако на всех языках арктических племен су-

¹⁸ Извлечено из гижигинского правительственного архива.

ществуют специфические названия не только этих видов болезней, но также и их разнообразных симптомов.¹⁹ Очень может быть, что эти два вида нервного страдания лишь симптоматическое проявление арктической истерии.

Меряк — род истерического припадка с некоторыми особенностями. В серьезных случаях он проявляется в виде эпилептического и каталептического припадка. На слабые случаи мэнэрика указывают чрезвычайная раздражительность, вздрагивание при малейшем неожиданном шуме, сопровождающееся непристойными восклицаниями, такими как упоминание мужских и женских половых органов или замечания, касающиеся их. В серьезных случаях больные теряют силу воли и очень легко поддаются внешнему влиянию; на самом деле про них можно сказать, что они загипнотизированы, не будучи усыплены. Подобные люди повторяют слова и действия другого и готовы делать все, что бы те ни приказали. В таком состоянии они способны повторять речи на иностранном языке или выполнять трудные, опасные и непристойные вещи.

Например, больная старуха способна плясать до полного изнеможения, побужденная к этому одним лишь видом пляшущей молодежи, или прыгнуть через овраг, броситься в реку или в огонь по приказанию какого-нибудь шутника; если ее вовремя не остановить, то она может серьезно повредить себе или даже убиться. Беспутная молодежь поднимает на смех женщин, одержимых этой болезнью, заставляя их делать разные непристойные вещи, издеваясь над ними. Женщины особенно подвержены обоим видам арктической истерии, молодые и девушки страдают от меряка, а достигшие среднего возраста — от мэнэрика.

В редких случаях и мужчины страдают нервными припадками, в особенности шаманы. Мне пришлось несколько раз наблюдать различные признаки арктической истерии у вышеперечисленных народов, но я ни разу не видел меряка у коряков. Мне говорили, что у женщин, в особенности у оленных коряков, часто бывали нервные припадки, сопровождающиеся судорогами и каталепсией.

На мои расспросы о мэнэрике коряки рассказывали мне, что несколько времени тому назад эта болезнь была более распространена, чем теперь, и что в настоящее время есть женщины, страдающие болезнью, называемой по-корякски *me'neiti* («пугать»), которая проявляется особенной пугливостью. Впоследствии мне удалось наблюдать два случая легкого мэнэрика. Первый был у молодой девушки в Куэле, которая, когда я уронил чашку, вздрогнула и воскликнула: «*Rakuka!*» («*vulva*»)²⁰. Подобные восклицания, связанные тесно с испугом, сами по себе являются симптомом болезни. Видел я двух действительно безумных людей: один

был слабоумный, другой же, в селении Каменском, был буйный, и его часто сажали на цепь. Однажды он насильно отнял еду у моего казака и переводчика; другой раз украл у меня топор и спрятал его. После этого коряки увели его в другое селение.

Людей, потребляющих мухоморы, можно узнать по их наружности. У них можно заметить подергивание лица даже когда они в нормальном состоянии; вид у них растерянный и походка неровная.

Заразные болезни и эпидемии находят благоприятную почву как у коряков, так и у других племен Сибири. Даже корь, которая в странах цивилизованных обычно ограничивается детьми и сравнительно безвредна, уносит много взрослых среди коряков.

Оспа и корь появились у коряков после того, как они пришли в соприкосновение с русскими. Говорят, что оспа появилась впервые на охотско-камчатской территории около 1767 года. С тех пор случилось несколько эпидемий. Зараза распространилась от Якутска до реки Колымы, но так как сношения основной массы корякского народа с русскими не были очень часты до последнего времени, то в глубине корякской территории оспа не свирепствовала так, как среди других племен. Последняя эпидемия была в 1895 году. Она пришла со стороны Колымы и вызвала многочисленные жертвы у чукчей северной тундры. Коряки мало пострадали от нее.

Не менее роковые последствия имеют и эпидемии кори. Последнюю занесли к корякам с Камчатки в 1899 году. В некоторых случаях опустошения, наносимые ею, были так велики, что треть населения погибала. Например, судя по моим семейным спискам, девяносто семь человек оленных коряков умерло от кори на полуострове Тайгоносе.²¹ Данные переписи 1897 года показывают, что на полуострове Тайгонос до эпидемии было в целом 297 человек, подсчет, сделанный после эпидемии, дает цифру 318 человек.²²

Как чукчи, так и коряки называют сифилис «чуванской» или «юкагирской болезнью» (*atal* или

¹⁹ Более полное описание этих болезней будет дано в моей работе о юкагирах.*

²⁰ В одной из сказок *Kilu'*, невестка Великого Ворона, от испуга вздрогнула и воскликнула: «*Toiakana'pali!*» («Penis висит!»), «*Urakana'pali!*» («*Vulva* висит!»). Очевидно, симптомы арктической истерии известны корякам издавна (*Jochelson W. The Korjak... P. 247. № 80*).

²¹ Чтобы дать некоторое представление об опустошениях, произведенных корью в 1900 году, я приведу здесь рассказ, слышанный мною от одного молодого коряка, работавшего пастухом у богатой вдовы, сестры тайгоносского старшины: «Наша яранга стояла одна на берегу реки Авековой. Нас было десять. Мы все заболели и едва могли выползти наружу. Скоро один за другим начали умирать. Другой пастух и я, оба больные, отвезли мертвых, чтобы их похоронить. Наконец, этот пастух тоже умер. Нас осталось трое: хозяйка, еще одна женщина и я. Скоро женщина умерла. Я один оттащил ее немного от нашей яранги, но я не мог сжечь ее, так как не было сил набрать дров. Я положил труп на снег, убил оленя, на котором привез ее, и положил его рядом с ней. Потом я нарвал ольховых веток, закрыл ими трупы и придавил их сверху нартами. В это время была страшная пурга. Когда я вернулся домой, я увидел, что яранга завалилась, и хозяйка лежала под вывернутыми колыями. Одна она не могла справиться с сильным ветром и укрепить падающую ярангу, я вытащил ее из-под яранги, и с трудом мы вместе поставили ее опять, как могли. Мы двое только выздоровели. После этого я бродил несколько дней, собирая стадо, которое разбилось во все стороны». Летом 1901 года я послал этого пастуха с моим казаком найти череп женщины, которая не была сожжена, но они не могли его найти. Вероятно, медведи утащили труп.

²² О разнице в цифрах 297 и 318 см. в главе III.

etel va'irgin),²³ по-видимому, потому, что этими племенами сифилис был занесен к корякам от русских. Жители Парени называют его также *tagi'ta*. Во время наших поездок мы часто встречали сифилитиков среди оленных коряков, а также в поселениях приморских коряков, но это все были случаи третичного периода или наследственного сифилиса. Следующие интересные цифры я взял из донесения 1884 года доктора Успенского.

Сифилис развился в Гижигинской округе особенно в 70-х годах прошлого столетия. Тогда правительство устроило в Гижигинске специальную больницу для сифилитиков, и коряки шли охотно туда лечиться. В 1880 году больница была закрыта, и сифилис стал сильнее распространяться.

Инспектируя в 1884 году корякские селения на западном берегу Пенжинской губы, доктор Успенский нашел в 91 доме 42 человека больных сифилисом; у тайгоносских коряков — 19 зараженных в 9 стойбищах, а у оленных коряков Апуки на Палпале — 16 человек в 10 стойбищах. Среди олюторских коряков он не нашел ни одного больного, так что этот уголок Тихоокеанского побережья пока не тронут болезнью.

Среди русских по той или иной причине преобладает мнение, что присутствием сифилиса коряки обязаны морякам американских китобойных судов. Таково было мнение окружного начальника²⁴ и доктора Успенского, высказанное в вышеупомянутом донесении. В подтверждение своего мнения доктор Успенский указывает на то, что среди коряков близ Гижиги он нашел множество случаев сифилиса в его заразном периоде, а поголовный осмотр казаков Гижиги и их семейств показал, что из ста человек у пяти были следы прежней венерической болезни, но не в заразной форме.

Доктор Слюнин тоже говорит, что некоторые селения вдоль Охотского моря, такие как Ямск (обрусевшие коряки) и Армань (тунгусы), часто посещавшиеся американскими китобоями, пользуются плохой репутацией.²⁵ Дж. Кеннан тоже думает, что сифилис занесен к корякам Пенжинской губы американскими китобоями.²⁶ Я не думаю, однако, что коряки составляют исключение среди сибирских народностей. Все племена Северо-Восточной Сибири, включая и чукчей, и камчадалов, получили сифилис от русских задолго до появления американских китобоев в Беринговом и Охотском морях. Известно, например, что среди камчадалов сифилис широко распространился после приезда в 1799 году в Петропавловск пехотного батальона под командой генерал-майора Сомова.²⁷

²³ *Atal* или *etel*, как произносят коряки-паренцы, называют чванцев, а также юкагиров.

²⁴ В Гижигинском архиве за 1884 год, дело 1094.

²⁵ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 522.

²⁶ Kennan G. Tent-life in Siberia and adventures among the Koriak and other tribes in Kamtchatka and Northern Asia. London, 1870. P. 233.

²⁷ После первого посещения Петропавловска иностранными судами — именно английской экспедицией капитана Кука, убитого незадолго до этого посещения, и французской экспедицией мореплавателя Ла-Перуза, русское правительство сочло необходимым ввести в Петропавловске военную администрацию.

Есть еще одна интересная черта в связи с появлением сифилиса среди коряков. Как мы увидим дальше в главе о семейном быте, половые отношения коряков, в сравнении с их соседями, замечательно строги для первобытного народа. Это делает возможность заражения через половые сношения крайне редкой. Вероятно, зараза распространилась просто контактным путем, благодаря отсутствию у них брезгливости при еде того, что откусано другими, и непомерной грязи, царящей среди них.

Проказы, так сильно распространенной среди якутов, совсем нет у коряков. Слюнин говорит, что камчадалы также не подвержены ей. Якуты, русские иммигранты, камчадалско-русские и камчадалско-якутские метисы, и в некоторой степени тунгусы ей подвержены.²⁸ Лично я не встретил ни одного случая проказы у тунгусов.

Время от времени появляется среди коряков и всякий раз уносит несколько десятков жертв заразная болезнь вроде гриппа в его длительной и тяжелой форме со многими осложнениями. Болезнь эта занесена русскими. Во времени моего приезда в Гижигу (в августе 1900 года) почти все русское население, включая казаков, лежало в гриппе.

Целебные средства, употребляемые камчадалами, не в ходу у коряков. В случае болезни они прибегают к шаманству, семейным талисманам и заговорам. Они охотно обращаются к помощи русских врачей или путешественников, которых считают шаманами, и с удовольствием принимают лекарства. Раны удивительно быстро заживают, если их перевязывать и прикладывать антисептические средства. Обыкновенно коряки оставляют раны открытыми, потому что у них нет необходимых перевязочных средств. Часто они прикладывают к ранам заячью шерсть, но волосинки прилипают, набивается грязь, и удивительно, как вообще раны могут заживать при подобных условиях. Применяя подходящие перевязки, мы часто заживляли в несколько дней язвы, порезы и раны, от которых до этого страдали целыми месяцами.

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Мнения путешественников относительно психологии и моральных качеств коряков крайне противоречивы.

Крашенинников говорит о коряках: «Все вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердные люди», в другом месте у него же говорится: «...у коряков сии особливые от камчадалов добродетели, что они правдивы и трудолюбивы, знают стыд». На этой же странице он говорит, что «сидячие коряки гораздо сильнее оленных и отважнее».²⁹

Дитмар говорит, что коряки добродушны, честны, щепетильны, правдивы и не знают обмана. Но если кто-нибудь затронет их чувство чести или обидит их, то гнев их продолжителен и они стара-

²⁸ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 529.

²⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 202, 203.

ются отомстить. В другом месте Дитмар говорит относительно жителей Парени и Каменского, что они по природе беспокойны и воинственны или, скорее, что у них разбойничий нрав, что создает им много врагов, и что кочующие коряки посещают их только в случае крайней необходимости. С другой стороны, тот же Дитмар говорит, что оленные коряки такой честный, прямодушный народ, что ему хотелось бы, чтобы деморализующее влияние цивилизации не коснулось их чистой патриархальной жизни.³⁰

Майдель, наоборот, считал коряков народом коварным, принесшим много вреда русским своей мнимой покорностью и своими предательскими бунтами.³¹

Слюнин говорит о приморских коряках, что они «развитей, восприимчивей... более нравственны и общительнее в обращении», чем оленные, но «хлебосольством не славятся», тогда как «гостеприимство и помощь нуждающемуся составляют отличительную черту бродячего коряка».³²

Кеннан тоже хвалит оленных коряков за честность и гостеприимство, а картина нравов приморских коряков, которую он рисует, далеко не привлекательна. Они, — говорит Кеннан, — жестоки, грубы по природе, дерзки со всеми, мстительны, нечестны и лживы. Оседлые коряки Пенжинской губы, по мнению Кеннана, самые грубые и низкие из туземцев всей Северо-Восточной Сибири; народ, доставляющий беспокойства больше, чем все жители Сибири и Камчатки, взятые вместе.³³

Лично я думаю, что главные черты характера у приморских и у оленных коряков одинаковы. Они горды, независимы, склонны прихвастнуть, страсти их возбуждаются легко, они чувствительны к обиде и стараются отомстить всеми возможными средствами. Они гостеприимны и общительны с людьми, которым они доверяют, но не скрывают своей неприязни к людям, которые недружелюбно относятся к ним или почему-либо не заслужили их расположения. Они не боятся смерти, и ничто не может их испугать. Самоубийства случались у них часто, бывают и теперь, так же как и у чукчей; причиной могут быть смерть родственника, ссора, гнев.

Благодаря этим чертам характера в прежние времена ссоры и недоразумения среди коряков в своем кругу или между ними и другими племенами кончались кровопролитием. Теперь нравы коряков стали несколько мягче, но при сношении с ними надо всегда иметь в виду их упрямство, суровость и бесстрашие.

Коряки вместе с чукчами — единственное племя Сибири, которое всегда держалось с русской

администрацией совершенно независимо. Обрусевшие крещеные коряки Охотской округи и Северной Камчатки составляют исключение из этого правила. У них такой же жалкий и смиренный вид, как у камчадалов, юкагиров и тунгусов, и они покорно исполняли все приказания казаков и вообще русских. Очевидно, перемену в первоизданном характере этой ветви коряков произвел процесс русификации в соединении с двухвековым гнетом русских властей.

Во время покорения коряков в селениях и стойбищах взрослые коряки, не будучи в силах сопротивляться наступавшим русским, часто убивали своих собак и оленей, своих женщин и детей и, наконец, самих себя, если не могли спастись бегством. Такое положение вещей обескураживало даже победителей. Подобные случаи дикого самоистребления в борьбе за свободу бывали и позднее, когда русские подавляли корякские восстания. Причиной этих восстаний было взимание ясака или требование заложников. Коряки отказывались исполнять эти требования, хотя другие сибирские племена, кроме чукчей, подчинялись русским.

Вернее, коряки в общем не были против ясака, считая его подарками царю, но вымогательства казаков и чиновников, требовавших помимо ясака еще мехов и услуг для себя, были противны чувству справедливости коряка и его любви к свободе. Мятежный дух коряков не был уничтожен с подавлением восстаний.³⁴

Один старик из селения Каменское рассказывал мне, что он ребенком помнит, как русские купцы приезжали торговать в сопровождении казаков и как, боясь нападения, они останавливались, не доезжая селения. Торг начинался только тогда, когда коряки выходили к ним безоружными. Еще очень недавно начальник Гижигинского округа проезжал по корякским селениям и становищам под охраной военного конвоя.

В шестидесятых годах прошлого столетия начальник Гижигинского округа Волков велел высечь пьяного коряка из селения Каменское, пришедшего в Гижигу. Родные этого коряка решили, в свою очередь, высечь этого начальника, когда он придет в Каменское, куда его ждали для обычного сбора ясака. Когда Волков услышал об этом, он послал вместо себя двух казаков. Как только они приехали в селение, их сейчас же растянули и высекли, а потом отослали к Волкову, поручив сказать ему, что теперь он может ехать, так как оскорбление, нанесенное их родственнику, отомщено.³⁵

Этот же чиновник, Волков, долго не мог собрать ясака с коряков селения Шестаково. Когда несколько коряков оттуда приехали в Гижигу с пушшиной, на продажу купцам, Волков велел конфисковать меха, и коряки уехали с пустыми руками. Когда после этого Волков однажды проезжал через Шестаково, коряки окружили жилище, в котором он остановился, и хотели избить его. Он вынул саблю и ударил ею плашмя по спине одного

³⁰ Dittmar C. V. Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktchen // Melanges Russes tires de Bulletin Historico-Philologique de l'Academie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. Livraison, 1856. Vol. III. P. 26, 27 (Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестн. РГО. 1855. Т. 15. Кн. 6; Вестн. РГО. 1856. Т. 16. Кн. 1).

³¹ Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. СПб., 1894. Т. 1. С. 527—573.

³² Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 392.

³³ Кеннан G. Tent-life ... P. 197, 203, 209.

³⁴ Более подробные сведения об отношениях русских и коряков см. в XIV главе.

³⁵ Из доклада Радкевича, преемника Волкова, начальника Гижигинского округа губернатору Приморской области, декабрь 1886 (правительственный архив Гижиги).

из коряков, хотевших схватить его. Тогда все коряки бросились на начальника, но охранявшие его пять казаков удержали их. На корякском языке, которого начальник не понимал, они просили коряков не губить их, нанеся насилия начальнику. Коряки уступили просьбам казаков после того, как те обещали подарить им порошу и позволили обиженному провести рукой по спине начальника (без его ведома), будто бы возвращая ему удар.³⁶

В вышеупомянутом донесении есть еще и другие подобные же факты. Например, начальник округа Мазуркевич во время пребывания в 1872 году в селении Каменское, рассерженный дерзостью коряка Ивелькута, ударил его в грудь, чтобы прогнать его. Ивелькут набросился на начальника, но был схвачен его конвоем и выгнан из дома. Через несколько минут дом был окружен, и казаки конвоя, видя, что не могут спасти Мазуркевича от беды, предложили себя в искупление обиды. Коряки удовлетворились этой заменой.

Чтобы дать некоторое представление о нравах и обычаях коряков, я расскажу здесь несколько случаев из моих личных сношений с ними. Осенью 1900 года несколько коряков из Куэла перевезли меня, моих спутников и мой багаж в двух байдарках от устья реки Парень до их селения. Я спросил, сколько они хотят за труд. Они посоветовались между собой и запросили двадцать кирпичей чая. Надо сказать, что у них тогда чая не было. Летом они не встречались с русскими купцами, а сделанные весной запасы окончились. Если русский торговец добрался бы до них осенью, то он запросил бы за каждый кирпич рубля по два или по три.

Но расстояние от устья реки Парень до Куэла морем около 20 миль, и по местным условиям цена, назначенная коряками, была слишком высока: я спросил их, не думают ли они, что это слишком много. Старшина поселка, старый Эувинпет, ответил сердито и нетерпеливо: «Если ты находишь, что это слишком много, то не надо нам никакой платы». Я не ожидал, что мой вопрос обидит их. В моих многолетних сношениях с сибирскими племенами я всегда приходил к соглашению с ними относительно платы за услуги, и в большинстве случаев сам назначал ее, и они никогда не обижались, если я предлагал меньше, чем они просили.

У этих племен нет определенных цен за услуги вообще и, очевидно, нет за те, о которых я просил первым. Иногда туземец спросит меня наобум первую вещь, которую увидит в моей палатке или в доме, где я остановился, совершенно не принимая во внимание ее настоящей цены. Например, девушка из селения Иткана за позволение сделать слепок с ее лица запросила с меня по совету своего дяди медный котел, который я впоследствии обменял на маленькую байдарку.

После случая с Эувинпетом я уже не торговался с коряками. Я часто давал им больше, чем они просили, так как они иногда хотели получить понравившийся им пустяк в уплату за довольно

тяжелую работу. Кончалось тем, что коряки представляли мне решать вопрос о вознаграждении.

Другой неприятный случай с оленными коряками был у меня во время ярмарки на горах Палпала в марте 1901 года. Вследствие эпидемии кори, свирепствовавшей незадолго до моего приезда, меня встретили не особенно приветливо. По приказанию стариков все уклонялись от антропологических измерений. Только несколько человек действовали более независимо и, не обращая внимания на общественное мнение, согласились на измерения через два или три дня после моего приезда.

Женщины сердились, когда я просил их о чем-нибудь. Им хотелось получить наши подарки, но они боялись послушаться стариков. Одна молодая женщина, соблазненная подарками, начала диктовать мне сказку. Мы сидели на дворе на нарте втроем: она, мой переводчик и я. В то время, как она диктовала, к ней подошла старуха и что-то ей сказала, после чего молодая стала выказывать признаки нетерпения и говорила неохотно; я попросил объяснить одно место, мне непонятное, она вдруг бросила подарки переводчику и убежала в общую ярангу.³⁷ Другую женщину я попросил продать мне вышитые мужские штаны, которые она сушила, на что она сердито и насмешливо ответила: «Проходи, проходи. Ищи себе резных досок», — намекая на то, что перед этим я делал безуспешные попытки купить у некоторых женщин доски, на которых были вырезаны фигуры. Однако на другой день муж этой женщины принес мне эти самые штаны.

Читая эти заметки, не надо забывать, что коряки во всяком путешественнике видят высокопоставленного чиновника. Я не сомневаюсь, если бы я мог пробыть дольше с жителями Палпала, то наши отношения совершенно изменились бы. К сожалению, ярмарка продолжалась только несколько дней, а после нее я собирался ехать на полуостров Тайгонос.

Мне кажется, что разногласие в характеристиках оленных и приморских коряков у различных исследователей можно объяснить тем, что оленный народ как кочевой всегда мог уйти от нежелательных посетителей, а русские не знали, где искать их стойбища, которые они хотели навестить; приморские же коряки, обосновавшиеся в определенных местах, не могли избежать нежелательных визитов и были принуждены давать отпор, если не хотели подчиняться требованиям русских.

Одно требование казаков всегда раздражало коряков — это требование бесплатной перевозки. У коряков, как правило, мало ездовых собак и, кроме того, для собак надо брать с собой корм, если его даже не хватает для людей. В этом отношении оленные коряки в более благоприятных условиях. Богатому оленеводу суший пустяк дать несколько оленей на дорогу приедем; он лично не терпит больших лишений, делая такое одолжение, и потому подобные просьбы его так не раздражают.

³⁶ Рассказано казаком, участвовавшим в стычке.

³⁷ См.: Jochelson W. The Koryak... P. 77.

То же можно сказать об их гостеприимстве. Приморские коряки так же гостеприимны, как и оленные, но у них нет ничего, что бы можно было предложить «белому». Он не ест тюленьего мяса и жира, даже местные казаки не все едят корякскую пищу, а для коряка оскорбление, когда гость пренебрегает его угощением. Кроме того, приморские коряки сами страдают от недостатка пищи. Оленевод же коряк всегда может предложить оленьё мясо «белому».

Приморские коряки, например, никогда не предлагали мне еды, пока я сам не попрошу юколы, а моих людей всегда угощали. Оленные же, наоборот, всегда угощали нас вареными оленьими языками, лакомством, приберегаемым для почетных гостей.

Вообще у меня от коряков осталось хорошее впечатление. С ними трудно ладить, пока не познакомишься с их обычаями. Они неотесаны, грубы, легко идут на ссору, если им что не нравится, но они не льстят, они правдивы и прямы и, когда в хорошем расположении духа, добродушны.

Что касается резко отрицательного суждения Кеннана о каменцах, то оно легко объясняется тем, что агенты Русско-Американской компании, в которой он служил, платили корякам при содействии русских властей очень мало за их услуги или совсем ничего не платили и обращались с ними свысока, как они это делают с покорными и смиренными камчадалами. Только этим я могу объяснить отношение приморских коряков к служащим Телеграфного общества, описанное Кеннаном. Некоторые старожилы Гижиги говорили мне, что агенты компании рассчитывались с коряками записками или квитанциями, которые до сих пор еще не оплачены.

Мнение Крашенинникова, что коряки смотрят на воровство, как на нечто похвальное,³⁸ совершенно неверно. В прежние времена считалось правильным грабить своих врагов; но это была своего рода военная добыча, а не воровство. В их языке есть отдельное слово для обозначения воровства («я краду» — *ti-to'latiñ*), но случаи кражи редки. Если кто-нибудь уличен в краже, хозяин отбирает краденые вещи и насмехается над воровом.³⁹

За все мое пребывание среди коряков у меня не пропало ничего. Мои ящики и мешки, полные провизии и подарков, представлявшие вообще ценность значительную и запечатанные только сургучными печатями, очень часто оставались вне жилья или доверялись коряку для доставки в другое место в моем отсутствии, и никогда ничего не пропадало. Напротив, в других случаях, когда я терял вещи в Гижигинском округе, они были украдены русскими возчиками.

Заказы, которые я давал корякам на образцы или вещи для коллекций, исполнялись ими честно и быстро. Только раз один коряк из селения

Микино, поехавший для торга на р. Апуку, прислал мне вещей меньше, чем я заказал. Но когда я сказал его сыну, что, по моим расчетам, его отец остался мне должен, тот уравнивал счет, предложив мне ковер из оленьих шкур.

Я коснусь здесь сочувствия оленных коряков к человеческому страданию. Они готовы всегда помочь голодающим, кто бы они не были — приморские коряки или русские, — доставляя им оленей. Когда к весне истощаются запасы рыбы у жителей русских селений, они идут в корякские стойбища, и коряки бьют для них оленей за пустяжное вознаграждение или просто на слово. Русские возчики, перевозившие в 1900 году меня и мой багаж на семи нартах к оленным корякам реки Тополовки, вернулись домой с нартами, нагруженными оленьей.

Можно сказать, что ум коряка работает так же медленно, как его неповоротливое тело, и так же быстро утомляется. Очень немногие женщины могли диктовать мне подряд два рассказа. Обычно, кончив одну сказку, они просили отпустить их, потому что устали. Делая свои записи, я должен бывал часто приостанавливаться, так как видел, что переводчик мой уставал и не мог с должным вниманием следить за моими вопросами.

Коряки очень любознательны. Они с большим интересом слушают рассказы о жизни людей в других странах. Все новое возбуждает и привлекает их, но внимания их хватает ненадолго. Наш фонограф производил везде поражающее впечатление. Часто сотня человек столпится в доме, где стоит фонограф, и образует плотное кольцо вокруг него. Некоторые парни следят за фонографом в действии с таким напряженным вниманием, точно хотят проникнуть в тайну ящика, который издает звуки и производит слова.

Взрослые объясняли это очень просто: «В коробке сидит живое существо, способное подражать людям». Они обыкновенно называли его «старик». Конечно, они особенно любили слушать, как ящик повторял корякские сказки и песни. Из музыкальных вещей им больше всего нравилось воспроизведение звука ксилофона и негритянские мелодии. Соло они предпочитали оркестру. Их собственная первобытная музыка и пение легко приводят их в возбужденное состояние. Они одобряют хороший голос и умение играть на бубне, а потому могут часами сидеть и слушать пение под аккомпанемент бубна.

СЧЕТ И МЕРЫ

Корякская система счета, так же как у чукчей, имеет две основы: пять — число пальцев на одной руке, и двадцать — сумма пальцев на руках и ногах, то есть просто человек. С числами коряки обращаться не умеют. Большинство даже теперь еще прибегает к помощи рук и ног при небольших вычислениях. Но даже и так они считают лучше чукчей. Я знал одного оленного коряка, владельца нескольких сотен оленей, который точно знал их число. Торговцы из приморских коряков не только могут вычислять в уме без помощи пальцев не-

³⁸ Крашенинников С. Описание земли Камчатки. Т. 2. С. 220.

³⁹ Из мифов тоже видно, что коряки не считают воровство добродетелью. Жена *Etetquit'a* — женщина-горноста́й, будучи обвинена в краже, была изгнана из дома Великого Ворона (*Jochelson W. The Koryak... P. 222*).

большие числа (не выше ста), но и имеют любопытный способ вести свои счета (см. ниже). У чукоч же я встречал торговцев, которые совершенно не умели считать.

В Колымском округе недалеко от реки Индигирки я встретил раз богатого чукчу, возвращавшегося из русского селения, называемого Русский Лиман. Он обыкновенно выменивал у охотников с тундры песцов на оленину и чай, потом меха продавал русскому купцу, от которого он и возвращался, когда я его встретил. Прежде чем лечь спать, он вынул из кожаного мешка кирпичи чая и разложил их в ряд попарно. Потом он вынул из другого маленького мешка ивовые палочки и положил по палочке на каждую пару кирпичей. Число палочек соответствовало числу песцовых шкурок, которые у него были. Таким образом, он вычислил свою торговую операцию, так как обыкновенно получал два кирпича за каждую шкурку песца. На этот раз несколько пар кирпичей остались непокрытыми палочками. Чукча решил, что купец ошибся. Впоследствии, когда я встретил русского купца, оказалось, что дело было иначе.

Чукча принес несколько связок песцовых шкурок и, бросив их перед купцом, сказал: «Дай мне за это чаю». Купец сосчитал шкурки и дал ему чай по цене 80 копеек за кирпич, тогда как раньше он считал по рублю. В это время чай был дешевле, чем прежде, но чукча никак не мог понять расчеты купца.

У коряков нет определенной меры для измерения пространства. Расстояние между двумя пунктами считается по продолжительности пути. Так, например, в расстоянии от Парени до Гижиги (около 100 км, по оценке русских) два дня пути на хороших собаках или пути, требующего одной остановки на ночлег. Этот способ измерения пространства относителен, так как довольно медленно движущемуся стойбищу кочевых коряков на этот же путь понадобилось бы дней шесть-семь.

Не имеют коряки и линейной меры. Они берут за единицу растянутые пальцы, но только для измерения ремней.

КАЛЕНДАРЬ

Год делится на двенадцать лунных месяцев (*ya'alnin* — «луна»). Первый месяц начинается во время зимнего солнцестояния и соответствует нашему декабрю. Коряков очень мало беспокоит, что между двумя зимними солнцестояниями может получиться лишнее новолуние. Некоторые месяцы в разных местах имеют разные названия, но наиболее употребительны следующие:

1. *Saq-i'vih-ya'alñin* («месяц холодных ветров»), или *Iviv-ya'alñin* («месяц пурги»).

2. *Ya'yawuša-ya'alñin* («месяц (растущего) оленьего мускула спины»).

3. *Tenmitaloo'-ya'alñin* («месяц ложного вымени») или *Ōya'-looša-ya'alñin* («месяц оленьего вымени»). Богораз⁴⁰ приводит названия третьего и четвертого месяцев, означющие «месяц ложного

рождения оленей» и «месяц настоящего рождения оленей». Первое название, по-видимому, соответствует «месяцу ложного вымени».

4. *Ōya'-wya-ya'alñin* («месяц отела важенок»).

Он так же называется и у чукчей.

5. *Imil-ya'alñin* («месяц воды»).

6. *Ano'-ya'alñin* («первый летний месяц»).

7. *Ara'-ya'alñin* («второй летний месяц»).

8. *Šeipi-ya'alñin* («месяц покраснения» /листья/).

9. *Yiña-kyčñ-ya'alñin* («месяц спаривания оленей быков») или *Em-ičvi-ya'alñin* («месяц обнаженных ветвей»).

10. *He'tihe-ya'alñin* («осенний месяц»).

11. *Kite'p-aiña-ya'alñin* («месяц течки горных баранов»).

12. *Ligun-leut-ya'alñin* («месяц самой головы», самый главный месяц).

Эти названия месяцев употребляются не только оленными, но и приморскими коряками, хотя эти последние не так хорошо их знают. Сколько бы раз я ни спрашивал приморских коряков названия месяцев, они всякий раз перепутывали.

ЯЗЫК

Лингвистические изыскания Богораза показали, что языки чукчей, коряков и камчадалов являются ветвями одной языковой семьи.

Корякский язык может быть подразделен на четыре основных диалекта: 1) наречие коряков Северной Камчатки, 2) наречие оленных коряков и жителей Каменского и Парени, 3) наречие олюторских коряков, 4) наречие кереков.* Кроме того, каждая группа оленных коряков и почти каждое селение приморских имеют свои провинциализмы с некоторыми небольшими отличиями в фонетике и лексике. Так, например, есть фонетическая и лексическая разница между наречиями в селениях Парень и Каменское, несмотря на небольшое расстояние между ними. Так, «а» каменского наречия изменяется на «е» в Парени; одно и то же слово может иметь разное значение в этих наречиях, или одному значению соответствует два разных слова. Так, например, в Каменском *a'pa* значит — «дед», а в Парени — «отец»; мать в Каменском — *a'pa*, а в Парени — *a'tma*.

Дитмар⁴¹ делит корякский язык на пять наречий: оленных, каменных, укинских, паланских и олюторских коряков. На основании языковых отличий он делит и корякский народ на пять ветвей: 1) оленных, 2) каменцев и паренцев (сюда он включает восемь селений от Каменского до Парени), 3) паланцев (жителей семи селений между Пусторецком и Воямполой), 4) укинцев (жителей семи селений по побережью Берингова моря от Озерной до Караги) и 5) олюторцев (девять селений севернее Караги). Не говоря о том, что несколько селений и целые группы коряков не включены в перечисленные ветви корякского племени, самое основание подобного деления неправильно.

⁴⁰ Bogoras W. The Chukchee... P. 51.

⁴¹ Dittmar C. V. Ueber die Koräken ... P. 47.

Почти все коряки сохранили свой родной язык. Они трудно обучаются иностранному языку и при своих сношениях с другими племенами не они принимают чужой язык, а чужим приходится учиться по-корякски. Поэтому камчадалы, тунгусы и русские, живущие с коряками, принуждены учиться их языку. Даже крещеные приморские коряки Северной Камчатки за малым исключением тоже не говорят по-русски; а из оленных коряков никто не знает этого языка.

Из приморских коряков только двести человек (2.6 %) считают русский язык своим родным языком. Это жители селения Наяхан Гижигинской округи и коряки Охотской округи. Эти последние до такой степени перемешались с другими племенами (тунгусами, якутами и русскими), что вряд ли их можно считать настоящими коряками.

Незначительное число оленных коряков, кочующих вместе с тунгусами в Гижигинском районе у истоков Гижиги и Вархалама, переняли тунгусский язык. По переписи 1897 года их всего 73 человека (41 мужчина). Патканов ошибочно припи-

сывает их к Петропавловскому округу.⁴² Этот процесс «отунгушивания» небольшого числа коряков происходил в последние десять-двадцать лет вследствие их взаимных браков. С другой стороны, перепись упоминает 17 тунгусов, кочующих с коряками и перенявших их язык.

Коряки не только не склонны обучаться чужим языкам, но, вместо того чтобы принять русские слова, они предпочитают вводить в свой язык новые собственного изобретения слова для обозначения вещей, ввозимых русскими, и для предметов, о которых они недавно узнали. Имена, даваемые коряками, обыкновенно характеризуют лицо или предмет и бывают часто очень удачны. Например, окружного начальника они называли *Ta'xa-a'yim* («начальник ясака»), жители Парени называли меня *Li'mñila'yim* («начальник сказок», потому что я записывал сказки), а жители Тайгоноса звали меня *Lon-te'nme-áyin* («начальник лицевых измерений»).

⁴² *Patkanov S. Essai d'une statistique ... P. 21.*

III. РАССЕЛЕНИЕ И НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

КОЧЕВЬЯ ОЛЕННЫХ КОРЯКОВ

В настоящее время оленные коряки обитают в двух из четырех округов, на которые в административных целях русские разделили северную часть Приморской области: в Гижигинской и Камчатской округах. Всего пять семей их нашлось в Анадырской округе и несколько человек в Охотской.

Большая часть оленных коряков кочует в Гижигинской округе. Они заселяют внутреннюю часть страны, главным образом возвышенные безлесные, поросшие лишайником, тундры. В сильные холода они спускаются в долины, где деревья служат защитой от ветра и дают топливо для их очагов. Летом оленные коряки поднимаются на вершины или на высокие склоны гор. Там свободно дующий ветер, низкая температура и никогда не тающий в оврагах и ущельях снег избавляют от мошки, которой летом так много в низинах и лесных местах. По этой же причине чукчи дальнего Севера угоняют свои стада в холодные тундры по берегу Ледовитого океана.

Оленные коряки кочуют обыкновенно группами в несколько семей. Определенных границ между кочевьями различных групп не существует. Случается, что отдельные семьи уходят далеко от своих родных мест, покидая по той или иной причине группу, к которой они первоначально принадлежали. Бывает это после ссоры или по недостатку пастбищ для оленей на старых местах, или после женитьбы при установлении новых семейных связей. На Палпалских горах я встречал семьи, родиной которых был полуостров Тайгонос, а среди тайгоносских коряков были люди, пришедшие из крайних восточных районов.

По данным Патканова, некоторые оленные коряки с Апуки кочуют по реке Гижиге, а семьи гижигинских коряков встречаются на Палпалских горах. Вообще же каждая группа имеет свои места кочевий, хотя их границы точно не определены. В пределах этих территорий у отдельных семей или небольших родственных групп есть свои любимые места, где они проводят известные времена года.

Таким образом, коряки образуют территориальные группы. Для учета русское правительство назвало большинство этих групп «родами», и с этих

родов собирается ясак, прежде только пушниной, теперь же или пушниной, или деньгами. В каждом из этих родов назначается староста. Коряки сами не знают названия этих родов, и часть коряков, как мы увидим дальше, вовсе не обложены ясаком и родового имени не имеют.

Численность коряков, как оленных, так и приморских, можно узнать из официальных данных, данных переписи 1897 года и из данных, собранных В. Г. Богоразом и мною. Официальные цифры административных отчетов, перепечатываемые из года в год, касаются только групп, обложенных ясаком, и цифры эти меньше действительно существующих.

Статистические данные переписи 1897 года заслуживают большего доверия.¹ Предполагалось, что перепись будет произведена в один и тот же день по всей империи, но в малонаселенных округах Сибири счетчики проводили по нескольку недель, объезжая свои участки. Некоторые отдаленные места, как, например, северную часть Палпала, середину Парапольского Дола, счетчики совсем не посетили и собрали сведения из вторых рук. И все-таки данные переписи 1897 года почти верны. Бюллетени переписи 1897 года были обработаны С. К. Паткановым, первым редактором Главного Статистического Комитета при Министерстве внутренних дел в Петербурге, но результаты еще не опубликованы. Патканов напечатал краткую, оговоренную на материалах переписи сводку о палеоазиатских племенах, в том числе и о коряках.² Ниже я буду цитировать эти данные под его именем. Кроме того, С. К. Патканов любезно прислал мне по моей просьбе из своих материалов некоторые более подробные данные о коряках, которыми я также воспользуюсь.

Данные, собранные Богоразом и мной, относятся только к тем местам, которые мы лично посетили, и послужат для проверки статистических материалов по некоторым группам.

Надо различать следующие группы оленных коряков.

¹ Эта перепись была первым всеобщим исчислением народов Русской Империи, проведенным не по нуждам налогообложения, а исключительно со статистическими целями.

² *Patkanov S. Essai d'une statistique et d'une geographie de peuples palaeasiatiques de la Siberie. St.-Petersbourg, 1903. P. 10.*

Гижигинская округа. 1. Коряки полуострова Тайгонос (*Taigonotalu*, т. е. «люди Тайгоноса»). Они проводят зимнее время, кочуя по долинам рек Тополовка (*Ma'alanu-ve'yem*),³ Килимаджи (*Kili'mac-won-ve'yem*), Матуги (*Ma'tukan-ve'yem*), Чайбухи (*Poye'm-yan-ve'yem*) и Авековой (*Ila'taia-ve'yem*).⁴ Три или четыре семьи кочуют зимой вдоль долины реки Гижиги (*Wui'vo-ve'yem*).⁵ Летом они уходят в горы к истокам этих рек. Только несколько семей или членов семей остаются на лето без оленей возле устьев рек для ловли рыбы и охоты на морского зверя. Официально эти коряки называются «Тайгоносским родом».

По официальным статистическим данным (по переписи, произведенной в 1882 году начальником округа), в этом роде насчитывалось 69 семей (121 мужчина и 130 женщин, всего 251 человек).⁶ По Патканову (1897 год), тайгоносских коряков было 381 человек (202 мужчины и 179 женщин), а по моим сведениям (1901 год), семей было 73 (168 мужчин, 150 женщин) — всего 318 человек. Разница в числе у Патканова и у меня объясняется тем, что, по собранным мною сведениям, 97 человек из Тайгоносского рода умерли от кори в 1900 году. Прибавив 97 к 318, получим 415, но в мой перечень были включены 20 человек из других родов. Остающаяся разница может быть приписана естественному приросту с 1897 по 1900 год.

2. Первый, второй и третий Гижигинские роды. Хотя они кочуют в разных местах, но все же держатся границ известного района, именно к северу от Гижигинской и Пенжинской губ между реками Пенжиной и Вархалам и частью на Парнопольской тундре к югу от реки Пенжины. Семьи этих родов часто перемещиваются, но, как правило, первый Гижигинский род кочует главным образом между реками Вархалам и Парень; второй — по рекам Тылхой и Микиной, и третий — вдоль Оклана, притока Пенжины и по тундре между Пенжиной и селением Пусторецк (*Ewle'wun*). Зимой некоторые семьи первого Гижигинского рода переходят вместе с тунгусами вверх по рекам Вархалам, Гижига и Парень через Становой хребет и доходят до Омолона и Коркодона, притоков реки Колымы.

По старой официальной статистике, эти «роды» состояли из 423 человек (152 в первом, 167 во втором и 104 в третьем). По Патканову, всего в них 531 человек (280 мужчин и 251 женщина).⁷ В 1901 году мне удалось пересчитать только группу второго Гижигинского рода, кочевавшую по реке Тылхой и состоявшую из 12 семей (63 человека), живших в пяти ярангах. Из них в 1900 году от кори умерло 11 человек.

³ В переводе «река народа тополея» (от *ma'kan* — «тополь»). Берега этой реки покрыты тополевыми лесами.*

⁴ *Ila'taia* — значит «глаз-женщина».

⁵ *Wu'vo* прежде означало укрепленное селение, потом применялось к русским крепостям, а также к русским домам. *Wu'wol* — современное корякское название Гижиги.

⁶ По переписи 1850 года в Тайгоносском роде было 235 человек (104 мужчины и 131 женщина).

⁷ Из них в первом Гижигинском роде 115 человек (70 мужчин, 45 женщин), во втором 279 (140 мужчин, 139 женщин), в третьем 137 человек (70 мужчин, 67 женщин). Позднее, в опубликованных работах Патканова, общее количество населения трех Гижигинских родов определено в 590 человек.

3. Апукинский род, кочующий по северо-восточной части округа, в северной части Парнопольской тундры и частью по Палпалскому хребту. По старым сведениям, их было 208 человек, а по Патканову, 431.⁸ Но мне кажется, что эта цифра ниже действительной. По Палпалскому хребту оленные коряки кочуют с места на место с чукчами, и многие не платят ясака.

4. Группа коряков, кочующая главным образом по Парнопольскому Долу, между реками Таловкой, Лесной и Вывныком. Эта группа совсем не упоминается в старых официальных отчетах. По сведениям, собранным мною из вторых рук, в ней около 60 семей. Патканов говорит, что относительно 566 оленных коряков Гижигинской округа в переписи нет указаний, к какому роду они принадлежат; но он не говорит, к какой местности эти 566 человек приписаны. Очень может быть, что это и есть те коряки, о которых только что говорилось.⁹

В связи с этим следует сказать, что, по данным, собранным мною в гижигинских архивах, до 1850 года существовал Ветвей-Олюторский род оленных коряков, обложенных ясаком, но с этого года никакого ясака с них не получалось. В 1859 году во время десятой ревизской сказки (переписи, производившейся с целью обложения ясаком) никакого следа этого рода нельзя было найти.¹⁰ В архивах 1873 года я опять наткнулся на запрос областного управления об этом роде оленных коряков, в ответ на который начальник Гижигинской округа донес, что коряки этого рода перешли к оленным корякам, кочующим около Тигиля в Петропавловской округе. Петропавловский окружной начальник в свою очередь донес, что упомянутый род вернулся обратно в Гижигинскую округу. С тех пор в архивах об этом роде больше не упоминалось.

Кроме оленных коряков собственно Гижигинской округа, принадлежащих к четырем упомянутым группам, существуют еще небольшие общества коряков, которые, хотя и кочуют с оленями, но не составляют самостоятельных кочевых групп. Семьи этих обществ связаны родственными узами с тем или другим селением приморских коряков, близ которого они и кочуют и с которыми составляют одну административную единицу. Нередко часть семьи живет в селении, а другая кочует со стадом; или семья, кочующая с оленями, имеет в своем стаде животных, принадлежащих родственникам, оседло живущим в поселке. Такие оленные коряки встречаются в северной части Камчатки и на берегах Берингова моря. Патканов сообщил мне, что по переписи 1897 года 31 человек оленных коряков (16 мужчин и 15 женщин), кочующих в долине реки Авековой, принадлежат к приморским корякам второго Паренского рода, а

⁸ В упомянутом письменном сообщении Патканов численность этого рода определил в 396 человек (222 мужчины и 174 женщины).

⁹ В письме ко мне Патканов определил общее число оленных коряков Гижигинской округа, не входящих в официальные «роды», в 590 человек (324 мужчины и 266 женщин); они кочуют в разных местах северо-восточной части округа.

¹⁰ Патканов упоминает о Ветвейском роде, состоящем из 21 человека (8 мужчин и 13 женщин), но место их кочевий не выяснено.

14 человек оленных (9 мужчин и 5 женщин) Парепольского Дола приписаны к первому Каменскому роду. Я лично не слыхал, чтобы жители Парени имели родственников среди оленных коряков, но я знаю трех коряков из Каменского, которые, будучи торговцами, покупали оленей. Сами они не пасли их, а поручали заботам настоящих оленных коряков.

Общее число оленных коряков Гижигинской округи, связанных узами родства с селениями приморских коряков или родом оттуда и считающихся принадлежащими к этим селениям, достигает, по сведениям, полученным от Патканова, 461 человека (236 мужчин и 225 женщин). Подробные цифры по группам этих оленных коряков будут даны ниже при перечислении селений и родов приморских коряков.

Таким образом, мы видим, что данные о численности оленных коряков Гижигинской округи неполны и противоречивы. Патканов считает общее число оленных коряков Гижигинского округа в 2389 человек, и это число приблизительно верно.

Петропавловская округа. Оленные коряки Петропавловской округи кочуют по горам на территории, начиная от границ округи до 55 градусов северной широты. Их можно разделить на две группы.

1. Первая группа состоит, по официальным данным, из двух родов: «первого кочевого рода» из 272 человек и «второго кочевого рода» из 284 человек — всего 556 человек. По Патканову, в первом роде 444 человека, а во втором 312; всего 756 человек.

2. Вторая группа, по данным переписи 1897 года, состояла из 528 оленных коряков. По Патканову, в число их входит кочевое население, приписанное к селениям приморских коряков, и настоящие оленные коряки, перешедшие сюда из Гижигинской округи. Подробных сведений об относительной численности этих групп не дано, но указано, что вторая больше. По всей вероятности, настоящие оленные коряки или часть их, перешедшая сюда из Гижигинской округи, и составляют род, который будто бы исчез в 1850 году. Что же касается оленных коряков, приписанных администрацией к селениям приморских коряков, то Богораз подтверждает, что, например, 61 человек кочевых коряков приписаны к селению Лесновскому. Общее же число оленных коряков Петропавловской округи по переписи 1897 года равно 1284 человекам.

Анадырская и Охотская округи. По переписи 1897 года в Анадырской округе было пять яранг оленных коряков или 75 человек (33 мужчины и 42 женщины), кочующих вместе с чукчами в южной части округи по северному склону Палпалского хребта.

В Охотской округе нашлось 13 человек, очевидно, стойбище коряков, кочующих вместе с тунгусами.

СЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКИХ КОРЯКОВ

Охотская округа. В Охотской округе приморские коряки живут только в двух селениях — Ямске и Туманском. Они крещены и обрусели,

коряцкий язык забыли и говорят по-русски, а также по-тунгусски. Физически они представляют помесь с русскими, тунгусами и якутами. По официальным данным, в Ямске было 205 коряков и в Туманском 26, что составляет 66 % всего числа жителей этих двух селений. Всего в Охотской округе 231 человек приморских коряков.

Гижигинская округа. Селения приморских коряков Гижигинской округи расположены по берегам Охотского и Берингова морей. Я начну с селений на Охотском море.

1. Селение *Наяхан* (по-корякски *E'igival* — «запад») стоит в устье реки *Наяхан* в Гижигинской губе. Официально жители его принадлежали к Германдейскому роду от реки *Германды* (по-корякски *Ligi'čmanā*),¹¹ на берегах которой коряки прежде жили. Они обрусели так же, как коряки Охотской округи, и крещены. Они исповедуют православную веру, и некоторые породнились с русскими. Хотя по-корякски еще говорят, но плохо и не все. Как и коряки Охотской округи, они говорят своим особым русским наречием, а также по-тунгусски, так как часто приходят в соприкосновение с тунгусами, приезжающими летом в *Наяхан* на ярмарку. Живут они так же, как охотские коряки, в бревенчатых избах по образцу русских. Их летние жилища расположены в самом устье реки, а зимние — в милях четырех вверх по реке.

Статистические данные 1850 года показывают, что Германдейский род состоял из 20 семей, или 125 человек (65 мужчин и 60 женщин). По Патканову (1897 год), их было всего 42 человека: 27 мужчин и 15 женщин, а мои цифры (1901 год) показывают только 8 семей, или 35 человек (21 мужчина и 14 женщины). Очевидно, род близок к угасанию. В настоящее время *Наяхан* — единственное корякское селение в Гижигинской губе.¹²

2—4. Первые корякские селения на западном берегу Пенжинской губы были основаны на мысе *Иткана*, где и теперь существуют три селения: *Малая*, *Средняя* и *Большая Итканы* (*Neni'yigičun*, *Osgin'čo* и *Ithanu*). *Малая Иткана* расположена в 13 милях от *Средней*, а последняя — в 30 милях от *Большой*. Я говорю об этих трех селениях одновременно потому, что население их официально составляет один *Итканский* род. Кроме того, семьи часто переселяются из одного селения в другое. Во время моего пребывания там все жители *Средней Итканы* переселились к своим родным в *Большую Иткану*. Три семьи, жившие постоянно в *Средней Иткане*, побоялись остаться там в таком небольшом числе после эпидемии кори в 1900 году.

По статистическим данным 1886 года, в этих трех селениях было 18 семей, или 157 человек (63 мужчины и 94 женщины). По Патканову (1897 год), там было 155 человек (65 мужчин и

¹¹ От *li'gun* — «каменная береза». По-видимому, береза растет на берегах этой реки.

¹² До недавнего времени маленький поселок приморских коряков был в устье реки *Авековой*, но теперь там нет постоянного жилья. Летом несколько семей оленных коряков и тунгусов ловят здесь рыбу. В самом Гижигинске было, по данным переписи 1897 года, 17 коряков.

90 женщин), а по моему подсчету (1901 год), было 117 человек, или 15 семей (59 мужчин и 58 женщин). Зимой 1901 года, кроме этих 117 итканских жителей, там было еще 11 коряков из Парени. В 1900 году они потеряли 32 человека (7 мужчин и 25 женщин) от кори. Из всего этого числа в 1901 году в Большой Иткане было 93 человека и 35 в Малой. Если цифры переписи 1886 года верны, то численность населения Итканы уменьшается, хотя я должен сказать, что по своему росту, сложению и общему виду жители Итканы произвели на меня впечатление физически наилучших представителей коряков из всех, каких я только встречал.

5—8. Приморские коряки, живущие в четырех селениях: Парень (*Po'itin*), Куэл, Хаимчики и Тылхой, — составляют одну группу, известную под названием паренцев. Официально они делятся на три рода: первый, второй и третий Паренские роды. По данным переписи 1897 года, они делились только на два рода — первый и второй, но в 1900 году я встретил там трех старост: двух в Куэле и одного в Парени, собиравших ясак.

Из этих четырех селений Парень и Тылхой — зимние, а Хаимчики — летнее, Куэл — постоянное.

Парень, большее из зимних селений, стоит на берегу реки Парень (*Po'itu-ve'yem*) в 13 милях выше ее устья. Летом большинство жителей Парени живет в устье реки в летнем селении Хаимчики, а часть в Куэле.

Куэл расположен на морском берегу, возле устья реки того же названия в 10 милях к северу от Парени.

В Тылхое в 1900—1901 годах было только одно жилище, в котором зимой жила семья из Куэла. В иные зимы тут бывают два жилища. Стоит селение на реке Тылхой в 14 милях от моря.

По официальным данным 1850 года, в Паренских родах было 54 семьи, или 300 человек (156 мужчин и 144 женщины). По Патканову, в 1897 году их было 247 человек (110 мужчин и 137 женщин),¹³ а по моей собственной переписи (1901 год), 199 паренцев проживало в своих селениях, 11 — в Итканах и 24 человека погибло от кори в 1900 году. Из этих данных мы можем заключить, что число паренцев тоже уменьшается.

9—16. Так называемые каменцы живут в следующих селениях: Микино (*Me's-ken*), Шестаково (*Le'ñleñčan*), Ягача, Леваты, Ярночек, Каменское (*Va'ikenan*), Таловка (*Xes-xe'n*) и Мамэч (*Ma'meč*). Официально они делятся на три рода: первый, второй и третий Каменские. В некоторых документах третий Каменский род называется Ягачинским и записан так в переписи 1897 года. Три семьи каменцев живут в селении Рекинники.

По официальным данным 1850 года, каменцев насчитывалось 437 человек (242 мужчины и 195 женщин), или 67 семей; перепись 1897 года дает 431 человека (202 мужчины и 229 женщин), а по моему подсчету, их было в 1901 году 317 человек (153 мужчины и 164 женщины). По моим

сведениям, в 1900 году от кори у них умерло 65 человек.

Все селения каменцев стоят на морском берегу: Шестаково, Каменское и Таловка в устьях рек Шестаковой (*Egač*), Пенжины (*Ma'gitkin-ve'yem*) и Таловки (*Xes-xe-ve'yem*). Все селения постоянные, т. е. в них живут и зимой, и летом.

Переселения из одного селения в другое по временам года, по нуждам промысла или по семейным обстоятельствам бывают очень часто, так что численность населения этих поселков меняется. Кроме того, у некоторых семей каменцев есть, кроме постоянных жилищ, еще и летние подземные жилища на берегу моря, но эти поселки никаких особых названий не имеют. Селение Каменское всегда было самым многолюдным. Чтобы дать представление о численности каменцев, приведу цифры моей личной переписи.

В Микино было 28 человек, в Шестаково — 18, в Ягаче¹⁴ — 21, в Ярночеке — 22, в Леватах — 24, в Каменском — 162, в Таловке — 42, в Мамэче — 25, в Рекинниках — 15.

Все каменцы не крещены. В Каменском есть два человека номинально числящихся христианами; в Мамэче и Рекинниках три таких семьи.

Официально Каменские роды распределяются следующим образом.

Первый Каменский род (191 человек по переписи 1897 года и 139 человек по моей) живет в селениях Каменском, Таловке, Мамэче и Рекинниках.

Второй Каменский род (81 человек по переписи 1897 года и 69 по моему подсчету) — в Каменском и Таловке.

Третий Каменский, или Ягачинский, род (154 человек по переписи 1897 года и 109 у меня) — в Каменском, Леватах, Ярночеке, Ягаче, Шестакове и Микине.

Остальные роды коряков в Гижигинской округе в Пенжинской губе следующие.

17, 18. Пусторецкий род — в него входят все жители селений Пусторецка (*Eule'wun*) и Рекинники (*Rekinnok*), за исключением упомянутых выше 15 каменцев. По отчету начальника Гижигинской округи в 1867 году,¹⁵ в Пусторецком роде было 110 человек (62 мужчины и 48 женщин). По переписи 1897 года, — 99 оседлых коряков (50 мужчин и 49 женщин), живущих в двух названных селениях, и 63 человека (29 мужчин и 34 женщины), кочующих с оленями по тундре по соседству с этими селениями. По подсчету В. Г. Богораза, в 1901 году в селении Рекинники было 87 жителей вместе с 15 каменцами, а в Пусторецке — 54 человека и 25 оленных, приписанных к Рекинникам.

¹⁴ Селение Ягача (*Egač*) называется так же, как река, на которой стоит сел. Шестаково. Дорога между Шестаковым и Каменским отворачивает по Каменскому хребту от морского берега. Селения Ягача, Ярночек и Леваты расположены на скалистом берегу между устьями Шестаковой (Ягачи) и Пенжины и потому не посещаются путешественниками.

¹⁵ В 1867 году управление коряками Пусторецкого и Подкагирского родов и селений олюторских коряков было передано начальнику Гижигинской округи от начальника Петропавловской округи. Поэтому в архивах Гижиги я не нашел по этому роду более ранних данных.

¹³ Сюда не включен 31 человек кочующих (см. выше).

Большинство коряков этого рода крещены.

19. Подкагерная (*Pitka'hen*) — селение, жители которого официально составляют особый Подкагирский род; в нем, по данным 1867 года, 65 человек (35 мужчин и 30 женщин). Перепись 1897 года дает численность в 51 человека (28 мужчин и 23 женщины), из которых 34 человека живут в селении, а 17 кочуют с оленями. По словам Богораза (1901 год), в селении только 25 человек. Очевидно, род вымирает. К сожалению, у меня нет сведений о числе умерших от эпидемии кори в 1900 году.

При перечислении селений приморских коряков Гижигинской округи, живущих по берегу Берингова моря, я начну с самых северных селений кереков и буду двигаться на юг.

Официальная пограничная линия между Гижигинской и Анадырской округами проходит через территорию кереков. До Джебзуповской экспедиции ни один белый человек не проникал сюда.* С юга русские сообщались только с кереками селений *Kavačat* и *Ilpi*.

Анкудинов, помощник начальника Анадырской округи, первый доехал в 1897 году до крайних селений кереков на севере, начав свой путь от устья р. Анадырь; но Богораз первый (1901 год) проехал на собаках вдоль берега моря и посетил все керекские селения.

Часть южных кереков только недавно обложена ясаком, и официальные данные о них очень запутаны. То же можно сказать относительно селений и численности апукинских и пахачинских коряков, ближайших соседей кереков. Поэтому о селениях кереков, а также апукинских, пахачинских и хаилинских коряков я приведу только данные, собранные В. Г. Богоразом.

Керекские селения. 20—32. *Načhatahin* и *Ke'niin* имеют каждое по одному жилищу с 25 жителями в каждом. В селении *Vati'rkān* три подземных жилища с почти 50 жителями. Селения *Annon*, *Malan*, *Yagnon* и *Ukilan* имеют каждое по одному жилищу с 25 жителями. *Ilpi* в устье реки того же названия — три жилища и приблизительно 50 жителей. Поселки *Mečivnen*, *Tapan*, *Vaimentahin* и *Tapatahin* имеют по одному дому и около 25 человек в каждом. В селении *Kavačat* 21 житель. Следовательно, общая численность кереков 371 человек.

Поселки апукинских и пахачинских коряков, по Богоразу, следующие.

33, 34. Апукинские коряки живут в двух селениях на реке Апуке: *Čimi'tqa* с пятью подземными жилищами и *Opuka* в устье реки с четырьмя жилищами; жителей около 90.

35. Пахачинские коряки живут вдоль реки Пахачи (*Poqač*). Их подземные дома, числом девять, разбросаны по реке, и населения в них около 90 человек.

36. Хаилино (*Qa'yilin*) расположено по верхнему течению реки Вывенки (*Vivnik*). По записям Богораза (1901 год), там было семь подземных домов, но он сосчитал жителей только пяти из них, и их оказалось 67 человек. Из статистического отчета губернатора Приморской области за 1898 год видно, что домов в Хаилине было семь и жителей

в них 93; таким образом, эти цифры можно согласовать с цифрами Богораза.

Численность кереков вместе с апукинскими, пахачинскими и хаилинскими коряками, по выводам Богораза,¹⁶ равна 644 человекам. Я беру этот общий подсчет, чтобы можно было сравнивать цифры Богораза с переписью 1897 года.

В материалах переписи 1897 года под именем кереков значатся только жители пяти керекских поселков, переписанных Анкудиновым, о котором уже упоминалось. Там было 24 семьи, или 102 человека (52 мужчины и 50 женщин), которые приписаны к Анадырской округе. Жители керекского поселка *Ilpi* (по-русски Хатырка) считаются принадлежащими к корякскому Хатырскому роду, а жители керекского поселка *Kavačat* на мысе Аннон — к корякскому Кавачинскому роду. Все другие керекские поселки, которые посетил Богораз, не учтены переписью 1897 года.

Таким образом, по данным переписи 1897 года, в северо-восточной части Гижигинской округи числятся три «рода» приморских коряков, в число которых вошла часть кереков. Эти роды следующие.

Хатырский род в числе 66 человек (35 мужчин и 31 женщина), живущих в поселках Хатырка (*Ilpi*) и Кавача (очевидно, керекское *Kavačat*) по реке Апуке¹⁷ 44 человека в первом поселке и 22 во втором.

Кавачинский род из 104 человек (54 мужчины и 50 женщин), живущих в поселках Кавача и Хатырка — 91 человек в первом и 13 во втором.

Пахачинский род из 178 человек (90 мужчин и 88 женщин), живущих в Пахаче (очевидно, керекское *Poqač*) на реке того же названия — 71 человек, а в Пахаче¹⁸ на реке Апуке — 47 и в Хаилино (*Qa'yilin*) — 60 человек. Следовательно, по переписи 1897 года общее число жителей пяти северных керекских поселков: Хатырки, Кавачи (которые Богораз считает керекскими) и апукинских, пахачинских и хаилинских коряков равно 450 человекам. Если к этому числу мы прибавим жителей керекских поселков *Yagnon*, *Ukilan*, *Mečivnen*, *Tapan*, *Vaimentahin* и *Tapatahin*, не упомянутых в переписи 1897 года, но посещенных Богоразом, т.е. еще 150 человек, то получим общее число 600 человек, которое ниже 644 человек, числа, полученного по переписи Богораза. Ввиду того что перепись 1897 года была произведена до эпидемии кори в 1900 году, обезлюдившей страну, мы можем прийти к заключению, что официальные цифры, касающиеся кереков и коряков Апуки, Пахачи и Хаилина, неполны. Кроме того, местоположение селений перепутано.

Олюторские коряки, или олюторцы, живут в селениях Олюторск (корякское *Alut*), Култусном (*Ilir*), Тилечиках (*Tilliran*), Ветвей (*Vetvey*), Вывну-

¹⁶ Только для поселка Хаилино я беру цифру 93 из губернаторского отчета.

¹⁷ По Богоразу, керекский поселок *Kavačat* не стоит на реке Апуке. В данных переписи 1897 года упомянуто два селения Кавача.

¹⁸ По Богоразу, такого селения на Апуке нет. Речь идет, вероятно, о поселке Апука в устье реки того же имени. Здесь следует сказать, что поселок *Čimi'tqa* на реке Апуке, указанный Богоразом, не упоминается в переписи 1897 года.

ки (*Vivnik*), Кичиге (*Kičhin*) и Тымлаты (*Timlati*).^{*} К группе олюторских коряков принадлежит также некоторое количество кочующих оленеводов.

Сведения об олюторских коряках, находившиеся в моем распоряжении, двоякого происхождения: данные переписи 1897 года, полученные в письме Патканова, где олюторцы учтены по родам, и сведения Богоразы, учитывавшего их по селениям.

По переписи 1897 года числятся следующие роды: Олюторский род, состоявший из 117 оседлых (61 мужчина и 56 женщин) и 81 кочевника (48 мужчин и 33 женщины) — всего 198 человек. Из оседлых 101 (52 мужчины и 49 женщин) жили в селении Олюторском, а 16 (9 мужчин и 7 женщин) — в Кичиге.

Култусный род состоял из 202 оседлых (96 мужчин и 106 женщин) и 149 кочевников (73 мужчин и 76 женщин) — всего 351 человек. Оседлые жили в селениях Вывнуки и Тилечики.

Тилечинский род, охватывающий 84 оседлых (46 мужчин и 38 женщин), живущих в селениях Тилечики, — 61 человек (31 мужчина и 30 женщин), и Вывнуки — 23 человека (15 мужчин и 8 женщин) и 8 кочующих (3 мужчин и 5 женщин).

Вывнуковский род состоял из 96 человек оседлых (54 мужчин и 42 женщины) и 14 кочевников (10 мужчин и 4 женщины), всего 110 человек, причем оседлые жили в селении Вывнуки — 79 человек (44 мужчин и 35 женщин) и в Кичиге — 17 человек (10 мужчин и 7 женщин).

Кичигинский род, состоящий из 95 оседлых (56 мужчин и 39 женщин) и 63 кочевников (34 мужчин и 29 женщин), всего 158 человек, из них оседлые живут в Кичиге — 86 человек (50 мужчин и 36 женщин) и 9 (6 мужчин и 3 женщины) в Тилечиках.

Общее число населения во всех пяти родах олюторских коряков по переписи 1897 года 909 человек (476 мужчин и 433 женщины).

В письменных заметках Патканова поселки Ветвей и Тымлат вообще не упоминаются.

Богораз произвел перепись олюторских коряков по селениям. Для сравнения я привожу и доступные официальные данные.

37. Селение Олюторское (*Alut*) по переписи 1859 года имело жителей 147 человек (79 мужчин и 68 женщин), по отчету губернатора (1898 год) — 101 человек (52 мужчин и 49 женщин) при одиннадцати подземных жилищах. Богораз же (1901 год) насчитывал только 80 человек при семи подземных жилищах. Это уменьшение следует, по-видимому, приписать смертности от болезней. Население Олюторского недавно обращено в православную веру.

38. В селении Култушном (*Ilir*), по переписи 1859 года, было 222 человека (119 мужчин и 103 женщины); по отчету губернатора Приморской области (1898 год), там было двенадцать подземных жилищ с 144 жителями (66 мужчин и 78 женщин). В данных Богоразы (1901 год) отмечено только одиннадцать подземных жилищ и три стойбища с 25 кочевниками, принадлежащими к одной группе с жителями селения.

39. Селение Тилечики имело, по данным 1859 года, 57 жителей (30 мужчин и 27 женщин);

по отчету губернатора (1898 год) — 98 человек (51 мужчина и 47 женщин), а по Богоразу (1901 год) — только 42 человека.

40. Селение Ветвей. В 1859 году в нем было 20 человек (11 мужчин и 9 женщин); в 1898 году — 10 человек (6 мужчин и 4 женщины). У Богоразы указаны только три подземных жилища, но нет данных о населении.

41. В селении Вывнуки, по данным 1859 года, было 88 жителей (53 мужчин и 35 женщин); по губернаторскому отчету 1898 года, было 102 человека (59 мужчин и 43 женщины) при восьми подземных домах, а по Богоразу (1901 год), было только четыре землянки и одно стойбище кочевников, приписанных к селению.

42. В селении Кичиге в 1859 году было 145 человек (81 мужчина и 64 женщины); по отчету губернатора в 1898 году, там было 170 человек (95 мужчин и 75 женщин) при пятнадцати подземных домах; по Богоразу (1901 год), население состояло из 113 оседлых жителей и двенадцати стойбищ с 120 кочевниками, приписанными к селению.

43. Селение Тымлаты не упомянуто в переписи 1859 года. По отчету губернатора 1898 года, в этом селении было 48 человек, Богораз же нашел там семь подземных жилищ, но не указывает числа жителей.

Сравнивая различные цифры, касающиеся олюторских коряков, мы можем заключить, что цифры Богоразы неполны, а следовательно, нельзя сказать, насколько изменилось число олюторцев со времени переписи 1897 года и более ранних данных.

Петропавловская округа. Приморские коряки этой округи обрусели, как и камчадалы. Официальные отчеты уже не делают их на роды, как это произвольно делается с коряками других районов. Даже группы оленных коряков Петропавловской округи часто обозначаются в официальных отчетах как «кочевые общества», а не как роды. Перепись 1897 года называет каждое селение приморских коряков Петропавловской округи «сельским обществом», в русском смысле этого слова. Таким образом, относительно оседлого коряцкого населения Петропавловской округи нам приходится только перечислять селения, а не роды. Первые шесть селений расположены на побережье Берингова моря, а остальные пять — на Охотском.

44. Карага (по-корякски *Qare'ñin*). По отчету губернатора Приморской области (1898 год), в этом селении было 168 жителей (87 мужчин и 81 женщина) при двадцати домах. Патканов сообщает, что жителей (перепись 1897 года) только 103 человека (56 мужчин и 47 женщин). Трудно объяснить разницу между этими цифрами.

45. Дранка. Здесь, по Патканову (перепись 1897 года), — 82 человека (36 мужчин и 46 женщин); по губернаторскому отчету 1898 года, — 86 коряков (38 мужчин и 48 женщин) в тринадцати домах.

46. Ивашка. Здесь, по обоим источникам, 37 человек (19 мужчин и 18 женщин) и шесть домов.

47. Хайлюля, или Хайлюлинское. В нем, по обоим известиям, коряков было 21 человек (11 мужчин и 10 женщин) и три дома.

48. Ука. По обоим источникам — 10 человек коряков (5 мужчин и 5 женщин) и три дома.

49. Озерное. По переписи 1897 года, тут жило 46 человек (25 мужчин и 21 женщина), а губернаторский отчет насчитывает 43 человека (23 мужчины и 20 женщин), живущих в шести домах.

Богораз не дает никаких сведений относительно последних шести поселков. Жителей последних шести селений называют иногда укинцами.

50. Ваямполка. По переписи 1897 года и губернаторскому отчету 1898 года, здесь было 127 человек (63 мужчины и 64 женщины) при семнадцати домах, а по Богоразу (1901 год), было всего 93 человека (50 мужчин и 43 женщины).

51. Кахтана. В ней, по переписи 1897 года и по отчету 1898 года, оказалось 235 жителей (115 мужчин и 120 женщин), но Богораз нашел только 163 человека (84 мужчины и 79 женщин). По его словам, во время эпидемии кори в 1900 году погибло 36 человек.

52. Палана. В этом поселке было, по переписи 1897 года, 203 человека (100 мужчин и 103 женщины), по губернаторскому отчету 1898 года, было 226 жителей (112 мужчин и 114 женщин), Богораз же в 1902 году встретил здесь только 132 коряка (63 мужчины и 69 женщин) и 20 русских. В 1900 году 35 человек умерло от кори.

53. Кинкиль. По переписи 1897 года и отчетам губернатора в 1898 году, жителей было 133 человека (67 мужчин и 66 женщин). Богораз нашел здесь только 89 человек (50 мужчин и 39 женщин). В 1900 году от кори умерло 12 человек.

54. Лесная, или Лесновское. По переписи 1897 года и по отчету 1898 года, здесь было 180 жителей (86 мужчин и 94 женщины) и девятнадцать домов; по Богоразу — жителей 146 человек (71 мужчина и 75 женщин). В этом поселке от кори в 1900 году умерло 70 человек.*

Жители последних пяти селений известны под именем паланцев. Общее их число, судя по переписи 1897 года, — 878 человек, в то время как Богораз в 1901 году нашел только 621, но он дает и число умерших от кори в 1900 году — 183. Если мы прибавим их к числу наличного населения — 621, то получим 804, что все-таки меньше цифры переписи 1897 года. Очевидно, паланцы уменьшаются в числе. По словам Богораз, к обществу селения Лесная принадлежит 61 кочевник (31 мужчина и 30 женщин), и я не могу сказать, включены ли они в число оленных коряков Петропавловской округи при переписи 1897 года.

ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ КОРЯКОВ

На основании вышеприведенных цифр, взятых из различных источников, трудно установить общее число коряков. Однако цифры переписи 1897 года можно считать приблизительно верными. Если часть кереков и небольшие группы оленных коряков, не обложенных ясаком, и не вошли в перепись, то этот недостаток будет, без сомнения, покрыт числом умерших от эпидемии 1900 года, так как в то время смертность в поселках и

стойбищах составила от 10 до 33 процентов. Таким образом, даже принимая во внимание прирост населения за прошедшие со времени переписи 1897 года 7 лет, все же данные переписи будут немного выше действительной численности корякского племени.

Мы составили следующую таблицу на основании цифр переписи.

Округи	Оленные коряки		всего	Приморские коряки		Общий итог	
	мужчины	женщины		мужчины	женщины		
Гижигинская	1289	1100	2389	1000	1045	2045	4434
Петропавловская ¹⁹	642	642	1284	687	704	1391	2675
Охотская	—	—	—	126	118	244	244
Анадырская	33	42	75	52	50	102	177
Итого	1964	1784	3748	1865	1917	3782	7530

На Гижигинскую округу приходится самое большое число коряков — 59 процентов. Общее число приморских и оленных коряков почти одинаково — 3748 и 3732. У оленных коряков меньше женщин, чем у приморских: у них приходится 90.8 женщин на 100 мужчин.

У приморских коряков число женщин больше числа мужчин — 102.6 женщин на 100 мужчин. Эта разница может быть объяснена тем, что жизнь оленной корячки гораздо труднее жизни ее приморской сестры. Тяжелая работа, связанная с кочевками, установкой яранги, которая всецело лежит на женщине, постоянная борьба с холодом и непогодой — неизвестны приморской женщине.

Не имея точных данных о числе коряков в прежние времена, трудно сказать, уменьшается ли их численность или нет. Если мы возьмем цифры за 1852 год, данные Дитмаром,²⁰ — 235 каменцев и паренцев, 872 паланца, 413 укинцев и 1750 оленных коряков, обложенных ясаком, что составит 3270 человек, — то мы ясно увидим, что это не дает и половины настоящего числа коряков. Дитмар сам считает, что число оленных коряков, не обложенных ясаком, приближается к 1000; он не указывает числа олюторцев, хотя и упоминает о них. Далее он совсем не упоминает кереков, итканцев и обрусевших коряков западнее Гижигинской округи.

Лично я склонен думать, что число приморских коряков теперь меньше, чем в отдаленный период 1852 года. К такому заключению можно прийти относительно некоторых групп, принимая во внимание цифры, приведенные мной при перечислении родов и селений. Кроме того, между устьями

¹⁹ Я не включил сюда 13 оленных коряков, рассеянных по Охотской округе, так как я думаю, что эта группа представляет собой или часть гижигинских оленных коряков, или это та группа оленных коряков, которая ассимилирована тунгусами и считается официально принадлежащей к корякам Ямского поселка. На реке Коркодон я встретил раз корякскую семью из Охотской округи, которая не знала корякского языка, а говорила по-тунгуски и по-русски.

²⁰ Dittmar C. V. Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschukchen // Melanges Russes tires de Bulletin Historico-Philologique de l'Academie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. Livraison, 1856. Vol. III. P. 8, 12, 14, 28.

Гижиги и Наяхана я видел следы жилищ, нескольких довольно больших селений, жители которых совершенно исчезли; и мне говорили, что подобные развалины встречаются и в других местах по берегам Охотского и Берингова морей.

Как будет видно из последней главы, число приморских коряков, перебитых в войнах с русскими, было значительно, а с тех пор, как между ними установились мирные отношения, часть корякского населения унесли частые эпидемии и голодовки. Упадок замечается особенно среди обрусевших коряков, например в Наяхане.

Оленные коряки, не приходившие в такое близкое соприкосновение с русскими, сохранили в большей степени свою изначальную энергию. Но болезни периодически уносят и у них прирост более благоприятных лет. Мы не можем с уверенностью сказать, что число оленных коряков теперь больше, чем прежде, но тот факт, что их число почти одинаково с числом приморских коряков, указывает, что условия теперь более благоприятны для первых, чем для последних, так как, по-видимому, в былые времена приморских коряков было больше, чем оленных [V].

IV. ЖИЛИЩА

Как оленные, так и приморские коряки называют свои жилища *yaŭáŋi* или *lige-yan* («настоящий дом»)¹. Приморские коряки называют яранги оленных *šaišewyan* («дом оленных людей»), а оленные называют жилища приморских *wálxai*, что означает «дом из челюсти кита». Это очень интересное название: из него можно заключить, что в прежние времена приморские коряки употребляли китовые кости² для постройки своих подземных жилищ, что эскимосы делают еще и теперь.

Врангель и Норденшельд видели по берегам Ледовитого океана остатки подземных жилищ, остов которых был сделан из китовых костей. Богораз видел развалины таких домов в селениях береговых чукок и азиатских эскимосов на Беринговом море. Туземцы называют их *wálkar*, что тоже означает «дом из челюсти».³

ОЛЕННЫЕ КОРЯКИ

Жилище оленных коряков состоит из наружной яранги и внутреннего спального полога. Остов наружной яранги строится по типу передвижных жилищ кочевых монгольских и тюркских племен Азии, например, скотоводов киргизов и калмыков,⁴ покрывающих остов своих юрт кошмами, или оленных тунгусов, употребляющих для этого бересту и оленьи шкуры.⁵

Характерной чертой этого типа построек является то, что они состоят из двух частей: нижней, цилиндрической, и верхней — конической. Корякская яранга из оленьих шкур гораздо неуклюжее и тяжелее киргизской кибитки из кошмы или тунгусского жилища из шкур и бересты. Нижняя часть корякской яранги не образует

правильного круга, как низ жилищ упомянутых племен, но все-таки она симметричнее, чем яранга оленных чукок, на которую она в общем похожа.⁶

Остов внешней яранги *yaŭáŋi* оленных коряков (см. рис. 6) составляется прежде всего из трех основных шестов *yélxel*, поставленных треножником и связанных наверху крепкими ремнями. Высота этих шестов, от которых зависит высота жилища, колеблется от 3.5 до 5 метров. Вокруг этого треножника на расстоянии друг от друга 1—2 метров располагаются крепкие кольца (*б*) 1.3—1.5 метра высотой по два или по три вместе.⁷ Верхние концы этих колец связываются ремнями, пропущенными в просверленные отверстия. К верхушкам этих колец привязывают концы горизонтальных деревянных перекладин *wáye-yélxalu* (*в*). Эти поперечины с их подставками образуют нижнюю, круглую часть остова жилища. Но, как я уже говорил, настоящего круга они не представляют, так как поперечины слишком громоздки и длинны. Непокрытые, они, скорее, имеют вид балок, образующих стороны многоугольника, но тяжелый покров из оленьих шкур до некоторой степени скрывает углы, образуемые этими поперечинами.⁸

Коническая часть юрты состоит из наклонных шестов *yeví'ne* (*г*), идущих от середины поперечин и от верхушек колец к вершине основных столбов и крепко привязанных ремнями к соответствующим местам. К остову принадлежат еще шесты (*д*), нижние концы которых втыкаются в землю, а к верхним привязаны выгнутые жерди (*е*), служащие распорками крыши. Концы этих гнутых жердей привязаны ремнями к шестам крыши. Число этих распорок различно, смотря по величине яранги. В средней по размеру яранге их бывает три-четыре. Есть еще шесты (*ж*) с перекладиной для подвешивания котла над очагом и шесты (*и*, *к*), которые ставятся перед входом зимней яранги для защиты от снежных сугробов. Они служат остовом

¹ По-чукотски *lié-ran*.

² Я не нашел китовых ребер и челюстей в остовах древних раскопанных подземных жилищ гижигинских коряков, но китовые кости валялись вокруг домовых ям.

³ *Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1904. Vol. VII. Part I. P. 180.*

⁴ *Харузин Н. История развития жилищ кочевых и полукочевых тюркских и монгольских племен России // Этнографическое обозрение. М., 1896. Т. XXVIII. № 1.*

⁵ Подробное описание различных типов тунгусских жилищ будет дано в моей работе по юкагирам.

⁶ *Bogoras W. The Chukchee... 169.*

⁷ Вместо центрального треножника ставится иногда отдельная подставка для котла.

⁸ Нижняя часть киргизской юрты и тунгусского чума, наоборот, более цилиндрической формы. В тунгусской — поперечины состоят из тонких коротких, круглых палок, а в киргизской они гнутые.

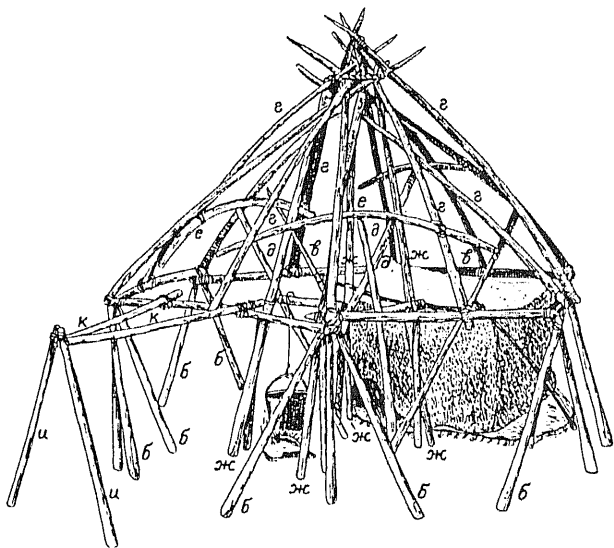

Рис. 6. Остов яранги.

маленьких сеней, покрытых оленьими шкурами, но они не часто встречаются.

Остов корякской яранги очень прочен и способен выдержать сильнейший ветер. Ремни, связывающие деревянные части ее, делают ярангу гибкой и эластичной. В сильную пургу она скрипит и дрожит, как корабль в море, но как только ветер стихнет, она стоит опять прочно и прямо, если только ветер не разорвал связей. В мороз, следующий за оттепелью, ремни твердеют и могут сломаться. Покрышка яранги (*хе́че'getõ l*), если она только хорошо пригнана к остову, делает ее устойчивой и защищает столбы и шесты от ветра.

Покрышка состоит из сшитых вместе оленьих шкур, шерстью наружу (рис. 7). Для этого употребляются потертые шкуры, служившие раньше для внутреннего полога. Чтобы уменьшить их тяжесть, что важно при передвижении с места на место, шерсть коротко срезают острым ножом.

Верхнюю часть покрышки, где собирается дым, делают из сшитых вместе очень потертых шкур. Нижняя часть, обыкновенно двойная, прикрепляется к верхней. Концы покрышки свисают со стороны входа, внутри же все ее части плотно сшиты друг с другом и привязаны ремнями к шестам остова яранги, а внизу подоткнуты и придерживаются внутри яранги камнями, тяжелыми мешками с одеждой или нагруженными нартами. Снаружи и цилиндрическая, и коническая части покрышки и сверху, и внизу обвязывается ремнями, концы которых привязываются к нагруженным нартам или к кольям, вбитым в землю или снег. Вокруг них снег обливается водой и образует плотную, задерживающую массу льда. Легкие ездовые санки, когда они не используются, привязываются на крыше, прижимая, таким образом, покрышку к остову.

Обыкновенные корякские яранги больше чукотских. В одной яранге может жить несколько семей. Спальные полога располагаются вокруг стен, за исключением места входа.

У чукоч же обычно делается только один спальный полог около стены, противоположной входу, потому что у них не родственные семьи в одной яранге не живут. Вследствие этого стены чукотской яранги более сдвинуты, передняя часть с входом усеченная, а задняя, с пологом, выдается наружу.

Диаметр большой корякской яранги — 8—9 метров. Середина ее так заставлена столбами и шестами, что напоминает леса какой-нибудь постройки. Очаг устанавливается не в самом центре, как у тунгусов, а в середине линии, проведенной от передней стенки расположенного в глубине полога до входа. Дымовое отверстие находится на склоне крыши со стороны входа, а задняя часть конуса вся покрыта шкурами до верха шестов.

Внутренний полог в азиатских передвижных жилищах описанного типа служит обычно только

Рис. 7. Яранга оленьих коряков.

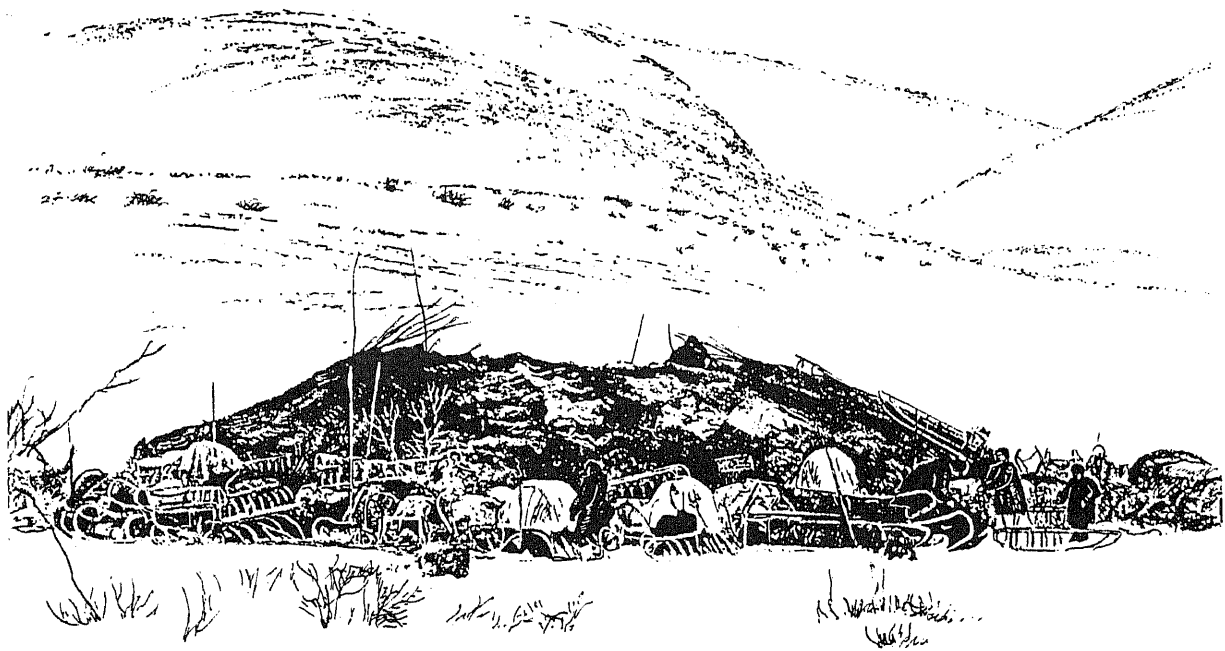

Рис. 8. Большая яранга на ярмарке.

для спанья, но у коряков и чукчей это также жилое помещение, в особенности зимой. Делается полог (*уоуоһи*) в виде прямоугольного ящика, дном кверху, из выделанной шкуры взрослых оленей, убитых осенью, шерстью внутрь, и сшивается сухожильными нитками.

У коряков я не видел таких больших внутренних пологов, как у оленных чукок на Колыме, где в пологе можно свободно стоять. Высота корякского полога колеблется между 1.3—1.5 метра, длина 2—4 метра, а ширина 1.3—2 метра. К верхним краям продольных стен приделаны ремни, которыми полог привязывается к перекладинам остова яранги, а передняя часть, обращенная к очагу, привязана к шесту, лежащему на перекладинах.

Пол спального полога устилают ветвями ивы, которые покрывают оленьими шкурами. Низ задней и боковых стенок загибается внутрь и на него стелются постели. Когда все укладываются спать, подгибается и передняя стенка.⁹ Я останавливаюсь только на различиях в использовании полога у чукчей и коряков.

Коряки редко разбирают свои внутренние полога, чтобы выбить их на снегу и высушить. Они сушат их в течение дня, только приподняв переднюю стенку полога. Таким образом, сырость, собирающаяся от спящих там ночью и осаждающаяся на шкурах, пары чая и горячей пищи вместе с грязью и жиром только отчасти выветриваются в течение дня. Поэтому корякские полога грязнее чукотских.

Вечером полог закрывают, зажигают лампу, и семья пьет чай и ужинает. За это время полог нагревается до того, что мужчины снимают одежду и остаются полуголыми.¹⁰ За ночь полог охлажда-

⁹ Детальное описание полога см.: *Bogoras W. The Chukchee...* P. 169.

¹⁰ Любопытно, что чукотские женщины, раздеваясь, обнажаются до пояса в присутствии чужих, корячки же для этого слишком скромны.

ется так, что температура только на три или четыре градуса выше наружной.

В корякской яранге редко меньше трех или четырех пологов. Хозяин, семь его родных и его пастухов — все живут в одной яранге. Иногда одноплеменники, не родные, но кочующие вместе, живут в одной юрте.

Во время Палпалской ярмарки (рис. 8) оленные коряки построили одну общую ярангу с двумя очагами, поставленными как фокусы эллипса с проходом посередине, по обеим сторонам которого устроили шестнадцать пологов — по восемь с каждой стороны. Длина этой яранги была больше 20 метров и жили в ней больше ста человек. Кеннан упоминает о большой яранге оленных коряков в северной Камчатке, в которой он насчитал двадцать шесть пологов.¹¹ Мне не случалось встречать яранг, вмещающих так много людей, кроме этой одной на ярмарке. В большой юрте тайгоносского старосты было шесть пологов для тридцати человек. В их числе было одиннадцать человек не родственников — пастухов с их семьями.

Разница между зимней и летней ярангой — в качестве крыши. Зимняя делается из лучших и более тяжелых шкур, все дырки зашивают и покрывают заплатами, а вокруг яранги нагребается снег. Внутренние полога на лето делают из старых шкур с коротко остриженным волосом. У некоторых оленных коряков полуострова Тайгонос я видел полога, сделанные из выделанных оленьих шкур, как у тунгусов.

По моему мнению, корякская яранга с ее внутренним спальным пологом является чем-то средним между кибиткой азиатского кочевника и снежным домом эскимоса. Внутренний полог освещается и отчасти нагревается лампой с оленьим жиром, как лампа эскимосов, а очаг внеш-

¹¹ *Kennan G. Tent-life in Siberia and adventures among the Koriak and other tribes in Kamchatka and Northern Asia.* London, 1870. P. 197.

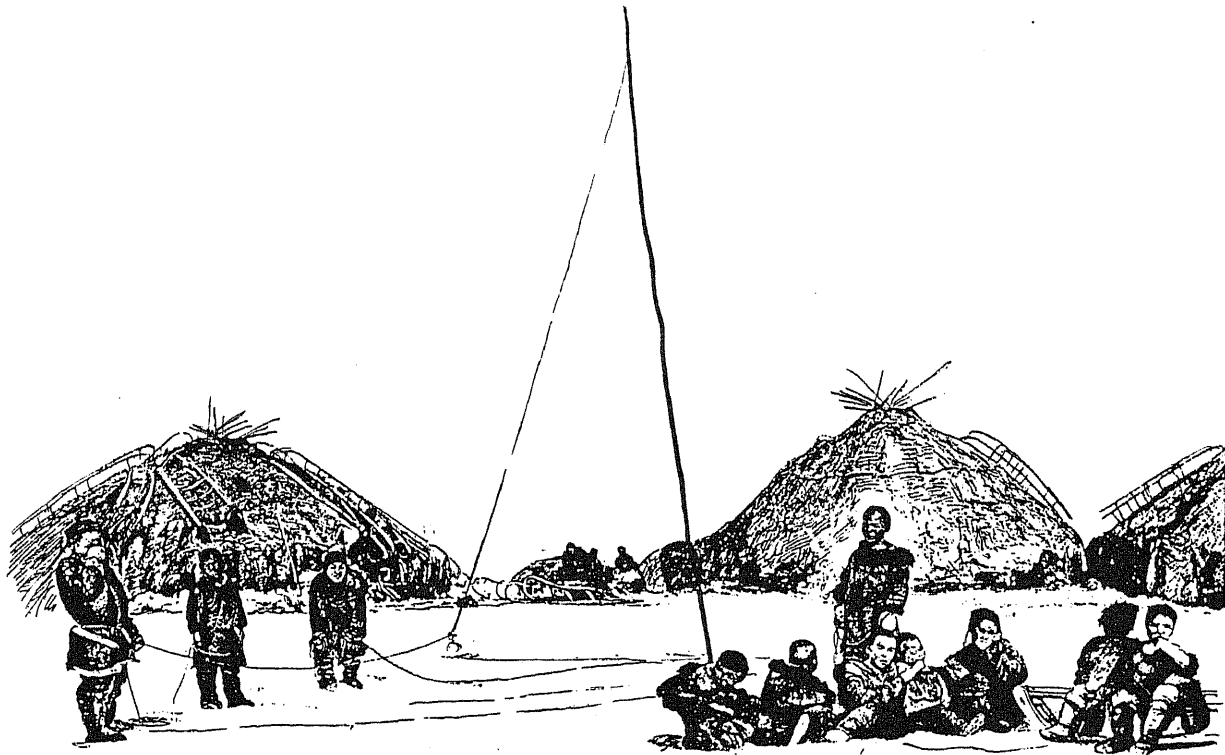

Рис. 9. Яранги и игровой столб.

ней яранги служит главным образом для варки пищи.

Стойбище (*yámkin* — буквально «народ», термин, применяемый только к стойбищам оленеводов-кочевников) коряков редко состоит больше, чем из трех яранг, кроме особенных случаев, когда коряки собираются в большом числе с торговыми целями или на праздники. По крайней мере я никогда не видел большего числа яранг. Стойбище (рис. 9) обыкновенно состоит из семейств, соединенных узами родства (по крови или по свойству), или из семьи богатого оленевода и семей его пастухов, или из нескольких семей, вовсе не родственных друг другу, но которые соединили свои маленькие табуны ради удобства коллективного выпаса и надзора за общим табуном.

Стойбище полярных кочевников передвигается с места на место вовсе не так часто, как это предполагают. В течение года бывает четыре главных перекочевки. К зиме, в октябре, они останавливаются в речных долинах под защитой высоких берегов, среди тополевых и осиновых рощ. Весной, в конце марта, до периода отела, спускаются к нижним течениям рек, в открытые тундры, покрытые лишайником. Летом, в июле, они поднимаются в горы, к истокам рек. Осенью, ко времени праздника молодых оленей, они возвращаются на высокие тундры водоразделов и в долины рек.

Другие переходы зависят от особых причин, как например, истощение пастбищ, появление эпидемий у людей или какой-нибудь болезни, поразившей оленей. Иногда передвигаются ради торговли.

В прежние времена, по рассказам коряков, когда предполагалось нападение враждебных соседей, или во время войн с русскими, вокруг стой-

бища ставили нарты и стадо загоняли внутрь этого укрепленного лагеря.

ПРИМОРСКИЕ КОРЯКИ

Жилище приморских коряков называется так же, как и яранги оленных, — *li'ge-yan* («настоящий дом») или *yauáŋi*. Это подземное или, скорее, полуподземное постоянное, прочно выстроенное жилище. Сооружается оно из дерева, в основном из тополя или осины, которые достигают значительной высоты даже в низовьях рек корякской территории. Коряки сплавливают лес летом к устьям рек, а иногда пользуются наносным лесом, который можно найти возле устьев рек и заливов нагроможденным, как горы.

По величине жилища разные, смотря по числу жителей. Часто встречаются небольшие дома на одну семью в 5—8 человек. В старину жилища строились, по-видимому, просторнее, судя по раскопкам, произведенным мною на местах древних селений в Гижигинской губе. Тогда семьи делились реже, и все родственники жили вместе. Теперь в одном доме живут в среднем от шести до тринадцати человек. Только в одном из 110 подземных жилищ, которые я переписывал в Пенжинской губе (в селении Парень), я нашел двадцать одного человека, которые составляли две семьи. По рассказам, в прежние времена бывали подземные жилища, вмещавшие до сорока человек. У кереков мы и теперь еще находим двадцать пять человек, живущих вместе. В одном доме в Микино оказалось пятнадцать жителей. Длинной это жилище было пятнадцать метров (без сеней), шириной 12 метров и высотой 7 метров (рис. 10). Подобное

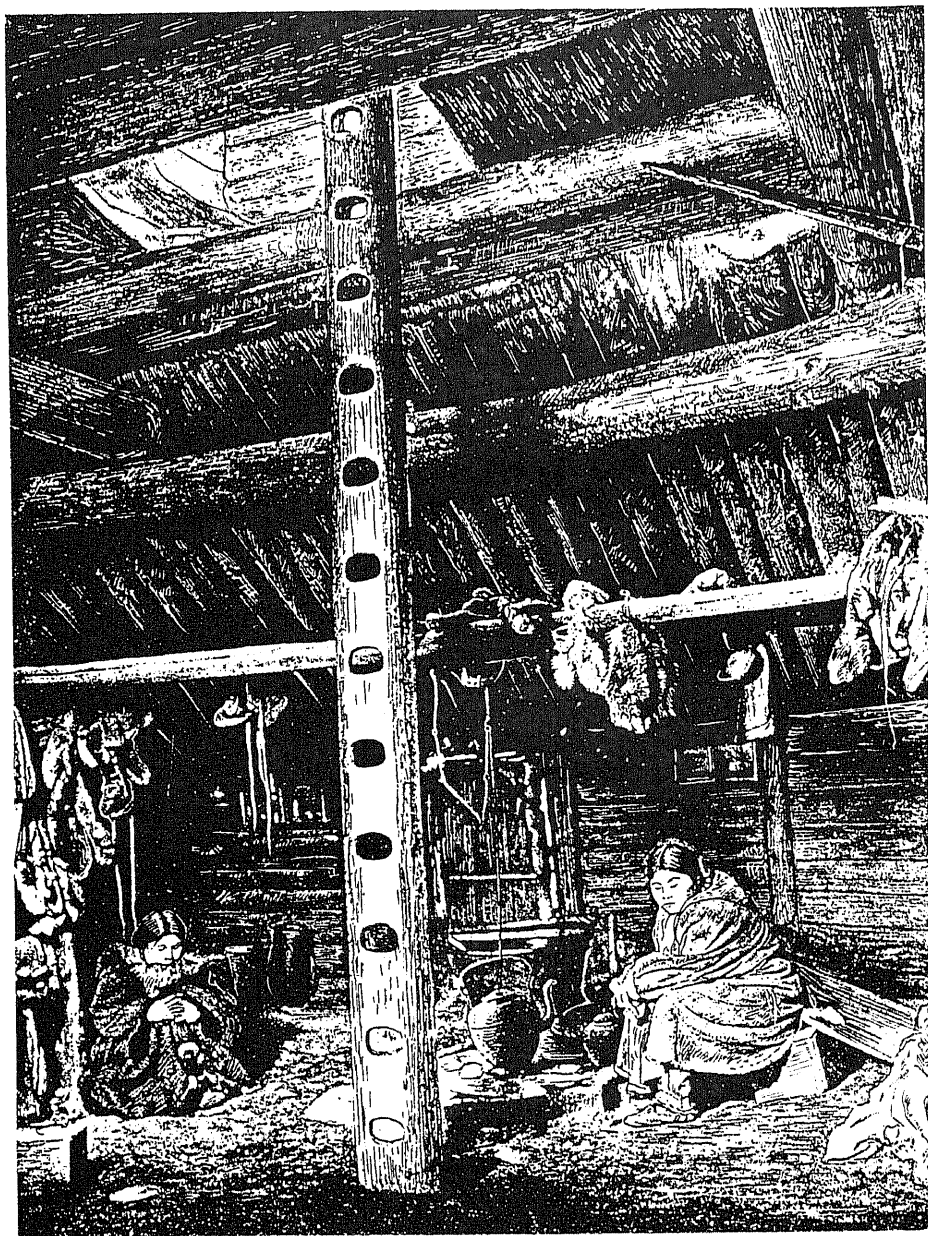

Рис. 10. Интерьер подземного дома.

жилище немного больше обыкновенного современного дома, часто встречаются жилища вдвое или более чем вдвое, меньше этого.

Чтобы выстроить подземный дом роется круглая яма в 1 или 1.5 метра глубины, в которой закладываются стены в виде восьмиугольника, но с неровными сторонами. Две стены (рис. 11, *а*) длиннее двух других (*б*), а еще четыре стены в половину меньше первых. На восьми углах вкапываются столбы высотой в рост человека. Между ними вбиваются два вертикальных ряда расколотых бревен, или больших столбов, или круглых шестов. Пространство между рядами заполняется сухой травой. В верхушках восьми основных столбов сделаны вырезы, в которые вставляются поперечные балки. Верхние концы бревен вертикальных стен вставляются в выемки этих балок. Иногда один ряд стеновых бревен, внутренний или внешний, ставится вертикально, а другой горизонтально, и тогда концы вставляются в выемки,

сделанные в угловых столбах. Когда вертикальные стены готовы, они снаружи доверху засыпаются землей, вырытой при устройстве ямы.

Четыре главных столба вбиваются в землю в середине пространства, окруженного стенами. Они поддерживают крышу яранги и образуют квадрат. В больших домах диаметр этих столбов более 30 см, а высота от 5 до 7 метров и более. На верхних концах их выдалбливаются гнезда, в которые вставляют две поперечные балки; в выемки на их концах вставляются две другие балки, так что все четыре образуют верхнюю квадратную раму (рис. 12). От этих балок до верхних перекладин нижних стен накладываются расколотые пополам тополевы или осиновые жерди, образующие четыре стороны крыши. Треугольники, оставшиеся открытыми на четырех углах, тоже покрываются жердями различной длины.

Все щели между бревнами тщательно конопатятся сеном и засыпаются землей, а сверху накла-

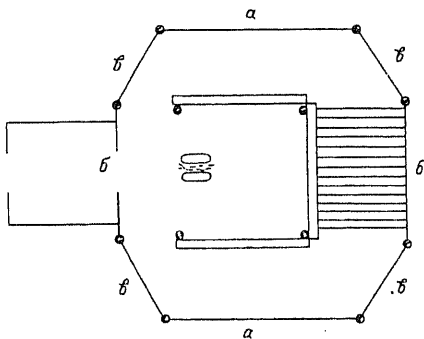

Рис. 11. План полуподземного жилища.

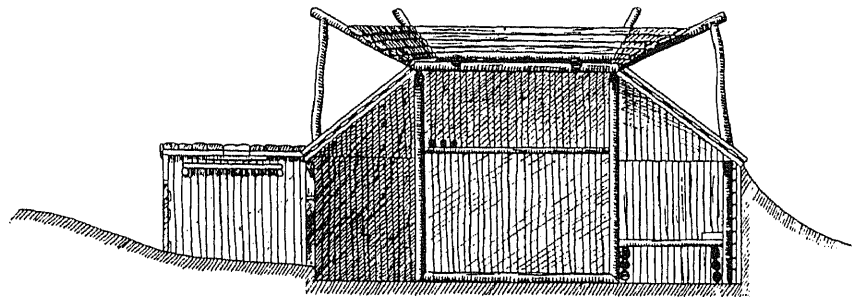

Рис. 12. Разрез полуподземного жилища.

дывается еще ряд плах. Таким образом, наклонная крыша готова. Из каждого угла верхней четырехугольной рамы, образованной четырьмя главными балками, выступают наклонно вверх по два бревна. Их нижние концы вставлены в балки, по обе стороны угловых столбов юрты, а широко расходящиеся верхние концы лежат в выемках в верхнем конце подпорок, называемых *tivo'-aiuq'gil*. Подпорки врыты в землю вне стен дома. Бревна эти соединяются плахами и образуют нечто вроде воронки или перевернутого зонтика, поставленного вверх квадратной рамы наверху крыши. Эта воронка называется по-корякски *ti'votil* и устраивается для защиты верхнего входа землянки от снежных заносов во время метелей. С какой бы стороны ни несся снег, он ударяется о нижнюю стенку воронки и рассыпается во все стороны. Внутри воронки настилается квадратная верхняя крышка с квадратным зимним входным отверстием посерединке (рис. 13). Делается она из бревен, покрывающих раму из четырех верхних перекладин, и образует дно стенок воронки.

В середине ее оставляется аккуратно сделанное квадратное отверстие, каждая сторона которого равна приблизительно одному метру. Это зимний вход (*činaugičnin*), через который по лестнице (*yidiigit*) люди спускаются в жилище. Вместе с тем это же и дымовое отверстие. Верхняя крыша делается так же из бревен в два ряда с прокладкой мхом и землей, как и боковые ее скаты.

Одна сторона воронки со стороны сеней уже и ниже других; к ней приставлена лестница, чтобы можно было с крыши сеней подняться на верхнюю крышу дома (рис. 14).

Сени представляют собой узкий крытый коридор, ведущий в дом. Они тоже вырыты в земле. По четырем углам врыты короткие, прямые столбы, между ними пространство забрано жердями, образующими две боковые стенки. В передней стенке делается низкая дверь, и против нее, в стене дома, тоже прорезывается такая же дверь. Обе двери подвешены на деревянных петлях. На столбы кладутся горизонтальные балки и покрываются сверху поперечными плашками, образующими крышу. После этого сени засыпаются землей и сверху, и с боков, так что на крышу сеней можно войти без лестницы. Высота сеней едва в человеческий рост. Мне приходилось нагибать голову, чтобы проходить по ним. Обе же двери едва выше метра, и потому в них приходится совсем нагибаться.

Земляной пол сеней слегка наклонен к двери, ведущей в землянку. Вход из сеней в дом огражден порогом. Земляной пол дома несколько ниже, чем пол сеней. Сени обычно называются *yáxel*.

Дверью из сеней в дом пользуются только в период рыбной ловли и охоты на морского зверя, то есть с начала мая до конца октября.¹² В октябре, когда байдары вытаскивают из воды и убирают, входную дверь в сени закрывают. Сначала ее закладывают сухой травой, потом засыпают землей, которую придавливают тяжелыми бревнами (рис. 15). Обычай закрывать дверь на зиму легко объясняется желанием избавиться от неприятной необходимости постоянного откапывания входа от снежных заносов.

В Каменском моя жена и я жили в маленькой бревенчатой избе, принадлежавшей казаку, бывшему в то время в отъезде, и у нас было достаточно возможности испытать все неудобства подобного жилища в этом климате. Всякий ветер, сильный или нет, засыпал снегом наш дом доверху, и мы были заперты, пока мои люди — казак или переводчик, спавшие в соседнем корякском доме, не приходили вместе с коряками и не откапывали нашу дверь.

Коряки придают религиозное значение обычаю закрывать дверь на зиму. Они говорят, что грешно

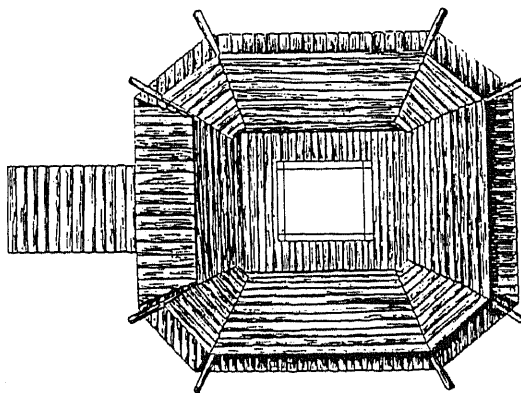

Рис. 13. Схема крыши полуподземного жилища.

¹² Сообщение Шренка, со слов Майделя, что коряки входят в дом через дверь в сенях только раз в год, — неверно. Майдель, очевидно, получил ложные сведения (см.: Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. II. С. 25; Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1866—1870 годах. СПб., 1896. Т. 1. С. 14).

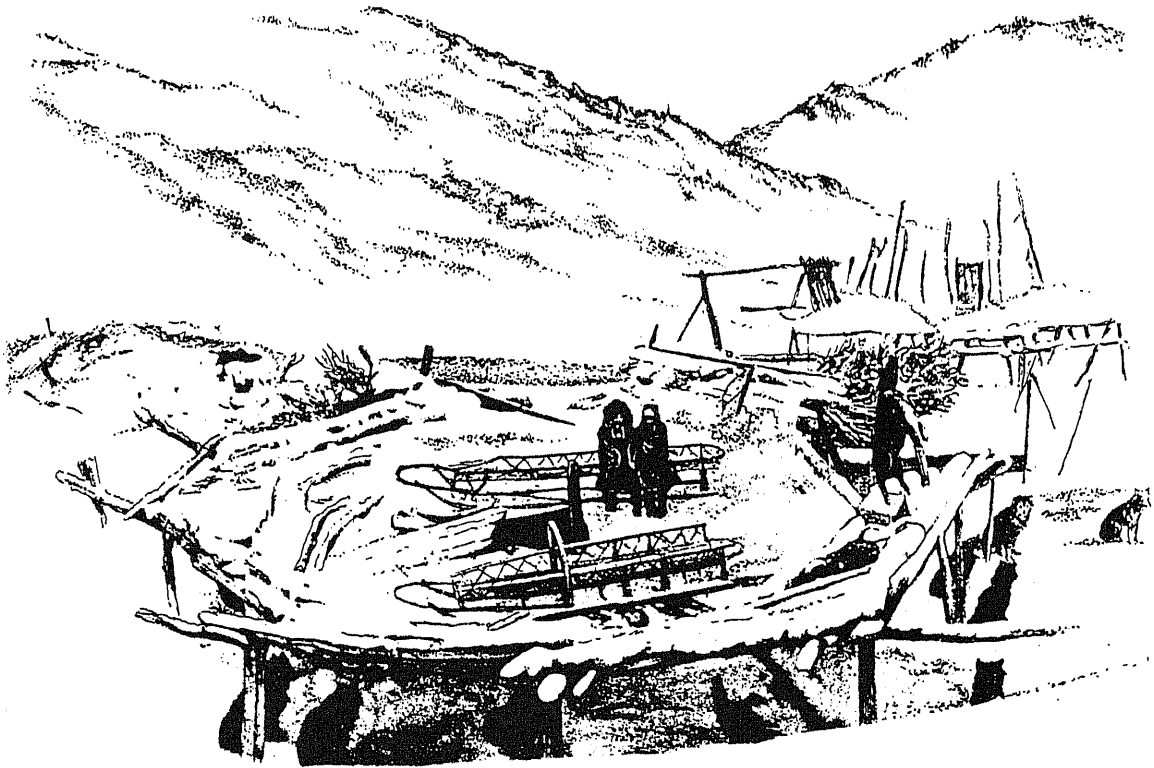

Рис. 14. Вид на крыши-воронки.

пользоваться этим входом зимой, но никто не мог объяснить мне значение этого запрета, только один дал правдоподобное объяснение.

Как вход в ярангу оленного коряка обращен туда, где встает солнце, так нижний вход в подземное жилище приморского коряка обращен к морю. Летом дверь нижнего входа открыта, чтобы дать свободный проход морскому зверю, как гостю; если же без всякой причины дверь оставить открытой на зиму, когда никакой охоты на морского

зверя нет, то на будущее лето он будет избегать этого дома, и его жители будут терпеть неудачу на охоте. Нижние двери домов, обитаемых только зимой, совсем не открываются.

Когда нижний вход совсем засыпан, в середине дома ставится вертикально лестница, выходящая в отверстие крыши. Она делается из расщепленного в длину пополам ствола тополя. Гладкая сторона — задняя часть лестницы — выдалбливается желобом, чтобы ее легко можно было захватить

Рис. 15. Вид селения Куэл.

руками. Вместо ступеней пробиваются отверстия на расстоянии 30—40 сантиметров одно от другого. Они имеют вид слегка приплюснутого круга и достаточно велики, чтобы небольшие ступни коряков, в особенности женщин и детей, могли входить в них до подъема; но мои ноги в толстых зимних чулках и торбазах едва входили в отверстия, а по лестницам с более мелкими отверстиями мне приходилось ходить на носках. Я помню, как однажды носок моего сапога соскользнул из отверстия, и я полетел бы с высоты пяти метров, если бы не держался крепко руками за лестницу, и, таким образом, мог соскользнуть до низу. Однажды мой казак нес чашку с мукой для обеда и, сходя вниз, хотел перехватить чашку из одной руки в другую, но при этом выпустил стремянку, потерял равновесие и упал прямо на спину.

Случается, что и коряки падают, но обычно они бегают по стремянке с тяжестями в одной руке, с детьми на спине, с тяжелыми бадьями воды или ведрами горячего поила для собак. Особенно интересно наблюдать, как искусно они попадают в отверстия, совершенно не глядя на свои ноги. Дети трех и четырех лет влезают наверх, как белки, а вниз просто соскальзывают на руках, чтобы не терять времени. Такой способ соскальзывания небезопасен, как я узнал по опыту. Лестница делается совершенно гладкой, так, чтобы нельзя было занозить руки, а со временем она покрывается слоем жира, смешанного с сажой, что похоже на темный лак. Края скользкие, и крепко ухватиться за них руками, в особенности в рукавицах, совершенно невозможно. Если одна нога выскользнет из отверстия до того, как другая станет в следующее, то возможно падение. В таких случаях ни в коем случае нельзя выпускать лестницу из рук, иначе непременно приземлишься на пол спиной.

В домах, где живут круглый год, лестницу летом снимают и кладут на пол около стены до следующей осени. Когда ее ставят, то мажут жиром и заговаривают, чтобы она не впускала в дом никаких злых духов. Лестница — один из семейных охранителей, и верхушка ее вырезана в виде человеческого лица.¹³ Эта верхушка выступает почти на 1.3 метра над отверстием, так что ее можно обхватить руками, когда начинаешь сходить вниз. К отверстию лестница привязана ремнями, чтобы она не шаталась и не могла упасть назад, и ставят ее ближе к левому углу, чтобы тяжелые вещи, которые носят правой рукой, не стучались о раму входного отверстия. Этим же объясняется ее вертикальное положение, т. е. чтобы бадьи, тяжести и дети, которых носят на спине, не стучались о заднюю сторону рамы отверстия. Очень тяжелые или громоздкие вещи поднимаются и опускаются на ремнях.

Очаг состоит обыкновенно из двух продолговатых камней, положенных на земляной пол на расстоянии примерно 50 сантиметров один от другого. Костер раскладывается между ними. Очаг

отстоит от лестницы на полметра в сторону сеней. Входит ли кто в юрту или выходит, он всегда оказывается лицом к огню. Дым вместе с пеплом и горячим воздухом выходит в отверстие вдоль лестницы, и верхняя ее часть становится такой горячей, пока горит огонь, что обжигает руки.

Сначала нам было очень трудно сходить в землянку, когда в ней горел огонь. Как только мы становились на лестницу, дым ослеплял нам глаза, от жара перехватывало дыхание, но после первых мгновений, как только мы спускались немного, мы уже чувствовали облегчение. Коряки же не испытывают никакого неудобства от того, что верхнее отверстие дома служит для двух целей: и входом для людей, и дымовым отверстием.

Тяга устраивается таким образом: дверь из дома в сени не запирается даже зимой, потому что сени служат холодной кладовой. Там хранятся туши нерп, убитых поздней осенью, жир, ягоды, запасенные на зиму, мороженая рыба и другие припасы. Для этого там устроены полки. Климат требует, чтобы часть припасов была под рукой, потому что в сильный ветер трудно, в особенности женщинам, дойти до складов, построенных на сваях. В крыше сеней делается круглое отверстие, достаточное, чтобы человек мог пролезть в него. Оно называется *páuč̣ñin*. Женщины и дети часто пользуются этим отверстием, чтобы не лазать по лестнице. Мужчины находят несовместимым со своим достоинством входить в дом через эту дыру. В старину «превращенные в женщин» мужчины (*kavau*)¹⁴ тоже обыкновенно проходили через это отверстие. Через него же опускают собаку упряжь, припасы и другие вещи. Оно же дает тягу.

Когда огонь в доме не горит, дверь в сени закрывают, а отверстие в крыше закупоривают затычкой, сделанной из стеблей колосняка (*Elymus mollis*). Когда огонь зажжен, затычку вынимают снаружи и кладут на крышу сеней, а дверь из них в дом открывают. Тогда струя холодного воздуха выгоняет дым в отверстие наверху, но так как оно расположено не прямо над очагом, то дым, ударяясь в потолок, стелется по всему верху дома, а внизу можно сидеть на полу в атмосфере, не затронутой дымом. Например, я спокойно мог делать заметки, сидя на бревне, но когда я вставал, чтобы делать антропометрические измерения, в то время, как огонь горел, глаза мои начинали слезиться. Во время сильного или порывистого ветра образуется встречный или переменный ток воздуха, и весь дом наполняется дымом.

Осенью коряки рубят плавник мелкими поленьями и кладут их на крышу вокруг воронки, кроме входной стороны. Делается это для того, чтобы иметь запас дров под рукой на случай сильной пурги, которая иногда свирепствует несколько дней подряд, и тогда совершенно невозможно выйти из дому. Конечно, зимой в хорошую погоду запас дров подновляется. Колют их мелко для того, чтобы огонь разгорался скорее.

Когда разводится огонь, и дверь в сени открыта для тяги, то холодный воздух проходит по ногам и в доме становится совсем холодно, но, как

¹³ Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1905. Vol. VI. Part 1, P. 43.

¹⁴ Ibid. P. 53.

только дрова прогорят и тяга закрыта, воздух начинает нагреваться. Когда в очаге остаются одни красные угли и дымовое отверстие закрывается, в помещении становится очень тепло, до 20 градусов Цельсия, и тепло держится довольно долго. За ночь дом выстывает, и к утру температура часто бывает ниже нуля. Таким образом, температура падает в промежутках между топками, а топят для сбережения дров два или три раза в день; неизменно утром, как только встают, и вечером перед сном, т. е. ко времени двух главных приемов еды. Третий раз топят иногда днем, чтобы приготовить чай, или в случае прихода гостей.

Жилище приморских коряков в сравнении с ярангой кочевников служит хорошей защитой от морозов и ветров. Я думаю поэтому, что этот тип полярного жилища древнее яранги, которая должна была появиться на далеком северо-востоке Азии вместе с домашним оленем.

Крышка для верхнего отверстия в крыше делается из досок, привязанных ремнями к двум поперечинам. Она немного больше отверстия и с одной стороны имеет полукруглый вырез для лестницы, таким образом весь вход плотно закрывается. Но днем отверстие все-таки редко закрыто, потому что люди постоянно ходят вверх и вниз. Только вечером, когда все улягутся, вход всегда закрывается. Тот, кто это делает, поднимается по лестнице и рукой снизу задвигает крышку; конечно, щелей для вентиляции остается достаточно.

Крышка входного отверстия служит также для регулирования тяги, пока горит огонь. Ее ставят вертикально против ветра, чтобы помешать ему дуть вниз. Для этой же цели служит и травяная затычка отверстия над сенями. Ее ставят на краю в направлении, противоположном ветру, который ударяет об нее, входит в дыру. Все эти приспособления, конечно, при сильном ветре никуда не годятся.

Внутреннее устройство подземного жилища следующее. На стороне, противоположной сеням, за столбами устроен помост из досок от 30 до 60 сантиметров высотой. Это место (*ayó-ai*) служит сидением и спальней гостям. Оно покрыто тюленьими и оленьими шкурами. На нем вдоль стен разложены часто употребляемые домашние вещи. Правая и левая сторона дома называется *yelñi-xal*. Справа живет хозяин, слева — его братья, родственники и соседи. Пространство за столбами называется *yoyóñi*¹⁵ и служит спальнями; пол здесь земляной, как и в середине дома. Это место отделено от середины жилища бревнами. Пол усыпан ивовыми ветками, покрытыми сухой травой (в северной Камчатке употребляются травяные циновки), а сверху оленьими и тюленьими шкурами. На этих шкурах ставятся спальные полога.

Эти полога такого же вида, как и у оленных коряков, но вместо тяжелых оленьих шкур их делают из старых шкур, служивших прежде постелями, или из старой одежды. Волос со шкур срезают острым ножом. Полога служат только для

спанья и занавешиваются только на ночь. Днем переднее полотнище поднимается кверху и подвывается ремнями. Там на шкурах под поднятым пологом держат детей, там же женщины сидят за работой (рис. 16). Мужчины днем сидят на бревнах перед пологами или валяются на постелях. В поlogах спят головой к центру дома. Мешки с одеждой, обрезками меха, сетями и другими домашними вещами служат подушками, а бревна их поддерживают.

В больших домах для прочности между центральными столбами вбивается еще три добавочных. У четырех основных центральных столбов в землю вбиваются колья, высотой в рост человека. На их верхние концы, привязанные к главным столбам ремнями, кладутся перекладыны, на которые вешается одежда, обувь и другие домашние вещи. Со стороны очага перекладыны нет, над ним во всю ширину дома расположено несколько прочных брусев, концы которых привязаны ремнями к верхним перекладам. Они образуют нечто вроде решетки, на которую одежда, обувь и дрова кладутся для просушки. К ним же привязывают деревянные, железные или из оленьих рогов крюки для подвешивания котлов и горшков над огнем (рис. 10).

Все углы дома, места между пологами и помост для гостей служат обыкновенно складами. Там вешаются сети, собачья упряжь, охотничьи принадлежности, лыжи, инструменты и другие вещи. Рядом с дверью в сени ставят большой железный сосуд для воды, блюда, чайники, деревянные и кожаные ведра, а также и ночные горшки.

Если, как мне кажется, юрта оленного коряка построена по типу жилищ азиатских кочевников, адаптированных к полярному климату, то подземный дом приморских коряков представляет собой тип палеоазиатско-американского жилища. Подобных жилищ у тюрко-монгольских племен мы не находим. У всех так называемых палеоазиатских племен были прежде или есть и теперь подземные дома, подобные жилищу коряцкого типа. Древнее камчадалское жилище, как его описывает Стеллер,¹⁶ отличалось от современного жилища приморских коряков только отсутствием воронкообразной крыши, сеней и тем, что лестницы были не с отверстиями, а с зазубринами.

Кереки не делают воронкообразных крыш, потому что у них нет нужного для этого материала.¹⁷ На реке Тылхой я тоже нашел коряцкий дом без воронкообразной крыши. Но он стоял в лесу, где ветер не так жесток. По поверию коряков, дома злых духов (*kalau*) не имеют воронкообразных крыш. Мы можем справедливо предположить, что это особенное сооружение, которое мы встречаем у коряков, не характерно для общего типа этих жилищ.

Жилища камчадалов не имеют сеней, потому что в них живут только зимой, у коряков же сени всю зиму закрыты. У камчадалов подземный ход,

¹⁶ Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt; Leipzig, 1774. P. 212.

¹⁷ Bogoras W. The Chukchee... P. 183.

¹⁵ Так же называется внутренний спальня полог у оленных коряков.

Рис. 16. Интерьер дома.

идуший от очага наружу,¹⁸ заменяет корякские сени. Женщины, дети и мужчины, «превращенные¹⁹ в женщин», обыкновенно ходили этим ходом. Он же служил кладовой, и в нем была травяная затычка, которую вынимали, разводя огонь, чтобы была тяга. Летом камчадалы жили обыкновенно в конических шалашах, поставленных на высоких помостах на сваях. Как мы увидим дальше, у коряков есть такие же постройки на сваях, служащие складами.

Л. Я. Штернберг говорит, что гиляки* приняли маньчжурский надземный тип зимних домов только в местах, близких к реке Амур.²⁰ В других местах они сохранили свои полуподземные жилища коряцкого типа. Шренк дает подробное описание и разрез такого жилища.²¹ В настоящее время дымовое отверстие не служит входом, и у него нет лестницы, но Штернберг предполагает, что прежде выход был через дымовое отверстие, как у камчадалов и коряков. Даже теперь в определенных случаях это отверстие служит дверью. На медвежьем празднике гиляки спускаются в дом со шкурой и тушей убитого медведя по бревну,

нарочно для этого вставленному в дымоход. После праздника все обрядовые принадлежности, а также кости медведя вытаскиваются тем же путем.²² Теперь гиляки входят в дом через узкий проход, покато спускающийся к двери, как корякские сени. Дверь устраивается со стороны наиболее защищенной от ветров, пол дома ниже прохода. Очаг устраивается посреди жилища под отверстием в крыше.

Обычай строить подземные дома был у айнов. У Шренка мы находим описание современного подземного жилища айнов на юге Сахалина.²³ Входят в него через боковую дверь. Крыша достаточно удлинена настолько, чтобы образовать перед входом крытые сени со ступеньками, ведущими в дом. Очаг располагается ближе к двери, но в маленьких домах он тоже посередине. В больших домах было по два очага по углам по обе стороны от двери, и над каждым — отдельное отверстие для дыма. Нередко от самого очага до сеней идет туннель, чтобы усилить тягу. Гримм²⁴ описывает современное жилище айнов на острове Шикотан. Очаг расположен в правом углу землянки на стороне двери, а надземное, летнее, жилище служит ему входом.

¹⁸ Steller G. W. Beschreibung... P. 212; Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 40.

¹⁹ Jochelson W. The Koryak... P. 52.

²⁰ Штернберг Л. Я. Гиляки острова Сахалин // Этнографическое обозрение. Журнал Этнографического отделения Императорского Общества любителей естествознания, этнографии и антропологии в Москве. 1904. № 1. С. 18.

²¹ Шренк Л. Об инородцах ... Т. II. С. 12.

²² Штернберг Л. Я. Гиляки ... С. 6.

²³ Шренк Л. Об инородцах ... Т. II. С. 23.

²⁴ Grimm H. Beitrag zur Kenntniss der Koropokguru von Yezo und Bemerkungen über Shikotan Aino // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. Tokio, 1889—92. Band V. P. 369—373.

Важный вопрос относительно остатков древних подземных жилищ, находимых на островах Иезо и Сахалин, будет обсуждаться в главе X, в разделе, посвященном гончарному производству.

Я говорил уже раньше, что подземных корякских жилищ нет больше по берегам Гижигинской губы; но остатки подобных жилищ можно найти по берегам и островам Гижигинской губы и Охотского моря до самого селения Ямск, а может быть, и южнее.

Мне кажется, что звено между этими развалинами и древними айно-гилякскими землянками, а также и современными подземными домами можно найти в развалинах подобных жилищ по берегам нижнего течения и устья Амура,²⁵ которые тоже могут быть приписаны древним гилякам.

Возвращаясь к приполярным палеоазиатам, мы находим, что у юкагиров былых времен тоже были подземные дома.²⁶ Об этих жилищах мы будем говорить подробнее в труде, посвященном юкагирам.

Чукчи, даже приморские, делают теперь свое жилье из оленьих шкур,²⁷ но вдоль полярного берега от мыса Эрри (Шелагского) до Берингова пролива²⁸ и вдоль Чукотского берега Берингова моря к югу от Восточного (или Чукотского)²⁹ мыса встречаются остатки подземных жилищ. Остов их по недостатку леса делался из китовых костей.

Врангель, услышав от чукчей, что эти жилища когда-то принадлежали «онкилонам», решил, что они были покинуты эскимосами, жившими на азиатских берегах Ледовитого океана и перешедшими впоследствии в Америку. Но, как уже говорилось раньше, «онкилон» — неправильно переданное корякско-чукотское слово *anqalan* («приморский житель»). Даже теперь коряки и чукчи называют так всякого приморского жителя. Это название не проливает света на племенную принадлежность этих групп населения.

На основании сходства между остатками подземных жилищ на азиатских берегах Ледовитого океана и остатками, найденными на островах у северных берегов Америки, Р. Маркхам³⁰ выдвинул теорию о переселении эскимосов в Гренландию из Азии, теорию, неосновательность которой была доказана Боасом.³¹

Л. Шренк³² предположил, что остатки подземных домов на берегах Ледовитого океана были

древними жилищами предков теперешних чукоч, в которых они жили до того, как заимствовали яранги из шкур. На беринговоморском побережье Чукотского полуострова в селениях приморских чукоч, а также и азиатских эскимосов В. Г. Богораз³³ видел остатки подземных домов.

По описанию Богораз,³⁴ в этих подземных жилищах, называемых чукчами *walkar* («домами из челюстей»), было тоже два входа, но в противоположность корякскому подземному жилищу верхний вход в верхней части стены употреблялся летом, а зимой ходили через длинный узкий подземный ход, который летом наполнялся водой. Пол внутреннего помещения был выше, чем этот ход, и вода не попадала в жилье.

В домах же коряков, камчадалов, гиляков и айнов пол жилого помещения, как уже говорилось, ниже пола сеней или вытяжного хода. Летом подземные дома камчадалов наполнялись водой и, по Стеллеру и Крашенинникову,³⁵ это объясняет, почему лето проводили в жилье, построенном на сваях. Как и эскимосское снеговое жилище, чукотский «дом из челюстей» отапливался и освещался жировой лампой. Отверстие в крыше, покрывавшееся китовой лопаткой, служило только для пропуска света.

Обратимся теперь к Америке. Из описаний русских и других путешественников, таких как Сарычев,³⁶ Зауер,³⁷ Лангсдорф³⁸ и Вениаминов,³⁹ мы видим, что подземный дом, подобный камчадалскому, служил жилищем древним алеутам. Остов делался из наносного леса или китовых ребер. Отверстие в крыше служило выходом для дыма, окном и входом в дом, который отапливался огнем очага; люди спускались в дом по бревну с зарубками. Кроме жилого помещения в середине дома, вокруг него были маленькие боковушки с узкими выходами наружу, очень похожими на камчадалский вытяжной ход.

Остатки подземных домов можно найти от Кадьякских островов вдоль американского берега Берингова моря и Ледовитого океана до самой Гренландии. Существует несколько разновидностей этих жилищ.

Судя по описаниям прежних исследователей, подземные дома алеутского типа встречались у

³³ Bogoras W. The Chukchee. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1907. Vol. VII. Part 2. P. 180—182.

³⁴ Там же. С. 181, 182.

³⁵ Steller G. W. Beschreibung... P. 212; Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 40.

³⁶ Сарычев Г. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802. Т. II. С. 14, 157.

³⁷ An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia... performed by command of Catherina the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785 to 1794. The whole Narrated from the original Papers, by M. Saner, Secretary of the Expedition. London, 1802.

³⁸ Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—1807. (Frankfurt a. M.). Vol. II. P. 30, 56.

³⁹ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. С. 204—211.

²⁵ О ямах, оставшихся от древних жилищ на Амуре, см.: Laufer B. Die angeblichen Urvölker von Yezo und Sachalin // Centralblatt für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jena, 1900. Vol. V. P. 321—330.

²⁶ Wrangel F. Narrative of the Expedition to the Polar Sea in the Years 1820, 1821, 1822 and 1823 / London, 1840. Vol. 1. P. 7; Vol. 2. P. 57.

²⁷ Bogoras W. The Chukchee... 178.

²⁸ Wrangel F. Narrative ... Vol. 1. P. 403—406; Nordenskiöld A. E. Die Umseglung Asiens und Europas auf der Vega. Leipzig, 1882. Vol. 1. P. 403—406, 456 (Норденшельд А. Е. Плавание на «Вере» / Пер. со шведского. Л., 1936. Т. 1, 2).

²⁹ Bogoras W. The Chukchee... 180.

³⁰ Markham R. On the origin and migrations of the Greenland Esquimaux // The Journal of the Royal Geographical Society. London, 1865. Vol. 35. P. 87.

³¹ Boas F. Ueber die ehemalige Verbreitung der Eskimos im arktisch-americanischen Archipel // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin. Berlin, 1883. Vol. XVIII. P. 118.

³² Шренк Л. Об инородцах ... Т. II. С. 28.

эскимосов южной части Аляски с той только разницей, что наряду с небольшими подземными жилищами существовали и общественные подземные дома (*kashim*), предназначенные для празднеств, представлений и паровых бань. В некоторых местах встречались такого назначения подземные дома гьялякского типа.

В Беринговом проливе у эскимосов были подземные дома⁴⁰ типа *walkar* ов Чукотского полуострова, описанные раньше. По берегам Ледовитого океана мы опять находим маленькие землянки камчадалского типа с ходом через дымовое отверстие, но с остовом, сделанным из китовых костей. Дальше к востоку строительным материалом для стен землянок служат и камни, а для крыши используются китовые кости. Каменные стены часто очень мало углубляются в землю, а иногда сооружаются на поверхности земли и засыпаются земляным валом.⁴¹

На берегах Ледовитого океана подземные зимние дома почти совершенно вытеснены снеговыми жилищами.

Остатки подземных домов или рассказы о них можно найти у многих индейских племен северо-западной Америки, а у некоторых есть еще и теперь подземные жилища.

Одна из сказок белла-кула, берегового населения Британской Колумбии, принадлежащего к группе селищ, указывает на то, что прежде у них были подземные дома.⁴² В мифе индейцев квинолт той же группы селищ, живущих на Вашингтонском берегу, упоминается подземный дом с входом через дымовое отверстие.⁴³

У чечаутов, прибрежного племени атапасков, дом делается из бересты, и хотя он строится на земле, но на зиму устраивается как корякский подземный дом. Когда снег очень глубок, дверь запирается и выход возможен только через крышу.⁴⁴

Обычай строить подземные или полуподземные дома преобладал в прежние времена и существует еще и теперь у индейцев селищ, живущих внутри страны. Все подобные дома использовались или используются только в качестве зимних жилищ.⁴⁵ Дымовое отверстие в середине крыши служит входом, через который опускаются в дом по бревну с зарубками. Очаг располагается на полу у подножия лестницы, как у коряков и камчадалов.

Крыша делается из бревен или шестов. Большинство этих домов круглые, но некоторые квадратные.⁴⁶ Яма для них вырывается 4—5 метров в диаметре и полтора метра глубины. Крыша покрывается травой, а потом все вместе — землей, так что издали подземный дом похож на холм. В этих подземных жилищах нет бокового входа, сеней, подземного хода или вытяжного, как в подземных домах палеоазиатских народов, алеутов и эскимосов.

До последнего времени подземные зимние жилища встречались у племени шусван,⁴⁷ индейцев реки Томсон,⁴⁸ у лилуэт, у населения нижнего течения реки Фрезер. Остатки древних подземных жилищ были найдены у чилкотинов,⁴⁹ в районе реки Томсон,⁵⁰ у озера Николая (у атапасков) и в других местах внутри Британской Колумбии.

Далее к югу подземные дома, типа селищского, встречаются у индейцев на Кламатских озерах в Орегоне и в северной Калифорнии у племен хупа⁵¹ и майду.⁵² Интересно отметить, что такие прибрежные индейские племена, как тлинкиты, чимшиан, хайда, мифы которых имеют громадное сходство с мифами обитателей подземных домов азиатской стороны Тихого океана, живут теперь в больших деревянных домах. Но в этих домах есть дымовые отверстия, как в подземных, а в старину середина дома была углублена в землю.

Из этого краткого обозрения различных типов подземных и полуподземных жилищ по обеим сторонам северной части Тихого океана мы можем вывести заключение, что подземные дома палеоазиатов более похожи на дома алеутов и эскимосов Аляски, чем на подземные дома северо-западных индейцев.

Трудно предположить независимое изобретение одинакового типа подземных жилищ на всем этом пространстве. Мне кажется, что определенную роль сыграло здесь заимствование, а климатические условия помогли распространению подземных жилищ.

Корякский подземный дом служит жильем и зимой, и летом. Как я уже говорил, встречаются селения, в которых живут только зимой, в других — только летом, но дома зимних и летних поселков строятся одинаково. Использование же дома зимой или летом зависит от того, находится ли он на морском берегу или расположен вверх по реке. Дома, обитаемые только летом, называются

⁴⁰ *Murdoch I.* Ethnological results of the Point Barrow Expedition // Ninth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1892. P. 72; *Nelson E. W.* The Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1899. P. 242.

⁴¹ *Boas F.* The Central Eskimo // Sixth Annual Report of the Bureau of Ethnology. Washington, 1888. P. 539.

⁴² *Boas F.* The Mythology of the Bella Coola Indians. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, 1898. Vol. I. Part II. P. 79.

⁴³ *Farrand L.* Traditions of the Quinault Indians. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Ibid. 1902. Vol. II. Part III. P. 94.

⁴⁴ Tenth Report of the North-West Tribes of Canada // Report of the British Association for the Advancement of Science. 1895. P. 561.

⁴⁵ Sixth Report on the North-West Tribes of Canada // Ibid. 1890. P. 633, 635.

⁴⁶ *Teit J. A.* The Lilloet Indians. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, 1906. Vol. II. Part V. P. 212.

⁴⁷ Sixth Report on the North-West Tribes of Canada. P. 635.

⁴⁸ *Teit J. A.* The Tompson Indians. Publication of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, 1900. Vol. II. Part VIII. P. 193, fig. 135, 136.

⁴⁹ Twelfth Report on the North-West Tribes of Canada. P. 646.

⁵⁰ *Smith H.* Archaeology of the Tompson River Region. Publication of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, 1898. Vol. I. Part VI. P. 140, 141.

⁵¹ *Schurtz S.* Urgeschichte der Kultur. Leipzig, 1900. P. 422.

⁵² *Dixon.* The Northern Maidu // Seventeenth Bulletin of the American Museum of Natural History. New York, 1902. P. 168.

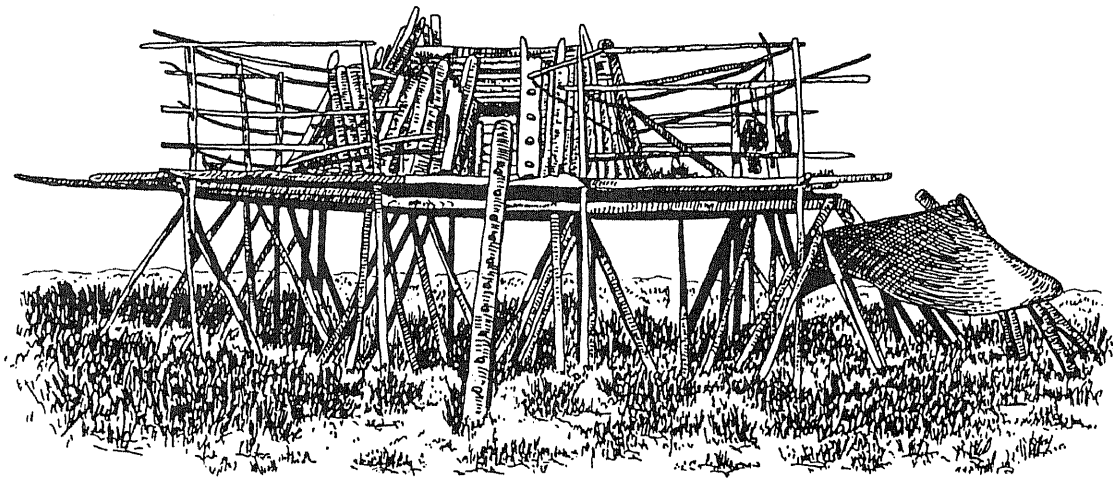

Рис. 17. Склад.

aié-yan («летний дом»), а зимние — *laxlan-yan* («зимний дом»).

Приморские коряки строят свои кладовые («балаганы») на столбах вышиной в 4—6 метров от земли, чтобы собаки, медведи и другие животные не могли таскать их запасы. Для того чтобы построить такой склад (рис. 17), на углах удлиненного прямоугольника вбивают в землю по три кола, скрещивающихся наверху в виде треножника. Сверху по длинным сторонам прямоугольника кладутся длинные поперечины, поддерживаемые еще в двух или трех местах добавочными подпорками. Поперек этих поперечин привязываются ремнями четыре или пять бревен на равном расстоянии друг от друга и подпираются шестью. Сверху настилается помост из шестов и расколотых бревен. Балаган в форме шалаша помещается в середине этого помоста. Два стропила, связанных концами так, что образуют острый угол, ставятся метрах в трех-четыре от другой пары таких же стропил. Обе их угловые вершины соединяются балкой, по обе стороны балки до низу укладываются бревна. Все щели между ними тщательно проконопачиваются сеном. Чтобы укрепить скаты, сверху прислоняют еще тяжелые колья. Торцы шалаша закрываются шестью, поставленными слегка вкось. В один из скатов, обращенный к лестнице, вставляется рама, в которой на деревянных петлях навешена дверь. Вокруг всего помоста делается ограда. Для этого длинные шесты вбиваются в землю вдоль длинных сторон помоста (по четыре или шесть с каждой). Высотой эти шесты достигают верхушки шалаша, а чтобы они не сдвигались, их вставляют в гнезда поперечных балок. В отверстия в верхней части шестов над платформой вставляются решетины, которые и образуют ограду. Та часть платформы, где находится лестница, не огораживается. Ограда вокруг помоста делается для безопасности женщин и детей. На нее часто вешают рыбу, сети, шкуры и другие хозяйственные предметы.

Лестница, ведущая на помост, такая же, как и для входа в дом, но ставится она слегка наклонно, и потому входить на помост легче, чем выходить

из дому. Когда переходят из зимнего жилья в летнее или наоборот, то лестницу склада убирают и кладут на помост.

Под помостом часто укрепляют еще шесты, чтобы вешать одежду, а в период летних дождей там сушат рыбу.

Селения приморских коряков (*ni'mnim*, *ne'tnet* или *na'tnam*) обычно не так велики, как поселки на реках Тылхой или Пахача, или у кереков, но иногда они составляют поселения значительные по размерам. В Каменском, например, около тридцати домов, в которых живут зимой. Издали это селение с его воронкообразными крышами и балаганами, разбросанными по всем сторонам, производит впечатление большого, хотя и странного города. В селении Куэл тринадцать-пятнадцать летних домов и семь-восемь зимних. Представление об оригинальном виде этих селений можно получить по фотографии Куэла (рис. 15).

В выше приведенном перечислении селений указано, которые из них обитаемы только зимой и которые только летом. За малым исключением селения приморских коряков расположены возле устьев рек или ручьев, чтобы иметь всегда запас свежей воды. Большинство селений стоит на скалистых берегах моря.

Фотография (рис. 18) показывает крутые скалы устья реки Пенжины, за которыми скрывается селение Каменское, а на рис. 19 изображена часть Большой Итканы.

Приморские коряки селения Наяхан и обрусевшие коряки Охотского района совсем бросили свои подземные жилища и живут в бревенчатых избах вроде русских. Но плоские крыши этих домов сделаны из бревен, засыпанных землей, и пропускают летом дождь. Внутри делается очаг или глиняная печка по типу якутской.

Коряки северной Камчатки, принявшие христианство, оставили свои прежние жилища под давлением русской администрации. Некоторые из них живут в бревенчатых избах, вроде описанных выше, а некоторые в домах якутского типа, введенных на Камчатке русскими. Это строение состоит из плоской крыши с четырьмя покатыми

Рис. 18. Вид на селение Каменское с моря.

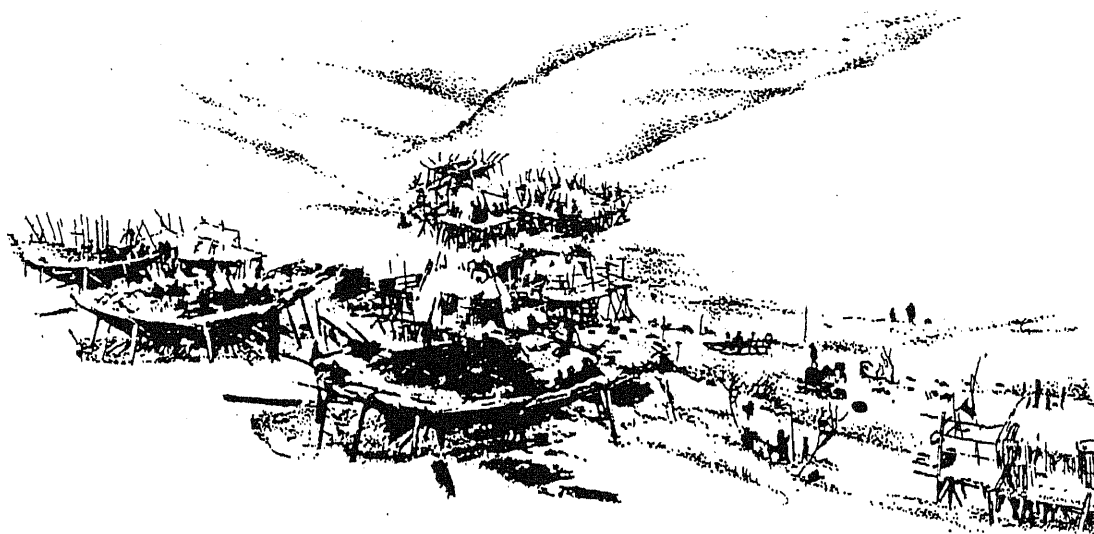

Рис. 19. Вид селения Большая Иткана.

стенами, напоминающими усеченную пирамиду. Стены промазаны глиной, чтобы удерживать тепло. Вместо якутского очага в правом углу дома с дымоходом для выхода дыма в середине дома устраивается очаг с дымовым отверстием в крыше.

Вследствие недостатка леса кереки, как указывалось выше, строят свои полуподземные жилища без воронкообразной крыши. Так как дымовое отверстие не служит входом, то у них нет и лестницы с отверстиями. Остов дома, сооружаемый

в вырытом углублении, делается из изогнутых шестов и засыпается землей. Внутренность дома выложена кругом шкурами. Зимой, чтобы сберечь как можно больше тепла, жилище засыпается толстым слоем снега. Вход, как зимой, так и летом, — через длинные узкие сени. Внутренне устройство помещения такое же, как и в других корякских подземных жилищах.⁵³

⁵³ *Bogoras W. The Chukchee... P. 183.*

V. ОЛЕНЕВОДСТВО

НАЧАЛО ОЛЕНЕВОДСТВА

Дикий северный олень одомашнен, вероятно, позднее, чем другие упряжные животные. Это видно из того, что домашние олени все еще очень мало отличаются от диких. В доисторический период северный олень был распространен гораздо дальше на юг, чем теперь. Многочисленные остатки этого вида были найдены на стоянках каменного века в Швейцарии и Франции. Но древние жители Европы ограничивались охотой на оленя, не делая никаких попыток приручить их. Когда с окончанием ледникового периода климат стал мягче, олени покинули Центральную Европу, удаляясь постепенно к северу. Однако в Азии олень еще встречается к югу от реки Амур, в южной части Сахалина и в Саянских горах. Дикий олень встречается еще в некоторых местах Кузнецкого Алатау.¹

Ссылаясь на утверждение профессора Фрииса из Христиании,* что лопари Северной Скандинавии до IX столетия занимались только рыбной ловлей и охотой и смотрели на оленей лишь как на дичь, проф. Келлер считает, что одомашнивание оленей произошло не более тысячи лет тому назад,² но такой сравнительно короткий срок вряд ли достаточен для завершения такого трудного дела, как приручение дикого животного.

Процесс одомашнивания диких животных очень постепенен и проходит различные стадии, и олени еще не вполне приручены. Одомашнивание оленя представляло особенные трудности из-за его тупости. Самый смиренный и ручной олень не узнает своего хозяина и сойдет с дороги, если не править нартами или не привязать его к передним нартам. У оленеводов Северной Европы и Азии, начиная с лопарей и кончая чукчами,³ мы до сих пор нахо-

дим различные стадии приручения этих животных. У чукок и коряков они только слегка приручены, и их стадию одомашнивания можно считать первичной. Предоставленные сами себе олени быстро дичают. В то же время мы не знаем других примеров приручения диких оленей. Так, Маак рассказывает о случае, когда все попытки усмирить пойманных диких телят окончились неудачей.⁴ То же сообщает и Серошевский,⁵ все же потомство домашних важенок и диких быков становится ручным, когда воспитывается в домашнем стаде. Но хотя бег их лучше и они значительно сильнее, чем потомства домашних быков, они поражают своим сверхъестественным упрямством.

Трудно решить вопрос, возникло ли оленеводство первоначально в одном месте и потом распространилось в разных направлениях, или разным племенам северной части Старого Света удалось независимо друг от друга провести трудное дело приручения диких оленей.

И. Липперт подтверждает гипотезу, что германские скандинавы были пионерами одомашнивания оленя и впоследствии передали свой опыт лопарям, от которых домашние олени распространились дальше на восток.⁶ С другой стороны, Е. Хаан считает местом зарождения оленеводства Северо-Восточную Азию, откуда, по его мнению, оно распространилось на запад.⁷

Последняя гипотеза кажется мне маловероятной, потому что в Северо-Восточной Азии среди

остяки, долганы, карагасы, сойоты** на Енисее, северные якуты, юкагиры, тунгусские племена, коряки и чулки. В 1770 году домашние скандинавские олени были завезены в Исландию, а в недавние годы сделаны попытки оленеводства ввести на Аляске. В Исландии опыт совершенно не удался, привезенные олени вскоре одичали, и теперь на них только охотятся (см.: *Ekhard Fr. Islands Natur und Volkskunde*. Copenhagen, 1813. P. 90). Ввоз оленей на Аляску был начат правительством Соединенных Штатов в 1890 году. В 1903 году, когда ввоз прекратился, на Аляске было 6114 оленей. В 1905 году стадо увеличилось до 10241 голов. Трудно сказать, пойдет ли оленеводство успешно*** (см.: *Gordon G. B. Notes on the Western Eskimo // Transactions Department of Archaeology. University of Pennsylvania. 1906. Vol. II. Part 1. P. 73*).

⁴ Маак П. К. Вилкойский округ Якутской области. СПб., 1883. Ч. III. С. 154.

⁵ Серошевский В. Л. Якуты. СПб., 1896. Т. 1. С. 149.

⁶ Lippert J. Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. Stuttgart, 1886. Vol. I. P. 541. Проф. Фрайз подтверждает, что лопари обучались приручению оленей у скандинавов (*Frijs. Wanderungen... P. 2*).

⁷ Hahn E. Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. Leipzig, 1896. P. 263, 265.

¹ Олени встречаются там только на высоких вершинах и своим присутствием доказывают, что местность когда-то прошла через ледниковый период, по окончании которого олени ушли на вершины. На это указали П. Крапоткин и Д. Клеменц. Следы ледников в речных системах местности Кузнецкого Алатау были изучены И. Толмачевым. По устному свидетельству Клеменца, охотники на Алатау считают оленей особенной разновидностью дикого козла (*capra*) и называют их *ax-nix*, что значит — белый дикий козел.

² Keller C. Naturgeschichte der Haustiere. Berlin, 1905. P. 200; Frijs. Wanderungen in den drei Lappländern // Globus. 1872. Vol. XXII. P. 2.

³ Следующие племена занимаются в настоящее время оленеводством: лопари (скандинавские и русские), зыряне, самоеды,

чукоч и коряков оленеводство до сих пор остается более примитивным, чем на западе. Кроме того, если бы приручение оленей началось в Северо-Восточной Азии, то трудно было бы объяснить, почему оно распространилось только на запад, а эскимосы и индейцы Крайнего Севера Америки остались вне сферы влияния этого цивилизующего фактора. Оба вида американского *rangifer tarandus* — степной карibu и лесной карibu — до сих пор остаются в диком состоянии. Чтобы ввести оленеводство на Аляске, правительство Соединенных Штатов было вынуждено ввозить домашних оленей из Старого Света. Если мы предположим, что оленеводство началось в каком-нибудь одном месте, то гипотеза Липперта представляется более вероятной.

Наиболее обученными оленями владеют лопари, которые используют собак для охраны стада. Кроме того, они делают запасы оленьего мха, так что они ухаживают за оленями лучше, чем другие оленеводы.

Все это указывает на то, что оленеводство на Крайнем Западе Старого Света более древнего происхождения, потому что в деле приручения животных чем система совершеннее, тем больше был период ее развития.

Шренк считает тунгусов наиболее древним оленеводческим народом и выдвигает гипотезу о том, что они передали это занятие и на восток, и на запад до самоедов и лопарей включительно.⁸ Он думает, что коряки и чукчи получили домашних оленей от тунгусов, которые пришли в приполярные страны с юга.^{9*}

Богораз допускает влияние тунгусов на оленеводство в том смысле, что они заставили коряков и чукоч заняться собственным оленеводством; по его мнению, коряки и чукчи, вероятно, приручали диких оленей, которых находили в своих районах, а не получали уже прирученных от тунгусов. По мнению Богораз, это тем более вероятно, что чукотские и корякские олени сильно отличаются от тунгусских.¹⁰ Гипотеза эта находит подтверждение еще и в том, что тунгусские олени главным образом верховые, в то время как корякские и чукотские — упряжные.

Каковы бы ни были зачатки оленеводства среди коряков и чукоч, несомненно одно, что развитию его способствовало проникновение приморских жителей в глубь страны с целью охоты. В годы, когда рыбная ловля была неудачна, эти экспедиции в поисках зверя предпринимались чаще и длились дольше. Это было необходимо для поддержки населения. В то же время продолжительное пребывание отдельных охотников, а иногда и целых партий охотников в глубине страны вело к приручению диких оленей или к приобретению уже прирученных оленей у соседних племен. Это приобретение прирученных оленей или domestикация

диких оленей застраховывало население от голода в случае неудачного улова рыбы и от превратностей охоты на дикого зверя. Кроме того, оно делало возможным спокойное пребывание части племени внутри страны и, более того, облегчало переходы с места на место.

Домашние олени не только обеспечили людей пищей и одеждой, но сделали возможной перевозку яранги, домашнего скарба и припасов. Внутри страны олень оказался более удобным упряжным животным, чем собака. Он сам находит себе пищу, тогда как собакам нужен запас рыбы, который во внутренних районах страны, в особенности в горах, обеспечить нельзя. Но зато олени заставили своих хозяев вести кочевой образ жизни в поисках пастбищ, и таким образом более или менее оседлое население приморских и речных районов превратилось в кочевое. Этот процесс несколько противоречит общепринятой схеме эволюции культуры, по которой оседлое состояние обыкновенно считается признаком более высокой стадии культуры, нежели кочевое. В развитии же корякской культуры кочевой образ жизни является позднейшей стадией.^{**}

Одомашнивание оленей есть несомненно прогрессивный цивилизующий фактор. В условиях корякской жизни оленеводство представляет прежде всего материальный прогресс. Оленевод более обеспечен и богаче приморского жителя, но, с другой стороны, он грубее. Постоянные заботы о стаде, борьба с природой и постоянные переходы с места на место заполняют все время оленевода и задерживают его умственное развитие, и, наоборот: сравнительно теплый дом оседлого коряка, его свободная зима стимулируют развитие его умственных и наблюдательных способностей. Как мы увидим позже, различные виды первобытного искусства развиты преимущественно у оседлых коряков.

Странно, что некоторые исследователи держались того мнения, что оседлые чукчи и коряки произошли от кочевников-оленеводов, потерявших свой стада вследствие эпизоотий и войн. Так, Крашенинников, Эрман, Дитмар, Кеннан и Слюнин¹¹ говорят, что оседлые коряки были раньше оленеводами, но в войнах с чукчами, а по Слюнину, вследствие эпизоотий потеряли своих оленей. Сарычев, Врангель и Шренк говорят, что приморские чукчи были прежде оленеводами, но, потеряв от падежей своих оленей, покинули внутреннюю часть страны и поселились на берегу для охоты на морского зверя.¹²

¹¹ Крашенинников С. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. II. С. 204; *Ermann. Reise um die Erde durch Nord-Asien und Ozeane in den Jahren 1828, 1829 und 1830.* Berlin, 1838. Vol. 2. P. 423; *Dittmar C. V. Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschukchen // Melandes Russes tires de Bulletin Historico-Philologique de l'Academie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. Livraison, 1856. Vol. III. P. 7, 36; Kenan G. Tent-life in Siberia and adventures among the Koriak and other tribes in Kamtschatka and Northern Asia. London, 1870. P. 159; Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. I. С. 354.*

¹² Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции под начальством флота капитана Билингса с 1785 по 1793 год. СПб., 1802. Ч. II. С. 105; *Wrangel F. Narrative of the Expedition to the Polar Sea in the*

⁸ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. II. С. 178.

⁹ Там же. С. 176.

¹⁰ *Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1904. Vol. VII. Part I. P. 71 (Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. Л., 1937. Т. 1. С. 7).*

Несколько групп оседлых коряков, как, например, апукские, действительно, говорят, были оленеводами; но вообще оленеводство, по-видимому, представляет более высокий экономический тип в эволюции материальной культуры, чем рыболовство и охота. Несомненно, что дальние предки современных кочевых коряков были народом приморским и начали покидать берега и углубляться в страну только благодаря развитию оленеводства. Обычай носить детей и тяжести при помощи головной лямки, существующий и теперь у женщин, есть пережиток тех времен, когда, переходя с места на место, они должны были на себе переносить все свое имущество, как американские индейцы.

Тот факт, что из трех родственных племен: чукоч, коряков и камчадалов,* последние не занялись оленеводством, указывает, насколько проникновение в глубь страны влияло на приручение оленей. Страна камчадалов представляет собой довольно узкий полуостров с очень длинной береговой линией, удобной для приморских и приречных поселений. Охота на диких оленей и горных баранов в горах Камчатского центрального хребта не заводила охотников далеко от родных селений. Кроме того, камчатские реки богаче рыбой, чем корякские, и добыча пищи на морском берегу у камчадалов была регулярнее, чем у их северных соседей. По моему мнению, это объясняет отсутствие домашних оленей у камчадалов.

Длина береговой линии территории коряков сравнительно с внутренней частью страны еще достаточно велика; в стране же чукчей внутреннего пространства гораздо больше прибрежной полосы. Я думаю, что именно поэтому относительное число оленеводов у коряков меньше, чем у чукчей. По переписи 1897 года, 75.6 процента (9208 человек) всего числа чукчей — оленеводы, а оленеводы-коряки составляют только 50 процентов (3748 человек) всего их числа.¹³ У Богораза создалось впечатление, что в последние несколько десятилетий оленеводство разрослось.¹⁴ Это мнение подтверждается, между прочим, тем, что в шестидесятых годах прошлого столетия часть чукотских оленеводов, кочевавшая раньше в местах к востоку от реки Колымы, просила разрешения русского правительства перейти на западный берег. Им было тесно на восточном, и в несколько лет они прошли на запад от Колымы до Индигирки.

Нельзя сказать того же о коряках. Есть основание предполагать, что корякское оленеводство выросло на севере полуострова Камчатка, на Парापальском Доле. Некоторые же группы оленных коряков, например, кочующих по рекам Оклан и Тылхой, которые были прежде богатыми оленеводами, теперь обеднели, а часть коряков с рек Апуки и Хатырки, кочевавшая прежде с оленями, теперь осела. Правда, мы видим и обратное явление: некоторые группы оседлых коряков начинают кочевать со своими оленями, но это справедливо

только для тех корякских групп, которые состоят из смешанных семей кочевников и оседлых и которые владеют небольшими стадами. Владельцы же больших стад, насчитывающих тысячи голов, встречаются только среди настоящих оленных кочевников в районе полуострова Тайгоноса, Палпальских гор и на Парапальском Доле. Весьма возможно, что относительное число оленных коряков теперь увеличилось, но это потому, что значительное количество селений исчезло вследствие войн и большой смертности.

Не легче отвечать на вопрос — которое из двух племен, чукчи или коряки, первым завело оленеводство. Если верна гипотеза Шренка, что эти два племени получили уже одомашненных животных от тунгусов, то ближайшие к ним соседи, коряки, должны были их получить раньше. Но все же утверждать этого нельзя.

Если мы обратимся к мифам, то увидим, что и они мало освещают этот вопрос. Чукотские мифы изображают коряков как народ, занятый исключительно оленеводством, а корякские мифы утверждают то же о чукчах. Эта взаимная характеристика двух народов в их мифах отражает обстановку, в которой они столкнулись в период, когда оленеводство уже существовало. В это время шли войны, главным образом между оленными чукчами и оленными коряками. Если, по русским сообщениям, оленные чукчи воевали не только с приморскими коряками Берингова моря, но и проникали вплоть до Охотского побережья, то указаний на то, чтобы, с другой стороны, оленные коряки когда-либо нападали на приморских чукчей, нет. Северо-восточная ветвь береговых коряков — кереки — могли, конечно, иметь сношения с береговыми чукчами около устья реки Анадырь; но приморские чукчи берегов Ледовитого океана и приморские коряки Охотского моря не только не могли никогда встречаться, но имели друг о друге такое же смутное представление, как и теперь. Дальние приморские племена известны приморским корякам под именем *aiwan*, но под этим же названием на Чукотском полуострове известны и азиатские эскимосы.

Мифы не дают никаких ориентирующих указаний о возникновении оленеводства. Появление домашних оленей трактуется в мифах как особый акт творения. Иногда верховное божество спускает их с неба, иногда герои даруют жизнь деревянным оленям. Чаще всего мы находим в мифах рассказы о том, как Великий Ворон или его сын *Ete'mqut* выдергивают из земли колья, и из отверстий выходят олени. По этим преданиям, домашние олени до своего появления на земле по воле культурных героев жили в подземном мире. Вообще корякские мифы не дают никаких указаний на ход приручения диких оленей.

У коряков, как и у других оленеводов Северной Сибири, есть особые названия для диких (*o'lgolu*) и для домашних (*qaya'ni*) оленей;¹⁵ как будто про-

years of 1820, 1821, 1822 and 1823. London, 1840. P. 222; Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 25. Прим. 4.

¹³ Patkanov S. Essai d'une Statistique et d'une geographie de peuples palaeasiatiques de la Sibirie. St.-Petersbourg, 1903. P. 19—27.

¹⁴ Bogoras W. The Chukchee... P. 72.

¹⁵ Юкагиры называют домашнего оленя *a'de*, а дикого — *to'lou*; тунгусы называют первого *o'ron*, а дикого — *buyu'n*. Якуты называли домашнего оленя *taba'*, а дикого — *mena'x*. У якутов есть и другое название для диких оленей *taba'-kil*. *Kil* означает «дикое животное». Вероятно, это название — перевод русского «дикий олень».

исхождение домашних оленей от диких совершенно исчезло из памяти оленеводов. В связи с этим интересно отметить, что рассказы о появлении оленей из отверстий, сделанных в земле героями, имеют и у эскимосов, и индейцев и относятся к происхождению карibu,¹⁶ а коряки рассказывают то же о домашних оленях. Интересно также, что в чукотской мифологии домашний и дикий олень отождествляются. Один из чукотских заговоров для привлечения диких быков в домашнее стадо называется «бычьим заговором», или «заговором для превращения диких оленей в домашних» (*Qa- alvát-éwgan, Kirñat-e'wgan eu'rim*). Более того, один из чукотских мифов содержит следующую историю о происхождении оленеводства:¹⁷

«Древний творец, приняв образ ворона, взлетел к верховному божеству (*Añai-Va'irgin*) и попросил его дать людям оленей. Божество дало ему диких оленей. Творец снес их на землю. Люди встретили оленей криком, который распугал их и заставил рассеяться по тундре. Творец тогда опять взшел на небо и принес на землю других оленей, которые остались с людьми».

По корякским мифам, Великий Ворон, праотец всех коряков, владел домашними оленями. Но изображается он, скорее, как приморский охотник, настоящие же оленеводы — чукчи, тунгусы, а также коряки-оленеводы, — изображаются как люди ему чужие, низкого уровня ума и часто даже враждебные ему. Этот антагонизм оленных и приморских людей еще разительнее виден в чукотских мифах, в которых чукотская жизнь обрисована исключительно в примерном аспекте.

УПРЯЖНЫЕ И ВЕРХОВЫЕ ОЛЕНИ

Коряки, как и чукчи, пользуются своими оленями для езды только в упряжи и даже считают грехом ездить на них верхом. Летом пастухи не только переходят пешком с одного пастбища на другое, но даже свое имущество тащат на себе. Только в местах, где чукчи и коряки живут по соседству с тунгусами, смешаны с ними путем перекрестных браков и скрещивают своих оленей, чтобы сделать их более ручными, там они ездят на них и верхом, но и то главным образом летом, когда по болотам нельзя ездить на нартах. Таковы обычаи коряков на реках Вархаламе и Гижиге и чукок близь Индигирки.

Судя по рассказу Лерберга, приводимому Ханом и Келлером,¹⁸ самоеды в пятнадцатом веке обычно ездил на оленях верхом, но пользовались ими также и в упряжи. Теперь же самоеды, как и их соседи остяки, только запрягают оленей, но это не исключает возможности другого способа езды на оленях в прошлом.¹⁹ По мнению этнологов,

первоначально страна самоедов простиралась гораздо дальше на юг, чем теперь, до области Саянских гор, откуда их отнесли к северу тюрко-татарские племена. Некоторые самоедские племена, оставшиеся в Саянских горах и вдоль верхнего течения Енисея, ассимилировались тюрками и монголами. Таковы отатарившиеся карагасы и сойоты. Небольшое племя карагасов и часть сойотов до сих пор занимаются оленеводством и употребляют своих оленей только под верх.²⁰

Наиболее типичные оленные всадники в настоящее время — тунгусы. Очевидно, характер местности, в которой они живут, а также их образ жизни повлияли на то, что они используют оленей как вьючных и верховых животных. Тунгусы занимают самую гористую, а также самую лесистую часть Северо-Восточной Сибири, и как типичные охотники они постоянные бродяги. Летом им приходится переходить по глубоким болотам или перебираться не только через горные речки, но и через широкие реки; чрезвычайно трудно перебраться высокий горный хребет на нартах или пробираться с ними по густой тайге. Это создало необходимость во вьючных и верховых животных. По этой же причине карагасы и сойоты, живущие в трудно доступных горах, выездили своих оленей под верх. По устному рассказу Клеменца, они сходят с оленя при подъеме и спуске в горах и ведут его в поводу. То же делают и тунгусы в горах, очень заботливо относящиеся в дороге к своим оленям. Будучи сравнительно слабым животным, олень очень легко утомляется и погибает от ушибов и напряжения; поэтому тунгусы всегда заботятся о том, чтобы их олени не переутомлялись и чтобы трение седла или вьюка не травмировало их.²¹

Скандинавские лопари пользуются своими оленями только в упряжи, несмотря на гористую и лесистую природу их страны; но их узкие, похожие на челнок санки легко проскальзывают по тропинкам, иначе трудно проходимым. Кроме того, они впрягают в санки только одного оленя, подобно тому, как юкагиры, чукчи и коряки запрягают свои грузовые нарты в тундре.

Некоторые тунгусские племена, встречающиеся с людьми, ездящими на санях, впрягают своих оленей в нарты, и в то же время ездят и верхом, приручая оленей к вьюку или исключительно к упряжи. Шренк думал,²² что сахалинские ороки — единственное племя, пользующееся оленями как для упряжи, так и под верх. По его мнению, они переняли езду на нартах от собаководов-гиляков. Это, конечно, возможно, но, как я говорил раньше, существуют и другие тунгусские племена, пользующиеся нартами. Так, по всей громадной северной

ство у остяков было развито в большей степени, распространялось южнее, чем сейчас (*Патканов С.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. С. 34, 35).

²⁰ Информация, относящаяся к карагасам и сойотам, получена мной от Д. Клеменца, куратора отдела этнографии Музея Императора Александра III в Санкт-Петербурге, известного своими исследованиями, главным образом археологическими, в Южной Сибири и Монголии.

²¹ Верховая езда на оленях будет подробно описана в работе об юкагирах.

²² Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 179.

¹⁶ Jochelson W. The Koryak... P. 143, 164, 187, 367.

¹⁷ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. Вып. 1. С. 2, 168.

¹⁸ Hahn E. Die Haustiere... P. 265; Keller C. Naturgeschichte der Haustiere... P. 201.

¹⁹ Судя по эпосу, остяки в прошлом использовали оленя как тягловое животное. Во времена, описанные в легендах, оленевод-

тундре, между Колымой и Леной, где тунгусские племена соприкасаются и смешиваются с юкагирами и якутами, они в некоторых случаях усвоили санную упряжку, не отказываясь и от верховой езды. То же можно сказать и о тунгусах, живущих в других местах Якутской области. В своих поездках по горам или на охоту они еще пользуются оленями как верховыми и выючными животными, но для перевозки товаров и почты с одной станции на другую они впрягают оленей в нарты. За это берутся только богатые тунгусы, у которых большие стада. В последнее время в некоторых местах тунгусы начали объезжать своих оленей для нарт. Так, например, на открытом лет десять тому назад тракте от Олы до верхнего течения Колымы местные тунгусы обучили своих оленей возить грузы на нартах, тогда как прежде это делалось только выюком. Долганы, обьякутившееся тунгусское племя на Енисейской тундре, и *khangai*, обьякутившееся тунгусское племя в Колымской тундре, пользуются теперь своими оленями зимой в упряжи, а летом под верх и выюк.

ПОРОДЫ СЕВЕРНЫХ ОЛЕНЕЙ

В Восточной Сибири различаются две главные породы северных оленей — как диких, так и домашних. Дикая олень делятся на горных и тундровых. Первые отличаются высоким ростом и серым или светло-серым цветом шерсти. Летом они спасаются от гнуса на вершинах гор, а зимой спускаются в речные долины. Тундровые олени не так высоки, и у них более темная шерсть. Они тоже бегут летом от мошки, но к берегам Ледовитого океана или на ближайших острова. Зимой они возвращаются к северной границе лесов. Эти миграции происходят большими стадами весной и осенью, и когда они переходят реку Анадырь или нижнее течение Колымы, охотники подстерегают их.

Стоит отметить, что стельные важенки уходят на север раньше быков, переходя реки по льду, чтобы дойти до летних стоянок до времени отела. Форма копыта составляет одну из отличительных особенностей этих двух пород оленей. У горных высокое крутое копыто, у тундровых, скорее, плоское, тарелкообразное.

Домашние олени также делятся на две породы, соответствующие диким, а именно: тунгусские олени и чукотско-корякские. Тунгусский олень выше ростом, ноги у него длиннее, голова удлиненная и шерсть светлее (большею частью серая или рыжеватая), чем у чукотско-корякских оленей. Последние при меньшем росте имеют относительно большое туловище; цвет шерсти темнее, чем у тунгусских. Особенно темен мех телят; часто осенью он совсем черный, и только к зиме, когда они становятся старше, он слегка сереет. Мне кажется, что темный цвет их меха зависит от влажности климата; в приморских областях окраска оленей темнее, чем в горах и в континентальном климате Якутской области. Среди корякско-чукотских оленей чаще встречаются белые (как контраст к черной масти) и пятнистые, чем среди тунгус-

ских. Пятнистые шкуры высоко ценятся для одежды, а белые — для погребальной одежды. У диких оленей пятнистой шкуры не бывает.

Все, что я сказал о двух породах оленей, основано на сведениях, полученных от туземцев и на моих поверхностных наблюдениях. Проф. Аллен, обработавший материал, доставленный нашей экспедицией, говорит, что, «хотя этот материал представляется значительным, он недостаточен как по количеству, так и по характеру, чтобы дать возможность исчерпывающего сравнения между дикими и домашними оленями или между обеими общепризнанными домашними породами — ламутской и чукотской». Цвет собранных шкур, по его мнению, очень похож на цвет американских восточных лесных карibu, по крайней мере по общему впечатлению, только рога тоньше и длиннее и ближе подходят к гренландскому типу.²³

Домашние олени тундровых юкагиров и полярных якутов принадлежат к тунгусской породе. Мы знаем, что оленеводство полярных якутов недавнего происхождения и что они взяли оленей от тунгусов, но о тундровых юкагирах это вряд ли можно сказать. Очень возможно, что первые олени были чукотской породы. Но после смешения тундровых юкагиров с тунгусами олени первых постепенно приблизились к типу тунгусской породы. Подобное изменение можно наблюдать на оленях чукок, переселившихся только тридцать лет тому назад на Ершень, приток Индигирки. Надо еще сказать, что нарты тундровых юкагиров принадлежат к типу корякско-чукотскому, а не тунгусско-якутскому.

СТЕПЕНЬ ПРИРУЧЕНИЯ

Корякские олени — самые дикие после чукотских, и, если бы не их стадное чувство, с ними было бы трудно справиться. Ездовых оленей в каждом стаде очень мало и редко больше самого необходимого числа для переезда семьи. Эти олени более ручные и привыкшие к человеку и к жилищу, но и они, проводя в стаде лето без всякой работы, возвращаются в естественное состояние. В общем отдельный корякский олень — это лишь часть своего табуна, и свою связь с человеком и его жилищем он чувствует слабо. Главная приманка для оленей в зимнем стойбище — это человеческая моча.

Коряки очень редко путешествуют в одиночку и налегке, т. е. без семьи, обоза, яранги и табуна. При остановках на ночь ездовые олени отпускаются в стадо, а утром, перед выступлением в путь, их ловят арканом. Всякий раз, как мне случалось ездить без стада, семьи и обоза с ездоками, почти полдня уходило на ловлю оленей. Несмотря на то что более диким из ездовых оленей привязывали на шею ярмо, которое тащилось перед ногами и мешало им бежать, они все-таки умудрялись за ночь уйти далеко от стоянки.

²³ Allen J. W. Report on the Mammals collected in North-eastern Siberia by the Jesup Pacific Expedition // Bulletin of the American Museum of Natural History. New York, 1903. Vol. XIX. P. 126.

Тяжелая яранга коряков менее приспособлена к частым переездам, чем тунгусский чум. На новом месте табун, сщипав весь мох вокруг яранги, уходит все дальше и дальше от нее. Тунгусы более подвижны, чем коряки, и, как только ягель вокруг стоянки съеден, они переходят на другое подходящее место. Олени должны быть всегда около стоянки; кроме того, два или три раза в день тунгусские пастухи сгоняют стада к чумам, чтобы олени не отвыкали от людей и их жилищ. Как бы велико не было тунгусское стадо, его владельцы стараются объездить как можно большее число животных. Даже важенки и молодняк навьючиваются во время переездов, или на них сажают детей. Таким образом, большая часть стада приучается к седлу. Чем меньше тунгусское стадо, тем оно более ручное, потому что тогда все олени объезжены и более привыкли к человеку. Коряки же, наоборот, легче справляются с большим табуном, и потому обычно владельцы малочисленных стад соединяют своих оленей в один табун.

Когда я переезжал Становый хребет по пути из Гижиги на Колыму, со мной в начале поездки было два тунгуса-пастуха с десятью вьючными оленями и несколькими оленями для убоя.²⁴ При остановках на ночь мы отводили оленей на покрытые ягельником места, где и оставляли их, и утром пастухи переводили их в наш лагерь прежде, чем наши якутские возницы разыщут своих лошадей.²⁵ Но когда мне случилось ездить на коряжских или чукотских оленях, то ловля их вокруг лагеря занимала так много времени, что не было возможности выехать раньше, чем через несколько часов после того, как мы все просыпались.

При появлении волков тунгусские олени бегут прямо к стоянке, как бы ища защиты у человека. Раз ночью в тунгусском стойбище в Индигирской тундре мне случилось наблюдать, как олени, преследуемые волками, примчались к стоянке с высунутыми языками и упали от изнеможения у чумов. Мужчины выбежали с головнями в руках, а женщины со сковородами и медными котлами, в которые они ударяли всем, что попадало под руку, чтобы напугать и прогнать волков светом огня и грохотом металлических предметов.

Якуты вообще известны как скотоводы, и их олени гораздо больше domesticированы, чем коряжские. Совсем недавно, во время покорения русских якутской территории, небольшая часть этого племени²⁶ переселилась в приполярные области Верхоянска и Колымы. Климатические условия Дальнего Севера несомненно имели задерживающее влияние на культуру этих якутов. Там, где скотоводство оказалось невозможным или невыгодным, они превратились в оленеводов и собаководов, довольствуясь рыбной пищей, но вместе

²⁴ Я нанимал тунгусов с оленями на несколько дней сопровождать мой караван. Чтобы облегчить ношу вьючных лошадей, они везли часть провианта.

²⁵ Обычно мы останавливались на ночлег в речных долинах, где были пастбища для лошадей, а оленей тунгусам приходилось перегонять в горы.

²⁶ Из 250 000 якутов только 12000 живут теперь в Верхоянском и Колымском округах Якутской области. Только у одной пятой этих 12000 есть олени.

с тем они старались приспособить свою новую, более первобытную жизнь к навыкам более высокой культуры, приобретенным во время оседлой жизни. Они старались, например, сделать своих оленей как можно более ручными. Я имел возможность наблюдать якутское оленеводство по всему Северу между Колымой и Леной и был поражен тем, насколько их олени были в большинстве случаев смирнее тунгусских. Якуты пробовали даже приучить их есть сено, но эта попытка не удалась; они только не напали на мысль делать запасы ягеля,²⁷ вероятно, потому, что это потребовало бы слишком много труда и было бы неприемлемо при большом количестве оленей.

Летом, когда олени питаются свежей травой и листьями, многие якуты держат их около дома, вместо того чтобы выгонять их в горы во избежание мошки, как делают коряки и тунгусы, или к полярным берегам по примеру чукок. В Индигирской тундре я видел, как летом олени толпились около ослепляющего дыма дымокуров близ домов. Чтобы олени не могли обжечься или наступить на горячие угли, дымокуры²⁸ огораживаются шестами, связанными наверху в виде конического остова чума. В подражание якутам колымские чуки пробовали ввести у себя дымокуры, но их более дикие олени жгли себе ноги и портили огнем копыта.

Якутские собаки не сторожат оленей, как это делается у лопарей, но животные эти очень мирно уживаются вместе. Собаки смолоду привыкают к оленям, а олени не боятся их. Если щенок начинает лаять на оленя или гонять его, то его бьют и учат отличать дикого оленя от домашнего, а если собака упорствует, то ей привязывают одну лапу к ошейнику, и она не может бегать, а только прыгает на трех лапах.

В якутских селениях вдоль нижнего течения Индигирки, Яны и Лены даже ездовые собаки не так враждебно относятся к домашним оленям, как в Колымске или Гижиге, посещая которые, кочевой коряк должен оставлять оленей на некотором расстоянии от жилья и дальше идти пешком. Только тогда, когда все собаки селения привязаны, он осмеливается привести оленей. В якутских же селениях постоянно видишь людей, подъезжающих на оленях к самим домам, и только исключительно злые собаки сидят на цепи. По обычаю якутов, владельцы собак ответственны за испорченных ими оленей. По собственному опыту я знаю, что упряжных собак можно приучить вести себя совершенно мирно в присутствии домашних оленей.

На нижнем течении Лены я видел оленей, проводивших лето в якутских поселках. Чтобы защитить их от мошки, были выстроены длинные сараи вроде коридоров с выходами на обоих концах, где олени спасались от мошки и жары. Перед каждым входом курились огороженные дымокуры. На пастбище оленей выгоняли обычно ночью,

²⁷ Шренк встретил раз на Сахалине орокский олений обоз, имевший двое саней, нагруженных ягелем для корма (*Шренк Л. Об инородцах...Т. II. С. 180*).

²⁸ Чтобы устроить дымокур, якуты разводят огонь в яме и покрывают его всякими отбросами, торфом, навозом, травой и листьями, которые не горят, а только тлеют и дают много дыма.

когда температура значительно падала и мошка пряталась от холода в траву. В полдень она тоже исчезает, потому что лучи солнца так сушат ее крылья, что они легко ломаются. В это время дня олени тоже прячутся от жары в тень, в сарай. Особенно свирепа мошка утром и в сумерки, и тогда олени толпятся у дымокуров или стоят в сараях. В одном хозяйстве я видел сарай, в котором могло поместиться 200 оленей. Они были такие ручные, что перевернули мой фотографический аппарат, и их приходилось отгонять, чтобы сделать снимки. К корякским же оленям нельзя было подойти с аппаратом близко, чтобы можно было снять их, так как они разбежались, несмотря на все усилия пастухов удержать их на месте.

Недалеко от Жиганска на Лене, где мощные лиственничные леса покрывают значительные пространства, я встретил другой тип якутского оленеводства. Летом якуты оставляют своих оленей в лесу совершенно без надзора, а сами занимаются рыбной ловлей у островов и по Лене. Осенью, как выпадает снег, оленей собирают. Они не уходят далеко от зимнего жилья, и никогда не случается, чтобы они пропадали летом. Волков в глубине этих лесов нет, так как зимой они избегают глубокого мягкого снега густых лесов. Полярный волк живет и размножается главным образом в тундре, по кустарникам и на опушках леса; там он находит в изобилии диких оленей, зайцев, а в случае крайней необходимости — леммингов. Дремучие леса Северной Сибири поражают путника бедностью своей животной жизни и своей мертвой тишиной.

Олени, проводящие лето в лесах, спасаются от мошки, бегая взад и вперед по опушке леса и прокладывая таким образом утоптанную широкую тропу или входя в воду рек и озер. В облачные дни, когда мошке числа нет, олени проводят целый день в воде до шеи и выходят только ночью, чтобы утолить голод и отдохнуть на траве. Зимой якутским переселенцам не так легко с оленями. Не имея запасов корма, они не могут держать оленей в своих зимних поселках летом. Если только поблизости есть тунгусы, якуты обыкновенно держат своих оленей в тунгусском стаде или несколько хозяйств соединяются, и хозяева пасут стада по очереди.

По нижнему течению Яны, Омлоя и Лены я наблюдал еще один вид оленного хозяйства. Летом тунгусы или юкагиры уводят якутских оленей в горы, а хозяева остаются на реке ловить рыбу. К зиме пастухи возвращаются к якутским поселкам, и якуты делятся с ними своими запасами рыбы. Богатые якуты, владеющие большими стадами в тысячи голов, всегда нанимают в пастухи тунгусов или юкагиров. В последние годы хорошие пастухи стали попадаться и среди самих якутов.

Так как уход коряков за стадом и использование оленей почти те же, что у чукчей, то я не стану пытаться описывать способ езды, упряжь, нарты, жизнь пастухов и болезни оленей. Все это было подробно описано В. Г. Богоразом.²⁹ Поэтому я ограничусь лишь некоторыми добавочными сведениями и укажу на некоторые отличия.

Как известно, олени любят летом свежую траву, в особенности молодые побеги осоки, листья березы, ивы и тополя, а также грибы. Зимой они питаются исключительно ягелом, а где только встречается хвощ (*Equisetum scirpoides*), они охотно едят и его зимой и часто предпочитают ягелю. Но эта низкорослая сорная трава встречается только в определенных местах — на песчаных долинах горных речек, где она в некоторых местах густо покрывает большие пространства, и, несмотря на то что зимой она покрыта снегом, олени чутьем ее находят так же, как и ягель. Не раз приходилось мне видеть в горных долинах между Индигиркой и Колымой, как жадно олени пожирают это растение; оно и зимой сохраняет свои соки и не сохнет, как другие травы, и, по словам тунгусов, олени, как и лошади, жиреют от него. Зимой в лесах олени съедают также лишай с древесных стволов.

Когда олени питаются только ягелом, у них развивается особенно сильное стремление к человеческой моче, и оно тянет их к жилью. Каждый пастух носит на поясе особый сосуд (*qoyá-óca-lñin*), сделанный из нерпичьей кожи, которым он пользуется при всяком мочеиспускании, чтобы сохранить мочу как средство приманивать и ловить непокорных оленей. Очень часто олени прибегают в стойбище с далеких пастбищ, только чтобы попробовать своего лакомства — снега, пропитанного мочой. Слух и обоняние у них очень тонки, но зрение довольно слабое. Если на открытом месте человек остановится помочиться, то это уже привлекает оленей, которые по чутью бегут к моче, едва обращая внимание на человека, положение которого становится вполне критическим, когда, заметив его, масса оленей во весь дух мчится на него со всех сторон.

Когда олени питаются исключительно ягелом, у них развивается позыв еще и к животной пище. И особенность эта отмечена многими путешественниками. Говорят, что олени ловят мышей. Я сам видел, как олени нашего обоза жадно схватывали рыбью кожу и другие остатки юколы, брошенной возчиками.

Как я уже говорил, оленные коряки не любят кочевать без своих семей; но в известные времена года стада уходят далеко от стойбищ и заставляют пастухов следовать за собой. Это случается зимой, когда погода особенно холодна, и летом, когда санное сообщение прерывается. Тогда жилище оленного коряка прикреплено к одному месту на два или три месяца; олени же, выпчивая весь ближайший ягель, постепенно двигаются дальше. В это время пастухи подвергаются большим лишениям. Зимой можно на нартах привозить пищу и спальные полога со стойбища на пастбище; летом же пастухи должны все нести на себе — и пищу, и постели, и чайники, и котлы. Стадо особенно беспокойно летом, когда на него нападает мошка, и пастухи должны сторожить день и ночь, чтобы олени не разбежались во все стороны. Обыкновенно старики, старухи и маленькие дети проводят лето на берегу реки, занимаясь рыбной ловлей, а другие обитатели стойбища, включая десятилетних мальчиков и девочек, бродят со стадом, помогая пастухам.

²⁹ Bogoras W. The Chukchee... P. 80—95.

НАРТЫ И УПРЯЖЬ

На рис. 20 — хозяин стойбища на легкой нарте собирается покинуть старую стоянку, а на рис. 21 — передняя часть корякского оленного обоза, готового в путь. Первая нарта занята одной из жен хозяина, потом идут разные части обоза и, наконец, уже позади всего обоза стадо с пастухами и взрослой молодежью; некоторые идут пешком, другие едут на нартах, запряженных парой или в одиночку, на которых они объезжают стадо и подгоняют отошедших в сторону оленей.

Фотография была снята в апреле и показывает, что большинство оленей было еще с рогами, кроме переднего, у которого они спилены, чтобы женщина могла легче справиться с ним. Некоторые из оленей уже сбросили один из рогов. Быки начинают сбрасывать рога в конце ноября, но кастрированные однолетки³⁰ и яловые важенки сбрасывают их в апреле. Стельные важенки сбрасывают рога на третий—десятый день после отела.

На рис. 22 показано стойбище не очень богатого коряка в апреле. Стадо из 400 оленей согнано, чтобы кочевать на новое место. Стойбище состоит из двух яранг, вмещающих пять семей, включающих хозяина стада, его родственников и пастухов. Среди корякских яранг разбита и моя маленькая палатка. Перекочевка всего стойбища требует от 40 до 45 нарт. Перекочевка старшины тайгоносских коряков, который владел стадом в пять тысяч оленей и стойбище которого состояло из трех больших яранг с семьями 12 пастухов, требовала не менее 150 нарт. Составлялся обоз следующим образом.

Впереди едет хозяин на легкой нарте, запряженной парой беговых оленей. Он едет быстро и оставляет весь обоз далеко позади. По дороге он приглядывает пастбища и выбирает место стоянки. Нарты, нагруженные домашними вещами и принадлежностями юрт, запряженные каждая одним оленем, поручаются женщинам. Каждая женщина ведет поезд из семи или восьми нарт. В первую, на которой сидит женщина-вожак, впрягается особенно смиренный олень, обыкновенно ее собственный. За этой нартой следует закрытая нарта с детьми. Потом идут нарты с одеждой, посудой, провизией, постелями и покрывками яранги. Нарты, на которых везут все шесты яранги, замыкают обоз, если за ними не идет стадо. Легковые нарты кладутся поверх всего на грузовые.

На рис. 23 — важенка сразу же после отела, все еще сохраняющая рога (7 мая).

В. Г. Богораз³¹ дал подробное описание нарт различного типа и назначения: беговых, ездовых (мужских и женских), семейных, грузовых и осо-

рых нарт для перевозки шестов яранги. Корякские нарты несколько не отличаются от чукотских. Устройство их в общих чертах такое.

Вместо прямых копыльев делается ряд выгнутых дуг или ребер, вставленных концами в луночки полозьев и привязанных к ним ремнями, продернутыми в дырочки. На этих дугах, поставленных прямо и параллельно друг другу, помещается длинная прямоугольная рама с продольными и поперечными планками, образующими решетку. Все это связывается ремнями. В беговых и ездовых нартах эти решетки служат сиденьем, в грузовых — на раме кругом ставится еще решетка как загородка. Женские ездовые нарты, как и у чукоц, немного больше, чем мужские.

Размеры корякских ездовых нарт, приобретенных мной во время экспедиции, следующие:

	Мужские	Женские
Длина	216 см	228 см
Ширина	39 см	46 см
Высота	28 см	37 см
Вес	7 кг	10 кг

Беговые нарты такие маленькие и легкие, что их можно поднять одним пальцем.

Если вопрос о начале оленеводства у коряков и чукоц пока остается открытым, то, по моему мнению, тип корякско-чукотских нарт с дугообразными копыльями и полозьями, загнутыми спереди кверху и соединенными с верхней рамой³² без всякого сомнения местного происхождения. Этот тип нарт не встречается больше нигде, кроме оленных юкагиров (ближайших соседей чукоц и коряков) и обьюкагирившихся тундровых тунгусов между Колымой и Яной. Ездовые нарты юкагиров не так тщательно отделаны, как у чукоц и коряков, и несколько выше, чем у последних, но это не мешает юкагирам садиться на них верхом, как чукоц и коряки.

Нарты, которые В. Г. Богораз называет тунгусскими,³³ я, скорее, назвал бы якутскими. Мне кажется, что северные тунгусы, которые только недавно начали пользоваться нартами, переняли этот тип от якутов; это, собственно, комбинация из южно-якутских саней для волов с северной собачьей нартой. Своей меньшей длиной и большей шириной, по сравнению с собачьей, эта нарта похожа на сани, но своими копыльями, своим ремненным креплением и горизонтальной дугой, прикрепленной к передним копыльям, — на собачью нарту. Северные якуты пользуются этими санями также для перевозки пассажиров и грузов на лошадях. Возница обыкновенно сидит верхом на лошади, а с каждой стороны седла идет гуж, привязанный к передку саней.

В. Г. Богораз указал на разницу оленьей упряжки чукоц и коряков, с одной стороны, и якутов и тунгусов — с другой. Мне же хочется указать на преимущества последней. Якуты всегда впрягают двух оленей в свои нарты, а потому мы

³² Ibid. P. 90, fig. 17; см. также рис. 20 и рис. 23 данного издания.

³³ Ibid. P. 1, fig. 4; P. 70.

³⁰ Брем А. Э. Жизнь животных. СПб., 1902. С. 453. Он говорит, что рога кастрированных оленей остаются навсегда в одном положении, т. е. они сохраняют их, если кастрированы, имея их, или остаются без рогов, если кастрированы, когда они были сброшены. Никаких сведений о том, где сделано это наблюдение, не дано, но ошибка вызвана, вероятно, тем, что холощеные животные обыкновенно сбрасывают рога позднее нормальных.

³¹ Bogoras W. The Chukchee.... P. 89—92 (Богораз В. Г. Материальная культура чукоц. С. 28—31).

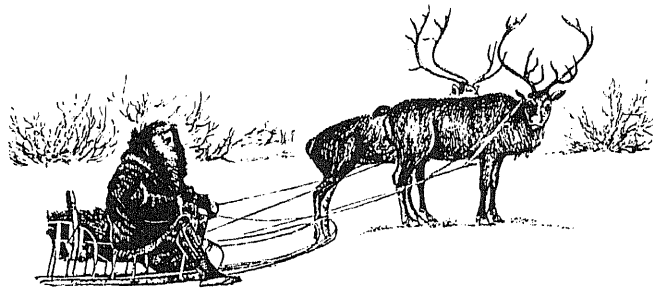

Рис. 20. Оленья упряжка.

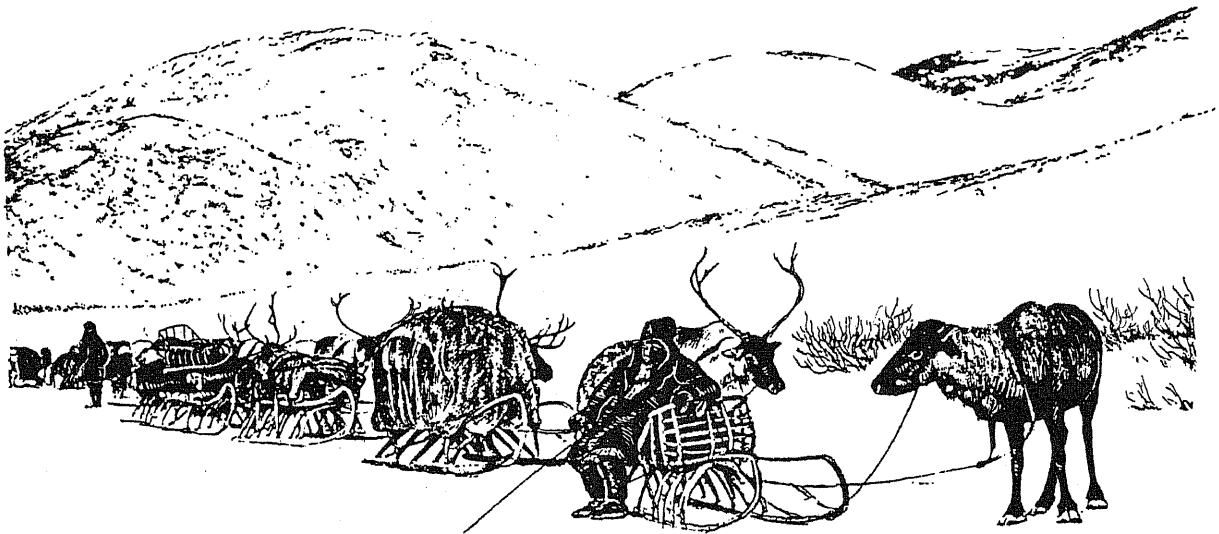

Рис. 21. Олений обоз.

Рис. 22. Стойбище оленных коряков.

Рис. 23. Важенка с теленком.

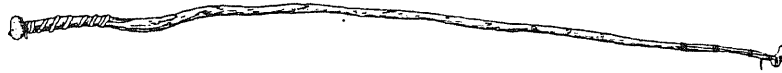

Рис. 24. Оленья погонялка.

должны сравнивать их с корякскими беговыми и ездовыми нартами, тоже парными. У коряков оба оленя тянут левым плечом, и ляжка надевается так, чтобы охватить правую переднюю ногу. Гуж, идущий от ляжки каждого оленя к нарте, начинаясь у правой передней ноги, проходит с правой стороны правой задней ноги, которая, таким образом, остается влево от него. У якутов же правый олень тянет правым плечом, т. е. ляжка схватывает левую переднюю ногу, а левый олень тянет так, как у коряков. Таким образом, углы обеих лямок приходятся между двумя оленями — с правой стороны левого и с левой стороны правого. Эти ремни соединяются деревянной или костяной застежкой с крепким ремнем, который свободно проходит вокруг передней дуги нарты. У коряков же и чукчей есть отдельный гуж для каждого оленя, оба гужа идут от лямок и крепко привязаны к передку нарты. Якутская упряжка имеет то преимущество, что она заставляет обоих оленей тянуть одинаково. Если один из них будет тянуть сильнее, он укоротит длину построжки другого оленя, и нарты будут бить того по ногам. Это заставляет ленивого оленя подбираться и тянуть одинаково с товарищем, и поэтому эта упряжка требует, чтобы оба парных оленя были одинаковой силы, в противном же случае более слабый олень погибает, — сильнейший вытянет свой конец построжки, и слабейший, не будучи в состоянии сравняться с ним, только все более слабеет по мере движения вперед и, наконец, падает от изнеможения. С неопытными возницами это случается очень часто.

Когда обоз груженых нарты в якутской упряжке спускается с горного склона, то олени могут отойти на обе стороны, правый вправо, левый влево, и нарты покатыются под собственной тяжестью, не задевая оленьих ног; это очень важно при парной запряжке, потому что, скатываясь с горы, перед задних нарты с большой силой ударяет по задку передних и раздавил бы ноги оленя, если бы они не могли разойтись в разные стороны. Якутские олени привязываются каждый отдельно к задку передних нарты ремнем около метра длины, идущим от недоуздки. У коряков в грузовые нарты впрягается только один олень, и, идя под гору, он может отойти влево.

Олени не всегда тянут одним плечом. Так как якуты впрягают двух оленей в грузовые нарты, то возницы часто меняют их местами и ставят правого налево, а левого направо.

Коряки и чукчи мало отличаются от якутов в способе управлять оленями. У тех и других нет уздечки. В парной упряжке якутов только один повод, идущий от недоуздки с правой стороны. У коряков у каждого оленя свой повод, завязанный петлей на конце. Петли эти надеваются на левую руку возницы. Для того чтобы олени повернули направо, надо потянуть за поводья. Вообще же главным образом правый олень научается менять направление и тянет своего товарища. Недоуздки

обоих оленей связаны ремнем длиной около метра. Чтобы олени повернули налево, возница вытягивает вперед сбоку правого оленя тонкий, гибкий ивовый прут, заменяющий хлыст. Тогда правый олень, как бы избегая удара, толкает левого оленя влево. Бич этот у коряков и чукчей длиной 120 или 130 сантиметров. На одном конце у него ручка из оленьего рога, на другом — острый наконечник из кости, которым подгоняют оленей (рис. 24). Якуты вместо хлыста употребляют обыкновенный шест в три-четыре метра длиной или ивовый прут. Когда возница вытягивает шест с правой стороны, олени поворачивают налево. Якуты, как сказано, употребляют только один повод от правого оленя. Когда возница слегка тянет повод, правый олень поворачивает вправо и тянет за собой левого; если возница держит сильно, олень делает полуоборот и останавливается. На остановках по дороге возница втыкает свой шест в снег и привязывает к нему повод, тогда все задние нарты обоза останавливаются.

Коряки и чукчи всегда садятся верхом на ездовые и беговые нарты (рис. 20), а якуты сидят боком с правой стороны. Рисунок 21 показывает корячку, ведущую караван нарты, сидя на нартах боком, как якуты, поскольку ехать ей пришлось на грузовых нартах с ограждением вокруг настила. Обычно же молодые женщины предпочитают вести караван на своих собственных изящных ездовых нартах, в которые впряжена пара собственных оленей.

УПРАВЛЕНИЕ СТАДОМ

Выбрать из большого стада несколько определенных оленей — очень хлопотливое дело. А это приходится делать, когда, например, оленей надо отдать за дочерью, выходящей замуж в чужое стойбище, или когда родственники или соседи, держащие свои стада вместе, разделяются и расходятся в разные места, или когда весной хозяин уводит стельных важенок на отдельное пастбище.

В таких случаях собираются все пастухи, подростки и дети. Рассыпанное стадо сгоняется в одно место, и его окружает цепь людей, не позволяющих оленям разбегаться. Чтобы не напугать оленей, все сидят на корточках, но, как только олени пытаются прорвать цепь, все вскакивают и останавливают бегущих. В середине стада стоит хозяин со своими помощниками. Они ловят оленей арканами одного за другим и связывают каждому переднюю ногу с задней коротким, крепким ремнем. Когда все нужные олени таким образом отбранены, сторожа отгоняют стадо в сторону. Связанные олени стоят, пока их совершенно не отделим от свободных; тогда их гонят назад на старое пастбище. Один раз я был свидетелем разделения большого стада и видел, как много труда требует такой первобытный способ окружения стада людьми.

ми. Упрямые олени постоянно прорывают цепь и уводят за собой остальное стадо. Беглецов приходится опять окружать и возвращать в загон. Если стадо невелико, то загон делают из нарт, установленных полукругом.

У оленеводов-якутов около дома есть постоянные загоны в виде прямоугольника, окруженного высокой изгородью из шестов, так что олени не могут перепрыгнуть через нее. Оленей загоняют туда через длинный коридор, продолжающий одну из коротких сторон прямоугольника. Внутри пастухи редко пользуются арканами, а ловят оленей просто руками. Такие загоны встречаются на всех полярных почтовых станциях на якутской территории. Когда нужны олени для перевозки почты или пассажиров, все стадо прогоняется с пастбища в загон, а после того, как нужные олени отобраны, стадо выпускают на свободу.

По моему мнению, численность корякских оленей сильно преувеличена некоторыми исследователями. Например, Слюнин говорит, что корякские табуны достигают 10—18 тысяч голов.³⁴ Я имел возможность видеть некоторые из упомянутых Слюниным стад, и наши цифры далеко расходятся; так, у коряка Куло, по моим сведениям, в стаде было не больше трех тысяч оленей, Слюнин же говорит, что их было 15 тысяч.

По пути из Гижиги на Колыму я провел два дня в стойбище одного богатого тунгуса по имени Абрам, табун которого, по словам Слюнина, насчитывает 18 тысяч голов.³⁵ Я сам видел это стадо; оно было не очень велико, и мне сказали, что в нем восемьсот оленей. Возможно, что не все олени Абрама были тут, а часть его стада была в другом месте, но даже если мы помножим на пять это число, то получим только четыре тысячи, что уже слишком много для тунгусского оленевода в Гижигинском районе. В Верхоянском округе я знал одного тунгуса, у которого было три тысячи оленей, а в самом большом стаде, какое я когда-либо видел недалеко от Индигирки, насчитывалось немало больше пяти тысяч голов.

Правда, что тунгусы, когда говорят с русскими, всегда убавляют число своих оленей, чтобы казаться беднее и не убивать оленей на мясо русским; но с коряками дело обстоит совершенно иначе. Они в этом отношении тщеславны и способны преувеличивать размеры своих стад. Староста полуострова Тайгоноса часто говорил мне: «Я человек богатый, у меня очень много оленей»; а Абрам, тунгус, о котором я упоминал выше, старался уменьшить в моих глазах свое стадо, обращая мое внимание на то, что оно принадлежит не ему одному и что все его родственники имеют в нем часть.

На Тайгоносе, где коряки постигли искусство считать, я переписал оленей по отдельным хозяй-

ствам (я говорю «хозяйства», а не «семьи», потому что обыкновенно братья и другие родственники соединяют свои стада в одно). Я не считаю следующие цифры абсолютно верными, но они дают приблизительное представление о размерах корякского оленеводства.

Я переписал 63 хозяйства, которые в итоге дали 17 тысяч оленей. В четырех самых больших стадах было 2000, 2500, 3500 и 5000 голов. В остальных было начиная с пяти голов до 800. В 34 хозяйствах, т. е. больше половины, было от 5 до 50 оленей. Большинство владельцев маленьких стад не имели своих собственных хозяйств, но работали пастухами у богатых оленеводов. Разделив 17 000 оленей на 318 (число коряков на Тайгоносе) и помножив частное на 3748 (общее число оленных коряков), получим около 200000, вероятно, общее число корякских оленей [VI].

Корякские олени предназначены главным образом на убой. За исключением небольшого числа оленей, выделяемых для езды, перевозки клади и для бегов, все стадо богатого коряка используется в различных формах. От своих оленей он получает пищу и шкуры для одежды и яранг; битых оленей и их шкуры он обменивает на предметы потребления, которых у него нет. От приморских коряков он получает обменом нерпичьи и моржовые ремни, жир и мясо морских животных, железные изделия их кузнецов, вышитые погребальные одежды и сушеные мухоморы. От русских он получает в обмен чай, табак, хлеб, ситец и другие привозные товары. У охотников он обменивает свое оленье мясо и шкуры на пушнину, которую в свою очередь отдает русским за привозные товары.

Оленеводство основной массы тунгусов вообще лишь транспортное, но тунгусские хозяйства с большими стадами не везде одинаковы. В Гижигинском районе тунгусское хозяйство имеет характерные черты корякского, только в стаде больше выезженных ездовых и грузовых оленей, которых, однако, хозяева в извоз не пускают. Как и коряки, гижигинские тунгусы не пошли еще дальше прямого обмена, и малооленный тунгус получает от своих богатых соплеменников верховых оленей, мясо и шкуры для одежды за беличьи шкурки и другие продукты охоты. В Якутской области богатые тунгусы ведут свое оленьее хозяйство, так же как якутские оленеводы.

Тип якутского хозяйства диаметрально противоположен корякскому. Доходность якутского стада образуется не от обмена или торговли мясом и шкурами, а от использования оленей для перевозок. Богатый якут развозит на своих оленях товары по всей Якутии, собирая пушнину от северных округов до Алдана на юге или до Лены на западе, где летом курсируют пароходы. Он заключает подряды на перевозку почты и снабжает оленями и возницами почтовые станции на главных и боковых трактах. Корякские олени не приспособлены к такой работе. Кроме того, якутское население на севере многочисленнее, торговля значительнее и сношения между различными частями территории оживленнее, чем в стране коряков. На территории коряков русские торговцы пользуются для перевозок своей клади исключительно собаками.

³⁴ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 63; Крашенинников С. (Описание земли Камчатки. Т. 2. С. 208) тоже дает невероятные цифры; по его словам, у богатых коряков тысяч по десяти, по тридцати оленей и больше, а у тойона Этеля Соплякова было почти 100 000 оленей. Дж. Кеннан (Tent-life...) приводит подобные же маловероятные цифры; он утверждает, что оленные коряки северной Камчатки имеют стада по 8—12 тысяч голов, а один даже 30 тысяч.

³⁵ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 634.

ми и нанимают возниц главным образом в русских селениях.

Колымские торговцы пробовали избежать перевозки грузов из Якутска или по недавнему открытому тракту из Олы, приспособив чукоч с их оленными нартами перевозить товары из Гижиги в Колымск. Вследствие низкого уровня жизненных потребностей чукчи назначили незначительные цены, и предприятие оказалось дешевым, но ненадежным и медленным.³⁶ Чукчи отправлялись в дорогу по своему обыкновению с семьями и стадами и проходили около семи миль в день, так что путь от Гижиги до Среднеколымска требовал около пяти месяцев, в то время как якутские олени пробежали бы этот конец с той же кладью в какие-нибудь двадцать-тридцать дней.

Сравнивая дальше два вида применения оленей — якутский и корякский, мы видим, что различное использование стад определяет большие различия в дрессировке, составе и численности стад и получаемом от них доходе.

Как уже сказано, якуты первоначально получили оленей от тунгусов, но они значительно улучшили породу, и теперь якутские олени крупнее не только корякско-чукотских, но и тунгусских. Я помню одно чукотское стадо недалеко от Булуна на нижнем течении Лены. Стадо это удивило меня ростом оленей. Якуты достигли этого прежде всего тщательным отбором. Якутское стадо подвергается постепенному изменению своего состава, потому что богатый якут-оленовод беспрепятственно то продает, то покупает оленей: он продает своих плохих и заживевших производителей и покупает, где только можно, больших и сильных быков и важенок; он не стоит за ценой и все время старается улучшить породу. Кроме того, якутские оленеводы специализировались на поставке выезженных оленей на почтовые станции. Тавро владельцев в виде инициалов выжигается раскаленными железными печатями на задних ляжках оленей. Довольно часто можно встретить оленей с несколькими таврами, что показывает, что они прошли через несколько рук.

Корякское же стадо мало изменяется в своем составе, если не считать естественный прирост и убыль от убоя и болезней. Стадо тесно связано с семейным культом, оно приносит счастье и считается покровителем семьи. Оно по-прежнему считается общей собственностью всей семьи, хотя распоряжается им глава семьи.

Кроме того, каждый член семьи без различия пола имеет в стаде известное число оленей со своей меткой, которые считаются его личным имуществом. Каждый новорожденный член семьи независимо от пола получает в дар одну или несколько важенок из первых, родившихся после него. Со временем, при благоприятных обстоятельствах от этого получают целые стада, которые помечают

ся особенным знаком, отличающим их от других оленей того же стада. Корякский знак собственности ставится на ухе оленя. Операция эта производится над новорожденным теленком, причем ему откусывают или отрезают ножом кусочек уха и, конечно, эти метки мало отличаются одна от другой; они имеют вид прямой или изогнутой линии, острого угла или двух или трех надразов зигзагообразной формы; но хотя метки и очень схожи, коряки легко различают их.

Несмотря на то что в последние годы богатые коряки-оленоводы покупают у тунгусов обезжженных оленей и хороших производителей, чтобы улучшить свои стада, сами они все-таки считают грехом продавать живых оленей. Проданный олень уносит с собой счастье табуна, поэтому, продавая оленей на убой, коряки не отдают их живыми, а сами закалывают их. При этом условия убоя проданного оленя считается жертвоприношением верховному божеству и не влечет за собой дурных последствий.

Относительная пропорция быков и важенок в корякских и якутских стадах различна. Корякское стадо предназначается главным образом для убоя. Чтобы предупредить его сильное уменьшение, коряки бьют прежде всего быков, молодых самцов и яловых важенок. Поэтому в корякском стаде 60—70 процентов всего числа — важенки. Говоря о богатстве оленевода, коряки часто имеют в виду только число взрослых важенок, совсем не считая быков и телят.

Якутские же олени считаются главным образом рабочими животными, а потому быки как более сильные ценятся дороже. На еду якуты убивают оленей только при исключительных обстоятельствах, а на убой не продают совсем, так как в таком случае мясо вышло бы слишком дорогим. Полярные оленеводы-якуты живут главным образом на рыбе и минимальном количестве привозной муки. Иногда у них бывает конина или говядина, коровье масло и молоко, все привозимое в замороженном виде зимой из южных якутских селений, где занимаются скотоводством. Якут скорее заколет важенку, чем рабочего быка; быки же у якутов работают все, не только кастрированные, но и производители. Поэтому у них нередко можно встретить стадо, в котором важенок меньше, чем быков, или последние составляют 40—50 процентов. Вообще якуты запрягают даже важенок, не исключая и стельных. Самому мне раз пришлось ехать по почтовому тракту на стельных важенках в апреле перед самым отелом. В соответствии с обоими способами использования животных, описанными мною, различно и обращение с ними с первого дня рождения.

Период гона у домашних оленей продолжается с конца сентября до начала ноября, отел же бывает от начала апреля до начала мая. Больше всего рождений падает на конец мая. У диких оленей как период течки, так и отела бывает на десять-четырнадцать дней позднее, чем у домашних.

Обыкновенно в марте оленевод отделяет важенок от остального стада и держит их на другом пастбище. Пастухи должны следить за всеми новорожденными телятами, чтобы в холодные ночи

³⁶ В первый год чукчи получили от нанявшего их торговца по два кирпича чая (по тогдашним гижигинским ценам 1 рубль) за каждую нарту с одним оленем за все расстояние от Гижиги до Среднеколымска. Каждая нарта везла «место» кирпичного чая весом в пять с половиной пудов. За то же расстояние и тот же якут взял бы по пяти рублей с пуда, т. е. по 27 рублей 50 копеек с каждой нарты.

они не замерзали до смерти. 7 мая 1901 года в период отела я посетил стадо важенок, принадлежавшее тайгоносскому старосте. Большая половина их уже отелилась. Местность была совершенно открытая, безлесная тундра по реке Чайбухе. Снег, разметанный зимними ветрами, был неглубок и днем под лучами солнца начинал уже таять; там и сям виднелись черные пригорки, земля, покрытая ягелем, мхом и прошлогодней травой. Стадо рассыпалось по огромной площади. Каждая важенка как будто хотела быть наедине со своим детенышем. Большая часть новорожденных телят (им было один-два дня) бегали рядом с матерями, которые убегали при каждой моей попытке подойти поближе. В якутском стаде на Лене (1897 год) я легко мог ловить маленьких телят, потому что их матери не боялись людей.

Почти все телята корякского стада, о котором я говорю, были черного или темно-коричневого цвета. Из общего числа почти пятисот телят я видел только десять или двенадцать чисто белых и приблизительно столько же пятнистых. Я пробыл почти два часа в этом стаде, и за это время у двух важенок родились телята. Одну из важенок с новорожденным теленком я фотографировал во время родов, еще до отхода плаценты, пока она лежала спокойно.

Важенка северного оленя телится раз в год. Яловых важенок в большом стаде можно найти не больше двух или трех. Если погода весной благоприятна, то погибает сравнительно мало новорожденных телят, процентов десять или пятнадцать; но, если ночи холодны, в особенности если поднимается пурга, много их замерзает насмерть. В холодную весну смертность достигает 30 процентов и больше. Якуты в холодные ночи помещают важенку с телятами в те же длинные сараи, о которых я говорил выше, что уменьшает смертность телят.

Коряки вообще не доят оленей и только очень редко при совершенном отсутствии пищи в тундре, когда им не хочется убивать оленя, они пользуются оленьим молоком. Корякская важенка не позволяет доить себя, и пастухи валят ее на землю и сосут молоко, как телята. Некоторые коряки, близкие соседи тунгусов, научились доить своих важенок. Тунгусы же очень любят оленьее молоко и пьют его с чаем. Доят следующим образом: несколько человек ловят важенку и подпускают к ней теленка, а потом сразу отводят его от вымени и доят в деревянную чашку. Дает самка не больше трех чашек молока в день. Молоко очень густо, очень жирно и тошнотворно на вкус. По запаху оно похоже на овечьё. Конечно, доение неблагоприятно отзывается на росте телят. Якуты не доят важенок, почему их олени больше и сильнее тунгусских.

Ценность тунгусского стада, а в особенности якутского, значительно выше ценности корякско-чукотского стада. Цена корякского оленя, продаваемого на убой, колеблется от 2 до 5 рублей. Русские обыкновенно обменивают битых оленей у коряков за два-четыре кирпича чая за тушу. Я давал шесть кирпичей чая за взрослого оленя, и это считалось необыкновенно высокой ценой. В

Гижиге, центре русской торговли, кирпич чая (1 кг) продавался в то время за 50 копеек, но по мере удаления в глубь страны цена поднимается, пока не доходит до рубля и более.

Я уже говорил, что коряки не продают живых оленей, в особенности ездовых или производителей, но они меняют их на других оленей. Хороший тунгусский ездовой олень стоит обыкновенно двух корякских. Тунгусы редко продают оленей на убой. Во время поездки из Гижиги на Колыму я купил на Вархаламе в стойбище Абрама, тунгуса, которого я уже упоминал, несколько оленей на еду в дороге и взял их с собой. Я заплатил по 6 рублей за оленя. Хороший тунгусский ездовой олень стоит до 10 рублей. На севере Якутии, где тунгусы запрягают своих оленей в нарты и занимаются извозом, ездовой олень ценится в 12—15 рублей; якутский упряжной олень стоит еще дороже. На Яне и в устье Лены хороший якутский упряжной олень стоит 25 рублей. Недалеко от Верхоянска моя собака испугала упряжку почтовых оленей. Они понесли и наехали на дерево, и один из оленей сломал ногу. Его пришлось убить, и по договоренности с владельцем я доплатил ему половинную цену за оленя — 12 рублей. Так как якуты обычно не убивают своих оленей, то на одежду они покупают шкуры чукотских или диких оленей. Нередко можно видеть якутских пастухов, одетых в кухлянки, сделанные из шкур кабарги, горного барана или из коровьих и телячьих шкур, отделанных заячьим мехом.

При благоприятных обстоятельствах олень размножается очень быстро. Если начать со стадом в сотню важенок по второму году, как раз когда они начинают плодиться,³⁷ и, предполагая, что как они, так и женское потомство будут приносить по одному теленку в год в последующие десять лет³⁸ и что каждый год число важенок и быков будет одинаковое, мы увидим, что на одиннадцатый год первоначальное стадо в 100 важенок превратится в стадо в 11 420 голов (5760 важенок и 5660 быков). Из этого исчисления можно видеть, с какой быстротой увеличивалось бы стадо оленей, если бы его рост не сдерживался смертностью телят, убоем на мясо и шкуры, и главным — эпизоотиями. Яловых важенок так мало, а выкидыши так редки, что эти два фактора не стоит принимать во внимание.

Богатые коряки убивают на мясо и шкуры около половины годового приплода. Телят обычно бьют осенью, когда им пять-семь месяцев. Шкуры идут на одежду и в большом спросе на обмен. Дальнейший убой взрослых оленей зимой для собственных нужд хозяев и на мясо для приморских коряков и жителей русских селений очень неблагоприятно отзывается на стаде. Вот почему так мало владельцев больших стад среди оленеводов. Многие из них обеднели, потому что русская администрация заставляла их продавать множество оленей в русские селения во время голода. Чем

³⁷ Довольно часто течка бывает первую осень после рождения важенок, и они тяжелеют.

³⁸ Средняя продолжительность жизни 15 лет, и самки приносят детенышей до конца жизни. Двойни рождаются нередко.

меньше стадо, тем больше его рост задерживается убоем оленей.

Все-таки надо сказать, что самый большой ущерб оленеводству приносят частые эпизоотии, которые могут в несколько дней превратить богатого оленевода в нищего. Подробное описание эпизоотий и болезней оленей дал В. Г. Богораз.³⁹

Само собой разумеется, что якутские стада не застрахованы от эпизоотий, но в других отношениях рост их идет гораздо быстрее. Многие якуты Верхоянского округа, сравнительно недавно купившие у тунгусов несколько дюжин оленей и занявшиеся их разведением, превратились теперь в богатых оленеводов.

Оленевод-коряк не вышел еще из первобытно-экономического состояния, т. е. все, что ему нужно, он получает от своего стада. Хотя можно сказать, что стадо коряка составляет его капитал, поскольку труд наемных пастухов помогает накоплению этого капитала, но единственная выгода, которую владелец получает от обмена оленей, составляет получение предметов потребления, удовлетворяющих текущие нужды семьи.

При таких условиях доход коряка от его стада ничтожен. Ежегодно убивается множество оленей, т. е. уничтожается часть богатства, и взамен оленевод редко получает что-нибудь, что может послужить ему продолжительное время. Перед нами тут пример самого примитивного обмена [VII].

В противоположность корякскому якутское оленеводческое хозяйство основано на денежном расчете. Олени служат тут не только объектом обмена на предметы, необходимые в хозяйстве, но и источником заработка. Доход, получаемый от содержания почтовых станций и перевозки клади, очень значителен и получается деньгами. Богатые якутские оленеводы накапливают порядочные капиталы и даже делают вклады в банк. В руках якутов все сообщение по всей длине правительственного тракта от Алдана южнее Верхоянского хребта до Среднеколымска (1350 миль) и по всем боковым трактам, идущим от главного. Зимой они поддерживают его на оленях, а летом — верхом на лошадях. Этим объясняется, почему стадо якута представляет капитал в настоящем смысле слова и почему получаемый с него доход, а также его ценность гораздо больше всего, что коряк может себе представить.

Для того чтобы перевести мои коллекции из Среднеколымска в Верхоянск (928 миль), я заплатил моему возчику-якуту по 5 рублей с пуда (16 кг). При больших расстояниях на нарту, запряженную парой оленей, кладут 5—7 пудов;⁴⁰ следовательно, за двадцать пять дней, время, необходимое для того, чтобы перевести кладь между двумя названными пунктами, каждая пара оленей заработала своему хозяину 25—35 рублей без всякого расхода, исключая ничтожной платы возчику.

Предполагается, что один возчик может управиться с восьмью-десятью нартами. Один правит

первой, а следующие привязаны одна за другой; передовая нарта, на которой сидит только возчик и лежат его припасы, запрягается самими послушными, но и самыми сильными животными. Очень часто задние олени оттого, что они не привыкли к упряжи, ленятся или устают, отказываются идти или тянут назад; передовые же, подгоняемые шестом, должны тянуть их вперед и заставлять идти. Часто случается, что, когда олени утомлены, все задние начинают задерживать, а передней паре приходится тащить весь обоз. Иногда тот или другой олень падает от изнеможения — передний тащит его, пока он не встанет; в тех случаях, когда передняя пара слишком устанет, возчик отводит ее назад, а вместо нее впрягает другую.

Когда олени выбьются из сил, они начинают тяжело дышать и ложатся на землю, и тогда никакие удары не заставят их встать. Часто случается, что они падают мертвыми. Во время моих поездок на почтовых оленях, которые вообще всегда утомлены, они иногда падали на дороге утомленные или мертвые. Если олень ляжет и его нельзя поднять, то возчик отпрягает его и оставляет на дороге. Если он оправится, его потом забирают на обратном пути.⁴¹ Случается, что волки съедают такого брошенного оленя. Я помню, как на одной станции в Колымском округе смотритель припряг к моему обозу пары, составленные из якутских и чукотских оленей. Последних он купил у чукчей, чтобы возместить убыль станционных животных. Несмотря на то что они были жирны и сильны, чукотские олени, не привыкшие к быстрой езде, не могли идти вровень с якутскими и скоро начали задыхаться и падать, несмотря на нещадные удары. Мы побросали их одного за другим, оставив на дороге несколько нарт с припасами, и, наконец, пешком добрались до станции. Это были обыкновенные мало выезженные чукотские упряжные животные, привыкшие медленно проходить 10—15 км в день вместе со всем кочевьем.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В заключение я хочу подвести итог главным особенностям трех способов использования оленей.

Оленеводство коряков и чукоч очень примитивно; экономические условия еще на том первобытном этапе, когда табун служит только для того, чтобы удовлетворить потребительские нужды семьи. Главное назначение оленей — служить источником пищи и одежды, и их держат почти только для убоя, транспорт же — второстепенное назначение оленей.

Тунгусское оленеводство представляет более передовой тип. Олени служат прежде всего для перекочевок по всей охотничьей территории как верховые и грузовые животные. Хозяйство богатого тунгуса приближается или к корякскому, или к якутскому типу, смотря по местности.

⁴¹ На пустынном северном тракте расстояние между почтовыми станциями равняется 60—400 км. По правилам, предписанным станциям, олени должны проходить 50 км в день и без замены проходить весь перегон.

³⁹ Bogoras W. The Chukchee... P. 80—81.

⁴⁰ На короткие расстояния пара якутских оленей может перевести 9—12 пудов.

Якутские олени — это улучшенная тунгусская порода; использование их главным образом коммерческое; они — источник всех заработков. Владельцы одной или двух дюжин оленей редко пользуются ими в своем хозяйстве, но обычно нанимаются вместе с ними для перевозки товаров или сдают их в наем якутским предпринимателям за денежное вознаграждение.

ПРИРУЧЕНИЕ ДИКИХ ОЛЕНЕЙ

Мне хочется прибавить следующее замечание к тому, что было сказано выше об укрощении диких оленей.

Говорили, что амурские тунгусы приручают диких оленей. Я считаю, что эти сведения, которые подтверждаются моим другом Л. Я. Штернбергом в рецензии на труд В. Г. Богораза по материальной культуре чукчей, не заслуживают большого доверия.⁴² Если амурские тунгусы могли увеличивать стада, приручая диких оленей, они превзошли в своем искусстве дрессировки дрессировщиков наших зоологических садов, которые только в некоторой степени преуспели в приручении диких животных. В устной беседе по этому вопросу Л. Я. Штернберг сказал мне, что в первоначальном наброске рукописи он написал «приманивать», а не «приручать», что могло относиться к искусству тунгусов приманивать диких оленей с помощью специально для этого тренированных домашних оленей. Я знаю, что это делается тунгусами также и в Якутии, в Гижигинской и Охотской округах и в Приморской области, но только для охоты на дикого оленя, а не для отлова и последующего приручения.

В этих местностях есть три способа охоты на диких оленей при помощи домашних. Первый — с оленем, специально для этого тренированным, называемым «охотничьим оленем», или *маньшиком*, русскими и *ondada'* по-тунгуски. Во время моих поездок по Северо-Восточной Сибири мне удалось встречать тунгусских охотников верхом на олене с другим, маньшиком, на длинной привязи. Кроме всего прочего, маньшик — отличный проводник: он ведет своего хозяина самыми верными тропами по лесам и другим непроходимым местам и по чутью и слуху приводит его к пастбищу диких оленей. Тогда охотник отпускает привязь, пускает маньшика вперед, а сам прячется за кустом или пригорком. Маньшик начинает копать снег, чтобы добыть мох. Когда дикий олень замечает маньшика и, побуждаемый своим стадным чувством, приближается к нему, охотник начинает потихоньку подтягивать «приманку», и дикий олень, идущий за ней шаг за шагом, приближается на нужное для охотника расстояние. Вторым способом тунгусы пользуются осенью во время гона у диких оленей. Охотник отправляется на охоту с двумя самыми сильными в стаде быками. Найдя следы стада диких оленей, охотник отпускает одного из своих быков, обвязав предварительно его

рога ремнем с несколькими петлями. Почувствовав себя на свободе и учуяв диких важенок, олень старается догнать их, но дикий бык не позволяет сопернику приблизиться, и начинается борьба, причем рога дикого оленя запутываются в ременных петлях противника. Охотник верхом на другом олене находит спутанных борцов и убивает дикого. Иногда ему удается убить и важенку, которая, по словам охотника, издали следит за борьбой и убегает только при приближении человека. Третий способ состоит в приманивании осенью диких быков при помощи домашних важенок, которые к нему прибегают в лесных местностях, где нет волков. Найдя пастбище диких оленей, охотник оставляет одних без охраны несколько важенок из своего стада в периоде течки. Они привлекают диких быков. Через день или два охотник осторожно подходит к важным и старается убить диких оленей, подошедших к ним слишком близко. Коряки тоже пользуются случаем и убивают диких быков, посещающих домашних важенок в стаде, а чукчи даже считают дурной приметой, если дикий бык сумеет убежать из стада. Таким образом, ясно, что цель всех трех способов — убить дикого оленя, а в последнем случае также получить от домашних важенок более крупный и сильный приплод.

В. Д. Немирович-Данченко в двух статьях «Мезенская тундра» и «Страна лопарей»⁴³ сообщает, что самоеды не умеют приручать оленей Мезенской тундры, а лопари успешно справляются с оленями своей страны. Они ловят оленей арканом и оставляют их голодать связанными в продолжении трех дней. После того, говорит он, олени так же смиренные, как домашние. Эти сведения основаны, вероятно, на недоразумении и относятся к первой выездке домашнего оленя, взятого из стада.

Я так подробно останавливаюсь на вопросе о возможности приручения диких оленей потому, что ответ на этот вопрос чрезвычайно важен не только с точки зрения экономических интересов оленеводов, но и истории домашних животных вообще. Правда, домашний олень мало отличается от дикого. До сих пор зоологи не нашли анатомической разницы, которая могла бы позволить считать домашних оленей за отдельную разновидность. Из этого можно, пожалуй, вывести заключение, что оленеводство сравнительно недавнего происхождения; но также надо принять во внимание, что вряд ли оленеводы знают что-либо об искусственном отборе и что обращение диких животных в домашних не сопровождалось изменением их пищи. Как бы то ни было, более миролюбивый характер, так сказать, близость к человеку и готовность слушаться его, которые мы находим даже в примитивной чукотско-корякской породе оленей, развиваются не сразу. Эти качества приобретаются постепенно и передаются по наследству через целый ряд поколений. Тем более это можно сказать о тунгусской породе оленей. Сравнительная слабость оленей облегчает человеку их приручение, которого, однако, только физической силой добиться нельзя. Я уже рассказывал выше, что

⁴² American Anthropologist. New Series. 1905. Vol. VII. N 2. P. 322.

⁴³ Живописная Россия. СПб., 1881. Т. 1. С. 95, 178.

оленя из первобытного чукотского стада, впряженного в первый раз вместе с якутским оленем, можно забить до смерти и все же не заставить бежать так же быстро, как тот. Если дикий бык, привлеченный важенками, пристанет к стаду, несмотря на врожденный страх перед людьми, то для хозяина может явиться опасность потерять большую часть своего стада, как бы бдительно он его ни сторожил, потому что дикий олень может увести с собой все стадо. Неизменный обычай чукоч убивать диких оленей, привлеченных в стадо половым инстинктом, обязан, мне кажется, своим происхождением этому опасению; вот почему обычая этому придано религиозное значение. Если я считаю, что оленеводство недавнего происхождения, я не думаю все же относить его начало к временам, близким к нашему. Чукотско-корякский культ, связанный с домашними оленями, с его многочисленными обрядами и празднествами требовал много времени для своей эволюции и окончательного установления. Так как возможность оленеводов увеличивать свои стада приручением диких оленей является делом большой важности как для науки, так и для туземной экономики, то будем надеяться, что будущие исследователи оленеводче-

ских племен уделят этому интересному и важному вопросу то внимание, которого он заслуживает.

В связи с вопросом о приручении диких животных упомяну о рассказе одного юкагира, приведенном Богоразом,⁴⁴ относительно приручения волков и пользования ими в упряжи наравне с собаками. Я тоже слышал это у юкагиров Нижней Колымы, но как и Богораз, считаю это мифом.

Приведу другой пример, показывающий, как мифический случай может превратиться в рассказ о действительном событии. Из корякских мифов мы знаем, что злые духи (*kalau*) владеют стадами горных баранов вместо оленей,⁴⁵ и вот Дитмар выдает за факт, который он, очевидно, слышал от камчадалов, что группа камчадалов с реки Моршечной бежала в горы, чтобы избавиться от необходимости платить ясак, и кочует там с большим стадом горных баранов, которых они приручили.⁴⁶

⁴⁴ *Bogoras W. The Chukchee...* P. 101.

⁴⁵ *Jochelson W. The Koryak...* P. 241.

⁴⁶ *Дитмар К. Поездка и пребывание на Камчатке в 1851—1855 гг.* СПб., 1901. С. 356.

VI. СОБАКОВОДСТВО

НАЧАЛО ЕЗДЫ НА СОБАКАХ И ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Несомненно, что собака была приручена гораздо раньше, чем ее начали употреблять для езды. По преданию, слышанному мной в с. Иткане, началось это так. Давно-давно дети, играя с собакой, привязали к ней деревянный горшок (*о́са'лыо*). Собака его потащила. «А, — сказали люди, — она может везти!» — и запрягли ее в санки.¹ Это предание показывает, что у современных коряков сохранилось воспоминание о времени, когда собака, уже будучи домашним животным, для езды еще не применялась.²

По рассказам первых исследователей и писателей — таких, как Марко Поло и Витсен, — езда на собаках в Западной Сибири распространялась гораздо дальше на юг, чем теперь. Витсен говорит, что в то время, когда он писал (1785 год), в северной части Енисейского края не было лошадей, а только собаки, и даже около Томска для езды лошади использовались только летом, а зимой — собаки.³ Позднее лошадь заменила сибирскую ездовую собаку, а на дальнем Севере собака нашла конкурента в северном олене. В более южных широтах собака сохранила свое место как ездовое

¹ Стеллер приводит предание камчадалов, по которому их творец Кутка не запрягал собак, а сам тащил сани (*Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschieden Gewohnheiten. Frankfurt; Leipzig, 1774. P. 133.*)

² Интересно отметить, что в корякской мифологии езда на оленях как признак богатства противопоставляется хождению пешком как признаку бедности, но не езде на собаках. По моему мнению, из этого нельзя заключить, что на собаках не ездили раньше, чем были приручены олени. Во-первых, собака вообще самое древнее домашнее животное, и ее легко приручить везти нарту; во-вторых, первобытное воображение так же, как и самое современное, использует крайние положения для усиления контраста и бессознательно или нарочно пренебрегает промежуточными стадиями, не столь хорошо выявляющимися антитезу. В одном мифе Великий Дед просит своих дочерей дать ему похлебки, чтобы накормить собак. Он выходит и зовет собак, и олени, увезшие Человека-Тумана, превращаются в собак и бегут к корыту со своими нартами. Из этого мифа можно заключить, что творец представляется имеющим собак.

³ *Middendorf A. T. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre und 1844 mit allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der kais. St.-Petersburg, 1875. Vol. 1. Part II. P. 520 (Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1869. Т. II).*

и грузовое животное только в юго-восточной части Сибири, на Камчатке, на Сахалине и в области Амура. По словам Лерберга, во время общеизвестного похода в Югорскую страну в 1499 году русское войско сопровождали сотни собачьих нарт.⁴ Там же говорится, что в прежние времена езда на собаках распространялась и к западу от Урала в Пермской губернии. Миддендорф предполагает, что в Европе собаки были заменены лошадьми еще в глубокой древности, вероятно, во времена доисторические. Он думает также, что выражение «*pen-nikorm*», употребляемое в Прибалтийских провинциях вместо географической мили и буквально означающее «груз собаки», является пережитком исчезнувшей езды на собаках.⁵ Еще и теперь можно встретить во многих европейских странах собак, запряженных в маленькие тележки. Я видел это в Германии, Швейцарии, Бельгии и Голландии. Молочницы, зеленчики, ремесленники и мастеровые развозят и привозят на рынок свои продукты и изделия на тележках, запряженных одной или двумя собаками. Провожатый, мужчина или женщина, помогают им везти. Но этот частный случай ограниченного пользования собаками как грузовыми животными совершенно отличается от собаководства и езды на собаках у сибирских народностей, для которых собака — единственное средство передвижения и перевозки грузов. Возможно, однако, что в современном применении собак для перевозки легких грузов в Европе можно видеть реликт более широкого использования упряжных собак в древности.

Если мы рассмотрим все достоверные данные относительно езды на собаках на Западе, то мы должны будем прийти к заключению, что изменения в упряжке и способе управления собаками, имевшие место уже во времена исторические у собаководов Восточной Сибири, произошли под влиянием русских завоевателей, которые были знакомы с ездой на собаках до своей встречи с восточносибирскими племенами.

Я уже сказал раньше, что благодаря появлению оленя границы района, где собаки употреблялись как упряжные животные, до некоторой степени

⁴ Лерберг. Исследования по древней истории России. О Югорской земле. СПб., 1816. С. 17.

⁵ *Middendorf A. T. Reise... P. 519, 520.*

сузились. Большая часть сибирских народностей, занимающихся собаководством, — таких как остяки, самоеды, тунгусы, юкагиры, чукчи и коряки, — держат оленей в таком количестве, что нередко значительная, а иногда и большая часть племени занимается оленеводством. Одни айны, гиляки и камчадалы в Азии и эскимосы и индейцы в Америке (как прежде, так и теперь) только собак используют как упряжных животных. Русские, живущие теперь в селениях Крайнего Севера Сибири и Дальнего Востока (главным образом возле устьев рек), также употребляют собак для переездов и перевозки тяжестей. Иногда у этих русских (все они рыбаки) есть небольшое количество лошадей для верховой езды летом, но никто из них не принялся за оленеводство — занятие, противоречащее оседлым привычкам их прежней родины. На севере Якутской области некоторые русские владеют маленькими стадами оленей, но обычно предоставляют их заботам тунгусов.

Современные ездовые собаки (как Сибири, так и Северной Америки) принадлежат к одной и той же породе волкообразных домашних собак. Миддендорф предполагает, что они являются помесью волка с шакалом.⁶ Шренк также считает эскимосскую собаку родственной азиатской и думает, что собаки попали в северную часть Северной Америки из Старого Света.⁷

Собаку в общем трудно было бы отличить от полярного волка, если бы не ее малый рост (средний рост собаки у передних ног 50—75 см) и более разнообразная окраска. Хотя процент собак однотонного светлого и темно-серого цвета (аналогичный полярному волку) значителен, часто встречаются белые и черные животные; особенно же много пестрых собак с белыми или черными пятнами на ногах, груди и боках. К западу от Станового хребта пестрые собаки встречаются чаще, чем на побережье Охотского моря. Так, например, на Индигирке большая часть собак пегие с белыми и черными пятнами. Вероятно, это результат скрещивания туземных собак с охотничьими тунгусскими, похожими на овчарок, или с привозными русскими. Может быть, этим же объясняется то, что на Лене среди якутских собак я видел некоторых с висячими ушами. С другой стороны, от скрещивания с тунгусской собакой, которая меньше ростом, происходит мелкий лисицеобразный тип с острой мордой, маленькими прямыми ушами и пушистым хвостом. Таких собак я часто встречал на реке Колыме. Они очень похожи на лисиц, в особенности те, у которых рыжеватый мех. Когда они в хорошем настроении, то поднимают вверх свой пушистый хвост, если же они устали или рассержены, то опускают его и тащат по земле, как лисицы. Тогда эта собака отличается от лисицы только круглыми зрачками глаз.

Современный способ езды на собаках, распространенный у коряков, является общим для всего северного населения Восточной Сибири и Дальнего Востока, как русского, так и туземного, и в осо-

бенности близок к чукотскому, подробно описанному Богоразом.⁸ Поэтому я укажу только на некоторые особенности собаководства у коряков и на его роль в экономике народности, а также дам некоторые дополнительные сведения, касающиеся распространения и различных форм собаководства в Сибири.

УПРЯЖЬ

К трем типам собачьей упряжи, описанным Богоразом, можно прибавить еще два — современный гилякский и древний камчадальский. Таким образом, всего имеется пять типов собачьей упряжи.

1. Западносибирская упряжь. Она состоит из ремня, опоясывающего тело собаки вокруг спины и живота. Снизу, оттуда, где концы ремня соединены кляпом (костяная или деревянная палочка), идет между задних ног собаки постромка, обмотанная чем-нибудь мягким, обыкновенно мехом, чтобы защитить ноги животного от трения. Таким образом, собака тянет бедрами. Миддендорф, описывая западносибирскую упряжь, говорит, что от верхней части упряжи через поясицу к главному ремню идет ремешок, мешающий упряжи соскользнуть с ног. Из слов Миддендорфа не ясно, держал ли он действительно в руках западносибирскую сбрую с реки Енисея или такую, как делают к востоку от Лены.⁹ Здесь могу прибавить, что за мое пребывание возле устья Лены в 1897 году мне случилось видеть собаководов, которые приезжали туда с рек Хатанги и Анабара (обе к западу от Лены), и у них была та же упряжь, какую встретишь везде к востоку от Лены.

2. Восточносибирская упряжь, употребляемая современными коряками, состоит из длинной ремешковой петли, концы которой соединены ремешком, кончающимся кляпом, который вставляется в одно из колец потяга (рис. 25). Петля делается из ремня шириной в два-три пальца, бока ее соединены двумя поперечными ремнями, которые охватывают спину собаки. Упряжь надевается на собаку таким образом, что голова проходит в пространство между верхней частью петли и первой поперечиной. С одной стороны приделан еще ремешок, служащий подпругой и проходящий под животом, его пристегивают на другой стороне деревянным или костяным кляпом.¹⁰ Эта упряжь отчасти похожа на русскую конскую шлею. Передняя часть алыка, которой собака тянет, лежит у нее на груди, но часто спинные поперечины бывают слишком коротки или петля во время езды скользит кверху и тогда лежит уже не на груди, а на горле и затрудняет дыхание. Это главное неудобство этой упряжи.

⁸ Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, 1904. Vol. VII. Part I. P. 98—114.

⁹ Судя по примечанию Миддендорфа, в его время оба вида упряжи были известны на Енисее. Он говорит, что енисейские якуты называют спинную упряжь «русской» (*nusa-alygga'*), а грудную — «якутской» (*saxa'-alygga'*). Поэтому Миддендорф считает, что первая занесена в Азию из Европы (Миддендорф А. Путешествие... Ч. II. С. 521).

¹⁰ Bogoras W. The Chukchee... P. 108, fig. 25 a, d.

⁶ Миддендорф А. Путешествие... Ч. II. С. 527.

⁷ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. II. С. 167.

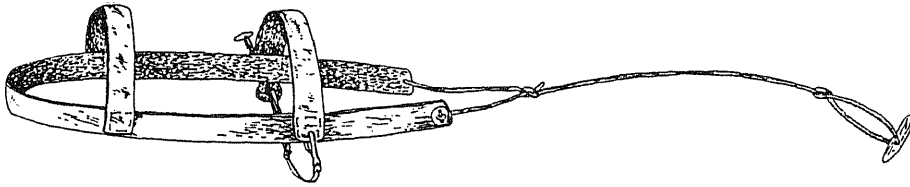

Рис. 25. Восточносибирская собачья упряжь.

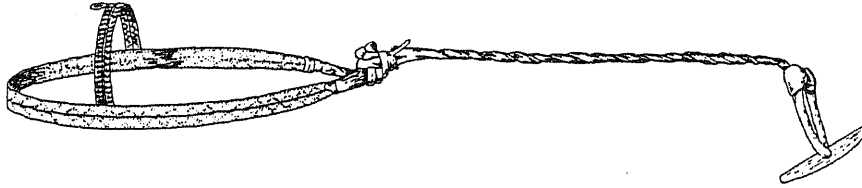

Рис. 26. Современная камчадалская упряжь.

3. Эскимосская упряжь. Мердок¹¹ описывает ее следующим образом: собачья упряжь состоит из широкого ремня с тремя параллельными петлями на одном конце. Голова пропускается через среднюю петлю, а передние ноги — через две боковые. Таким образом, основная часть ремня оказывается на спине. Подобным же образом описывают эту упряжь Пэрри и Нельсон.¹² Собачья упряжь центральных эскимосов делается по тому же типу. Она состоит из двух петель, пропущенных под передние ноги собаки. Эти петли соединяются двумя ремнями: одним — на груди, другим на шее. Концы связаны вместе на спине, и от них идет постромка к нарте.¹³ Из этих описаний видно, что эскимосская собака тянет частью плечами, но главным образом — грудью. Кроме того, грудной ремень не может скользить кверху, как в восточносибирской упряжи, и в этом заключается преимущество эскимосской упряжи перед всеми другими. У азиатских эскимосов упряжь, по-видимому, такая же, как у центральных эскимосов, но на рисунке, иллюстрирующем собачью упряжь азиатских эскимосов, в труде В. Г. Богораз ремешок, соединяющий петли для передних ног и проходящий по груди, не виден, поэтому создается впечатление, что собака тянет только плечами.¹⁴

4. Амурская упряжь. Этот тип упряжи очень прост и примитивен и состоит только из одной петли, которая надевается через голову собаки в виде свободного хомута, так что собака тянет только шеей.¹⁵ В этом отношении амурская упряжь отличается в худшую сторону от всех остальных.

¹¹ *Murdoch J. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition // Ninth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1892. P. 538.*

¹² *Parry W. E. Journal of a Voyage for the Discovery of a North-West Passage from the Atlantic to the Pacific in 1821—23. London, 1824. P. 517; Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1899. P. 209.*

¹³ *Boas F. The Central Eskimo // Sixth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1888. P. 531.*

¹⁴ *Bogoras W. The Chukchee... P. 98, fig. 20 b.*

¹⁵ *Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. II. P. 172—173. Вследствие неясности некоторых иллюстраций Шренка Богораз (The Chukchee... P. 109) допустил ошибку, причислив гилякскую упряжь к типу современной камчадалской. На эту ошибку указал Л. Я. Штернберг (American Anthropologist. New York, 1905. Vol. VII. P. 324).*

При сильном напряжении или понукании, как отмечает Шренк, собака легко может задохнуться. Эта упряжь в ходу у айнов на Сахалине, гиляков и представителей тунгусских племен на Амуре, которые переняли у гиляков езду на собаках.¹⁶

5. Древняя камчадалская упряжь. Современная камчадалская собачья упряжь (рис. 26), называемая Богоразом «косой», отличается от обыкновенного восточносибирского типа тем, что она короче, у нее только одна поперечина на спине и нет подпруги (рис. 25);¹⁷ но, судя по описаниям Крашенинникова (1733—1743 годов) и Дитмара (1851—1855 годов), камчадалы запрягали тогда своих собак простыми хомутами или петлями, как гиляки, без поперечных ремней; но надевали их так, как якуты запрягают оленей,¹⁸ т. е. на правую собаку петля надевается через голову и левую переднюю ногу, так что она тянет левым плечом, на левую же — через голову и правую переднюю ногу, и она тянет правым плечом.

Я нахожу, что из пяти вышеописанных видов упряжи эскимосская — наилучшая. После нее самая практичная — древнекамчадалская, которая по простоте даже превосходит эскимосскую. Восточносибирская упряжь стоит между эскимосской и амурской, из которых первая требует, чтобы собака тянула грудью, а вторая — шеей. Амурская упряжь и западносибирская — обе неудобны для собаки, каждая по-своему. Первая мешает быстрому бегу, вторая — пытка для собаки при большом грузе.

Теперь возникает вопрос, кому принадлежит изобретение упряжи, называемой здесь восточносибирской, которой теперь пользуются коряки? Мы не знаем, какой тип упряжи был у них и у чукоч в былые времена. Неизвестно также, какая упряжь была у юкагиров, живших между Леной и Колымой. Я склонен думать, что первоначальная восточносибирская упряжь, т. е. упряжь местных

¹⁶ *Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 173, 175.*

¹⁷ *Bogoras W. The Chukchee... P. 108, fig. 25a; Тушов В. По западному берегу Камчатки // Записки ИРГО. СПб., 1906. Т. XXXVII, № 2. С. 77, 78. Рис. 12, 13.*

¹⁸ *Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 1. С. 79, 210; Дитмар К. Поездка и пребывание на Камчатке в 1851—1855 гг. СПб., 1901. С. 161.*

собаководов Восточной Сибири, состояла из одной петли, как гилякская и камчадалская, но что русские переселенцы изменили ее, прибавив к петле спинные поперечины и подпругу, и что впоследствии туземцы переняли от русских таким образом модифицированную упряжь. Следующие соображения поддерживают эту гипотезу.

Восточносибирская собачья упряжь с ее поперечинами на спине и подпругой напоминает, как я уже говорил, конскую русскую шлею;¹⁹ камчадалы переняли эту упряжь у русских; не только везде на востоке Сибири, но даже на Амуре²⁰ русские пользуются этой, очевидно, ими же занесенной упряжью, а не гилякской. Якуты, по словам Миддендорфа, называли восточносибирский тип упряжи якутским, но из этого еще вовсе не следует,

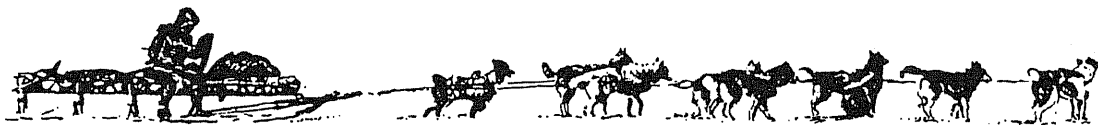

Рис. 27. Собачья упряжь.

что он был изобретен якутами, северная ветвь которых очень поздно занялась собаководством. Их название собачьей упряжи (*алык*)²¹ — слово не якутское, и русские различных местностей Сибири называют им собачью упряжь вообще.

Я думаю, что эскимосская упряжь с ее тремя петлями — также улучшенный тип, выработавшийся из одной петли. Собака легко сбрасывает последнюю петлю, или она соскальзывает²² — большое неудобство при езде по ухабам, через торосы или по кочковатой местности, где длинные постромки эскимосской упряжи могут зацепиться.

Коряки делают собачью упряжь из шкуры ласки или нерпы, а также из шкуры медведя, а на Колыме для этого употребляют бычью, конскую или лосиную шкуру.

Нет никаких сведений о том, употреблялись ли собаки в Старом Свете как вьючные животные, но, по словам Ключака,²³ эскимосы заставляют иногда собак переносить вьюки, когда санный путь затруднителен или совсем невозможен. У американских индейцев собака тоже употребляется как вьючное животное; я слышал, что и золотоискатели на Аляске делают то же.

¹⁹ Интересно отметить, что западноевропейская собачья упряжь для таскания тележек собственно восточносибирского типа, т. е., как я полагаю, этот тип русского происхождения. Единственная разница в том, что восточносибирская упряжь заканчивается одним ремнем, привязывающимся к потягу, а западноевропейская — двумя, по одному с каждой стороны, как у двойной конской упряжи. Устройство этой части упряжи и способ ее крепления к потягу — еще одно неудобство восточносибирской собачьей упряжи, поскольку собака должна бежать несколько наискосок, чтобы тянуть грудью, что сильно утомляет собаку.

²⁰ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1903. Т. III. С. 173.

²¹ *Alygga* = *alyk* + *ga*; *-ga* — притяжательный суффикс.

²² Стоит отметить, что, по описанию Дитмара, при использовании камчадалской упряжи из одной петли ее грудную часть привязывали к ошейнику собаки, чтобы она не соскакивала (см.: Дитмар К. Поездка... С. 507. Прим. 3).

²³ Klutschak. Als Eskimo unter den Eskimos. Wien, 1881. P. 83.

СПОСОБ ЗАПРЯЖКИ СОБАК В НАРТУ

По примеру восточносибирских русских коряки теперь запрягают собак попарно по одной с каждой стороны длинного толстого потяга (рис. 27). Способ этот введен, вероятно, русскими, чтобы сделать возможной более быструю езду, так как при этом в нарту можно впрягать больше собак. Судя по некоторым пережиткам прежней запряжки, туземцы Сибири, которые впрягают собак гуськом, привязывали их прежде к среднему ремню, чередуя по одной справа и слева. Юкагиры Верхней Колымы так запрягают своих собак еще и теперь; то же делают и коряки при перевозке своего скарба с летнего жилища на зимнее и наоборот, в особенности если собак немного. По некоторым сведени-

ям, коряки в старые времена быстро не ездили; они впрягали в нарту нескольких собак, и каюр сам помогал тащить или толкал нарту, как это делают западные эскимосы. Часто так делают даже сейчас при передвижении из зимнего жилища в летнее. Чтобы не трудиться загружать нарты и править ими при небольшом числе собак, коряки, у которых мало собак, часто идут от селения к селению, если они не очень далеки друг от друга, пешком и все свое добро тащат в мешке на спине. Прежде ходили пешком больше, чем теперь.

По описанию Шренка, гиляки, как и юкагиры Верхней Колымы, запрягают собак по очереди по одной на равном расстоянии с каждой стороны, и собак обычно бывает немного (шесть или семь);²⁴ русские же на Амуре запрягают собак попарно, за исключением первой (вожака), которая может быть одна, а всех собак бывает пар пять-семь. Этим способом запряжки пользуются русские по всей Восточной Сибири. Крашенинников говорит, что камчадалы в его время впрягали только четырех собак, и попарно, и по одиночке.²⁵

Эскимосы обыкновенно привязывают постромки каждой собаки непосредственно к передней части нарты, постромка одной собаки (вожака) немного длиннее и позволяет ей идти впереди, остальные же бегут, рассыпавшись веером. По Богоразу,²⁶ этот способ запряжки был в ходу на Чукотском полуострове еще в середине прошлого столетия. С другой стороны, эскимосы Берингова пролива пользуются теперь обоими способами упряжи, азиатским и американским, т. е. запрягают собак и цугом и веерообразно,²⁷ переменяя, вероятно, первый у чукоц или, скорее, у русских на Аляске. На мысе Барроу эскимосы также запрягают по-азиат-

²⁴ Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 172. Табл. XXXVI. Рис. 2. С. 173.

²⁵ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 77.

²⁶ Bogoras W. The Chukchee... P. 98.

²⁷ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 209.

ски. Мердок²⁸ говорит, что собак привязывают длинной вереницей поочередно с обеих сторон по-тяги, как раз на таком расстоянии одна от другой, чтобы задняя не могла достать переднюю, когда обе тянут, т. е. так же, как впрягают собак юкагиры Верхней Колымы, гиляки и во многих случаях коряки. Эскимосы Берингова пролива, запрягая цугом, привязывают собак поочередно или парами, если их больше трех.²⁹

НАРТА

Современная корякская нарта для езды на собаках того же типа, который встречается по всей Северо-Восточной Сибири, но главным образом — у русских. У этой нарты три или четыре пары вертикальных копыльев, горизонтальная передняя дуга, привязанная к загнутым полозьям, и вертикальная дуга над первой парой копыльев; по бокам и сзади — ременная сетка. Чукчи применяют такие же нарты, они подробно описаны Богоразом.³⁰ Мы не знаем, каков был первоначальный вид корякской собачьей нарты, но несомненно она была не такова, как современная. Древняя чукотская нарта имела гнутые копылья, как у оленьих нарт.³¹ У древних камчадалских нарт³² копылья тоже были гнутые. Поэтому нет основания думать, что русские переняли у коряков вышеописанный тип нарты с вертикальной дугой. Во времена Стеллера на Камчатке уже было два типа нарт³³ — древние камчадалские с гнутыми копыльями и современные нарты, введенные русскими. Я думаю, что как собачья упряжь, так и нарты в своем первоначальном основном виде принадлежали какой-нибудь туземной народности, вероятнее всего, собаководам-юкагирам, с которыми русские встретились на Яне, Индигирке и Колыме уже давно, в первой половине XVII столетия.³⁴ Впоследствии русские значительно улучшили туземный тип нарты и затем занесли его на Камчатку к корякам, чукчам и русским поселенцам на Амуре. Часть якутов, только недавно занявшаяся собаководством, тоже переняла этот тип нарты. Ее конструкция, размеры и прочность хорошо приспособлены к быстрой езде, к перевозке тяжелой клади и к продолжительным переездам, условиям, в которых первобытные племена Сибири не нуждались или гораздо менее нуждались, чем русские завоеватели, сначала для военных походов, а позднее для торгового транспорта, для перевозки чиновников и духовенства и для научных экспедиций. Для перевозки пассажиров нарту надо было сделать

длинной с удобным сидением сзади³⁵ и местом для возницы спереди. Я думаю, что и вертикальная дуга (баран) придумана русскими. Возница не выпускает ее из рук, когда спрыгивает с нарты, для того чтобы немножко пробежаться или чтобы подогнать собак. Если бы он выпустил ее, то собаки, почуввав дичь, могли внезапно убежать и оставить его одного в пустыне. Опасность велика, когда собак много, а нарты не нагружены. Однажды я сам правил собаками и сошел, чтобы поправить нарту, а собаки вдруг помчались и бросили меня одного. К счастью, в семи километрах было селение, где собаки остановились, а мне пришлось пройти это расстояние пешком в тяжелой дорожной одежде.³⁶ Юкагиры Верхней Колымы, у которых мало собак и которые обыкновенно сами помогают собакам везти нарту, не используют вертикальной дуги. Когда я объезжал территорию юкагиров по Верхней Колыме, я не мог пользоваться их собаками, потому что они не годны для быстрой езды с седоками и тяжелой кладью. Мне приходилось нанимать лошадей в дальних якутских поселках. Сами юкагиры в своих скитаниях ходят пешком или на лыжах. Только детей и больных сажают на нарты. Но когда мне приходилось делать небольшие перегоны и неудобно было посылать за якутскими лошадьми, юкагиры запрягали собак из двух или трех хозяйств, чтобы перевезти меня на расстояние десять-двадцать километров. Я один ехал, а юкагиры пешком, иногда на лыжах, бежали один впереди нарт, а другой — сзади, держа в руке конец длинного ремня, привязанного к задку нарты, чтобы не дать собакам потерять след или остановить их, если они вздумают убежать, так как голосом ими не управляют.

Русские переселенцы, улучшив туземные нарты и приспособив их и весь способ езды на собаках к новым требованиям перевозки, все-таки сохранили все необходимое в местных условиях. Поэтому осталась узость нарт, неизбежная ввиду отсутствия дорог, и скрепление всех частей нарт ремнями, что придает нарте не только прочность, но и эластичность, позволяющую ей противостоять толчкам, которые разбили бы нарту, сбитую деревянными или железными гвоздями.

В книге Уимпера «Путешествия по Аляске»³⁷ мы находим сведения о русско-индейской езде на собаках по реке Юкону. Жаль, что в ней нет подробного описания нарты и упряжи; но он го-

³⁵ У пассажирских нарт приделывается высокая сетчатая спинка из прутьев и ремней.

³⁶ Я знал одного якута, Николая Слепцова, жившего на границе лесов в Колымской тундре, который однажды ехал весной на собаках в открытой тундре и ослеп от блеска снега. Не видя следа, он не мог править и пустил собак по открытой тундре, надеясь, что они сами доведут его до селения. Вдруг он почувствовал, что собаки сошли с колеи и идут по мягкому снегу. Он сошел, чтобы ногами нащупать тропу. В это время собаки, вероятно, почуввав дичь, убежали и оставили слепого якута одного в тундре. 16 дней пробыл он там, питаясь тальым снегом. Наконец, оленные юкагиры нашли его умирающим и выхостили его, а затем родственниками якута, которые отправились его искать, были найдены в лесу и его нарта с собаками. Собаки убежали далеко в лес, где запутались в кустах и своей упряжи и погибли все до одной.

³⁷ Whympers F. Alaska. Reisen und Erlebniss im hohen Norden von Frederick Whympers. Braunschweig, 1869. P. 188.

²⁸ Murdoch J. Ethnological results... P. 358.

²⁹ Bogoras W. The Chukchee... P. 98.

³⁰ Ibid. P. 104—106. Следует заметить, однако, что наши сведения о способах запряжки и езде на собаках приморских чуков Ледовитого океана между мысами Эрри и Восточным³ еще не совсем полны.

³¹ Bogoras W. The Chukchee... P. 99.

³² Steller G. W. Beschreibung... P. 370; Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 56.

³³ Steller G. W. Beschreibung... P. 370.

³⁴ Казаки основали Верхоянск на реке Яне и достигли Индигирки уже в 1699 году. С этого времени русские совершенствовали местный транспорт.

ворит, что в каждую нарту впрягали по пять собак, и на нее была погружена только кладь, а люди шли на лыжах. Судя по иллюстрациям, насколько их можно понять, нарты делались вроде восточносибирских, но у них нет ни вертикальной, ни передней горизонтальной дуги. Сбруя, по-видимому, также типа восточносибирской, но собаки впрягаются бок о бок, как у эскимосов.³⁸

Как мы уже видели, там, где в упряжке мало собак, люди обычно идут пешком или даже помогают тянуть нарту. В разных местах возница садится на нарту по-разному. У народов, пользующихся нартами восточносибирского, русского типа, возница (каюр) сидит справа боком у вертикальной дуги, держась за нее левой рукой, и в правой держит палку-тормоз (остол). Часто, не выпуская дуги, каюр спрыгивает с нарт и бежит рядом, подгоняя собак криком, поддерживая нарту на косогорах и оттаскивая ее в сторону от пней, кочек и других препятствий на пути. Эти нарты также удобны для перевозки пассажиров, которые или сидят сзади, протянув вперед ноги, или лежат, вытянувшись во весь рост под одеялом. Гиляки сидят верхом на своих легких нартах, у которых нет дуги, и в отличие от других типов нарт полозья загнуты вверх и спереди, и сзади.³⁹ Труд собаки облегчается благодаря уменьшению площади трения полозьев, но в то же время нарты легче тонут в мягком снегу. Богораз говорит, что возница древних камчадалских нарт сидел на них верхом;⁴⁰ Крашенинников же, во времена которого камчадалы употребляли еще древний тип нарт, говорит: «Сидят на санках, спустя ноги на правую сторону, а, оседлав санки, сидеть почитается за великий порок, ибо таким образом сидят на них камчадалские женщины».⁴¹ Стеллер же говорит, что камчадалы чаще садились на нарту боком, чтобы можно было скорее спрыгнуть в опасных местах, а где дорога гладкая, сидят верхом.⁴²

ОБРАЩЕНИЕ С СОБАКАМИ

Кормление. Северная ездовая собака — животное плотоядное и потому требует той же пищи, что и человек. Это выгодно тем, что добывать и запастись пищей для людей и домашних животных можно в одно и то же время и в одном и том же месте. С другой стороны, требуются обильные запасы животной пищи, поэтому собаководство возможно только близ морских берегов и рек, богатых рыбой. Кроме того, собаководство требует оседлого образа жизни, так как необходимы большие запасы животной пищи на зиму, когда морской охотничий промысел прекращается.

³⁸ Фотография нарт эскимосов Аляски из Св. Михаила в работе Нельсона (*Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. Plate LXXV*) очень напоминает иллюстрацию на обложке книги Уимпера.

³⁹ Шренк Л. Об инородцах... Т. II. Табл. XXXVI; Штернберг Л. Я. Гиляки // Этнографическое обозрение. Записки Этнографического отдела Общества любителей естествознания, истории, антропологии и этнографии. М., 1904. Ч. 1. С. 19.

⁴⁰ Bogoras W. The Chukchee... P. 100.

⁴¹ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 57.

⁴² Steller G. W. Beschreibung... P. 371.

Главную пищу сибирских собак составляет рыба, которая у морских берегов ловится в огромных количествах и легко сохраняется на зиму. Корякские собаки предпочитают рыбу всякой другой пище. Ловят коряки главным образом кету, которая и служит основной пищей собак. Частью их кормят также мелкой рыбой — уйком (*salmo socialis*). Кета, высушенная на солнце (юкола), скармливается собакам в дороге сухой, причем в пищу собакам идут и кости, высушенные с остатками мяса на них. Дома их кормят жидкой похлебкой из костей и голов кеты, сушеного уйка и других остатков рыбы, сваренной в чугунном котле; иногда туда прибавляют куски нерпичьего жира. Готовая похлебка охлаждается немного переливанием в ведра, деревянные или из нерпичьей кожи (рис. 28), которые женщины выносят из дома на спине при помощи головных лямок. Так как собачья пища готовится из частей рыбы, летом и осенью скорее всего портящихся, то при ее варке сильное зловоние наполняет жилище. Во время нашего пребывания в подземном доме коряков это зловоние от собачьей пищи досаждало больше всего. Кормят собак вне дома. На рис. 28 две женщины наливают теплую похлебку цвета ржавчины из деревянных ведер в длинную деревянную колоду. Перед кормлением дети отвязывают собак, которые по каким-то причинам были привязаны, и все они стремительно бросаются к корыту и начинают неистово глотать похлебку, окуная в нее морды до самых глаз и выискивая куски по существу. Драки между собаками во время еды редки, потому что они хорошо знают, что зачинщик драки получит удар по голове от кого-нибудь из женщин или детей, наблюдающих за кормлением. Но если подойдет собака из другого дома, сейчас же все накидываются на нее. Новоприобретенную собаку подводят к колоде и сторожат, чтобы ее не тронули. Через два или три дня собаки признают ее право делить с ними еду. Приморские коряки также оберегают новую собаку при запряжке ее в нарту.

Насколько я знаю, из всех азиатских племен, едущих на собаках, одни гиляки кормят их внутри дома. Для этой цели посередине его делается высокий помост, на него ставят колоду с едой и туда же приводят собак.⁴³ Коряки, чукчи, камчадалы, юкагиры, северные якуты и прибрежные тунгусы кормят собак на улице. Эскимосы не пускают собак в дом, но собаки лежат в сенях, ведущих в зимнее помещение. Мердок говорит, что эскимосские женщины заботятся о щенятах, как о детях, и носят их в своих куклянках,⁴⁴ а центральные эскимосы, по словам Боаса, позволяют молодым собакам лежать на постелях, а зимой подвешивают их над лампами на кусках кожи.⁴⁵

Уход за собаками. Исключая северных якутов, недавно дошедших до полярных областей, где они

⁴³ Штернберг Л. Я. Гиляки... С. 18; Шренк Л. Об инородцах... Т. I. С. 168.

⁴⁴ Murdoch I. Ethnological results... P. 358.

⁴⁵ Boas F. The Central Eskimo // Sixth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1888. P. 538.

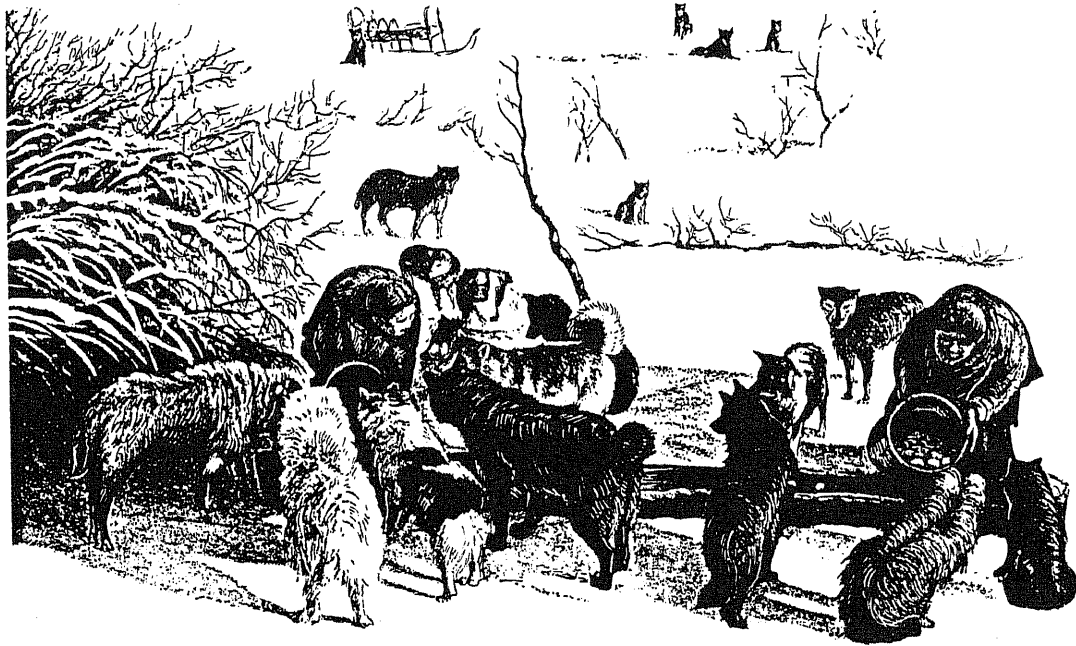

Рис. 28. Кормление собак.

начали ездить на собаках, все собаководы верят, что собаки играют определенную роль в мире умерших. Юкагиры, коряки, чукчи и камчадалы верят, что собаки оберегают вход в страну теней.⁴⁶ Входящим приходится подкупать собак, и очень плохо принимают собаки тех из умерших, кто при жизни мучил собак. Эти представления не чужды также гилякам, алеутам и эскимосам. Совершенно другое отношение к собакам мы находим у якутов, которые раньше их не держали. Они считают собаку нечистым животным. Шаман, дух-покровитель которого является в виде собаки, — злой шаман. Даже у лошадей и коров есть душа (*kut*), а у собаки ее нет, поэтому она не годится в жертву злым духам. Якуты были обижены, когда я привел свою собаку в дом, а в особенности когда посадил ее рядом с собой в переднем углу, месте, назначенном для почетных гостей. Собака, говорил мне один якут, приводит в дом злых духов (*abasy'*), которые десятками сидят у нее на хвосте. Поэтому я никогда не видал, чтобы якут ласкал собаку. Наоборот, он обходится с ней очень жестоко. Среди настоящих собаководов встречается различное отношение к собаке. Коряки, воспитывая собак, стараются учить их больше лаской и добрым словом, чем палкой. Приморские коряки, как и верхнеколымские юкагиры, строят сбоку дома довольно просторные закуты для защиты собак во время пурги. Закуты делают бревенчатые, с двухскатной крышей, покрытой берестой, чтобы снег зимой и дождь летом не проходили сквозь щели. Заднюю стену образует стена дома, а противоположная служит входом и загорожена высоким порогом. В глубину эти конуры от метра до двух, высотой почти метр. Предназначены они

главным образом для сук с щенятами. Шренк говорит о гиляках,⁴⁷ так же как Боас и Мердок об эскимосах,⁴⁸ что они берут щенков в дом. В корякском зимнем доме ввиду его особого устройства трудно держать щенков, а потому их туда не берут, несмотря на большие заботы приморских коряков о своих собаках.⁴⁹

В задней части собачьей конуры девушки устраивают ложе из сухой травы для суки и ее детенышей; для нее же варится особо питательная пища, которую девочки и даже взрослые девушки ползком вносят в конуру. Они наблюдают, чтобы собаки грели, кормили и не обижали щенков. Часто суки, в особенности при первом помете, не выказывают привязанности к щенкам и склонны бросать их. Когда щенки вырастут, девушки приучают их есть похлебку и мелко накрошенную рыбу из колоды. Когда мать уже не может покрыть своим телом выросших щенков или когда она начинает уходить из конуры, щенки греют друг друга, сбиваясь в кучу, причем каждый старается попасть в середину. В большие холода они

⁴⁷ Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 168.

⁴⁸ Murdoch J. Ethnological results... P. 358; Boas F. The Central Eskimo. P. 538.

⁴⁹ Пользуюсь случаем обратить внимание на сведения, сообщаемые Кеннаном (*Kenan G. Tent-life and adventures among the Koriak and other tribes in Kamtchatka and Northern Asia. London, 1870. P. 225*) о корякских собаках и Стеллером (*Steller G. W. Beschreibung... P. 134*) о камчадалских. Оба автора говорят, что собаки лазают на крыши домов и в балаганы, устроенные на столбах. По Стеллеру, камчадалская собака взбирается по лестнице и крадет провизию из складов; а Кеннан рассказывает, что корякские собаки заглядывают в отверстие крыши подземного дома и во время драки валяются на котлы, в которых варится пища. Мне никогда не приходилось видеть корякскую собаку на крыше юрты. Они влезают на крышу сеной и по покатою стене дома забираются под воронкообразную крышу, где прячутся от ветра. Я никак не мог научить собаку, которую сам воспитал, лазать по бревну с зарубками, которое используется как лестница, с крыши сеной на крышу самого дома.

⁴⁶ Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1905. Vol. VI. Part I. P. 110.

лежат так целыми днями, кроме времени кормежки, и пищат от холода. Щенки очень пугливы. В конце второго месяца они в солнечные дни осмеливаются перелезть через порог посмотреть на дневной свет, но при малейшем приближении человека или взрослой собаки они бегут назад домой. Порог сделан нарочно, чтобы маленькие щенята не могли выползть из конуры.

Стеллер так описывает камчадалский способ выращивания щенков и приручения их к езде: «Когда глаза у щенков открылись, их поместили с сукой в глубокую яму, где они не могли видеть ни людей, ни животных и где их кормили. После того, как щенков отняли от суки, их поместили в другую канаву. Когда они достигли шестимесячного возраста, их запрягли в нарту с уже прирученными собаками и проехали на упряжке небольшое расстояние». И так их часто вынимали из ямы, чтобы приучать к упряжке. Только после того, как они проезжали большое расстояние и привыкали к тому, что их впрягают в нарту каждый раз, как вынимают из ямы, их привязывают с другими собаками к столбам под сараем.⁵⁰ Коряки тоже начинают объезжать щенков с шестимесячного возраста. Сначала их сажают на привязь. Привыкшие к свободе, они страшно рвутся, воют и визжат; и приходят в восторг, когда их запрягают в нарты. Большинство щенков выказывает такое стремление бежать, что прежде проезжают небольшое расстояние, чтобы немного их успокоить.

Щенят, родившихся весной или летом, объезжают с наступлением зимы, а родившихся осенью или зимой не объезжают до конца зимы или весны и не берут в поездку до следующей осени.

По Шренку,⁵¹ гиляки не используют для езды сук, но все другие собаководы Восточной Сибири, с которыми я лично встречался между Леной и Беринговым морем, очень высоко ценят их. Они слабее самцов, но превосходят их в усердии и выполняют свои обязанности серьезнее и старательнее. Кроме того, они часто оказываются лучшими жокаками, чем самцы. Очень часто суку запрягают в первые пары, чтобы заставить самцов стараться ее догнать и, таким образом, лучше натягивать свои постромки. На беременность сук особого внимания не обращают и запрягают их до самых родов, но очень часто женщины следят за ними и не позволяют их трогать. Если собаке случится оцениться в пути далеко от жилища, щенята обречены на гибель. Однажды во время нашей поездки из с. Каменского к оленним корякам на Палпалском хребте одна сука из нарты, везшей мою кладь, оценилась ночью в снегу. Был жестокий мороз и ветер, и она выкопала в снегу ямку и там легла на своих щенков, сама вся дрожа от холода. Утром, после того как мы напились чая у огня и собирались в путь, жестокий хозяин снял ее со щенков и запряг вместе с другими собаками в свою нарту, а щенки остались в ледяной ямке; снег, растаявший от тепла матери, замерз, и двое из щенят, едва двигавшихся, скоро замерзли; двое других были уже мертвы. Несчастливая мать сначала

немного отставала от других собак, но вскоре пошла наравне с ними.

Если собака заболевает в дороге так, что не может больше бежать, ее отпрягают и оставляют в пустыне. Но иногда я видел, как любимых собак, лапы которых были изрезаны обледеневшим снегом так, что они не могли бежать, сажали на нарту до следующей остановки.

Весной, когда езда на собаках становится невозможной, нарту подвешивают под настилом балагана, чтобы она не намокала от летних дождей. Собак отпускают на волю и перестают кормить. До начала рыбной ловли собаки должны довольствоваться охотой на мышей, сурков и других зверьков тундры. Когда рыба начинает подниматься по рекам для метания икры, собаки ловят ее на мелких местах рек и на морском берегу во время отлива. Когда рыбы очень много, они едят только головы и оставляют все туловище. Мелкая рыбешка, уек, входит в небольшие заливы для икрометания такой массой, что после прилива на берегу остается толстый слой икры. Коряки не едят ее, но она привлекает медведей. Собаки тоже очень любят ее. Летом, когда рыбы много, собаки лакомятся растительной пищей. Они рвут ягоды, особенно сладкие, такие как голубица (*Vaccinium uliginosum*), морошка (*Rubus chamaemorus*) и плоды шиповника (*Rosa rubiginosa*). По всей вероятности, эти ягоды служат, скорее, слабительным в случаях неправильного пищеварения от переполнения желудка, чем пищей. Мне часто приходилось видеть, как собаки едят траву как рвотное средство. После того как собака разжует и проглотит достаточное количество травы, ее рвет. За лето собаки жиреют и к осени делаются упитанными и красивыми. Осенью трудно узнать собаку, которую видел весной. После всех зимних трудов и лишения вид у нее угрюмый. Она становится так худая, что все кости видны сквозь кожу, движения ее медленные, и вылинявшая шерсть висит клочьями.

В это время собака подвержена различным болезням, иногда заразного характера.⁵² В редких случаях собачьего корма не хватает до весны, и собакам приходится голодать. Зимой, если корм весь вышел, собаки должны довольствоваться людскими испражнениями. Даже хорошо кормленные собаки любят их, как олени мочу. Когда собаки голодны, то не совсем безопасно выходить испражняться без палки ввиду драк между собаками из-за того, кому достанутся испражнения.⁵³

Если собаку плохо кормят зимой и она очень худая весной, то линька наступает поздно и прохо-

⁵² О болезнях собак см.: *Bogoras W. The Chukchee...* P. 104.

⁵³ Бедные полярные якуты в Колымской тундре, которые жили скудной рыбной ловлей в озерах и голодали зимой, почти не кормили своих собак, которые ездили на небольшие расстояния и возили дрова и воду. Летом собаки предоставлены сами себе и охотятся, а зимой их пища состоит главным образом из человеческих экскрементов. Эти якуты обижались, когда я кормил своих собак мясом. «Ты даешь собакам пищу, годную для самых уважаемых людей», — укоризненно сказал мне как-то мой якут-переводчик. Собаки этих якутов очень маленькие и самые жалкие создания, которых я когда-либо видел среди ездовых собак. Я уже говорил о презрении, с которым якуты обращаются с собаками, считающимися животными нечистыми.

⁵⁰ *Steller G. W. Beschreibung...* P. 138.

⁵¹ *Шренк Л. Об инородцах...* Т. II. С. 167.

дит медленно, и только поздно летом, в июле или даже в августе, собака сбрасывает последнюю старую, грязную и полинялую шерсть. Жирная собака начинает линять в апреле и в июне уже обрастает новой шерстью. Щенки, родившиеся осенью, также линяют поздно, тогда как родившиеся весной или даже в конце зимы в первое лето не линяют совсем. Осенью все собаки покрыты густой, длинной, мягкой и блестящей шерстью. Зимой волос делается длинным и жестким, но тонкий пушистый подшерсток, главная защита собаки от холода и ветра, становится гуще. Осенью мех темнеет, а у светлых собак — белеет. За зиму он выгорает, и к весне темные собаки становятся рыжеватыми или серыми, а светлые желтеют.

Когда реки замерзают, а земля покрывается снегом, собак ловят и привязывают к столбам под балаганами. В конце лета собаки, предпринимавшие далекие прогулки с целью охоты, добровольно возвращаются к жилью своего хозяина. В первые дни их кормят мало, чтобы с них сошел лишний жир. Если предполагается дальняя поездка, их совсем не кормят дня два-три. В пути им дают только сухой корм, делающий их легкими на ходу. Кормят их только вечером на стоянке. Обыкновенно каждая собака получает пластину кетовой юколы. Позднее, днем во время передышек, им бросают куски рыбы. Дома, когда они отдохнут, им варят похлебку, которую дают обыкновенно после полудня к вечеру. В дороге, когда им дается сухой корм, собака часто хватается за снег, чтобы утолить жажду. Позднее, зимой, смиренных не вороватых собак оставляют на свободе. Только накануне поездки их привязывают, чтобы сохранить их силы и чтобы они были бодры и выносливы на следующий день. Собак, которые грызут ремни, портят кожаные сумки и одежду (что, впрочем, делают все собаки во время голодовок) и крадут провизию, держат всю зиму на привязи. Чтобы не давать собакам грызть ремни, которыми они привязаны, используют палки около полуметра длиной с дырочками на обоих концах. Через дырочки пропускают короткие ремешки, которыми один конец палки привязывается к ошейнику, а другой, длинный — к столбу или к крепкому ремню, натянутому между двумя столбами на высоте в два или в три раза больше роста собаки. Собака может достать зубами только до палки, которая не очень затрудняет ее движение и не мешает ей ложиться. Эти палки почти вышли из употребления теперь и заменяются привозными железными цепями.

Говорят, что большой затылочный отросток указывает на силу и усердие собаки. Кроме того, грузовые собаки отличаются от ездовых своим внешним видом. У первых шире грудь, короче и толще лапы и сравнительно большая короткая голова.

Самцов кастрируют, чтобы сделать их спокойнее и чтобы они сохраняли жир, несмотря на тяжелый труд. Нехолощенные самцы очень быстро худеют. Обыкновенно холостят годовалых собак. Потомство получается от самцов в возрасте чаще всего шести-семи месяцев, т. е. не достигших еще половой зрелости и не обладающих полной силой. Это должно дурно отзываться на породе. Некоторые владельцы оставляют лучших собак до двух-трех

лет нехолощенными и пользуются ими как производителями для улучшения породы.

Кастрация производится теперь простым ножом. Два человека крепко держат собаку, положенную на спину, а третий вскрывает мошонку и вынимает яички, отделяя их от семенных протоков. Чтобы остановить кровотечение, мошонку наполняют снегом. Обыкновенно операцию делают в холодный зимний день, что считается лучшим для благоприятного исхода. Обычно собаки переносят операцию хорошо, рана скоро заживает. Очень редко собаки подышают от потери крови. Раз я видел собаку, которая целую неделю после операции лежала почти неподвижно, часто лизала рану и ложилась на свежий снег, чтобы уменьшить воспаление. Обрусевшие туземцы на Колыме говорили мне, что они не позволяют выхолощенным собакам ложиться. Их холостят во время короткой остановки в пути, сейчас же запрягают и гонят, и только что оперированная собака не может отстать. По мнению этих жестоких хирургов, собаки таким образом закаляются и хорошо переносят операцию. Все неприятные черты характера ездовой собаки, замеченные путешественниками, относятся, по-видимому, главным образом к холощенной собаке. После операции они теряют свою живость и игривость, становятся угрюмы, равнодушны к своим товарищам, боятся людей и привязаны исключительно к колоде, из которой их кормят.

РАЗЛИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБАКИ

Кроме езды, собаки служат как жертвенные животные,⁵⁴ как помощники на охоте,⁵⁵ а шкуры их дают материал для одежды.⁵⁶ Коряки отрицают, что когда-либо ели собак, кроме случаев исключительных голодовок. Их мифы тоже с презрением говорят об обычае поедания собачьего мяса. Герои некоторых мифов смеются над Человеком-Вороном за то, что он ест собачье мясо и испражнения,⁵⁷ что одинаково презренно. С другой стороны, надо отметить, что у племен, приносящих в жертву божествам собак, есть обыкновение съедать их (например, у гиляков, айнов⁵⁸ и индейцев); вообще же понятие о жертвоприношении включает представления о том, что божество или дух употребит жертву или ее душу так же, как лицо, приносящее ее.⁵⁹ Даже разноцветные тряпочки или другие мелочи, которые сибирские, а также другие племена приносят божествам или духам, даются им или как украшения, или как другие полезные предметы, или как замена более дорогих вещей. Как говорит Богораз, чукчи убивают собак для еды, но не едят жертвенных собак.⁶⁰ Это последнее утвер-

⁵⁴ Bogoras W. The Chukchee... P. 525; Jochelson W. The Koryak. Part I. P. 90—97.

⁵⁵ См. главу VII.

⁵⁶ См. главу IX.

⁵⁷ Jochelson W. The Koryak... P. 199.

⁵⁸ Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 167; Штернберг Л. Я. Гиляки... С. 40.

⁵⁹ Из этого следует исключить принесение в жертву тотемного животного или самого божества, совершаемое, по мнению некоторых новейших исследователей, для обновления природы.

⁶⁰ Bogoras W. The Chukchee... P. 101.

ждение противоречит тому факту, что вообще чукчи едят собачье мясо, поскольку мясо жертвенных животных, которое обыкновенно употребляют в пищу, тоже съедается. У коряков я видел ободранных жертвенных собак, брошенных в тундре. В этом случае, надо полагать, собаки жертвовались как ездовые животные или ради шкур, так как многие сибирские туземцы вешают на деревья шкуры пушных животных в жертву злым духам, а трупы выбрасывают. У якутов волосы из хвоста и гривы лошади составляют излюбленное приношение тем божествам и духам, которым не приносят кровавых жертв. В этом случае волос не является заменой лошади, а имеет значение как предмет сам по себе дорогой в якутском домашнем хозяйстве, так как из него плетут сети, веревки и подстилки.

ХАРАКТЕР И КОЛИЧЕСТВО СОБАК

Корякские собаки бесполезны как сторожа. Впервые, они боятся людей и убегают даже от движения руки. Они вряд ли вообще лают и, следовательно, не предупреждают хозяина об опасности.⁶¹ Трижды я брал арктических собак, которых сам вырастил, в цивилизованные страны. Одну из них я увез в Якутск, двух других — в Европейскую Россию. Несмотря на определенные изменения в их характере, благодаря моим методам воспитания они не высказывали враждебности к посторонним.⁶²

Любопытно, что в упряжи собаки резко меняются. Во всех книгах об арктических путешествиях можно найти описания того страстного возбуждения, которое охватывает этих животных в момент отъезда. В пути собаки нападают не только на других собак, но и на встречных людей. Пешеходу очень опасно встретить мчащуюся на него упряжку, и приходится сходить в сторону. Если встретятся две упряжки и возница одной из них не успеет съехать с дороги, то завязывается ожесточеннейшая драка. Если запряженные собаки нечаянно встречают запряженных оленей, то неминуемо разрывают их на куски. Они не обращают никакого внимания на крики и удары своего хозяина, и единственный способ остановить кровопролитие — это бить собак по голове так, чтобы оглушить или убить их. На привале в пути собаки, привязанные около нарты, не позволяют чужим проходить близко, может быть, потому, что они знают, что там лежит их корм, поскольку дома они никого не трогают. Заметные изменения в характере произошли с моими собаками частью

вследствие другого обращения, частью вследствие новой обстановки. Очень много труда стоило заставить их отличать домашних животных, которых они никогда не видали, от дичи, на которую им позволялось охотиться. Они обыкновенно хватили за горло одинаково всех кур, уток, гусей, овец, телят, жеребят и кошек, и мне не раз приходилось расплачиваться за них. Даже когда они, наконец, привыкли к домашним животным, атавистическая вражда осталась: не было конца дракам с кошками, и свиней они тоже не могли оставить в покое, но с самого начала эти последние давали им отпор, и кончилось тем, что собаки начали их бояться. Подражая нашим собакам, они научились лаять, но никогда не лаяли на людей, перестали их бояться и даже ласкались ко всем. Привязанность к хозяину и его друзьям была, по-видимому, достаточно сильна. После моего отсутствия, продолжавшегося даже несколько недель, они узнавали меня и шумно выражали свою радость. Корякские собаки, перейдя в новые руки, через несколько дней становятся совершенно равнодушными к прежнему хозяину, как только привыкнут к новым товарищам и новому корыту. Сначала в новых незнакомых местах мои собаки начинали иногда выть, но после нескольких месяцев пребывания в цивилизованной обстановке они бросали эту отвратительную привычку, наводящую чувство тоски и уныния на путника, занесенного судьбой в туземное селение, когда хор из сотен собак начинает свой бесконечный концерт. На основании материалов по 79 хозяйствам, обследованным мною в Пенжинской губе, можно получить некоторые представления о количестве собак у приморских коряков.

Число хозяев	Число собак в хозяйстве	Общее число собак
1	2	2
4	3	12
4	4	16
4	5	20
4	6	24
7	7	49
13	8	104
5	9	45
13	10	130
3	11	33
5	12	60
2	13	26
1	15	15
1	16	16
3	17	51
1	18	18
8	20	160
79	—	731

В среднем на хозяйство приходится десять собак. Эта цифра более или менее постоянна. Хотя собаки и очень плодовиты, но убыль от жертвоприношений равна приплоду или даже превосходит его. Если весной, как это случается часто, среди собак появляется эпидемия водобоязни или другая заразительная болезнь, симптомом которой является поражение нервных центров, то многие хозяйства теряют всех своих животных. Тогда

⁶¹ Многие собаки никогда не лают и молчат, как немые. Некоторые лают, но очень редко, лай их протяжен и переходит в визг.

⁶² Живя далеко от Якутска, я держал для развозов лошадей. Моя собака так к ней привязалась, что всегда возле нее лежала. Когда однажды ночью два татарина из Казанского правительства, которые были сосланы в Якутск за грабеж на большой дороге и были моими соседями, украли лошадь, собака молча последовала за ней. Татары увели лошадь в лес и привязали ее там, намереваясь вечером же убить ее на мясо. Идя по следам собаки и лошади, я нашел их и привел обеих домой.

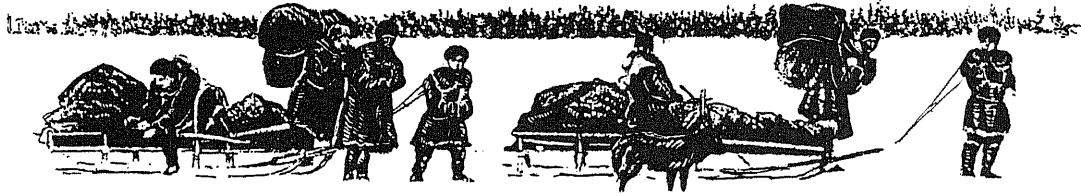

Рис. 29. Собачьи упряжки.

людям приходится, переходя от зимнего жилья в летнее, тащить самим все свое добро или помогать оставшимся собакам везти нарты (рис. 29). Тогда в каждые нарты запрягают только по одной собаке, которым помогают тащить женщины, а мужчины несут большие тюки на плечах. Семьи, в которых работники больны или слишком молоды и которые не могут поэтому делать больших запасов корма на зиму, обыкновенно держат мало собак. Члены таких семей лишены возможности совершать поездки в русские селения (чтобы купить привозные товары) или в кочевые стойбища оленних коряков за мясом.

Почти все хозяйства, имеющие по двадцать собак, т. е. две упряжки по десять собак в каждую нарту, или ведут самостоятельную торговлю, или служат приказчиками у русских купцов. Почти всю зиму старший член такой семьи ездит от одного кочевья к другому, а дома остаются только несколько собак для работы по хозяйству — езды за дровами, доставки запасов еды и корма из летнего жилья и других нужд. Кузнецы Парени и Куэла тоже имеют не меньше десяти собак каждый, что дает им возможность развозить свои железные изделия к оленним корякам для обмена. Я нашел самых хороших собак у итканцев.⁶³ Их селения стоят в стороне от главного тракта, идущего из Гижиги на Анадырь и Камчатку, и собаки их не истощены частыми перевозками казаков, чиновников и почты. Кроме того, коряки, живущие вдоль главного тракта, должны делиться собачьим кормом с проезжими купцами и с оседлыми коряками других селений. Поэтому их собственные собаки часто страдают от недостатка корма, худеют и становятся медлительны.

РАБОТОСПОСОБНОСТЬ СОБАКИ

Относительно работоспособности и быстроты бега собак, главным образом корякских, я приведу данные, добытые собственным опытом. Работоспособность упряжки зависит не столько от количества собак, сколько от их качества. Хорошая упряжка должна быть составлена из хорошо выкормленных, взрослых собак, приученных к езде в одной упряжке и знающих своего хозяина. При таких условиях запряжку в десять собак (пять пар) можно считать достаточной. Запряжки русских и обрусевших туземцев в лучшем состоянии, чем туземцев вообще. Однажды я видел русскую запряжку в двенадцать собак, которая перевезла 400 кг, не считая веса корма и возницы, в два дня на расстояние 170 км от Нижнеколымска к

устью Омолона. Надо добавить, что дорога была хорошая и гладкая. Но такие случаи редки. Обыкновенно же русские на Колыме и на Гижиге берут 140—160 кг на запряжку, приблизительно 15 кг на собаку при конце в 300 км и больше. Коряки берут меньше — 100—140 кг, а некоторые с запряжкой в восемь-девять собак везут только 80 кг. Нагруженная нарта проедет 45—80 км в день; один и порожняком я проехал 80—100 км в день. Только один раз я проехал, не останавливаясь на ночь, 160 км от Парени до Гижиги, несмотря на сильную пургу. Я выехал из Парени в 8 часов пополудни и доехал до Гижиги в 5 часов пополудни следующего дня. Два раза мы останавливались и пили чай у костра, и эти остановки заняли около трех часов, да два часа мы потеряли на высокой тундре, потому что снег занес тропу. При таких неблагоприятных условиях мы ехали со скоростью 10 км в час благодаря превосходным качествам собак. Средний пробег хорошей собаки обыкновенно от 7 до 10 км в час; на коротких расстояниях я проехал от 10 до 16 км в час. Вообще же по быстроте бега собаки стоят ниже не только лошадей, но и оленей. Однако если принять во внимание способность собак бежать на дальние расстояния только с короткими остановками, то им принадлежит первое место, второе — оленям, а лошадям — последнее. Собаки могут делать большие перегоны без продолжительных остановок, если только корм хорош. На свежих оленях я проехал сто километров в шесть часов без остановки, но прежде, чем ехать дальше, пришлось переночевать.

Эти цифры, показывающие быстроту бега собак, относятся только к хорошей и ровной дороге. Когда же путь идет по неутоптанному, мягкому, глубокому снегу или по ледяным торосам, то езда гораздо медленнее даже на хороших собаках, потому что нарта тонет в снегу и приходится расчищать препятствия.

Цена обыкновенной корякской собаки 8—12 рублей, а вожака — 15 рублей. Особенно хороший вожак стоит 20—25 рублей.

Плата за перевоз груза обыкновенно равняется рублю с пуда за 100 км, но купцы платят меньше, особенно возчикам-корякам, — 2 рубля 50 копеек за полный груз нарты, т. е. за 5 пудов.

Ездовая нарта (считая, конечно, одного седока) стоит 3 копейки с километра по почтовой таксе, установленной правительством. Я платил обыкновенно 10 рублей за каждую ездовую нарту за такое расстояние, как Парень — Гижига и Парень — Каменское (приблизительно 150—200 км). Но за длинные расстояния без переменных собак плата ниже. Так, от Гижиги до Анадыря (расстояние около 600 км) нарта в один конец стоит 25 рублей.

⁶³ Со стороны Берингова моря лучшие собаки на Пахаче (Bogoras W. The Chukchee... P. 102).

VII. РЫБОЛОВСТВО, ОХОТА, ВОЕННОЕ ДЕЛО

РЫБОЛОВСТВО

Я начну с описания рыбного промысла, так как рыба — главная пища приморских коряков. Необходимо сказать, что мои наблюдения относятся главным образом к бухтам и рекам Охотского моря, но по расспросам я собрал некоторые сведения и о рыболовстве населения побережья Берингова моря.

Виды рыб. В то время как рыбаки полярной Сибири промышленно главным образом сига (*Coregonus*) — род семейства лососевых (*Salmonidae*), заходящих в реки Ледовитого океана, главную пищу жителей северных берегов Тихого океана составляют тихоокеанские лососи (*Oncorhynchus*) — другой род того же семейства.¹ Первое место как объект промысла и средство существования занимает кета (*O. lagocephalus*, или *O. keta*). Поэтому кету — *qeta'*, или *qetāqet*, часто называют еще *ligi'anā'n* («настоящая рыба») или просто *e'nēm* («рыба»). Следующая по значению — горбуша (*O. proteus* Pall, или *O. horbusha*), по-корякски *kalā'lin*. Менее важна красная рыба или нерка (*O. lycaodon*, или *O. niarka*), по-корякски *wiyu'wi*, которая заходит в корякские реки в небольшом количестве; камчадалам ее попадает больше. Чавыча (*Salmo orientalis*), по-корякски *a'vač* или *e'vič* — тоже редкий гость в корякских реках, но в большом количестве входит в реки южной Камчатки. Кунджа (*Salmo leucomaenis*) также редка, но попадает около селения Ямск.

Кета входит в реки летом для метания икры, но не возвращается в море, а продолжает идти вверх по рекам до полного истощения. Нередко река несет в море полумертвую рыбу, которая не может уже бороться с течением и умирает, не достигнув моря. Ранней весной выведшаяся молодь сносится в море, растет там и через несколько лет, достигнув зрелости, входит опять в реку отметить

икру и погибнуть. Этот ход рыбы Миддендорф назвал «ходом смерти».

Среди других лососевых важную роль в корякской экономике играет маленький уек (*Salmo socialis*), по-корякски *hitgi'yit*, принадлежащий к роду корюшек (*Osmerus*); есть и другие виды корюшки, но попадают они реже. Уек для метания икры входит с приливом в устья рек и бухты такими массами, что после отлива берег покрыт толстым слоем икры. После этого уек возвращается в море.

Голец (*Salvelinus malma* Walb), принадлежащий к роду *Salmo*, имеет также довольно большое значение. Коряки различают два сорта гольца: большой (*uiti'wit*) и маленький (*qai'ti'wit*), но ясно, что это та же рыба, только разного возраста, что можно даже видеть из значения корякского слова *qai* — «молодой». Голец проводит довольно долгое время в пресных водах. Плавая, как и другие рыбы, большими массами, он доходит до рек летом, осенью он плывет по их горным притокам и возвращается в море к весне.

В реках есть также ленок из рода *Thymallus*. Ловится также навага (*Eleginus Navaga*), по-корякски *wē'gen*, из семейства *Gadidae*, но не так много, как лососевые. Сельдь (*Clupea harengus*), по-корякски *ukii'*, заходит в некоторые реки, но не каждый год, как это бывает на восточном берегу Камчатки. В устьях рек ловят еще камбалу и палтуса (*Pleuronectidae*), по-корякски *a'lpi*. Наконец, назовем миногу (*walā'nin*) и щуку (*tutki'tūt*), которые временами попадают в сети, но специально коряками не ловятся.

Рыболовные сезоны. Кета — главный объект корякского рыболовства — не во все реки заходит одновременно. Начинается ее ход приблизительно с начала или середины июля. Главный ход занимает три или четыре недели, но продолжается с меньшим количеством рыбы до конца августа. Рыба входит в реку с приливом, поэтому рыбаки собираются до прилива близ устья реки, а после него — выше по реке. Далеко в реку кета не идет. Даже в Гижигу, самую большую после Пенжины корякскую реку, она не идет дальше 100 км от устья; хотя по пути из Гижиги в Колыму я встречал кету за 130 и 140 км от устья. Там кета, уже погибшая, лежала по мелким местам и на обсохших берегах, а в быстрых протоках умираю-

¹ Некоторые виды *Coregonus*, такие как *C. leucichtys*, *C. mik-sin* и *C. clupeoides*, заходят в огромном количестве в самую большую и длинную реку Берингова моря на азиатской стороне — Анадырь — и в самую большую реку Охотского моря — Пенжину. Жители села Марково (около 530 миль от устья Анадыря) ловят этих рыб каждое лето. Мне говорили об этих рыбах также жители русского селения Пенжино (около 330 миль от устья Пенжины). *Coregonus leucichtys* появляется в середине июня, а *Coregonus clupeoides* только в сентябре.

щая кета вела последнюю борьбу с течением. Последних рыболовов, ловивших кету, я встретил в 100 км от устья реки. Это были оленные тунгусы, заготавливающие зимний запас рыбы. Немного ниже были оленные коряки и другие тунгусы. Русские же рыбаки не идут по реке выше 50 км от устья. Чем выше вверх по реке, тем кета суше и вкус ее хуже.

Главные русские рыболовные участки для лова кеты расположены между селением Гижигой и заимкой Кушкой (на устье реки), не дальше двадцати километров друг от друга. Во всех других реках коряки ловят кету на лиманах или в нескольких километрах выше него.

Горбуша заходит в реки почти одновременно с кетой, но ее в коряжских реках гораздо меньше, хотя бывают годы, когда главный ход рыбы состоит преимущественно из горбуши, кеты же тогда почти не бывает.

В конце мая или начале июня в устьях рек или в мелких бухтах появляется уек для метания икры. Он не заходит далеко в реки, и ход его продолжается 7—10 дней, после чего рыба опять возвращается в море.

Голец заходит в реки несколько позднее кеты и идет довольно далеко и в реки, и в их притоки. Нередко он проводит зиму в этих притоках, а весной возвращается в море. Ловят его в реках все лето до поздней осени.

Навага ловится в устьях рек и в бухтах, главным образом осенью, но ее ловят также летом и зимой в речных прорубях. В Итканской бухте ее можно найти круглый год, но даже там основной лов ее происходит обычно осенью. Весной, до начала хода кеты, коряки так томятся по свежей рыбе, что жители Парени и Каменского и даже с другого берега Пенжинской губы, из селения Мамэч, едут в Иткану ловить навагу.

Орудия рыболовства. Судя по примитивности орудий рыбного промысла и материалу, из которого они сделаны, русские очень мало повлияли на коряжские способы рыбной ловли. Хотя ход рыбы в коряжских водах не так обилен и разнообразен, как на Камчатке, но уже один ход кеты настолько велик, что, имея хорошие невода, коряки могли бы в несколько дней наловить весь нужный им годовой запас рыбы; однако они еще незнакомы с неводами. Для плетения сетей они употребляют волокна крапивы, которую прядут очень несовершенными способами.

На реке Гижиге русское население употребляет невода и другие сети, которые плетутся из привозной русской или американской бечевки. Население организовано в артели. Три-пять семей объединяют свои силы, и каждая достает сеть или часть невода в 15—18 метров длиной и 4—5 метров шириной. В подобной сети 55—70 ячеек в ширину, и сторона каждой ячейки равна 3.5—5 см. Эти сети сшиваются и образуют невод почти в 80 м длины. Для грузил берутся камни, а поплавки делаются из дерева или бересты. Невод нанизывается на длинный нерпичий ремень, употребление которого русские заимствовали у коряков и который имеет в длину метров 15 по каждой стороне сети. Один конец остается в руках береговых ловцов, другой лежит

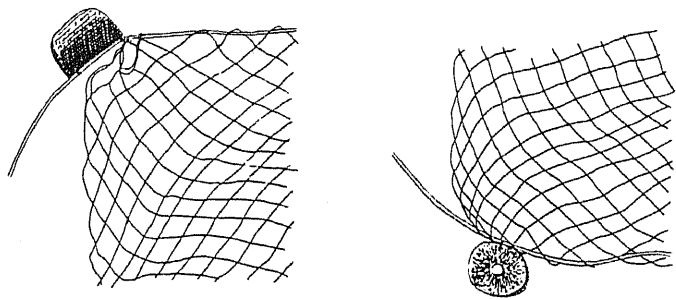

Рис. 30. Внешний конец сети на лосося с поплавком и грузилом (высота сети 180 см, диаметр грузила 14 см, длина поплавка 16.5 см).

в лодке, где уложена и вся сеть. По мере того как лодка постепенно удаляется от берега к середине реки, сеть сбрасывается в воду. Потом лодка описывает полукруг против течения и медленно поворачивает к берегу, сеть предварительно стягивается в мешок. В это время береговые ловцы, следуя по течению, уносящему и лодку, и сеть, должны идти вниз по реке. Когда сеть стянута, гребцы вытаскивают лодку на берег и с помощью береговых постепенно вытягивают сеть и бросают в лодку рыбу, оглушая ее ударом колотушки. Лодки, употребляемые русскими на Гижиге, юкагирского типа и делаются из тополя.

Приморские коряки не переняли неводный способ лова рыбы у русских поселенцев, они употребляют сети такие же, какие были, очевидно, до прихода русских, — удочки, крючки, гарпуны и ловушки.

Сетки делаются из крапивных волокон и из жильных ниток. По типу это плавные сети, сачки и мережки. Сети на кету и горбушу делаются из крапивных ниток (рис. 30). Они длиной 12—18 метров и шириной 29—30 ячеек; сторона каждой ячейки равна 3—5 см. Дiskoобразные грузила сделаны из китовых позвонков, а плоские поплавки — из наносной лиственницы. Сеть нанизывается на ремень из шкуры кольчатого тюленя (акибы). Ее сталкивают в воду шестом длиной метров двадцать и больше (рис. 31), сделанным из нескольких кусков, связанных вместе, причем места соединений обмотаны ремнем. Чтобы поставить сеть, конец шеста вставляют в петлю ремня, с помощью которой привязывают тяжелый каменный якорь к нижнему углу сети. Когда вся сеть спущена в воду, шест втягивают назад и береговой конец ремня, на который надета сеть, привязывается к шесту. Иногда конец привязывают к колу, вбитому в землю на берегу. Каменный якорь называется *čaqa'gin* («донный камень»), а сеть — *lolai'pa'in*, что значит «входит в глазки рыба». Это название указывает на назначение сети, потому что рыба запутывается в ячейках (глазках).

Эти сети закидываются как по морскому берегу, так и в реках в спокойных местах.

Плетутся эти сети при помощи мерок, сделанных из китовой или оленьей кости и деревянных челноков.

Для ловли гольца и ленка в реках ставят подобные же сети из крапивных ниток, но с ячейками меньшего размера, с грузилами из китовых

Рис. 31. Ловля рыбы ручной сетью.

позвонков и деревянными поплавками. Оленные коряки, которые промышляют эту рыбу летом в притоках больших горных рек, плетут свои сети из жильных ниток или покупают сети из крапивных ниток у приморских коряков, женщины которых особенно хорошо умеют прясть крапиву.

Палпалские оленные коряки, которые каждое лето ловят кету, горбушу, гольца и иногда навагу в реках Апуке, Пахаче и Хаилиной, делают свои сети главным образом из жильных ниток, а колотушки для оглушения рыбы (рис. 32) обычно делают из тяжелой каменной сосны (кедровника).

Ставная сетка (верша) на гольца представляет собой двойной мешок на нескольких обручах (рис. 33). Плетут ее из крапивного волокна. Ставят

на мелких и быстрых местах рек. Для этого вбивают в дно реки три кола и к двум из них привязывают передние палки верши так, что вход в двойную сеть открыт, конец же мешка привязывают к третьему колу. Быстрым течением рыба пронесится через первый воронкообразный мешок во второй, из которого она выйти не может. Вынимают ее, развязав дно мешка и вытрясая вершу.

Иного типа ручная сеть на раме (рис. 34). Она нанизывается на крепкий ремень, который привязывают к раме, пропуская его через несколько дырочек, просверленных в ней. Свободный левый конец ремня пропускается в отверстие на поперечной стороне рамы, где и привязывается. Натягивая или ослабляя этот ремень, сеть делают более мел-

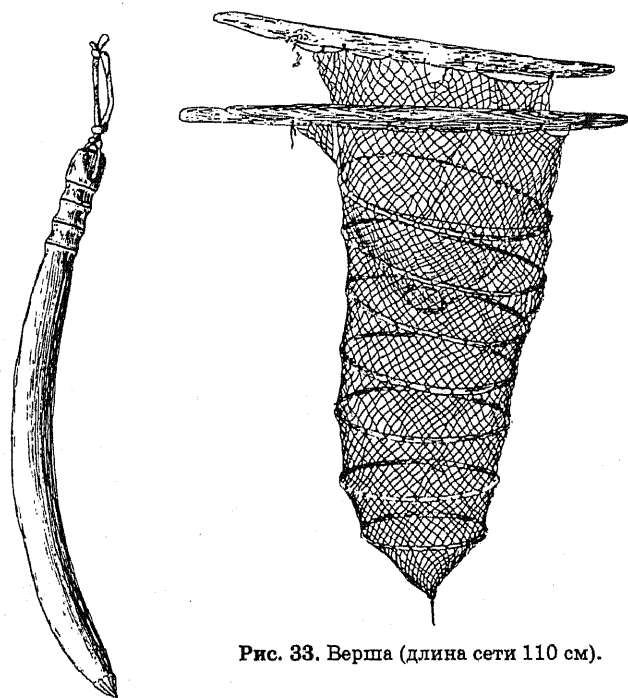

Рис. 33. Верша (длина сети 110 см).

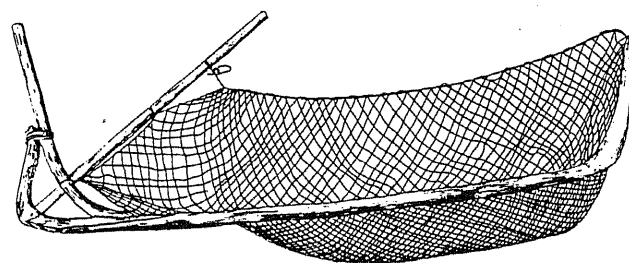

Рис. 34. Ручная сеть-черпушка (длина 180 см).

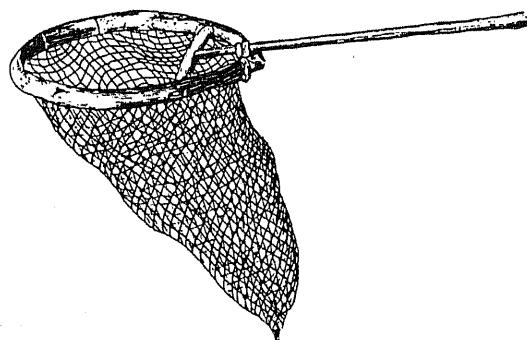

Рис. 35. Сачковая сеть (наибольший диаметр обруча 48 см).

↑ Рис. 32. Колотушка для глушения рыбы (длина 45 см).

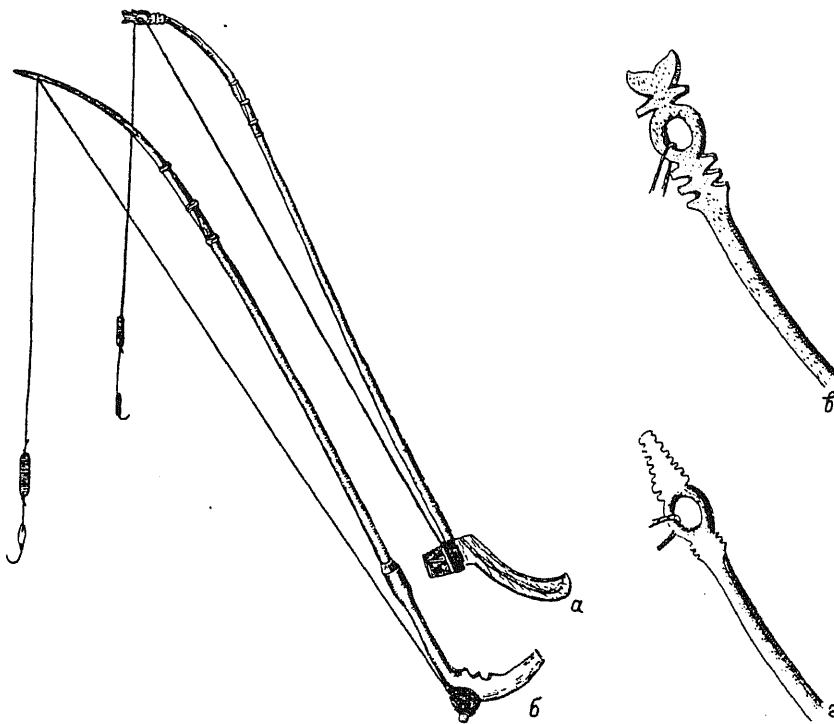

Рис. 36. Удочки (длина 88 см) — а, б; концы удочек — в, г.

кой или глубокой. На рисунке приспособление показано с сетью, прикрепленной завязками к поперечине. Возможно, в рабочем состоянии эти завязки убираются. На рис. 31 показано, как коряк, стоя в воде, держит ручную сеть. Фотография была сделана на морском берегу возле устья реки Овековой. В момент начала прилива так много кеты собирается близ устья реки, чтобы войти в нее с высокой водой, что даже с ручной сетью можно наловить массу рыбы. Во время отлива устье реки пересыхает. Остаются только мелкие ручейки, несущие речную воду в море. Многие семьи тайгоносских оленных коряков и кочевых тунгусов летом рыбачат в устье Овековой. Ручная сеть плетется из крапивных ниток и по-русски называется «кривда», а по-корякски *čolpi'na*.

Обрусевшие коряки в устье Наяхана употребляют мешкообразную ручную сеть, половина входного отверстия которой прикреплена концами к шесту. Рыбак, стоя по колено в воде, опускает сеть в реку, держа в руке другой конец шеста. Для ловли наваги в маленьких речках коряки делают ручные сетки из оленьих жил. Когда ими ловят, то один рыбак стоит в воде и держит сетку, а другой гонит в нее рыбу.

Уек обычно просто черпается сетчатым сачком (рис. 35). Он идет такой густой массой, что всякий раз, как сачок опускается в воду и вытаскивается, — он полон рыбы. Как уже сказано, ход уйка не длится больше семи дней. В годы, когда сельдь заходит в устья корякских рек, ее тоже много, но все-таки не такая масса, как уйка.

Удочки для ловли наваги зимой через проруби в реках и морских бухтах показаны на рис. 36 (а — из Куэла, б — из Итканы). Удочка состоит из деревянного прута, деревянной или костяной

рукоятки, красиво вырезанного из оленьего рога согнутого кончика и лески, сделанной из сухожилий белухи. Леска с крючком и грузилом на конце продевается в отверстие на верхнем роговом конце удилица (в, г); другой конец лески наматывается на выступ рукоятки и разматывается по мере надобности; таким образом, удильщик может вытянуть из проруби леску с пойманной рыбой, не вставая с места и не трогая удилица.² Грузило теперь делается из свинца, а крючок — из железа, но прежде грузилом служил камень, а крючок был костяной. На рис. 37 девочка-корячка, закутанная в верхнюю куклянку, сидит с удочкой на мешке, растянутом у проруби. Рядом лежит колотушка для оглушения рыбы и черпак для очистки проруби ото льда.

Для расчистки проруби ото льда во время ужения употребляется особая лопатка, сделанная из оленьего рога и привязанная ремнем к палке (рис. 38а). Длина ручки позволяет удильщику прочищать прорубь, не переменив положения. Вместо лопатки иногда употребляется небольшой черпак из рога горного барана (рис. 38б). Лов наваги из-под льда особенно обилен в устьях рек в начале зимы. Женщины, девушки и мальчики — все заняты ужением, и реки, усеянные прорубями и закутанными фигурами, сидящими около них, представляют своеобразное зрелище. Осенью на Иткане ловлей наваги занимаются и мужчины. Очень много наваги в Итканском заливе и позже.

Кету коряки ловят также железным крючком (*hiyi'ki*) (рис. 39). Он привязан ремнем из шкуры

² Нечто вроде этого мы находим у эскимосов Аляски (см.: Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1899. P. 175.

Рис. 37. Корячка удит рыбу.

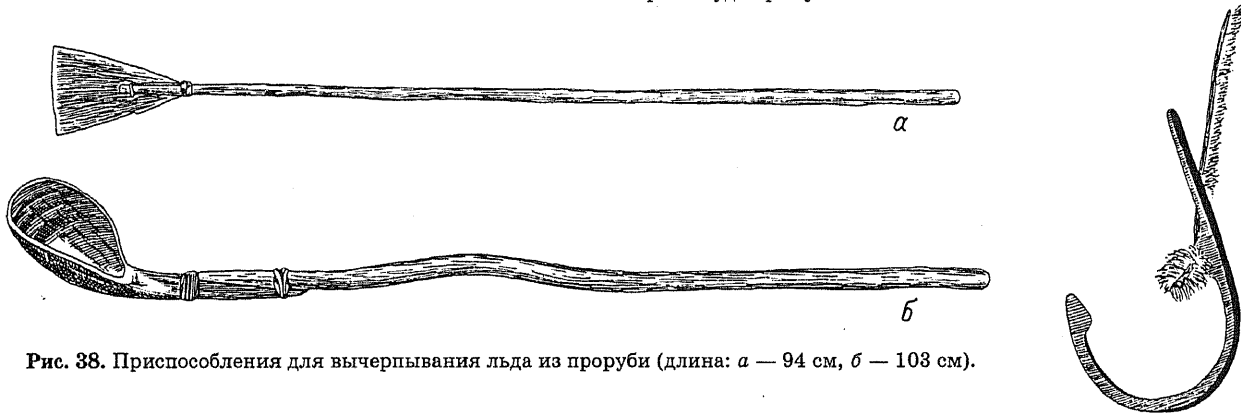

Рис. 38. Приспособления для вычерпывания льда из проруби (длина: а — 94 см, б — 103 см).

Рис. 39. Железный рыболовный крючок (длина 12 см).

к шесту, и когда рыба поймана на острие крючка, то он соскальзывает с шеста, как гарпун, и висит только на длинном ремне. Такие крючки в широком употреблении у тунгусов, откуда, я думаю, коряки и заимствовали их. Мальчик с таким крючком на морском берегу показан на рис. 31. Таким же крючком, но меньшего размера, коряки ловят гольцов. В старые времена употребляли костяные крючки и гарпуны с бородками для ловли рыбы. Фрагменты таких рыболовных орудий я находил при раскопках подземных жилищ.

Приморские коряки редко ставят заборы (*ai'rai*) или ловушки из прутьев ивы, потому что такой способ ловли не применим в море или нижних течениях рек, но на горных речках оленные коряки пользуются ими.

ЛОДКИ

Прежде чем перейти к описанию промысла морских млекопитающих, нужно сказать несколько слов о корякских лодках, так как при морской охоте они необходимы.

Байдара. Кожаная лодка коряков, называемая русскими *байдарой* (по-корякски *ga'twaat*, или *ne'lge gat'waat*, — буквально «лодка из шкуры»), строится по типу эскимосских, алеутских и чукотских байдар. Деревянный остов, связанный ремнями и потому очень эластичный, покрывается тюленьей или моржовой кожей (рис. 40). Корякская байдара отличается от других некоторыми особенностями формы и конструкции остова. По отношению к длине она очень широка, и с обоих концов ее к бортам привязаны дуги, придающие и корме, и носу полукруглую форму, тогда как у чукоч и эскимосов³ сближающиеся концы бортов соединяются простой перекладиной — как на носу, так и на корме.

Киль байдары (*či'leq* — «спинной хребет») делается из цельной длинной доски, согнутой к носу вроде санных полозьев; заканчивается она вилкой, через которую пропускается лить гарпуна, когда

³ *Bogoras W.* The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // *Memoirs of the American Museum of Natural History.* New York. 1904. Vol. VII. Part I. P. 128; *Nelson E. W.* The Eskimo about Bering Strait. Plate XXIII, fig. 38.

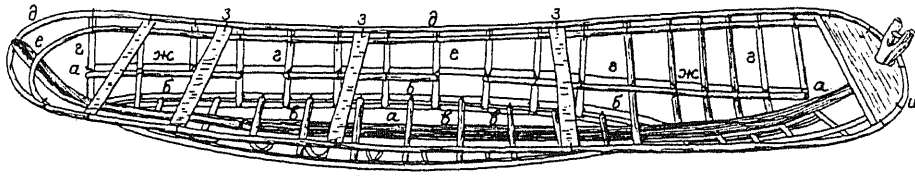

Рис. 40. Каркас байдары (длина 105 см).

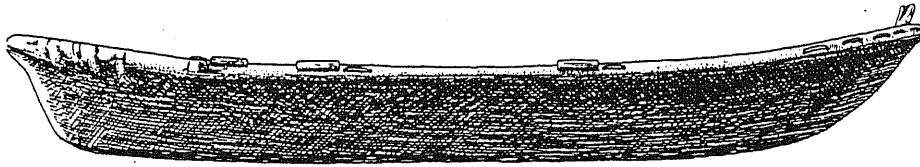

Рис. 41. Модель байдары (длина 105 см).

его бросают в морского зверя. Иногда эта вилка, на которой вырезано человеческое лицо, являющееся покровителем лодки, делается из отдельного куска дерева и привязывается ремнями к загнутому переднему концу киля. На корме киль согнут под углом (а). Обыкновенно кормовую часть киля делают отдельно из нижней части дерева и его корня, соединяющихся под прямым или тупым углом, смотря по выбранному дереву, и прикрепляют к килю ремнями, пропущенными в просверленные отверстия. Дно байдары образуют прямая часть киля и выгнутые двойные бимсы (б), концы которых привязываются к килю у кормы, там, где образуется угол киля, а у носа — там, где он начинает загибаться кверху. Киль и бимсы соединены рядом поперечин (в), привязанных к килю и к обоим бимсам ремнями, пропущенными через просверленные дырочки.

Борта лодки образуются, во-первых, ее ребрами (шпангоутами) (г). Средние шпангоуты, идущие от выгнутых бимсов, короче, чем те, которые идут прямо от киля на носу; последние образуют с дном более тупой угол, чем средние. Шпангоуты привязаны ремнями к боковым бимсам с внутренней стороны лодки, а к килю и верхнему ободу борта (д) — с внешней. Деревянный остов лодки укрепляется еще продольными ободами и планками (е, ж), которые привязываются к шпангоутам с внутренней и внешней стороны лодки. Внешние обода цельные, а внутренние планки прикреплены по отдельности с промежутками; они служат для большей прочности лодки и как ступеньки, чтобы не становиться ногами на кожаный чехол, когда его натягивают, а также для того, чтобы груз не давил на него. На корме и носу обода заканчиваются дугами. Скамейки для гребцов (з) лежат на этих ободах и привязаны к верхнему ободу байдары. На корме и носу также укреплены полукруглые доски; на корме эта доска служит сиденьем для рулевого, а на носу (и) сидит гарпунщик.

Я смерил байдару, которая в Куэле считалась большой, и в ней было 9 метров длины, а наибольшая ширина между бортами была 2.5 метра не посередине, а ближе к корме. Корякские байдары в Пенжинской губе гораздо шире в сравнении с

длинной, чем чукотские⁴ и эскимосские. В байдаре, о которой я говорил, более тридцати шпангоутов с каждой стороны на расстоянии 25 см друг от друга. Обычное число скамей — четыре или пять для восьми или десяти гребцов, по два гребца на каждую. Гребут и мужчины, и женщины. Скамейки располагаются большей частью ближе к корме, оставляя носовую часть свободной. Груз кладется обыкновенно посередине, для чего в этом месте банки расставлены шире. Носовая часть, где шпангоуты привязаны к килю, немного уже кормовой части, и нос немного выше кормы. Каменцы нос лодки делают выше, чем паренцы. Модель байдары, с которой сделан рис. 41, была изготовлена в Парени.

На побережье Берингова моря байдары обтягивают моржовой кожей, а на Охотском море за отсутствием моржей употребляют лахтаков. Шкура моржа предварительно расщепляется, поскольку она слишком толстая. Теперь и на Беринговом море распространяется обтягивание лодки лахтачьей шкурой ввиду исчезновения моржей. Шкуру лахтака выделывают, и волос удаляют. Покрышка на байдару сшивается очень частыми стежками, и перед натягиванием на остов она замачивается в реке или море. Затем ее натягивают так, чтобы края выступали над бортами, и загибают их внутрь. Недалеко от края делают прорезы, через которые пропускают крепкие ремни, привязывающие чехол к ободу.⁵ Когда все сделано, байдару переворачивают дном вверх и сушат; при этом кожа садится и крепко обтягивает и сжимает деревянный остов. Потом все швы промазываются жиром и вся обтяжка пропитывается тюленьим салом, чтобы она не намокала в воде, и байдара спускается на воду.⁶ У весел на байдаре лопасти закругленные. Вместо уключин употребляется

⁴ Точные измерения длины и наибольшей ширины большой чукотской байдары, приобретенной В. Г. Богоразом: 11.5 на 1.5 метра (см.: *Bogoras W. The Chukchee...* P. 127).

⁵ Ср. этот процесс с описанным у Боаса (*Boas F. The Central Eskimo // Sixth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1888. P. 528, fig. 480*).

⁶ О празднике первого спуска байдары на воду см.: *Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1905. Vol. VI. Part I. P. 79*.

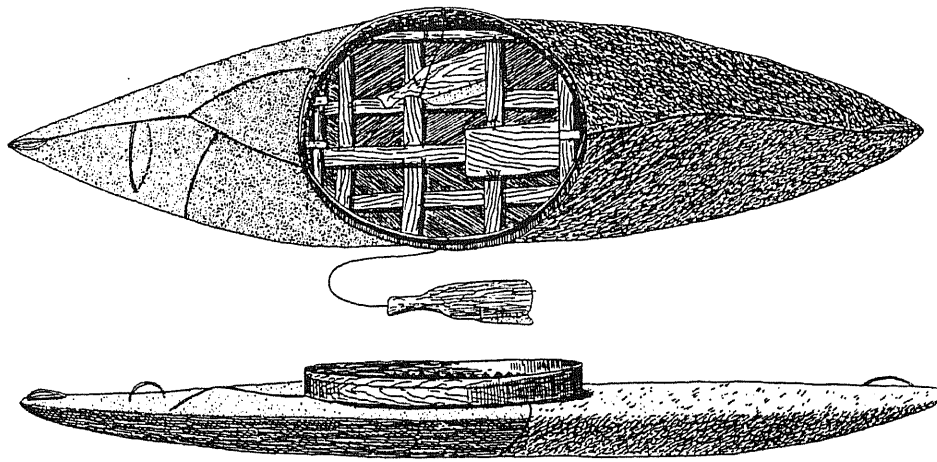

Рис. 42. Каяк (длина — 269 см, высота — 28 см, ширина — 75 см).

очень остроумное приспособление, встречающееся и у центральных эскимосов.⁷ Весло вставляется в две перекрещивающиеся ремненные петли, которые привязаны к ободу борта (рис. 42). Чтобы весло не выскользнуло из петель, на нем есть два деревянных выступа с вырезами, в которые вкладываются петли: одна в верхний выступ, а другая в нижний. Петли привязаны к деревянным скобам, предохраняющим кожу байдары от трения веслами; у эскимосов эти скобы костяные.⁸

Коряки не знают еще употребления руля и правят веслом. Лопасть рулевого весла короче, но шире, чем лопасти гребных весел. Обыкновенно половина лопасти рулевого весла делается из китовой кости, которая пришивается тонкими ремнями к другой деревянной половине.

Коряки лучшие моряки, чем камчадалы, но настоящими мореходами их все-таки назвать нельзя. Они не предпринимают дальних поездок и редко отдалаются от берега. Летом они часто пересекают Пенжинскую губу (жители Каменского, например, ездят иногда к итканцам), но такие поездки предпринимаются только в тихую погоду, потому что, несмотря на всю свою пластичность, байдара все же не может противостоять бурному морю. В бурную или туманную погоду коряки не решаются выходить в море, потому что слишком велика опасность разорвать кожаную обтяжку байдары о скалы. В случае появления порядочной щели в кожаном чехле байдара моментально идет ко дну. Маленькие дырочки или прорези, случающиеся в пути, около ватерлинии, замазываются жиром, и путники спешат как можно скорее добраться до берега. Для отливания воды употребляются деревянные ковши.

Парус коряжской байдары треугольный, сделанный из сшитых вместе выделанных оленьих кож. Вместо мачты существует более примитивное приспособление. Три длинных шеста связываются с одного конца вместе ремешком, проходящим через высверленные отверстия и ставятся в виде треножника. Парус одной стороной пришивается во всю

длину к рее, которая свешивается на крепком ремне, привязанном к средней части, с верха треножника. Треножник ставится в лодку так, что концы двух шестов привязываются к шпангоутам лодки с одной стороны, а третий шест к шпангоуту другой стороны. Парус может поворачиваться вокруг треножника и ставиться в направлении, требуемом ветром, при помощи брасов и шкотов, прикрепленных к ободу борта.

Уход за байдарой везде одинаков. При возвращении на берег лодку вытаскивают на берег и переворачивают дном вверх, чтобы кожа высохла. Через несколько дней, когда она хорошо высохнет, ее заново промасливают. Около середины октября, когда морской промысел кончается, байдару вынимают из воды, снимают обтяжку и, когда она совершенно высохнет, ее прячут на зиму в балаган-кладовую,⁹ чтобы собаки не могли ее достать. Мне говорили, что в Караге и Кичиге на Беринговом море обтяжку на зиму не снимают, а подвешивают байдары килем вверх на столбы так, чтобы собаки их не достали.

Коряжская байдара поднимает довольно тяжелый груз. Осенью 1900 года мы переезжали в двух байдарках из Парени в Куэл. Так как Парень расположена почти в 12 км от устья одноименной реки, то лодки вошли в нее в прилив, а в отлив мы вышли в открытое море. С нами было около 900 кг клади, и нас было 25 человек — я и мои четыре спутника, и по десяти коряков на каждую лодку. В каждой лодке было восемь гребцов, среди которых были женщины и юноши. Кроме того, в каждой лодке было по восемь собак в упряжи, которые лежали в кормовой части. Несмотря на всю эту тяжесть, лодки сидели в воде только до половины. Шли мы довольно быстро и покрыли расстояние в 30 км в три с половиной часа. Когда мы обогнули островки и скалистый берег устья реки и дошли до низкого берега, покрытого вязким илом, подсохшим после отлива, наши лодки подошли к берегу. Собак спустили и припрягли к бокам лодок. Ими управляли два юноши, бежавшие по берегу. Весла положили вдоль бортов внут-

⁷ Boas F. The Central Eskimo. P. 528.

⁸ Ibid. P. 529.

⁹ Обтяжка байдары висит рядом с балаганом, с тем чтобы убрать ее, когда она высохнет.

ри лодки. Только рулевые направляли байдары, держа их на расстоянии шести-девяти метров от суши. Когда построжки цеплялись за камень или корягу, возницы распутывали их.

Не каждая семья имеет байдару, так как она требует большого расхода на тюленью шкуру, которые нужны для одежды, обмена, продажи и уплаты ясака. Иметь лодку могут только хорошие охотники или семьи, в которых есть несколько охотников. Ежегодно приходится чинить чехол байдары и заменять некоторые его части. На большую байдару идет пятнадцать-двадцать лахтак, и каждый стоит 5—6 рублей. Соотношение числа семей, имеющих байдары и не имеющих их, не везде одинаково. Например, в Иткане из семнадцати семей у восьми не было байдар, а в Каменском из тридцати семей без байдар было девять. Охотники из семей, не имеющих байдары, охотятся с теми, у кого она имеется, и добыча делится между всеми.¹⁰

Каяк. Коряки Пенжинской губы делают маленькие лодки на одного человека типа каяка, распространенного у алеутов и эскимосов от Гренландии до Аляски. Богораз говорит, что чукчи берегов Тихого океана не знакомы с каяками.¹¹ Корякский каяк (*mā'to*) в некоторых отношениях отличается от западноэскимосского. Он короче; круглое отверстие для сидящего человека не покрыто и занимает всю ширину каяка; нос и корма одинаковой формы. Остов его строится так: узкая деревянная доска, несколько загнутая кверху с обоих концов, служит килем. К обоим его концам с обеих сторон привязываются ремнями выгнутые прутья, служащие ободами бортов. Так как киль загнут в плоскости вертикальной, выпуклой стороной вниз, а оба обода в плоскости горизонтальной, то они на одном уровне с килем только в местах их соединения, а во всех других — обод выше кила, поэтому шпангоуты, соединяющие их, идут кверху вкось, и в разрезе дно каяка представляет тупой угол. Тоненькие дощечки, привязанные ремешками к внутренним сторонам шпангоутов и идущие во всю длину каяка, придают ему добавочную прочность. Палуба образуется поперечными дощечками, идущими от одного борта к другому, и несколькими продольными планками. Овальный обруч окружает отверстие в центре палубы. У кормового конца отверстия на дно лодки кладется широкая доска, обыкновенно покрытая куском тюленьей шкуры, служащая сиденьем. Как и у байдары, обтяжка каяка делается из шкуры лахтака. Обыкновенно достаточно двух выделанных шкур, волос с которых удаляется не всегда. Когда каяк покроют обтяжкой, вставляется обруч для отверстия, и шкура вырезается так, что ее можно загнуть сверх обруча и подшить кругом тонкими ремнями.

Каяк очень легок, так что его можно поднять одной рукой. Он весит около 14 килограммов. Длина его около 2,7 метра, наибольшая ширина (т. е. диаметр отверстия) — 75 см, высота 28 см.

На корме и носу каяка пришиваются кожаные ручки, за которые его можно вынимать из воды на землю и на плавучий лед, переносить через мысы и косы берегов. Для гребли только в некоторых селениях употребляется двухлопастное весло, как у эскимосов. Его держат посредине обеими руками и опускают лопасти по очереди, справа и слева. В Иткане и Парени гребут двумя веслами с короткими рукоятками. На одной стороне лопастей этих весел нашиты куски китовой кости, похожие на плавники. Длина этих маленьких весел 41 см. Они привязываются к краю отверстия ремнями в один метр длиной, так что их можно бросать в воду или класть в каяк, пока бросают гарпун или стреляют. Этими маленькими веслами гребут по очереди правой и левой рукой, опуская руку почти до уровня воды.

Сидя в каяке, охотник может вытянуть ноги под палубой. Внутри он укладывает гарпунные наконечники и мешок с лином, стрелы и метательную доску; там же хранятся древко гарпуна, копьё и ружье. Приготовляясь к нападению на морского зверя, охотник кладет гарпун на палубу, пропустив сначала конец древка в кожаную петлю, пришитую на палубе каяка около кормы.

Ход каяка в тихую погоду необычайно быстр, но ездить на нем небезопасно, потому что ветер и волны могут легко перевернуть его, и надо очень следить за равновесием во время гребли. В плохую погоду коряки не рискуют выходить в море на каяках.

Долбленые лодки. В селении Каменском и на севере Камчатки употребляются еще долбленые челны, как у юкагиров и камчадалов, у которых нет кожаных байдар. Русские называют эти челны стружками, а коряки *yañč'a'atwat* или *yañiya'atwat*. Они выдалбливаются из стволов тополя или осины и так хорошо сделаны, что не тяжелее кожаной каное.¹² Гребут двухлопастным веслом, а в мелких и быстрых реках двумя короткими шестами. Это, скорее, речные лодки, но жители Каменского и приморские коряки Северной Камчатки выходят на них в бухты на охоту за тюленями, как и камчадалы.

Другой тип долбленной лодки называется по-русски бат, а по-корякски *elle'ut* и используется только в реках. Он около 12 метров длиной, иногда больше, узок, тяжел, грубо обтесан и выдолблен как корыто. Употребляется также у камчадалов, но отсутствует у юкагиров. На нем переезжают реки и делают небольшие поездки вверх и вниз. Вместает он двух человек: по одному на носу и корме, которые отталкиваются шестами. Когда рыба ловится на берегу, противоположном поселку, то перевозят ее в этих батах. Для перевозок грузов и людей из двух батов иногда делают плот, соединяя их настилом (рис. 43). Этот паром очень удобен для грузов и совершенно безопасен, и, когда коряки ловят рыбу в реке где-нибудь

¹⁰ См. главу XIII.

¹¹ *Bogoras W. The Chukchee...* P. 126.

¹² Более детальное описание долбленной лодки этого типа будет дано в монографии о юкагирах.

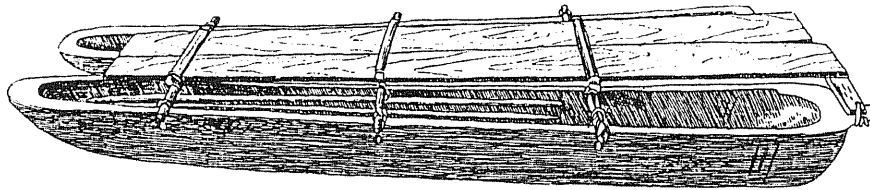

Рис. 43. Модель сдвоенной лодки (длина 61 см).

выше своего поселка, они спускаются на нем по окончании лова со всем своим семейством и всей добычей.

МОРСКОЙ ЗВЕРОВОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Из всех палеоазиатских племен одни оседлые юкагиры живут исключительно рыболовством. Камчадалы — рыболовы по преимуществу и очень мало охотятся на морского зверя. У приморских же коряков, как и у гиляков, промысел морского зверя имеет очень большое значение, хотя в настоящее время более важным продуктом питания является рыба. Приморские же чукчи, как и эскимосы, продолжают прежде всего охотиться на морского зверя; рыболовство же в их хозяйстве играет второстепенную роль.

Промысел тюленей. Наибольшие размеры имеет тюлений промысел, особенно в Пенжинской губе. В коряжских водах водятся следующие виды тюленей: 1) морской заяц, или бородатый тюлень (*Erignatus barbatus*, по-коряжски *mémel*, по-русски нерпа, или лахтак), — самый большой из тюленей длиной 2—2.6 м; 2) пятнистый, или охотский, тюлень (*Phoca ochotensis*, по-коряжски *keli'lin*, по-русски ларга); 3) кольчатый тюлень (*Phoca hispida*, по-коряжски *wi'twit*, по-русски акиба) — самый маленький из тюленей; 4) полосатый тюлень (*Histiophoca fasciata*, по-коряжски *esgi'es*, по-русски крылатка). Крылатка водится только в Беринговом море, но один старик из сел. Куэл говорил мне, что однажды он поймал крылатку, случайно заплывшую в Пенжинскую губу.

На лахтака и акибу охотятся большую часть года, кроме зимних месяцев. Когда в самом начале июня ломается береговой лед и реки несут в море массу своего льда, нерпы и акибы любят лежать на льдинах, на которых их и бьют с байдар или каяков. Когда берега очистятся ото льда, тюлени вылезают на берег в бухтах и устьях рек и греются там на солнце или остаются лежать на берегу после прилива. Но самое главное время охоты на лахтака и акибу — осень, сентябрь и начало октября, когда тюлени заходят в лиманы, очевидно, вслед за рыбой, которая идет вверх по рекам зимовать. Осенью, когда в заливах образуются забереги, нерпы и акибы опять вылезают на льдины, оторванные от берега ветром и приливом.

Ларга появляется у берегов в начале июня, вскоре после того, как реки очистятся ото льда, заходит в устья рек, идя в небольшом количестве против течения с приливом и уходя с отливом. Но с начала хода кеты, после 14 июля, ларга в прилив входит в реки стаями, преследуя рыбу, которая, спасаясь от нее, выпрыгивает из воды. Там и сям

видны тюлени, высывающие из воды головы, часто с рыбой во рту. В июне, когда начинается ход кеты, я ездил с реки Гижиги до реки Найхан и видел скалы этой части Гижигинской губы, сплошь покрытые ларгой, гревшейся на солнце. Мы подходили на лодке совсем близко к этим маленьким островкам, и, хотя море было совершенно спокойно, неумолчный оглушающий гам морских птиц, в особенности различных пород чаек, заглушал плеск наших весел, и тюлени заметили нас только тогда, когда мы были от них метрах в тридцати. Однако, завидя нас, они моментально скатились, ворча, со скал в воду. Осенью ларга покидает берега и, таким образом, время охоты не нее совпадает с ходом кеты.

Зимой, начиная с середины октября, охота на тюленей прекращается. Приморские коряки Пенжинской губы и Берингова моря не прибегают к способу охоты на тюленей, обычному у эскимосов, чукоч, а также гиляков, живущих в устье Амура и на Сахалине: они не караулят тюленей на льду около прорубей и не ставят там сетей. Море замерзает зимой недалеко, и узкая полоса берегового льда часто уносится ветром. Сильные зимние ветра и плавучие льды делают опасным и даже невозможным плавание в байдарах, поэтому зимой не бывает охоты на тюленей ни в открытом море, ни на льду. Только изредка убивают бродящую по льду или переходящую по перешейку между двумя бухтами нерпу или акибу. Охота на тюленей зимой около прорубей была бы, вероятно, возможна в Гижигинской губе, где многие бухточки замерзают гораздо дальше, чем у открытых берегов Пенжинской губы. Производя раскопки подземных жилищ приморских коряков к югу от Гижиги, я нашел в числе других обломков костяных орудий круглый кусок рога молодого оленя. Мои спутники, обрусевшие коряки, решили, что это мог быть скребок для льда, какие употребляются чукчами¹³ и эскимосами при зимней охоте на нерпу. В настоящее время нет коряжских селений по берегу Гижигинской губы, исключая Найхан — поселок обрусевших коряков, но русские и обрусевшие коряки даже летом только случайно охотятся на морского зверя.

В настоящее время для охоты на нерпу и лахтака употребляются ружья, сети и гарпуны. Хотя, как мы увидим ниже, коряки теперь достаточно знакомы с ружьем, они мало ходят с ним на тюленей. Если зверь не очень жирен, то, убитый пулей, он тотчас же идет ко дну, а раненый уплывает. В мелкой воде тюленя надо непременно убить, так как раненый почти всегда успеет уйти в море. Нередко даже убитый зверь уносится те-

¹³ Bogoras W. The Chukchee... P. 199, fig. 36 b, c.

чением реки или отливом, и его уже нельзя найти, когда вода спадет. Как-то задержанные штормом на пять дней в заливе Атыкино (между устьем Гижиги и Наяхана), мы настреляли из винчестеров и берданок много ларги за раз, но после отлива мы смогли отыскать только двух тюленей. Ружье полезно только тогда, когда тюлень находится на берегу, далеко от воды.

Летом и осенью, когда тюлени входят в устья рек и заливы, их ловят сетями. Осенью сети расставляют главным образом на нерпу. Сеть плетется из ремней, сделанных из нерпичьей шкуры. Ячей сети крупные — длина одной стороны около 23 см, а длина всей сети около 13 метров, ширина — 14 ячей. Такие сети ставятся в лиманах или на взморье во время отлива, привязанными к вбитым в землю колям. Поплавки деревянные. Нерпа запутывается в сети при возвращении в море во время отлива. Охотники идут к сетям до конца отлива и бьют костяными молотками (рис. 44) по головам и носам запутавшихся в сетях тюленей. Молоток делается из китовой кости с рукояткой из дерева; длина его около полуметра. Этим молотком убивают также тюленей, спящих на берегу.

До сих пор главным орудием тюленьего промысла остался гарпун. До знакомства с железом коряки делали обыкновенно наконечники гарпунов (*yiyi'*) на тюленей из кости или моржового клыка. Гарпунный наконечник на рис. 45 близок чукотским наконечникам.¹⁴ В своей основе они аналогичны эскимосским наконечникам с лезвием и шпорой, расположенными в одной плоскости. Для корякского гарпуна характерно то, что шпора гарпунного наконечника прикреплена к колку петлей, проходящей через головку гарпуна и петлю, которой гарпунный наконечник прикрепляется к линю. Эта петля прикрепляется также к колку, у которого для этого имеется отверстие у нижнего конца. Когда гарпун попадает в животное, то маленькая петля, удерживающая шпору наконечника, соскальзывает, и поворотный наконечник освобождается, но не отвязывается от колка, к которому он прикреплен маленькой петлей, проходящей через отверстие у основания. У некоторых гарпунов основание колка сделано винтом, вероятно, для того, чтобы наконечник лучше держался в конце древка. Эту винтовую нарезку интересно сопоставить с подобным же применением винта у эскимосских гарпунов.¹⁵

Современный железный гарпун (рис. 46) подобен костяным и отличается он только расположением бородок. Такого типа гарпуны приведены у Богораз.¹⁶

И теперь костяными гарпунами пользуются редко, но большей частью наконечники состоят из двух частей — железного лезвия, вставленного в костяной наконечник.

Гарпунный линь, длиной около 18 метров, делается из кожи лахтака. Его свертывают и держат

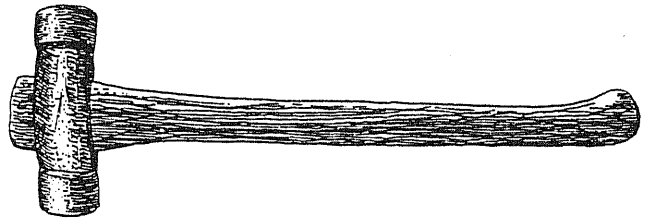

Рис. 44. Молоток для глушения тюленей (длина 52 см).

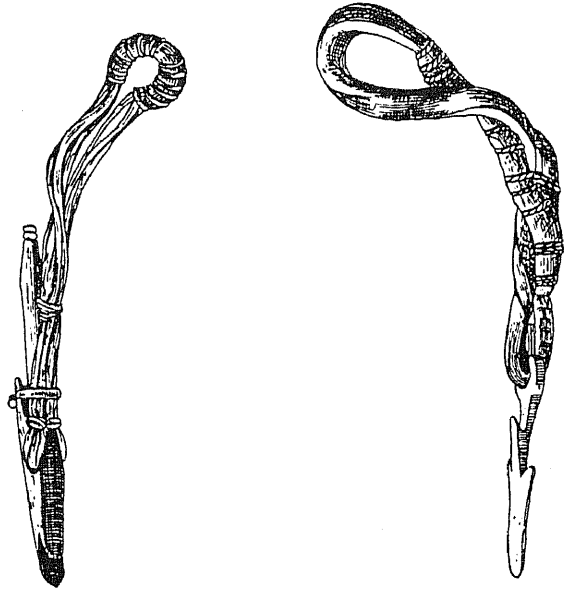

Рис. 45. Костяной гарпунный наконечник с железным кольцом и колком (длина 12 см).

Рис. 46. Железный гарпунный наконечник (длина 9 см).

в маленькой круглой корзинке, сплетенной из травы или крапивных ниток. Свободный конец линя заканчивается петлей. Прежде чем бросить гарпун, вынимают линь из корзинки и петлю надевают на левую руку или привязывают к корме байдары, если гарпун бросают с нее.

Древко гарпуна бывает двух родов — простое и длинное, применяемое с метательной доской (рис. 47). Любопытно, что чучки употребляют метательную доску только при метании дротика в птиц.¹⁷ Эскимосы Баффиновой земли и Аляски употребляют ее и для тюленьего гарпуна, и для птичьего дротика.¹⁸

Способ соединения колка и наконечника с древком гарпуна показан на рис. 47 (а). Видно, что линь проходит через петлю, вставленную у конца древка. Петля состоит из маленького ремешка и застегивается пуговицей. Следовательно, после того как гарпун попадает в животное, наконечник остается связанным с древком, которое служит тормозом и поплавком.

У древка длинного гарпуна есть головка из китовой кости с гнездом в верхней части, в которое вставляется нижний конец гарпунного наконечника.

¹⁴ Bogoras W. The Chukchee... P. 116, fig. 32 f, g.

¹⁵ См.: Bulletin of the American Museum of Natural History. New York, 1901. Vol. XV. P. 397.

¹⁶ Bogoras W. The Chukchee... P. 116.

¹⁷ Bogoras W. The Chukchee... P. 145—46.

¹⁸ Boas F. The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay // Bulletin of the American Museum of Natural History. New York. 1901. Vol. XV. Part I. P. 80; Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 136.

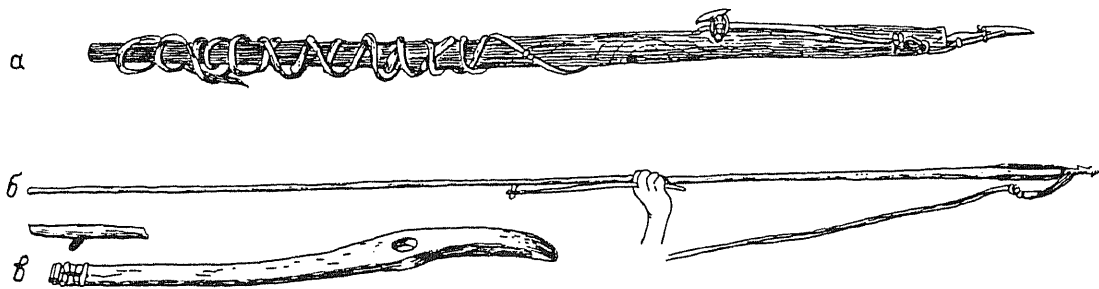

Рис. 47. Гарпун (длина 119 см) — а; длинный гарпун с метательной дощечкой (длина гарпуна 211 см) — б; метательная дощечка (длина 45 см) — в.

ка. Задний конец древка заострен. В метательной доске два отверстия. В одно из них, в рукоятке, вставляется указательный палец правой руки, а во второе, в другом конце, вставляется костяной колок, вделанный в гарпунное древко немного дальше его средней части (рис. 47, б, в). Большой палец охватывает древко слева, а остальные пальцы слегка поддерживают его справа. Костяной колок немного отогнут назад к заднему концу древка, чтобы предотвратить выскальзывание его из отверстия метательной доски под тяжестью передней части древка и наконечника гарпуна. Это может случиться особенно при бросании гарпуна с байдары вследствие его наклона. Когда гарпун брошен с большой силой, благодаря толчку, данному доской через колок, рука быстро отпускает древко и сразу же делает движение назад. Колок освобождается, древко с наконечником летит вперед в желательном направлении, а доска остается в руке охотника. После того как наконечник гарпуна войдет в тело зверя, древко освобождается от толчка и падает в воду, откуда его вылавливают, когда животное убито. Тюлень немедленно ныряет, утаскивая с собой линь, но необходимость дышать заставляет его подняться. Тогда охотники стараются загарпунить его вторично, а если тюлень сразу убит или серьезно ранен, его подтаскивают к байдаре и поднимают крючками.

Если охотник встретит тюленя на берегу и не успеет отрезать ему путь к отступлению, он бросает в него гарпун без помощи метательной доски. Когда охотятся с каяков и преследуют тюленей, греющихся на солнце на плавучих льдинах, то пользуются обоими способами метания гарпуна — без доски и с ней, но в ходу больше первый способ.

На плавучих льдах тюленя бьют в начале лета и осенью, когда припайный лед отрывается и уносится в море. Охотники выходят в море на байдарках. Заметив одного или нескольких тюленей на льдине, охотники (один или больше) пересаживаются в каяки и стараются подойти к животным под ветром на расстояние броска гарпуна. В это время охотники покрывают голову и плечи мешками, сделанными из шкур белых телят. Если тюлени заметят каяк, то охотники перестают грести и опускают мешок еще больше, чтобы быть похожими на льдины. Как только тюлени успокоятся, охотник продолжает приближаться. Держа гарпун правой рукой, он в то же время левой рукой старается схватиться за льдину и притянуться к ней при помощи костяного крюка, привязанного к длинному шесту. В случае, если тюлень

спит, охотник может подойти к льдине на байдаре или вылезти на нее из каяка. Точно так же подходят на каяках к скалам и островам, на которых лежат тюлени.

На каяках же охотники отрезают путь к морю тюленям, оставшимся в мелких бухтах и лиманах во время отлива.

Осенняя охота дает основные зимние запасы мяса, потому что тюлени, пойманные в течение лета, в особенности ларги, добытые во время хода кеты, сразу же употребляются в пищу. В это время года невозможно делать запасы, так как мясо быстро портится, и к тому же тюлени летом не так жирны.

В рыболовный сезон охотники обращают мало внимания на тюленей. Все слишком заняты ловлей и заготовкой рыбы на зиму. Случается, что с худого тюленя снимают только шкуру, а тушу бросают в море. Часто летом на ларгу охотятся исключительно из-за шкур, а весь зимний запас тюленьины добывается осенью сетями и гарпуном. В это время года ночью, а иногда и днем так холодно, что убитые тюлени замораживаются, и их можно оставлять, не снимая шкур. Осенью они очень жирны и убитые из ружья не так скоро тонут. Обычно за осень охотники два раза выходят в море за тюленями (главным образом за лахтаком, частью за акибой и немного за ларгой), каждая экспедиция продолжается несколько дней. За каждой байдарой следует несколько каяков, которые или идут самостоятельно, или берутся на борт.

В Каменском и Иткане я собрал некоторые сведения о числе тюленей, добытых охотниками осенью 1900 года для зимних запасов. Счета же тюленям, убитым и съеденным летом, охотники не ведут. В Каменском мой подсчет осенней охоты девятнадцати семей дал в общем 272 нерпы, в среднем по 14.3 на семью. Минимальный улов семьи составил 3 штуки, максимальный — 27 штук. Они набили и акиб, но не вели им счета; их было мало, и часть съели на охоте. Вообще осенью все внимание уделяется только большим тюленям.

В Иткане я записал результат осенней охоты для зимнего продовольствия по семнадцати семьям. Там было 292 нерпы и 89 акиб; в среднем 17.2 нерпы и 5.2 акибы на семью. Я узнал также, что 112 нерп были пойманы сетями, а 180 убито гарпунами. Из этого видно, что у жителей Итканы промысел был лучше, чем в Каменском. Это объясняется отчасти тем, что в Иткане ловится очень мало кеты, так как селение расположено в бухте

с маленькой речкой, в которую кета не заходит, и поэтому итканцы должны довольствоваться главным образом уловом такой мелкой рыбы, как голец, навага, корюшка и уек.

Жители селений Куэл и Парень, имеющие хороший улов кеты в реке Парень, меньше занимаются тюленьей охотой, чем жители Итканы и даже меньше, чем каменцы, ловящие тоже много кеты. Жители этих селений живут вообще почти на одной рыбе.

Охота на китов и моржей. В прежнее время китобойный промысел имел очень большое значение и в Беринговом, и в Охотском морях. По рассказам коряков, Пенжинская губа изобиловала китами, на которых часто охотились. Это подтверждается также первенствующей ролью китового праздника перед всеми другими праздниками. Из старых источников известно, что американские китобойи посещали Пенжинскую губу еще в начале прошлого столетия. Старые коряки до сих пор рассказывают, как они сами ходили на китов, но этот промысел прекратился уже много лет назад. Коряки говорят, что не так давно три американских китобойных судна приходили каждое лето в Пенжинскую губу, но в последние два или три года стало приходиться только одно. Очевидно, киты ушли из заливов, где на них охотились, в открытое море. Входя на лодке в Няяханскую бухту, мы видели очень много китов, пускавших фонтаны при входе в Гижигинскую бухту. Коряки не осмеливаются выходить на китов в открытое море на своих байдарках и во время своих поездок не удаляются далеко от берегов. Только в тихую погоду они пересекают Пенжинскую бухту в ее узкой части от Мамэчи в Иткану или от Мамэчи в Каменское. Если в последние годы корякам досталось несколько китов, то это были мертвые киты, прибитые к берегу, подраненные китобоями и не пойманные ими или погибшие от нападения касаток, или киты, убитые американскими китобоями и брошенные ими. В последнем случае китобойи снимают кожу, берут ворвань и ус и, дав знать корякам, оставляют остальное на берегу или иногда даже буксируют тушу к ближайшему селению. Коряки с благодарностью говорят о таких действиях американских китобоев или *at-ayim* (т. е. «начальников лодок»), упуская из виду то, что хищническое истребление китов китобоями было главной причиной исчезновения китов из корякских бухт. Летом 1900 года коряки Пенжинской губы получили две туши китов: одна была выброшена морем близ Мамэчи, другую прибуксировало в Иткану американское китобойное судно, единственное в том году в Пенжинской губе. Само собой разумеется, что русские считают незаконной ловлю китов иностранными китобоями в корякских водах, и она возможна только благодаря отсутствию там русского военного судна.

Трудно точно сказать, на каких именно китов охотились коряки. Кит, в честь которого они устраивают праздники, называется ими *yūñin*. Судя по их описанию, это самый большой из всех китов, с кожей темного цвета и черным китовым усом. Убитый, он не тонет благодаря ворвани. Очевидно, это гренландский кит (*Balaena mysticetus*). Другой

кит называется «китом с поносом» (*poqlā'-yūñin*) — он маленький, и ус у него белый. Коряки никогда не охотились на него, но ели его мясо, если его прибывало к берегу. Третий вид кита называется по-корякски *lu'kulan* и встречается в открытом море, но никогда не заходит в бухты. Наконец, коряки знакомы и с касаткой (*Orca gladiator Gill*), которую они называют «китом-клином» (*wu'li-yūñin*), но я не замечал, чтобы он был предметом культа, как у гиляков, которые считают его благодетельным духом, убивающим для них китов. Крашенинников говорит, что «промышленники (камчадалы) так боятся сего животного, что не только по нем не стреляют, но и близко к нему не подъезжают, в противном случае оной байдары опрокидывает: чего ради и идущему навстречу дают будто жертву и уговаривают, чтоб не делал им вреда, но поступал дружески».¹⁹

Для охоты на кита несколько байдар объединяются вместе. Самое удобное время для охоты — это время метания икры мелкой рыбой вроде уйка и других пород корюшки, которую киты преследуют в бухтах и устьях рек. Для китов брали гарпуны только с каменными наконечниками. Костяные наконечники не употреблялись. По мнению коряков, тяжелые раны от костяных наконечников не причиняют китам особенного вреда. После того как коряки познакомились с огнестрельным оружием, они пробовали охотиться с ним на кита, но пули застревали в ворвани, не особенно беспокоя кита. Только каменные наконечники с их многочисленными неправильными изломами и зазубренными краями причиняют смертельные рваные раны. Ясно, что усовершенствованные методы охоты, применяемые цивилизованными китобоями, неизвестны и недоступны корякам.

Рис. 48 изображает каменный наконечник (*yiyi'*) гарпуна для китового промысла. Он состоит из кремниевого острья, нижняя часть которого вставлена в головку из рога дикого оленя и укреплена с помощью смолы лиственницы. К головке привязан моржовый ремень, образующий петлю в нижней части для прикрепления линия. Как и в тюленьих гарпунах, петля проходит через просверленное в головке отверстие. Деревянное, короткое древко — колок, одним концом вставлено в гнездо на торце головки, а другим — в конец длинного гарпунного древка, сделанного из китовой кости. Головка и деревянный колок соединяются обвязкой из китового уса. Длина всего изображенного здесь наконечника равна 113 см.

При отъезде на промысел каждая байдара снабжается одним или двумя гарпунными древками, одним-двумя линиями, свернутыми и положенными в травяные мешки, полдюжиной гарпунных наконечников, поставленных острьями кверху в высокое деревянное ведро, четьрьмя-шестью каменными копьями, мешками из тюленьей шкуры со сменной одеждой для охотников и треногой с парусом.

Самого ловкого охотника ставят на носу байдары, и при приближении к киту он со всей силы

¹⁹ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 1. С. 303.

Рис. 48. Гарпун на кита.

бросает гарпун. Кит сейчас же ныряет, таща за собой байдару, к которой привязан конец линия. Когда кит всплывает опять, чтобы вздохнуть (иногда после довольно продолжительного промежутка времени), охотники из байдары, оказавшейся ближе всего к нему, стараются пустить в него второй гарпун. Когда кит устанет и измучается от полученных таким образом ран, лодки подходят к нему ближе и добивают его каменными копьями (*a'uta-qa'mvin*). Каменный наконечник такого копыя 15 см длиной; нижняя узкая часть его вставлена в гнездо в толстом конце деревянного древка, обмотанного ремнем. Когда кит убит, туша его, утыканная гарпунами и копьями, привязывается ко всем байдарам, принимавшим участие в охоте, и буксируется в селение.

Крашенинников²⁰ рассказывает, что в его время олоторцы в бухтах ловили китов сетями, сделанными из дымленных моржовых ремней толщиной в руку человека.²¹

На белух (*Delphinapterus leucas*) охотятся также, как на нерпу. Белуха (по-корякски *yiyi'ñin*) тоже заходит в заливы и устья рек с приливом в погоне за рыбой и уходит с отливом в открытое море. Взрослая белуха бывает длиной в четыре метра и больше. Нередко она попадает в сети, поставленные на нерп, но вообще для охоты на нее употребляются и тюленьи гарпуны с железными наконечниками, и китовые — с каменными.

²⁰ Там же. С. 299.

²¹ Просматривая в гижигинских архивах ежегодные окружные отчеты, я нашел цифры, показывающие число китов, убитых коряками в некоторые годы. Судя по другим статистическим данным этих отчетов, цифры эти несомненно ниже действительных. За 1848 год показан улов 2 китов в Парени и 2 в Каменском; в 1856 году 3 кита в Каменском; в 1886 году 6 китов во всей Пенжинской губе.

Когда белуха изнемогает от ран, ее приканчивают каменным копьём, как описано выше. Если белухи не успеют вернуться в море с отливом, то охотники запирают своими каяками устье реки и гонят их назад в реку криками и ударами весел по воде, пока не кончится отлив и лиман не обмелеет. Тогда белухи оказываются почти на сухом месте и их легко убить из ружья и копьями. Иногда коряки загоняют так целые стаи белух, как случилось, например, в 1899 году, когда в устье реки Овековой они загнали шестнадцать белух. Все-таки число промышляемых животных незначительно в сравнении с их огромным количеством в корякских водах. Летом 1900 года жители Каменского убили 9 белух, в Иткане — 6, а в Куэле только 2. Рисунок 49 показывает, как жители Куэла на припае грузят на собачьи нарты попавшую в сети белуху, чтобы везти ее в поселок. Фотография была сделана в начале октября.²² Замечу здесь, что коряки таскают убитых тюленей домой обыкновенно по суше и по льду с помощью ремня, продетого в прорез нижней челюсти через рот. У приморских коряков Пенжинской губы я не видел тех маленьких салазков, которые в ходу у чукчей и эскимосов для перевозки тюленей домой.²³

В заливах Охотского моря нет моржей, морских львов (сивучей) и крылаток. Старики в Иткане говорили мне, что знают случай добычи моржа в Пенжинской губе. Не знаю, насколько это достоверно. В Беринговом море численность моржей сильно уменьшилась вследствие их непрекращающегося незаконного истребления. Коряки охотятся на них, как на тюленей, в основном гарпунами. В прежние времена Карагинская бухта и заливы острова Карагинского были излюбленными местами для моржовой охоты.

ОХОТА НА СУШЕ

Единственные дикие животные, которых коряки бьют на еду, это дикий олень и горный баран (*Ovis nivicola*). Лось и кабарга, встречающиеся по южному побережью Охотского моря и западнее Станового хребта, неизвестны на корякской территории, по крайней мере теперь.

Охота на дикого оленя распространена незначительно, и среди коряков мало охотников, специализирующихся на ней, как и среди юкагиров и тунгусов. Кроме того, диких оленей на корякской территории вообще немного. Домашний олень, для которого выбираются лучшие пастбища, вытеснил диких оленей к северу или на менее удобные горные пастбища. Их можно встретить только маленькими стадами на вершинах гор летом и в тундре или в речных долинах зимой. На Палпальском хребте можно встретить дикого оленя, который переплывает Анадырь и проводит лето на берегах Ледовитого океана. Небольшие стада кочующих диких оленей доходят до самых южных границ корякской территории. Приморские коряки

²² Описание праздника см.: *Jochelson W. The Koryak... P. 69—77.*

²³ *Bogoras W. The Chukchee... P. 107.*

Рис. 49. Охотники волокут белуху.

редко охотятся на них, а преследуют диких оленей главным образом жители северной Камчатки, Паррапольского Дола, а особенно коряки на Палпале.²⁴ Охота ведется нерегулярно. В домашнем хозяйстве, как и в торговле, дикий олень имеет мало значения. Шкуры его не вывозятся из Гижиги; но в числе шкур, вывозимых с Анадыря и Колымы, шкуры диких оленей занимают значительное место,²⁵ так как там их много бьют во время миграции на север и обратно.

Горный баран, как и горный козел, любит скалистые вершины гор, где он пасется на альпийских тундрах. Его особенно много на Камчатском хребте. За ним охотятся на горах Северной Камчатки, на Мамэчинской гряде, в хребтах Олюторского района и в горах западного берега Пенжинской губы и полуострова Тайгонос. Мясо и жир горного барана считаются лакомым блюдом. Охота на них производится главным образом осенью, когда они покрываются толстым слоем жира и обрастают новой густой шерстью. мех горного барана значительно теплее оленьего. Случается, убивают это животное и в другие сезоны. Среди приморских коряков Северной Камчатки есть специальные охотники, уходящие в горы осенью или в начале зимы для охоты на баранов. Некоторые из тайгоносских оленьих коряков удачно охотятся на него зимой. Во время моего пребывания на реке Тополовке в конце апреля 1901 года два коряка из стойбища, в котором я жил, убили четырех горных баранов; в Каменском я видел приморского коряка из села Мамэч, который убил двадцать баранов за зиму 1900—1901 годов. Шкуры баранов, как и диких оленей, не вывозятся. В прежнее время на баранов охотились с луком, но теперь употребляются исключительно ружья. Кроме мяса и шкур, бараны дают еще великолепные рога (от 3/4 до 1 метра длиной, по изгибам), из которых делают разные вещи: ложки, черпаки, чашки, а также резные изделия.

Охота на пушного зверя. Я начну с описания охоты на медведя, потому что (как дикий олень и горный баран) он дает не только шкуру, но и мясо,

которое едят в особенности осенью, когда медведи жирны. Бурый медведь (*Ursus beringianus* Midd, по-корякски *koi'nin*) водится на Камчатке в большом количестве там, где реки богаты рыбой. На корякской территории их тоже очень много. В 1899 году во Владивосток из Гижиги и Олюторска было вывезено 380 медвежьих шкур.²⁶ Летом медведей добывают, когда они спускаются с гор в речные долины или на берег моря за рыбой; осенью, когда они едят ягоды и залезают в корякские балаганы, чтобы красть припасенную там на зиму рыбу; зимой их бьют в берлогах, а весной, когда они покидают берлоги, — только при самозащите. Весной медведь худ, и шкура его бесполезна, но встретить его в это время небезопасно для человека. Летом и осенью медведь редко нападает на человека, чаще же убегает при встрече с ним. Говорят, что осенью, если он случайно встретится женщинам, собирающим ягоды, он ограничивается тем, что отнимает у них ягоды, а самих не трогает. Летом и осенью коряки бьют их главным образом из ружья; прежде они для этого употребляли лук. Нередко они идут на медведя с копьём; в обоих случаях используют охотничьих собак, которые нападают на медведя сзади, заставляя его оборачиваться для защиты, и мешают ему броситься на охотника, который может между тем хорошо прицелиться или выбрать удобную минуту для нападения. Среди приморских коряков есть охотники, которые дрессируют собак исключительно для охоты, и их уже не берут в упряжь. Ездовые же собаки, привыкшие только возить нарты, часто не только не помогают на медвежьей охоте, но мешают своей трусостью, так как прячутся за хозяина. Зимой медведя бьют в берлоге способом, обычным по всей Сибири. Вход в берлогу заделывается бревнами так, что разбуженный зверь не может выйти, крышу выламывают и через нее убивают его копыями или пулей. Около балаганов с рыбой ставят сети из крепких ремней; о других ловушках на медведя, распространенных в других местах Сибири, я здесь не слышал. Праздник в честь медведя я уже описывал.²⁷

²⁴ О способах охоты на дикого оленя см.: *Bogoras W. The Chukchee...* P. 132—136; *Иохельсон В. И. Очерк зверопродомышленности и торговли мехами в Колымском округе.* СПб., 1898. С. 41—48.

²⁵ Там же. С. 38.

²⁶ См. гл. XIII.

²⁷ *Jochelson W. The Koryak...* P. 88.

Лисиц, в особенности красных, ловят в очень большом количестве, и их шкуры составляют основную часть вывозимой пушнины.²⁸ Охотятся на лисиц различными способами — с собаками, которых охотник пускает по следу, причем оленные коряки гонятся на нартах, запряженных оленями. Лисицу догоняют и убивают дубиной. Другой способ состоит в том, чтобы загнать лисицу в ее собственную нору или яму, из которых ее затем выгоняют рогатиной или выкуривают дымом. Употребляют также самострелы, капканы и ловушки с пружиной из скрученных сухожилий.²⁹ Охота с ружьем на лисицу редко бывает удачной. Недавно начали травить лисиц стрихнинными пилюлями, которые разбрасывают в разных местах. Этот способ в ходу вблизи русских поселков.

Крашенинников утверждает, что все эти ловушки были введены на Камчатке русскими. Он говорит, что до прихода русских камчадалам «в ловле их не было нужды, для того, что кож их не предпочитали собачьим; а когда желали бить их, то могли то сделать и палками, ибо сказывают, что до покорения Камчатки бывало лисиц такое иногда множество, что надлежало их отбивать от корыта, когда собаки были кормлены».³⁰ Думаю, что то же было и у коряков. Даже и теперь они ставят меньше капканов, чем юкагиры и обрусевшие племена Сибири. Эскимосы и индейцы тоже пользуются различными ловушками для поимки животных,³¹ но капканы с жильной пружиной,³² встречающиеся на Аляске, вероятно, сибирского происхождения. Самострел коряки, очевидно, переняли или у русских, или у якутов и тунгусов, которые широко им пользуются.

Корякские красные лисицы считаются в торговле одними из лучших благодаря их огненно-красному цвету и пышному, мягкому меху. По цене они одинаковы с камчатскими и анадырскими. Со времени прихода русских число лисиц значительно сократилось; сейчас они встречаются редко, а вблизи русских селений их совсем не видно. Количество их значительно меняется по годам, потому что их миграции то на юг, то на север зависят от присутствия мышей и зайцев, за которыми лисицы идут следом.

Песец, или полярная лиса (*Vulpes lagopus*), встречается в гораздо меньшем числе, чем красная лисица. Это животное тундры по преимуществу и чаще встречается в безлесной восточной части Корякского края, чем в западной. Голубые песцы очень редки; их число составляет один процент числа белых песцов. Способы ловли полярных лисиц те же, что и красных.

На белку (*Sciurus vulgaris*) почти совсем не охотятся. Она встречается в небольшом числе по верхнему течению Гижиги и Пенжины и их при-

²⁸ См. гл. XIII.

²⁹ См.: Иохельсон В. И. Очерк зверопромышленности... С. 6, 7, 11, 15, 18. Рис. 1, 2, 5, 7, 9; Bogoras W. The Chukchee. Part I. P. 138—140, fig. 48—50.

³⁰ Крашенинников С. П. Описание... Т. 1. С. 213—214.

³¹ Mason O. T. Traps of the American Indians // Smithsonian Report for 1901. Washington, 1902.

³² Ibid. P. 472; Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 122, fig. 37.

токов, но ее нет совсем в областях безлесных и приморских. На Камчатке белки нет совсем даже в лесных частях Центрального хребта [VII]. Небольшое количество белок добывается тунгусами в Пенжинском районе, но значительная часть белых шкурок, вывозимых через Гижигу, доставляется кочевыми тунгусами Колымы и отчасти Охотского побережья. Прежде тунгусы убивали белок из лука. Они употребляли тупые костяные стрелы, чтобы не портить шкурки. Охотник целился в голову зверька, когда тот сидел на дереве. Тупая стрела оглушала его, и зверек падал на землю, где его и подбирали. Если он был еще в силах бежать, то его ловила охотничья собака. Теперь лук заменен кремневым ружьем с тонким дулом для пулек величиной с горошину, которые шкурки не портят.

Соболь (*Mustela zibellina*) — самый ценный пушной зверь Сибири несомненно водился когда-то на большем пространстве, чем теперь. В настоящее время из Гижиги вывозятся только несколько дюжин собольих шкурок ежегодно. Добывают их в долинах рек Пенжины и Алуки и частично в Северной Камчатке. На юге Камчатки камчадалы теперь еще ежегодно убивают около двух тысяч соболей. Дороже всех ценится соболь с долин рек Олекмы и Витима (притоков Лены) и из Нерчинска в Забайкалье. У них подшерсток совершенно темный с синеватым отливом и длинная, блестящая, мягкая ость. У самых лучших кончик ости серебристый. Камчатский соболь не хуже олекминского по густоте подшерстка и мягкости меха, но у него буроватый оттенок, и потому мех качеством ниже и похож на куний. Корякский соболь несколько темнее камчатского. Охотятся на соболя с ружьем, как на белку. Он очень хорошо лазит и в минуту опасности ищет убежища на самых верхушках деревьев. Кремневое ружье на соболя калибром больше, чем употребляемое на белку. Камчадалы часто бьют соболя дробью. Если зверек забегает в нору, охотник расставляет крапивную сеть у ее входа и выгоняет соболя при помощи собаки (которая раскапывает нору) или выкуривает соболя дымом. В нашей корякской коллекции есть собольный капкан с пружиной из жил с реки Алуки. Он в три раза меньше такого же капкана на волка. На Камчатке на соболя ставят ударные капканы. Охота на соболя вообще чрезвычайно трудна, потому что соболь очень подвижен и умно избегает преследования: он исчезает в снегу и прокапывает в нем ходы, прячется под камни, сухие сучья и корни деревьев или прыгает с дерева на дерево, затрудняя прицел.

Волк (*Canis lupus L.*) живет в тундре. На него охотятся главным образом оленные коряки, которым приходится защищать свой стада от его нападений. Кроме того, волчий мех считается красивым и употребляется на малахаи, рукавицы, воротники и отделку одежды и обуви. Часть волчьих шкур вывозится. В 1899 году из Гижигинского округа было вывезено 120 штук. Охотятся на волка коряки так же, как чукчи.³³

³³ Bogoras W. The Chukchee... P. 137, 139.

Рис. 50. Праща (длина 100 см).

Шкурки горностая (*Putorius ermineus* L.) вывозят очень мало, и надо думать, что коряки на него почти совсем не охотятся. Кажется, он на корякской территории встречается нечасто.³⁴ На горностая охотятся русские и приморские коряки, которые ставят около своих рыбных складов капканы, основанные на принципе самострелов, которые душат животное.³⁵ Коряки несомненно переняли это устройство от русских. В Сибири оно особенно распространено у якутов, которые ставят его на всяких маленьких зверьков, и я думаю, что это якутское изобретение.

Выдра (*Lutra vulgaris*) и россомаха (*Gulo borealis*) встречаются редко, и потому охота на них случайна. Прежде мех обоих этих животных служил для отделки парадной одежды. Мех россомахи употреблялся для украшения самой лучшей одежды как у коряков, так и у камчадалов, и у чукоч. Даже сейчас шкуры россомахи, добываемые местными охотниками, не вывозятся с Крайнего Северо-Востока Сибири, а, наоборот, ввозятся купцами как самый привлекательный товар для обмена. Сейчас чукчи — самые главные потребители россомажьего меха, и все россомахи, убитые камчадалами, отвозятся торговцами к чукчам.

Охота на птицу. Перелетных птиц — гусей, уток, лебедей — били прежде луком и стрелами, а теперь перешли на ружья. Но коряки вообще плохие стрелки и не интересуются птицами. Несмотря на обилие их весной и осенью во время перелета на север и юг, их убивают очень мало и

не заготавливают впрок, а едят только свежими. Морских птиц ловят ловушками, сделанными из китового уса или жильных нитей. Зимние птицы — такие как куропатка — ловятся петлями из жильных нитей, привязанными к доске, помещенной в снег. Иногда их загоняют в сети из крапивных ниток и убивают камнями, которые бросают пращей из нерпичьей шкуры (рис. 50).

Если недалеко от селения имеется место, где гнездятся утки, гуси или другие перелетные птицы, то коряки, дождавшись времени линьки, в конце июля или начале августа, выгоняют птиц на берег и бьют их дубьем. В селении Таловка для этого употреблялись дротики. В нескольких километрах от Таловки вверх по реке расположено любимое гнездовье гусей. В августе жители селения отправляются туда в каяках, чтобы охотиться на птицу, пока она линяет. Они пользуются дротиками, совершенно подобными тем, которые употребляются обрусевшим населением Анадыря и Колымы. Однако коряки не пользуются метательной доской, а бросают дротик прямо с руки [VIII].

ВОЕННОЕ ДЕЛО

В настоящее время коряки ни с кем не воюют. Оружие, которое прежде одинаково служило и для войны, и для охоты — такое, как лук, стрелы и копьё, — сохранилось частично как охотничье оружие; а то вооружение, которое служило только для войны, или совершенно исчезло, или бережется как реликвия.

Оружие. До введения железа материалом для наконечников стрел служили кость, камень и отчасти дерево. Мы видели раньше, что каменные наконечники гарпунов употребляются еще и теперь, но каменные наконечники стрел (*autata'xet*) вряд ли где можно найти. Я никогда не видел цельной стрелы с каменным наконечником. Вероятно, железные заменили их раньше, чем костяные. Каменные наконечники можно найти при раскопках древних жилищ, некоторые коряки сохраняют их как память или как амулеты (рис. 51). Такие наконечники вставлялись в древко и привязывались к нему жильными нитками. Костяные стрелы, сделанные из кости кита, оленя, моржового клыка или бивня мамонта, хранятся многими коряками, но их редко употребляют на охоте. Китовая кость употреблялась в основном для птичьих стрел. Костяной наконечник вставлялся в расщепленное древко, или надевался на него, или же вставлялся в гнездо древка.

Деревянные стрелы делались цельными. Железные острия привязывались прямо к древку или вставлялись в костяную головку древка. Я собрал около тридцати различных образцов стрел, и форма большинства из них та же, что у чукоч, судя по описанию Богораза.³⁶ Пять стрел немного иного вида представлены на рис. 52. Под буквой *d* показана длинная стрела с трехгранным наконечником из мамонтового клыка. Как и ланцетовидные костяные стрелы, она употреблялась на войне,

³⁴ В 1899 г. через Гижигу было вывезено 124 шкурки, а через Якутск с Колымы — 6000 шкурок горностая.

³⁵ Иохельсон В. И. Очерк зверопромышленности... С. 17. Рис. 8 а, в; Bogoras W. The Chukchee... P. 143, fig. 52.

³⁶ Bogoras W. The Chukchee... P. 156, fig. 74.

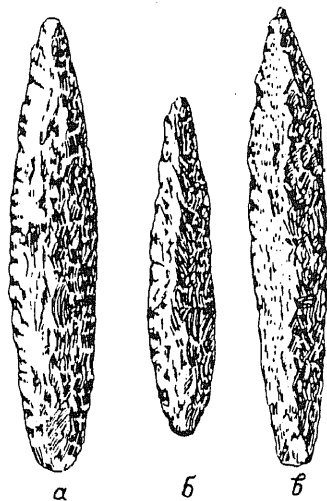

Рис. 51. Каменные наконечники.

а также на охоте за крупной дичью — такой как олень и лось. Эти стрелы отличаются своим длинным наконечником, длинным и тонким древком и оперением, и пускались они на далекое расстояние.³⁷

В настоящее время лук употребляется только на охоте в том случае, если нельзя достать ружье, что бывает редко. В некоторых семьях старые луки и стрелы очень заботливо сохраняются и передаются как наследие. В детских играх лук еще в ходу. Мальчики упражняются в стрельбе и устраивают состязания, причем целью служит рукавица, привязанная к шести. Лук и стрела сжигаются на погребальном костре мужчин, но надо сказать, что в большинстве случаев это не настоящее оружие, а только имитация. Погребальный лук — это изогнутый прут с надрезом посередке; к концам привязан ремешок, изображающий тетиву, стрелы³⁸ тоже поддельные с имитацией оперения на конце.

Приморские коряки считались выдающимися стрелками из лука. Они делали простые и сложные луки. Простой лук делался из лиственницы или ольхи; по его вогнутой стороне прокладывали широкие спинные сухожилия оленя, что придавало ему добавочную эластичность. Сложный лук делается из двух склеенных слоев — одного лиственничного, другого березового, что придавало луку большую крепость. Вогнутая сторона этого лука обыкновенно также была выложена сухожилием, а выпуклая задняя сторона — березовой корой. Середина хорошего лука была вогнута внутрь (рис. 53) так, что общая форма до некоторой степени напоминала древний греческий лук с его двумя выгибами, соединенными короткой, прямой средней частью; оба конца лука, к которым привязывалась тетива, состояли обычно из отдельных деталей и были приклеены к нему и, кроме того, привязаны жилами.

³⁷ Такие стрелы встречаются также у айнов и гольдов (*Adler B. Der Nord Asiatische Pfeil // Internationales Archiv für Ethnographie. Supplement to Band 14. 1901. Plate II, fig. 1—4*). Я собрал несколько железных стрел с псевдооперением, как на рис. 52 а, сделанных целиком из одного куска железа. Они слишком тяжелы для стрельбы и, возможно, использовались как подношения.

³⁸ Ср.: *Jochelson W. The Koryak... P. 107, fig. 49 a, b.*

Тетивой служил главным образом ремень из нерпичьей шкуры. У одного лука из нашей коллекции тетива сделана из сухожилия белухи. Крашенинников говорит, что камчадалы делали тетиву из жил кита.

Лук держали вертикально, тетивой к стрелку; тетиву натягивали указательным пальцем правой руки, три другие пальца были согнуты, и большой палец придерживал сверху конец стрелы. Левая рука держала середину лука тремя пальцами, а большой и указательный слегка придерживали древко стрелы. Для того чтобы натянуть лук, требовались большая сила и ловкость, и необходимо было постоянное упражнение. Лук человека сильного был так туг, что слабый не мог его натянуть.

Я говорил раньше, что длинные и тонкие стрелы предназначались для дальних расстояний, и они были всегда оперены, чтобы стабилизировать полет. В то же время оперение заставляет думать об аналогии между полетом стрелы и птицы. Древки стрел очень тщательно выравнивались и сглаживались специальным костяным инструментом полукруглой формы, служившим рубанком, в который вставлялись ножи.

Копья тоже делались из кости и камня до знакомства с железом, и каменное копьё сохранилось и теперь, но только для охоты на кита. Предания говорят и о костяных копьях, употребленных в войне, и на охоте. Крашенинников упоминает о трезубом копье коряков («костяные троерогие чекуши»)³⁹. Можно думать, что железное копьё заменило костяное в очень давнее время. Копьё играло очень важную роль в единоборстве. Предания рассказывают, как герои, действуя только копьем, побеждали своих врагов. В старину существовали также состязания на копьях. Железные копья⁴⁰ употребляются теперь только на промысле медведя и при жертвоприношениях оленей и собак.⁴¹ У каждого пастуха есть железное копьё, привязанное к правой стороне ездовых нарт, к которым обыкновенно приделываются для этого костяные кольца.

Другим оружием, употреблявшимся в единоборстве, был большой нож (*mainowal*). Длинной он был около 50—60 см, с короткой костяной ручкой. Носили его в ножнах на перевязи через плечо с левой стороны, как короткий меч. Неизвестно, какое оружие заменил этот железный нож. Юкагиры, по преданию, пользовались длинными боевыми ножами, сделанными из ребер лося. В настоящее время большой нож употребляется главным образом оленными коряками, которые пользуются им в дороге для колки дров или чтобы резать мороженое мясо, но еще недавно он был оружием.

Судя по рассказам, в прежние времена на войне употребляли пращу. Она состояла из длинного нерпичьего ремня с камнем на конце. По одному преданию, которое я записал в Наяхане и в котором говорится о борьбе двух героев, рассказывает-

³⁹ Крашенинников С. П. Описание... Т. 1. С. 35.

⁴⁰ См. далее рис. 96.

⁴¹ См.: *Jochelson W. The Koryak... Plate VII, fig. 2; Plate X.*

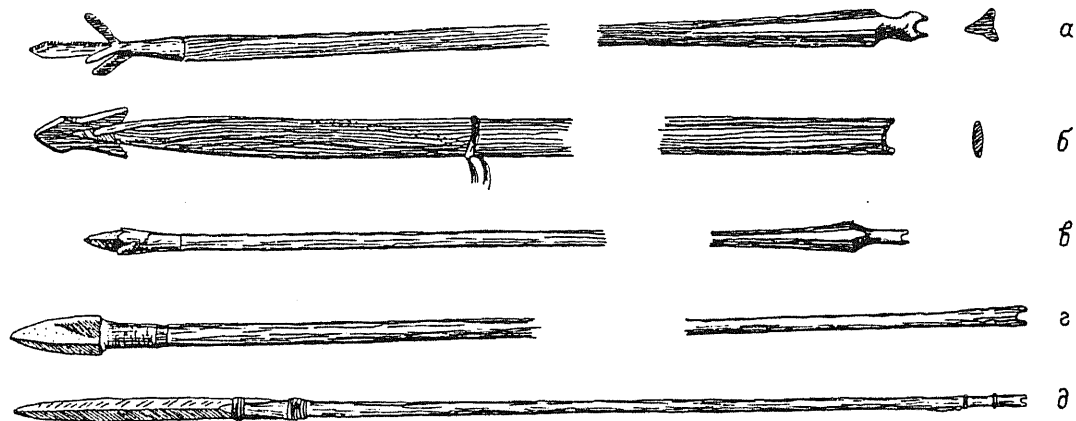

Рис. 52. Стрелы: а — стрела с железным наконечником, похожим на дротик, для охоты на птиц (63 см); б — стрела для самострела на выдру с железным отделяющимся острием с бородками (63 см); как у всех стрел для самострелов, действующих на коротком расстоянии, у этой стрелы-гарпуна (*uke'we-ma'xem*) короткое, толстое и неопределенное древко; в — стрела с наконечником из оленьего рога (57 см), з — стрела на птиц из китовой кости (87 см); д — стрела из мамонтова клыка (77 см). Стрелы а и в используются для охоты на птиц. Они интересны имитацией оперения из дерева.

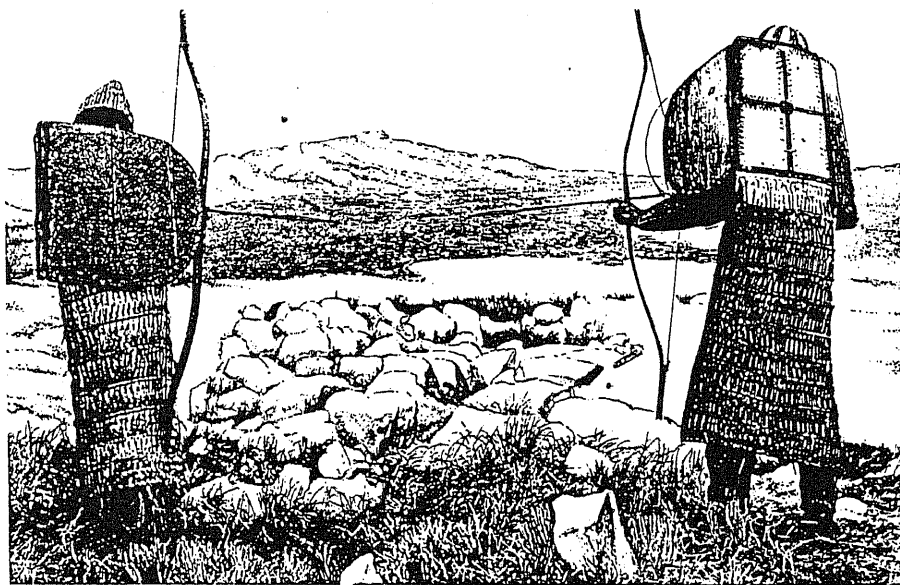

Рис. 53. Корякские воины.

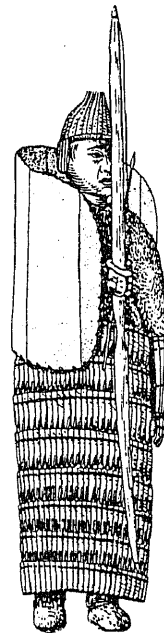

Рис. 54. Корякский воин.

ся, как воин из Наяхана, известный под именем «Ловца женщин», потому что он силой захватывал всех женщин, которые ему нравились, был застигнут врасплох своим врагом-героем в минуту, когда у него не было ни лука, ни копья, а только праща, которую он носил как пояс. Увертываясь от стрел врага, он с такой силой метнул в него пращу, что ремень несколько раз обвился вокруг тела противника и разрезал его пополам.

Русские давно ввели широкоствольное кремневое ружье для охоты на морского зверя.⁴² Порох и свинец продавались от казны по себестоимости, а пули охотники отливали сами.

У некоторых коряков есть нарезные винчестера, которые они достают или непосредственно у американцев-китобоев, или меняют у чукок. В последние годы многие коряки приобрели нарезные берданки, которыми до 1895 года была вооружена русская армия. Когда в армии были введены ма-

газинные ружья, правительство стало продавать ружья по низким ценам. Таким образом, берданки дошли до коряков. Я взял с собой из Владивостока 15 берданок и менял их на предметы для наших коллекций или расплачивался ими за услуги.

Доспехи. Доспехи чукок и коряков, собранные нами, описаны Богоразом.⁴³ Я хочу лишь прибавить, что, по моему мнению, в верхней части доспехов было два крыла. Недостача одного из них в наших образцах показывает только, что они не вполне целыны. Это подтверждается наличием отверстий для ремня с той стороны головного щита, где крыло отсутствует, а также тем, что на некоторых из доспехов не хватает правого, а на других — левого крыла. Кроме того, это подтверждается и сведениями, собранными у людей, знающих прежние обычаи племени. Сначала некоторые коряки объясняли отсутствие левого крыла доспехов тем, что эти доспехи принадлежали воинам-лев-

⁴² См.: *Bogoras W. The Chukchee...* P. 159.

⁴³ *Ibid.* P. 161—168.

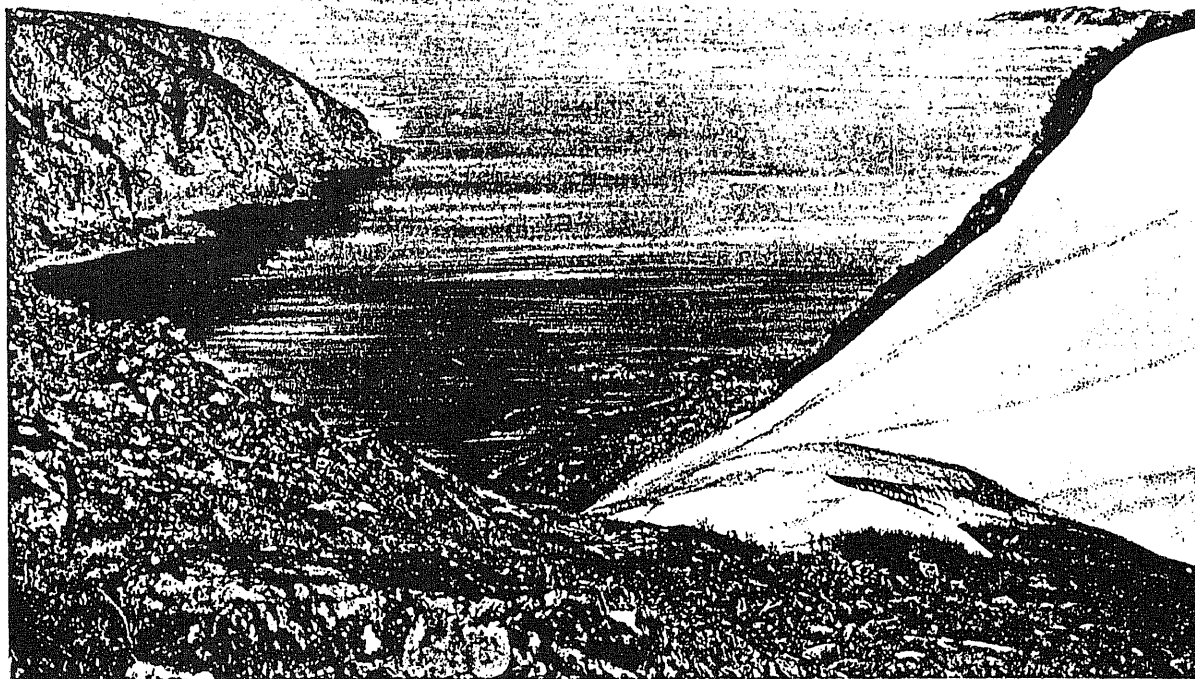

Рис. 55. Залив Атыкино с остатками укрепления.

шам, и крыла не было, для того чтобы левая рука была свободна. Это утверждение упомянуто Богоразом.⁴⁴ При дальнейших моих расспросах старики, знавшие, как носились доспехи, утверждали, что подобное снаряжение имело два крыла, защищавших обе руки. Мне говорили, что оленные коряки северной части Паллала, куда я не мог попасть по недостатку времени, хранят до сих пор несколько полных комплектов доспехов, которые надевают теперь только для жертвоприношений на правднике оленьих бегов.⁴⁵ Один оленный коряк с Паллала, которого я видел в Каменском, обещал достать мне полные доспехи, но не сдержал своего обещания. Да и неполные достать было очень трудно, так как владельцы долго не соглашались продать их. Руки, пропущенные в петли с внутренней стороны крыльев, удерживали весь доспех на плечах, а когда хотели совершенно прикрыть руки, то пальцы или ладони пропускали в маленькие петли на краях крыльев. Рис. 53 представляет собой репродукцию снимка двух коряков в боевом наряде с луками в руках. Снимок сделан мной, а недостающее крыло доспехов пририсовано после по моим указаниям. Рис. 54 изображает коряка в доспехах со свободной левой рукой, которую он, впрочем, может защитить левым крылом, просунув руку в петлю. Как много силы, ловкости и тренировки нужно было, чтобы сражаться в такой тяжелой и неудобной одежде! В одном мифе говорится, что когда Великий ворон предложил кольчугу своему сыну *Ететquit'u*, чтобы воевать с чукчами, сын отказался и пошел в битву, вооруженный только копьём.⁴⁶

На рис. 54 показано также, как носили шлем и наручник из небольших железных пластинок.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Jochelson W. The Koryak... P. 88.

⁴⁶ Ibid. P. 138.

Под шлемом войны носили полоску меха, защищавшую лоб от твердого железа. Нижняя часть лат, состоявшая из небольших железных пластинок, связанных вместе ремешком, напоминает юбку. Завязывается она сбоку короткими ремешками.

До своего знакомства с железными латами, которые, как я полагаю, были заимствованы у тунгусов,⁴⁷ коряки носили латы из моржовой кожи или из костяных пластинок, связанных ремешками. Крашенинников говорит, что корякские доспехи состояли из сшитых кожаными ремешками продолговатых костяных пластинок.⁴⁸

Укрепления. Приморские коряки укрепляли свои селения, чтобы предупреждать внезапные нападения врага и защищаться при осаде. При малейшей возможности они строили свои селения на островах около берега, куда отправлялись только ловить рыбу и охотиться. У них были временные жилища в устьях рек. При приближении врага коряки бросались к лодкам и исчезали в естественных укреплениях, образованных скалистыми островками. Теперь эти островки необитаемы, но говорят, что на многих из них можно еще видеть следы древних жилищ. К моему большому сожалению, в первой половине лета 1901 года, которую я провел в русском поселке Кушка в устье Гижиги, невозможно было рискнуть проехать на деревянных лодках русских жителей на острова, о которых мне говорили коряки.⁴⁹

⁴⁷ См. главу X.

⁴⁸ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 35.

⁴⁹ В начале этого лета мне удалось совершить три перехода на деревянных лодках из устья Гижиги — один к корякам устья Овечковой (примерно 14 миль), а другой к корякам устья Наяхана (100 миль). Последняя поездка представлялась настолько опасной, что русские поселенцы предлагали мне отказаться от нее. Но удача нам улыбалась, погода была хорошей, и я покрыл это расстояние в два дня, но на обратном пути из-за шторма нам пришлось на несколько дней задержаться в необитаемой бухте Атыкино.

В местах, где около берега не было островов, приморские коряки укрепляли свои селения. Островитяне укрепляли также свои временные береговые жилища. Все береговые селения строились на возвышенностях с крутым спуском к морю. Со стороны суши селение окружалось валом, каменной стеной или частоколом. Если ожидалось нападение, то на крышах домов и на балаганах выставлялись часовые, потому что в случае внезапного нападения на поселок оседлых коряков жители подземных домов оказались бы в ловушке. Поэтому в селении воинов всегда был хоть один часовой. В случае нападения женщины и старики спускали на воду байдарки, если море было чисто, чтобы при поражении быть готовыми к бегству вместе с оставшимися в живых воинами. Мне рассказывали, что коряки из старого поселка в устье Гижиги, проиграв сражение с казаками, успели спастись бегством на байдарках к ямским корякам. В устье реки Наяхан я видел следы укрепленного поселка. Он был расположен на скалистом мысу с утесами с трех сторон, круто поднимавшимися из воды. С четвертой стороны был крутой спуск в речную долину, защищенный ка-

менным валом. До сих пор видны кучи камня, бывшие раньше стеной. Предание говорит, что русских привели туда тунгусы, враждовавшие с коряками. Коряки упорно защищали подходы к селению. Была зима, и они поливали склон водой, чтобы сделать его скользким. Но однажды ночью русские сковали острые железные шипы, подвязали их к подошвам своих меховых сапог и взяли штурмом укрепление. Много их погибло от стрел и камней, которые коряки скатывали сверху, но так как русских было много и у них было огнестрельное оружие, то они все-таки одержали победу. После этого корякские воины убили в домах всех женщин и детей, многие покончили с собой и только несколько человек спаслось, скатившись вниз к морю и дойдя по льду до Парени. Я нашел еще следы укрепленного поселка в бухте Атыкино (рис. 55).

Оленные коряки при виде врага отгоняли свой стада в горы и защищали подход к ним. В открытой тундре они окружали стойбище стеной из нарт, поставленных вертикально и связанных ремнями, загнав предварительно оленей внутрь этого укрепления. Оттуда они делали вылазки или вызывали врага на единоборство.

VIII. ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И ПИЩА

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Древний способ добывания огня сверлением применяется теперь только при религиозных церемониях, а так как прибор для добывания огня считается самым главным покровителем семьи,¹ то можно думать, что коряки смотрели на огонь как на благодетельную силу. В честь огня приносятся жертвы, и он же является посредником между людьми и божествами, потому что на нем сжигаются жертвоприношения.² В настоящее время широко распространено употребление серных или шведских спичек. Даже при добывании священного огня некоторые коряки только для виду сверлят немного доску, а в действительности огонь зажигается спичкой; но так как не всегда можно их достать, то проще всего добывается огонь высеканием. Этот способ был известен корякам, по-видимому, еще до прихода русских и был занесен к ним тунгусами, которые сами заимствовали его от амурских племен. И теперь еще торговцы часто привозят из Владивостока китайские огниво и кремни. Трут изготавливается из гриба, растущего на стволах березы. Гриб этот очищают от твердого верхнего слоя, и внутреннюю губчатую массу варят в воде. Потом ее сушат, и получается легкий, хрупкий, быстро воспламеняющийся трут.

Приборы для добывания огня чаще нужны кочевым оленним корякам, чем оседлым приморским жителям. В подземных домах приморских коряков не часто приходится вздуть новый огонь, потому что женщины очень искусно сберегают его в очаге. Горячие угли они покрывают золой, а когда нужно развести огонь, они разгребают золу, кладут на уголь мелкие щепки и раздувают его, пока они не вспыхнут. Приспособления для получения огня приморским корякам нужны только в дороге. Когда у них есть спички, они очень любят зажигать их, чтобы засветить лампу или раскурить трубку, даже тогда, когда в очаге горит огонь. Но если огонь совсем потухнет, и нет ни спичек, ни огнива, то прибегают к древнему

способу высверливания огня. Это, впрочем, бывает очень редко.

Для освещения служит каменная лампа (*éek*). Ее делают из песчаника в виде мелкой чаши и ставят на деревянный обрубок или подставку высотой в 50—60 см. Рис. 56 изображает две таких лампы с подставками, которые я достал у приморских коряков. У оленных коряков подставки немного ниже, наверху сделано маленькое углубление, в которое помещается дно светильника, чтобы придать ему некоторую устойчивость. Лампа ставится так, чтобы фитильный край был ниже противоположного; тогда сало или ворвань тает от тепла огня и стекает к фитилю. Фитиль делается из мха или из гнилушек в виде грубого шнура, который кладется в выемку вдоль края светильника. Теперь часто встречаются фитили из хлопчатобумажных ниток. Приморские коряки употребляют для освещения тюлений жир, а оленные — твердый белый жир, вываренный из раздробленных оленьих костей, содержащий большой процент стеарина. По мере того как жир растапливается огнем, подкладываются новые куски. Тюлений жир дает тусклое, желтое пламя, очень много копоти и противный запах. Оленье сало горит белым пламенем без копоти и вони. За фитилем смотрят, снимают нагар палочкой или деревянной щепкой. Ламповые подставки приморских коряков покрыты слоем жира и грязи, потому что на них капает сало из светильника, падает и налипает нагар и сажа, пыль и грязь. Обыкновенно подставка стоит на земляном полу около порога пологов (рис. 56), и женщины работают при тусклом свете, сидя на пороге или за ним на оленьих шкурах.

У оленных коряков лампа стоит внутри полога. Чтобы помешать каплям сала и нагару капать на шкуры, разостланные для сна и сидения, светильник ставят на широкий деревянный лоток, точно такой же, как у чукоч.³ У оленных коряков часто нет специальной подставки для лампы, и она с лотком вместе ставится на ящик, в который во время кочевки укладываются чашки и блюда.

¹ Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York. 1905. Vol. VI. Part 1. P. 33—36, fig. 2, 3; Plate VI.

² Ibid. P. 98.

³ См.: Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York. 1904. Vol VII. Part I. P. 185.

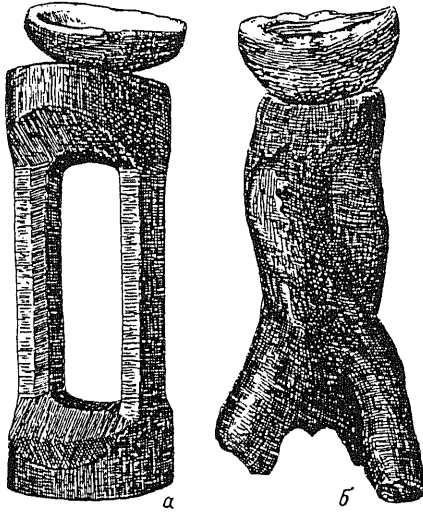

Рис. 56. Лампы с подставками (общая высота: а — 62 см, б — 55 см).

Каменные светильники вышли из употребления у оленных коряков, как и у чукоч. Их заменили круглые железные сковороды без ручек, привозимые русскими купцами. Приморские коряки рассказывают, что в прежние времена они делали глиняные светильники (*sā'yek* — «земляной или глиняный светильник»: от *sā* — «земля» или глина и *ék* — «лампа»), какие еще и теперь в употреблении у чукоч и эскимосов; но при моих раскопках подземных жилищ я не нашел ни одного глиняного светильника. В одном доме я нашел светильник, сделанный из позвонка кита (*yu'ñitemék*, т. е. «из кости кита лампа»).

Лампа приморских коряков служит исключительно для освещения. Для отопления и приготовления еды употребляются дрова. Устройство очага уже описано выше.⁴ На дрова летом и осенью заготавливается наносной лес. Дерево раскалывается на мелкие чурбачки в 50—75 см длиной, которые быстро загораются и не очень сильно дымят. Запасы их укладываются на крышах домов. Разводится огонь два раза в день — утром при вставании и вечером перед сном, во время двух основных трапез. К тому же утренний огонь нагревает дом на день, а вечерний — на ночь. Днем огонь зажигают редко. Вообще оседлые коряки экономно тратят дрова даже в тех селениях, где нет недостатка в них. Среди дня огонь разводят, чтобы согреть чай и обогреть дом в случае приезда гостей.

У оленных коряков светильник отчасти согревает полог, в котором он горит, но пища и чай приготавливаются на очаге во внешней части яранги. Я никогда не видел, чтобы пищу готовили над лампой в пологе. Подается чай и горячая пища женщинами в полог. И это больше, чем светильник, согревает спальню. Сырую обувь и рукавицы вешают над светильником для просушки; но вообще же одежду сушат у очага в яранге или вымораживают на улице и, выбив лед, уже после этого согревают у огня.

Собственно говоря, никакой мебели у коряков нет. Самое любимое положение — это сидеть на

полу или на шкурах, скрестив ноги по-турецки или вытянув их, или на корточках. В домах приморских коряков сидением служат обыкновенно низкие пороги, отделяющие спальные места от среднего помещения; а в ярангах оленных коряков для этой цели служат внесенные внутрь нарты, на которые кладутся мешки с припасами.

На рис. 57 показана скамейка оленных коряков, сделанная из пары оленьих рогов, не отделенных от лобной кости. Ветви и два отростка рогов служат ножками, а две дощечки, привязанные к ним, сидением. Это, по-видимому, подражание русской скамейке. Такие стулья часто встречаются у оленных коряков. Приморские коряки в качестве стульев употребляют ящики, в которых хранят свою чайную посуду. На рис. 10 на таком ящике сидит девушка, а другая сидит на корточках. С употреблением столов коряки не знакомы. Кроме обрусевших туземцев, все остальные ставят на шкуры, на которых сидят, доску или корытообразное блюдо, а на них — нарезанное мясо или рыбу с тюленьим жиром. Все сидят кругом и едят, беря кусочки мяса руками. Часто столом служит ящик с посудой. Некоторые делают столовую доску из двух или трех тесин и кладут ее на ящик, когда едят или пьют чай. В некоторых домах приморских коряков можно встретить низенькие столики, вышиной в 30—40 см, которые подаются гостям. Обрусевшие коряки Северной Камчатки и селений побережья Охотского моря южнее Гижиги, живущие в бревенчатых избах, делают себе скамейки, стулья, столы и кровати, как их русские соседи.

С введением металлической кухонной посуды глиняные горшки и способ приготовления пищи с помощью раскаленных до красна камней вышли из употребления. Теперь варят только в железных и медных котлах, привозимых купцами. Коряки особенно ценят медные котлы за их прочность, но их не так легко достать ввиду высокой цены, и только богатые оленеводы и коряки-торговцы, ведущие меновой торг, могут их покупать. Такие котлы служат очень долго. Полуда, конечно, с них скоро сходит, но коряки продолжают в них готовить. Корякские кузнецы селений Куэл и Парень научились делать котлы из привозного листового железа. Подражая нашим металлическим ведрам с проволочной ручкой, они придают им форму усеченного конуса с проволочной ручкой, чтобы вешать их над огнем. Котлы эти не прочны. Листовое железо скоро прогорает или проедается ржавчиной за сырое лето.

Необходимым предметом в хозяйстве в настоящее время сделался также металлический чайник. Купцы привозят главным образом медные чайники, но встречаются и железные эмалированные.

Каменный прибор для дробления костей составляет необходимую принадлежность каждого хозяйства. Он состоит из большой каменной плиты, называемой *ilñòñ'in* («доска-камень»), и каменного пестика (*cipé'inin*) или молотка. И то и другое отыскивают среди отшлифованных водой камней на берегах рек. Сами коряки не меняют их форму. Плита должна иметь одну гладкую ровную поверхность, а молоток выбирается продолговатый с закругленными концами (рис. 58). На плите дро-

⁴ См. главу XII.

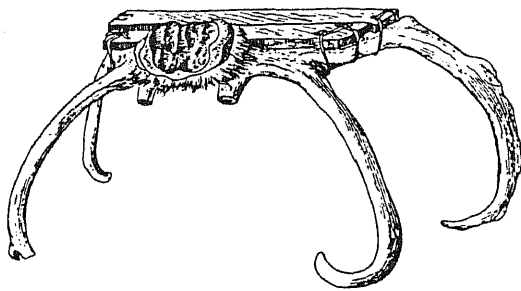

Рис. 57. Сиденье из пары рогов (высота 41 см).

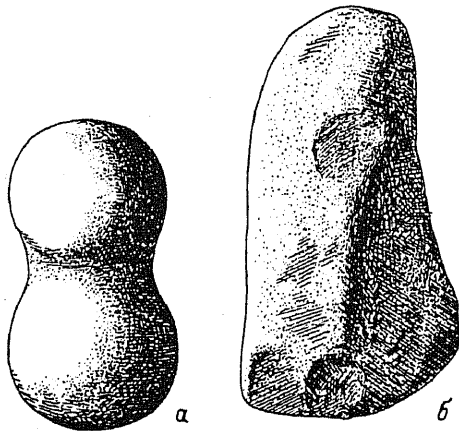

Рис. 58. Каменные молотки: а — из Каменского (длина 13 см), б — с реки Тылхой (длина 17 см).

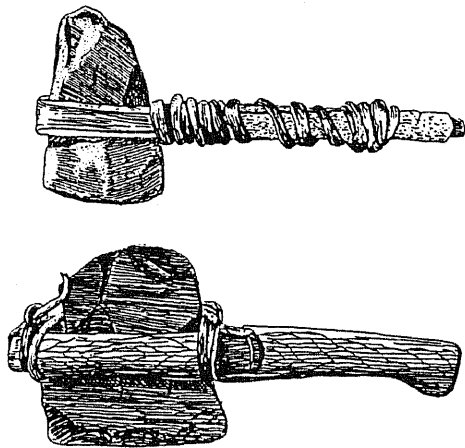

Рис. 59. Каменные топоры (длина около 30 см).

бят кости, чтобы вынимать мозг или вываривать сало для освещения; на ней же разбивают жесткую сухую рыбу или толкут ее с ягодами, толкут коренья для каши или мясо с салом для котлет.

Съедобные травы, в особенности кипрей (*Epilobium angustifolium*), рубят на плите каменными топориками (рис. 59). Их режущий край обтесывается так же, как острия стрел и ножей.⁵ Топо-

⁵ См. главу X.

рище делается из ивового прута, расщепленного пополам и согнутого вдвое; в петлю вставляется лезвие топора и свободные концы связываются ремнями. Другой способ прикрепления рукоятки также показан на рисунке. Деревянное топориче кладется с одной стороны лезвия, а с другой стороны помещается короткая палка, концы которой крепко привязываются к топоричу ремнями. Шероховатый каменный топор плотно зажимается между двумя палками.

Коряки пьют много воды. Они часто встают ночью, чтобы глотнуть холодной воды, запас которой у них есть всегда в деревянных или кожаных ведрах. Приморские коряки во время охоты берут всегда запас свежей воды в свои байдары. Воду зимой обыкновенно берут из прорубей, чтобы не растапливать снег или лед. Все селения приморских коряков расположены на берегах рек или в их устьях. Оленные коряки также ставят свои яранги в долинах рек. Рисунок 60 представляет сцену вокруг проруби в Большой Иткане вечером, когда девушки и юноши идут к прорубям с бадьями за запасом воды на ночь. Вода наливается в бадью деревянным черпаком. Бадьи для воды делаются из крепкой нерпичьей кожи (рис. 61), или из осины, или тополя. У эскимосов есть бадьи такого же типа, сделанные из тюленьей кожи и сшитые сухожильными нитками.⁶ Но их носят иначе. У эскимосской бадьи есть ручка, сделанная из кожаной полосы, как у обычного ведра, а у корякской — около отверстия есть две петли. К этим петлям привязываются концы широкой лямки из тюленьей кожи, которая надевается на лоб, и бадья поднимается на спину — способ носить тяжести, употребляемый многими индейскими племенами в Америке.

Толстая деревянная бадья тоже цилиндрической формы. Материалом служит часть прямого и крепкого осинового или тополевого ствола, которая выдалбливается долотом и отделяется ножом. Деревянное дно вставляется сверху. Носят женщины деревянные бадьи точно так же, как кожаные (рис. 62).

Деревянную бадью употребляют для различных надобностей: на охоте за морским зверем она служит футляром для гарпунных наконечников, дома в ней держат тюлений жир. Ягоды также хранят в деревянных или кожаных бадьях. В них же выносят из дому корм собакам. Ложки и ковши делаются из рогов оленей и горных баранов, иногда из дерева. Похлебку едят глубокими большими черпаками, густую кашу — плоскими ложками. Костяные чайные ложки делают наподобие ввозных металлических. Богатые оленные коряки покупают металлические ложки, у некоторых есть даже серебряные.

Деревянные тарелки, блюда, продолговатые подносы, чаши и деревянные и костяные ковши такого же типа, как чукотские,⁷ и я не буду оста-

⁶ См., напр.: *Kroeber A. L. The Eskimo of Smith Sound // Bulletin of the American Museum of Natural History. New York, 1899. Vol. XII. P. 288, fig. 31; Boas F. The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay // Bulletin of the American Museum of Natural History. New York, 1901. Vol. XV. Part I. P. 99, fig. 142.*

⁷ *Bogoras W. The Chukchee... P. 189.*

Рис. 60. Женщины набирают воду.

Рис. 62. Женщина, несущая бадью.

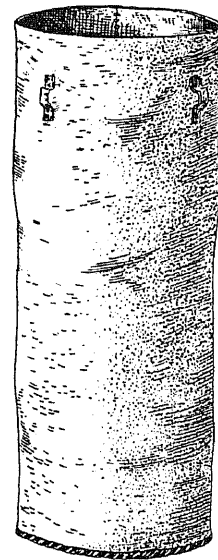

Рис. 61. Кожаное ведро.

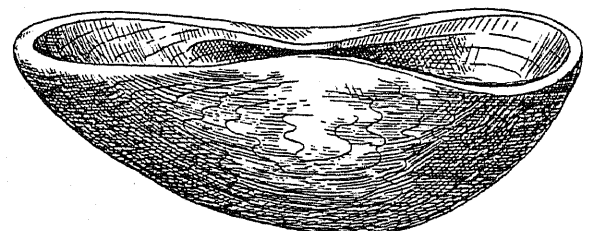

Рис. 63. Сосуд для урины.

навливаться на их описании. У богатых коряков можно встретить фаянсовую и железную эмалированную посуду.

Небольшие деревянные ведра с крышкой для сбора ягод выдалбливают так же, как большие бадьи для воды, но они имеют два ольховых обода, крышку и ремень вместо ручки.

Ночной горшок (рис. 63) — необходимый предмет в домашнем обиходе. Коряки не выходят ночью мочиться, а дети даже испражняются в доме. Посуда эта выдалбливается из осины или тополя. Край обыкновенно загнут внутрь, чтобы содержимое не плескалось, когда его выносят по лестнице подземного дома. Оленные коряки ставят горшок в угол спального полога, и его форма не позволяет спящим перевернуть его. Если посуда полна, то хозяйка приподнимает переднюю сторону полога и опорожняет его в ярангу. Утром женщины выносят горшки и выливают мочу на снег, что привлекает оленей. Богатые оленеводы употребляют вместо деревянной ночной посуды привозные медные умывальные тазы. Однажды мне пришлось переночевать в яранге богатого оленевода и спать в одном пологе с хозяевами. Едва я вошел в полог и прежде, чем я успел обогреться и выпить чаю, хозяин принес в знак особенной вежливости медный таз и поставил его в углу.

ЖИВОТНАЯ ПИЩА

Главная, если не единственная, пища коряков — животная, в особенности у оленных, которые растительной пищи употребляют еще меньше

приморских. Животная пища состоит из рыбы, морских млекопитающих, оленей, горных баранов, медведей, птиц и моллюсков.

Рыба свежая и высушенная на солнце — главная пища приморских коряков. Летом и осенью едят свежую, вареную рыбу. Любят ее также жарить на вертеле. Головы едят сырыми, а хрящи считаются особенным лакомством. Зимой рыбу едят вареную и сырую. Сырую рыбу едят мороженой, настроганной тонкими стружками. Этот способ употребления гораздо более, чем у коряков, распространен среди полярных племен к западу от Станового хребта и среди русских.

Сухая рыба, называемая русскими жителями «юколой», готовится женщинами в летний рыболовный сезон на берегах рек или на морском побережье и сохраняется для употребления зимой. Рисунок 64 показывает, как женщины режут кету для сушки на солнце. Сначала отрезается голова и сушится отдельно. Потом взрезают ножом брюхо и вынимают внутренности. Икра сушится отдельно, а мясо режется вдоль хребта на длинные полосы, остающиеся соединенными у хвоста, и так вешается на жерди сушильной рамы. В солнечные дни сушка идет очень скоро. Через три-четыре дня юкола готова. В ясную погоду предварительная сушка производится на открытых вешалах (рис. 65). Потом рыба снимается с них и вешается под настилами складов (рис. 66). Осенью, когда ночи уже холодные и можно не бояться гниения, происходящего от сырости, сухую рыбу собирают и убирают в склады. Рыба, высушенная на солнце, покрывается сухой коркой, под которой мясо ос-

Рис. 64. Женщины нарезают кету.

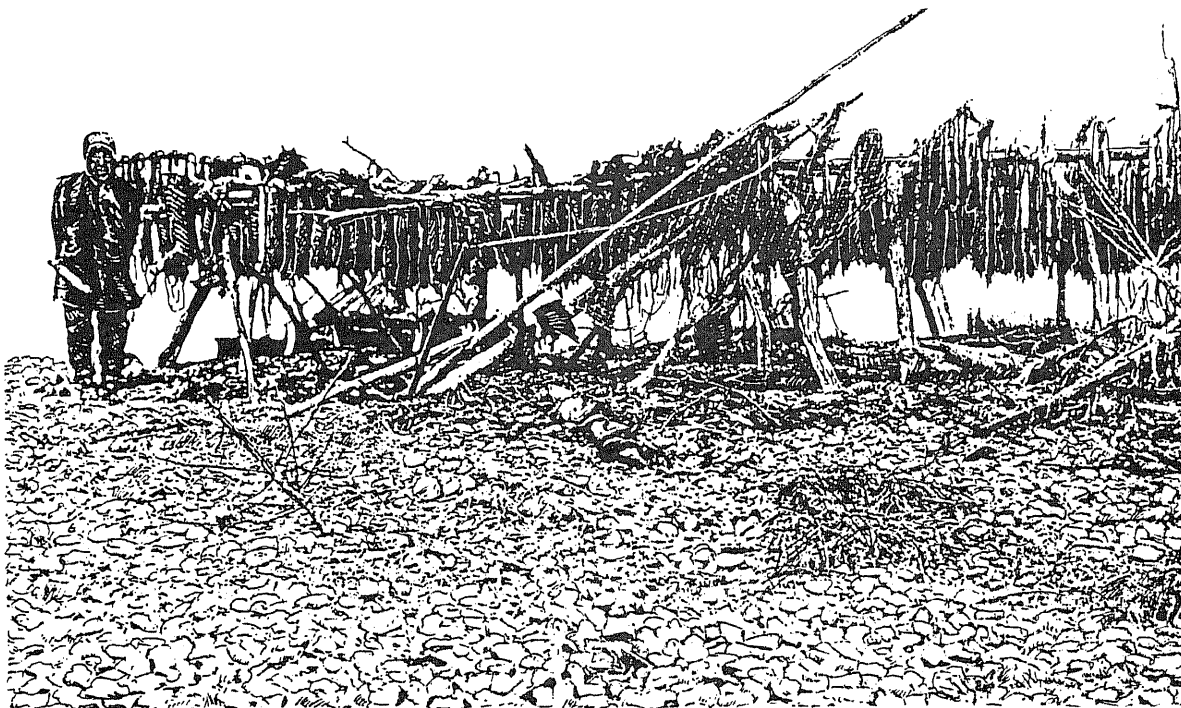

Рис. 65. Открытые вешала для сушки кеты.

тается мягким и сохраняется жир; но процесс сушки на открытом воздухе редко проходит благополучно. В жаркие безветренные дни масса больших мух садится на рыбу и откладывает яйца. Через два-три дня выходят личинки и пожирают

все сочные части юколы, оставляя только тонкий, сухой и безвкусный подкожный слой. Если в период путины погода стоит дождливая и туманная, то приготовление юколы еще более затруднительно. Хотя ее вешают под особыми навесами или под

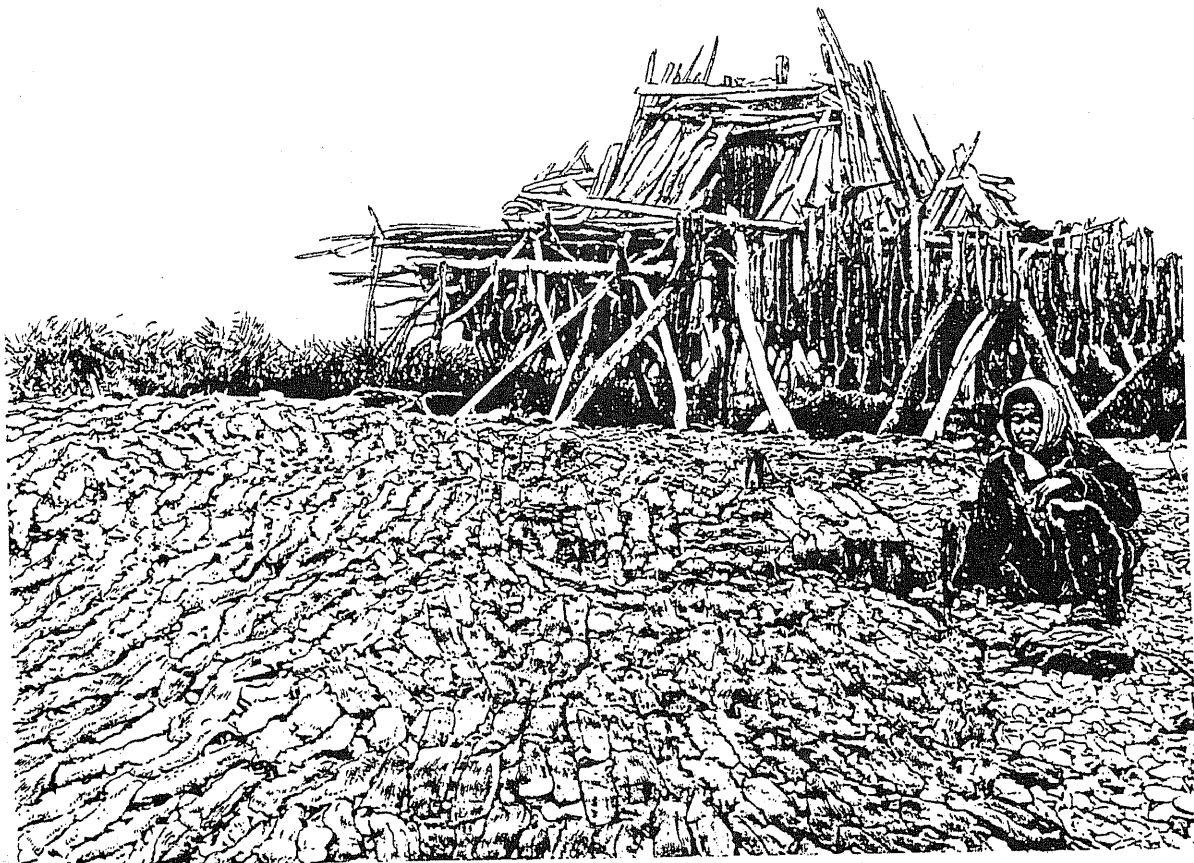

Рис. 66. Сушка кеты под навесом.

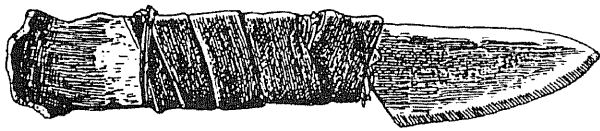

Рис. 67. Костяной нож для разделки сельди (длина 22 см).

настилами балаганов, рыба не сохнет, а начинает разлагаться, и испорченные куски отваливаются и падают на землю, так что в сырое лето, даже если улов был превосходен, коряки могут остаться с недостаточным зимним запасом, поскольку других способов сохранения рыбы, кроме вяления на солнце, они не знают. Самая лучшая погода для приготовления юколы — ясные, холодные дни с сильным ветром, разгоняющим мух. Вообще же после сочной сиговой юколы полярных рек кетовая показалась мне безвкусной и сухой, поэтому и коряки при еде обмакивают ее в топленый нерпичий жир.

После того как пластины мяса для юколы сняты с хребта, на скелете еще остается немного мяса. Часть его срезается тонкими стружками и сушится на солнце, на песке или камнях на берегу. Скелет вешается на обыкновенных вешалах и сушится на зимний корм собакам.

Интересно отметить, что сельдь режется всегда только древним костяным ножом. Такой нож, сделанный из челюсти белухи, показан на рис. 67. Вся другая рыба режется современными железными ножами. Может быть, это следует приписать удобству костяного ножа, который подобным же образом все еще употребляется эскимосами острова Ванкувер, или, может быть, это запрет, указывающий на то, что в прежнее время сельдь играла более важную роль в пище коряков, чем теперь. Относительно других видов рыбы существует запрет, заключающийся в том, что ее нельзя резать поперек, а только вдоль.

Я уже говорил, что в некоторых селениях, например в Иткане, главный зимний запас рыбы состоит из уйка (*Salmo socialis*), так как улов кеты очень мал. Эта мелкая рыбешка сушится на песке или гальке, на берегу, разложенная толстым слоем, и часто переворачивается граблями с зубцами из оленьего рога. Эту рыбу едят зимой, как кету, обмакивая в тюлений жир; или ее смешивают с кореньями, варят и едят, как кашу. Если лето дождливое, то кучи уйка обрастают в зловонную массу, которая замерзает при наступлении холодных ночей. В Иткане каждый хозяин запасает на зиму два или три полных балагана этой рыбешки. В селениях, где главная пища кета, этот род корюшки едят только в годы, когда нет кеты, когда же ее много, то уек идет только на собачью похлебку.

У приморских коряков видное место в хозяйстве занимают морские млекопитающие, и прежде всего тюлени, но так как запасы их не держатся долго, то мясо этих животных едят не часто. К весне вряд ли найдется склад с запасом мяса морского зверя. Осенью же и летом их мясо, в особенности мясо молодняка, съедается в больших количествах и считается вкуснее рыбы.

Мясо тюленей и других морских млекопитающих едят чаще всего вареным. Есть основание

думать, что прежде его варили в глиняной посуде. Поздно осенью, когда туши убитых тюленей замерзают, коряки сохраняют их целыми, если они не нужны для немедленного употребления. В другое время их разделяют тотчас же после охоты, чтобы не испортились. Ворвань режется на куски, топится и до холодов сохраняется в мешках, сделанных из желудка или пузыря тюленя. Для этого в пузырь вставляется деревянная трубка, служащая горлышком этой мягкой бутылки; края отверстия крепко привязываются сухожильной веревкой к трубке, которая закупоривается деревянной или костяной пробкой. Зимой жир замораживают, и когда понадобится, его режут ножом. Мясо потрошенных тюленей режется небольшими кусками и кладется в корыта или бадьи, в которых и хранится до надобности. Иногда летом мясо тюленей вялят на солнце, для чего режут тонкими ломтями и вешают на шесты вешал или раскладывают на земле. В дороге тюленье мясо едят мелко нарезанным в сыром виде.

Мясо белухи по своему вкусу считается гораздо выше тюленьего, и жир тоже особенно ценится, потому что совершенно лишен неприятного запаха тюленьего. Одна белуха дает 300—600 килограммов и больше слабо окрашенного жидкого жира, который застывает при 4—5 градусах Цельсия. Жареная кожа белухи тоже считается лакомством.

На Беринговом море высоко ценится мясо моржа и морского льва (сивуча); но оба животных встречаются все реже и реже вследствие хищнического преследования со шхун. Моржа было особенно много в Карагинской бухте и в заливах Карагинского острова. Даже и теперь коряки-охотники не только из селений Карага и Кичига, но и из Олюторки летом на байдарках предпринимают экспедиции для охоты на моржей на Карагинском острове.

У оленных коряков основным источником пищи является олень. Костный мозг, почки, хрящи и ножные сухожилия, которые отрываются зубами, едят сырыми после забоя оленя. Костный мозг считается лакомством. Вынимают его, разбив кость каменным молотком или тупой стороной большого ножа. В дороге едят сырое мороженое мясо, нарезанное тонкими ломтями, но вообще оленину варят, для чего теперь употребляют железные или медные котлы. Зимой, в особенности в ярангах богатых оленеводов, эти котлы всегда висят над огнем полные горячего варева, которое подается не в определенное для еды время, но употребляется тогда, когда кто захочет утолить жажду. Каждый, кто хочет, берет ковшик и пьет бульон из котла. Пастухи, возвращаясь домой, сразу подкрепляются этим варевом. Котел не чистится. Мясо, внутренности, язык и другие части животного, оставшиеся от прежней варки, опять бросаются туда. Мясо долго не варят, потому что коряки не любят, когда оно хорошо проварено. Котел полон грязи от рук поварахи и оленьего волоса, падающего с невымытого мяса, но это не мешает бульону быть освежающим напитком. Когда жидкости в котле остается мало, в него подливают воды или бросают снег. Таким образом, он всегда полон до того времени, когда стойбище снимается для перекочевки на

другое место. Женщины подают вареное мясо в пологе. Порезанное на куски мясо выкладывают на деревянные доски, лотки или корыта. Коряки берут большой кусок левой рукой и, ухватившись за край зубами, правой рукой ножом отрезают столько, сколько можно взять в рот; режут всегда снизу вверх. Таким образом едят мясо все туземцы Сибири. В дорогу делают мясные котлеты из сырого мяса с жиром, отбивая их каменным молотком, а если есть съедобные травы, то прибавляют их.

Все-таки пища оленных коряков состоит не из одного оленьего мяса. Они в значительной степени пользуются рыбой и морской пищей приморских коряков, также как и приморские коряки зимой покупают у них оленей. Богатые оленеводы, кочующие далеко от морского берега, почти не употребляют рыбы и еще меньше мяса морских животных. Они ловят рыбу только летом в горных речках небольшими сетями или вершами, но не запасают ее на зиму. К тому же улов в горных реках вообще незначителен. Они едят кету и морскую пищу, только если их привезут прибрежные жители или если кто-нибудь из них самих посетит берег моря зимой.

Владельцы маленьких стад, не работающие у богатых оленеводов и кочующие самостоятельно, должны добывать зимний запас рыбы, так как они не имеют возможности убивать много оленей. Эти бедные оленеводы отправляются летом к устью какой-нибудь реки или на морской берег и там сушат рыбу на зиму. При случае они также бьют морского зверя, но обычно у них нет байдар, и охотиться в море они не выходят. Некоторые богатые оленеводы, например живущие на западной стороне Тайгоноса, которые кочуют со своими стадами около русских селений или около главного тракта и которых часто посещают русские на собачьих упряжках, посылают летом несколько членов своих семей, чтобы подготовить на зиму запасы рыбы для себя, для гостей и их собак, чтобы не приходилось убивать для них слишком много оленей. Одного маленького оленя хватает только накормить запряжку в десять или двенадцать собак.

Вообще говоря, оленные коряки очень любят есть сушеную кету и «морские кусочки» (т. е. мясо и ворвань морских млекопитающих). Они ищут всякий случай, чтобы удовлетворить эту прихоть, которая является, может быть, пережитком того времени, когда современные кочевые оленеводы были еще приморскими охотниками. Как только выпадет снег и установится санный путь, оленные коряки на нартах появляются в приморских селениях, чтобы получить «морскую пищу», и выменивают целые туши мороженых тюленей, жир, кету и кожу белух. У каждого оленного коряка есть среди приморских жителей приятель, снабжающий его морской пищей, который, в свою очередь, позднее посещает стойбище оленевода, чтобы получить оленину.

Но как ни любят оленные коряки «морские кусочки», они не охотно питаются продолжительное время одной только рыбой. Так, один богатый оленевод с Тайгоноса говорил мне, что его сыновья

слишком долго жили на морском берегу, питаются только рыбой и тюленьим мясом, и совсем отощали. После этого он пошел в свое стадо и убил для них оленя, чтобы они могли опять набраться сил. Приморские коряки тоже любят доставать оленье мясо и жир, даже если у них изобилие рыбы, а зимой, когда рыбы мало, они часто посещают стойбища оленных коряков, чтобы купить или просто выпросить оленины.

Описывая охоту на птиц, я говорил, что ее экономическое значение ничтожно. Коряки не любят мясо чаек, находя его безвкусным, но когда пищи мало, то и им не пренебрегают. Ранним летом, до рыболовного сезона, приморские коряки едят всяких морских птиц, но как только начинается лов рыбы и охота на тюленей, охота на птиц прекращается. Коряки очень любят птичьих яиц. Во время кладки яиц, они отправляются на своих байдарках на острова для сбора яиц, собирают их сотнями и едят вареными сейчас же или в последующие дни. Они одинаково относятся к только что снесенным и испорченным яйцам. Раз я присутствовал при том, как коряки ели вареные яйца до того испорченные, что запах их чувствовался издали. Во многих яйцах были даже полувыведенные птенцы, но это нисколько не мешало корякам наслаждаться своей пищей.

Как приморские, так и оленные коряки едят моллюсков, которых собирают на морском берегу, но не считают их особенно изысканной едой. Собирают их главным образом, когда чувствуется недостаток рыбы или другой морской пищи; в прежнее же время моллюсков, очевидно, ели в гораздо большем количестве. Раскапывая древние подземные дома приморских коряков в устье Няяна на скалистом берегу, поднимающемся метров на шестьдесят над морем, я нашел груды раковин следующих видов: *Purpura saxicola*, *Mytilus edulis*, *Mya arenaria* и *Littorina grandis*. Эти же виды употребляются и сейчас. Вынимают моллюсков из раковин маленьким ножиком, который называется *kilkäkuna* (от *kilkäk* — коряцкого названия *Littorina grandis*).

Оленные коряки едят личинок оленьего овода (*Estrus tarandi* — по Норденшельду, или *Tabanus tarandinus* — по Слюнину), которые развиваются под кожей оленя. Весной, когда личинки выползают наружу и собираются на шерсти, коряки их собирают и едят. Пастухи набирают личинки в шапки и приносят домой как лакомство для детей.

РАСТИТЕЛЬНАЯ ПИЩА

Коряки употребляют меньше растительной пищи, чем камчадалы, но больше, чем чукчи. Из мифов мы знаем, что предок коряков Великий Ворон любил ягоды, съедобные корни трав и густые каши, приготовляемые из них.

Корякские женщины собирают съедобные корни из нор краснопинных мышей полевых, два вида которых (*Evotomys latastei* и *Ev. Wosnessenskii*) встречаются в области Гижиги и северной части Камчатки. Осенью, когда мыши уже собрали на зиму запасы корней, их поры раскапывают мо-

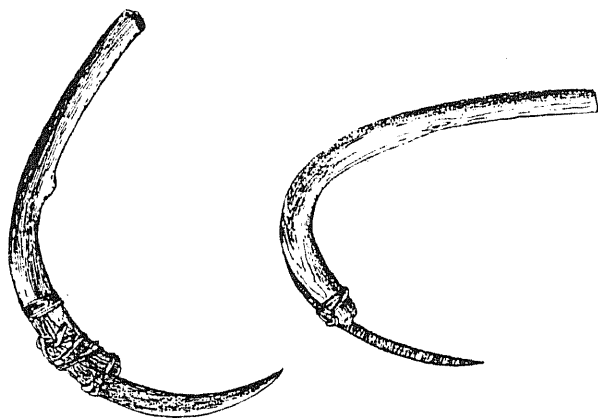

Рис. 68. Мотыги для выкапывания корней (наибольшая длина 37 и 56 см).

тыгами, образцы которых представлены на рис. 68.

В поисках мышиных нор помогают собаки, которых женщины берут с собой. Мыши обыкновенно очищают корни от приставшей к ним земли и укладывают их рядами в подземных ходах. Взять весь запас у мыши считается грехом, и немного всегда должно быть оставлено. Кроме того, норы раскапывают не очень поздно осенью, так что у мышей есть полная возможность пополнить свои расхищенные кладовые. Я слышал о поверье, очень распространенном не только среди коряков, но и среди других народностей Северо-Восточной Сибири, что мыши, найдя свои кладовые разграбленными, прибегают к самоубийству, вешаясь на ветвях деревьев. Из мышиных нор достают следующие корни: клубни рябчика (*Fritillaria sarrana*); *Claytonia acutifolia* Wild, называемая русскими сладким корнем, а коряками — *inat*; корни дикого щавеля (*Polygonum polymorphum*); корень, называемый коряками *metcin*, а русскими — «горьким корнем», и корни осоки (по-корякски *pa'lxo*). Все эти корни едят и сырыми, и вареными. Сырыми их обмакивают в тюлений жир или толкут с икрой. Варят их с рыбой или олениной, или в виде каши из корней, толченых с рыбой, или в крови оленей или тюленей.

Кипрей (*Epilobium angustifolium*), по-корякски *me'nmet*, стоит на первом месте среди съедобных растений. Стебли его связываются пучками и сушатся на солнце или над очагом, потом рубятся каменными топориками. В полученный порошок обмакивают куски нерпичьего или оленьего сала и так едят. Из этого же порошка делают густую кашу-толкушу, смешивая его с ягодами и растопленным нерпичьим жиром. На Камчатке из расщепленных стеблей вынимают сердцевину, сушат ее и заготавливают на зиму. Свежие листья употребляют вместо чая, когда нет настоящего. На севере Камчатки коряки употребляют в пищу сладкий *Heraclеum spandilium*.

Ягоды и корни едят свежими, сырыми или сваренными в кашеобразной кровяной похлебке, или с рыбой, или с мясом. Ягоды же всегда бывают составной частью густых каш из молотой икры с жиром и толченой рыбой. Излюбленное

блюдо делается из толченой юколы с тюленьим жиром и голубикой. Эта смесь толчется на деревянных лотках или блюдах деревянными или костяными пестиками.

Вот перечень главнейших ягод, которые едят коряки: *Empetrum nigrum* (шикша), *Vaccinium uliginosum* (голубика), *Vaccinium Vitis iolaea* (брусника), *Rubus chamaemorus* (морозка), *Lonicera caerulea* (жимолость), в Северной Камчатке *Prunus padus* (черемуха). Голубика считается самой вкусной. На Камчатке плоды черемухи толкутся и сушатся на солнце в виде плоских лепешек.

Толкуша, сделанная из толченых ягод, икры, рыбы и нерпичьего жира, замораживается и по мере надобности режется ножом. Это блюдо считается угощением для гостей и прекрасной дорожной пищей.

Ягоды собирают летом и осенью. У оленных коряков больше возможностей собирать морозку, которая растет в тундре, но они не сохраняют ее, а сейчас же съедают.

Другие съедобные растения — плоды шиповника (*Rosa alpina*), рябины, морская капуста, кедровые орехи и ивовая кора. Морскую капусту (*Alaria esculanta*; по-корякски *me'čgomei*) едят не только приморские коряки, но и оленные, когда охотятся летом на морском берегу. Ее режут ножом и варят с тюленьей или оленьей кровью, или с олениной. Кедровые орехи собирают поздно осенью, выбирают из шишек и хранят в небольших кожаных мешках. Интересно отметить, что коряки едят орехи с шелухой. Внутреннюю сторону ивовой коры тоже едят. Ее сдирают с дерева, разбивают каменным молотком и варят с рыбой. Жуют ее и сырую.

К растительной пище, потребляемой оленными коряками, следует прибавить еще и содержимое первого желудка оленей, состоящее из не вполне переваренного оленьего мха. Эту зеленоватую массу варят с оленьей кровью. Эта пища теперь выходит из употребления. Богатые оленеводы обыкновенно выбрасывают содержимое оленьего желудка, и только в случае неимения другой пищи пастухи едят его.

Зимние запасы корней, ягод и вообще съедобных растений невелики и не считаются необходимой и постоянной составной частью пищи. К середине зимы редко остается что-либо из этих запасов, а к весне, когда и мясо уже на исходе, растительная пища давно кончилась.

Русские торговцы продают корякам муку и рис. Продаются эти продукты также с казенных складов в Гижиге по береговым ценам.

Коряки очень любят эти растительные продукты, в особенности рис, из которого варят кашу и едят ее с тюленьим или оленьим жиром. Они любят пшеничную муку, но не ржаную. Ее смешивают с водой или кровью и варят, как кашу. Большинство коряков редко имеют возможность покупать привозную пищу, так как у них нет денег. Сухари и свежий хлеб также считаются хорошей пищей, но и они мало доступны. Зимой казаки и другие русские жители возят хлеб в корякские селения и стойбища и меняют на оленину и другой товар. Но все-таки коряки смотрят

на сухари и хлеб как на лакомство, а не как на необходимую пищу, без которой человек не может существовать. Я слышал, как коряки говорили, что у них болит живот, если они едят слишком много хлеба.

С чаем они познакомились после того, как пришли в соприкосновение с русскими. Теперь он широко распространен везде. Однако большинство коряков летом чаю не имеют, потому что у них нет средств делать большие запасы. Чай пьют кирпичный. Чтобы заваривать его, кирпич греют на очаге, вследствие чего он становится мягким и его можно раскрошить ножом. Чай заваривают в чайнике. Настой его очень крепок, почти черного цвета. Кирпичный чай слабее байхового. Коряки пьют много чая, чашек десять и больше подряд и делают это несколько раз в день, когда находят кого-нибудь, готового их угощать. Обыкновенно коряки пьют чай после еды, но если угощают гостей, то сначала подается легкая закуска, например, юкола, костный мозг из оленьих ног или ягодная толкуша, потом чай, а потом уже мясные блюда. Так же подается чай у всех жителей Северо-Восточной Сибири, например у якутов, тунгусов и юкагиров. Чайник и две-три фаянсовые или эмалированные чашки с блюдцами имеются практически в каждом доме. Они хранятся как драгоценности в специальных ящичках с выемками для чашек или заворачиваются в мягкое тряпье. Если чашек недостает, то чай пьют по очереди, женщины и дети — после старших. Посетители обычно приходят со своими чашками. Есть у коряков и самодельные чашки из рога оленя и горного барана. Маленькие жестянки из-под сгущенного молока были изобретательно превращены в чашечки с жестяной ручкой. Из них коряки пьют горячий чай, не обжигая губы.

НАРКОТИКИ И ВОЗБУЖДАЮЩИЕ СРЕДСТВА

Употреблению табака коряки научились тоже от русских и, как все сибирские народы, страшно его любят. Но в то же время, как у других народностей, например у чукоч, в основном среди коряков встречается мало курильщиков. Обычно они жуют табак, реже — нюхают или употребляют его и так и сак. Употребляют они листовой табак, привозимый с юга России связками в два фунта каждая.

Для жевания и нюхания табак толкут с золой. Рис. 69 показывает деревянную ступку и пестик для размалывания табака. Туда же прибавляют листья горлянки (*Gnaphalium uliginosum*). Толченый табак хранится в берестяных табакерках, которые привешиваются к поясу в кожаных чехлах, часто вышитых бисером. Жевание табака, щепотку которого кладут между щекой и челюстью, вызывает обильное слюноотделение, и поэтому коряки постоянно плюют.

Жуют и просто табачные листья, тогда табак не так раздражает слизистые оболочки, как толченый. Употребляют его еще свернутым в трубочку; это экономнее, и такого скатанного табака

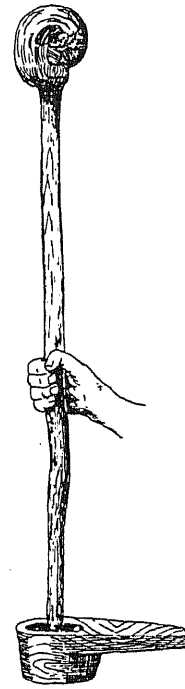

Рис. 69. Ступка и пест для табака (длина песта 103 см).

хватает надолго. Пожевав его немного, коряки вынимают его изо рта и кладут за ухо, как мы закладываем карандаш, а потом, через несколько минут, продолжают жевать его.

Мне попадалось очень мало курящих коряков, по крайней мере между коряками Пенжинской губы, поэтому я мало видел трубок. Коряки сами выделывают их в очень незначительном количестве. Большая трубка, купленная мной в Каменском, была приобретена у чукчей и похожа на эскимосские трубки этого типа. Я видел еще несколько медных трубок, привезенных купцами из Владивостока, но они были китайскими. Для курения табак мелко режут ножом на доске, примешивая мелко порезанную осиную кору. Хотя коряки не такие страстные потребители табака, как якуты, тунгусы, юкагиры и другие туземцы, все-таки вряд ли найдется мужчина, не употребляющий его так или иначе. Женщины же вообще почти не употребляют табак, тогда как у других вышеупомянутых племен не только женщины и взрослые девушки, но даже девочки чуть старше десяти-двенадцати лет имеют уже собственные трубки и кисеты, и недостаток табака считается хуже голода.

Коряки самые ярые потребители ядовитого красного мухомора, даже больше, чем родственные им чукчи и камчадалы, вероятно, потому, что его больше на их территории. Некоторые путешественники, как Крашенинников и Дитмар, были того мнения, что коряки покупали мухоморы на Камчатке. Так, Дитмар утверждает, что на полуострове Тайгонос мухоморов нет и что привозят их туда с Камчатки;⁸ а Крашенинников говорит, что у коря-

⁸ Dittmar C. V. Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschukchen // Melanges Russes tires de Bulletin Historico-Philologique de l'Academie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. Livraison, 1856. T. 3. P. 451.

ков вообще нет мухоморов и получают они их от камчадалов.⁹ Мои же наблюдения убедили меня в том, что мухоморы не только растут в изобилии по всей корякской территории, но что коряки снабжают ими и чукоч. В середине августа в долине реки Вархалам, недалеко от ее устья, я видел обширное поле, усеянное характерными красными шляпками мухоморов с их белыми пятнышками. В селениях приморских коряков вдоль всего западного берега Пенжинской губы я знал людей, занимавшихся сбором и сушкой мухоморов и ведших ими очень прибыльную торговлю. Об одном коряке из Олюторска, который торговал мухоморами, упоминает Слюнин.¹⁰

В свежем виде коряки мухоморов не едят, потому что тогда яд более действен и скорее убивает. Коряки говорят, что трех свежих грибов достаточно, чтобы убить человека. Поэтому после сбора мухоморы сушат на солнце или над очагом. Едят их только мужчины, по крайней мере я никогда не видал опьяневшей от него женщины.¹¹ Способ употребления различный. Насколько я заметил в селениях Пенжинской губы, мужчины сначала дают женщинам разжевывать гриб, а потом уже проглатывают его. Богораз говорит,¹² что чукчи разделяют гриб на куски, жуют их и потом запивают водой. Слюнин¹³ таким же образом описывает корякский способ употребления мухоморов. Дитмар¹⁴ говорит, что чукчи и коряки жуют их и потом долго держат жвачку во рту, не проглатывая ее. Крашенинников¹⁵ рассказывает, что камчадалы скатывают сухие грибы трубочкой и проглатывают их, не жуя, или вымачивают их в отваре кипрея и пьют эту настойку.

Как некоторые другие растительные яды, такие как опий и гашиш, алколоид мухомора вызывает опьянение, галлюцинации и бред. Легкое опьянение выражается некоторым оживлением и спонтанностью движений. Многие шаманы перед своими сеансами едят мухоморы, чтобы прийти в экстаз. Раз я попросил одного кочевого коряка, который славился как отличный певец, спеть что-нибудь в фонограф. Он безуспешно начинал несколько раз, робая, вероятно, перед невидимым записывающим слушателем, но, съев два гриба, он начал петь громким голосом, жестикулируя руками. Я должен был поддерживать его, чтобы он не упал на аппарат; а когда цилиндр пришел к концу, мне пришлось силой оторвать его от трубы, над которой он долго висел, продолжая распевать.

При сильном опьянении все чувства расстраиваются, окружающие предметы кажутся или очень маленькими или непомерно большими, начинаются галлюцинации, произвольные движения и

конвульсии. Насколько я мог заметить, моменты сильного оживления сменяются припадками глубокого уныния. Опьяненный мухоморами, сначала сидит спокойно, покачиваясь из стороны в сторону, даже принимая участие в разговоре с семьей. Внезапно глаза его расширяются, он начинает конвульсивно жестикулировать, разговаривает с воображаемыми людьми, поет и танцует. Потом на него находит опять состояние покоя.

Но чтобы поддержать опьянение, необходимы добавочные дозы гриба, и, наконец, наступает глубокий сон, за которым следует головная боль, чувство тошноты и стремление повторить опьянение. Если есть еще запас гриба, он съедается. В начале зимы, когда запасы мухоморов велики, старики начинают свои увеселения. В Куэле есть два старика из Пареньского рода, с которыми во время моего пребывания там, я иногда не мог поговорить в течение нескольких дней подряд. Они или были одурманены грибом, или пребывали в скверном настроении от последствий своего опьянения. В это же время оленные коряки отправляются в приморские селения закупать и есть мухоморы. Угостить гостя мухомором — значит оказать ему особенное уважение. Слюнин говорит, что в случае отравления лучшим противоядием служит рюмка водки или разведенного спирта.¹⁶

Есть основание думать, что действие мухоморов было бы сильнее, если бы его алколоид не выводился очень быстро из организма вместе с мочой. Коряки знают это по опыту, и потому моча людей, опьяненных мухоморами, не пропадает напрасно. Пьяница сам выпивает ее, чтобы продлить опьянение или угощает ею других. По понятиям коряков, моча человека, опьяненного мухомором, имеет опьяняющее действие, хотя и не в такой степени, как сам гриб. Я помню, как в селении Парень целая компания любителей мухоморов употребляла жестянку из-под калифорнийских фруктовых консервов вместо чаши для сбора мочи, которую предполагалось выпить впоследствии. Мне говорили о двух стариках, которые пили собственную мочу и после водки и этим поддерживали опьянение.

Можно съесть от трех до десяти сушеных грибов, не подвергаясь смертельной опасности. Есть люди, которым достаточно трех грибов для опьянения. Случаи смерти редки. Мне говорили об одном случае, когда коряк проглотил десять грибов, не почувствовав никакого эффекта. Когда он съел еще один, началась рвота, и он умер. По мнению коряков, духи мухоморов задушили его.¹⁷ Они рассказывали, что эти духи вышли вместе с рвотой в виде червей и исчезли под землю.

Коряки познакомились с водкой через русских и американских китобоев. Несмотря на запрещение ввоза водки, изданное русским правительством, она попадает зимой в корякские селения и стойбища, куда ее привозят русские купцы во время своих торговых поездок, а летом китобой привозят ее в приморские селения. Как все перво-

⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 150.

¹⁰ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. С. 654.

¹¹ Крашенинников С. П. (Описание... Т. 2. С. 150) говорит, что камчадалки не едят мухоморов, но Дитмар (Ueber die Koräken... P. 106) рассказывает об одной корячке (шаманке), которая была пьяна от них.

¹² Bogoras W. The Chukchee... P. 205.

¹³ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 655.

¹⁴ Dittmar C. V. Ueber die Koräken... P. 506.

¹⁵ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 147.

¹⁶ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 654.

¹⁷ О религиозном взгляде на мухомор см.: Jochelson W. The Koryak... P. 120.

бытные народы, коряки пристрастны к водке, и очень часто за стакан ее торговцы получают песка или красную лисицу. На мой вопрос, что они предпочитают — водку или мухоморы, — многие коряки отвечают, что мухоморы. Считается, что опьянение от них приятнее, и последствия не так мучительны, как после водки. Потребляют ее так же, как и мухоморы, больше всего люди пожилые. Старики не дают ее молодым, чтобы самим не лишиться удовольствия, и, если молодежь или женщины случайно достанут водки, они часто отдают ее старшим членам семьи. Два оленевода, которых я встретил на Палпале, были совершенно незнакомы с этим напитком. Некоторые коряки приморских селений научились у русских казаков гнать водку из голубики. Они дают ягодам забродить, потом перегоняют жидкость через трубку из одного железного котла в другой, служащий охладителем. В результате получается довольно крепкий напиток такого противного вкуса и запаха, что одна только попытка попробовать его довела меня до тошноты. Крашенинников говорит,¹⁸ что казаки на Камчатке, а по их примеру и камчадалы, гонят водку из «сладкой травы» (*Heracleum sphandilium*).

ПИТАНИЕ

В еде коряки довольно умеренны. Такие обжоры, как встречаются у якутов, среди них редки. Едят они дважды в день: утром, вскоре после вставания, и вечером до отхода ко сну. Если пищи достаточно, они едят еще что-нибудь легкое в середине дня. Оленные коряки обычно едят оленину и утром, и вечером; а приморские коряки, как правило, утром едят юколу, а вечером — мясо тюленя, если оно есть. Главный прием пищи приходится на вечер. Обыкновенно плотно питаться на ночь распространено по всей Северной Сибири.

Приморские коряки считают, что полутора штук сушеной кеты с прибавкой небольшого количества тюленьего жира достаточно на одного человека в день, если питаются исключительно рыбой. Это равно приблизительно 1.2—1.6 килограмма рыбы.¹⁹ Одной нерпы достаточно на неделю для семьи в шесть-семь человек. У оленных коряков на такую же семью оленя хватает на три дня. В селении Каменском, где я собирал сведения о числе тюленей, запасенных жителями на зиму, я получил также сведения о зимних запасах сушеной кеты. Для 18 семей, насчитывающих 100 душ, было заготовлено 34000 рыбин, т. е. по 340 штук в среднем на человека. На основании вышеприведенного расчета, этого хватит на 226 дней или семь с половиной месяцев. В предыдущей главе я говорил, что в 1901 году у жителей Каменского был в среднем запас по 14.3 нерпы на семью, что обеспечивает пищей немногим более, чем на два с половиной месяца. Таким образом, у жителей Ка-

менского было запасено пищи в среднем на десять месяцев. Время, когда нельзя рассчитывать на лов рыбы или морскую охоту, тянется не больше девяти месяцев, следовательно, каменцы имели в тот год больше, чем нужно. Излишек может рассматриваться как угощение для гостей. Не следует принимать в расчет мясо морского зверя и рыбу, которую приморские коряки дают оленным корякам, так как они получают взамен оленину.

Я говорил выше, что на семью в шесть-семь человек одного оленя хватит на два-три дня, десяти оленей — на месяц, и девяноста — на девять месяцев. Я не принимаю во внимание три летних месяца, потому что коряки редко бьют взрослых оленей на еду летом. Многие оленные коряки питаются летом главным образом рыбой, мясом телят и оленей, павших от болезней, ягодами, съедобными кореньями и травами. Если общее число оленных коряков (3748) разделить на шесть, то получится 624 семьи, для которых потребовалось бы 56 000 оленей, если бы все оленные коряки жили в течение девяти месяцев исключительно на мясе взрослых оленей. Это количество, очевидно, несколько выше действительного числа забитых оленей. Так, в 1899 году было вывезено всего 32 566 оленных шкур. Хотя половина этого числа (около 18 000) были шкурами месячных телят,²⁰ количество, по крайней мере равное вывезенному, должно было потребоваться на одежду и яранги и на обмен с приморскими коряками и русскими поселенцами самим оленным корякам. Кроме того, небольшая часть шкур, вывезенных через Гижигу, шла из Анадырского округа. Но все это количество с лихвой покрывается шкурами коряжских оленей, которые вывозятся через порты Тигиль и Петропавловск и идут на одежду камчадалов и русских на Камчатке.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ЗАПАСАМИ ПИЩИ

Мне пришлось заметить много случаев недостатка предусмотрительности в Северной Сибири. Например, юкагиры расточают свои запасы рыбы в начале зимы и щедро угощают своих якутских гостей, а к весне голодают. Недостаток умеренности и предусмотрительности мешает также росту тунгусских стад. Бедный тунгус скорее заколет своего упряжного оленя на еду, чем богатый коряк убьет своего здорового оленя. На этом воздержании основано увеличение коряжских стад. Хозяин стада, как и простой пастух, выпасая табун далеко от дома, будет питаться падалью или голодать, но не заколет оленя лично для себя. Некоторые путешественники жаловались на скаредность коряков и на их нежелание заколоть оленя для своих гостей, которых они угощают мясом животных, павших от болезни. Несмотря, однако, на все это, оленевод, как я уже говорил, заколет оленя для людей, действительно умирающих с голоду, а иногда бывает безрассудно расточителен, чтобы похвастать своим богатством.

¹⁸ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 246.

¹⁹ Вес свежей кеты, считая голову, кости, внутренности, от 2 до 5.5 кг, в среднем 3 кг.

²⁰ См. главу XII.

Приморские коряки экономно пользуются припасами, собранными в их складах, и скрывают их от посетителей, чтобы те не попросили у них чего-нибудь. Мне говорили, что в Каменском, где главный запас пищи состоит из кеты, полные склады уйка сохранялись годами на случай плохого улова кеты.

Благодаря такой предусмотрительности и отношению обилию рыбы и морских млекопитающих в коряжских водах, настоящие голодовки редки среди приморских коряков. Однако в конце семидесятых годов вдоль берегов Пенжинской губы был страшный голод, точный год которого установить мне не удалось. В тот год летом в реки рыба почти не входила; вследствие чего около берегов также почти не было и морских млекопитающих.

В результате пищи на зиму было недостаточно, и весной начался настоящий голод, в особенности когда начал таять снег и сообщение с оленными коряками и русскими сделалось невозможным. Мне говорили, что в тот год почти половина населения Иткана и часть Парени вымерло. С тех пор таких злополучных лет не бывало, хотя к весне пищи мало всегда.

Благодаря своим стадам оленные коряки могут не бояться такого голода. Бедняки обычно держатся около стада богатого родственника или следуют за ним и пользуются его помощью в случае нужды. Падежи, часто случающиеся среди оленей, естественно подтачивают благосостояние оленеводов, но в такие годы голода не может быть, так как коряки едят павших животных.

IX. ОДЕЖДА

ЗИМНЯЯ ОДЕЖДА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Зимняя одежда у обеих ветвей корякского племени делается из оленьих шкур. Шкуры других животных служат обычно для отделки и украшения зимней одежды. Только шапки и рукавицы нередко целиком делаются из меха собаки, лисицы или волка, а подошвы обуви — из шкуры нерпы или моржа. Шкуры взрослых оленей для одежды не употребляются, а идут только телячьи, начиная с новорожденных и до семимесячных. Самая теплая одежда делается из шкур шести-семимесячных телят, забитых поздней осенью. Шерсть на них тонкая, мягкая, не очень длинная, но очень густая. Одежда, сделанная из таких шкур, не только тепла, но и замечательно легка по весу. Зимние шкуры старых оленей, из которых за неимением телячьих шьют зимнюю одежду юкагиры и тунгусы, так тяжелы, что затрудняют движения человека. Одежда из шкур горного барана также тяжела.

Зимняя кухлянка. Основной покрой такой кухлянки одинаков как для мужчин, так и для женщин. Она имеет вид меховой рубашки, надеваемой через голову. Мужская кухлянка, в особенности у оленьих коряков, ездящих верхом на нартах, короче женской. Она не достигает колен, в то время как женская доходит обычно до икр. Зимняя мужская дорожная кухлянка стариков, особенно у приморских коряков, иногда прикрывает колени (рис. 70). Покрой такой же, как чукотский. Рукава очень широки в верхней части, чтобы можно было легко вынимать руки и прятать их под кухлянку, а у запястья узки, чтобы предотвратить доступ холодного воздуха. Отличается корякская кухлянка от чукотской тем, что между подолом и меховой оторочкой вставляется полоса оленьего меха шириной в 10—13 см, иного цвета, чем вся кухлянка. Если кухлянка темная, то полоса светлая, или наоборот. Чукотская женская кухлянка вообще короче корякской, из-под нее виден низ штанов, а у корякской это редкость. Чукотские кухлянки редко бывают с капюшоном, в то время как женские корякские кухлянки и часто мужские дорожные кухлянки снабжены капюшоном. Погребальная одежда никогда не шьется без капюшона. Женщины примор-

ских коряков не носят никаких шапок, довольствуясь только набрасыванием на голову капюшона. Оленные корячки ходят с открытой головой² не только дома, но даже и в стаде.

Мужская дорожная кухлянка (*laxlan-i sän*) делается двойной: она состоит из двух меховых рубашек (одна внутри другой), надеваемых и снимаемых вместе. Внутренняя рубашка — мехом к телу, внешняя — мехом наружу. Они не сшиваются одна с другой, так что их можно разделить и надевать раздельно. Наружная делается из шкур телят, убитых поздней осенью, предпочтительно из пестрых. Черные или темно-коричневые пятна на белом или сероватом фоне считаются особенно красивыми, но обыкновенно встречаются белые или серые пятна на темно- или светло-рыжем фоне. Белые или светло-серые шкуры идут только на погребальные одежды.³ Русские поселенцы или обрусевшие туземцы предпочитают черные или темно-бурые оленьи шкуры, и в некоторых местностях этот вкус начинает развиваться и у коряков. Те из них, кто занимается торговлей, и богатые оленеводы носят темные кухлянки. Внутренняя кухлянка делается из шкур более молодых телят — от одного до трех месяцев, чтобы вся кухлянка не была слишком тяжелой и не мешала движениям. Кроме того, на тело приятнее надевать нежный мех молодых телят, чем грубую шерсть более взрослых. Коряки носят меховую одежду прямо на тело. Исключая обрусевших, очень немногие коряки носят коленкоровые или ситцевые рубахи под меховыми. Раз надев рубаху, ее уже не снимают, пока она не развалится от ветхости.⁴

Женщины редко носят двойную зимнюю кухлянку, так как надевают они ее поверх двойного

² Интересно здесь отметить утверждение Тернера о том, что эскимосы залива Хадсон не носят шапок и покрывают голову только капюшоном кухлянок (*Turner L. M. Ethnology of the Ungava District, Hadson Bay Territory // Eleventh Annual Report of the Bureau of the American Ethnology. Washington, 1889—90. P. 209.*)

³ Мердок сообщает, что эскимосы мыса Барроу очень высоко ценят белые шкуры сибирских домашних оленей, нужные им для парадной одежды (*Murdoch J. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition // Ninth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1892. P. 109.*) Коряки же не носят одежды из белых шкур. См. также: *Jochelson W. The Koryak... P. 105.*

⁴ Коряки обрусевших селений носят, как русские, ситцевые рубашки, фланелевые блузы или вязаные жакеты под меховыми кухлянками. Я видел приморских коряков в американских вязаных фуфайках или куртках, кулленных у китобоев. Очень комичен был один коряк в штанах и торбазах из оленьих шкур и сюртуке по последней моде, который он носил без рубашки и жилета.

¹ *Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1905. Vol. VI. Part I. P. 106, 108.*

Рис. 70. Мужчина в зимней одежде.

комбинезона, который будет описан ниже. Обычно они носят одинарную кухлянку мехом внутрь. Наружная ее сторона, хорошо выделанная, красится в темно-красный или бурый цвет и украшается подвесками, полосками и квадратными лоскутами белого меха и бисерной вышивкой.⁵

Спереди на груди у воротника кухлянки с капюшоном пришивается меховая нагрудник, сделанный из шкурок с оленьих ног (камусов). Нагрудник служит для защиты лица от холодного ветра. В погребальной одежде им закрывают лицо покойника.

Дома или работая близ него, коряки обыкновенно даже в зимний холод носят одинарную меховую рубашку мехом внутрь или наружу. Кухлянка, надетая мездрой к телу, имеет то преимущество, что отсутствие волоса не позволяет насекомым гнездиться на ней, но, с другой стороны, она легко пропитывается потом и, высыхая, становится жесткой. Одинарная кухлянка короче двойной и не имеет капюшона. Ворот достаточно широк, чтобы голова проходила свободно. Ворот обшивается кожаными рубцом, в который продета крапивная веревочка или кожаный ремешок, завязывающиеся спереди и стягивающие ворот. В большинстве случаев к вороту одинарной кухлянки пришивается воротник из меха черной собаки. Такие воротники бывают разной ширины. Особенно широкие я видел у оленных коряков полуострова Тайгонос (рис. 71). Мех белых собак идет на отделку только погребальных одежд.

⁵ Об украшении одежды см. главу XI.

Женский зимний комбинезон. Выше говорилось, что женщины не носят меховых кухлянок прямо на тело. Под ними они носят одежду, по покрою похожую на современное женское белье в виде комбинации. Такие меховые комбинезоны носят в Сибири азиатские эскимоски,⁶ чукчанки и корячки и, по словам Нельсона, эскимоски на островах Диомида и Св. Лаврентия.⁷ В прежнее время все камчадалки тоже носили такую одежду.⁸ Корячки называют ее *ñai-kei* («женская комбинация») в отличие от детской, называемой *kei-kei*. Женская одежда состоит из широкого лифа, пришитого к широким турецким шароварам, собранным пониже колен (рис. 72). На груди и спине ворот глубоко вырезан, и в это отверстие женщины, одеваясь, просовывают ноги. Рукава очень широки и сверху и внизу, так что легко можно вынуть руку, что приходится делать, когда хотят спустить вниз или снять одежду. Делают женские двойные зимние комбинезоны из таких же телячьих шкур, какие употребляют для мужских зимних двойных кухлянок. Внизу штанины комбинезона обшиваются кожаными рубцом, в который продевается шнур, чтобы стянуть и завязать штанины поверх голенища обуви. Комбинезоны корячек легче по весу, тщательнее сделаны и не так затрудняют движения, как чукотские, которые представляют собой просто большой кожаный мешок с четырьмя приставками для рук и ног. Корякская отделка комбинезона тоже красивее, чем чукотская. Нижние части рукавов и штанины часто шиваются из чередующихся темных и белых вертикальных полос камуса. Края рукавов часто состоят из расположенных в шахматном порядке квадратиков темного и светлого камуса. Погребальные женские одежды отделяются с особенной тщательностью и очень красивы. Оленные корячки не так обращают внимание на отделку своей одежды, как приморские. Рисунок 72 изображает богатую оленную корячку с Тайгоноса в комбинезоне. Комбинезон надет не на голое тело, а на ситцевую рубашку.

Вырез ворота и рукава обшиваются по краю полосками собачьего, волчьего или вообще какою-нибудь длинношерстного меха. Старухи закрывают шею родом боа из беличьих хвостов, которые достают у тунгусов, или шерстяными шарфами, купленными у русских.

В то время, как чукотские женщины не надевают верхней одежды, находясь у дома, а работая у костра или очага, обнажают правую руку или всю грудь, чтобы иметь большую свободу движений, корячки стыдятся, если чужой увидит их в одном комбинезоне. Ни одна приморская корячка не согласилась встать перед фотоаппаратом без верхней кухлянки в одном комбинезоне. Моей

⁶ *Bogoras W.* The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // *Memoirs of the American Museum of Natural History.* New York, 1904. Vol. VII. Part I. Ch. XI.

⁷ *Nelson E. W.* The Eskimo about Bering Strait // *Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology.* Washington, 1899. P. 30.

⁸ *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 64; *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt; Leipzig, 1774. P. 37.

Рис. 71. Танец оленных коряков.

жене удалось в Каменском уговорить одну маленькую девочку-сироту лет одиннадцати-двенадцати сняться в одном комбинезоне, но и та вдруг отказалась, потому что ее дядя сказал, что не надо так делать. У оленных коряков девушки тоже отказывались сниматься без кухлянки, а женщины соглашались. Обычно же оленные корячки снимают кухлянки только в пологе. На Палпале, где корячки приходят в соприкосновение с чукчами, корячки тоже выходят из дому и работают в одних комбинезонах. Крашенинников⁹ говорит, что камчадалки его времени носили только комбинезоны. Отсюда возникает вопрос, является ли у корячек скромность в этом отношении результатом русского влияния или она зависит от различия в половых отношениях у коряков, камчадалов и чукчей, порождающих различный взгляд на скромность.

Когда жарко или во время работы, корячки вынимают правую руку из рукава комбинезона и оставляют его болтаться пустым под верхней одеждой. Дома они постоянно так носят свои комбинезоны, и рукав висит под складками кухлянки. В комбинезонах нет других отверстий, кроме ворота, через который в него влезает, и отверстий штанин для ног. Поэтому, чтобы удовлетворить свои естественные потребности, корячка должна вынуть руки из рукавов и спустить комбинацию вниз к ногам. Чукотские женщины делают это открыто, а корячки производят эту сложную операцию под кухлянкой. Сначала они вынимают руки из рукавов кухлянки, потом вынимают их из рукавов комбинезона и опять продевают в рукава кухлянки. Потом, садясь на корточки, они складывают рукава на коленях. В корякских селениях или стойбищах можно часто видеть женщин, сидящих таким образом и продолжающих разговор со своими со-

беседницами или мужчинами. Подол кухлянки касается земли и придает сидящей совершенно непринужденный вид. Вставая, они почти незаметно приводят в порядок свой туалет.

В дорогу богатые корячки надевают поверх меховой кухлянки широкую рубаху с капюшоном из

Рис. 72. Женщина в комбинезоне.

⁹ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 64. Теперь большинство камчадалов одеваются совершенно так, как русские поселенцы.

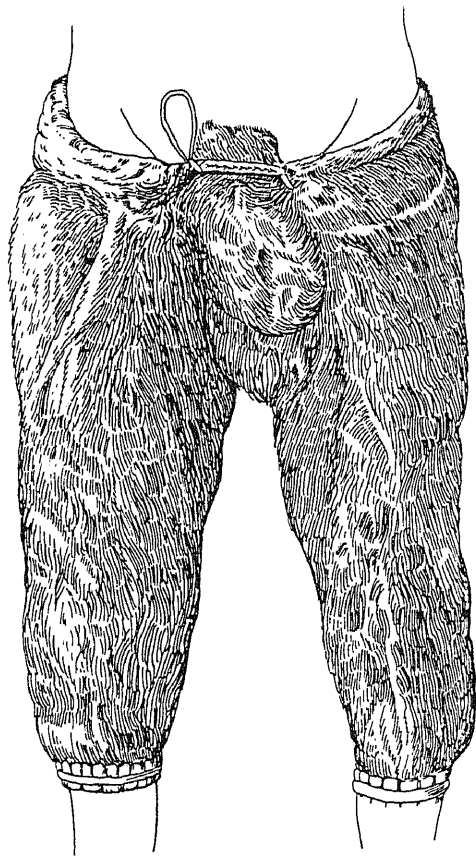

Рис. 73. Мужские зимние штаны.

Рис. 74. Мужские короткие торбаза — а; женские высокие торбаза — б.

выделанной или продымленной оленьей шкуры, из фланели или из ситца. Такая камлея спасает от ветра и предохраняет меховую одежду от снега, который, тая, проникает в мех и служит причиной выпадения шерсти. Камлея из яркого ситца, фланели или другого ввозного материала сделалась теперь принадлежностью щегольского наряда. Богатые коряки покупают для этого красное сукно по дорогой цене. Так, за ярд самого грубого красного сукна нередко дают в обмен лисицу-крестовку.

Я купил у оленных коряков на Тайгоносе пальто из оленьего меха с разрезом спереди, как у куртки. Такие кухлянки можно встретить и в других местах, хотя довольно редко, и они, по-видимому, являются подражанием русским образцам. От тунгусских кафтанов они отличаются тем, что полы наверху сходятся, тогда как у тунгусов они срезаны, как у визитки.

Мужские зимние штаны. Зимние штаны делаются двойными, как и кухлянки (рис. 73). Внешние шьются из лохматых шкур взрослых телят. Пояса у штанов нет. Верхний край обшивается кожаным рубцом, в который пропущен шнур для стягивания. Штаны спереди закрывают только низ живота на уровне паха, сзади они выше — до верха таза. Штаны имеют тенденцию сползать вниз, а потому постоянно можно видеть, как коряки подтягивают их, проводя руками поверх кухлянки. Никакой прорези спереди для мочеиспускания нет. В ней нет нужды, поскольку штаны проходят по самому низу живота. Спереди, где шнур завязывается, пришит кусок меха, который

или пропускается под узел, или обертывается вокруг него, чтобы не резать живота.

Мужские штаны плотно прилегают к телу, сужаясь к низу, они достигают икр, где стягиваются и завязываются так же, как на поясе. Голенища торбазов стягиваются поверх штанов. Оленные коряки, в особенности на Палпале, носят широкие зимние штаны чукотского покроя, которые доходят до щиколотки и завязываются поверх коротких голенищ торбазов.

Изредка встречаются мужские зимние штаны с пришитой к ним обувью. Они представляют собой или подражание какому-нибудь чужому образцу, или пережиток старого обычая. У юкагиров можно найти очень высокие торбаза, доходящие до бедер, где они пристегиваются или привязываются к коротким натазникам. Нельсон пишет, что нижняя одежда женщин у эскимосов состоит из соединенных штанов и торбазов,¹⁰ а Мердок говорит, что у эскимосок мыса Барроу штаны соединены с обувью и что иногда и мужчины носят такую же одежду.¹¹

Зимняя обувь. Зимняя обувь состоит из меховых сапог *plâkit* и чулок, доходящих до колен. Торбаза обыкновенно делаются из шкуры с оленьих ног. У камуса мех короткий, блестящий, и он прочнее других частей оленьей шкуры. Мужские торбаза либо короткие (рис. 74, а), немного выше щиколотки, либо с голенищами до колен (рис. 75). У тех и других над пяткой с обеих сторон при-

¹⁰ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 30.

¹¹ Murdoch J. Ethnological Results ... P. 126.

шиты за щиколоткой два маленьких ремешка, которые крепко завязываются вокруг ноги на подъеме. Края голенищ коротких торбазов подсовываются под штаны, штанины которых натягиваются поверх них, а голенища высоких торбазов надеваются поверх штанов и крепко завязываются на ноге повыше икры или при помощи двух ремешков, пришитых к краю голенища, или ремешком, продетым в рубец по срезу голенища. Высокие торбаза более обыкновенны, как видно на всех рисунках этой книги, показывающих коряков и их одежду. Любопытно, что для погребальной мужской одежды употребляются всегда короткие торбаза.¹² Это заставляет думать, что низкие торбаза древнее.

Подошва делается из лахтачей кожи или из моржовой шкуры, расщепленной надвое. Часто к коротким зимним торбазам (*lulu-plákit*) пришивают косматую подошву, сшитую из кусочков крепкой шкуры, покрывающей нижнюю часть оленьей ноги между копытами, где шерсть длинная, крепкая и густая. Такая подошва греет ногу, мягка для ходьбы, и шерсть ее так прочна, что долго не стирается. Кроме того, такие мохнатые подошвы не скользят на гладком льду. Иногда для этой же цели употребляются шкуры с медвежьих лап.

Зимняя обувь коряков делается такого большого размера, что толстые меховые чулки свободно входят в нее и не жмут ногу. Для этого же подошва загнута кверху кругом всей ступни, и носы чулок и торбазов делаются полукруглыми и широкими, чтобы пальцы могли свободно двигаться. Пришивается подошва сухожильными нитями к полоске кожи, которая вставляется между ней и головкой. Полоска эта шириной в полтора-два пальца, обыкновенно яркого цвета и вставляется отчасти как украшение, а отчасти, чтобы сгладить боковой шов.

Другими украшениями торбазов служат вставленные полосы белого меха или красного сукна и пучки меха новорожденного тюленя, выкрашенные в красный цвет. Женские торбаза чаще украшаются, чем мужские. Женские погребальные торбаза орнаментированы очень изящно.¹³ Мужские погребальные торбаза (*vi'a-plákit*)¹⁴ — белые, как и другие части погребальной одежды, и делаются из камусов белых оленей. Белые торбаза украшены шевронами из полосок темной кожи. Женские танцевальные торбаза¹⁵ для китового праздника и для других праздников украшены рядами треугольников из белой кожи и вышивкой цветным шелком.¹⁶

Женские зимние торбаза отличаются от высоких мужских не только своей отделкой, но и тем, что голенища их шире и сделаны не из камуса, а из лохматого стриженного меха осенних телят. Поэтому ноги женщин кажутся очень толстыми в икрах между верхними и нижними завязками обуви (рис. 74, б).

Рис. 75. Мужчина, несущий мешок.

Чулки делаются из шкур взрослых телят и носятся мехом внутрь. Торбаза с чулками составляют двойную обувь, как две одиночные рубашки составляют двойную кухлянку, и большею частью они надеваются и снимаются вместе. На ночь, однако, чулки, носившиеся днем, вынимаются из торбазов, выворачиваются и вывешиваются сушиться над очагом или на свежем воздухе.

Шкуры для чулок выдвельваются мягкие, и мездра красится в коричневый цвет.¹⁷ Шьются чулки с полукруглым носком, как раз по обуви. Покрой чулок отличается от торбазов только отсутствием полоски вокруг подошвы. К верхнему краю каждого чулка пришивается ремешок. Они связываются, когда пара чулок вешается на просушку. Прежде чем вложить в торбаз чулок, внутрь обуви кладется слой сухой травы, запас которой всегда под рукой. Травяная стелька придает мягкость при ходьбе и охраняет ногу от ушиба. Траву надо часто менять, чтобы она была всегда суха и мягка.

В дороге в очень холодную погоду или когда приходится спать под открытым небом под чулки надевают еще носки из заячьей шкурки. Я видел также, как некоторые из моих каюров, приморских коряков, надевали сверх своих торбазов огромные калоши из зимней шкуры оленей, когда нужно было спать на снегу у костра. В этом случае они натягивали сверх короткой кухлянки еще двойную длинную, втягивали внутрь голову и руки и ложились на снег головой к огню. Эти большие меховые калоши, по-видимому, русское изобретение и недавно переняты коряками. Вообще же коряки не особенно заботливо защищают себя от холода, когда спят на воздухе. Нередко пастухи

¹² См.: Jochelson W. The Koryak... P. 106, fig. 47.

¹³ Ibid. P. 109, fig. 53.

¹⁴ Ibid. P. 106, fig. 47.

¹⁵ Ibid. P. 68, fig. 27 b.

¹⁶ См. главу XI.

¹⁷ См. главу X.

проводят холодные ночи в одной только подпоясанной одинарной кухлянке. Чулки для коротких мужских торбазов тоже коротки.

Зимние шапки и рукавицы. Зимняя шапка (*laxlan pénken*) двойная и шьется из шкур оленьих телят. Внутренней подкладкой служит шкура новорожденного или месячного теленка, а верх часто делают из собачьих или волчьих лап. Спереди и сзади шапка отделяется полосой косматого собачьего или волчьего меха. Дорогие шапки обшивают кругом мехом россомахи. Верх у нее закруглен, и по форме она напоминает старушечий чепец (рис. 76). Спереди меховая оторочка защищает от холода лоб, сзади закрывает затылок и шею. Довольно длинный кожаный ремень пришит к углам шапки спереди; его перекрещивают под подбородком и надевают на темя так, что он придерживает шапку и прижимает ее к голове. Когда коряку слишком жарко, он сбрасывает шапку назад, и она висит на ремне, который остается лежать вокруг шеи. Теплую двойную шапку носят с кухлянкой без капюшона. А шапку с легкой оторочкой надевают с кухлянкой, имеющей большой меховой капюшон. Пастухи, которым постоянно приходится бегать за стадом, носят кухлянки без капюшона и легкие шапки. Верхнюю кухлянку они надевают обыкновенно только на ночь.

Женщины редко носят шапки. Приморские корячки, выходя из дому, набрасывают зимой на голову капюшон кухлянки. Только оленные корячки, кочуя с места на место, носят под капюшоном шапку. Женская шапка по форме не отличается от мужской. В женской погребальной одежде нет шапки, что указывает на то, что в былые времена корячки шапок не носили.

Корякская меховая шапка красивее и аккуратнее чукотской. Кроме красивой отделки, у нее на макушке и на затылке часто делается орнамент из чередующихся белых и черных телячьих камусных полос или ромбов. Сзади пришиты длинные кисточки из шкурок молодых нерп, выкрашенных в красный цвет, а по бокам вышиты разноцветным бисером розетки. К макушке шапки иногда пришивают два кусочка меха или кожи, торчащих, как лисьи уши. Некоторые малахай не закруглены на макушке, а имеют выступающие по бокам углы. Погребальная мужская шапка по форме похожа на разукрашенную ермолку с пришитыми к ней наушниками и вышитым кожаным ремнем,¹⁸ чтобы завязывать ее под подбородком.

Мужчины, правящие собачьими и оленьими упряжками и пасущие стада зимой, носят рукавицы из камуса. Мех камуса короткий, прочный и блестящий. Он не выпадает от сырости. Кроме того, эти рукавицы легки и чрезвычайно мягки, если хорошо выделаны, так что не мешают держать повод или погонялку или вообще в дороге исполнять какую-нибудь работу. Они не очень теплы, потому что обычно делаются не двойными, шерстью вверх. Иногда, впрочем, делают подкладку мехом внутрь из шкурок новорожденного оленя; но молодежь обходится без подкладки и не чувствует холода. Легкие рукавицы делают еще из

Рис. 76. Зимние шапки — а, б.

шкурки с собачьих лап. Женщины носят обычно теплые двойные рукавицы с оторочкой из меха собаки, волка или лисицы вокруг запястья. Верхние рукавицы сделаны из выделанного пыжика; нижние — из шкурки новорожденного теленка.

¹⁸ См.: Jochelson W. The Koryak... P. 107, fig. 48.

ка. Рукавицы, сделанные из волчьих лап с подкладкой из выворотки, считаются теплыми и красивыми.

ЛЕТНЯЯ ОДЕЖДА

Вообще говоря, летняя одежда мало отличается от зимней. Настоящих жарких дней летом очень мало. Летом, поздней весной и ранней осенью носят старую, потертую зимнюю одежду, только одинарную. К этому времени мех сильно вытирается, и у коряков вид оборванный и непривлекательный. Это относится в особенности к оленним корякам, у которых нет специальной летней одежды, так как они бродят со стадами по гористым местам, где холоднее, чем в долинах; но коряки, живущие в долинах и вблизи устьев рек, в особенности в селениях по морскому берегу, заводят себе особенную одежду для самого жаркого времени.

Летняя камлея. Обыкновенная летняя одежда (*alákin-isān*) представляет собою рубашку из выделанной дымленой оленьей шкуры и одинаково носится и мужчинами, и женщинами. Женская камлея длиннее и чаще снабжена капюшоном. Иногда к ней пришивается воротник из собачьей шкуры. Очень часто материалом для этих камлеек служит верхняя часть покрышки яранги, которая долго подвергалась воздействию дыма. Продыmlенная шкура более водонепроницаема и не делается жесткой после дождя.

Камлейки из непрокопченной ровдуги, которые зимой носят поверх меховой одежды, украшенные иногда штампованным орнаментом (рис. 77), тоже используются в качестве летней одежды, но их не надевают в дождь или на рыбную ловлю и морскую охоту, потому что они становятся жесткими от воды.

В период морской охоты, в особенности в сырую и холодную погоду, коряки носят кухлянки из собачьих шкур мехом внутрь. Они считаются хорошей непромокаемой одеждой. К ним редко пришивают капюшоны, и носят их больше парни лет до двадцати. Дома, даже зимой, мальчики носят собачьи кухлянки (рис. 78—79). Летняя собачья кухлянка всегда пропитана рыбьим и тюленьим жиром и грязна до крайности.

Я никогда не видал, чтобы коряки, как эскимосы, носили кухлянки из тюленьих шкур как непромокаемую одежду. Думаю, что отсутствие одежды из тюленьих шкур вызвано недостаточным количеством тюленей, потому что тюленьих шкур требуется очень много в домашнем хозяйстве и на обмен.¹⁹ Точно так же я никогда не видал одежды из птичьих шкурок или из тюленьих кишок, которые, говорят, носили прежде.

Летом и осенью носят также камлеи, сделанные из зимних оленьих шкур со снятой шерстью или из летних шкур оленей, убитых сейчас же после

Рис. 77. Камлея с рисунками, нанесенными штампом.

линьки, с короткой новой шерстью. Женщины носят такие камлеи мездрой наружу. Камлея всегда хорошо выделана, выкрашена в бурый цвет и отделана полосками белой кожи, пучками шерсти, розетками, выполненными в технике аппликации, и другими украшениями. Приморские коряки носят такие камлеи дома даже зимой. Танцевальные кухлянки *milau-isān* делаются так же, только они изящнее украшены, чем повседневная одежда.²⁰ У мужского танцевального костюма нет капюшона.²¹

Летние штаны и комбинезоны. Среди лета мужчины носят штаны из ровдуги, покрой которых не отличается от зимних; а женщины под камлею надевают ровдужные комбинезоны. Ровдуга, из которой все это делается, — обыкновенная мягко выделанная оленья шкура или дымленина. Последняя употребляется для непромокаемой одежды на время рыболовного сезона. Редко можно встретить мужские непромокаемые штаны из тюленьей шкуры. Во время морской охоты приморские коряки, в особенности молодежь, часто носят штаны из собачьих шкур. Осенью и даже летом в прохладные дни коряки носят старые, вытертые одинарные зимние штаны из оленьих шкур.

Летняя обувь, шапки, рукавицы и перчатки. Летняя обувь состоит из одних длинных или коротких торбазов. Летом не носят чулок, а только вкладывают в обувь травяную стельку. На обувь берутся камусы телят или щенков, выделанные шкурки акибы и грубо выделанная кожа оленей. Летняя и зимняя обувь шьется одинаковым покроем, только летняя меньше, так как носится без чулок. Подошвы всей летней обуви делают из лахтачьей шкуры или моржовой шкуры, расщепленной надвое. Короткую обувь носят только мужчины. Ремешки нижнего среза штанов завязываются поверх голенищ короткой обуви. Высокие же мужские и женские торбазы, доходящие до колен, завязываются ремешками поверх штанов. Непро-

¹⁹ Судя по одной из сказок (*Jochelson W. The Koryak... P. 162*), одежда из тюленьих шкур считается коряками принадлежностью людей бедных. Из этого можно вывести заключение, что в старые времена, когда олень еще не был одомашнен, одежда из тюленьих шкур использовалась.

²⁰ См.: *Jochelson W. The Koryak... P. 68, fig. 27.*

²¹ *Ibid. Plate I, fig. 1.*

Рис. 78. Корякские дети.

Рис. 79. Мальчик-коряк.

мокаемая обувь делается из шкуры акибы, пропитанной ворванью. Обувь из дымленных шкур не так скоро промокает, как сшитая из недымленных. Часто только головки делают из тюленьей шкуры или из дымленины, а голенища из простой ровдуги. У приморских коряков я видел длинные непромокаемые сапоги, доходившие до бедер. Подошвы их делаются из лахтачей шкуры, а головки и голенища из шкуры акибы.

Женская летняя обувь, как и мужская танцевальная, делается из ровдуги и украшается полосками тонкой, мягкой белой кожи с собачьей шеей, образующими так называемый «зубчатый» орнамент. Иногда носки до подъема делают из шкуры акибы, выкрашенной в черный цвет, а подъем и голенища — из оленьей шкуры, окрашенной бурой краской. Приморские корячки надевают такую обувь и зимой в доме, или приходя домой после работы на дворе, или на время, когда сушат другую обувь после поездки. Такие ровдужные торбаза, надеваемые временно для замены зимних, делаются размером больше летних, чтобы надевать их на чулки.

Я уже говорил, что даже зимой женщины редко носят шапки, а покрывают голову капюшоном, пришитым к кухлянке. Летом они тоже ходят с непокрытой головой, а в плохую погоду накидывают на голову капюшоны своих летних кухлянок. Теперь многие женщины повязывают голову платком, как в обычае у русских.

Мужские летние головные уборы делаются из шкуры телят или из выделанной шкуры акибы с неснятым мехом. Последний материал употребляют больше приморские коряки.

Летние рукавицы делаются из выделанной шкуры оленя или из выделанной шкуры акибы или ларги. В сезон морской охоты приморские коряки носят рукавицы из собачьих шкур.

Коряки очень редко носят перчатки, которые, судя по покрою, они переняли у соседних тунгусов. Верх и низ каждой перчатки кроются одинаково, складываются вместе и края ладони и пальцев сшиваются сухожильными нитками. Большой палец кроится отдельно из двух тоже одинаковых кусков, которые сшиваются вместе, а потом вставляются в отверстие, оставленное под указательным пальцем.

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА

Одежда для детей до пяти-шести лет, а иногда и немного старше, состоит из комбинезона, как женская исподняя одежда, и называется *kei-kei* или *mālŋi-kei* («раздвоенный *kei*»). Детский комбинезон в некоторых деталях отличается от женского. К нему часто пришивается капюшон. У него имеется длинный разрез между обеими штанинами и меховой клапан (*māka*), пришитый к разрезу сзади. На внутреннюю сторону этого клапана кладут сухой мох и толченое гнилое дерево. Пропускают его вперед между ног, и два ремешка, пришитых к его концам, обвязываются вокруг у пояса. Испражнения ребенка впитываются мхом и гнилушками и остаются там, пока мать не развя-

Рис. 80. Девочка-корячка.

жет клапан. Грязный мох выбрасывается, тело ребенка вытирается чистым мхом, и клапан завязывается опять. У младенцев рукава и штанины комбинезона зашиваются.²² У грудных детей до года и больше всегда есть два комбинезона: один для дня из мягких телячьих шкурок, другой для ночи из тонких шкурок новорожденных телят или из выделанной ровдуги. Старшие дети спят голыми, как взрослые, и у них только одна одежда для дня. Детская ночная одежда делается легкой для того, чтобы им не было слишком жарко под меховым одеялом. Надевается она для того, чтобы постель не пачкалась. Это тем более необходимо, что у коряков нет ни колыбелей, ни люлек, и дети спят с матерью под одним одеялом из оленьих шкур.

Дети, которые уже на ногах, бегают по дому и по стойбищу с развязанным клапаном, болтающимся сзади, как хвост. Когда стойбище собирается кочевать, клапан подвязывают, как у грудных детей. Когда дети начинают ходить, в рукавах комбинезона у запястья делают прорезь, чтобы они могли высовывать и опять прятать свои ручонки, и вместо глухих штанов на них надевают торбаза и чулки. В стойбищах оленьих коряков я видел детей семи и восьми лет в комбинезонах с отвязанными клапанами, свисающими сзади. На рисунке 78 изображены мальчик и девочка семи-восьми лет с подвязанными клапанами. Так как это было в апреле, и температура была не ниже -15 градусов Цельсия, они уже были без капюшо-

на, а девочка даже высвободила правую руку и с оголенной грудью играла под открытым небом. Примерно в пять лет мальчики и девочки начинают носить такую же одежду, как и взрослые (рис. 79—80).

КУХЛЯНКИ С ХВОСТАМИ

Интересно отметить, что подола погребальных кухлянок,²³ главным образом мужских, кончаются сзади хвостообразным мысом. Очевидно, что прежде и обыкновенные кухлянки кроились так же. В некоторых мифах мы находим описания подобных хвостов, считавшихся украшением обыкновенных кухлянок.²⁴ Стеллер, описывая камчадалскую одежду, говорит, что только женские кухлянки были с хвостами,²⁵ а Крашенинников рассказывает, что мужчины-камчадалы тоже носили кухлянки с хвостом, и соответственно различались кухлянки с ровно срезанным подолом и хвостатые.²⁶

На Колымской тундре у оленьих юкагиров, позимствовавших покроем распашного кафтана от тунгусов, спина кафтана делается длиннее переда. Нечто подобное мы видим и в кухлянках енисейских тунгусов, как их описывает Миддендорф.²⁷ Как известно, своеобразные кухлянки эскимосских женщин глубоко разрезаны по бокам, так что спереди и сзади подол с закругленными разрезами свисает в виде передника и хвоста, причем последний длиннее. У большинства эскимосов только мужчины носят кухлянки с ровно срезанным подолом, но Нельсон говорит, что от устья Юкона до мыса Барроу одежда мужчин немного длиннее сзади, чем спереди.²⁸ Это заставляет вспомнить хвосты кухлянок народностей Северо-Восточной Сибири. Описывая одежду племени иглулимиутов, Пэрри говорит, что у мужчин на одежде сзади есть хвост, но он короче, чем у женщин.²⁹ По Боасу, у эскимосов Кумберландского пролива тоже есть короткие хвосты на кухлянках,³⁰ так же как и на одежде из оленьих шкур эскимосов Гудзонова залива.³¹ Очень возможно, что этот покрой задней части одежды всех перечисленных народностей имеет общее происхождение. Насколько я знаю, у чукоч хвостов на кухлянках нет, что показывают и иллюстрации, приводимые Богоразом.*

В настоящее время все корякские кухлянки, кроме погребальных, кроются с ровным подолом, не исключая танцевальных и шаманских.

²³ Jochelson W. The Koryak... P. 106, fig. 44.

²⁴ Так, например, в одной из сказок (см. там же. P. 217, № 59) у жены Завистливого была вышитая меховая кухлянка с хвостом.

²⁵ Steller G. W. Beschreibung... P. 307.

²⁶ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 61.

²⁷ Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1869. Т. II. С. 702.

²⁸ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 34.

²⁹ Parry W. E. Journal of a Voyage for the Discovery of a North-West Passage between the Atlantic to the Pacific in 1821—23. London, 1824. P. 495.

³⁰ Boas F. The Eskimo of Baffin Land and the Hudson Bay // Bulletin of the American Museum of Natural History. New York, 1901. Vol. XV. Part I. P. 50.

³¹ Turner L. M. Ethnology of the Ungava, Hudson Bay Territory. P. 211, fig. 51.

²² Bogoras W. The Chukchee... P. 252, fig. 184.

УКРАШЕНИЯ, ПРИЧЕСКА, ТАТУИРОВКА

Об отделке одежды я буду говорить позже.³² Здесь же скажу несколько слов о персональных украшениях. В первой части монографии я уже говорил о заговоренных браслетах, ожерельях, подвесках для волос, татуировке лица и других частей тела, которые играют роль «защитников». Эти амулеты почти всегда отличаются от обыкновенных украшений, не имеющих никакого отношения к магии (ни эстетичностью, ни симметрией). Так, сделанные из шкур или волос ремешки служат амулетами, которые носят на руках, ногах и шее. Латунные же и бисерные браслеты и серьги³³ сделаны гораздо лучше, чем соответствующие амулеты. Головные украшения, носимые женщинами (рис. 81), легко отличить по их изяществу от бусин, лоскутков, пучков меха оленя, зайца или волка, которые вплетаются в волосы как амулет

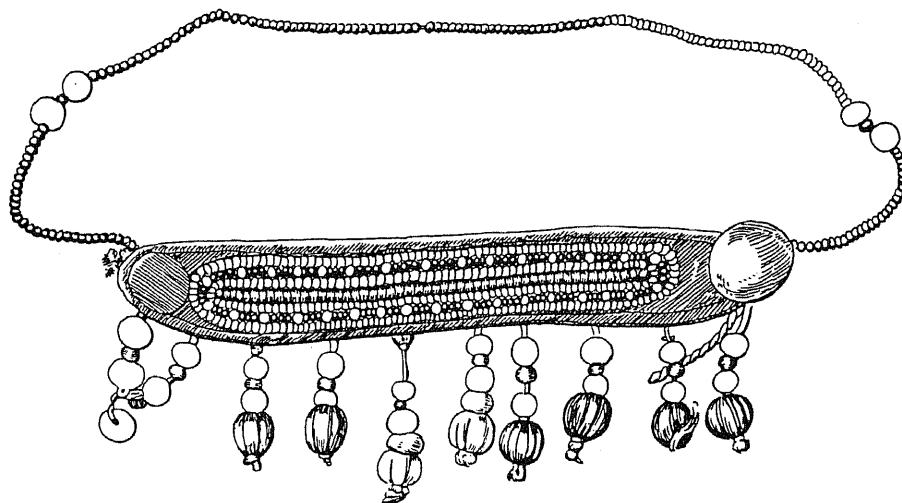

Рис. 81. Женское накосное украшение.

против головной боли. Почти все корякские женщины носят на голове украшение (рис. 82), которое состоит из нитки бус с двумя большими металлическими пуговицами на концах и полоски кожи с подвесками на затылке. Иногда задняя часть делается только из металлической цепочки без кожного основания.

Корякские женщины делают волосы пробором от лба до шеи и заплетают их в две косы так, что каждая начинается от ушей. Таким образом, весь затылок открыт для украшенной кожаной полосы, которая идет почти от уха до уха. Такую прическу можно встретить у эскимосок, чукчанок и тундренных юкагиров. Еще и теперь к концам кос привязываются каменные подвески.³⁴ Вообще же косы завязывают ремешком или сухожильным шнурком, на который нанизаны бусины, и они лежат или на спине, или, чаще, на груди.

Мужчины состригают или сбрасывают острым ножом волосы с середины головы так, что образу-

ется круглая тонзура, как у католических священников, и оставляют вокруг нее густое кольцо коротких волос, так что лоб открыт и волосы сняты с низа затылка и вокруг ушей. Волосы иногда придерживаются ремешком, который коряки завязывают во время борьбы, бега, ухода за стадом или работы.

Татуировка как украшение почти вышла из употребления. Раньше я уже говорил о ней как о средстве защиты.³⁵ Татуировка ради украшения практикуется только женщинами, но я видел мало татуированных женщин, и все они были замужем. Две из них были бездетны, так что, может быть, татуировка была сделана как средство от бесплодия. То, что раньше она была широко распространена среди женщин, можно заключить из некоторых мифов. Так, рассказывается,³⁶ что Речной Человек, превратившись в женщину, татуировал свое лицо, чтобы понравиться *Illá*. Ни Стеллер, ни

Крашенинников не упоминают о том, чтобы камчадалы татуировались, но оба говорят, что они красили лица красным и белым.³⁷ Татуировка как украшение называется у коряков *lō-kele*, т. е. «раскрашивание лица». Может быть, это название относится и к раскраске лица красками — обычаю, который больше не встречается, но намеки на него можно найти в мифах. Например, сказано, что старший сын Великого Ворона разрисовал свой живот.³⁸

Судя по описаниям Нордквиста и Богораза, татуировка чукок более сложна, чем у коряков. Татуировка корячек, которую мне довелось видеть, состояла из двух или трех горизонтальных линий поперек носа или двух-трех равно отстоящих друг от друга изогнутых линий на щеках и подбородке. Коряки и другие племена Восточной Сибири, практикующие татуировку, наносят узор не уколами, а протягивают под кожей иглу с ниткой, смазан-

³² См. главу XI.

³³ См. главу X.

³⁴ См. рис. 92.

³⁵ *Jochelson W. The Koryak...* P. 46.

³⁶ *Ibid.* P. 304.

³⁷ *Steller G. W. Beschreibung...* P. 300; *Крашенинников С. П. Описание...* Т. 2. С. 68.

Рис. 82. Женщина, несущая ребенка.

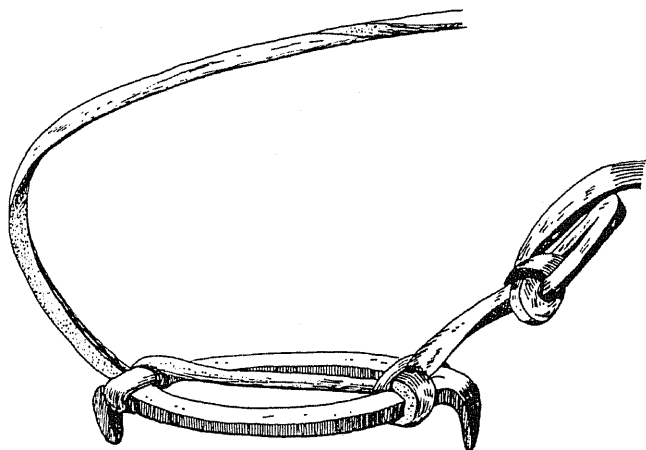

Рис. 83. Подковки для ходьбы по льду.

ной жиром с углем. Поэтому русские называют корякскую татуировку «вышивкой лица». От одного коряка я слышал, что накалывание и втирание в уколы жирной черной краски тоже применялось в прежние времена.

ОЧКИ, ЛЫЖИ, ПАЛКИ И ШИПЫ

Коряки, как и все другие полярные народы, надевают очки, чтобы защитить глаза от ослепительного света, отражающегося весной от снежных полей. Очки эти делаются из бересты или из дерева

с щелкой для глаз.³⁹ Весной защищать глаза особенно необходимо пастухам, которые постоянно на открытом воздухе, и каюрам, берущимся за перевозку товаров на собачьих нартах.

Лыжи бывают двух родов. Одни, короткие, называются *welvi-yegit* («вороньи лапы»). Они состоят из ивовой рамы, переплетенной ремнем.⁴⁰ Пастухи и охотники носят их, чтобы ходить по неровной местности и по твердому снегу. Лыжи другого рода длинные и называются *ti-yegit*.⁴¹ Они делаются из тонкой осиновой доски с заостренными концами и носом, поднятым кверху, и подбиваются камусом с ворсом, обращенным назад. Эти лыжи удобны для ровной местности и хорошо держатся на мягком снегу благодаря своей легкости и большой поверхности. Когда ходят на «вороньих лапах», то часто поднимают и переставляют ноги, как при ходьбе, на длинных же — только скользят. Эскимосы, которым на охоте за тюленями приходится переходить по неровному и торосистому льду, надевают лыжи, аналогичные корякским «вороньим лапам»,⁴² а длинными пользуются больше охотники, вроде тунгусов и юкагиров, которые преследуют диких зверей в лесах и речных долинах, покрытых глубоким и мягким снегом.

Коряки, как правило, сами длинных лыж не делают, а покупают их у тунгусов. Мех подклеивается снизу лыж рыбьим клеем. Края шкуры загибаются на верхнюю сторону.

На гладком и скользком льду коряки привязывают к подошвам торбазов железные шипы (рис. 83), которые прежде делались из плавникового дерева или кости.

Я редко видал палки для передвижения по снегу с привязанным кольцом, как у чукоч и эскимосов. Коряки чаще употребляют обыкновенные ивовые трости — такие, как используются для ходьбы из одного селения в другое, от стойбища к стойбищу и на бегах (рис. 84).

ЯРМО И ЛЯМКИ

Для переноски тяжестей при ходьбе пешком коряки-мужчины употребляют деревянное ярмо, называемое *létel*. Оно обыкновенно делается из ольхи и ивы и состоит из плоской палки около 50 сантиметров длиной, отструганной и слегка изогнутой по форме груди (рис. 85), с зарубками на обоих концах для прикрепления петлей ремней, которые привязываются к ноше. При переноске тяжестей ярмо кладется на грудь, ремни ложатся на предплечья, а весь груз лежит на крестце. Это неуклюжий способ переноски тяжестей. Ярмо давит на грудь, ремни мешают движению рук, тяжесть лежит слишком низко на спине. Чтобы при ходьбе ярмо не съезжало вниз, его привязывают ремнем к шее или к воротнику куклянки.

Если способ переноски тяжестей ярмом, употребляемый мужчинами, встречается также у эски-

³⁹ Bogoras W. The Chukchee... P. 260, fig. 192 a, b.

⁴⁰ Ibid. P. 261, fig. 193 b.

⁴¹ Ibid. P. 261, fig. 193 a.

⁴² Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 212—214; Boas F. The Eskimo of Baffin Land... P. 40, 41.

Рис. 84. Бер.

Рис. 85. Мужское нагрудное ярмо (длина 53 см).

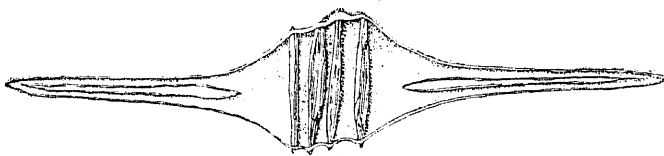

Рис. 86. Женская ляжка для ношения тяжестей (длина 108 см).

мосов,⁴³ то женский способ можно встретить у многих индейских племен.⁴⁴ Изображение ляжки запечатлено в памятниках древней Мексики.⁴⁵ В ходу она и у айнов. У древних камчадалов ляжку употребляли только женщины, а мужчины ярмо, как корячки.⁴⁶ Корячки кладут ношу, а также своих детей в травяные, крапивные или кожаные мешки, которые они носят на спине при помощи головной ляжки, надеваемой на лоб. Рисунок 82 показывает, как при помощи ляжки женщины носят детей на спине в мешке и без него. Головная ляжка делается из крепкой лахтачей кожи. На рисунке 86 показана развернутая ляжка. Маленькие палочки в середине вставляются, чтобы вытягивать кожу и делать ее тоньше. Концы ляжки имеют прорези, в которые вдеваются и завязываются ремни мешков, деревянных и кожаных ведер.

МЕШКИ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ОДЕЖДЫ

Корячки хранят свою запасную одежду в мешках, сделанных из шкур акибы, ларги или кры-

латки. Мездра шкур выделяется, а ворс на них оставляется. Мешки делают мехом наружу, двух типов, как у эскимосов: широкие мешки с отверстием сверху, завязывающимся ремнями, и длинные, напоминающие по форме тюленя, или даже сделанные из цельной шкуры тюленя, ласты которого зашиваются. Отверстие в виде прорези поперек груди зашнуровывается.⁴⁷ Приморские корячки кладут в такие мешки неупотребляемые вещи и запасное платье и держат их или в доме, или на складах. В домах эти набитые мешки служат подушками. Зимой мешки с летней одеждой лежат на складах, а летом там же хранятся зимние вещи. Не совсем законченные погребальные одежды хранятся тоже на складах.

ПОЯСА

Женщины очень редко носят пояс. Вышитые ляжки для переноски груза составляют часть погребального убора женщины,⁴⁸ а пояс — часть погребальной одежды мужчин.⁴⁹ Это указывает на то, что пояс употребляется корячками издавна. Корячки подпоясывают свои домашние кухлянки, а также короткие дорожные одежды. Длинные же меховые дорожные кухлянки и камлеи из кожи или привозной материи носятся без пояса. Пояс состоит из выделанной полосы нерпичьей шкуры, шириной в два или три пальца, с большой железной пряжкой. В древности пряжки делались из клыков моржа или мамонта, и их можно видеть еще и теперь. На поясе висит небольшой поясной

⁴³ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 211; Mason O. T. The Human Beast of Burden // Report of the US National Museum, 1886—1887. Washington, 1893. P. 256, fig. 2.

⁴⁴ Mason O. T. The Human Beast... P. 256—282.

⁴⁵ Mors. Was middle America peopled from Asia? // Popular Science Monthly. November. 1898. P. 5.

⁴⁶ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 24.

⁴⁷ См. иллюстрации: Bogoras W. The Chukchee... P. 192; Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 44.

⁴⁸ См.: Jochelson W. The Koryak... P. 109, fig. 54.

⁴⁹ Ibid. P. 106, fig. 46.

Рис. 87. Футляр с табакеркой и щипцами.

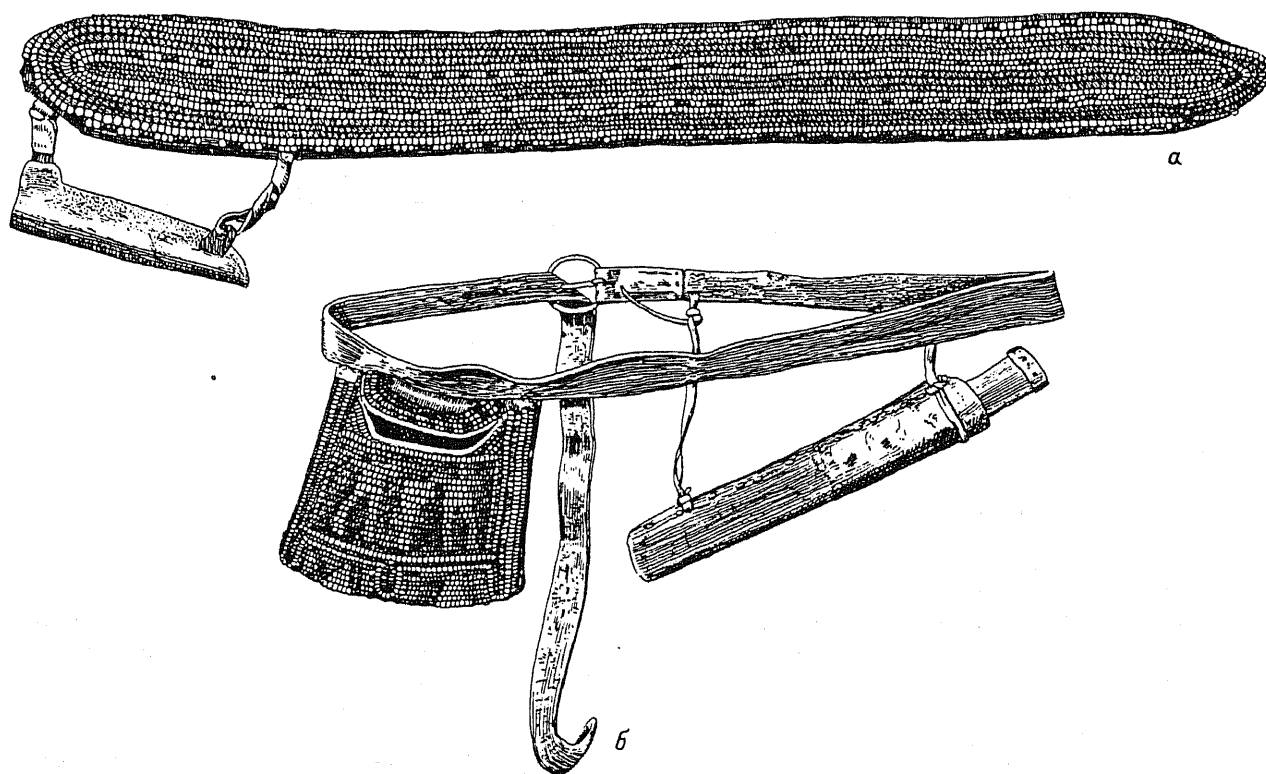

Рис. 88. Вышивка бисером: а — пояс (ширина 7 см); б — кيسет (высота 12 см).

нож в ножнах, вышитый бисером футляр с берестяной табакеркой (рис. 87) и часто — щипчики для выдергивания волос. Мне кажется, что эти

щипчики заимствованы у тунгусов. У приморских коряков пояса часто вышиты стеклянным бисером (рис. 88).

Х. ТЕХНИКА И ремесла

РАБОТА ПО КАМНЮ

Если судить по сохранившимся орудиям, то можно думать, что коряки до своего знакомства с железом не вполне владели искусством полировки камня. В настоящее время, которое следует все-таки считать переходным от камня к металлу, все еще употребляемые ими каменные орудия в основном просто обтесываются, за исключением каменных плит и молотков, которые идут в дело без всякой обработки такими, какими их находят в руслах и на берегах рек.

Каменные топоры, наконечники копий, острия гарпунов и скребки для выделки кож, которые еще употребляются, грубо обтесываются маленькими каменными молотками (рис. 89). Обрабатываемый камень держат в левой руке, а молоток — в правой и ударяют по краям камня широким концом сверху вниз. Во избежание случайного ушиба каменным молотком большой палец левой руки защищен каменным наперстком, а указательный палец — кольцом.¹ Следы ударов молотка по неровным краям видны в обилии царапин на его широком конце. Каменные кольца надеваются теперь также для защиты пальцев при резке ножом по дереву.

Прежде каменные наконечники стрел обтесывались таким же молотком, как вышеописанный. На рисунке показаны кремневые наконечники стрел. Теперь такие стрелы уже вышли из употребления. Те, которые я собрал для своей коллекции, были или приобретены от людей, сохранявших их как память или как амулеты, или они были найдены мною при раскопках древних подземных жилищ.

Стрелы и гарпунные наконечники делаются еще чаще всего из кремня или частью из обсидиана, который прежде привозили с Камчатки. Наконечники копий — из кремня или кварца. Топоры и каменные скребки для кожи — большей частью из кварцевой гальки. Топоры обтесываются очень мало, так как для них коряки берут плоские

камни с довольно острыми краями, которые попадают в долинах рек.

Рисунок 91 показывает древние сланцевые ножи из графита для резания кожи и другой домашней работы. Ножи *a* и *b* найдены мной при раскопках древних жилищ, о которых уже говорилось; *c* — принадлежал одной корячке из Каменского, которая берегла его как память. В селекции Куэл я нашел осколок такого ножа, употреблявшийся как скребок. Эти реликты носят следы шлифовки и полировки. По словам коряков, края ножей заострялись кремневым или каменным орудием. Более или менее ровные поверхности сторон ножей можно приписать свойству сланца легко раскалываться на тонкие пластины.

Подвески из песчаника для серег и на концы кос (рис. 92) тоже шлифованные. Каменные украшения приморские корячки носят еще и теперь, но только в настоящее время их отделяют железными ножами, а отверстия проделывают железным сверлом. Каменные подвески на уши или подвешиваются на жильной нитке, или надеваются на медные колечки, которые продеваются в уши.

Сейчас у коряков нигде я не видел полированных топоров для рубки дерева. Обтесанные топоры, о которых я упоминал, не могли служить для этой цели. Полированный топор я нашел у юкагиров в Колымской тундре. Стеллер² говорит, что камчадалы полируют каменные орудия, шлифуя их о камни. Дитмар тоже рассказывает о камчадалских каменных топорах с полированным лезвием.³ Трудно поверить, чтобы у коряков никогда не было полированных топоров. Однако, имея дело с деревом, они больше пользуются каменными клиньями и теслами.

В числе предметов из камня, употребляемых в хозяйстве, надо упомянуть о каменных светильниках и о насадке сверла для добывания огня.⁴ Лампы делаются большей частью из песчаниковых

¹ Интересно сравнить маленький корякский каменный молоток с подобным молотком для обтесывания острия стрел у эскимосов Ваффиновой земли, а также способы защищать пальцы левой руки от ушиба при обтесывании (см.: *Boas F. The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay // Bulletin of the American Museum of Natural History. New York. 1901. Vol. XV. Part I. P. 63.*

² *Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt; Leipzig, 1774. P. 319.*

³ *Ditmar K. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. St.-Petersburg, 1890. P. 214.*

⁴ *Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York. 1905. Vol. VI. Part I. P. 33, fig. 2e.*

валунов, в верхней части которых при помощи тесла и долота выдалбливается углубление для жира. Для насадки огнивого сверла выбирается небольшой закругленный кварцевый голыш, с одной стороны которого просверливается сверлом (теперь железным) гнездо для верхней части рукоятки сверла.⁵

Я уже говорил о применении приморскими коряками больших плоских каменных плит, которые в своем естественном виде служат вместо столов (одна из них была величиной в 77×48 см, другая 33×28 см). Интересно сравнивать эти каменные столы с неотесанными песчаниками, найденными Гриммом при раскопках подземных жилищ, очевидно, айнов на острове Йезо.⁶ Гримм не делает никаких предположений об употреблении камней прежними жителями этих подземных домов.

Сходство этих жилищ и остатков, найденных в них, с подземными жилищами коряков и орудиями этого племени, найденными при раскопках и сохранными как реликвии, наводит на мысль, что приморские коряки входили в сферу особого типа материальной культуры, широко распространенного прежде на значительной части берегов и островов северной части Тихого океана. Мне кажется, что плоские песчаники, описанные Гриммом, служили древним жителям подземных домов Йезо тем же, чем подобные камни служат многим приморским корякам, в особенности в Пенжинской губе.

РАБОТА ПО ЖЕЛЕЗУ

В настоящее время Парень и Куэл — селения приморских коряков Пенжинской губы, славятся производством железных орудий. Ножи, топоры и копья паренских и куэльских кузнецов расходятся не только среди коряков и чукчей, но проникают и на Камчатку, и к соседним тунгусам.

Здесь возникают два вопроса: когда познакомились коряки с железными орудиями и от кого научились они кузнечному мастерству?

Крашенинников⁷ слышал на Камчатке рассказы о том, что камчадалы были знакомы с железными орудиями до своей встречи с русскими. По этим рассказам, камчадалы получали японские железные изделия обменом у курильцев. Это возможно, конечно; но в те времена не могло быть большого менового торгового и правильного обмена между этими племенами, и поэтому железные изделия могли попадать в руки камчадалов только в очень ограниченном количестве и составлять собственность только немногих счастливых семей. Мне кажется важным указать здесь, что в то время, как племена Северо-Восточной Азии пребывали еще в каменном веке, с железом были знакомы не только такие высокоцивилизованные народы, как японцы

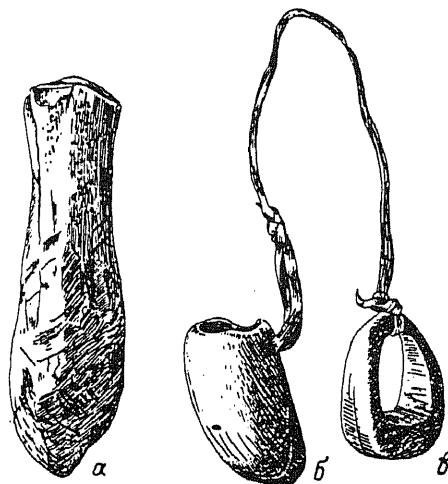

Рис. 89. Костяной молоток — а; защитные кольца — б, в.

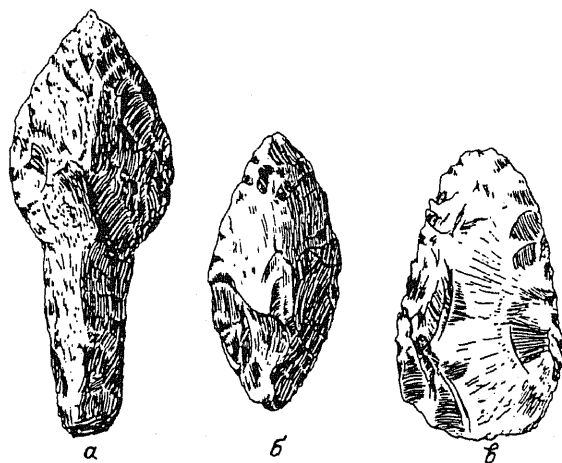

Рис. 90. Кремневые наконечники стрел: а — из старого стойбища на Наяхане; б, в — из Каменского.

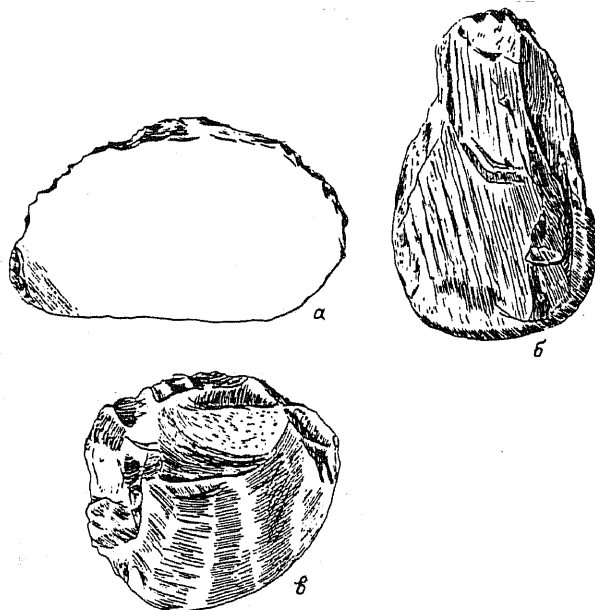

Рис. 91. Каменные ножи.

⁵ Ibid. Plate VI.

⁶ Grimm H. Beitrag zur Kenntniss der Koropokguru auf Yeso u. Bemerkungen über die Shikotan-Aino. 1892. P. 363—373.

⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 49.

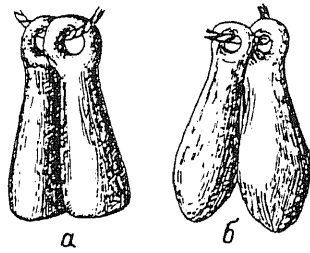

Рис. 92. Каменные ушные подвески — а; подвески для кос — б.

и китайцы, но им уже давно пользовались некоторые племена Приамурья и якуты. Поэтому мы легко можем представить себе, что задолго до того, как коряки и другие северные туземцы встретились с русскими, в руки их попадали железные орудия после многократного обмена. Так, например, в Колымской тундре я слышал от членов одного северного юкагирского рода, что до прихода русских у них был железный топор, собственность всего рода, хранившийся у старейшины, и что его носили или возили по всей тундре, когда где-нибудь нужно было срубить или разрубить надвое толстое крепкое дерево, что было трудно сделать каменным топором. Подобное знакомство с железом, и даже в большей степени, могло существовать у коряков. Они могли получать железные изделия, с одной стороны, из японских источников⁸ через курильцев и камчадалов,⁹ а с другой — из маньчжуро-китайских источников через тунгусов.* По историческим справкам, основанным на отписках казаков, дошедших до устья реки Охоты в 1625 году, жившие там тунгусы были вооружены железным и костяным оружием и одеты в железные доспехи. Существует еще третий источник, через который железные орудия могли получаться до прихода русских. Я говорю о якутах, представителях тюркского племени, которые не только знали металл и умели ковать его, но которым был известен способ выплавки железа из руды.¹⁰

⁸ Японские доспехи, найденные Богоразом у чукоч северной тундры, очевидно, попали туда обменом в дорусский период (*Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, 1904. Vol. VII. Part I. P. 64. fig. 85.*)

⁹ Казаки, посланные в 1696 г. из Анадыря для завоевания Камчатки, нашли японские документы в корякских жилищах Северной Камчатки. Немного позднее они нашли около Тигиля японское разбитое судно (*Словцов П. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 136.*) Это указывает на возможность случайных, но прямых сношений между коряками и японцами в древние времена.

¹⁰ О роли тюрков (к которым принадлежат якуты) в распространении кузнечного дела в Сибири см.: *Andree R. Die Metalle bei den Naturvölkern mit Berücksichtigung der prähistorischen Verhältnisse. Leipzig, 1884. P. 126, 127.* Попов (*Zeitschrift für Ethnologie. 1878. P. 461*), касаясь сведений о железных доспехах и оружии охотских тунгусов при их первой встрече с русскими, выражает мнение, что охотские тунгусы познакомились с железными изделиями через якутов, но так как якуты — сравнительно недавние пришельцы на Крайнем Северо-Востоке Сибири — и так как северные тунгусы, как предполагается, пришли на Север из Амурского края раньше якутов, то вполне можно допустить, что их знакомство с железом древнее и что первоначальный источник его маньчжуро-китайский. Даже в самых древних европейских сведениях относительно древних маньчжуров, родственных тунгусам, говорится об их племах и латах, сделанных из чашуйчатых железных пластин, скрепленных гвоздями или закрепленных на кожаном основании (по этому вопросу см.: *Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. II. С. 259.*)

Железные доспехи, заменившие старые кожаные и костяные или употреблявшиеся одновременно с ними, были, по моему мнению, известны корякам до их встречи с русскими.

Возвратимся теперь к вопросу о начале кузнечного ремесла среди коряков. У какого племени научились они ковать железо? Ответить на этот вопрос также не легко. Получать готовые изделия коряки могли и через посредников, но для усвоения ремесла нужно было непосредственное соприкосновение с народностью, умевшей ковать железо, и, следовательно, коряки могли научиться кузнечному делу только от русских или от тунгусов. Хотя у нас нет прямых указаний на то, что коряки знали ковку железа до встречи с русскими, некоторые обстоятельства, как мы увидим позднее, не исключают возможности того, что это искусство коряки переняли от тунгусов до прихода русских.

Наряду со сведениями о том, что готовые изделия попадали из упомянутых источников к камчадалам, корякам, чукчам и юкагирам еще до русского периода, мы имеем указания на то, что умение ковать появилось у этих народов гораздо позднее. Некоторые источники указывают на то, что куски металла и руды, случайно попавшие к северным племенам, пребывавшим еще в каменном веке, становились предметами особого почитания, даже религиозного культа. Уже тогда они знали, что из этих твердых веществ другие люди делают ножи, топоры и копыя.

Сотрудник Врангеля, Матюшкин,¹¹ говорит, что, по словам одного юкагира, омоки, предки юкагиров, хорошо знали употребление железа до прихода русских. В другом месте¹² он говорит о древних юкагирских могилах, воздвигнутых на столбах, обтесанных, по его мнению, каменными топорами. В них были найдены куски железа, латуни и меди в качестве украшений на шаманской одежде.

По Стеллеру,¹³ камчадалы поклонялись кускам железа, полученным от курильских айнов. Кусок выставлялся на шесте перед домом в доказательство богатства и важности его владельца. Есть у нас также сведения о том, что камчадалы, чукчи и коряки умели ковать металл. «Они не калят железо, — говорит Крашенинников, — но холодное, положи на камень, куют камнем же вместо молота». Таким образом, по словам Крашенинникова, они обыкновенно делали копыя и стрелы из обломков железа, из прогоревших котлов и даже из новых котлов, покупавшихся у русских для этой цели. Когда ломалось ушко иголки, то они сплюсцивали сломанный конец и сверлили новое ушко другой иголкой.¹⁴

Но от кого бы ни научились коряки ковке железа — от тунгусов или от русских — развитию у них кузнечного дела в настоящее ремесло мешал

¹¹ *Wrangel F. Narrative of the Expedition to the Polar Sea in the years 1820, 1821, 1822 and 1823. London, 1840. Part II. P. 6.*

¹² Там же. С. 137.

¹³ *Steller G. W. Beschreibung... P. 320; см. также утверждение Крашенинникова (Описание ... С. 47), что всякий камчадал, имевший обломок железа, считался богатым и счастливым.*

¹⁴ *Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 1. С. 48.* Все эти способы обработки железа известны и теперь среди чукоч и коряков в очень глухих местах.

недостаток материала и инструментов. Народы, обрабатывающие железо, но не умеющие плавить его из руды, или в стране которых руды совсем нет, зависят в отношении развития кузнечного дела от племен, умеющих обрабатывать руду.¹⁵ Кроме якутов, которые пришли на Север сравнительно недавно, ближайшие к корякам цивилизованные народы, знавшие обработку металлов, — японцы и китайцы, — были отделены от них племенами, которые если и знали кузнечное дело, то не знали рудничного. Таким образом, не говоря о камчадалах, племена, с технической точки зрения, очевидно, менее одаренном, чем коряки, эти последние были отделены от японцев айнами и гиляками, перенявшими, как показал Шренк,¹⁶ кузнечное искусство от японцев; от китайцев же и якутов коряки были отделены тунгусскими племенами.

По историческим данным, в отрядах первых русских завоевателей Сибири нередко бывали свои кузнецы, но когда им приходилось иметь дело с рудой, то они прибегали к туземцам, знакомым с этим делом, например татарам и якутам.¹⁷ В XVIII столетии высшие сибирские власти не раз посылали московскому правительству просьбы прислать в Сибирь знатоков рудного дела.

В первое время после завоевания Сибири русское правительство запретило продавать оружие, порох и свинец туземцам, которые еще не были усмирены. Крашенинников говорит про камчадалов, что им как немирному народу было запрещено продавать железные инструменты и медную посуду, чтобы они не могли сделать оружие и использовать его против русских. Подобные условия, конечно, не могли способствовать развитию умения обрабатывать металлы среди туземцев, раньше с этим делом незнакомых.

Несомненно, что кузнечное ремесло могло развиться у коряков только после того, как русские начали свободно продавать железные орудия и ввозить железо в качестве материала для изготовления орудий. В настоящее время русское правительство держит железо, листовое и чушечное, и инструменты на складе в селении Кушка — резиденции начальника округа, в устье реки Гижиги, для продажи туземцам Гижигинской округи по цене, равной владивостокской с прибавкой расходов по перевозке пароходом до Гижиги.

Трудно сказать точно, когда кузнечное дело развилось у коряков в постоянное кустарное производство. Первые сведения о корякских кузнецах мы находим у Дитмара,¹⁸ и они относятся к середине XIX столетия.

Среди орудий производства корякских кузнецов прежде всего привлекают внимание кузнечные

мехи. Они у коряков одиночные, сделанные из тюленьей кожи с двумя дощатыми крышками: одной сверху, другой снизу. Такие мехи употребляют и чукчи — не такие искусные кузнецы, как коряки. Корякские мехи отличаются от тех, которые описывает Богораз,¹⁹ только тем, что к верхней крышке приделана ручка, при помощи которой помощник кузнеца приводит мехи в движение.

Богораз предполагает, что чукотские мехи переняты от русских. Если же сведения относительно тунгусских мехов верны, то коряки, а через них, может быть, и чукчи в дорусский или даже русский период могли перенять одиночные мехи у тунгусов.

Мехи, которыми работают кузнецы большинства восточносибирских племен, двойные. Они состоят из двух небольших, продолговатых кожаных мешков, лежащих на земле, так что помощник кузнеца может сесть между ними. От них идут две трубки (деревянные или металлические), соединяющиеся вместе и образующие одно устье, идущее в горн, то есть просто в ямку в земле, полную древесного угля. Чтобы сделать эти мехи стационарными, их прикрепляют к земле досками, составляющими дно мешков, а трубки и устье замазывают глиной. В других местах трубки засыпают землей или накрывают чем-нибудь тяжелым, чтобы прижать книзу, а кожаные мехи кладут просто на землю. У приморских племен кузнечные мехи делаются из мягкой тюленьей кожи, у оленеводов — из выделанной оленьей, у скотоводов — из телячьей или коровьей. В каждом мехе есть маленький разрез, к краям которого во всю длину пришиты палочки; когда эти палочки сжимаются рукой, то мех герметически закрыт. Помощник кузнеца, сидя на полу между двумя мехами, попеременно поднимает и открывает пальцами один мешок и одновременно опускает и закрывает другой. Работать с такими мехами довольно трудно, так как заняты обе руки, и без достаточного опыта ничего не выйдет. Обыкновенно труд подручного возлагается на юношу или женщину. Изредка я наблюдал употребление таких двойных мехов тунгусами в Якутии, якутами²⁰ и юкагирскими кузнецами, которые, очевидно, переняли их от якутов.

Судя по рисункам Палласа, мехи монгольских кузнецов XVIII века были тоже двойными.²¹ Гиляки и айны также пользуются двойными мехами, как только что описанные, и Шренк видит в этом доказательство того, что оба племени заимствовали

¹⁹ Bogoraz W. The Chukchee. Part I. P. 215.

²⁰ У меня не было случая лично посетить рудоносные места у якутов и видеть, какие мехи употребляются якутами, плавящими руду. Серошевский, описывая процесс выплавки руды якутами в Якутском округе (Якуты. СПб., 1896. С. 381, 382), не останавливается на устройстве мехов якутского горна. Но Маак (Виллойский округ Якутской области. СПб., 1887. Ч. III. С. 181), описывая способ выплавки железа виллойскими якутами, говорит, что у них используются при этом двойные мехи. «Но, — говорит Маак, — даже в мое время (1854 г.) многие кузнецы уже заменили эти первобытные мехи настоящими». К сожалению, он не говорит, что это за «настоящие мехи».

²¹ Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. T. 1. St.-Petersburg, 1776. T. 1. Plate V (Паллас П. С. Собрание исторических известий о монгольских народах. СПб., 1778. Т. 1. Табл. V).

¹⁵ О местонахождении железа на территориях обитания камчадалов и коряков см.: Крашенинников С. П. Описание ... Т. 1. С. 304; Pallas P. S. Verzeichniss einiger in der Gegend um den Penschinischen Meerbusen und auf Kamtschatka bemerkten merkwürdigen Fossilien // Neueste Nordische Beyträge. 1793. Bd 5. P. 271; Dittmar K. Reisen ... P. 281, 386.

¹⁶ Шренк Л. Об инородцах ... Т. II. С. 255.

¹⁷ Словцов П. Историческое обозрение Сибири. С. 43, 88.

¹⁸ Dittmar C. V. Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschukchen / Melandes Russes tires de Bulletin Historico-Philologique de l'Academie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. Livraison, 1856. T. 3. P. 11.

кузнечное искусство из одного источника — японского.²² Что касается тунгусов, то, по данным Георги, у их кузнецов мехи одиночные.²³ Шренк и Маак говорят то же о гольдах.²⁴ Между прочим, Шренк приходит поэтому к заключению, что гольды* и гиляки познакомились с кузнечным мастерством из разных источников, первые из маньчжуро-китайского, а вторые из японского.

Мы видим, что между народностями, пользующимися двойными мехами, то есть между монголо-тюрками и айно-гиляками, живут тунгусские племена, работающие или прежде работавшие с одиночными мехами. Нельзя сказать с уверенностью, что изобретение азиатских двойных мехов принадлежит какому-нибудь одному народу, тем более, что двойные мехи встречаются не только в Индии и Малайских странах, но и у первобытных кузнецов Африки. Выставленная в Парижском Этнографическом музее в Трокадеро группа, представляющая негритянского кузнеца с помощником, сидящим между двумя кожаными мешками, живо напомнила мне якутских кузнецов.²⁵ Все-таки надо сказать, что маленькие двойные мехи сибирского кузнеца, состоящие только из двух мешков, были изобретены кочевым народом. Два небольших кожаных мешка, маленькую наковальню со щипцами и парой молотков легко приткнуть где-нибудь и нетрудно перевозить с места на место. Якутский кузнец до сих пор остался в значительной степени странствующим ремесленником. Обыкновенно не заказчик приходит к нему, а он идет со всей своей кузницей исполнять заказы богатого якута. Принцип двойных мехов, имеющий целью безостановочный ток воздуха к горну, без сомнения, выше принципа одиночных. По этому принципу и сооружаются современные фабричные мехи, управляемые автоматическими коммутаторами. Надо думать, что и у более первобытных кузнецов двойные мехи — не самый древний образец, если они вообще не заимствованы от другого племени вместе со всем кузнечным мастерством.

Неудобство вышеописанных двойных мехов состоит в необходимости иметь помощника, так как кузнецу невозможно то стоять между кожаными мехами, то метаться к горну и наковальне, в особенности если принять во внимание неповоротливость кузнеца и его неумение сосредоточиться на своей работе. Наш простой деревенский кузнец обходится без помощника при изготовлении небольших примитивных орудий и предметов. Стоя около горна, он дергает веревку мехов и, когда

железо покраснеет, он снимает его с огня и переносит на наковальню.

Вернемся теперь к корякскому кузнецу. Его одиночные мехи при работе лежат на земле; горн тоже, как и у якутов, устроен на земле. Кузнецу нужен помощник, чтобы поднимать и опускать мехи при помощи ручки.²⁶ Корякская кузница менее подвижна, чем якутская. Главные кузнецы (один по имени *Sequ'l* в селении Куэле, другой — *Kiya'uñin* в Парени) выстроили себе специальные бревенчатые хижины высотой в рост человека. Входом служит вырезанное в стене большое окно, оставленное совершенно открытым. В бревенчатом потолке, покрытом землей, оставлено квадратное отверстие посередине над горном. Маленькая наковальня на небольшом чурбане помещается рядом с горном, а у наковальни на низком сиденье сидит кузнец.²⁷ Его орудия производства немногочисленны. Они состоят из двух-трех молотков и кузнечных щипцов двух или трех размеров. Теперь эти орудия покупаются у русских торговцев, но рядом с русскими молотками, привезенными из Владивостока, можно встретить и китайские. Кстати сказать, корякские кузнецы вполне одобрили геологические молотки, привезенные мною из Америки. Мехи главных корякских кузнецов немного больше обыкновенных. Они дают прерывающийся, но сильный ток воздуха, хотя, несмотря на это, железные чушки плохо накаляются в горне. Корякские кузнецы предпочитают работать с полосовым или тонким кусковым железом. Кроме того, они не умеют работать двумя молотками. Они хорошо знают, как сваривать железо, но только самые лучшие мастера, как те, что упомянуты выше, умеют сглаживать все следы сварки. Закалять же они не умеют, и сделанные ими железные ножи или оружие отличаются своей мягкостью; к остриям хороших копий и ножей они приваривают тонкие стальные пластинки. Для этой цели они покупают у торговцев или в казенном складе тонкие куски стали. В горне сталь теряет значительную долю своей твердости, но отделанное лезвие топора или ножа все-таки достаточно твердо. Запасы угля для горна делаются обыкновенно летом, из наносного леса складывают костры и, как только дрова прогорят, их заливают водой, потом уголь переносят в кузницу в кожаных мешках. Корякский кузнец имеет специальную рабочую одежду. Летом он работает обнаженным до пояса в старых кожаных штанах, а зимой надевает потертую кухлянку. В сильные морозы в кузнице никакой работы, конечно, не производится.

Паренские и куэльские кузнецы работают по заказам торговцев, а также для менового торга, который ведут сами. Русские купцы снабжают их железом и платят за работу чаем, табаком и другими товарами. Кроме того, сами кузнецы достают железо, выделывают ножи и копья и стран-

²² Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 254.

²³ Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799. Ч. III. С. 42.

²⁴ Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 254; Маак Р. С. Путешествие на Амур. СПб., 1859. С. 175, 207. Мне не случалось видеть современных мехов ближайших к корякам тунгусов, но тунгусы Якутской области, т. е. соседи якутов, пользуются теперь двойными мехами, перенятыми, очевидно, от якутов.

²⁵ Древние египтяне уже имели двойные мехи. Судя по древним рисункам, они состояли из двух сосудов, покрытых кожей. Раб становился ногами по очереди то на одну, то на другую кожаную крышку и в то же время открывал отверстие в другом сосуде. Андре (*Andree R. Die Metalle bei den Naturvolkern...* P. 4) полагает, что двойные мехи от египтян распространились по всей Африке.

²⁶ Из описания Мааком гольдского кузнеца оказывается все же (*Маак Р. К. Путешествие на Амур. С. 207. Табл. II*), что он управлялся с одиночными мехами без помощника.

²⁷ Якутские и тунгусские кузнецы работают тоже сидя. Возможно, это объясняется тем, что горн у них находится на земле, и наковальня поэтому не может располагаться высоко от земли.

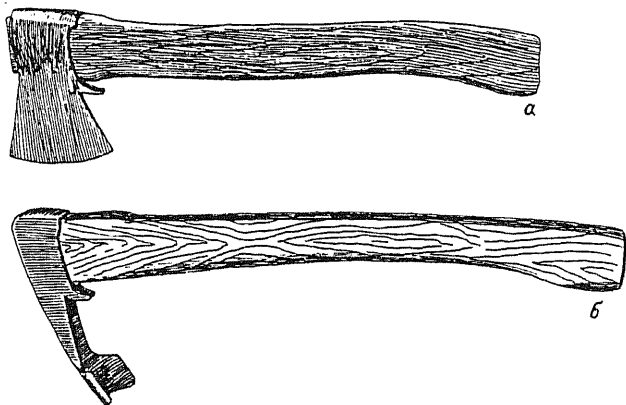

Рис. 93. Топор (длина 53 см) — а, тесло (длина 45 см) — б.

ствуют по местным ярмаркам и по стойбищам кочевых оленеводов, меняя свои железные изделия на шкуры оленей, мясо и меха, которые опять обменивают купцам. Искусные кузнецы, как, например, те, которых я назвал выше, пользуются особым уважением. Как все первобытные народы, коряки смотрят на кузнечное мастерство не как на ремесло, которым каждый может овладеть, а как на божественный дар.²⁸ В Куэле и Парени значительная часть коряков умеет ковать железо и, кроме признанных мастеров, есть второстепенные кузнецы, работающие периодами, перед ярмарками, чтобы добыть пищу и одежду в обмен на произведения своего искусства. Вообще селения Парень и Куэл могут считаться центрами корякского кузнечного промысла, в то время как Каменское — селение торговое, в котором сосредоточены почти все корякские посредники в меновой торговле русских с оленными коряками и чукчами. В связи с этим паренцы и куэльцы как представители труда беднее жителей Каменского — представителей коммерции.

Выкованные предметы отделываются подпилками. Искусство полировки кузнецам неизвестно. Работа корякских кузнецов ограничивается выделкой холодного оружия, некоторых орудий и хозяйственных предметов.

На рисунке 93 представлены топор и тесло, сделанные в Парени. Топор (*ai'lan*), типа обыкновенного русского топора, употребляется для рубки деревьев и колки дров. Тесло надето на рукоятку — такую же, как у топора, но его лезвие загнуто и надевается наискосок. Это орудие называется «топор с ушами» (*welō-ailān*) и употребляется при выдалбливании колод, корыт и лодок наряду с более древним видом тесла (*gatti*) на рукоятке дугообразной формы, ранее делавшейся из рога или мамонтовой кости, а теперь из дерева или из дерева и кости. Железное тесло делается или прямым для более глубокой обтески дерева, или изогнутым — *welō'gatti* («тесло с ушами») для выдалбливания ведер, блюд и другой утвари.

На рисунке 94 мы видим простой поясной нож и деревянные ножны к нему с жестяными ободками и ушками для подвязывания к поясу этого

ножа. Как у всех прямых ножей, у него одна сторона толстая, тупая. Этим поясным ножом (*iti't-wal*, или *yečet'-wal*) пользуются при еде, при вырезании мелких деревянных предметов и резьбе по кости. Этим же ножом, сильно отточенным, стригут или бреют волосы, срезают шерсть с оленьих шкур, предназначенных на одежду, и закалывают оленя для еды, но не как жертвоприношение. Этим же ножом потрошат рыбу для вяления. Женщины носят его обыкновенно заткнутым в торбаз и очень редко у пояса.

Другой нож такого же типа, но несколько длиннее (около 45 см длины с ручкой), называется бедренным ножом (*yō-wal*), потому что его носят не на поясе, а привязывают у правого бедра под кухлянкой, так что его легко вытащить правой рукой. Им сдирают шкуры с животных, срезают траву и толстой стороной разбивают ножные кости животных, чтобы доставать из них мозг.

Рис. 95 изображает большой нож с ножнами, называемый «большим ножом» (*máini-wal*), «ножом на перевязи», или «ременным ножом» (*wágil-wal*), или «ножом, который носят на себе» (*a'mta-wal*). Его носят, как саблю, в кожаных ножнах на ремне через плечо. Этот нож еще недавно служил боевым оружием как короткая сабля, заменив боевой костяной нож, который делали из ребер лося или дикого оленя. Ножны делаются из нерпичьей кожи, очень грубо сшитой жилами. Короткая рукоятка — из китовой кости. Об орнаменте на

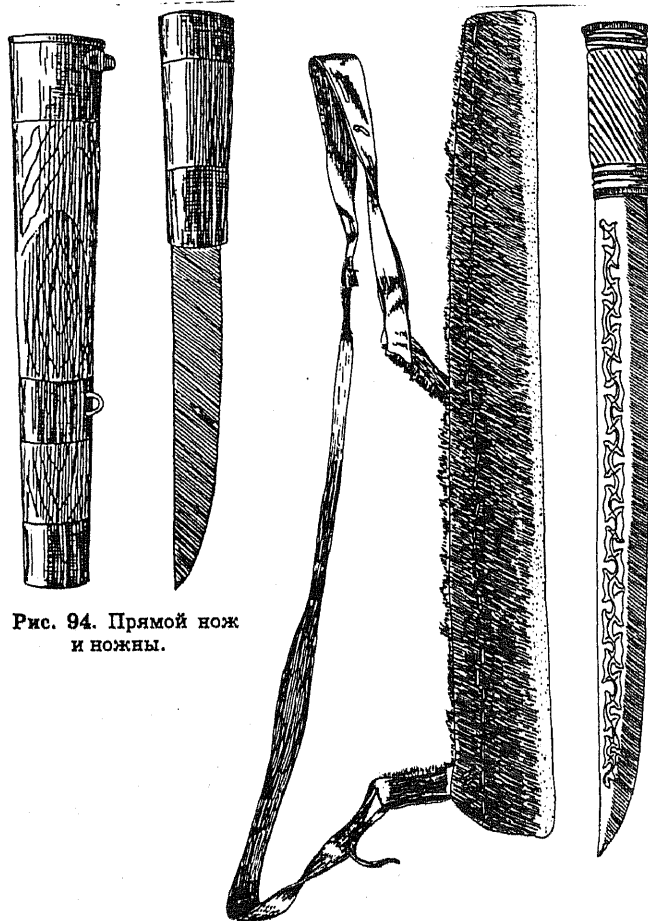

Рис. 94. Прямой нож и ножны.

Рис. 95. Большой нож и ножны (длина ножа 56 см).

²⁸ У якутов кузнецы считаются равными шаманам. У юкагирских кузнецов есть особые духи-покровители. Таково же положение кузнецов и у тунгусов.

Рис. 96. Наконечник копьа (длина наконечника 30 см, общая длина 175 см).

подобных железных изделиях мы будем говорить ниже.²⁹ Но большая часть больших ножей делается без орнамента. Предназначаются они главным образом для оленных коряков. Теперь ими колют дрова, режут мороженое мясо и рубят кости.

На рис. 96 изображено копье, сделанное куэльским кузнецом. Оно обоюдоострое, длинное, узкое, с орнаментом и хорошо отделано. Копья для повседневного употребления делаются без орнамента. Они простой, грубой работы. На некоторых делают посередине желобок, что также часто встречается на копьях в Приамурье.

Ножи для специальных работ показаны на рис. 97. Женский нож (а) — *ñau-wal*, серповидной формы представляет собой имитацию древнего плоского шиферного ножа.³⁰

У женского ножа нет ножен. Его держат в рабочем мешке вместе с обрезками шкур. Им режут шкуры и мех для одежды.³¹ Режут их на

²⁹ См. главу XI.

³⁰ Мердок (*Murdoch J. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition // Ninth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1892. P. 153*) упоминает о древнем большом шиферном ноже такой же формы, заостренном с одного края, употреблявшемся эскимосами, по его мнению, специально для разрезания пищи. Я склонен думать, что это был женский нож для разрезания шкур. Форма его подобна женскому железному ножу корячек, а коряцкие кузнецы несомненно вначале подражали древним образцам. В статье Масона о женских ножках эскимосов собраны типы женских ножей эскимосов и некоторых индейских племен разных мест. Рисунки показывают, что почти все ножи — каменные и железные в подражание каменным имеют полукруглое лезвие, как коряцкое. Почти у всех ножей, зарисованных Масоном, ручки такие же, как у ножей для рубки, и только у трех ручка сбоку, как у коряцкого женского ножа (*Mason O. T. The Ulu or woman's knife of the Eskimo // Report of the U.S. National Museum for 1890. Washington, 1892. P. 411. Plate LIX, LXVIII, fig. 1, 2, 4.*)

³¹ Орнаментированный женский нож показан на рис. 139.

Рис. 97. Железные ножи: а — женский нож (длина 28 см), б — нож для резьбы (длина 20 см), в — прямой нож (длина 16 см), г — изогнутый нож (длина 23 см).

особой кроильной доске. Корячки редко употребляют ножницы. Ножом же режут привозное сукно для верхних кухлянок и коленкор для рубашек. Корячки не делают ножниц. Большие ножницы, показанные Богоразом,³² — это работа якутских или амурских кузнецов. Такими ножницами якуты режут шкуры для одежды. Однако корячки были очень рады, когда мы дарили им обыкновенные узкие ножницы в оплату за оказанные услуги или за позволение измерять себя, и сейчас же пускали их в дело.

Рис. 97,б изображает нож с длинной ручкой, употребляемый специально для резьбы по кости или дереву. Этот нож называется также поясным ножом и носится в чехле у пояса. Его деревянная ручка покрыта листовой латунью, которая украшена процарапанными острием ножа полосками, очевидно, изображающими какой-то технический орнамент; в — прямой нож (*tami'ñu-wal* — «рабочий нож») и г — кривой нож (*keñi-wal* — «изогнутый нож») для резьбы по кости и дереву и выделывания ложек, черпаков, тарелок и блюд.

Рис. 98 — железная стамеска и железное сверло для работы по дереву. У стамески изогнутый край для проделывания отверстий. Ручка сверла и лучок сделаны из китовой кости. Подобное же сверло, только с более тонким стальным острием, употребляется при заклепке котлов и вообще при сверлении железа.

Любопытно, что лучковое сверло по-коряцки называется *mi'lgitine* («добывающее огонь»). Это указывает на то, что раньше оно употреблялось для добывания огня. Достоверно известно, что

³² Bogoras W. The Chukchee... P. 222, fig. 151 c.

коряки до знакомства с железом уже употребляли каменное или костяное сверло для просверливания отверстий. Можно предполагать, что каменные серьги просверливались именно таким способом.

Рис. 99 — пила, сделанная оленными коряками для срезания оленьих рогов. Она сделана подпилком из листового железа по образцу привозных стальныхпил. Зубцы очень неровные.

Почти все корякское кузнечное производство ограничивается изготовлением вышеописанных железных орудий. Следует еще упомянуть о выделке котлов из привозного листового железа. Корякские мастера выбивают их молотками, а дно приделывается в паз, так что они хорошо приспособлены для варки пищи. Жестяных чайников коряки не делают, так как не умеют припаивать носик. Кузнецы делают еще кирки для пробивания прорубей, свайки, шила для шитья собачьей упряжи, скребки для выделки шкур, долота, браслеты и игольники.

Два железных браслета изображены на рис. 100. Это небольшие железные полоски, отделанные и украшенные орнаментом при помощи подпилков; выковываются плоские браслеты холодными. Крученые браслеты делаются из полоски железа, накаливаемой докрасна и скрученной щипцами. Игольник с железными подвесками изображен на рис. 101. Для собачьей упряжи кузнецы коуют кляпы, кольца, вертлюги и небольшие цепочки взамен прежних костяных. Подпилки для обтачивания железа кузнецы покупают у торговцев или в казенном складе. Иногда они сами делают

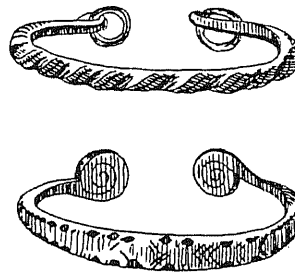

Рис. 100. Железные браслеты.

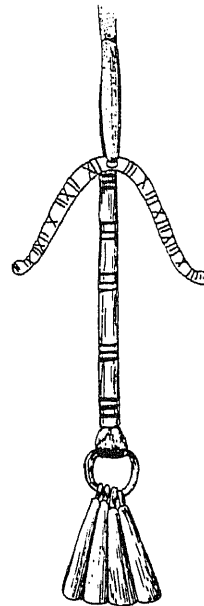

Рис. 101. Игольник (длина 13 см).

новые напильники из железа при помощи импортных. Гвоздей корякские кузнецы не делают, но мастерят железные заклепки для починки котлов и другой утвари.

РАБОТА ПО МЕДИ, ЛАТУНИ, СЕРЕБРУ

Медь и латунь коряки обрабатывают только в холодном виде, и потому производство предметов очень ограничено. Материалом служит привозная листовая латунь, медная проволока и сломанные медные блюда, чайники и котлы. Из медной или латунной проволоки делаются большие кольцеобразные серьги, украшенные железными или латунными подвесками или разноцветным бисером, называемым на сухожилые нитки. На рис. 102 показаны эти ушные украшения: *a* — открытая серьга до продевания ее в ухо, *b* и *в* — застегнутые серьги в том виде, как они висят в ухе. Подобной формы украшения распространены у тунгусов и у амурских гиляков. Форма этих серег и способ их изготовления несомненно заимствованы коряками от амурских народностей через тунгусов Охотского побережья или они делаются в подражание сергам, привезенным в Гижигу из Владивостока. То же можно сказать и о металлических браслетах. Я уже описал железные браслеты, а два латунных показаны на рис. 103, *a*, *б*.

Варган на этом рисунке (*в*) сделан из латуни, обыкновенно же он делается из кости; игольник (*г*) сделан из двух ружейных патронов и украшен железными и латунными подвесками.

Медь старых чайников идет у коряков на заплаты и заклепку попорченных медных котлов. Копья и большие ножи украшаются медной и частично латунной инкрустацией. Сначала рисунок зубчиками и разными завитками вырезается стальной стамеской, а потом молотком туда вбиваются медные стружки и все сглаживается подпилком.³³

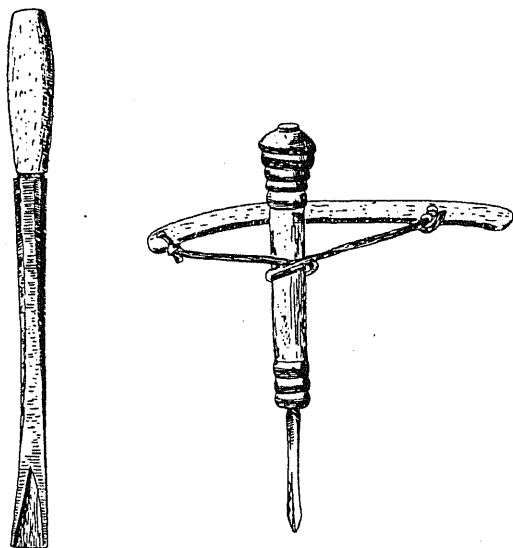

Рис. 98. Стамеска (длина 25 см) и сверло (длина 30 см).

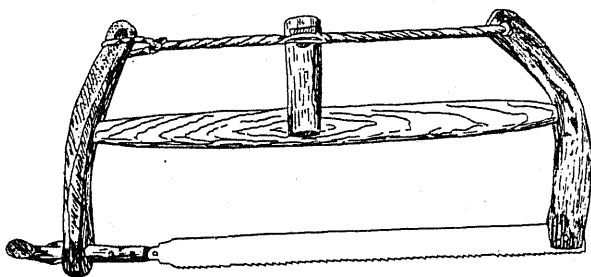

Рис. 99. Пила (длина 47 см).

³³ Орнаментацию на ножах и оружии см. на рис. 96, 97, 135, 139, 141.

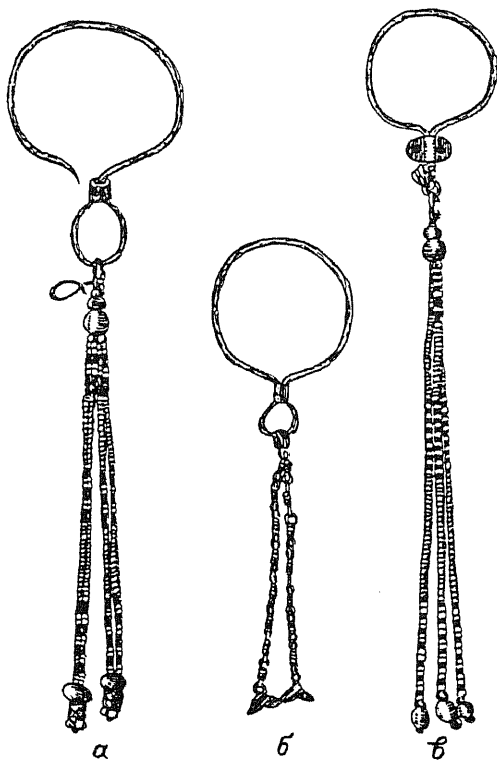

Рис. 102. Латунные серьги.

Производство изделий из серебра, плавка или холоднаяковка его совершенно неизвестны корякам, хотя тунгусские и якутские кузнецы, ближайшиесоседи коряков, делают серебряные вещи. Тунгусская работа только холодная, а якуты достигли высокой степени совершенства в работах по серебру. Молотком они выковывают различные украшения и другие предметы из кусков серебра; плавят его в самодельных тиглях из огнеупорной глины и потом выливают в формы; делают сплавы серебра с другими металлами; гравировать самые сложные рисунки на серебряных украшениях и чернят серебро на манер кавказских народов. Материалом служит главным образом лом и серебряные монеты.³⁴

Тунгусские кузнецы перековывают серебряные монеты в мелкие украшения вроде серег, колец, пуговиц, пряжек или маленьких тонких дисков для нагрудных украшений и полируют их подпилками и мягкой кожей из оленьих шкур. Тунгусы покупают у якутов и более крупные и искусно украшенные серебряные вещи вроде поясов, подвесок на одежду и накосных украшений.

Любовь к серебряным украшениям одинаково сильна как у тунгусов, так и якутов; впрочем, у последних эта страсть слегка ослабла под влиянием цивилизации. Прежде они серебро предпочитали даже золоту, хотя якуты отлично знают, что золото дороже как металл, а якутские серебряники умеют также плавить золото. У самой бедной тунгусской женщины непременно есть какие-нибудь серебряные украшения на одежде.

³⁴ В Якутской области ходят рассказы о том, что некоторые якутские серебряники добывают серебро из руды, тщательно скрывая ее местонахождение. Я этого проверить не мог.

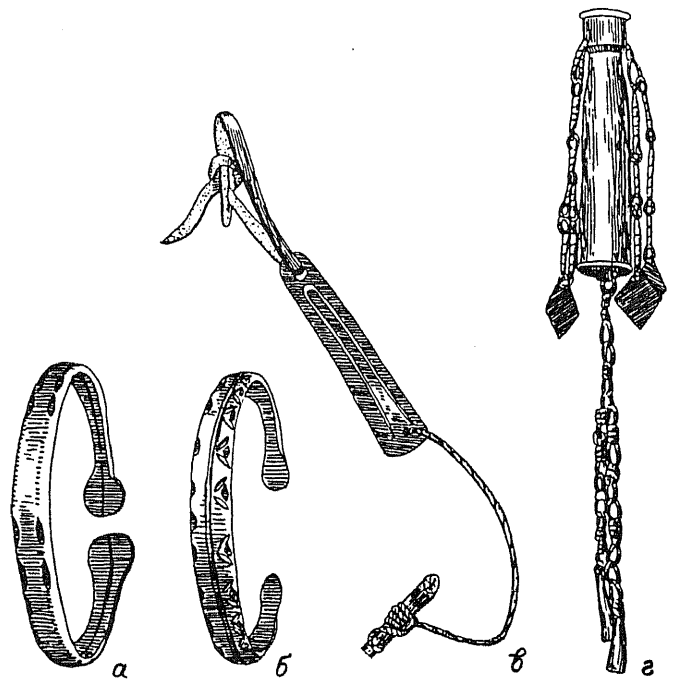

Рис. 103. Латунные браслеты — а, б; варган из латуни — в; игольник из патрона — г.

Коряки же, наоборот, особенного пристрастия к серебру не чувствуют. Даже жены самых богатых оленеводов не всегда имеют серебряные украшения. Цвет меди или латуни более соответствует их вкусу, чем белый цвет серебра. Я помню, что когда в селении Каменском я предложил одной корячке выбор между широким медным кольцом с блестящим щитком и узким серебряным, она выбрала первое, а такой же опыт с тунгусской дал обратный результат.

Коряки называют серебро *ηηη-polou'ntin* («легко продающееся железо»), следовательно, это название указывает на преимущество серебра перед железом. Происхождение слова для названия железа неизвестно, но во всяком случае не было заимствовано у русских.

РАБОТА ПО ДЕРЕВУ И КОСТИ

Все деревянные и костяные предметы, от крошечных резных вещей до нарт, делаются теперь только с помощью вышеописанных железных орудий. Ни железные гвозди, ни деревянные колышки не употребляются для скрепления частей нарт или остова байдар. Все связывается кожаными ремнями. Но сколачивать свои маленькие ящики для чайной посуды или другие предметы коряки предпочитают железными гвоздями, покупаемыми у русских. Челнок для плетения сетей и тиски, употребляемые вместо железных клещей при окончательной отделке металлических вещей, делаются из дерева.

Кроме ножа для разрезания сельди, о котором упоминалось выше, из кости, рога или мамонтовых

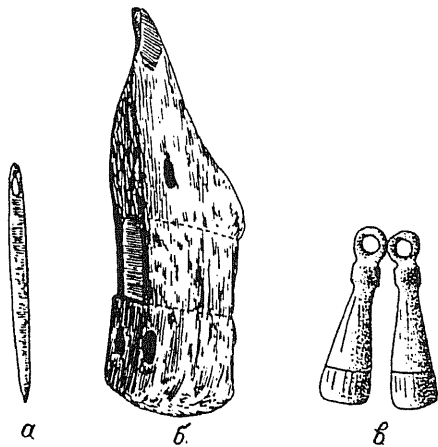

Рис. 104. Костяная игла (длина 4 см) — а; костяной инструмент неизвестного назначения (длина 13.5 см) — б; костяные ушные подвески (длина 2.5 см) — в.

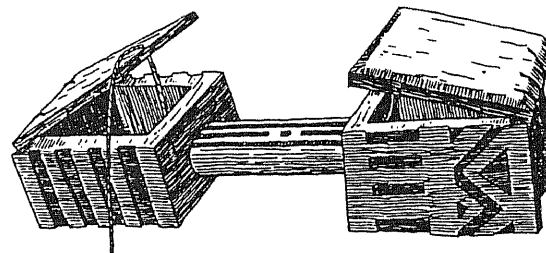

Рис. 105. Резная коробочка (длина 30.5 см).

из моржового клыка. Когда кольцо высохнет, оно сжимается вокруг стержня болта и головка уже выпасть не может; наконец, можно еще упомянуть о корякском костяном скребке, описанном Богоразом.³⁸

ЖЕНСКАЯ ПОРТНЯЖНАЯ РАБОТА

и моржовых клыков делается еще много других предметов. Я уже описывал наперсток и кольцо из мамонтовой кости для предохранения пальцев при обтесывании каменных орудий и при резьбе ножом. Рис. 104 (а) показывает костяную иглу для плетения травяных корзин; б — костяной инструмент, найденный мной при раскопках старинных подземных жилищ в устье Наяхана. По форме он похож на железный молоток, но с той разницей, что в нем сделаны дырочки для привязывания его к ручке кожаными ремнями. Каково было его практическое применение, неизвестно. Молоток этот слишком мал, чтобы им можно было глушить тюленей. Найден он был вместе с черепками, и, если судить по форме, он является подражанием железному молотку; очевидно, и черепки недавнего происхождения; в — изображает пару серег, вырезанных ножом из моржового клыка. По форме эти серьги — подражание каменным, о которых уже упоминалось, но отличаются они тем, что на них нанесен линейный орнамент.³⁵

Кроме упомянутых раньше, еще несколько костяных орудий употребляются и до сих пор. Это топор из китовой кости, которым, чтобы получить смолу, сдирают с деревьев кору и которым режут дерн для покрытия стен и крыш подземных домов,³⁶ свайки, необходимые ввиду большого употребления завязок; костяные гребни для расчесывания жертвенной травы,³⁷ палочки для технических целей. За неимением железа кляпы и вертлюги для собачьей упряжи еще и теперь местами делают из кости или рога. Чтобы сделать костяной вертлюг, готовят кольцо из кости горного барана и кладут его в кипяток, в котором оно разбухает и размягчается. В него пропускают маленькую головку болта, обыкновенно вырезанного

Вся одежда шьется женщинами. В каждой семье все шьют взрослые женщины, но и девочки, начиная с двенадцати-тринадцати лет, помогают своим взрослым родственницам. Из орудий этого производства — женский нож был уже описан, остается сказать об игле и кроильной доске. В настоящее время в ходу только привозные стальные иголки. Для шитья толстых шкур употребляются длинные и толстые иглы. Особенно же предпочитают матросские (граненые) иголки, которыми женщины легче, чем круглыми, могут прокалывать толстые шкуры, нужные зимой для пологов и больших покрышек яранги. Кроильные доски делают разных размеров. Большой частью — это простая ольховая, тополевая или лиственничная доска в 50 см длины и 15—20 см ширины, выструганная скобелем. На обратной стороне ее ножом вырезаны фигуры людей, зверей и разный иной орнамент. Маленькие кусочки белого и черного меха для узоров на одежде и коврах выкраиваются на маленьких досках, украшенных орнаментом, с большим вырезом посередине, на который наворачиваются вышитые полосы для отделки кухлянок.

На рис. 105 показан украшенный резьбой двойной ящик для мелочей. Оба отделения соединены брусом с выдолбленными канавками, на который наматываются вышитые упованы. Служат такие ящички для хранения игольников, наперстков, узоров, инструментов и разных других мелочей. Деревянные крышки приделаны к наружным сторонам ящичков не петлями, а ремешками и закрываются сухожильным шнурком, проходящим через канавки бруска от одной крышки к другой.

Нитки еще до сих пор делаются из оленьих жил. Для шитья берутся тонкие спинные жилы, а толстые сухожилия с ног служат для бечевок, из которых плетут сети и корзины. Сухожилие колотят каменным молотком на каменной плите, расчесывают костяным гребнем, как лен, и потом скручивают до желательной толщины полученные таким образом тонкие волокна.

³⁵ В тексте других глав упоминаются также костяной светильник, сиденье из рогов, ложки, грабли для рыбы, кирки и пест.

³⁶ Любопытно отметить, что костяные топоры, которые я видел, были насажены на топорнице острием лезвия параллельно ему, как железные, а не как тесла, что делались раньше. Таким образом, в эпоху перехода от камня к металлу мы находим не только стремление придать металлическим орудиям вид каменных, но и, наоборот, каменным или костяным — вид импортных железных.

³⁷ См.: Jochelson W. The Koryak... P. 97, fig. 42.

³⁸ Bogoras W. The Chukchee... P. 219, fig. 147.

На рис. 16 были показаны приморские корячки, занимающиеся в тусклом свете жирника кройкой и шитьем. Справа, на бревне, отделяющем спальное помещение от центральной части жилища, сидит мальчик; девочка, занимающаяся шитьем, и женщина с ребенком сидят на шкурах позади бревна под поднятым занавесом спального полога. Слева сидят девочка и женщина с кроильной доской. Над их головами висят одежда, обувь и меховой ковер.

КРАСКИ

Корячки употребляют различные краски для окрашивания кожи, шкур или меха животных для украшений и нитей для плетения мешков и корзин. Для черных и темных красок они берут морской ил, отвар болотного мха, смешанного с толченым углем и рыбьим клеем, или отвар ягод шикши (*Empetrum nigrum*) и жженой травы колосняка (*Elymus mollis*). Илом и первым отваром красится кипрей (*Epilobium angustifolium*), из которого плетутся мешки. Прежде чем сучить из него нитки, эту траву мочат в морском иле, собранном на берегу после прилива, или в горячем отваре болотного мха.

Толченый уголь, смешанный с рыбьим клеем, употребляется для окраски копыльев у нарт, гравировки при резьбе по кости, для покраски сухожильных и крапивных ниток, а иногда для резного дерева.³⁹ Отваром брусники с золой колосняка окрашиваются в черный цвет полоски и куски шкур акибы и тонкие шкурки с собачьей шеи, употребляемые для отделки одежды.

Красные краски различных оттенков делаются из охры, ольховой коры и ягод шикши. Охра употребляется или сухой (например, для окраски щек деревянных масок),⁴⁰ или разведенной водой. Ольховой корой красят главным образом выделанные олени шкуры, из которых делаются одежды, носимые мехом внутрь. Корой или натирают выделанные шкуры, или она вываривается в воде, и шкуры мочат в горячем отваре. В первом случае получается неровная красноватая окраска, во втором — яркий ровный коричневый цвет. Для этого дела необходимо особенное умение. Опытных красильщиц можно найти среди приморских корячек, которые умеют придавать коже очень красивый яркий цвет. После обработки горячей ольховой краской шкуры твердеют, и, чтобы их смягчить, приходится их снова перетирать.

ВЫДЕЛКА ШКУР И РЕЗКА РЕМНЕЙ

Выделка шкур и резка ремней — очень важное занятие в корякском хозяйстве, так как вся одежда шьется из шкур, которые должны быть сначала выделаны; а ремни необходимы не только для линий, упряжи, лассо и т. п., но также и для

³⁹ См., например, вырезанную из дерева и окрашенную в черный цвет фигурку собаки (рис. 127, а).

⁴⁰ Jochelson W. The Koryak... P. 84.

связывания нарт, байдар, для сетей и многих других потребностей.

Выделка шкур — занятие женщин, а резка ремней — мужское занятие. Способы работы в обоих этих производствах одинаковы у коряков и чукоч, так что для знакомства с деталями мы можем отослать читателя к работе Богораза о чукчах.⁴¹ Замечу только, что в некоторых местностях эти занятия развились в кустарные промыслы. В особенности это относится к обработке ремней. А так как крепкие ремни получаются только из кожи морских животных, то, конечно, делают их приморские корячки и выменивают ремни из шкур нерпы и моржа оленеводам.

ПЛЕТЕНИЕ КОРЗИН

Производство тканых и плетеных мешков и корзин, как и шитье одежды, составляет занятие женщин и больше всего развито у приморских коряков. Материалом служат корни различных видов ивы, колосняк или дикая рожь (*Elymus mollis*, по-корякски *túwai*), трава кипрея (*Epilobium angustifolium*, по-корякски *me'nmet*, или *me'nmetan*), крапива (*Urtica discica* L.), нитки из оленьих сухожилий и привозной шпагат.

Прежде чем плести, ивовые корни мочат в теплой воде, после чего получают гибкие белые прутья. Стебли колосняка собирают осенью. Это растение растет на песчаных склонах речных берегов и часто достигает высоты человеческого роста. Женщины срезают его ножами и снопами приносят домой; потом сплетают его косами, и пучки этих кос вешаются в балаганах.

Внешние покровы съедобного кипрея употребляются для технических целей, а сердцевина идет на еду. Из кипрея прядут нитки так же, как из крапивы, и зимние запасы собираются тоже осенью и сохраняются в пучках.

Корячки, вероятно, использовали крапиву для тканья и плетения до прихода русских. Из некоторых замечаний Дитмара⁴² можно прийти к заключению, что русские научили камчадалов применять крапиву для тканья, но Крашенинников и Стеллер, писавшие о Камчатке почти на столетие раньше Дитмара, говорят о применении крапивы для плетения сетей и корзин, как о чем-то давно известном камчадалам.⁴³

Корячки собирают крапиву тоже осенью по окончании рыболовного сезона, связывают ее в пучки и вешают сохнуть под балаганами. Зимой из нее делают нитки. Зубами отделяют мягкие волокна от жестких стеблей крапивы, расколачи-

⁴¹ Bogoras W. The Chukchee... P. 217, 228.

⁴² Очень возможно, что замечания Дитмара относятся не к обработке крапивы камчадалами вообще, но к попыткам Завойко, камчатского губернатора, приучить их к лучшему способу обработки с помощью прялки и ткацкого станка. Но из того, что сказано в книге Дитмара (Reisen... P. 160, 164, 363), не ясно, имеет ли он в виду только улучшения в способе обработки. Я не знаю, сохранился ли у камчадалов лучший способ, введенный русскими, но корячки до сих пор обрабатывают крапиву самым примитивным способом.

⁴³ Steller G. W. Beschreibung... P. 83, 317; Крашенинников С. П. Описание... Т. 1. С. 332.

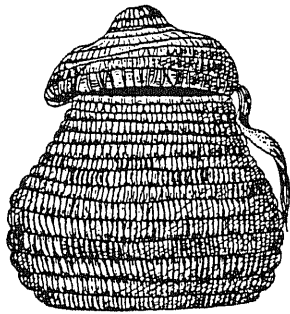

Рис. 106. Корзина кольцевого плетения (высота 8 см).

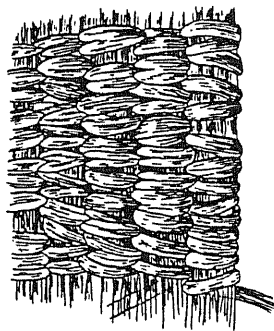

Рис. 107. Техника кольцевого плетения.

вая их палкой, пока волокно не отделится, и потом ссучивают их так же, как и сухожильные нитки.

Об употреблении сухожильных ниток при шитье я уже говорил. Для корзин и мешков или для сетей берутся четыре-шесть волокон, которые ссучиваются вместе. Прядение нитей из этих растений и сухожилий для плетения и ткани до сих пор не подвинулось дальше способа уличных сапожников готовить свои навощенные концы. Сучат между ладонями,⁴⁴ а чтобы получить длинную нитку, ссучивают отдельные куски. Наматывают готовые нитки на деревянные катушки.

Если в руки корячки попадает льняная, бумажная или конопляная нитка, она смешивает ее в работе со своим домашним материалом, так что полосы того и другого чередуются. Случается, она покупает холст, распускает его и из выдернутых ниток сучит бечевку для плетения.

У коряков, как и у эскимосов Аляски, мы находим кольцевое и витое плетение корзин, но вообще корякская работа лучше, и техника плетения разнообразнее, чем у эскимосов.

Рис. 106 представляет одну из разновидностей корзин кольцевого плетения. Это детская корзиночка, сделанная из колосняка. Такие же корзинки, только побольше, употребляют женщины при сборе ягод. На рис. 107 дан увеличенный вдвое кусочек плетения. Работа, как можно видеть, сделана грубо и несколько не отличается ни материалом, ни способом плетения от таких же работ эскимосов Аляски, описанных у Масона.⁴⁵ Пучки соломы берутся как основа кольца. Обматывая каждое кольцо соломенной ниткой, прихватывают ряды нижнего кольца и, таким образом, кольца связываются вместе. Связывающая нить проводится между пучками, служащими основой, при помощи костяного или железного шила. Как видно из рисунка, особенной правильности при проведении нитки не соблюдается. Обматывая нитку, проводят ее или в нижележащее кольцо основы, или

между двумя кольцами, точно так же как эскимосы Аляски.⁴⁶

Украшение подобных корзин составляет правильное чередование красных и черных связующих нитей с неокрашенными.

В разрезе эти корзинки круглые, и диаметр колец постепенно уменьшается кверху. Ободок делается не из соломы, а из согнутого ивового прута, обмотанного не соломенной, а сухожильной нитью. Крышка плетется отдельно и с одной стороны привязывается к корзине наглухо, а с другой завязывается ремешками.

На рис. 108 показано кольцевое плетение из того же колосняка, но соломенные кольца основы связаны здесь не соломкой же, а крученой сухожильной ниткой. Слева фрагмент дна корзинки: кольца основы образуют спираль и связаны жильной ниткой не особенно правильно, как и в предыдущем образце. Для работы служит костяная игла.

Рис. 109 изображает корзину, сделанную из ивовых корней на р. Алуке. Связью служит лубок с ивовых корней. Эта корзинка принадлежит также к кольцевому типу, но способ плетения здесь отличается от двух предыдущих. Прутья из ивовых корней или ветвей составляют основу. Начиная снизу, лубок обвивает два кольца основы сразу, причем между каждой петлей оставляется пространство, равное ширине лубка. Потом прибавляется третий прут и прикрепляется ко второму так, что стежки второго ряда проходят в оставленные промежутки между стежками, связывающими первые два прутика. Следует обратить внимание на чистоту и аккуратность этой работы. Шов нигде не переходит через предшествующий стежок, как это случается на соломенных корзинках. Форма этих корзин овальная в разрезе, и плетение крышки заставляет думать, что они — подражание какому-нибудь привозному образцу. По материалу и технике плетения эта корзина абсолютно идентична корзинам тинне, которые, как предполагал Масон, научили плетению эскимосов Аляски.⁴⁷

Корзины и мешки, тканые из бечевки, делаются редкими и плотными; последние непромокаемы.

Рис. 110 показывает незаконченный тканый мешок из крапивных ниток и увеличенный фрагмент, по которому виден способ плетения. Пустой мешок так мягок, что его можно скатать. После того как нити основы дна мешка укреплены нитями утка, мешок вешают на двух шестах или на растяжке. Концы нитей основы завязываются узлами, чтобы они не развились во время работы. Крашенные черные нити правильно чередуются с неокрашенными, определяя основной узор мешка. Ткань образуется обвиванием двух нитей утка вокруг каждой нити основы. Конец нити утка смотан и распускается по мере необходимости. Ткут справа налево.

⁴⁴ Интересно отметить, что якутские женщины нашли более удобный способ сучения ниток: ладонью правой руки по обнаженному бедру. Возникновение этого способа объясняется покроем якутской женской одежды, нижняя часть которой состоит из трех частей — коротких штанов, наколенников и горбазов. Выработывая нитку, якутка снимает правый наколенник, поднимает кушлянку и сучит на голем бедре.

⁴⁵ Mason O. T. *Basket-work of the North American Aborigines* // Report of the Smithsonian Institution, 1883—84. Washington, 1890. Part II. P. 293.

⁴⁶ Образцом более аккуратной работы с определенным порядком стежков может служить сосуд кольцевого плетения в указанной выше работе Масона (*Basket-work...Plate XLIX, fig. 81*) и ткань из пещеры в Кентуки (*Holmes. Prehistoric textile fabrics of the United States derived from impressions on pottery* // Third Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington. 1881—82. P. 403, fig. 67).

⁴⁷ Mason O. T. *Basket-work... P. 295. Plate V.*

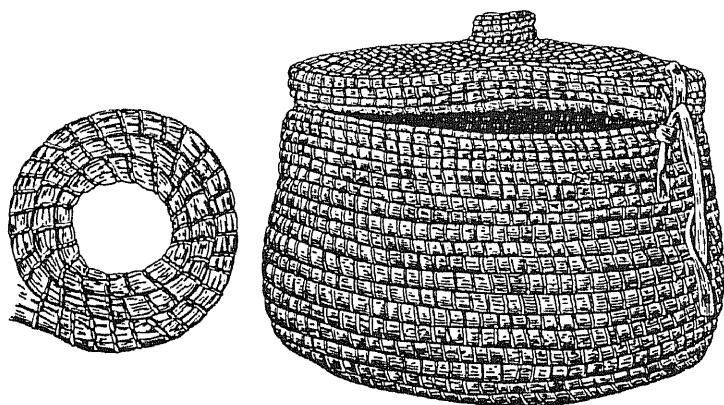

Рис. 108. Корзина кольцевого плетения из травы (высота 14 см) и деталь дна корзины.

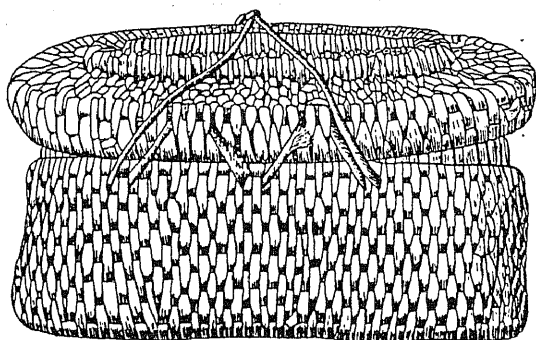

Рис. 109. Корзина кольцевого плетения из корня ивы (ширина 22 см).

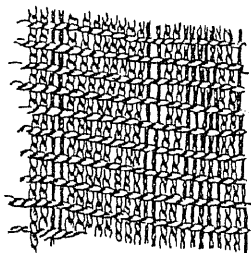
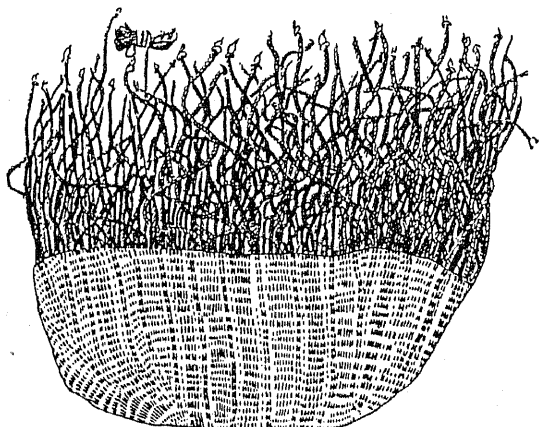

Рис. 110. Незаконченный мешок из крапивного волокна и деталь тканья.

На рис. 111 — законченный плоский мешок того же типа. Вокруг отверстия мешка нашита полоса тюленьей кожи. Она пришита сухожильными нитками к последним нитям утка, к которым привязываются и концы основы. В кожаной полосе вокруг отверстия проделаны дыры для ремня, который затягивается полный мешок. Работа выполнена с большим мастерством и вкусом. На мешке крестообразная вышивка цветной шерстью, правильное расположение которой очень приятно для глаз. Черные полосы сделаны из нитей внешней коры кипрея, выкрашенных морским илом.⁴⁸ К мешку приделана женская лямка для ношения на голове.

Мешки из бечевки, описанные здесь, служат для переноски клади во время пеших переходов. Женщины носят их при помощи головной лямки, а мужчины — при помощи грудного ярма. В них же женщины носят детей. По-корякски каждый мешок или корзинка называются *apkélin*, корзинки с орнаментом — *kelé-áphel* («украшенные корзинки»), кольцевые корзинки, описанные выше, *téne-ápkélin* («сшитые корзинки»).

Рис. 112 показывает способ тканья плотных мешков. Материалом для них служит по преимуществу тот же колосняк, но работа гораздо более совершенна, чем при плетении кольцевых корзин из того же материала. Основой служат скрученные пучки этой травы. Ткут, переплетая основу, двумя соломенными нитями утка. Получается плотная ткань, непроницаемая для воды, но гибкая и негрубая. На рис. 113 изображены три мешка этого типа. Орнамент образуется вплетением окрашенных в черный цвет нитей кипрея. Нити из этой травы были окрашены отваром болотного мха. В краску прибавляется немного рыбьего жира, что делает ее блестящей. Мешки эти очень различны по величине и употребляются главным образом для хранения принадлежностей женских работ. Большею частью верхняя (треть или половина) мешка делается из оленьей или тюленьей кожи, пришитой к тканой части. Корячки района Пенжинской губы, среди которых я собрал все вышеописанные образцы мешков и корзин, не плетут (по крайней мере теперь) травяных циновок, но корячки Северной Камчатки, как и камчадалки, делают их. Рисунок 114 изображает травяную корзину для ягод коряков Северной Камчатки; она цилиндрической формы и соткана плотно. По тщательности и чистоте работы она напоминает лучшие образцы плетения индейцев северной части Тихоокеанского побережья.

В. Г. Богораз собрал в Северной Камчатке несколько травяных мешков совершенно другой работы. Они сделаны сплошь из плетеной травяной тесьмы (рис. 115). Дно образует длинная узкая полоска кожи, к одному концу которой пришивается конец тесьмы. Тесьма спиралью обвивается сначала вокруг полоски кожи, затем спиральные витки тесьмы сшиваются между собой. Эти мешки украшают, вставляя в некоторых местах куски темной или орнаментированной тесьмы на длину

⁴⁸ Этот способ окраски ткацкого материала встречается также у индейцев хайда (*Mason O. T. Basket-work...* P. 297).

Рис. 111. Тканый мешок.

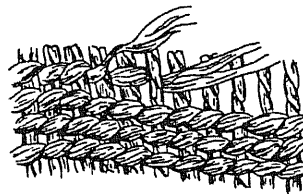

Рис. 112. Техника тканья.

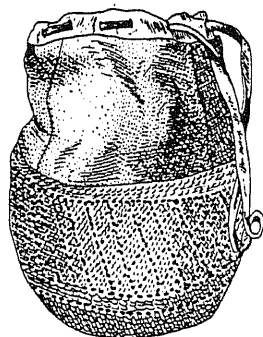
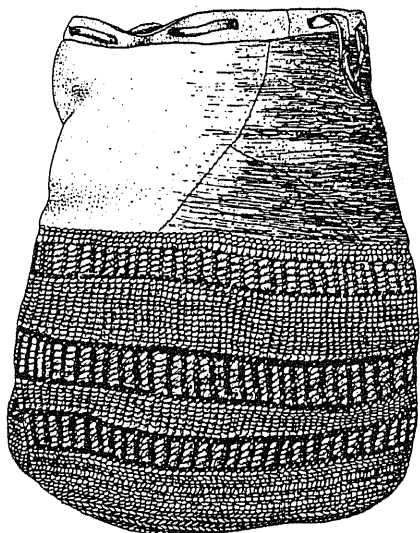

Рис. 114. Водонепроницаемая корзина (высота 34 см). Северная Камчатка.

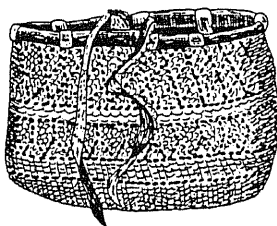

Рис. 113. Водонепроницаемые корзины (высота — 20 см, 17 см, 8.5 см).

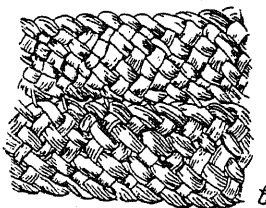

Рис. 115. Плетеные мешки (а, б — высота 40 см и 44 см) и деталь (в), показывающая технику плетения.

витка спирали попеременно с гладкой, неокрашенной. Таким образом, получается, что в каком-то месте корзины орнаментированные и гладкие полосы сшиваются, причем это производит впечатление неправильности, поскольку конец орнаментированной тесьмы всегда оказывается на ряд выше того места, где она начиналась. В одном случае (а) нижняя часть мешка сделана из грубой тесьмы, а верхние две трети — из гораздо более плотно сплетенной. В другом случае (б) вставка украшенной тесьмы сделана по-другому, она вставлена отдельной спиралью и с обоих концов сходит на нет.

Только приморские коряки занимаются плетением корзин и мешков из растительных и других волокон. Женщины оленных коряков не имеют для этого времени, да и их большие холодные яранги зимой не приспособлены для подготовки материала к плетению корзин. Они довольствуются рабочими мешками, сшитыми из шкур или же плетеными, выменянными у приморских коряков.

ДРЕВНЕЕ ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Я уже упоминал о раскопках древних корякских подземных жилищ, которые я производил в устье реки Наяхан и на морском побережье между реками Наяхан и Гижигой. Прежде чем описывать черепки, найденные при этих раскопках, я хочу сделать несколько общих замечаний о развалинах этих жилищ и о том, как велись эти раскопки.

Сами коряки смотрят на эти развалины, как на жилища своих предков, живших здесь до прихода русских, и называют их так же, как свои теперешние подземные жилища. Следовательно, это жилища коряков, а не какой-либо иной народности, и, по-видимому, они не очень древни.

Снаружи они имеют вид круглых или почти круглых неглубоких ям с небольшим валом и похожи на остатки подземных жилищ на Иезо, описанные Гриммом.⁴⁹ Гримм обращает внимание на обугленные столбы, найденные им при раскопках. В некоторых ямах я тоже нашел совершенно обуглившиеся столбы, очевидно, поддерживавшие крышу. Коряки объясняли это тем, что русские завоеватели или другие враги поджигали эти жилища — прием, очень обычный в прежнее время в случаях, когда осажденные не хотели сдаваться.

К моему большому сожалению, я не мог производить систематических раскопок, так как порядок моего путешествия исключал долгое пребывание в этих местах. Кроме того, был июль, и почва на глубине фута была мерзлая, копать было невозможно, землю приходилось рубить топором, и поэтому никакие предосторожности не могли предупредить поломку найденных вещей. Не имея возможности производить правильные и длительные раскопки, я ограничивался раскапыванием центра ям в надежде найти место нахождения очагов. Я действительно находил обгорелые бревна, уголь, камни, составлявшие очаг, черепки и обломки орудий. Рассмотрим теперь черепки.

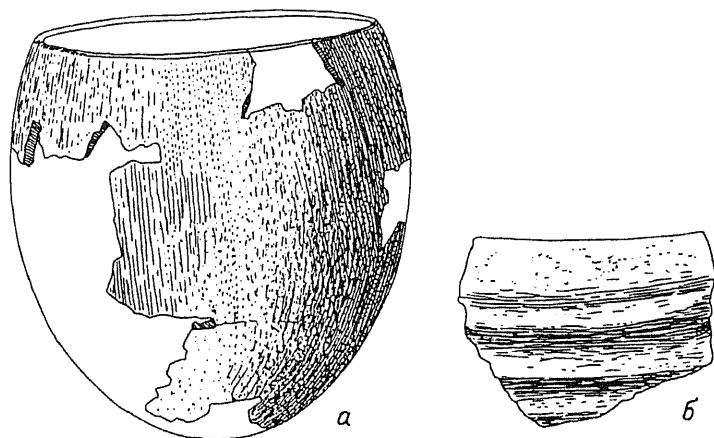

Рис. 116. Глиняный сосуд — а, венчик глиняного сосуда — б.

Все найденные мною черепки были сделаны из грубой глины, содержащей мелкий гравий и куски кварца. Они очень тонки (4—12 мм), так что их выделка не имеет ничего общего с описанными Богоразом толстыми и неуклюжими глиняными светильниками и необожженными четырехугольными котлами современных чукоч и азиатских эскимосов.⁵⁰ Черепки же, найденные мною при раскопках, черны от копоти и жира, но были, очевидно, хорошо обожжены, так как остались твердыми и прочными, несмотря на то что лежали в сырой земле.

Коряки сами отлично знают, что находимые теперь черепки — это остатки глиняной посуды, в которой их ближайшие предки варили себе пищу. Коряки называют глиняный горшок *sekú-kepa*, т. е. «глиняный котел» (от *sā* — земля и глина и *kipepa* — котел или горшок). Железные же котлы они называют *polouto-kukepa*.

В одном мифе⁵¹ рассказывается, как *Yinea-neut* еще ребенком была брошена в подземном доме своим отцом Великим Вороном. Там она росла одна, ловила птиц и варила их в глиняном горшке, который нашла за очагом. Упоминание о глиняной посуде в мифах показывает, что коряки сами приписывают гончарному делу древнее происхождение.

По найденным черепкам можно составить довольно ясное представление о размерах и форме цельных горшков. На рис. 116 показан воссозданный горшок. Диаметр его отверстия около 21 см, а высота, должно быть, была приблизительно 24 см; толщина стенок 4—8 мм. Горшок сформован руками, и снаружи на нем везде видны оттиски плотного плетения корзинки. Эти оттиски произошли, очевидно, от того, что кусок плетения прижимался рукой к сырому горшку, причем основа приходилась под прямым углом к краю горшка. На некоторых черепках эти оттиски плетеной ткани очень явственно видны. По другому черепку видно, что горшок, часть которого этот черепок когда-то составлял, должен был иметь еще больший диаметр, но кусок слишком мал, чтобы можно было по нему воссоздать точную форму

⁴⁹ Grimm H. Beitrag zur Kenntniss... P. 369—373.

⁵⁰ Bogoras W. The Chukchee... P. 185—186.

⁵¹ См.: Jochelson W. The Koryak... P. 306.

горшка; все же он был, по-видимому, не меньше 30 см шириной у горлышка. Все горшки покрыты толстым слоем сажи. Толстый черепок, изображенный на рис. 116 (б), дает представление об украшении венчика горшка.

Бесспорное существование у коряков в недавнем прошлом глиняной посуды представляет большой интерес ввиду того, что многие исследователи оспаривают прежнее существование гончарного производства у так называемых палеоазиатских народов.

Посмотрим сначала на камчадалов, соседний народ, родственник корякам. Правда, Стеллер и Крашенинников посетили их уже в то время, когда они значительно подпали под влияние русской культуры, но, говоря о способе приготовления пищи древних камчадалов, они упоминают только о варке в деревянных корытах при помощи докрасна раскаленных камней, и в работах этих авторов нигде не упоминается глиняная посуда. Шренк считает доказанным отсутствие гончарных изделий у камчадалов.⁵²

По моим сведениям, коряки тоже употребляли раскаленные камни для варки, но я не вижу в этом противоречия с существованием у них следов глиняных изделий. По моему мнению, последние являются изобретением более поздним, чем варка при помощи горячих камней, но даже и после изобретения гончарного производства могли продолжать варить с помощью камней.

Когда появились железные котлы, производство глиняной посуды исчезло, вероятно, раньше, чем обычай варить в корытах при помощи раскаленных камней, как могло случиться и у камчадалов. Уйтсен,⁵³ основываясь на сведениях, данных казаками, говорит, что камчадалы делали глиняную посуду. Дитмар нашел в старом подземном доме небольшие глиняные сосуды очень примитивной работы. Глина рассыпалась в руках и, очевидно, была (если вообще была) очень плохо обожжена, говорит он. Так как горшки были пропитаны ворванью, Дитмар думает, что это, может быть, были светильники, а не горшки для варки; но это мнение опровергается формой и величиной, а главное, глубиной найденных сосудов.⁵⁴ Кроме того, в другом месте Дитмар рассказывает об одном старике-камчадале, который принес ему каменные орудия, найденные в древних домах, и сказал, что при раскопках древних подземных жилищ на восточном берегу Камчатки можно часто найти черепки глиняной посуды.⁵⁵

Наконец, гижигинские казаки, часто по службе посещавшие полуостров Камчатку, говорили лично мне, что они много раз встречали того же рода черепки, как найденные мною в развалинах древних корякских домов.

⁵² Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 140.

⁵³ Witsen N. Noord en Oost Tartarye. [Б.м.], 1705. P. 673.

⁵⁴ Дитмар дает следующие измерения горшков: верхний диаметр 12 см, нижний 10 см; наибольшая ширина 14 см, глубина 10 см (Dittmar C. V. Ueber die Koräken... P. 213). Следовательно, у этого сосуда отверстие меньше средней части, а дно меньше отверстия. Глиняные же светильники обычно бывают других размеров. Корякские каменные светильники имеют глубину 4—6 см.

⁵⁵ Dittmar C. V. Ueber die Koräken... P. 189.

В настоящее время ни гиляки и айны, ни камчадалы и коряки глиняной утвари не делают. Шренк выражает мнение, что даже в древности это производство не было известно гилякам и айнам.⁵⁶ Относительно утверждения японского исследователя Мамина Ринзо, что гиляки на Сахалине делали глиняную посуду, похожую на китайскую и японскую, Шренк полагает, что это производство было введено там китайцами и японцами совсем недавно и затем снова забыто. С другой стороны, Шренк находит, что черепки, собранные Пфейфером, Лопатиным и Поляковым в различных местах Приамурья и Сахалина, образцы которых попали в его руки, были так стары, что не имели никакого отношения к племенам, живущим там теперь.⁵⁷

В своем кратком предварительном очерке о гиляках Л. Я. Штернберг⁵⁸ выражает о гилякском гончарном производстве мнение, согласное с мнением Шренка. С его точки зрения, гиляки не были знакомы с гончарством. Дальше я кратко коснусь его аргументов. Гиляки сами называют остатки древних подземных домов на Сахалине, в которых были найдены черепки *kugi tulhç*, что значит «айнские ямки», т. е. приписывают их айнам. Рассуждая далее, Штернберг предполагает, что эти ямки не принадлежат предкам современных айнов, так как и сами сахалинские айны приписывают их другому народу по имени тончи⁵⁹ [IX]. Здесь я коснусь в высшей степени интересного вопроса — вопроса о том, кто были древние жители Японии и подземных жилищ Иезо и других мест — айны или другой до-айнский народ. Этот вопрос делит японских и других исследователей на два лагеря. Из японских ученых сторонником первого мнения является профессор Цубой. В вопросах, касающихся Сахалина, мой друг Л. Я. Штернберг солидарен с Цубоем, а д-р Лауфер, член нашей экспедиции, присоединяется к мнению Коганея,⁶⁰ прекрасная статья которого «Ueber die Urbewohner Japans» представляет особый интерес среди последних работ, посвященных этому вопросу.⁶¹

Я коснусь этого вопроса только в той степени, в которой он относится к гончарному производству. С одной стороны, остатки глиняной посуды найдены на Чукотском полуострове,⁶² в бухте Корфа, на Камчатке, на побережье Охотского моря и в его заливах, в устье Амура, на Сахалине и на острове

⁵⁶ Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 139. Кстати сказать, Шренк выражает мнение, что горшечное искусство не было известно ни одному из так называемых палеоазиатских народов, исключая эскимосов. Он полагает, что эскимосы пришли в Америку из Азии, и числит их среди палеоазиатцев, но, как мы видим, этой точке зрения факты противоречат.

⁵⁷ Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 141.

⁵⁸ Штернберг Л. Я. Гиляки острова Сахалин // Этнографическое обозрение. 1893. № 2.

⁵⁹ Там же. С. 5.

⁶⁰ Laufer B. Die angeblichen Urvölker von Yezo und Sachalin // Centralblatt für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jena, 1900. Vol. V.

⁶¹ Koganei D. Ueber die Urbewohner Japans // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Tokio, 1903. Band IX. Teil 3. P. 297—330.

⁶² Богораз (The Chukchee. Part I. P. 186) говорит, что некоторые черепки, найденные им в древних домах из китовых челюстей, тоньше, чем вышеописанные глиняные светильники и котлы, что указывает на существование другого типа глиняных сосудов в прошлом.

Иезо. С другой стороны, эскимосы Северо-Западной Америки и теперь еще делают глиняные горшки, и существуют следы этого искусства, бытовавшего у них в старину.⁶³

Было ли гончарное производство известно алеутам, мы пока не знаем. Вениаминов говорит, что глиняная посуда была завезена к алеутам русскими.⁶⁴ В описании предметов, найденных Доллом⁶⁵ в могильных пещерах алеутов, мы не находим глиняной посуды; но пока еще не произведено детальных археологических исследований на Алеутских островах, нельзя утверждать, что гончарное дело не было вовсе известно алеутам. Судя по результатам нашей экспедиции, у индейцев севера Тихоокеанского побережья глиняной посуды не было никогда.⁶⁶

Если говорить только о территории, то до сих пор мы установили, что гончарное производство в своей первобытной стадии было распространено по северным берегам Тихого океана, начиная от Японских островов и почти до берегов южной Аляски. Что же касается народностей, оставивших след этого производства, то во многих случаях тут еще имеются разногласия. То, что горшки, черепки которых найдены мною на корякской территории, были сделаны ближайшими предками коряков, сомнения не вызывает. То же самое можно сказать об эскимосах Аляски, но тут замешан вопрос об их первоначальном постепенном распространении. Если судить по мифологии эскимосов, то я склонен признать теорию Боаса, что эскимосы пришли на берег Тихого океана с востока.⁶⁷ По вопросам соматологии у нас есть данные, указывающие на изменения физического типа эскимосов по направ-

лению с востока на запад по мере приближения к Тихому океану.⁶⁸

У центральных и восточных эскимосов были светильники из мыльного камня, но мы не находим никаких указаний на то, что они делали теперь или могли делать прежде глиняную утварь. Если мы будем считать правильной теорию о том, что эскимосы Аляски пришли с востока и что их физический тип и их традиции изменились под влиянием индейцев, то, появившись на побережье Тихого океана, они могли также перенять и гончарное производство от аборигенов, так как их восточные единоплеменники этого производства, очевидно, не знали. Должен сказать, что я привожу эти рассуждения только как попытку разрешить вопрос о первобытной культуре азиатско-американских племен.

Говоря об айнах, невозможно, как мне кажется, не согласиться с мнением Коганея, что содержащиеся черепки ямы на Иезо, Сахалине и Курильских островах являются остатками жилищ предков современных айнов. В отношении гияляков мы пока должны принять мнение Штернберга, лучшего авторитета во всем, касающемся этого племени, который говорит, что гияляки — недавние пришельцы на Сахалине и в устье Амура, и предполагает, что они могли быть раньше соседями алеутов.⁶⁹ Так или иначе нельзя не отметить, что основные аргументы Штернберга, приведенные в доказательство того, что глиняные черепки из «ямок» на Сахалине не принадлежали ни предкам гияляков, ни древним айнам,⁷⁰ аналогичны доводам Цубоя, относящимся только к айнам.⁷¹ Эти доказательства состоят в следующем. В мифах нет и намека на использование в прошлом гончарных изделий гияляками или айнами; напротив, традиция обоих народов приписывает это искусство другим племенам. Гияляки приписывают гончарство айнам. Айны, со своей стороны, связывают это искусство с мифическим племенем коропокгуру, а айны Сахалина утверждают, что горшки, найденные в развалинах подземных жилищ, были сделаны мифическим племенем тончей.⁷² Он полагает также, что если бы гияляки и айны знали в прошлом это искусство, они бы его не потеряли.

Я не буду останавливаться на лингвистическом толковании слов «тончи» и «коропокгуру».⁷³ Хочу только заметить, что предание не может заменить истории, если оно не согласуется с данными археологии, антропологии и лингвистики. Возникающие проблемы еще требуют дальнейшего исследования,

⁶³ Так, у нас есть сообщение Врангеля, относящееся к началу XX столетия, о том, что эскимосы Аляски делали горшки (*Wrangell. Statistische und Ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. St.-Petersburg, 1839. P. 147*); также см.: *Dall W. H. Alaska and its resources. London, 1870. P. 213* и современные данные: *Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. Washington, 1883. P. 201—202*. О жителях острова Кадьяк известно, что в начале прошлого века они делали из глины огнеупорную посуду, в которой топили китовый жир; это искусство забывается, так как они находят наши котлы более удобными (Путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. СПб., 1812. Т. II. С. 104). В конце прошлого столетия Мердок нашел на мысе Барроу остатки гончарных изделий, которые, по его мнению, бытовали раньше железных котлов (*Murdoch J. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition. P. 91, 92*). Г. В. Гордон в своих заметках о западных эскимосах, основанных на коллекциях, собранных экспедицией, посланной на Аляску летом 1905 г. Пенсильванским университетом, говорит, что в настоящее время гончарное искусство у западных эскимосов вымерло, но старики еще помнят время, когда светильники и кухонная посуда делались из глины (*Gordon G. B. Notes on the Western Eskimo // Transactions of the Department of Archaeology. University of Pennsylvania. 1906. Vol. II. Part I. P. 83*).

⁶⁴ Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. II. С. 239.

⁶⁵ *Dall W. H. On the remains of prehistoric man obtained from caverns in the Catherine Archipelago, Alaska territory and especially from the caverns of the Aleutian Islands // Smithsonian Contributions to Knowledge. 1878. Vol. XXII.*

⁶⁶ Это заключение основано на результатах раскопок, проведенных Смитом в устье реки Фрезер в южной части острова Ванкувера на Вашингтонском берегу. Но было бы очень важно распространить исследование и на другие части береговой линии между эскимосами Аляски и рекой Колумбией и внутри территории атапасков, чтобы прийти к окончательному заключению.

⁶⁷ См.: *Jochelson W. The Koryak... P. 359.*

⁶⁸ *Jochelson-Brodsky D. Zur Topographie des weiblichen Körpers nordostsibirischen Völker. Braunschweig, 1906.*

⁶⁹ Если это предположение окажется правильным, очень важны будут находки следов гончарного производства на алеутской территории.

⁷⁰ Штернберг Л. Я. Гияляки... С. 5.

⁷¹ См.: *Koganei D. Ueber die Urbewohner Japans. P. 302, 303.*

⁷² Следует отметить, что относительно черепков, найденных в 1865 году при раскопках подземных жилищ в устье Амура (*Шренк Л. Об инородцах... Т. II. С. 141*), и остатков таких жилищ между Хабаровском и устьем Амура (*Laufer B. Die Angeblichen Urvölker... P. 329*) до сих пор никаких преданий, приписывающих их мифическим племенам, не возникло.

⁷³ См.: *Laufer B. Die Angeblichen Urvölker... P. 325; Koganei D. Ueber die Urbewohner Japans. P. 314, 315.*

но то, что уже было сделано по айнскому вопросу, полностью доказывает, что коропокуру являются предками современных айнов. Достаточно прочесть описание современных подземных жилищ шикотанских айнов, чтобы понять, что, разрушившись, они образуют такие же ямы, которые еще находят на Йезо.⁷⁴ Вполне возможно, что запечатленные в преданиях названия исчезнувших племен — не что иное, как древнее название территориальных групп или родов того или иного из ныне существующих народов, как мне это удалось доказать относительно якобы вымерших племен Колымской округи. Ходынцы, омоки и другие — это древние местные названия подразделений юкагиров, а вовсе не вымершие племена.⁷⁵

Отсутствие в настоящее время гончарных изделий у айнов и гиляков не может служить доказательством того, что этих изделий никогда у них не было. У нас есть много оснований утверждать, о чем свидетельствуют и мои собственные материалы по корякам, что с появлением металла может исчезнуть гончарное производство.⁷⁶ Точно так же отсутствие упоминания о гончарном деле в мифах ничего не доказывает. Память народов, не имеющих письменности, вообще очень коротка по отношению к фактам их прошлой жизни. Например, я был очень удивлен, когда убедился, что полярные якуты, очень недавно пришедшие на Крайний

⁷⁴ *Grimm H.* Beitrag zur Kenntniss...; *Hitchcock.* The ancient Pit-Dwellers of Yeso, Japan. Washington, 1892.

⁷⁵ К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа // *Известия Восточносибирского отделения Императорского Русского Географического общества.* 1897. Т. XXVIII. № 2.

⁷⁶ Об исчезновении гончарства восточных индейцев Северной Америки с появлением белых см.: *Rap. Ch.* The Archaeological Collection of the United States National Museum // *Smithsonian Contributions to Knowledge.* Washington, 1876. Vol. XXII. P. 73. См. также сноску 63 на с. 146.

Север, не знали, когда я их об этом спрашивал, что их предки делали глиняную посуду и даже что их более южные соплеменники до сих пор ее делают. Серошевский же в своем труде о якутах вполне доказал, что современное ручное гончарное производство без гончарного колеса и без всякого знания искусства глазуковки — происхождения очень древнего.⁷⁷

После того как эта глава была написана, я получил возможность ознакомиться в рукописи с чрезвычайно интересной статьей И. Баелза «Zur Vor- und urchgeschichte Japans»,⁷⁸ в которой автор разбирает вопрос об айнах. Он вполне согласен с проф. Каганей и думает, что остатки подземных жилищ и первобытные черепки каменного века в Японии принадлежат предкам современных айнов. Он сообщает, что, по утверждению Батчелора, лучшего знатока айнского языка, слово «корпокуру» означает просто «обитатели подземных жилищ». У самих айнов есть предания об употреблении глиняной посуды, а у курильских айнов и сейчас бытует такая же глиняная посуда, какой она была в каменном веке. Глиняные фигурки людей, которые Баелз нашел вместе с черепками и другими остатками каменного века, имеют большие бороды, как у современных айнов. Все же теория Баелза относительно происхождения айнов очень спорна. Он утверждает их связь с кавказской расой. Если принять эту теорию, придется признать, что айны, достигнув места своего постоянного расселения, восприняли материальную культуру палеоазиатов и американских народов северной части побережья Тихого Океана.

⁷⁷ *Серошевский В. Л.* Якуты. С. 377.

⁷⁸ *Baelz E.* Zur Vor- und urchgeschichte Japans // *Zeitschrift für Ethnologie.* 1907. P. 281—310.

XI. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО*

Искусство коряков, выраженное в резьбе по кости и дереву, рисунках и украшении всевозможных вещей, во многих отношениях подобно первобытному искусству древнего человека эпохи каменного века Южной Европы, которую французские археологи называют «*époque mandalénienne*».¹ По геологическим, палеонтологическим и археологическим данным, климатические условия и жизненная обстановка человека того периода были очень похожи на жизнь современных первобытных народов полярных и приполярных местностей Старого и Нового Света.

Сходство между графическим искусством эскимосов и графикой, известной по археологическим находкам у пещерных жителей Южной Европы, привело некоторых европейских археологов к созданию теории о происхождении эскимосов от пещерных жителей Франции² — теории, лишенной прочной основы. Искусство современных коряков, в особенности скульптурная резьба и орнаментация одежды, выше не только искусства пещерных жителей Европы, но и современных эскимосов.

СКУЛЬПТУРА

Коряки употребляют для резьбы различные породы дерева, рога оленей и горных баранов, кости кита, зубы белухи и медведя, моржовые и мамонтовые клыки. Используется иногда и рог нарвала, привозимый с берегов Ледовитого океана. Наиболее подходящий материал по своей плотности и мелкозернистости — клыки моржа и мамонта, в особенности последние, столь же прочные, как и первые.³

* Рукопись этой главы была подготовлена В. И. Иохельсоном во время пребывания в Европе, из-за чего он не имел возможности справиться с предметами из собранных им коллекций.** Поэтому некоторые детальныe описания были добавлены редактором, как и большая часть соображений относительно техники и ритмической организации украшений на одежде, корзинах и коврах. — *Ред.*

¹ *Mortillet G. et A. Le Préhistorique origine et antiquité de l'homme. Paris, 1900. P. 241.*

² *Hoffman W. J. The graphic art of the Eskimo // Report of the US National Museum for 1895. Washington, 1897. P. 764.*

³ Клыки мамонта, получаемые в результате случайных палеонтологических находок, дают хороший материал для резьбы, если они извлечены непосредственно из мерзлой земли. Добытые таким образом клыки не имеют трещин, цельные внутри, чистые и белые и мало уступают в качестве слоновому бивню. Если же до

Клыки моржа и мамонта до обработки кладутся на некоторое время в кипяток, который на время размягчает их. Моржовые клыки употребляются больше мамонтовых, потому что последних гораздо меньше находят на территории коряков, чем в более северных местностях Чукотской земли — на тундренном побережье Ледовитого океана и на его островах.

Лопаточные кости и позвонки кита тоже служат материалом для резьбы. Эти твердые кости хороши для подобной цели, но грубость зерна и грязно-белый цвет придают сделанным из них предметам непривлекательный вид.

Хорошим материалом для резьбы являются также кости оленей и горных баранов. По тонкозернистости они уступают мамонтовой и моржовой кости, но достаточно гладки, состоят из однородной, твердой и упругой, но не волокнистой массы, так что их можно резать и полировать во всех направлениях. Перед обработкой их тоже размягчают в кипятке. Но из-за своего темного цвета этот материал не удовлетворяет эстетическому вкусу первобытного скульптора, и употребляется рог только за недостатком моржовой или мамонтовой кости.

Из рога оленя и барана часто делают миниатюрные игрушечные фигурки людей, птиц и других животных или ложки, украшенные резными фигурками. Стоит отметить, что, по словам Гофмана, очень многие образцы эскимосской работы с простым орнаментом или пиктографическими рисунками сделаны из оленьего рога, рога лесного или степного карibu, которому придана желательная форма. Ни в эскимосских коллекциях Национального Музея Соединенных Штатов, ни в Музее Торгового общества на Аляске в Сан-Франциско не встречается ни одного образца изделий из рогов горного барана или козла, употребляемых пле-

того, как он был найден, клык был уже вымыт из земли и какое-то время подвергался воздействию воздуха и атмосферных явлений, он теряет плотность, начинает трескаться и приобретает желтый цвет, напоминающий цвет табачного сока. На поверхности его появляются постепенно отделяющиеся от монолита концентрические слои, которые крошатся, делая клык непригодным для резьбы. Предметы, сделанные из моржового клыка, также теряют изначальную белизну, если долго подвергаются воздействию влаги. Старые резные предметы из моржового клыка — и корякские, и эскимосские — приобретают желтоватый табачный цвет.

нами более южной части морского побережья. Нигде не встречается также упоминаний о скульптурной резьбе эскимосов из рога оленя, хотя работы эскимосских племен западного берега Гудзонова залива из рога мускусного быка известны.

Материалом для резных работ пенжинских коряков служит главным образом дерево, так как они не охотятся на моржей, а по берегам Берингова моря редко встречается деревянная резьба, потому что в той местности нет дерева. И у эскимосов мы находим некоторое количество небольших деревянных фигурок животных. Коряки употребляют для резьбы все породы деревьев, какие только встречаются на их территории: лиственницу, тополь, ольху, березу и каменную сосну. Дерево вообще не может считаться хорошим материалом для скульптурной работы ввиду его волокнистости и неодинаковой плотности различных слоев; кроме того, использованию его мешает примитивность употребляемых инструментов. По своей плотности наилучший материал дает береза и корень каменной сосны, но последний так тверд, что его очень трудно резать ножом.

Камень как материал для скульптурных работ коряки не употребляют, и объясняется это, может быть, тем, что коряки очень мало занимались полировкой камня. Как известно, в палеолитических стоянках Европы было найдено очень мало следов художественной работы по камню. Среди образцов эскимосской резьбы в Национальном Музее в Вашингтоне мы встречаем фигурки животных, вырезанные из мыльного камня и кремня.⁴

Глину для лепки фигурок коряки также не употребляют, и мы не знаем, делали ли они это когда-нибудь. При раскопках древних жилищ приморских коряков я находил следы их прежнего гончарного производства, которое исчезло с появлением металлической утвари, но никаких остатков глиняных игрушек не было найдено.⁵

Несомненно, что среди произведений искусства Северной Америки эскимосская скульптура животных наиболее близка резьбе коряков. Эскимосы, коряки, керекки и чукчи — единственные первоначальные племена, среди которых было так сильно развито искусство миниатюрной скульптуры.⁶

⁴ См.: *Murdoch J. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition // Ninth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1892. P. 398, 399.*

⁵ На нижнем Юконе, где в прошлом развивалось гончарство, Нельсон приобрел пару грубо вылепленных глиняных кукол (см.: *Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington. 1899. P. 342, fig. 126; P. 343*). При раскопках древних подземных жилищ айнов среди остатков керамики были найдены глиняные фигурки мужчин. Несколько фигурок из коллекции Е. Баелза находятся в музее *Volkerkunde* в Берлине. Возможно, коряки лепили фигурки из необожженной глины, и поэтому следов их не осталось, поскольку предметы из необожженной глины в сырой почве раскрашиваются. Жадность, с которой коряки набрасываются на каждый годный для скульптуры материал, хорошо видна из того, что, как только их дети выяснили, что алебастр, которым я пользовался, можно резать ножом, они принялись делать игрушечные блюда и фигурки животных из кусочков, которые падали на землю, когда я делал маски. Прежде попытки использовать нож они все же попробовали алебастр на язык, чтобы выяснить, нельзя ли его съесть.

⁶ Среди европейских народов миниатюрной скульптурой известны швейцарцы. У них часто встречаются высокохудожествен-

Все эти перечисленные народы пользуются одинаковыми техническими приемами резьбы. Их скульптура реалистична по характеру, очень малого или даже миниатюрного размера и делается большею частью столько же ради удовольствия самого работающего, сколько для удовлетворения эстетического вкуса других. Разница между эскимосскими и корякскими резными изделиями та, что вторые меньше пригодны для практического применения, чем первые, и имеют большую художественную ценность. В этом отношении чукотская резьба больше похожа на эскимосскую, судя по коллекции, собранной нашей экспедицией, и по коллекциям Этнографического Музея Императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге.⁷ Даже резьба керекков по отделке хуже корякской. Чукотские и керекские резные изделия еще потому больше похожи на эскимосские, что они чаще украшены гравировкой, состоящей из точек и линий, чем корякские.

Пластическое искусство индейцев северных берегов Тихого океана, насколько оно выражено в их скульптуре, совершенно отлично от корякского и чукотского, хотя некоторые образцы этого искусства в Американском Музее Естественной Истории доказывают способность индейцев-художников к вполне реалистичному и артистическому изображению животных форм,⁸ однако общее направление индейской скульптуры чисто символическое, стремящееся главным образом выдвинуть наиболее характерные части тела животного в ущерб другим его частям и общему реалистическому представлению.

Скульптуру западных соседей коряков — тунгусов и якутов — вовсе нельзя сравнивать с корякской, так как художественной ценности она никакой не имеет. Если мы, например, возьмем собранную мной коллекцию якутской скульптуры, состоящую из фигурок зверей и людей из мамонтовой кости, то мы найдем в ней лишь безжизненные модели, имеющие лишь внешнее сходство с людьми и животными. Художник не смог вдохнуть в них жизнь и движение. Но даже и на такую резьбу способен редкий якут. Около Якутска, например, есть два или три якута, известных своими ажурными работами по мамонтовой кости. Делают они такие же безжизненные реалистические фигуры, как я только что описал, делают гребешки и шкатулки из мамонтовой кости с ажурной резьбой. Но все эти вещи, скорее, продукты механического мастерства, призванного удовлетворить спрос русских, чем произведения искусства.

Искусство якутов, в особенности декоративное, происхождения чисто центральноазиатского, китайского и русского и состоит из дуг, спиралей и

ные вещи, но, как правило, их фигурки животных, несмотря на тщательную и детальную отделку, производят менее живое впечатление, чем некоторые грубые фигурки коряков, в которых схвачена самая характерная поза животного.

⁷ См.: *Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондаты // Сборник МАЭ. СПб., 1901. Табл. XX, XXI.*

⁸ *Boas F. The decorative Art of the North Pacific Coast // Bulletin of the American Museum of Natural History. New York. 1897. Vol. IX. P. 125.*

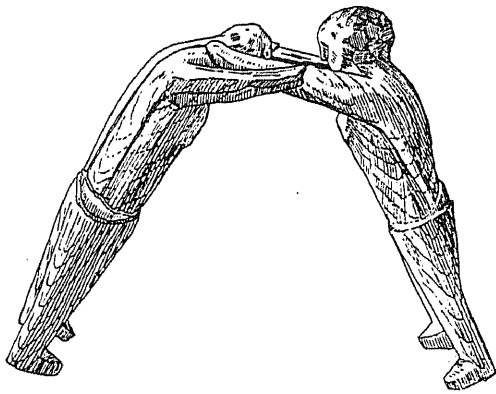

Рис. 117. Деревянная скульптура, изображающая борцов (высота 14.5 см) из Микино.

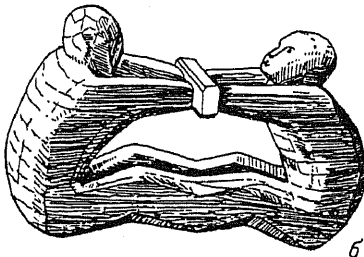
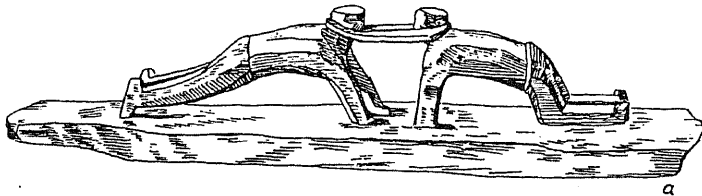

Рис. 118. Деревянная скульптура, изображающая борцов: а — из большой Итканы (длина 16 см), б — из Парени (длина 8.5 см).

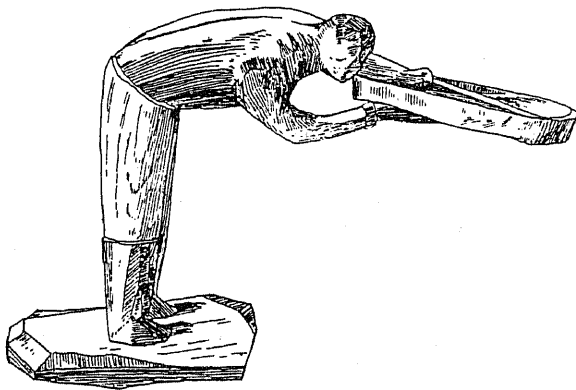

Рис. 119. Деревянная скульптура, изображающая человека, играющего на бубне (высота 10.5 см). Микино.

стилизированных животных и растений. Только огромные кумысные кубки и чаши, из которых якуты пьют и делают жертвенные возлияния во время религиозных кумысных праздников, украшены простым геометрическим орнаментом, если судить по якутским названиям вырезанных фигур.⁹

⁹ Jochelson W. Kumiss Festivals of the Yakut and the decoration of kumiss vessels // Boas Anniversary Volume. New York, 1906. P. 257—271.

Надо отметить, что когда мы говорим о корякской и чукотской скульптуре, то разумеем только приморское население. У оленных коряков, за очень малым исключением, это искусство не развилось совсем. Связано это не с тем, что у них нет эстетического вкуса, а с недостатком необходимого свободного времени. Приморские же коряки, наоборот, проводят всю зиму почти праздно в более или менее теплом доме и располагают достаточным временем, чтобы позволить себе удовольствие, получаемое от художественной работы. Этой же причиной можно объяснить и то обстоятельство, что резьбой заняты только мужчины; у женщин слишком много дела по хозяйству, и они проявляют свое художественное чувство в орнаментации одежды.

Надо отметить, что в числе резных изделий коряков редко встречаются изображения оленя, а те немногочисленные, что попадаются, сделаны очень плохо. Из этого можно заключить, что искусство резьбы зародилось у коряков до начала оленеводства, и теперь в силу привычки они изображают главным образом предметы приморского быта.

Скульптура приморских коряков побережья Берингова моря — жителей Олюторска, рек Апуки и Пахачи — более художественна, чем работы жителей Пенжинской губы. Кроме того, у последних нет такого материала, как моржовые клыки, так как моржи у них не водятся, и художники должны довольствоваться одним деревом, а нужные им клыки они могут получить только через обмен.

В миниатюрной скульптуре коряков встречаются не только изображения четвероногих, птиц, рыб и других животных, но и людей. Художники изображают человеческие фигурки или животных или в виде круглой скульптуры, или рельефом, большею частью горельефом, на каком-нибудь плоском основании.

Изображения людей. При изображении людей коряки чаще всего выбирают сцены борьбы, охоты или игры на бубне по причине динамичности этих моментов. При борьбе, домашнем шаманском сеансе или игре на бубне для собственного развлечения мужчины обнажаются до пояса. В этом виде художник и стремится как можно жизненнее представить человеческое тело. Женщин изображают реже и всегда одетыми. В отличие от чукчанок корячки никогда не раздеваются дома, кроме того, реалистичное изображение женского тела гораздо труднее, чем мужского, и труднее вдохнуть жизнь в одетую фигуру, нежели в обнаженную. Стремление корякских художников к реалистическому изображению человеческого образа касается больше верхней части тела. Изгибы спины и напряженные мускулов поразительно передаются резчиками по кости, но они не считают нужным трудиться над детальной отделкой ног у людей и животных. Головы людей проработаны хуже, нежели головы животных.

Начнем с менее художественных образцов с берегов Пенжинской губы. На рис. 117 и 118 представлены различные виды борьбы. На рис. 117 два борца стараются положить один другого. В обеих скульптурных группах приложено

некоторое старание к моделировке спины, показаны изгибы хребта и плечевые мускулы. У фигурки на рис. 117 сделана попытка обрисовать грудь. Этот образец не совсем закончен: руки вырезаны, но соединяющий их кусочек дерева убран только с передней стороны, а сзади остался. Дальние от зрителя руки борцов вырезаны таким образом, что человек слева упирается своей вытянутой левой рукой в плечо соперника, который захватил его руку сверху за внутреннюю часть локтя.

Рис. 118 представляет фигурки борцов, тянущих друг друга. На этих фигурах ни спина, ни грудь не очерчены настолько, чтобы выделить подробности мускулов; фигурки *а* — борцы, связанные накинутой на их шеи кожаной петлей, тянут ее затылками в разные стороны; фигурки *б* — борцы, сидя на земле, держат палку, которую каждый тянет в свою сторону.

Рис. 119 изображает человека, ударяющего в бубен. Поза его очень характерна. Спина и левое плечо хорошо обрисованы, голова наклонена вперед и повернута влево, причем изгиб шеи выполнен особенно хорошо.

Рис. 120 представляет резьбу по моржовому клыку. Фигурка сделана в Куэле. Уже только подробности этой скульптуры ставят ее выше деревянной резьбы. Конечно, это зависит в значительной степени от качества материала; кроме того, резчик этой фигурки был из лучших мастеров, каких только можно было найти на побережье Пенжинской губы. Очень смелой для первобытного скульптора должна быть названа мысль изобразить человека в движении — поющего, пляшущего и ударяющего в бубен в причудливой позе.

У корякского скульптора нет моделей, с которых бы он работал. В своем творчестве он должен воспроизводить действительные формы, запечатленные в его мозгу исключительно по памяти без пособий, которыми пользуются современные художники. Пока он еще не в состоянии воспроизвести подробности или проработать, согласно с природой, части тела вырезанных фигур. Они представляют собой лишь более или менее неопределенный контур того, что хотел изобразить художник. Фигурка пляшущего шамана очень напоминает незавершенную работу современного скульптора, в которой уже хорошо найдены верная поза, пропорция частей и видно некоторое оживление.

Куэльская скульптура (рис. 119) отличается более тщательной отделкой головы. Мы видим здесь уши и характерную прическу коряков. Макушка бритая, и венчик волос вокруг нее обозначен на кости выпуклым кольцом с насечкой. Фигура же заметно непропорциональна, но мускулы руки отделаны с некоторыми подробностями. В особенности хорош левый профиль человека. Складки кожи между грудью и животом, образовавшиеся от наклонного положения тела, тоже переданы удивительно удачно. Все подвески бубна воспроизведены во всех подробностях.

На рис. 121 фигурки двух человек, добывающих огонь сверлением.

Еще более высокая техника и большие художественные достоинства видны в фигуре человека на подставке, держащего бубен, приобретенной Бого-

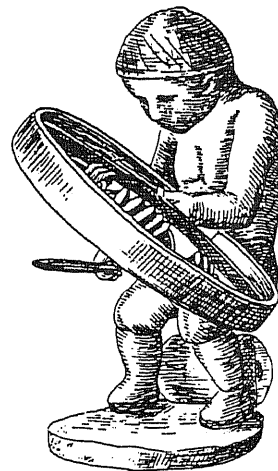

Рис. 120. Скульптура из моржового клыка, изображающая человека, бьющего в бубен (высота 12 см). Куэл.

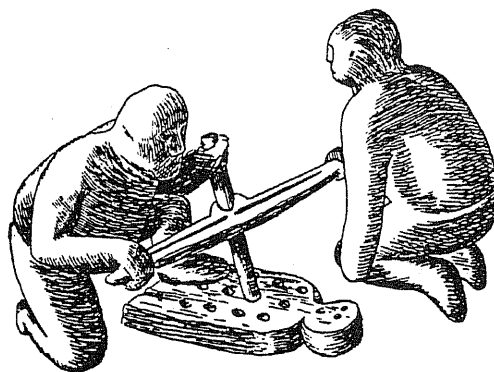

Рис. 121. Скульптура из моржового клыка, изображающая процесс добывания огня (высота 12 см). Парень.

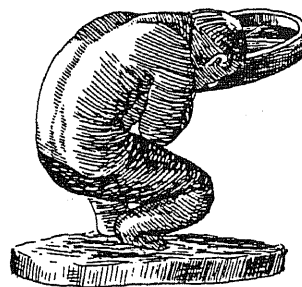

Рис. 122. Скульптура из моржового клыка, изображающая человека, бьющего в бубен (высота 6 см).

разом на побережье Берингова моря (рис. 122). Она сделана из моржового клыка. Пластические изгибы спины и напряженные мускулы спины и боков переданы с анатомической точностью и реалистичной живостью. Грудь плоская и мускулы не обозначены. Может быть, это следует приписать плохому доступу к этой части скульптуры. Поверхность груди шероховата, тогда как вся остальная фигура отлично отполирована. Голова отделана с большими подробностями: и разрез глаз, и форма скул совершенно характерны для сибирского типа. Та же живость, но не в столь художественном исполнении, отличает фигурку на рис. 123, изо-

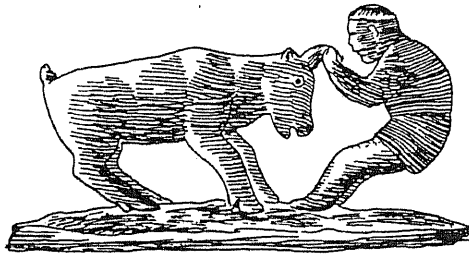

Рис. 123. Скульптура из моржового клыка, изображающая человека с оленем (высота 4.5 см).

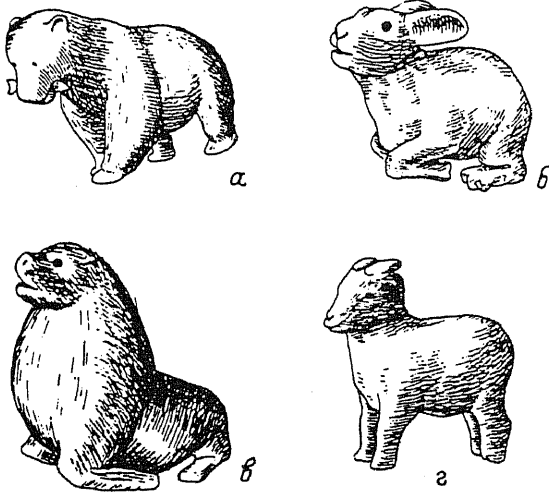

Рис. 124. Скульптура из моржового клыка: а — медведь, несущий рыбу (высота 4 см), б — сидящий заяц, в — морской лев (высота 4.2 см), г — молодой горный барашек (высота 3.7 см); а, г — из Апуки; б, в — из Поквака.

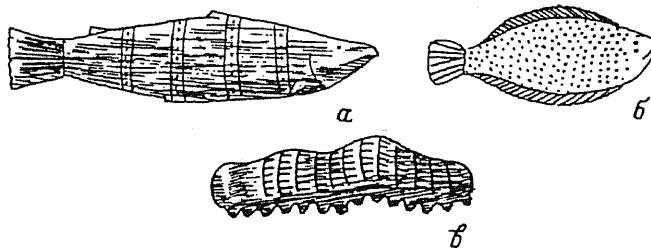

Рис. 125. Скульптура из моржового клыка и кости: а — досье (длина 6.6 см), б — камбала (длина 3.5 см), в — гусеница (длина 4.7 см)

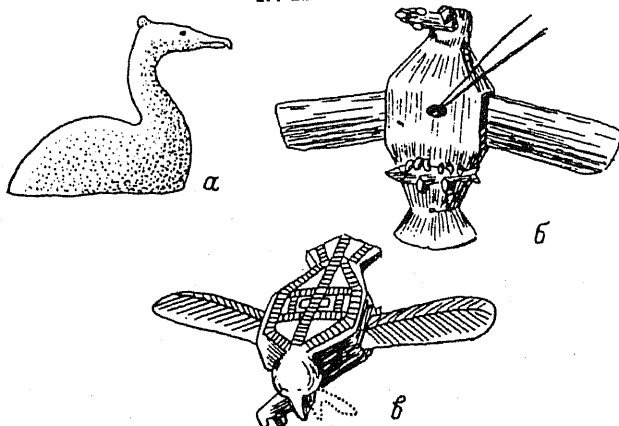

Рис. 126. Скульптура из моржового клыка, изображающая птиц: а — плывущий баклан (высота 3 см), б, в — орел с подвижными крыльями (высота 5 см).

жающую человека, поймавшего за рога молодого оленя, который пятится назад. Волосы на головах обеих фигурок подстрижены в кружок, на макушках тонзуры.

В связи с различными резными изделиями коряков надо упомянуть о деревянных мужских фигурках, сделанных без всякой художественной обработки, с конечностями на стержнях, как у механических кукол. Эти фигурки служат игрушками детям и встречаются также и у чукоц.¹⁰

Раньше я обращал внимание читателей на грубость изображений и условность фигур идолов и амулетов.¹¹ Изображения антропоморфных «охранителей» кажутся произведениями отсталого народа в сравнении с резьбой коряков побережья Берингова моря.¹² В связи с этим вопросом я предлагаю гипотезу, согласно которой грубость резных предметов религиозного назначения связана со смутностью представлений художника об облике невидимых антропоморфных существ. Между двумя родами скульптурных произведений, религиозными и реалистичными, есть, конечно, промежуточные стадии, в особенности в резных предметах, служащих практическим целям, но поскольку реалистичная скульптура должна доставлять удовольствие, развивается она независимо от религии. Ее единственный источник — эстетические потребности человека.

Конечно, все наши нужды, и материальные, и духовные, до некоторой степени влияют друг на друга. Так, религиозные идеи почти всегда влияли на характер искусства, и влияние это вообще было вредно.¹³ Развивая эту идею, я дохожу до мысли о том, что стремление к символизму в пластическом искусстве индейцев северных берегов Тихого океана обязано своим существованием до некоторой степени религиозным идеям. Символизм в скульптуре этих индейцев есть перверсия действительно реалистичного искусства. Высокая техника, которую индейские художники проявляют в резьбе масок, шлемов и других изделий, ясно показывает, что реалистическое изображение людей и животных так же вполне посылно им, как и корякам.¹⁴

Боас объясняет склонность северо-западных индейцев к символизму зависимостью скульптурного искусства от материала, т. е., поскольку оно слу-

¹⁰ Богораз В. Г. Очерк материального быта... Табл. XXI, рис. 7.

¹¹ Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York. 1905. Vol. VI. Part I. P. 115.

¹² В примечании к работе Ламхолтса Ф. Боас обращает внимание на грубость обработки амулетов и других священных предметов в сравнении с тонкой отделкой произведений искусства. Этот феномен присущ не только индейцам, которым посвящена работа, но также гольдам и гиялкам (Lumholtz C. The decorative Art of the Huichol Indians // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York. 1904. Vol. III. P. 287).

¹³ Взяв примеры из скульптуры развитых народов, мы увидим, что у греков религиозные идеи соответствовали требованиям реалистического искусства; буддизм и в некоторой степени христианство привнесли в скульптуру большую долю условности; а религия семитов полностью подавила этот вид искусства.

¹⁴ Boas F. The decorative Art ... Vol. IX. P. 124.

жит декоративным целям, содержание, которое нужно отразить, больше или меньше подчинено предмету, демонстрирующему это содержание.¹⁵ Но вполне возможно, что символизм резьбы, связанной с тотемными столбами, объясняется смутными представлениями мастеров о тотемных предках, которых они представляли себе то в антропоморфном, то в зооморфном облике. Поэтому единственными чертами, которые были необходимы для опознания предка, были черты, наиболее характерные для его животного облика, выделенные за счет второстепенных черт. Наложение характерных черт головы животного-тотема на человеческое лицо может быть объяснено таким же образом.

Скульптурные изображения животных. В археологических находках каменного века Старого и Нового Света среди произведений первобытного искусства мы встречаем в основном человеческие фигурки и очень мало изображений животных. В миниатюрной скульптуре эскимосов, сделанной в основном из моржового клыка, мы, напротив, видим тенденцию воспроизводить в основном животные формы, а в резьбе чукчей и коряков мы находим бок о бок с изображениями животных и фигурки людей.

Скульптурные изображения людей описаны на предыдущих страницах. Здесь же я должен еще раз повторить, что скульптуры животных у коряков и чукчей гораздо реже предназначены для каких-то определенных целей, чем у эскимосов. У чукчей и коряков настоящая художественная анималистическая скульптура предназначена исключительно для удовлетворения художественной склонности. Я имел возможность наблюдать, как фигурки, привезенные в поселки Пенжинской губы с побережья Берингова моря, сохранялись в рабочих мешках женщин, которые их часто доставали оттуда только для того, чтобы полюбоваться ими. О том, до какой степени развито у коряков художественное чутье, можно судить по тому, что они легко понимают рисунки и картинки в книгах и всегда узнают фотографии своих знакомых. Северные же якуты, тунгусы и даже юагиры очень часто не могут узнать на снимках своих приятелей. Некоторые из них даже не понимают, что фотография изображает человеческое лицо.

Образцы корякской скульптуры, представляющей животных, показаны на рис. 124—127. Фигурки на рис. 124 были приобретены мной у приморских коряков побережья Пенжинской губы, но изначально сделаны они были обитателями побережья Берингова моря. Все они вырезаны из моржового клыка.

Говоря о корякской скульптуре вообще, я уже отмечал, что отделка ног животных несовершенна, хотя здесь представлены произведения лучших мастеров. Правда, нужно сказать, что без подставки фигурки не могли бы устоять, если бы ноги животных были сделаны, как следует. Например, ноги барана (з) не разделены полностью, чтобы придать скульптуре большую устойчивость. В общем же позы и движения животных переданы

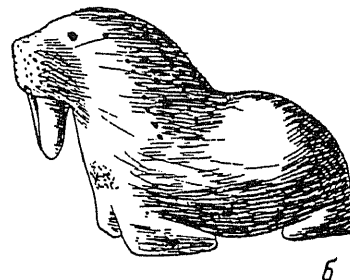
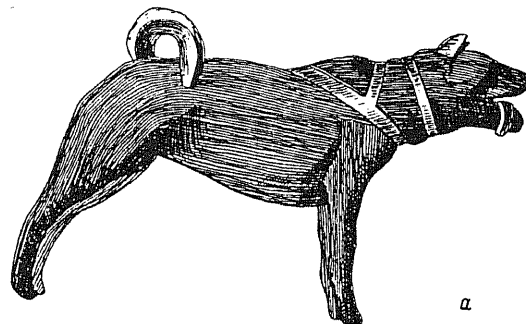

Рис. 127. Фигурка собаки из дерева (высота 7 см) — а, фигурка моржа из моржового клыка (высота 4.5 см) — б.

с таким реализмом, что вызывают в глазах зрителя яркие образы и свидетельствуют о большом искусстве и эстетическом чутье художника.

По сравнению с этими образцами резьба чукотских скульпторов гораздо ниже по своей художественной ценности.¹⁶ Хотя характер эскимосской скульптуры и способы ее изготовления те же, что у коряков и чукоч, но их статуэтки животных, сделанные в разных местностях и приобретенные разными коллекционерами, еще хуже.¹⁷

В работах коряков мы не встречаем полярного медведя по причинам вполне понятным, но у чукоч он уже есть,¹⁸ и замечательно, что чукотские изображения этого животного, судя по образцам, привезенным Богоразом, отличаются теми же самыми художественными погрешностями, которые делают эскимосы. В работах эскимосов, изображающих полярного медведя, без точного описания очень трудно его узнать.

Морж и тюлень в корякской скульптуре воспроизводятся очень живо, а фигурки китов безжизненны и очень похожи на эскимосскую скульптуру.¹⁹ Например, кит в корякской скульптуре сделан для религиозной церемонии, а такие вещи, как я уже говорил, ниже по достоинству тех, что делаются с целью исключительно художественной. Это в особенности ясно, если сравнить фигурку

¹⁶ Богораз В. Г. Очерк материального быта... Табл. XIX—XXI.

¹⁷ Boas F. 1) The Central Eskimo // Sixth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1888. Plate IX; 2) The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay // Bulletin of the American Museum of Natural History. New York. 1901. Vol. XV. Part I. P. 113; Murdoch J. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition // Ninth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1892. P. 398—401; Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 345, 346.

¹⁸ Богораз В. Г. Очерк материального быта... Табл. XX, рис. 4.

¹⁹ См.: Murdoch J. Ethnological Results... P. 403, fig. 407; Boas F. The Central Eskimo. Plate VIII.

¹⁵ Ibid. P. 123—176.

медведя на рис. 124 (а) с грубым деревянным изображением его, сделанным для праздника по случаю медвежьей охоты.²⁰

Художественная скульптура создается только людьми, одаренными особым умением и склонностью к искусству, а религиозную резьбу делает всякий коряк.

На рис. 125 воспроизведены изображения рыб и гусеницы. Из этих фигурок две (а, в) сделаны из моржового клыка, одна (б) — из китовой кости. Все они сделаны на побережье Берингова моря. Особенной живостью отличается изображение гусеницы. Фигурка а, судя по плавнику на спине около хвоста (очевидно, жировой плавник), изображает рыбу из семейства лососевых, вероятно кету. Рыба украшена гравированными линиями и точками, окрашенными в черный цвет, похожими на гравировку эскимосов, в особенности на Аляске, но они сделаны с большим соблюдением симметрии. Подобный орнамент встречается и на резьбе кереков и чукоц. Фигурка б изображает камбалу. Хвост и плавники обозначены короткими гравированными линиями, а все тело покрыто спереди точками, а на другой стороне орнамент состоит из узора в виде линии с наклонными шипами по сторонам («скелет селедки»), идущего от головы до хвоста. Абсолютно такая же камбала есть в коллекции корякских резных изделий Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, там же есть и другой экземпляр без точек.²¹ Подобная же камбала с точками есть в эскимосской коллекции Нельсона, собранной на Аляске.²²

На рис. 126 представлены резные изображения птиц. Все они были сделаны у Берингова моря из моржового клыка. Фигурка а изображает водную птицу, вероятно баклана. Голова и шея птицы жизненны, но крылья не обозначены, и ног нет, так как птица как бы сидит на воде. Вообще коряки в своей скульптуре обыкновенно представляют птиц или плавающими, или сидящими, чтобы избежать изображения ног, или еще их делают парящими в воздухе с распростертыми крыльями. Дети делают маленькие фигурки птиц из различного материала: в Пенжинской губе — из рога оленя и горного барана, из березы и корня каменной сосны.

В корякской коллекции Американского Музея Естественной Истории имеется большое количество маленьких резных фигурок водных птиц, птиц, являющихся охотничьей добычей, и других. Есть здесь и деревянные куропатки с хорошо обозначенными крыльями. Некоторые фигурки птиц декорированы черными точками, как и некоторые эскимосские фигурки.²³ Коллекцию вырезанных из клыка фигурок водных птиц, сделанных эскимосами Гудзонова залива, в ос-

новном того же типа, что и птички коряков и чукоц, упоминает Тернер.²⁴

Согласно сообщению Боаса, центральные эскимосы использовали резные фигурки, одни из которых представляли птицу, другие — мужчин и женщин в игре, подобной игре в кости, которую они называют «изображения птиц».²⁵ Мердок приобрел коллекцию резных птичек и волка у азиатских эскимосов в бухте Пlover. Считается, что фигурки эти были в основном произведениями искусства, но Мердок допускает, что и азиатские эскимосы употребляли их для игр.²⁶ Я никогда не слышал, чтобы коряки пользовались резными фигурками птичек в играх.

Характер фигурки на рис. 126 (б) делает ее менее реалистичной, чем миниатюрные скульптуры птиц. Введение когтей, заменяющих ноги, кажется мне первым шагом в процессе появления условности в пластическом искусстве, развившейся среди индейцев северного побережья Тихого океана.

Она изображает орла с рыбой в когтях и с каким-то маленьким животным в клюве; задняя часть животного отломана. Эта фигура служила механической игрушкой: у нее отделяющиеся крылья, которыми можно махать, дергая за ниточку, что, конечно, затрудняло соблюдение реализма при работе над этой вещью. Верхняя часть фигурки украшена гравированным рисунком: на крыльях черточками намечены перья, на хвосте и спине — точки и квадратики — условный способ изображать туловище и хвост птицы.

Рис. 127 представляет резные поделки из разного материала и сделанные в разных местах. Фигурка а была сделана в поселке Шестаково (Пенжинская губа) из дерева, и сделана хорошо. Напряженная поза запряженной собаки с загнутым кверху хвостом в ожидании отъезда очень жива, хотя ноги выполнены плохо. Собака выкрашена в черный цвет. Морж (б) сделан в Опуке (Берингово море) из моржового клыка. Верхняя часть туловища выполнена очень реалистично, но вообще скульптура из моржового клыка на Берингоморском побережье обычно сделана на более высоком художественном уровне. Этот экземпляр интересен орнаментацией в эскимосском стиле. В резных изделиях с побережья Пенжинского залива такой орнамент встречается редко.

На рис. 128 — резные группы маленьких фигурок, которые не служат никакой практической цели и поэтому должны рассматриваться как произведения чистого примитивного искусства. Интересно, что здесь нет барельефа. Основа служит просто подставкой для скульптурной группы, вырезанной вместе с ней из одного куска.

Фигура 128 (а) изображает большую байдару с гребцами и вырезана из моржового клыка. Она была приобретена в селении Большая Иткана (Пенжинская губа) и, по словам коряков, там же и

²⁰ См.: Jochelson W. The Koryak... P. 88, fig. 39.

²¹ Богораз В. Г. Очерк материального быта... Табл. XXII, рис. 15, 16.

²² Hoffman W. J. The graphic art of the Eskimo. Plate LVII, fig. 1.

²³ См.: Boas F. The Central Eskimo. P. 567, fig. 522; Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 342, fig. 125; Murdock J. Ethnological Results... P. 365, fig. 364.

²⁴ Turner L. M. Ethnology of the Ungava District, Hudson Bay Territory // Eleventh Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1889—1890. P. 260, fig. 83.

²⁵ Boas F. The Central Eskimo. P. 567, fig. 522.

²⁶ Murdock J. Ethnological Results... P. 365.

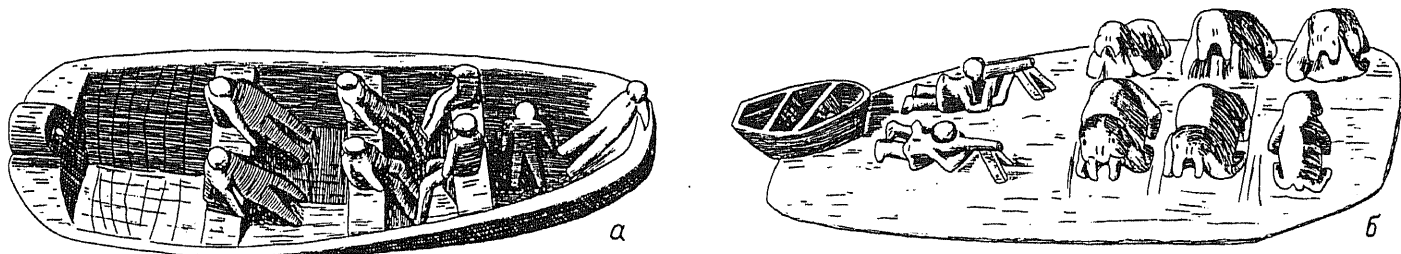

Рис. 128. Скульптура из моржового клыка: а — лодка (длина 8 см), б — моржи и охотники (9.5 см).

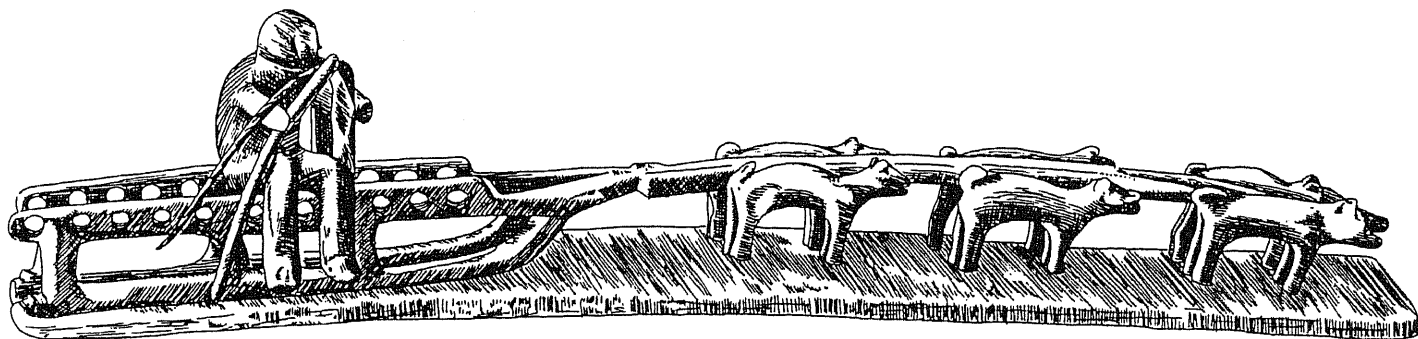

Рис. 129. Скульптура из моржового клыка — собачья упряжка (длина 21.5 см).

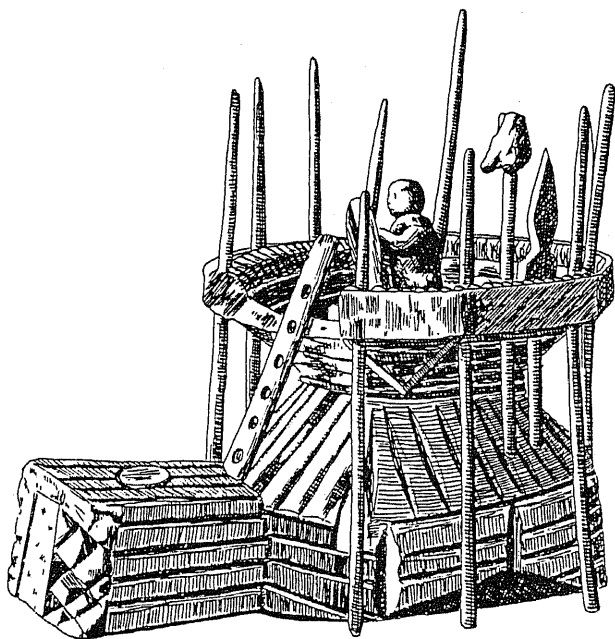

Рис. 130. Скульптура из моржового клыка — жилище (высота 11 см).

сделана, но очень странно, что у байдары нос шире кормы, и потому она больше похожа на корякскую байдару с Берингова моря. Видно это и по положению человека на корме, и по четырем гребцам, сидящим лицом к корме. Там же, на дне лодки, сидит ребенок. Резная вещь (б), сделанная в Апуке (Берингово море) из моржового клыка, изображает льдину, на ней шесть моржей и рядом два охотника, прицеливающиеся из ружей, поставленных на подпорки. Байдара охотников — с широким носом, типа лодок Берингова моря, тоже вытянута на льдину.

На рис. 129 — скульптурная группа из моржового клыка из Парени (Пенжинская губа); изображает она нарты, запряженные шестью собаками, и возницу с погонялкой, служащей и тормозом. Нарта, собаки, упряжь и подставка вырезаны из одного куска, а возница и остол — отдельно. Интересно сравнить возницу этих нарт — с эскимосской фигурой сидящего человека из моржового клыка (с мыса Барроу).²⁷ Обе фигуры очень похожи между собой.

Рис. 130 представляет образец архитектурной скульптуры, вырезанной из моржового клыка в Парени (Пенжинская губа), и изображает жилище приморского коряка до засыпки его земель. На крыше виден человек, выходящий по лестнице из дымового отверстия. На одном из шестов — голова жертвенной собаки, а рядом копье, которым она была убита.

Домашняя утварь, украшенная скульптурными фигурками. Я уже говорил, что резьба у коряков реже, чем у эскимосов, применяется в практических целях, но все-таки небольшие хозяйственные предметы, украшенные резными фигурками людей и животных, встречаются и у них. Рис. 131 (а) — ложка из рога горного барана, сделанная на побережье Берингова моря; б — ложка с двумя медведями на ручке, сделанная в Олюторске (Берингово море) из того же материала.

В нашей коллекции в числе небольших предметов, украшенных резными фигурками животных, есть также сделанные в Каменском (Пенжинская губа) из моржового клыка поясные пряжки с двумя фигурками тюленей и трубка с такой же скульптурой.

²⁷ Ibid. P. 396, fig. 394.

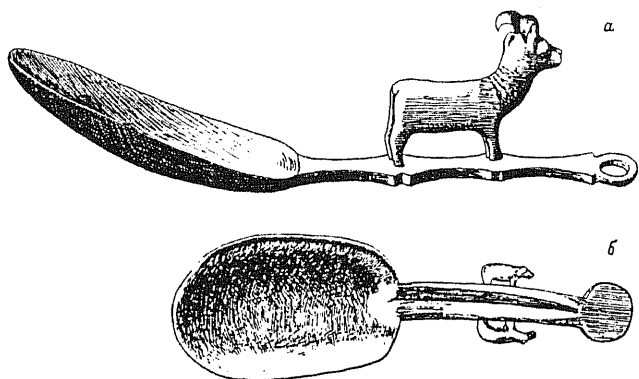

Рис. 131. Ложки: а — со скульптурным изображением горного барана (длина 25 см), б — со скульптурным изображением двух медведей (длина 14,5 см).

На рис. 132 — образцы орнаментальной резьбы, сделанной для украшения: а — колотушка для выбивания снега, сделанная оленьим коряком с реки Апуки из рога дикого оленя и украшенная резной головой горного барана; б — шило, употребляемое женщинами для украшения одежды прорезной вышивкой. Ручка этого шила была вырезана из дерева в с. Большая Иткана (Пенжинская губа), и резьба на ней изображает нарту с впряженными восьмью собаками. Но в то же время, очевидно, ручка в целом представляет медведя, причем острие изображает нос; два уха вырезаны под нартой, а два выступа внизу — передние и задние ноги. По форме она похожа на фигуры медведей, которые эскимосы делают для игры в бильбокэ;²⁸ в — костяная трубка, сделанная в Каменском (Пенжинская губа) и очень грубо украшенная изображением человеческого лица.

Корякская резьба на различных предметах домашнего обихода следует правилу современной орнаментальной резьбы — служить для украшения и оживления предмета, не умаляя его практического назначения. Поэтому резное украшение может сохранять реалистический характер чистого искусства. У индейцев же северного побережья Тихого океана мы видим стремление покрыть весь предмет резным изображением животного. Эта тенденция, как указывает Боас,²⁹ отнимает у резьбы ее реализм. В значительной степени это стремление преобладает и у эскимосов Аляски.³⁰ Боас приписывает это влиянию искусства соседних индейцев. Возможно, след этой склонности превращать орнаментальное животное в реальный предмет (конечно, в примитивной форме) обнаруживается и у эскимосов других местностей. Так, деревянная чаша, применяемая во время китового праздника у коряков, олицетворяет самого кита. В эскимосских коллекциях с мыса Барроу есть костяной черпак и коробки для гарпунных наконечников в форме кита,³¹ а у эскимосов Гудзонова залива встречаются игольницы в форме кита.³²

Я считаю, что эстетические склонности первобытных людей столь же сильны и стихийны, как их верования. Все, кто жил среди них, прекрасно знают, насколько сильна их страсть ко всему красивому. В одном из своих рассказов из жизни чукчей Богораз описывает горбатого пастуха, который собирал разноцветные камушки и отдыхал, раскладывая их в свое удовольствие в разном порядке.³³ Конечно, случается, что предмет, изначально служивший амулетом, становится со временем украшением, но, с другой стороны, есть и примеры обратного, когда предмет искусства позже становится амулетом. Поэтому в каждом отдельном случае мы должны проследить ход взаимодействия двух психологических факторов: религиозного и эстетического, а это не всегда легко сделать. Взять, например, деревянную фигурку кита для китового праздника.³⁴ Трудно сказать, была ли изначально фигурка кита сделана из простого стремления художника подражать природе, или толчком к ее созданию послужили нужды ритуала. Лично я склоняюсь к первому предположению. Такого же рода явление присутствует в обычае эскимосов вкладывать фигурку кита в рот новорожденному мальчику, чтобы он стал хорошим охотником.³⁵

В корякской резьбе, а также в некоторой степени и в эскимосской, если резные изделия не предназначены для практических целей, мы видим великолепный пример спонтанного, независимого от религии, развития первобытного искусства. Амулеты из деревянных сучков и частей животных, заменяющих целое животное, не могут быть поставлены в один ряд с чистым искусством, поскольку они служат не выражением реальных чувств и впечатлений, а выражением смутных идей антропоморфизма и замещения целого частью. В этом причина грубости изображений корякских идолов, которая и отличает их от резных изделий, сделанных для удовольствия художника. Орнаментальная резьба все еще сохраняет во многих случаях реализм и тонкость искусства ради искусства. Такова, например, украшающая ложку фигурка горного барана на рис. 131.

Гораздо менее реалистичны резные детские игрушки, часто они сделаны очень небрежно. Отличить игрушки от других резных вещей очень легко по тому, что в них всегда просверлены дырочки для нанизывания их на ремешок. Дети часто ходят с целыми ожерельями из таких резных фигурок.

Куклы. В связи с резными предметами, служащими игрушками и сделанными мужчинами, я скажу несколько слов о куклах — работе женщин. Они отличаются от резных фигурок мужской работы тем, что главное внимание уделяется одежде игрушки, которую женщины и девочки делают очень тщательно и с большим вкусом. В этом отношении корякские куклы очень похожи на эскимосские. У кукол, изображающих женщин, под кухлянкой надет комбинезон с широкими шта-

²⁸ Boas F. The Central Eskimo. P. 566.

²⁹ Boas F. The decorative Art... P. 124.

³⁰ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. Plate XLII, LXII, fig. 40, 59. P. 144, 200.

³¹ Murdoch J. Ethnological Results... P. 105, fig. 45; P. 249, fig. 251.

³² Boas F. The Eskimo of Baffin Land... P. 93, fig. 136.

³³ Тан В. Г. Очерки и рассказы. Т. 3. Чукотские рассказы. СПб., 1900. С. 120.

³⁴ Jochelson W. The Koryak... P. 72, fig. 30a.

³⁵ Boas F. The Eskimo of Baffin Land... P. 160; Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 290.

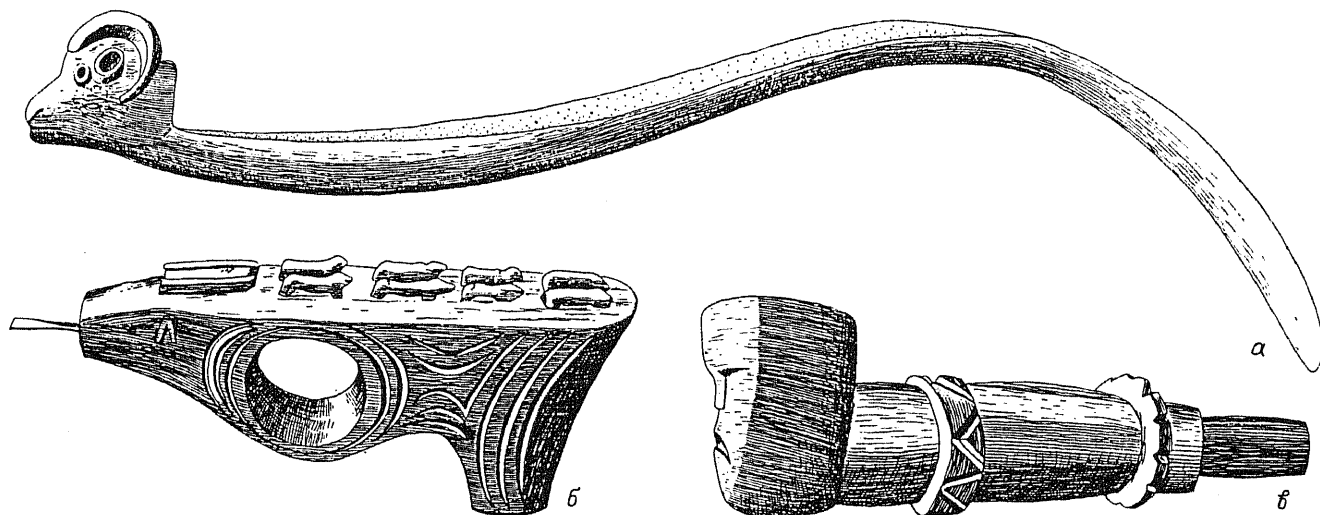

Рис. 132. Снеговывивалка (длина 52 см) — а, шило (длина 11 см) — б, трубка (длина 12.5 см) — в.

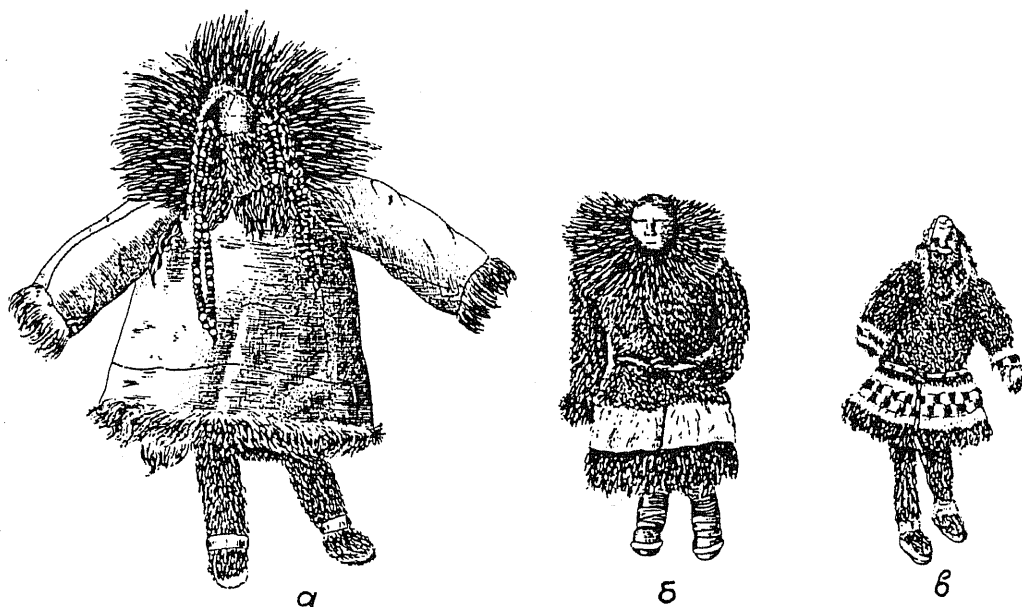

Рис. 133. Куклы: а — высота 23 см, б — 15.5 см, в — 16 см.

нами, заправленными в торбаза; на голове по бокам или сзади прикрепляются косы из волос, шерсти или бисера. Кукла на рис. 133 (а) представляет женщину с косами; длинная кухлянка скрывает штаны. Куклы б и в — коряки-мужчины, один в дорожной одежде, а другой в домашней. На лица кукол внимания не обращается. У одной из кукол (б) мы видим особенно хорошо вырезанное типичное деревянное лицо, а у другой (в) вместо головы — конус вроде сахарной головы с бусинами на месте глаз. Интересно, что кукол часто делают с коническими головками, подобно тому, как коряки и камчадалы изображают известный род «охранителей» и духов.³⁶

Еще более примитивны куклы оленных коряков, сделанные из копыта новорожденного теленка. Эти куклы по своей условности вполне соот-

ветствуют деревянным обрубкам, изображающим «охранителей».

Костяные цепочки. Говоря об умении коряков вырезать из кости фигурки людей и животных, нельзя не обратить внимания на искусство вырезать цепочки с целыми непрерывными звеньями из клыков моржа или мамонта. Хотя готовая цепочка, показанная на рис. 134, похожа с виду на металлическую часовую цепочку и кажется подражанием последней, но на самом деле костяные цепи, гораздо более тяжелые и служившие ручками для корзин, ведер и т. п., вырезались чукчами и коряками задолго до того, как они познакомились с русскими. Крашенинников в свое время не мог не любоваться работой подобных цепей из моржовой кости, привезенных на Камчатку с Чукотского носа.³⁷ У эскимосов мы и

³⁶ Jochelson W. The Koryak... P. 38.

³⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 35.

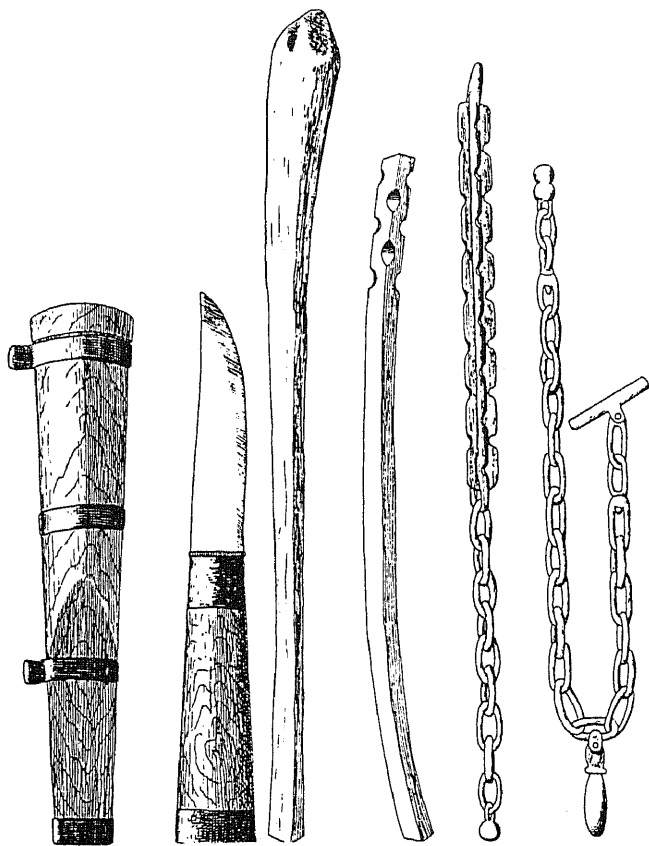

Рис. 134. Нож для резьбы с ножнами, процесс вырезания цепи из моржового клыка, готовая цепь.

теперь еще находим ручки мешков из костяных цепей, звенья которых все сделаны из одного куска кости. В коллекции Нельсона есть много образцов цепей, служащих ручками мешков, для буксировки и других целей.³⁸ Подобные же цепи различных размеров из одного куска кости или дерева, служащие ручками и для других целей, встречаются также у гилаков и айнов. Образцы их есть в Американском Музее Естественной Истории, в Британском Музее в Лондоне и в Музее Народоведения в Берлине.

Не все коряки одинаково искусны в резьбе вообще, а в резьбе цепей в особенности. В каждой местности есть люди, специализирующиеся на той или другой отрасли искусства. Так, например, кузнец из Парени на западном берегу Пенжинского залива по имени *Kiya'udnip* известен своим искусством вырезать фигурки людей и животных, а коряк А'ха из Шестакова — умением вырезать костяные цепи.

На рис. 134 показаны различные стадии изготовления цепи: отпиленный кусок моржового клыка; кусок, которому ножом придана четырехгранная форма и на котором намечены первые звенья; продолжение вырезания звеньев; законченная цепочка. Надо заметить, что при вырезании звеньев цепочка удлинилась сравнительно с длиной

клыка на 12 см; клык был равен 32 см, а цепочка — 44 см.

До знакомства с железом коряки пользовались каменными орудиями для обработки кости. Моржовые клыки раскалывались пополам каменными долотами и клиньями, а дальше работали каменными ножами и шилами. Теперь клык распиливают железной пилой, самодельной или привозной, а остальная работа производится ножом.

На рис. 134 показан нож, которым пользовался А'ха при резьбе цепочки, а также ножны этого ножа. В своей работе мастер пользовался только ножом. Другие коряки употребляют еще изогнутые ножи. Полируются резные вещи мягкой оленьей кожей. Рассматривая форму и величину колец цепочки А'ха, нельзя не удивляться точности глазомера и чувству симметрии этого первобытного токаря.

Фантастические резные изображения. В числе корякских резных изображений можно встретить иногда уродливые фигурки. В моей коллекции, например, есть маленькая фигурка куропатки с двумя головками. Коряк, у которого я ее приобрел, не мог удовлетворительно объяснить мне эту фигуру, и я не знаю, была ли это личная фантазия художника или изображение какой-нибудь мифической птицы. Среди резных изделий, собранных Мердоком у эскимосов мыса Барроу и воспроизведенных в его труде, мы тоже находим фигурки чудовищных животных, вроде костяного десятиного медведя и двухголового животного из рога.³⁹ Иллюстрация, воспроизводящая скульптуру великана, держащего кита,⁴⁰ напоминает чукотскую фигурку из моржового клыка из коллекции Музея антропологии и этнографии в Петербурге, представляющую собой изображение человека с тремя парами белух на груди.⁴¹ Это изображение соответствует чукотскому мифу о великане, который некогда пришел с американского побережья на берег Чукотки, где он лег спать и проспал всю зиму, а белухи вышли на берег и грызли его мясо.⁴²

ГРАВИРОВКА

Мы видели, что реалистичные резные фигурки коряков, так же как и эскимосов, часто украшены гравированным орнаментом, состоящим из простых точек, кружков и черточек, но мы не находим у коряков таких сложных гравированных рисунков пиктографического характера, как у эскимосов Аляски.

В коллекциях резной кости Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге есть две костяные трубки с выгравированными миниатюрными фигурами людей и животных. Эти трубы были приобретены у кереков, но происходили от островных эскимосов Берингова моря.⁴³

³⁹ Murdoch J. Ethnological Results... P. 405—407, fig. 412, 414, 416.

⁴⁰ Ibid. P. 406, fig. 415.

⁴¹ Богораз В. Г. Очерк материального быта... Табл. XX, рис. 5.

⁴² Там же. С. 57.

⁴³ Там же. Табл. XXV, рис. 8, 9.

³⁸ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. Plate XLIII, fig. 1; Plate XLVI, fig. 4, 7, 10; Plate LII, fig. 16; Plate LXVI, fig. 18, 19.

Орудия и инструменты коряков в большинстве случаев лишены всяких украшений. Тот редкий гравированный орнамент, который встречается на орудиях и других хозяйственных предметах, можно разделить на следующие группы: самый простой, подобный эскимосскому; пиктографический, похожий на тот, который делают северные, внутриматериковые индейцы и эскимосы Аляски; условный, свойственный азиатским народам. Рис. 135—137 представляют образцы первой группы орнаментальной гравировки.

Рис. 135, *а* изображает железный скребок для обработки шкур (приобретен в Парени).⁴⁴ Его деревянная ручка украшена линиями и зубцами. На рис. 135, *б* — поясной нож корякской работы. Лезвие украшено зигзагообразным рисунком. Деревянная рукоятка сплошь покрыта латунью, на которой проведены линии и углубления, заполненные насечками. Зигзагообразный орнамент с острыми и тупыми углами встречается и на одежде (см. далее рис. 152).

На рис. 136 — женский инструмент, употребляемый при отделке погребальной одежды. Он состоит из общей ручки, сделанной из моржового клыка с двумя плоскими шилами разной ширины, похожими на стамески и поворачивающимися на стержне. Когда нужно маленькое шило, оно ставится вертикально, как нужно для работы, а большое поворачивается в сторону, и наоборот. Острия шил железные, но прежде они делались из камня или кости. Этот инструмент употребляется для того, чтобы делать прорезы на одинаковых расстояниях в тюленьей коже, выкрашенной в черный цвет.⁴⁵ Сквозь эти прорезы пропускается узкая полоска кожи с собачьей шеи, а эта кожа, когда выделана, — белее и тоньше самой лучшей замши. Таким образом, на черном фоне получается полоса орнамента попеременно черных и белых полосок или квадратиков. Эти полосы употребляются для украшения куклянок и других частей погребальной одежды. Продольные параллельные линии, выгравированные на ручке инструмента, изображают полосы тюленьей кожи, а короткие поперечные черточки — разрезы, сделанные шилом. Таким образом, этот орнамент можно назвать текстильным. Середина лицевой стороны ручки и вся задняя сторона украшены елочным орнаментом верхушкой вниз. Черенок большего шила покрыт с трех сторон ленточным орнаментом, состоящим из чередующихся квадратиков, а на четвертой стороне две перекрещивающиеся диагонали образуют четыре треугольника, каждый из которых в свою очередь заполнен двумя или тремя треугольниками, стороны которых параллельны диагоналям. Черенок меньшего шила с одной стороны украшен двумя елочками, покрывающими всю его поверхность (одна вершиной вниз, а другая — вверх, причем средняя линия обеих — общая). Три другие стороны покрыты своеобразным неправильным узором, состоящим, по-видимо-

⁴⁴ Подобный орнамент есть на эскимосском ноже и костяном скребке в книге Хофмана (*Hoffman W. J. The graphic Art... Plate XV, fig. 3; Plate XVIII, fig. 2*).

⁴⁵ Этот способ орнаментации будет описан позднее (с. 160—161).

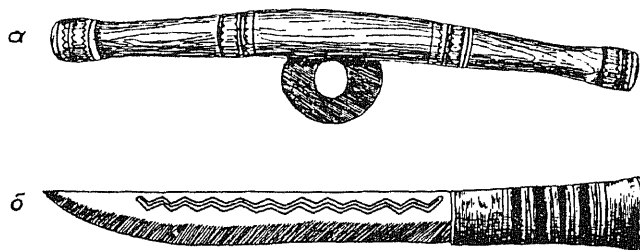

Рис. 135. Скребок с орнаментированной ручкой (длина 46 см) и нож с инкрустированным орнаментом (длина 37.5 см) — *б*.

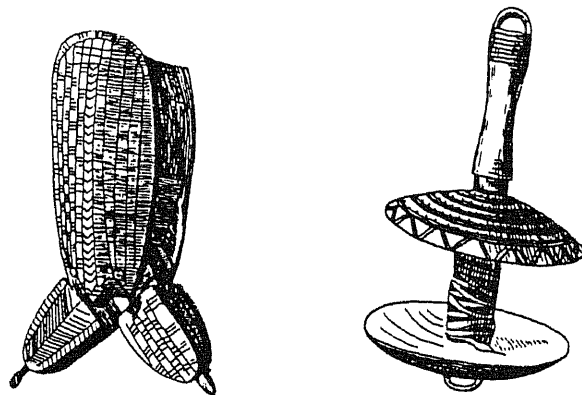

Рис. 136. Проколки (длина 9 см).

Рис. 137. Мотовильце (длина 8.5 см).

му, из цепи ромбов, тупые углы которых смежны. В каждый ромб пытались вписать другой ромб, параллельный внешнему, некоторые из промежуточных треугольников заполнены другими параллельными треугольниками, а некоторые оставлены пустыми. Эта вещь была приобретена мною в Куэле. Катушка на рис. 137 сделана тоже из моржовой кости и приобретена там же, в Куэле. Употребляется она для наматывания вышитых и украшенных кожаных или меховых опуванов, которыми обшивают подол одежды. Ось и оба костяные диска украшены точками, кругами и зубцами.

Рис. 138 — две табакерки из бересты, сделанные в Каменском. Закрываются они отдельными деревянными крышками. Ручка на крышке (*б*) изображает голову собаки. Рисунок гравировки почти одинаков на всех табакерках и состоит главным образом из точек, треугольников и концентрических окружностей, похожих иногда на круглые нашивки на одежде (см. далее рис. 156). Сбоку на коробочке *б* — ряд двойных ромбов.

На рис. 139—140 — образцы гравировки пиктографического характера, в частности женский нож, на лезвии которого стальным шилом выгравированы контуры бегущих оленей. Рисунок уступает в живости фигуркам оленей, гравированным на кости аляскинскими эскимосами, но надо принять во внимание материал (железо), по которому работал корякский художник. На оленях заметна пунктирная продольная линия, состоящая из ряда мелких вертикальных черточек. Эта линия изображает спинной хребет.

На рис. 140 — две кроильные доски, употребляемые женщинами при шитье одежды. Доски

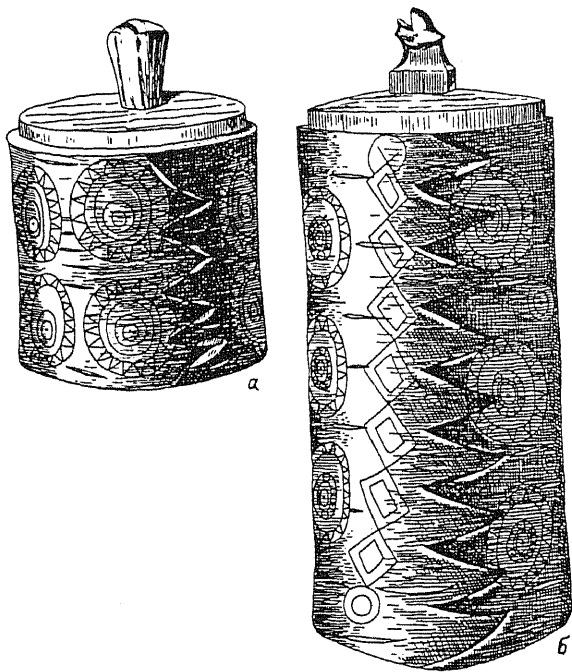

Рис. 138. Берестяные коробочки (высота 6 и 14 см).

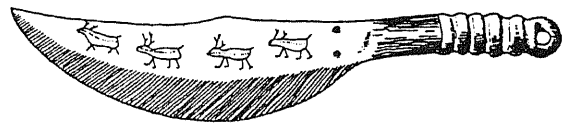
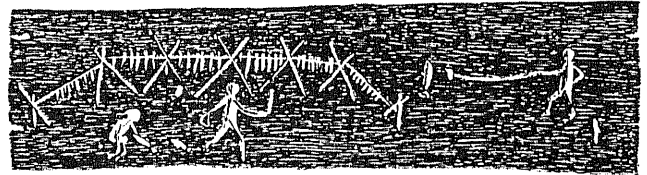
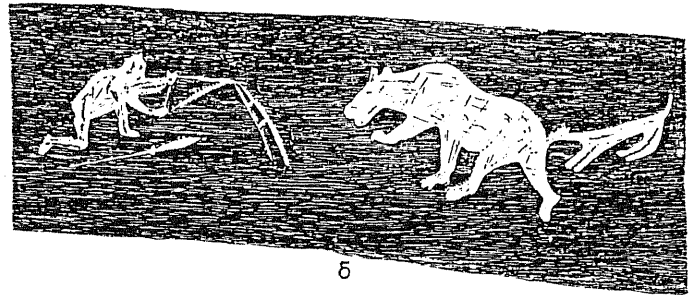

Рис. 139. Нож с инкрустированными изображениями (длина 29 см).

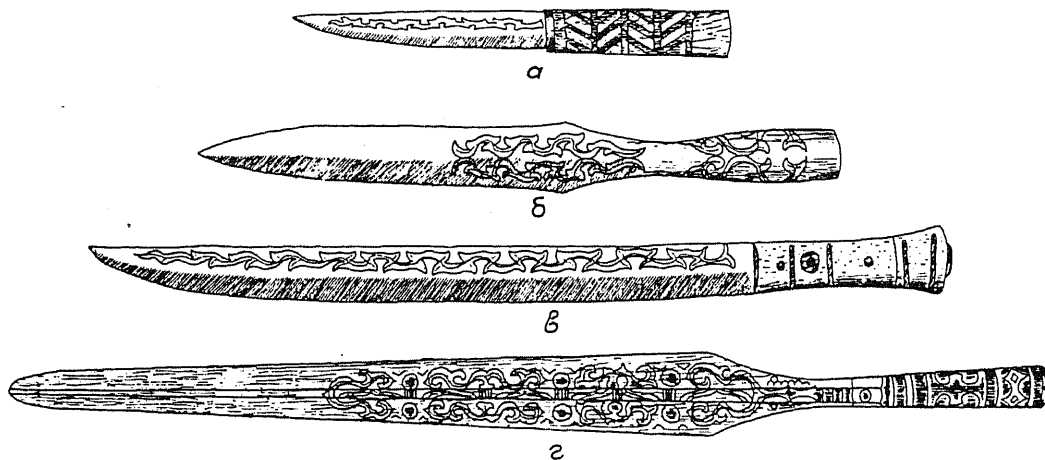

а

б

Рис. 140. Кройльные доски с рисунками (длина 40 и 60 см).

а

б

в

г

Рис. 141. Ножи и наконечники копий с гравированным орнаментом: а — корякский нож (длина 29 см), б — корякский наконечник копья (длина 45 см), в — корякский нож (длина 60 см), г — наконечник копья с Амура (длина 75 см).

украшены резным орнаментом с нижней стороны, а выкройка режется на гладкой, верхней. Резьбу делают для собственного удовольствия мужчины (братья или жених той, кому принадлежит доска). Рисунок представляет домашние и охотничьи сцены, и работа отличается от большинства эскимосских гравировок тем, что люди и животные не только намечены линиями и контурами, но вырезаны глубоко, а иногда некоторые части слегка выдаются вроде барельефа, что делает фигуры животных живее обычных, гравированных силуэтов.

Оба образца приобретены на Палпале у коряков, живущих на берегу Берингова моря; доска а была сделана на реке Апуке, а б — на реке Пахаче. На первой изображена сцена из жизни рыболовов.

Рисунок стилизованный, перспектива отсутствует. Слева женщина на коленях чистит на земле рыбу для просушки на солнце; правее, по-видимому, мужчина бежит к вешалам, чтобы повесить там сушить выпотрошенную рыбу и отделенную от нее голову, которые держит в руках; еще дальше человек старается поймать рыбу шестом и крючком. Границы между водой и сушей нет. Очевидно, река или море должны быть на заднем плане за человеком и за вешалами. Отсутствие перспективы менее ярко бросается в глаза на доске б, потому что все предметы представлены на ней в одном плане. Там изображен охотник, стоящий на одном колене, с кремневым ружьем, ложе которого прижато к плечу, а ствол лежит на деревянной подпорке. Он целится в медведя, на которого сзади

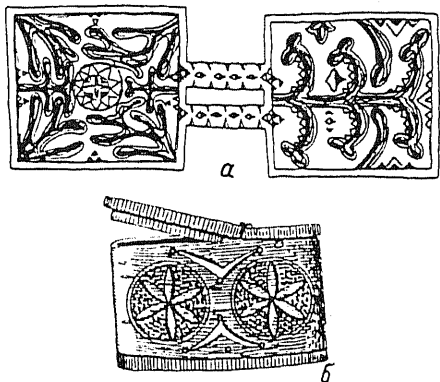

Рис. 142. Кройльная доска (длина 21.5 см) и берестяная коробочка (высота 5.5 см).

нападает собака. Хотя эти фигуры только силуэты, но они динамичны. Кроме того, пропорции между различными изображениями соблюдены очень верно. Интересно, что эту работу делал молодой двадцатипятилетний оленный коряк с Пахачи, которого я встречал на Палпале. Это показывает, что и среди оленных коряков можно найти людей с высокоразвитым художественным вкусом.

В местностях вдоль берега Пенжинской губы резной рисунок кройльных досок часто состоит из изображений паровозов и шхун, которые изредка пристаю к селениям. Эти рисунки во всех отношениях похожи на эскимосские по манере изображать паровозы и шхуны.⁴⁶

Рис. 141—142 показывают гравированные мотивы, перенятые коряками от тунгусов и других соседей. Рис. 141 — образцы работы корякских кузнецов с гравированным рисунком, инкрустированным медью и лагуною. Так как кузнечное дело у коряков сравнительно недавнего происхождения, то и украшения железных вещей заимствованы у других племен. По моему мнению, манера орнаментации поясного ножа (а), «большого ножа» (б) и копья (в) перешла к корякам от амурских туземцев через посредство тунгусов, а амурские народы в свою очередь переняли ее от китайцев. Этот орнамент является упрощенной стилизацией простых и комбинированных завитков, которые мы видим на амурском копье (з).⁴⁷ Украшение деревянной рукоятки ножа (а), инкрустированной оловом, очевидно, перенято у якутов, у которых часто встречаются подобные рукоятки ножей, и, как мне говорили, этот орнамент изображает стилизованную лиственницу. Короткая рукоятка большого ножа (в) сделана из китовой кости.

Средняя часть кройльной доски (рис. 142, а) служит для наматывания вышитых оторочек одежды, меховых полос для окаймления куклянок и других полосок для украшения одежд. Круги со звездами на табакерке (рис. 142, б) взяты с орна-

⁴⁶ Boas F. The Central Eskimo. Plate V, fig. f; Hoffman W. J. The graphic Art... P. 797, fig. 29—31. Образцы корякских кройльных досок с изображениями паровозов есть в корякской коллекции Американского Музея Естественной Истории в Нью-Йорке.

⁴⁷ Laufer B. The decorative Art of the Amur Tribes // Memoirs of the American Museum of Natural History. Washington, 1902. Vol. VII.

мента русского ситца. Позднее я поговорю подробнее о подобных заимствованиях, а пока достаточно обратить внимание на совершенство кружков и на чувство симметрии в контурах звезд, несмотря на то что, кроме кончика ножа, у корякского художника нет ничего хотя бы похожего на циркуль для проведения кривых линий.

Я не мог добиться объяснения фантастического резного орнамента (рис. 142, а), который далеко не симметричен; но нет сомнения, что мы здесь имеем дело со смешанными элементами примитивного геометрического орнамента и стилизованных растительных форм, может быть каменной сосны.

УКРАШЕНИЕ ОДЕЖДЫ

В орнаменте на одежде и меховых коврах мы видим сочетание различных влияний, аналогичных тем, что мы замечаем в резьбе на кройльных досках, коробках и инструментах. Мы находим тут и самый примитивный орнамент, состоящий из точек, черточек и кружков, и другие геометрические мотивы в виде треугольников, ромбов и квадратов. Далее, существует технический стиль орнамента, изображающий, например, сети; зооморфный орнамент, состоящий из реалистического изображения отдельных животных и людей или их групп пиктографического характера; и, наконец, есть стилизованный растительный орнамент, который я считаю последним по времени заимствованием, перенятым у русских.

Скульптура, резьба по дереву и гравировка — области мужского искусства; украшение же одежды и орнаментация ковров — искусство женское. Самая простая отделка одежды состоит в обшивании мехом одежды из шкур или оторочке меховой одежды более красивым мехом или мехом другого цвета и в использовании белой, черной и красной окрашенной кожи, со снятой шерстью или мездрой наружу, когда волос с внутренней части коротко срезается.

Техника орнаментации. Узоры на одежде располагаются горизонтальными или вертикальными полосами. Эти полосы состояются из ряда параллельных полосок, все различных рисунков. Полосы всегда делаются отдельно и наматываются на катушки (рис. 142 и др.). Готовые полосы сшиваются вместе.

Способы украшения этих полос разнообразны. Очень много узоров делается методом так называемой прорезной вышивки. Этот способ применяется при создании узоров, составленных из узких белых полосок на черном фоне — на толстой черной коже, главным образом на выделанной и окрашенной коже акибы; белые линии делаются узкой полоской выделанной кожи с собачьего горла и сухожильными нитками. В черной коже, подлежащей украшению, проделывается ряд узких прорезей; снизу кладется полоса белой собачьей кожи такой ширины, как длина прорези; маленькая петля этой полоски пропускается в разрез и в нее продевается сухожильная нитка, идущая по верхней стороне черной кожи, потом петля затягива-

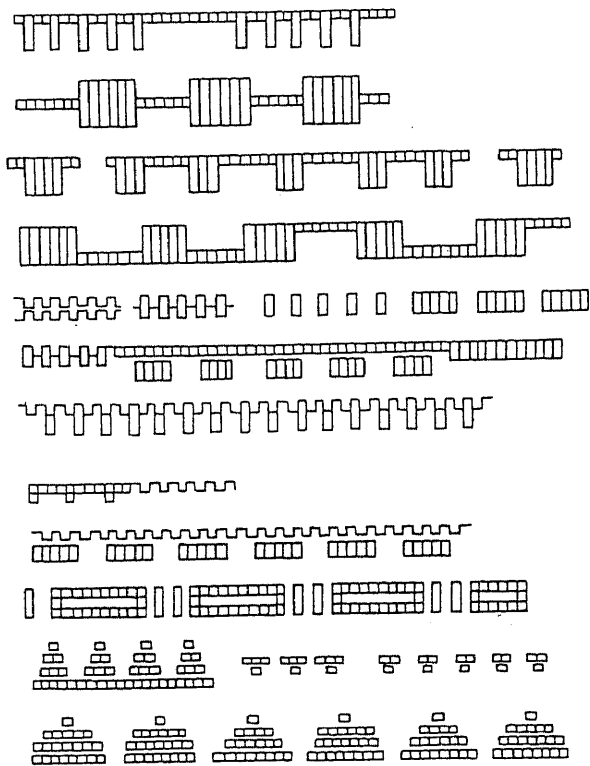

Рис. 143. Орнаменты в технике прорезной вышивки.

ется. Иногда кожа прорезывается не насквозь, а только до половины толщины и расщепляется на два слоя от одного разреза до другого. В этом случае белая полоска продевается между расщепленными слоями от разреза к разрезу, выступая петлей в каждом разрезе, как и в первом случае. Основные типы узоров, сделанных в технике прорезной вышивки, показаны на рис. 143.

Техника прорезной вышивки такова, что узоры должны непременно состоять из длинных, связанных рядов прямоугольных фигур. Причем белая кожаная полоска, продеваемая сквозь разрезы, образует ряд коротких параллельных линий, концы которых соединены белой сухожильной ниткой. Ширина прямоугольников очень различна, потому что часто ряд прорезей, образующих одну прямую линию, соединен одной ниткой (рис. 143). Иногда же вместо прямоугольников узор образуется угловатыми извилинами, и нитка, пройдя через петлю в одном направлении, проходит прямо в другую, а затем назад в другом направлении. Некоторые из этих тончайших разрезов не больше 1 мм ширины, а ряды отстоят друг от друга на 0.25 мм. Крупные ряды достигают двух миллиметров, и ряды расположены на расстоянии одного миллиметра друг от друга.

Узор в целом состоит из групп прямоугольников, соединенных между собой в цепочку или расположенных ритмическими группами. Другие узоры состоят из треугольников над волнистой или сплошной линией, или стоящих совершенно отдельно.

Всякая прорезная вышивка при составлении узорных рядов дает тонкие белые линии на черном фоне. Хотя собачья кожа при ближайшем рассмот-

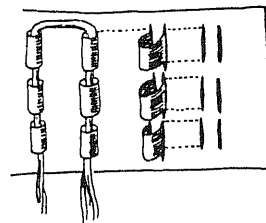

Рис. 144. Кисточки, сделанные в технике прорезной вышивки.

рению немного желтее, чем белые сухожилия, но эта разница исчезает от контраста с темным фоном. Красная бахрома по краю одежды делается таким же способом. В этом случае нижний край делается из полосы гладкой белой кожи. Полоса белой собачьей кожи пропускается через прорезы уже описанным образом, и в петли захватываются кисточки красной шерсти или крашенные волосы молодых тюленей. Иногда разрезы двойные, и кисточки перекадываются из одной петли в другую, как показано на рис. 144.

В некоторых случаях отдельные белые полосы на узком черном фоне делаются просто обертыванием один раз белой полоской вокруг черной, которая потом пришивается к другой так, чтобы концы белых перекадинок пришили в шов и прикрепились к месту.

Когда хотят получить широкие белые полосы на черном фоне, то поступают иначе. Берут узкие короткие полоски белой жесткой оленьей шкуры, реже собачьей, и вшивают их в шов двух смежных темных полос, потом весь шов прикрывают сухожильной ниткой или волосом. Если хотят этим способом сделать узкую полосу квадратов, то нижние концы перекадинок захватывают в следующий шов пониже. Таким же способом делают бахрому по подолу одежды. В этом случае полоски кожи чередуются с кистями из меха молодой нерпы, выкрашенного в красный цвет, и все вшивается в шов, который в этом случае не прикрывается сухожильной ниткой, потому что волос кисточки перегибается, и в загиб попадает полоска, и все вместе прикрепляется обыкновенно тремя стежками. Таким образом, волос, лежащий под кожей, слегка приподнимает шов. Этот же способ применяется для выделения стежков белого шва. Для этого маленькие кусочки жесткой белой кожи захватываются описанным выше способом и потом срезаются около самой покрывающей их сухожильной нити.

Если нужны узкие черные полоски или маленькие квадратики на белом фоне, то поступают иначе. Узкую черную полоску, около 3 мм шириной, обертывают белой полоской собачьей кожи в 1 мм шириной, и в середине по лицевой стороне под витками пропускают в длину узкую белую полоску.

Для обшивания швов и для изогнутых или диагональных узоров на гладкой черной коже применяется способ, который можно назвать аппликацией из волоса или сухожильных нитей. Сухожилия или волос укладывают по желательному контуру и пришивают более тонкой жилкой, причем стежки захватывают только верхний слой кожи и

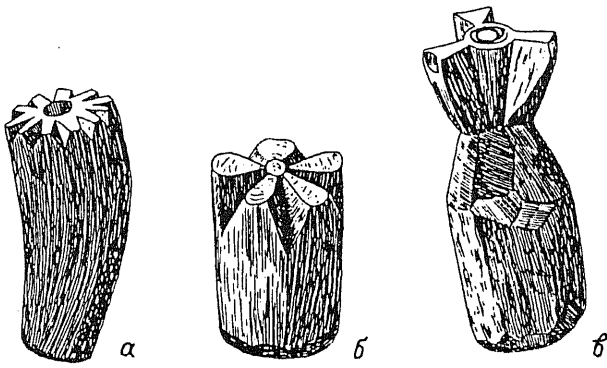

Рис. 145. Штампы (высота: а — 7 см, б — 6 см, в — 11 см). Из Каменского.

не видны на изнанке.⁴⁸ Для этой работы употребляются волос с гривы лося или оленя и шерсть горных баранов. Эта работа подобна кольцеобразному шиванию травяных корзин.

Ряд отдельных белых квадратов на черном фоне делается подобным же образом, то есть белая собачья кожа прoderгивается через ряд прорезей.

Когда в эти узоры хотят вставить красный мех, то кисточки окрашенного тюленьего волоса нашивают на оленью шкуру, мездра которой, обращенная наружу, красится в красный цвет. Эти кисточки нашиваются горизонтальными рядами, очень близко друг к другу, и каждый пучок волос перегибается пополам и пришивается стежками, захватывающими только верхний слой кожи. Другие узоры, такие как клетки и реалистичные фигуры, почти всегда делаются меховой мозаикой, каждая полоса делается отдельно и потом уже пришивается к предыдущей. Все швы делаются по лицевой стороне, и, если шов не покрыт другим орнаментом, он покрывается волосом или сухожильной ниткой. Мозаика, включающая сложные фигуры, делается по выкройке из толстой кожи лахтака. По выкройке вырезается фигурка, скажем, из белой шкуры с шерстью или со снятым волосом. По той же выкройке вырезается фигура на черном фоне, и на место выреза вставляется белая фигура. Таким образом получаются белые силуэты животных или другие изображения на черном фоне и черные на белом. Стилизованные растения и геометрические фигуры труднее вырезать и вшивать, чем изображения животных. Очень часто узоры состоят из таких маленьких кусочков, что удивительно, как вообще можно делать такую утомительную работу. Не каждая женщина может вырезать фигуры, и есть специалисты, которые снабжают своими произведениями других.

На некоторых кухлянках, сделанных из шкуры со снятой шерстью, узоры составляются из маленьких пучков окрашенного в красный цвет волоса молодых нерп, которые пришиваются рядами или прямыми линиями и зубцами, так что пучки кажутся красными пятнышками на белом фоне кухлянки. Из подобных пучков делают треугольники на белом или черном фоне.

⁴⁸ Этот же тип перекрытых швов встречается в проливе Нортон на Аляске.

Длинные узкие полоски кожи, почти как бахромы, прибавляются иногда к вышивке подола кухлянки. Они обычно вшиваются в швы, каждая полоска отдельно, и состоит из длинных, гладких, белых полосок, украшенных на равном расстоянии черными поперечинами.

Кисти из кожи делают из одного длинного куска, разрезанного на пять-восемь узких полосок, и пришиваются на спинке кухлянки или спереди. Обыкновенно они располагаются рядами попарно или группами по три-четыре-пять. Иногда кисти делают из лосиных⁴⁹ или оленьих сухожильных ниток, белых или окрашенных — красных. Иногда пучки меха молодой нерпы, окрашенные в красный цвет, привязываются, отступая несколько от основания кисти, производя впечатление меховых кисточек с веревочными концами. Более сложную кисть делают из небольших кусков белого и темного оленьего меха, сшивая концы каждого куска так, что образуется колокольцеобразная бусина, открытая с одной стороны больше, чем с другой. Эти кисточки нанизываются на ремешок и прикрепляются так, что не могут соскочить. Часто такая кисть только в начале состоит из одного ремешка, а потом разделяется на несколько. Иногда эти меховые «бусины» так малы и правильны, что кажутся вырезанными из кости. Бывают случаи, когда вместе с меховыми кисточками нанизываются и стеклянные бусины.

На некоторых из украшенных танцевальных одежд отделка состоит главным образом из аппликации белой кожей по красному фону. Чаще всего в этих случаях главный орнамент состоит из треугольников, таких же, как бывают на кухлянках с вышитыми опуванами.⁵⁰

Еще другой род отделки состоит из набивки узоров красной краской по гладкой ровдуге. На рис. 145 показан ряд деревянных штампов, используемых для нанесения узоров, а на рис. 77 — камлея, отделанная таким способом.

Вышивка шелком и шерстью делается длинными стежками, которые, однако, захватывают только верхний слой кожи, не проходя насквозь. Узоры выводятся следующим образом: женщина смотрит на рисунок, служащий ей образцом, и концом костяного ножа намечает на коже кривые линии, круги и другие нужные ей линии, а потом покрывает эти узоры вышивкой. Олкторские корячки особенно любят вышивку бисером.

Рис. 88 изображает пояс, вышитый бисером (а) и кисет для кремня и трута, пришитый к простому кожаному поясу (б). Линейный орнамент пояса сделан в три цвета — синий, черный и белый, а кисет орнаментирован человеческими фигурами и сделан только в два цвета — белый и синий. На поясе тут не показаны ни пряжка, ни застежка.

Рисунок. Чтобы суметь отличить орнамент позднего происхождения от древнего, мы прежде всего должны обратиться к погребальным одеждам или

⁴⁹ Так как в стране коряков лоси не водятся, то надо думать, что лосиные жилы и волос коряки получают от чуков, тунгусов и юкагиров.

⁵⁰ Подобные узоры встречаются в отделке гренландской одежды. Они сделаны аппликацией, которая никогда не вшивается в швы и не влетается, а просто нашивается сверху.

другим предметам, связанным с ритуалом, как, например, одеждам, надеваемым при плясках на китовом празднике, или к орнаментации вещей, вышедших из употребления, таких как колчаны. Особенно консервативна орнаментация погребальной одежды.

На большинстве погребальных одежд вся отделка сделана прорезной вышивкой с закрытыми швами, вшитыми полосками и кожаной мозаикой. Аппликация сухожилиями и волосом встречается, но не часто.

Узоры прорезной вышивки уже описаны и сказано также, что при вшитых и обернутых полосках результат получается тот же, только белые линии шире, сравнительно с остающимся черным фоном. При этой технике более сложные формы орнамента не появляются. В общем мы имеем ряд ритмически расположенных прямоугольников.

Есть еще один мотив, часто встречающийся в орнаментах погребальных, а иногда и обыденных одежд — вписанные дуги с удлиненными сторонами или овалы со срезанным концом. Эти мотивы встречаются на двух погребальных колчанах, упомянутых выше.⁵¹ Подобные же мотивы можно найти на древних чукотских колчанах⁵² и на некоторых предметах эскимосов Аляски.⁵³

Очень интересно, что в орнаментах погребальных и танцевальных одежд мы не встречаем реалистичных изображений людей и животных, которых можно было бы считать «охранителями» покойника, или шаманов, или других лиц, исполняющих религиозные пляски. На шаманских же одеждах у якутов, тунгусов и других сибирских народов мы находим фигуры «охранителей» шаманов в виде очертаний людей и животных. Фигуры эти вышиты на одежде сухожильными нитками, а иногда на одежду нашиваются изображения, вырезанные из кожи, сукна, жести, меди или сделанные из железа.

Ф. Боас обращает внимание на разницу декоративного стиля у индейцев, эскимосов и амурских гольдов⁵⁴ в применении к культовому и обыденным вещам. Предметы, относящиеся к культу, покрыты более или менее реалистичными рисунками, а отделка обыкновенной одежды состоит из геометрических мотивов. Подобное же явление я заметил у якутов и тунгусов в отношении их шаманских и домашних одежд. У коряков же мы видим обратное. Их погребальные и танцевальные одежды покрыты геометрическими узорами, а реалистичные рисунки встречаются только в декоративных мотивах повседневной одежды и меховых ковров.

В орнаментах на погребальных одеждах только в одном случае встречается нечто, похожее на морскую звезду,⁵⁵ и в другом — на лягушку. На

одном древнем чукотском колчане есть вышитый мотив, похожий на русскую букву «Ж»,⁵⁶ который можно ошибочно принять за стилизованную лягушку. Я указываю на это потому, что лягушка играет значительную роль в гиллякском культе, и изображение ее служит амулетом.⁵⁷ В юкагирской мифологии упоминается лягушка,⁵⁸ но ни в корякских, ни в чукотских мифах мы ее не встречаем.⁵⁹

Здесь подходящее место сказать несколько слов о роли, которую играют изображения в декоративном искусстве коряков вообще. Если мы предположим, что у всех племен каждый орнамент имеет или имел когда-нибудь известное значение, то должен сознаться, что я не мог найти нужных объяснений или потому, что коряки забыли значение своих древних орнаментов, или потому, что те именно лица, от которых я старался получить эти объяснения, не были знакомы с ними, и в таком случае вопрос этот еще требует исследования.

Мне удалось убедиться, что всякие узоры на одежде, а также татуировка называются одним и тем же словом *káli*, или *kéle*, под которыми коряки подразумевают не только всякие рисунки, но и печатные тексты книг и русские буквы. Некоторые коряки говорили, что простые, двойные и концентрические круги в их орнаменте обозначают солнце, луну или звезды. Раз мне сказали, что зубцы означают горы, а другой раз, что — волны. Предполагается, что крестообразные фигуры означают летящих птиц, но мне говорили, что, как правило, орнамент никакого специального значения не имеет. Даже сведения о зубцах я получил после настойчивых расспросов, которые, может быть, и вынудили ответ. У меня сложилось впечатление, что лица, которых я спрашивал, придумывали свои ответы, когда их спрашивали. Поэтому я не придаю особенного значения этим сведениям. Из последующего будет ясно, что женщины для украшения обыденной одежды пользуются узорами, которые они, несомненно, заимствовали от русских или тунгусов единственно ввиду их красоты, без всякого отношения к их значению.

Хотя в отделке обыкновенной одежды мы часто встречаем древние узоры, которые уже видели на погребальных одеждах, мы все же часто видим также реалистичные изображения людей и животных, сочетания изогнутых линий и стилизованные растения. Реалистичная репродукция животных в отделке одежды может быть результатом подражания женщин в своих узорах тем предметам, которые создавало искусство ваiania мужчин. Сочета-

⁵¹ Bogoras V. G. Очерк материального быта... Табл. XI, ф. 2.

⁵² Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. III. С. 750.

⁵³ Jochelson W. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. С. 5.

⁵⁴ Л. Я. Штернберг обратил мое внимание на сходство некоторых форм корякско-чукотского декоративного искусства с гиллякскими изображениями лягушки; но в стране коряков я никогда не видел лягушек. На Камчатке их не находили ни Крашенинников, ни Дитмар. Если упомянутый орнамент действительно изображает лягушку, то он должен был быть заимствован с юга. Должен все же добавить, что, по свидетельству Слюнина, один вид лягушки на Камчатке найден был (Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1. С. 339).

⁵¹ Jochelson W. The Koryak... P. 107, fig. 50; P. 106, fig. 43.

⁵² Bogoras V. G. Очерк материального быта... Табл. XI, рис. 1; Bogoras W. The Chukchee... P. 157, fig. 76.

⁵³ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. Plate XLV, figs. 15, 31, 32; Plate XX, fig. 6.

⁵⁴ Boas F. The decorative Art of the North American Indians // Popular Science Monthly. 1903. October. P. 484—485.

⁵⁵ См. женскую погребальную кухлянку (Jochelson W. The Koryak... P. 108, fig. 51).

ние кривых линий и стилизованных животных, которые мы видели на ножах и копьях, было заимствовано, по-моему мнению, с Амура через посредство тунгусов, а стилизованные растения, как мы увидим после, были скопированы с ситцев, привозимых русскими купцами. Некоторые женщины указывали на русско-корякского метиса Флетчера из Гижиги, как на автора некоторых узоров. Это были большею частью стилизованные растения, скопированные с узоров привозного ситца или сукна. Женщина, пользуясь ими, знает, что узор изображает растения и листья, но лично я не знаю ни одного случая, когда она подражала бы растениям, естественно растущим перед ее глазами.

Общепризнано, что у развитых земледельческих племен растительный орнамент в декоративном искусстве появился после зооморфного. Однако то касается растения на рис. 146, то мне говорили, будто оно изображает цветок шиповника, который в изобилии растет в долинах корякских рек.

Один коряк рассказал мне даже, что некоторые женщины сами копировали рисунки для кожаных выкроек с листьев и цветов живых растений. Я допускаю возможность этого, хотя лично таких женщин не встречал. Как привычка к наблюдению во время охоты дала мужчине материал для ваiania и гравировки, так и наблюдения женщин во время сбора трав, корней и ягод дают ей материал для узоров.

Рис. 146 изображает кусок меховой полосы для отделки подола верхней куклянки. Орнамент состоит из смешанных изображений животных и растительных мотивов. Одна фигура изображает бегущую собаку с загнутым вверх хвостом и выгнутом языком, другая — оседланную лошадь с выюком за седлом. Тонкая наблюдательность корячки видна в ее выборе чуждого ей животного для мотива рисунка, в котором очень легко узнать лошадь. Из растений одно изображает цветок, а другое — куст с двумя птицами, сидящими на нем.

На рис. 147 видно, как женщины копируют рисунки с привозного ситца и других материй; эти образцы я достал у одной девушки в Каменском (а — изображает стилизованное растение на куске русского ситца, который мне дала эта корячка; б — выкройка, сделанная по этому рисунку из толстой кожи лахтака. Копия, конечно, довольно груба; это, скорее, сделанный от руки грубый абрис). Выкройка использовалась для вырезания узоров из темной телячьей шкуры следующим образом: выкройка накладывается на мездру шкурки, и ее контур обводится костяным ножом (для этого употребляется также русский карандаш), потом по контуру вырезается женским ножом весь мотив. На рис. 147, в показано, как стилизованное растение вшивается в полосу белой шкуры молодого оленя на места, вырезанные в ней по той же выкройке.

Составление узора. При рассмотрении составления узоров нужно иметь в виду три важных момента: последовательность полос, составляющих орнаментальную кайму, ритмическое расположение мотивов, повторяющихся на полосах, и размещение их на одежде.

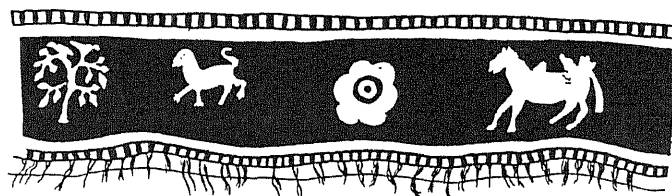

Рис. 146. Опуван с кожаной мозаикой (ширина 21 см).

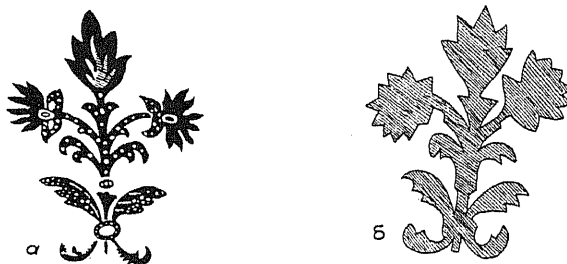

Рис. 147. Образец узора на ситце — а, копия образца — б, готовый опуван — в.

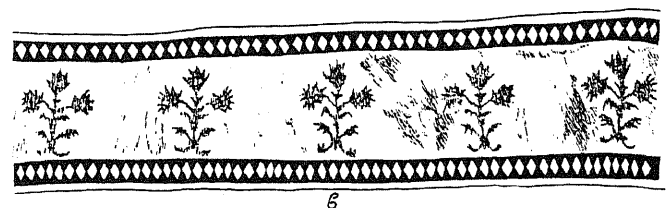

Рис. 148. Опуван погребальной одежды с прорезной вышивкой (ширина 8.5 см).

Что касается составления каймы из отдельных полос, то, кажется, основной чертой является выделение хорошо заметной средней узорной полосы, обшитой более широкими или узкими каймами. Образцы подобных оторочек подробно описаны на следующих страницах. Расположение узоров изменяется, смотря по технике работы. Когда верхняя и нижняя каймы опувана украшаются прорезной вышивкой, то встречаются узоры, как на рис. 148 и 154 (см. далее). Очень распространены каймы, выполненные в технике аппликации; состоят они почти всегда из белых треугольников на черном или красном фоне, как показано на рис. 149, 150 и 152. Сделанные в этой технике клетки расположены в шахматном порядке.

Треугольные и квадратные чередующиеся мотивы выполняются также в технике кожаной мозаики. Впрочем, сочетания на каемках так разнообразны, что трудно дать общее описание. Современные опуваны составляются так же, разница только в том, что вместо центральной, орнаментальной полосы вставляется вышивка шерстью или шелком со стилизованным растительным орнаментом.

Оформление опуванов, показанных на рис. 150 и 152, судя по собранным коллекциям, очень

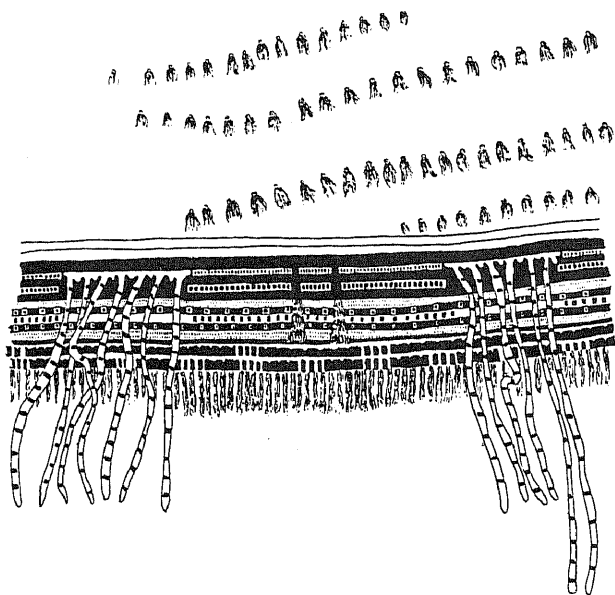

Рис. 149. Деталь опувана погребальной кухлянки.

характерно для многих кухлянок с вышивкой. В некоторых экземплярах под нижним рядом обращенных вершиной вниз белых треугольников располагается еще один ряд чередующихся квадратов. Иногда узор из ромбов заменяется узором из квадратов. В ряде случаев есть только широкая центральная полоса с узкими каймами, составленными из треугольников. У части кухлянок каймы из треугольников заменены полосами прорезной вышивки. Такое оформление опуванов встречается и на танцевальных камлеях из ровдуги, окрашенной в красный цвет.

Ритмическое повторение рисунка. Ритмическое повторение мотивов в каждой полосе и в общем узоре по всей ширине каймы интереснее последовательности полос, составляющих ее. Вообще чувствуется желание пользоваться чередующимися узорами, чтобы прервать однообразие непрерывной длинной каймы; но во многих случаях ритмическое оформление гораздо сложнее. В некоторых случаях во весь перед идет один узор, и сменяется он только сзади. Бывает, что правая и левая стороны спины — разные; в большинстве же случаев где-нибудь в одном месте прерывается симметричность

или ритмический подбор узора. Обыкновенно это бывает под левой рукой, реже — под правой. Иногда в этом месте вставляется особенный узор, совершенно не подходящий ко всему ритмическому ряду. Может быть, это зависит от трудности подгонки узора к одежде, но из этого затруднения образовалась привычка делать перерыв узора, даже когда это и не нужно.

Рис. 148 представляет часть широкой каймы на подоле погребальной одежды, отороченной собачьим мехом. Вся кайма состоит из чередующихся полос черных и белых шкур, сшитых вместе. Самая нижняя полоса из стриженной оленьей шкуры с мездрой (окрашенной в красный цвет) наружу. Узоры верхнего ряда вполне симметричны, но, как видно на рисунке, они разной длины и расположены следующим образом:

см 8—12—8—17—12.5—22—9—9—22—12—17—8—11—8 см
под рукой центр под рукой

В промежутках в шов прихвачены волосяные кисти. Вертикальные перекладыны на этом узоре состоят в середине из одного ряда петель, а на обоих концах полосы видны попытки перейти на двойной ряд, но не совсем правильный. Если смотреть издали, то впечатление такое, что средняя часть, которая была, вероятно, спереди кухлянки, сделана лучше и более тщательно, чем задняя, где вертикальные перекладыны грубее и шире расставлены. Вся средняя часть центральной черной полосы состоит из правильного чередования прямоугольников из шести и трех петель, как показано на рисунке, за исключением маленькой неправильности, когда в некоторых местах попадаются подряд три трехпетельных прямоугольника вместо двух, как требует правильное чередование узоров. Эта часть средней черной полосы простирается от отметки между 17 и 12.5 см слева до середины отметки в 17 см справа. Вся оставшаяся левая часть полосы занята продолжающимся рядом трехпетельных прямоугольников с небольшими вариациями, а вся оставшаяся левая часть полосы продолжена узорами, аналогичными тем, что на нижней черной полосе, только поуже. Если эта интерпретация верна, то передняя часть оказывается занятой одним узором, а правая и левая стороны спины — разными. Белая полоса под цен-

Рис. 150. Фрагмент вышитого опувана (ширина 25 см).

тральной черной вышита красной шерстью, исключая часть под двумя узкими отметками в 9 см верхнего ряда с узкими перекладами верхнего ряда в середине всей полосы, которая вышита зеленым. Из-расположения узоров ясно, что часть опувана на рисунке — это центральный и передний фрагменты узора. Обычная бахрома из захваченных в шов полосок и волосяных кистей завершает нижний край.

На рис. 149 — мотив очень красивой каймы куклянки. Он состоит из ряда полос, выполненных в технике вышивки кожей, обернутого ремешка и захваченных в швы полосок. Две широкие белые полосы сделаны обернутым ремешком, а центральная и нижняя полосы — из захваченных в шов полосок. Ритмический подбор мотивов в этом образце очень изящен. Длинная бахрома, захваченная в верхний шов, повторяется на определенном расстоянии. Прорезная вышивка в этих местах прерывается, и в средней полосе вместо рисунка под бахромой вшита простая белая полоса. Надо обратить внимание на разделение верхнего ряда прорезной вышивки на три неравные по длине части. Под промежутками между ними пришиты пучки тюленьего волоса, расширяющиеся книзу; пучки эти особенно выделяются благодаря вышитым полоскам двух нижних рядов опувана, в которые вшиты еще очень короткие полоски оленьей шкуры, что придает им вид бус.

В современном орнаменте принцип расположения отдельных мотивов, по-видимому, тот же, что и в орнаменте древнем, геометрическом. Например, на приведенном выше образце (рис. 146) отдельные узоры расположены двумя симметричными группами, одна уже другой. Вероятно, широкая предназначалась для переда куклянки, а узкая для спины. В этом случае фигуры расположились бы в следующем порядке: цветок, лошадь, собака, куст, собака, лошадь, цветок; а сзади между двумя крайними цветками были бы: собака, куст, собака.

Вышивка, изображенная на рис. 150, состоит из четырех отдельных мотивов: цветок с листьями по бокам (1), ветка с изогнутыми листьями (2), ветка, кончающаяся цветком (3), кроме того, есть еще один мотив (4), который встречается только один раз сзади. Этот опуван был пришит к куклянке не совсем симметрично; очевидно, таким образом, чтобы на перед пришлись мотивы в следующем порядке: 2, 3, 2, 1, 3, 1, 2, 3, 2, а сзади было три мотива 3 и еще маленький 4-й: 2, 2, 4, 2.

На другой куклянке, рисунка которой здесь нет, вышивка аналогична. Узор по всей окружности состоит из чередующихся прямоугольников с изогнутой веткой с треугольными листьями и цветком на конце (аналогичной мотиву 3 на рис. 150). Этот мотив чередуется с симметричным двойным рисунком, состоящим из цветка в центре и пары расходящихся от него ветвей, которые, вновь сходясь концами, образуют фигуру в форме сердца, затем расходятся опять и увенчиваются на изогнутых концах цветками. Единственная неправильность в последовательном чередовании этих мотивов находится под левой рукой, где половинка симметрич-

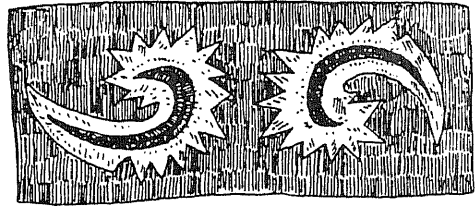

Рис. 151. Мотив вышивки опувана.

ного узора вставлена между двумя мотивами, которые должны бы следовать друг за другом.

Опуван еще одной куклянки подобен вышеописанному. Симметричный мотив расположен по центру спереди и сзади. Здесь неправильность под правой рукой, и состоит она в том, что два одинаковых мотива помещены рядом. Эта асимметрия подчеркнута делением фона рисунка на две половины — правую, более темную, и левую, более светлую.

На третьей куклянке, расшитой шерстью, неправильность оказалась под левой рукой, где на место симметричного мотива вставлен прямоугольник, разделенный на пять равных горизонтальных полос. Верхняя, средняя и нижняя полосы — красные, а промежуточные полосы состоят из 9 цветных квадратиков: в центре зеленый, а затем по обеим сторонам серия белых, голубых, желтых и снова голубых клеток.

Вышивка на другой куклянке (рис. 151) состоит из прямоугольников с рисунком в виде двойных листьев, которые чередуются на красном, зеленом и синеватом фоне. Красный варьирует от розового к темно-красному, а другие — от темно-синего, почти черного, до светло-зеленого.

Рис. 152 изображает орнаментированную куклянку из оленьего меха. Средняя полоса опувана состоит из стилизованных растений, вышитых цветным шелком. Рисунки спереди расположены симметрично. Центр занят двойным листом, очевидно, таким же, как лист с цветком в мотивах справа и слева. Рядом с ним с обеих сторон простой цветок, который повторяется спереди куклянки еще по разу с каждой стороны после большого цветка с двойным листом. Под левым рукавом симметрия прерывается вставкой одного цветка вместо цветка с двойным листом, который занимает соответствующее место под правым рукавом. Сзади находим только четыре одиночных цветка, повернутых все в одну сторону. Подбор цветов очень неправилен. Спереди центральное поле синее с красным листом. Два прилегающих поля ярко-желтые, и в них с одной стороны красный цветок, а с другой — пурпурный. Следующие поля с цветками и двойными листьями по правую руку — посередине синий, на нем красный цветок с желтым контуром, а по бокам фон пурпурный и на нем голубовато-зеленые листья с красными жилками. Слева середина фона черная, а края синие, на которых вышит цветок бурого цвета с ярко-красными листьями и с синеваато-зелеными жилками, то есть подбор противоположен тому, что с правой стороны. В подборе цветов вообще выходит, что желтый и розовый цвета и переходные оттенки почти рав-

Рис. 152. Меховая кухлянка.

Рис. 153. Меховая кухлянка.

нозначны, так же как синий и пурпуровый и промежуточные между ними.

В одной из кухлянок «прерыв» последовательности расположения мотивов нижней каймы находится под левой рукой. Продолжается только узкая белая полоска кожи, которая образует верхний край опувана, а все остальные мотивы замещены одним куском вшитой оленьей шкуры. Помимо этого, еще один элемент вышитого рисунка заменен куском оленьей шкуры.

В другой кухлянке на опуване есть узкая вставка со стороны правой руки, где продолжается зигзагообразный орнамент, но «шаг» его гораздо уже, чем у основного мотива.

На опуване красивой кухлянки (рис. 153) также есть неправильность с левой стороны. Вместо верхней и нижней полос шахматного рисунка вставлены полосы гладкой темной телячьей шкуры. В верхней полосе есть центральное квадратное поле, обведенное тонкой белой оторочкой, с семью рядами темных и светлых квадратов. В нижнем ряду таких квадратных полей — три, с несколько более грубыми обводами и клетками. В средней полосе зигзагообразный орнамент, который в этом месте должен быть прерван прямоугольной вставкой, продолжается зигзагообразной линией. Эту неправильность можно видеть на рисунке.

В мужской кухлянке из Каменского центральная полоса орнаментальной вышивки подола сделана бисером трех цветов — синего, черного и белого. Зигзагообразный мотив в центре напоминает повторяющуюся букву «М» и состоит из двух боковых изгибов белого бисера и центрального — красного бисера. Часть синего фона под изгибами волнистой линии имеет светло-синий оттенок и чередуется с темно-синими участками. Распределены эти оттенки не совсем правильно. Левая сторона одного изгиба поднимается на синем фоне, а рядом большой изгиб вместе с двумя меньшими лежит на черном. С левой стороны, начиная с середины переда до середины спины, этот узор чередуется совершенно правильно, с правой же стороны светло-синий фон под одним изгибом чередуется с темно-синим фоном под двумя. На спине в середине пяти изгибов на светло-синем фоне нашито много красного бисера под изгибом зубца. Голубой фон над волнообразной линией сделан из синего бисера промежуточного оттенка. Нижняя полоса каймы не симметричная. Рассмотренная ранее (рис. 177) камлейка была из мягко выделанной белой оленьей ровдуги, на которой отпечатаны штампом красной краской, получаемой из настоя ольховой коры, кружки, звезды и т. п. Круги и звезды встречаются в древних корякских орнаментах, а другие фигуры, мне кажется, заимствованы из русских узоров. Камлея украшена шестью различными штампованными рисунками, три из них сделаны штампами, показанными на рис. 145. Этот способ цветной набивки используется индейцами округа Унгава, которые таким образом украшают свою одежду из шкуры лося. Они также используют для этого штампы.⁶⁰ Рас-

⁶⁰ Turner L. M. Ethnology of the Ungava District... P. 296—297.

положение узоров симметрично. Если мы пронумеруем их от средней линии к бокам 1, 2, 3, 4, то для каждой четверти рубашки узор будет идти так: 1, 2, 3, 4, 1, 2, 3; причем последний, третий кружок с вписанным крестом, попадет с обеих сторон под руки и будет принадлежать как к рисунку переда, так и к рисунку спинки. На рукавах узоры располагаются кругами вокруг рукава, от плеча до кисти, а вокруг кисти особый рисунок изображает, очевидно, цветок.

Описание куклянок. Опуваны, шитье которых описано на последних страницах, пришиваются обыкновенно к подолам меховых куклянок, как показано на рис. 152, 153. На танцевальных куклянках или на более нарядных бывают еще добавочные украшения. Очень часто украшается клапан, висящий спереди на груди и служащий для защиты лица. В другой куклянке нагрудник украшен белым вертикальным крестом, под которым помещаются два белых кружка. Нагрудник женской танцевальной куклянки украшен чередующимися ромбами из темного и белого меха. Четвертый и шестой ряд темных ромбов сделаны из шкуры, окрашенной в красный цвет, но, даже если смотреть с близкого расстояния, они плохо отличаются от коричневого оленьего меха. Весь рисунок состоит из 13 вертикальных рядов белых ромбов. Верх капюшона иногда украшают узором, который, может быть, изображает рога оленя. Такие куклянки — из числа лучших образцов мехового орнамента, отделаны очень изящно в стиле танцевальных куклянок. В особенности интересна отделка рукавов — вертикальные полосы вышивки идут от опувана до плеч и вниз по спине, а декоративные нашивки — на груди. Некоторые праздничные куклянки украшены декоративной центральной полосой,⁶¹ у других есть центральные и боковые полосы узоров.⁶² В мужских погребальных куклянках эти украшения еще сложнее, поэтому лучше описать несколько таких куклянок более детально. Еще одна характерная черта праздничных куклянок, в особенности танцевальных, сделанных из окрашенной в красный цвет ровдуги, — обычно кисти прикреплены к розеткам (рис. 153).

На женской танцевальной одежде⁶³ мы видим изящную отделку из кисточек. На ней спереди два маленьких бисерных кружка и три группы кисточек, каждая из которых состоит из кусочка белой шкуры с длинными подвесками из того же материала. Спереди же пришиты две пары нитей белых и черных бусин. На спине два кружка около плеч, а пониже — три пары таких же кистей, как спереди. Они прикреплены на маленьких белых меховых кружках. Сами кисточки — двойные, основание каждой обернуто кусочком меха, который покрыт куском синего сукна, по которому спиралью намотана и крепко привязана узкая полоска белой кожи. Эти обмотки напоминают обернутые косы эскимосок. На задней стороне двурогого капюшона также есть два маленьких круж-

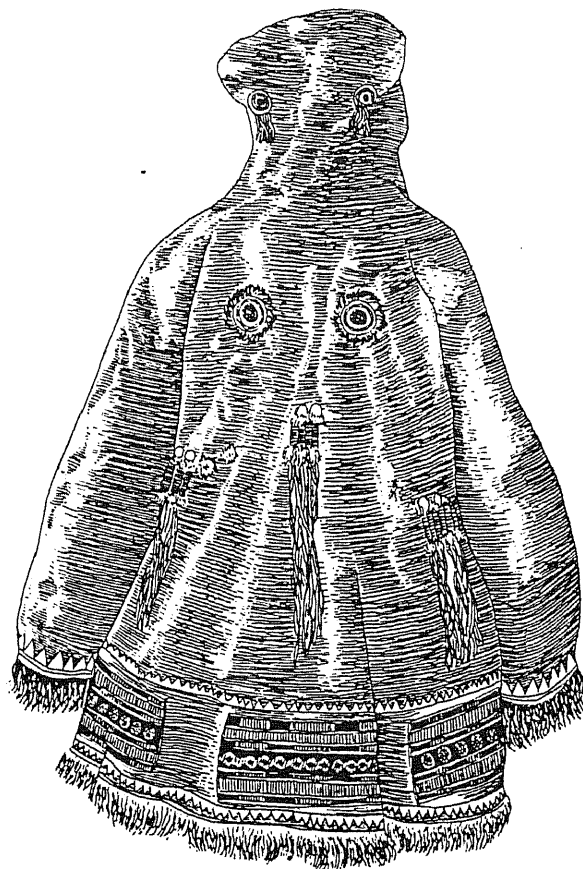

Рис. 154. Женская погребальная куклянка.

ка с concentрическими кольцами и кистями из белой кожи.

У женской погребальной куклянки⁶⁴ верх капюшона украшен каймой в форме подковы, открытая сторона которой обращена вперед. Верхнюю часть этой каймы видно на рисунке 154, показывающем куклянку сзади. Внутри подковы помещается стоящий на узкой стороне прямоугольник из кусочка темной шкуры, окаймленной узкой полоской белой кожи. На темной шкуре — шахматный узор, выполненный в технике прорезной вышивки, причем каждая клетка состоит из 4 рядов 5—8 прорезей. Прямоугольник — 8 клеток в ширину и 12 в высоту. Перед куклянки оформлен так же, как спинка, за исключением того, что полосы на плечах ограничиваются на обеих сторонах швами вставки, занимающей верхнюю часть груди и покрытой клапаном нагрудника. Рисунок оторочки капюшона, верхней горизонтальной каймы на куклянке спереди и такой же сзади, а также всей каймы в верхней части спины состоит из одинаковых элементов. В рисунке капюшона они выстроены в такой последовательности от внутренней стороны оторочки к внешней: цепочка прямоугольников, кружки, белая полоса. Спереди они расположены в таком порядке: белая полоса, кружки, цепь прямоугольников, белая полоса. Стоит отметить, что в центре этой полосы, как раз над центральной вертикальной полосой, прикреплены

⁶¹ Jochelson W. The Koryak... Plate 1, fig. 2.

⁶² Ibid. P. 108, fig. 51.

⁶³ Ibid. P. 68, fig. 27 a.

⁶⁴ Ibid. P. 108, fig. 51.

Рис. 155. Перед (а) и спинка (б) мужской погребальной кукхлянки.

два двойных кружка и между ними один одинарный. В закрытом узоре верхней части спины последовательно от внутренней стороны к внешней расположены: белая полоса, кружки, цепь прямоугольников, кружки, цепь прямоугольников, кружки, белая полоска внизу справа и слева; а сверху за внешней цепочкой прямоугольников следует прорезная вышивка. Другие декоративные полосы — на плечах, рукавах, а также вертикальные полосы на спине — сделаны в технике аппликации перекрытыми швами. Крупные пятна на центральных рядах сделаны из окрашенной в красный цвет шкуры. Опуван кукхлянки такой же, как описанные полосы. Правильное чередование узоров нарушено под правым рукавом. Звезда в треугольнике на спине сделана прорезной вышивкой, белым шелком и цветной шерстью.

У другой кукхлянки обычный опуван и вертикальная полоса посредине переда сделаны прорезной вышивкой; по обеим сторонам спереди на груди — прямоугольники, которые состоят из семи полос шахматного узора на темном фоне, окаймленных бордюром из белой шкуры с тремя

простыми кистями из разрезанной белой шкуры внизу. У левого прямоугольника под семью рядами клеток есть еще восьмой ряд из шести кружков. На спине кукхлянки на каждом плече — прямоугольники из окрашенной в красный цвет шкуры со сложным неправильным узором, состоящим из пяти шахматных кружков, нескольких маленьких белых кружков и клетчатых полосок. Немного ниже и ближе к середине расположены две шахматные розетки; и по середине спины идет вниз узорчатая полоса. Вокруг рукавов проходит полоса черно-белой шахматной мозаики. Опуван составлен из двух узких полос прорезной вышивки, окаймляющих широкую полосу шахматного узора, сделанного аппликацией. Ниже проходит полоса более узкая, которая состоит частью из такого же шахматного узора, частью из кружков-аппликаций, частью из прорезной вышивки на черном фоне. Верхняя широкая полоса состоит из двух различных половин, занимающих приблизительно правую и левую стороны кукхлянки.

Рис. 155 представляет перед (а) и спинку (б) погребальной кукхлянки. Рукава, подол и капюшон

обшиты кругом собачьим мехом. На рисунке клапан из мохнатого меха, пришитый у шейного выреза, поднят.⁶⁵ Таким же образом он располагается на трупe, закрывая лицо. Орнамент такого же характера, как на рис. 148, только вышивка переда сделана большею частью цветными шелками, а не тем материалом, который употреблялся прежде, т. е. не сухожильными нитками, оленьим волосом и шерстью других животных.

Зигзаг образует не острые углы, а волнистую линию. Интересно, что некоторые полосы на капюшоне вышиты стеклянным бисером, который в древних орнаментах не встречается, так как это предмет, с которым коряки познакомились только через русских или тунгусов. Женщины обычно очень консервативно избегают употребления бисера в украшении предметов, имеющих какое-нибудь отношение к культу. Темные широкие вертикальные полосы, вставленные в белый мех переда погребальной куклянки, — куски меха молодого тюленя, выкрашенного в красный цвет. Волосные кисти под вышивкой выкрашены в тот же цвет. Темные вертикальные полосы, очевидно, — внутренняя сторона оленьей шкуры. С изнанки видно, что волос с них коротко острижен. Мездра выкрашена иногда в светло-, а чаще в очень темно-красный цвет. Эти вертикальные полосы покрыты девятью, а средняя двадцатью рядами кисточек из волоса молодого тюленя из шерстяных нитей (на средней полосе). Под вышитыми полосами пришита бахрома из красных кисточек и вшитых в шов полосок. Вдоль полосы вышивки, как раз над нижним рядом вертикальных темных полос, пришита бахрома, состоящая из чередующихся красных и синих участков, которые не совпадают с нижними вертикальными полосками. Под широкой вертикальной центральной полосой пришито пять кистей, под каждой из четырех более узких полос по обеим сторонам переда — по три. Еще три кисти пришиты в центре каждого белого поля. Кисти под идущей вокруг рукава второй полосой вышивки, под плечом, — красного и светло-зеленого цвета. Вышивка между отдельными полосами переда состоит из черных и белых квадратиков и прямоугольников из трех полосок, из которых наружные красноватых или желтоватых оттенков, а внутренние — голубоватые или лиловатые, или наоборот. Определенного порядка чередования этих цветов, очевидно, не существует. Узкая полоска вышивки, идущая по шейному вырезу и плечам между рукавами и спиной, тоже отделана красной и зеленой бахромой. Бахрома над полосой на хвосте куклянки состоит из двух красных, одного зеленого, одного красного, одного зеленого и двух красных рядов. Сбоку между двумя полосами попеременно идет широкая вертикальная белая полоса с вышивкой. Это видно на левой стороне рисунка спины. В швах, идущих вдоль боков от рукавов до нижней каймы, вшиты пучки красной

и синей шерсти. На капюшоне два орнаментированных уха, сделанные из цилиндрических кусков меха, которые видны на рисунке спины куклянки. Узор переда сделан в нижних рядах из мозаики темного и светлого оленьего меха с красными кистями между двумя верхними полосками. Выше идет полоса обычного типа прорезной вышивки, окаймляющей полосу, вышитую нитками. Подобный же узор повторен на верхней части капюшона. Два ряда вышивки между ушами связаны с рядами кисточек наверху капюшона.

На рис. 155 — мужская куклянка из меха молодого оленя, в отделке которой использованы только узоры, встречающиеся в орнаментации погребальной одежды. Узоры составлены из кусочков темного и светлого оленьего меха, выделанной кожи и крашеной шкуры двух цветов. Две полосы шахматного орнамента сделаны из квадратиков шкуры трех цветов: белого, черного и коричневого. Эта куклянка украшена с замечательным мастерством, правильностью и заботой о ритме и симметрии.

Центральная полоса опувана включает ряд вертикальных полосок, ограничивающих узорчатые поля из треугольников и квадратов. Эти маленькие полоски сделаны из семи-восьми рядов ярко-красных пучков шерсти, выглядящих как сплошное красное поле, контрастирующее своей яркостью с приглушенными оттенками меха. По спине вниз спускаются две полосы, продолжающие две шахматные боковые полосы переда, одинаковые по узору, с маленькой квадратной нашивкой на правой стороне груди — с зигзагообразным узором, окаймленным одиночной белой полоской. Задние и передние полосы отделки стыкуются прямо на плече. Ограниченные красными полосками поля на средней полосе опувана — все одинаковы. Мотивы на спинке показаны на рисунке под рукавами. На задней стороне капюшона, прямо под рогами, которые видны на рисунке, расположены два круглых белых пятна. Оторочка на рукавах по стилю аналогична опувану — диагональный ряд из шкуры, повернутой мездрой вверх, за которым следуют шесть чередующихся бело-коричневых диагональных полосок. В том же стиле сделана и оторочка капюшона. Из окрашенной в красный цвет шкуры сделаны маленькие крестики, а все остальные квадраты — из белой и темной шкуры. Крестики на рогаобразном рисунке имеют сердцевину из шкуры, окрашенной в красный цвет.

Мотивы орнамента, сделанные только из меховой мозаики на ровдужных камлейках, встречаются редко. Все же одна танцевальная камлея, таким образом украшенная, в коллекции есть. Шахматный узор центральной полосы опувана сделан меховой мозаикой в основном из светлой и темной шкуры, на фоне которой выделяются большие квадраты, окрашенные в красный цвет. Кружки из меховой мозаики часто помещаются у основы кисти (рис. 156).

Рис. 156 — женская куклянка (вид сзади), сделанная в Олюторске у Берингова моря из шкур молодых оленей. Она сплошь украшена бисерной вышивкой и свободно висящими нитями нанизанных бус. Узоры, вышитые бисером на подоле,

⁶⁵ На рисунке погребальной куклянки (Ibid. P. 106, fig. 43) этот клапан убран внутрь, чтобы он не закрывал украшенную грудь куклянки. Я обращаю на это внимание, чтобы предотвратить неверное заключение о существовании погребальных куклянок без нагрудного клапана, как это имеет место у одинарных куклянок.

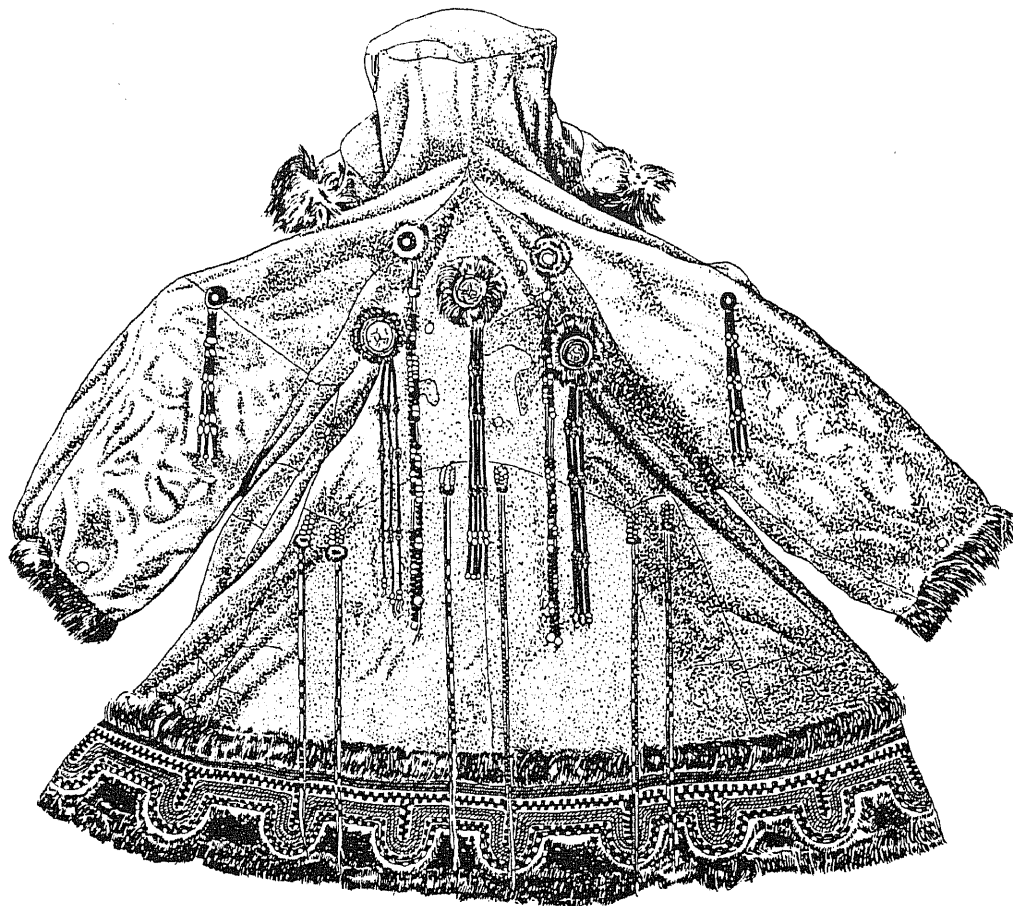

Рис. 156. Женская камля из Олюторки.

похожи на орнамент из половинок овалов на погребальных колчанах.⁶⁶ Два верхних круга на спине вышиты бисером, а внутренние кольца трех нижних кругов состоят из тонких кружков с оттиском креста и нашитыми на них изображениями животных. Эти диски, конечно, иностранного происхождения. Кухлянка шита мехом внутрь, и мех окрашен коричневой краской.

У танцевальной камлеи из окрашенной в красный цвет ровдуги кисти пришиты к круглым розеткам. Полоса опувана, шириной 12.5 см, окаймлена сверху аппликацией из треугольников вершиной вниз, а снизу — из треугольников вершиной вверх. Под правой рукой верхний ряд прерывается тремя подвесками-колокольчиками, а под левой рукой — шестью колокольчиками.

Другая кухлянка отличается от старинных. Она шита из оленьей шкуры и имеет покрой, как у европейских пальто, — с полами, стянутыми ремешками. Обе полы и воротник опушены полоской белого меха. По полам проходит кайма из темных и светлых прямоугольников, расположенных в шахматном порядке, ограниченных сверху и снизу коричневой и белой полосками. Опуван состоит из двух рядов шахматного узора, начинающихся узкой белой полоской, за которой следует узкая темная полоска, затем три ряда черно-белых клеток, завершающихся в свою очередь темной и одной

белой полосками. Под этой полосой расположена еще одна полоса шахматного рисунка, но клетка здесь несколько меньше размером, чем в верхнем ряду. Все верхние полоски имеют ширину около 1 см, а эти квадратики — около 8 мм в ширину. Вместо правильного чередования по диагонали черных и белых квадратов приблизительно через каждые четырнадцать квадратов вставлены два более темных диагональных ряда из квадратиков темного меха, за которыми сразу же идет ряд квадратиков из окрашенной в красный цвет шкуры. Затем следует ряд белых квадратиков, еще один диагональный ряд из красной шкуры, после чего вновь возобновляется обычный рисунок. Эти диагонали идут слева снизу направо вверх. В одном месте встречаются две двойные диагонали темных квадратов, разделенные поперечными полосками. Рукава заканчиваются шахматным рисунком, окаймленным темной и белой полосами.

УКРАШЕНИЕ МЕШКОВ И КОРЗИН

Орнамент плетения зависит от техники работы. Самый простой вид подобного орнамента мы видим на редком тканом плетении, где орнамент образуется вставкой цветных нитей в основу (рис. 157). Разнообразная группировка этих нитей дает различный результат. Этот тип работы встречается как на травяных мешках, так и на сделанных из крапивного волокна. Другой вид орнаментации,

⁶⁶ Ibid. P. 107, fig. 50.

применяемой в этой технике плетения, производится вплетением кисточек, сделанных из крашеного волоса молодого тюленя или из шерстяных нитей. Отдельный пучок волоса или нить шерсти захватывается в переплет основы с утком. Узоры, образуемые этими кисточками, совершенно аналогичны узорам на одежде, уже описанным выше (см. рис. 149 и 155). Широкий четырехугольник на мешке (рис. 157), например, сделан из пучков тюленьего волоса, окрашенного в красный цвет, и из красной, синей и голубой шерсти, которые образуют расположенные в шахматном порядке прямоугольники, вроде тех, которые мы видим на вышитых полосах погребальной одежды (рис. 155).

Кажется, что самый типичный способ применения орнамента из кисточек состоит в расположении их в виде нескольких прямоугольников, уменьшающихся по величине сверху вниз (рис. 157). В редких случаях кисточки располагаются на определенном расстоянии одна от другой по всей передней поверхности мешка. Иногда орнамент из кисточек встречается и при плотном плетении (рис. 158).

Вообще же узоры на плотном плетении совершенно отличаются от узоров на редком. Мешок на рис. 157 можно считать образцом, в котором весь мешок сделан редким плетением, и только верхняя кайма — плотным. В плотном плетении цветные эффекты достигаются употреблением крашеного и некрашеного материала для утка. Во многих случаях узоры этого плетения очень напоминают прорезную вышивку, описанную выше. Так, например, узор верхнего плотного края мешка на рис. 157 подобен по типу второму роду каймы на рис. 148. Верхний ряд на рис. 113 имеет тот же рисунок, что верхний ряд на рис. 148, а нижние ряды соотносятся с обычным орнаментом, выполненным прорезной вышивкой или вшитой в шов полоской, как на рис. 149. На рис. 112 аналогия еще более близкая, поскольку ритмичное чередование ширины белых прямоугольников совершенно подобно ритмичному построению прорезной вышивки. Так, в четырех верхних рядах рисунка из квадратиков, каждый из которых имеет семь петель в ширину, мы видим следующий порядок. Два внешних ряда сплошь черные, а в трех средних рядах повторяется такой подбор цветов: черный, белый, черный, 2 белых, 2 черных, 2 белых, 2 черных, 2 белых. В двух самых нижних рядах рисунков из квадратиков правильно чередуется 2 белых и 2 черных.

Совершенно другой тип представляют странно несимметричные зубцы на мешках, изображенных на рис. 158 и 114. Хотя сами зубцы, может быть, и близки зубцам, встречающимся в орнаменте одежды, но особенное расположение узоров кажется типичным для тканого плетения.⁶⁷ Вполне возможно, что происхождение рисунка имеет отношение к бордюрам из треугольников, окаймляющим

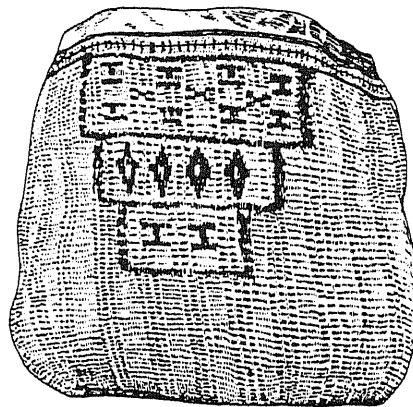

Рис. 157. Плетеная корзина (высота 45 см). Приморские коряки, Северная Камчатка.

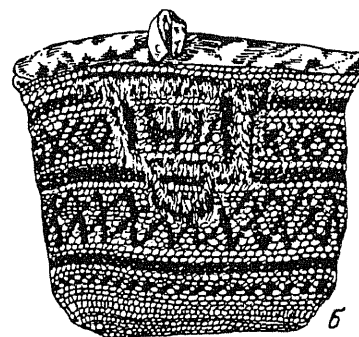

Рис. 158. Плетеные корзины (высота: а — 27 см, б — 11 см). Приморские коряки. Северная Камчатка.

вышитые полосы одежды (см., например, рис. 150). На рис. 158 и еще в большей степени на рис. 114 зигзаг усложнен, в крупные зубцы вписаны маленькие треугольники.

Другой тип декорирования в плотном плетении состоит в применении пересекающегося зигзага, образующего ромбовидный рисунок (рис. 113 и 158). В верхнем ряду на рис. 158 есть ряд ромбов, с каждым из которых с обеих сторон соседствуют два угла, стороны которых параллельны сторонам ромба в центре.

⁶⁷ Совершенно такой же рисунок на корзинах из Руанды в Восточной Африке очень ясно показывает, что асимметричная форма зигзага — это результат техники плетения. Эти корзины тоже очень плотного плетения и имеют почти такой же рисунок, как коряжские корзины (см. коллекции Берлинского Этнографического музея. Кат. № III, 6989) — Ф. Боас.

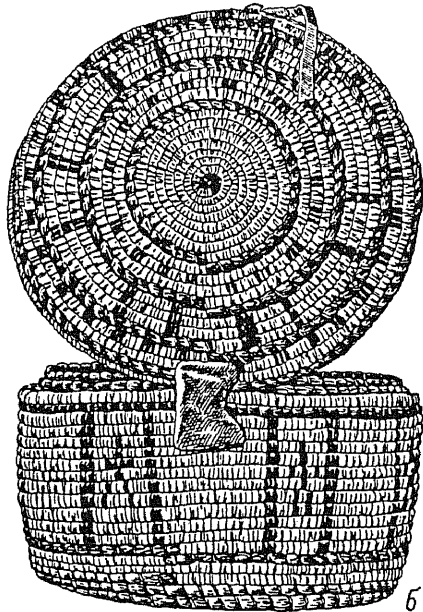
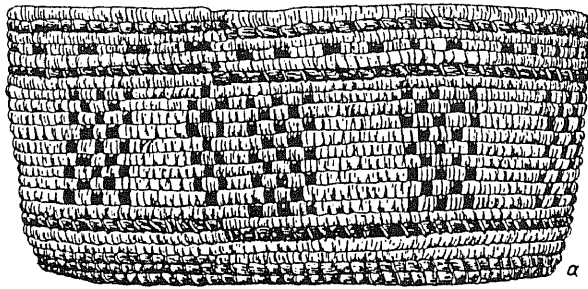

Рис. 159. Корзины, плетеные вкруговую: *а* — длина 23 см, приморские коряки, Средняя Камчатка, *б* — диаметр 20 см, оленьи коряки, Северная Камчатка.

Рис. 160. Плетенная вкруговую корзина с узором из волокна крапивы (максимальный диаметр 22,5 см). Приморские коряки, Северная Камчатка.

Стоит также обратить внимание на оформление нижней части корзины на рис. 114 с чередующимися рядами разной ширины белых и черных вертикальных и диагональных полос.

Орнаменты на корзинах кольцевого плетения тоже похожи на узоры прорезной вышивки. Для украшения корзин кольцевого плетения существует четыре различных способа. Узкие полосы черного цвета, занимающие небольшую часть одного кольца или образующие вертикальные полосы, состоящие из черных полосок в целом ряде колец, получаются при употреблении окрашенного в черный цвет материала, которым обвиваются кольца плетения.

Таким способом сделаны, например, черный шахматный узор и вертикальные полосы на рис. 159. Этот же способ применен для украшения другой, очень красивой корзинки (рис. 160), где орнаментом служит окрашенное крапивное волокно вместо травы при обвивании колец. Способ работы отличается только тем, что в шахматном узоре крапивная нить не прерывается и обертывается в основном только наружная сторона кольца так, что две последовательные крапивные нити сменяются двумя последовательными травяными. Иначе делаются горизонтальные полосы, такие как на рис. 159. Травяное кольцо с внешней стороны прикрывается длинным пучком крашеной в черный цвет травы, и кольцо это не обвивается плотными петлями, как другие кольца корзины, а пришивается к предыдущему кольцу окрашенной в черный цвет крапивной ниткой свободным широким стежком, таким же, каким прошивается дно корзинок. Четвертый способ применен на нескольких камчадалских корзинах: горизонтальные полосы делаются накладыванием на обыкновенный крученный жгут окрашенной травы или полосок цветного сукна и прикрепляются каждым третьим или четвертым стежком. Таким образом, цветная полоска вплетается в работу. Главные мотивы узоров — квадраты, расположенные в шахматном порядке, зубчатые полосы и прямоугольники. На крышках круглых коробок часто бывают рисунки в виде розеток. Рисунок на корзине (рис. 159, *б*), очевидно, представляет человека.

ОРНАМЕНТ НА КОВРАХ ИЗ ОЛЕНЬИХ ШКУР

Сомнительно, чтобы искусство делать ковры было знакомо корячкам до прихода русских. Теперь же оно развилось в кустарный промысел. Корякские ковры вывозятся торговцами во все стороны. Их можно встретить на стенах и полах домов русских, живущих в Петропавловске, Охотке, Якутске и Владивостоке. В Иркутске они стоят в десять раз дороже, чем на месте. У богатых якутов корякские ковры тонкой работы, сделанные из шкур молодых оленей, часто заменяют грубые изделия якутов из конских или бычьих шкур.

В каждом селении приморских коряков Пенжинской губы я видел зимой женщин за шитьем ковров, но только раз мне удалось видеть, как

коряки сами пользовались ковром как украшением своего жилища. Ковер покрывал помост, на котором обыкновенно спят гости. Очевидно, этот промысел развился вследствие русского спроса. Это же может в значительной степени относиться и к вышитым куклянкам. Каждый русский или якутский торговец или чиновник в Приморской или Якутской областях, путешествуя по частным или казенным делам, покупал вышитую оленью куклянку корякской работы. Сами же коряки редко их носят, разве только купцы. Женщины носят вышитую одежду чаще, чем мужчины. Я говорю здесь, конечно, о повседневной одежде, а не о танцевальной праздничной или погребальной, которая всегда вышита. Производство ковров развилось особенно среди коряков Пенжинской губы. В этом искусстве, а особенно в вышивке шелком, с ними соперничают обрусевшие корячки селения Ямск. Обрусевшие юкагирки и чуванки с Анадыря и нижнего течения Колымы тоже славятся своим искусством украшать одежду и делать ковры, но колымчане менее искусны, чем анадырцы.

При украшении ковров не употребляются ни разноцветные нитки и шелк, ни бисер. Единственным материалом для украшения служат кусочки белого и черного меха молодых оленей, сшиваемые вместе. Сравнительно дешевый мех молодых оленей с его густым, мягким блестящим ворсом равняется по красоте дорогим мехам и дешевле их только вследствие своей недолговечности, так как волос обыкновенно скоро выпадает, как и на одежде из оленьих шкур. Впрочем, ковры служат дольше. Так как вся красота ковра заключается в его орнаменте, то их почти целиком сшивают из кусочков, образующих узор. Работа эта долгая и кропотливая. Корякская девушка часто работает целую зиму над одним ковром, если он большой, чтобы выменять его торговцу на сукно, коленкор, ситец, украшения или продукты питания. Ковры бывают квадратные или продолговатые — прямоугольные. Длина разная — от одного до трех метров. Как и при украшении одежды, орнамент ковров разнообразен: употребляются правильные узоры геометрической формы, бывают фигуры животных, стилизованные растения или смесь всех этих мотивов.

Показанные здесь ковры сделаны в селениях Парень, Куэл, Микино и Каменское.

Рис. 161 — большой орнаментированный ковер, главные мотивы узора которого знакомы нам по украшениям погребальных одежд. Он предполагался симметричным относительно центрального вертикального ряда клеток. Четыре верхних горизонтальных ряда абсолютно симметричны. По-видимому, некоторые квадраты по ошибке поменялись местами, поскольку с этой поправкой следующие ряды были бы тоже симметричны, принимая во внимание все кружки и эквивалентные им рисунки. Некоторые кружки в угловых квадратах имеют полоски из крашеной кожи вместо темного меха. Определенная правильность наблюдается в использовании обрамленных шахматных узоров, в тенденции чередовать угловатые и круглые формы, в использовании в 4-м и 8-м рядах только круглых узоров, в повторении угловатых форм в каждом

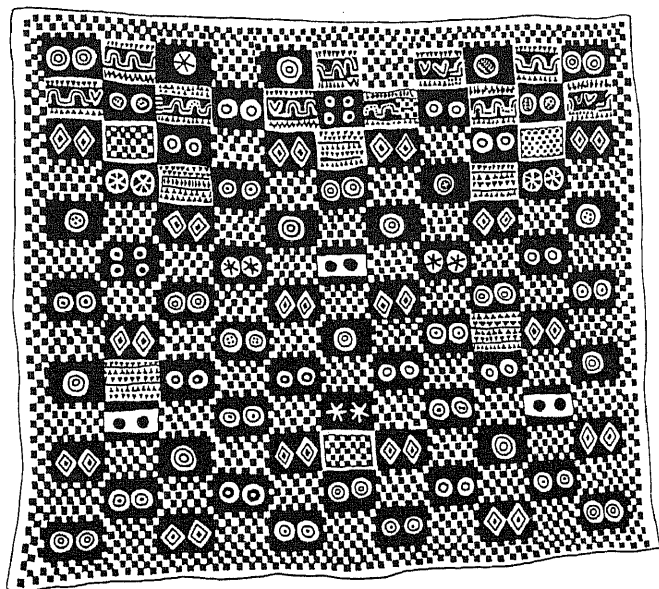

Рис. 161. Меховой ковер (ширина 240 см).

четвертом поле 1-го, 3-го, 9-го, 11-го рядов. Надо также обратить внимание на криволинейный растительный рисунок в двух нижних рядах, которого нет в других местах ковра. Кроме того, стоит отметить стремление, часто встречающееся и на других образцах, повторять белый рисунок на черном поле таким же темным рисунком на белом фоне.

Другой ковер в некоторых отношениях похож на только что описанный. Он также представляет собой меховую шахматную мозаику, каждый из чередующихся квадратов которой в свою очередь выполнен в технике мозаики. Здесь на темном фоне мы видим изогнутый стилизованный лист, а в верхнем и нижнем рядах — рисунок иной, состоящий из четырехлепесткового цветка с отходящими от него отростками с двумя листиками на концах. Этот же рисунок повторен в крайнем правом и крайнем левом полях второго ряда снизу. Одинаковый рисунок в соответствующих полях встречается на многих коврах.

Рисунок еще одного ковра состоит из белых крестиков, составленных из ромбов на темном фоне. На мой взгляд, этот крест заимствован из русских рисунков. Ковер оторочен тремя полосами меха: внутренняя полоса покрыта орнаментом из чередующихся черно-белых квадратов. Средняя — чисто белая и крайняя — темная. На части ковра ромбы помещены в цельную шкуру. Эта часть несколько неправильна. В других местах рисунок составлен из длинных полос шкуры, чередующихся с мозаичными полосами совершенно правильно, а относительно направления других диагоналей — не вполне правильно.

Рис. 162 — небольшой квадратный ковер, изящно и красиво исполненный, с пиктографическим орнаментом в середине. Одна и та же группа повторена в верхнем и нижнем рядах: человек, сидящий на нарте, в которую впряжены два белых оленя и один черный. Задний олень, очевидно, тянет нарты, хотя они и человек слишком малы в сравнении с оленем. Второй и третий ряды внизу

Рис. 162. меховой ковер (ширина 115 см).

представляют двух волков, преследующих двух оленей, причем в верхнем ряду все силуэты черные, а в нижнем — все белые. Черные животные вшиты в белые прямоугольники, которые вставлены в ковер, то же сделано и с белыми нартами в нижнем левом углу. Оленей можно отличить от волков по отсутствию хвостов и по копытам, которые ясно видны, несмотря на маленький размер фигур. У оленей нет рогов, очевидно, это или олени весной, или телята, что вероятнее, так как они сделаны одного размера с волками. Хотя полярные волки очень велики, однако они меньше взрослых оленей. Волков можно узнать по их прямым пушистым хвостам. Собаки, преследуя дичь, держат хвост кверху. Вследствие недостаточного знакомства женщин-художниц с перспективой все бегущие животные помещаются на одном плане, что лишает волков в этой охотничьей сцене реализма и жизни. Несколько живее сцена второго ряда сверху, в которой две байдары тащат кита, но это потому, что в действительности эти фигуры обыкновенно образуют одну линию. Рана кита обозначена маленьким пучком красных нитей ближе к хвосту. Кит справа помещен на этом месте, очевидно, для того, чтобы заполнить черный фон, то же можно сказать о байдаре в левом углу над китом.

У другого ковра из коллекции центральное поле оформлено так же, как у только что описанного. Фигурки обоих ковров настолько похожи, что кажутся сделанными по одному трафарету. Здесь в центре те же два оленя, преследуемые одним волком, нижний ряд — черный на белом фоне, верхний — белый на черном; но фон в данном случае отделен от всей поверхности узкой белой полоской, огибающей прямоугольник со вшитой в него белой фигуркой животного. Эти два ряда занимают середину центрального поля. Ниже располагаются два темных оленя на белом фоне, такие же, как в правом верхнем углу ковра на рис. 162; между ними — человек на нарте (аналогичный фигурке в левом верхнем углу на рисунке), темный на белом фоне. Байдара под ним повторена в белом варианте у нижнего края центрального поля. Она

преследует белого кита, такого же, как кит в правом конце второго ряда на упомянутом рисунке. Этот же мотив повторен в темном цвете на белом фоне в верхнем ряду. Во втором ряду сверху — изображения, которых нет в предыдущем ковре. Это два цветка: слева — темный на белом фоне, справа — белый на темном. Между ними помещена на белом прямоугольнике темная фигурка льва. Центральное поле ковра окружено внутренним четырехугольником из одного ряда черных и белых квадратов между двумя белыми полосами. Темному с ромбами полю оторочки на рис. 162 соответствует такое же поле с рядом белых виноградных лоз. Сверху в середине фигурка льва повторена в белом варианте на темном фоне. Все это окружено полосой той же ширины, что и темная, на которой повторены те же рисунки в темном фоне, за исключением того, что в нижних углах дважды повторен узор, изображенный на рисунке 147, в, а два верхних угла заняты стилизованными листьями — такими же, как на рис. 151, под которыми располагается тот же узор, что и в нижних углах. Этот образец интересен в сравнении с другими здесь описанными коврами тем, что по нему видно, как одни и те же стереотипные рисунки используются в различных комбинациях.

Орнамент из фигурок животных, одинаковый с показанным на рис. 163, составляет одно из центральных полей другого большого ковра. Весь ковер состоит из больших чередующихся в шахматном порядке квадратов белого и темного меха. Ширина его равна 43 маленьким квадратам (220 см), и длина такая же. Кайма из девяти рядов маленьких квадратов окружает центральное поле со всех сторон. В это поле вшиты четыре квадрата темного меха, каждый из которых равен по длине и ширине одиннадцати маленьким квадратам, составляя таким образом ряд в три маленьких квадрата по вертикали и по горизонтали в промежутках между четырьмя большими квадратами. На верхнем левом квадрате изображена яранга и четыре нарты по сторонам, на одной из них сидит человек, а другой держит их. Нижний левый квадрат украшен повторяющимися двумя звездами, тремя тюленями и четырьмя птицами. На правом нижнем квадрате растительный рисунок, похожий на орнамент внешней каймы на рис. 164. На верхнем правом квадрате несколько изображений животных. Животные и человек изображают пастуха, следующего за оленьим стадом, но отсутствие перспективы нарушает впечатление, поскольку животные изображены одно над другим по вертикали. Рисунок интересен тем, что фигурка человека очень маленькая, что заставляет предполагать наличие некоторого представления о перспективе; показаны также следы оленьих копыт, изображенные кусочками белого меха.

Рис. 165 — ковер со смешанным орнаментом. Кроме людей, на нем изображены собаки, тюлени, летящие гуси в виде крестов (по углам среднего квадрата) и какое-то ракообразное животное на внутреннем квадрате. На его белой спине виден стилизованный мотив из темного меха, который может быть растением или животным, — такой же, как я видел на русском ситце. Этот мотив из

белого меха на темном фоне повторяется отдельно в промежутке между двумя внутренними квадратными рамками. Ни один из мотивов ковра не имеет никакого отношения к другому, и даже их последовательный порядок не везде соблюден. Из числа мотивов особенного внимания заслуживает изображение двух белых ромбовидных льдин, на которых отдыхают черные тюлени. Около правого нижнего угла обращает на себя внимание изображение человека в байдарке с короткими веслами, привязанными по бокам, как это делается в Пенжинской губе.

Шахматного рисунка рамка среднего квадрата сделана из чередующихся диагональных рядов черного и белого меха и оленьей шкуры, окрашенной в красно-бурый цвет. Справа эти диагональные ряды идут правильно в таком порядке: коричневая шкура, белый, черный, белый мех — справа внизу налево вверх. С левой стороны они идут также в правильном порядке: слева внизу направо вверх. С левой стороны рамки крашенная шкура идет зигзагом, но таким образом, что каждая третья диагональ прерывается квадратиком темного меха. Таким образом, получается рисунок, состоящий из полудиagonalно расположенных квадратиков, поворачивающихся поочередно то направо, то налево. На верхней и нижней рамках последовательность диагоналей и полудиagonalей не вполне правильна. Большая часть окружностей и ромбов сделана из темного и белого меха. Четыре группы кружков по углам имеют вместо темного меха крашеную шкуру. Из этого же материала сделаны внешние кольца восьми кружков в верхнем ряду. В кайме с растительным орнаментом седьмой кружок снизу, правый и левый, а также четыре кружка на центральном поле сделаны таким же образом.

Особенный интерес в орнаменте такого же смешанного характера на другом ковре представляют стилизованные растительные мотивы. Растительный рисунок здесь дан не силуэтом, а имеет внутреннее проработанное пространство.

Большая часть этого ковра сделана из белой и темной оленьей шкуры; а вставки прекрасно сделанного шахматного узора справа и слева — из темного и светлого меха и полосок коричневой шкуры, что придает ковру своеобразный вид. Сделан он таким образом, что в каждом случае шкура со снятой шерстью заменяет кусочки белого меха, за исключением некоторых мест вдоль верхнего и нижнего бордюра. Во второй сверху полосе между тремя темными полосками справа и внутренним квадратом имеются две вертикальные линии коричневых ромбов, вставленных на место кусочков темного меха. Во внутренней кайме, окружающей фигурки животных, использованы также полоски светлой красно-коричневой шкуры, несколько более светлого цвета, чем соседние полоски темного меха.

Еще красивее и с большим мастерством сделан растительный орнамент на ковре, изображенном на рис. 164, в особенности венки в центре. Смотря на этот тонкий и изящный узор, трудно представить, что он исполнен из кусочков меха, сшитых сухожильными нитками; его, скорее, можно принять за рисунок, сделанный гибкой кистью. Внутри

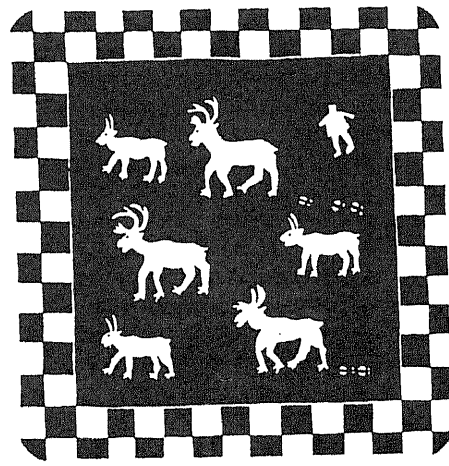

Рис. 163. Фрагмент мехового ковра.

Рис. 164. Меховой ковер (ширина 190 см).

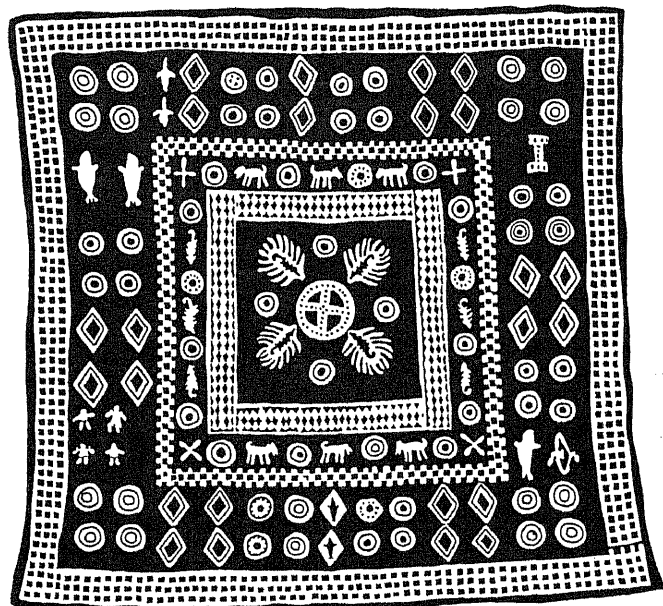

Рис. 165. Меховой ковер (ширина 127 см).

венка — фигура тунгуса верхом на олене, исполненная удивительно жизненно. Я не думаю, что человеческая фигура изображает взрослого тунгуса, иначе она была бы значительно больше. Надо сказать, что орнамент малахая, распашной спереди одежды, передника, торбазов, штанов, а также язык оленя сделаны цветными нитками. Это единственный ковер, на котором я видел вышивку нитками. Несколько листов цветов, которые кажутся только намеченными на рисунке, сделаны из кусков шкуры того же цвета, как и фон ковра.

Почти на всех коврах узоры расположены так, что одна определенная сторона должна считаться нижней, и все остальные мотивы почти симметричны по отношению к ней. Эту особенность можно проследить на рис. 161, 162, 164, 165. В другом экземпляре центральное поле занято не совсем правильной двойной окружностью с крестом из листьев в середине (аналогично мотиву рис. 150), окруженной орнаментальным кольцом из 8 листьев того же типа, что на рис. 151. Бордюр ковра сверху и снизу образован четырьмя прямоугольниками с ромбами внутри, чередующимися с пятью той же формы и размера кусочками темной шкуры. По сторонам ковра тот же рисунок, что вверху и внизу. Это повторение часто встречающейся особенности, состоящей в том, что в шахматном узоре из прямоугольных или квадратных кусочков, идущих диагонально на гладком фоне, один и тот же мотив повторяется в крайних полях горизонтальных и вертикальных рядов. Два следующих рисунка состоят из таких же ромбов покрупнее, а вместо каймы из треугольников и ромбов верхняя кайма состоит из чередующихся темных и светлых квадратов, а нижняя — с тем же рисунком по прямой белой полосе; центральный рисунок с каждой стороны асимметричен и состоит из только что описанного узора, поверх которого помещена еще верхняя часть того же узора, включающая верхнюю часть большого центрального ромба и верхнюю линию квадратов. В целом справа и слева рисунок симметричен, за исключением некоторой неправильности в центральном круге. Симметрия бордюра нарушена, с одной стороны, асимметрией центрального узора, а с другой стороны, тем, что все фигуры имеют хорошо видную и более тяжелую нижнюю, но более легкую верхнюю сторону, при том, что все узоры в верхней и нижней половинах расположены в одном направлении.

Квадратный ковер с центральным полем, занятым звездообразным цветком, составленным из четырех деревьев с корнями, расположенными по диагонали, корнями к центру, и четырех спиральных веток (двух белых на черном, одной черной на белом и одного изображения листа, похожего на тот, что на рис. 151), занимающих середину сторон квадрата, окантован с трех сторон бордюром из чередующихся темных и узорчатых квадратов. В центральном ряду рисунок состоит из квадратов, составленных из 9 маленьких, расположенных в шахматном порядке квадратиков. Каждая сторона разделена на тринадцать полей. Центральный ряд состоит из таких же чередующихся квадратов, составленных в свою очередь из двадцати пяти

расположенных в шахматном порядке квадратиков. Обращает на себя внимание то, что в этом ряду чередование полей не совсем правильно. С каждой стороны имеется шестнадцать или семнадцать полей. Шестое поле слева в верхней части, которое должно было бы состоять из шахматного узора, вместо этого имеет вшитую в него фигурку четвероногого существа с длинным хвостом. Следующий за ним квадрат справа — регулярно повторяющийся квадрат с шахматным узором, а затем также повторяющийся в определенном порядке темный квадрат с вшитым в него белым изображением морского млекопитающего. Третий справа квадрат в верхнем ряду сделан из ромбов вместо квадратов. Второй справа квадрат в нижнем ряду включает в себя фигурки двух плывущих бакланов, очень напоминающих очертаниями скульптуру на рис. 126. Внешний ряд опять состоит из чередующихся в шахматном порядке квадратов того же размера, что в среднем ряду. Здесь в темные поля вшито несколько фигурок животных. Слева на нижней кайме ковра мы видим изображение человека с бубном и еще одну фигурку человека, очевидно с колотушкой. Слева на верхнем бордюре на одном поле находятся изображения большого и маленького горного барана; а справа — несколько маленьких фигурок в одном поле, очевидно изображающих летящих птиц, человека и двух медведей. Стоит отметить, что ноги последних повернуты влево — единственный случай, когда вшитые в ковер таким образом фигурки животных не стоят прямо. Заметим, что фигурка человека стоит прямо.

Как образец симметричного орнамента, присущего ковровым узорам, рассмотрим еще один ковер. Обращают на себя внимание: треугольный узор верхней каймы ковра в сравнении с квадратным рисунком нижней; продолжение боковых полосок дальше узора; боковые вставки по обеим сторонам, состоящие из ряда широких прямоугольников с дополнительным рядом маленьких квадратов. Между прочим, эти вставки указывают на то, что ковер составлялся мастерицей не как ряд белых и черных диагоналей, а работавшая, скорее, думала о чередовании больших прямоугольников — один гладкий темный, следующий — шахматный из девяти черных и белых квадратов. Большие прямоугольники на углах ковра сделаны из одного куска, так же как и некоторые маленькие боковые темные прямоугольники вдоль правого и левого края.

РИСУНКИ

Коряки чаще употребляют краски в декоративном искусстве, чем в скульптуре. Деревянные вещи чаще всего красятся в черный цвет, редко — в красный или коричневый. Гравировка по кости тоже часто тонируется черной краской; на масках⁶⁸ черным обозначают бороду, а красной охрой или кровью — щеки. Я уже говорил об употреблении красок в кустарных изделиях и для

⁶⁸ Jochelson W. The Koryak... P. 83, 84.

окраски различных орудий; в этой главе упоминалось также об украшении кожаной одежды штампованными узорами. Искусство рисования красками реалистичных или стилизованных предметов по коже или другой гладкой поверхности неизвестно корякам, но в наших коллекциях есть серия коряжских карандашных рисунков, представляющих домашние и охотничьи сцены. В них коряки обнаруживают ту же присущую им наблюдательность и способность изображать на плоских и круглых поверхностях то, что они видели, впрочем с теми же ошибками в композиции и с тем же отсутствием перспективы, которые мы видим в скульптуре и резьбе мужчин и декоративных изделий женщин. Рисунки карандашом на бумаге были сделаны разными приморскими коряками Пенжинской губы, которые рисовали по моей просьбе без всяких указаний или наставлений с моей стороны. Быстрота, с которой коряки, не исключая детей, исполняют свои рисунки, показывала, что искусство это было им привычно. По способу изображения людей и животных рисунки очень похожи на индейские пиктографические рисунки и резьбу по кости эскимосов Аляски. Некоторые из рисунков религиозного или мифологического содержания были даны в первой части этого труда.⁶⁹

Рис. 166 изображает оленя бега. Каждая из нарт запряжена двумя оленями, а ездоки сидят верхом на беговых нартах. Олени представлены в одном плане, и, конечно, ни линейной, ни глубинной перспективы нет, но, чтобы исправить этот недостаток, левый олень рисуется не сзади правого, а сверху — способ, известный не только индейцам и австралийцам, но также и древним египтянам. Никто не рисовал оленей с двух точек зрения, как они рисовали собак.

Рис. 167 изображает езду на собаках. В этом рисунке характерная неправильность композиции. Собаки нарисованы не только без перспективы, но с двух точек зрения. Возница и его нарта (которые, кстати сказать, слишком малы в сравнении с собаками) и три собаки нарисованы в одном плане, а второй ряд собак в другом — вверх ногами. Интересно отметить, что это вовсе не индивидуальный способ рисования, так как у меня есть несколько подобных рисунков собачьих упряжек, сделанных различными художниками. Только один семнадцатилетний юноша в Каменском, автор географической карты (см. далее рис. 174), сделал несколько рисунков, на которых запряженные собаки и олени представлены одни за другими, как они представляются зрителю, стоящему сбоку. В некоторых случаях избегают также промах примитивных рисунков, изображающих плотные предметы, как прозрачные, и правое животное закрывает большую часть левого. Я подозреваю, что в этих случаях мальчик подражал виденным печатным рисункам.

Рис. 168 представляет лист, на котором художник нарисовал пять отдельных сюжетов: *а* — изображает охотника на каяке, подкрадывающегося к льдине, на которой лежит тюлень; *б* — охотники

в большой байдаре подтягиваются к льдине багром и перестали грести; *в* — охотник с копьём собирается напасть на медведя; *г* — пеший бег, здесь, кажется, есть некоторый намек на перспективу, так как фигурки становятся больше справа налево; *д* — представляет группу охотников, бросающих гарпуны в тюленей, которых встретили на берегу в низкую воду; тюлени спешат добраться до воды, граница которой обозначена линией, а петлями изображены волны, набегающие на берег. Здесь, как и в других рисунках, за отсутствием перспективы фигуры размещены одна над другой. Один из охотников представлен падающим на землю во время быстрого бега.

На рис. 169 две картинки: *а* — несколько охотников в каяках преследуют тюленя в мелкой воде: он не может нырнуть и скользит по воде, рассекая ее поверхность; *б* — рыбак с ручной сетью стоит в воде.

Рис. 170 представляет три фазы охоты на кита. При первом нападении (*а*) гребцы гребут изо всех сил, чтобы подплыть к пускающему фонтан киту; гарпунщик на носу байдары представлен в момент метания гарпуна. Второй рисунок (*б*) показывает кита, раненного гарпуном и копьём, но он еще сильно тянет байдару с охотниками, так что вода брызжет во все стороны. Последняя картинка (*в*) — три байдары, связанные длинными ремнями, тащат пойманного кита. Интересно, что последняя байдарка идет кормой вперед, очевидно, чтобы дать нужное направление буксировке кита.

Я дал одному художнику в Каменском три карандаша: черный, красный и синий, чтобы посмотреть, как он воспользуется красками в своих рисунках. В большинстве случаев он пользовался ими совершенно правильно, в соответствии с цветом предметов, которые он изображал. Рисуя интерьер дома, он, например, нарисовал эмалированный чайник на огне синим карандашом, пламя — красным, а дым, поднимавшийся от огня, — черным. Другой его рисунок изображал ободранный труп жертвенной собаки, оставленный в тундре и разрываемый воронами. Труп был раскрашен красным и так тонко оттенен, что можно было видеть округлые мускулы ободранного животного. Вороны были совершенно черные. У собак он делал висящие красные языки, у тюленей — красные глаза. Впрочем, в некоторых рисунках он совершенно фантастически распределял цвета.

Можно сказать еще несколько слов о рисунках на мифологические и религиозные темы. Они несколько не отличаются от воспроизведенных здесь обыкновенных рисунков. У них те же недостатки, и они так же реалистичны. Немного фантастичен рисунок краба, изображающий морское божество.⁷⁰

Круги, нарисованные вокруг голов высшего существа, его жены и сына,⁷¹ и лучи, исходящие от голов двух первых, могут быть подражанием нимбу вокруг голов христианских святых на иконах, которые художник, конечно, не раз мог видеть в русских домах при своих поездках в Гижигинск.

⁶⁹ Ibid. P. 28, fig. 1; P. 69, fig. 28; P. 93, fig. 40, 41; P. 116, fig. 57; P. 123, fig. 58.

⁷⁰ Ibid. P. 20, fig. 1.

⁷¹ Ibid. P. 93, fig. 40, 41.

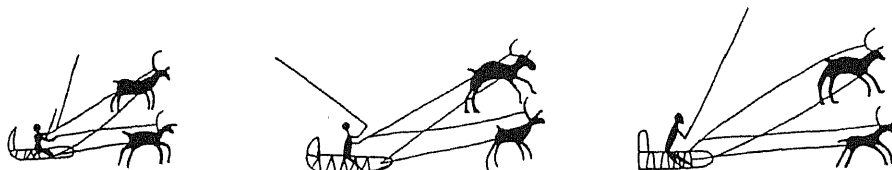

Рис. 166. Корякский рисунок, изображающий оленя бега.

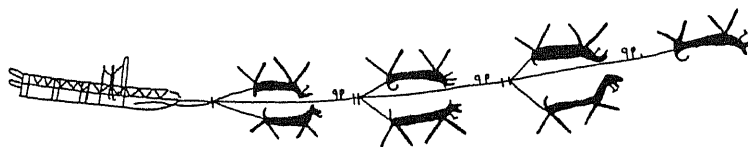

Рис. 167. Корякский рисунок, изображающий собачью упряжку.

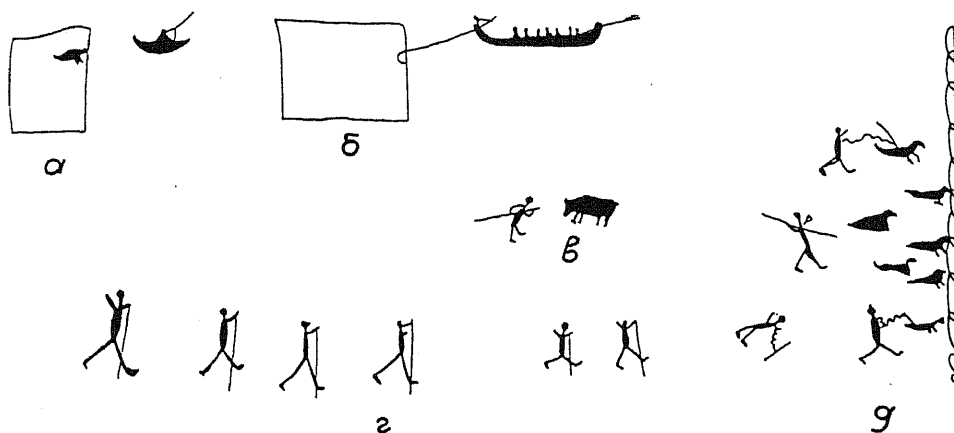

Рис. 168. Корякские рисунки: а — охотник на нерпу, б — охотники в байдаре, в — охотник на медведя
г — пеший бег, д — охотники на нерпу.

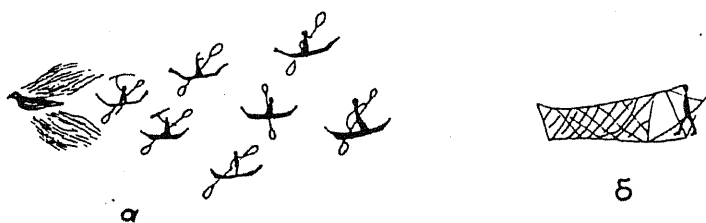

Рис. 169. Корякские рисунки: а — охотники на нерпу, б — рыболов с сетью.

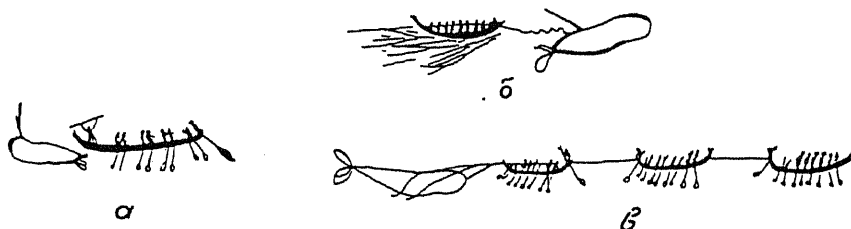

Рис. 170. Корякский рисунок, изображающий сцены охоты на кита.

ПИСЬМО

Хотя я не видал у коряков такого пиктографического письма на коре, как, например, у юкагиров, где это письмо служит для сообщения между людьми на расстоянии, но памятные записки и торговые записи корякских торговцев представляют почти того же пиктографического характера. Корякские торговцы в Каменском и в Северной Камчатке приобретают у русских карандаши, бумагу и записные книжки, в которых они ведут счет своим закупкам и продаже, обозначая предметы реалистичными и стилизованными знаками.

Рис. 171—173 представляют три образца таких записей *Qacilqut*'а, корякского купца из Каменского. Рис. 171 изображает занесенную в записную книгу запись вещей, полученных на ярмарке от приказчика гижигинского купца, с которым у него открытый счет. Рисунок 172 — письмо *Qacilqut*'а к купцу с перечнем посланной к нему пушнины. Рис. 173 — перечень товаров, которые *Qacilqut*

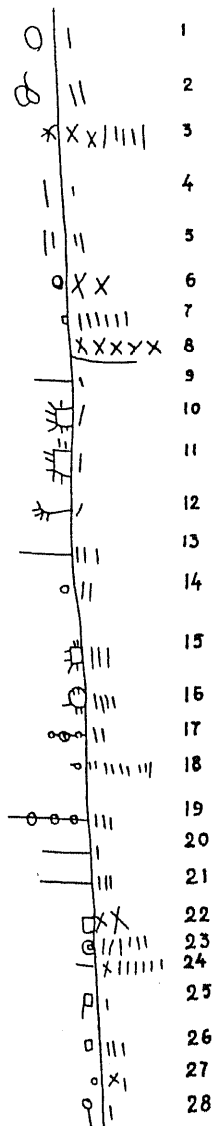

Рис. 171. Корякский счет (из записной книги).

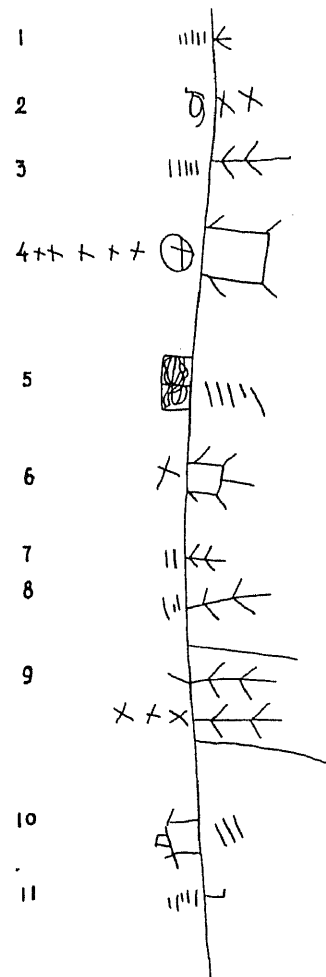

Рис. 172. Корякский счет (из письма к купцу).

доставил мне для нашей этнографической коллекции.

Система записей состоит в изображении предметов в реалистическом или стилизованном виде по одну сторону длинной вертикальной черты и из своеобразной цифры по другую сторону черты. Причем *Qacilqut* не придерживается одной какой-нибудь стороны для изображения предмета и цифры. Счет, который он мне представил, несколько отличается от его обыкновенных заметок. Его система обозначения предметов путала меня сначала. На мой вопрос: «Кто это придумал?» — он ответил: «Я сам знаю». Впоследствии я нашел в архивах туземцев Колымы расписки русских чиновников XVIII и начала XIX столетий, которые удостоверяли уплату туземными старшинами пушной подати и в которых число шкур или рублей, полученных в счет податей, обозначалось русскими буквами или по системе *Qacilqut*'а, очевидно, для удобства неграмотных туземцев. Состоит эта система из упрощенной римской системы нумерации и сводится к трем только знакам:⁷² I — единица, X — десять и знак X, заключенный в круг, — сто, как на рис. 172, 4. Такие же расписки

⁷² Интересно вспомнить, что нумерация древних египтян сводилась к четырем знакам, именно: 1, 10, 100 и 1000, и при больших числах их употребляли так же, как *Qacilqut*, т. е. повторяли (Tylor E. B. Anthropology. London, 1904. P. 313).

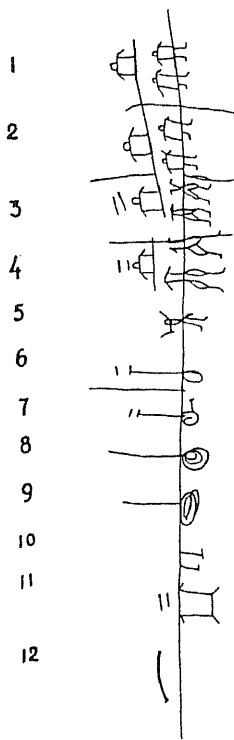

Рис. 173. Корякский счет (перечень товаров).

найлены в архивах Богоразом. В одной, помеченной 1823 годом и данной старосте Омотского юкагирского рода начальником Колымского округа, употреблены следующие знаки: X — один рубль, □ — десять рублей, ⊗ — сто рублей и I — копейка. Употребление трех знаков *Qacilqut'*ом может быть объяснено подражением его предками русским обозначениям. В последнее время русские чиновники не употребляют больше этих знаков в своих расписках. Ниже я даю более подробное объяснение употребления трех знаков, основанное на свидетельстве самого *Qacilqut'*а.

Запись в записной книжке (рис. 171).

1. Один чугунный горшок. Горшок изображен кружком.

2. Два чайника. Чайник представлен кружком с хвостиком (носик) и полукругом сверху (ручка).

3. 25.5 фунта листового табака. Табак изображен связкой листьев, а половинная доля — точкой. Этого знака я не нашел в расписках сборщиков податей XVIII столетия. Это, очевидно, собственное изобретение *Qacilqut'*а.

4. Большой нож. Нож изображен длинной вертикальной чертой.

5. Два небольших поясных ножа. Ножи — вертикальные черточки меньше предыдущих. В этой записи *Qacilqut'* несколько отклонился от своей системы, обозначив цифру «2» дважды, один раз графически, другой — цифровым знаком.

6. Двадцать фунтов пшеничной муки. Мука показана черным кольцом, которое изображает полный мешок.

7. Шесть пачек иголок. Пачка — прямоугольник.

8. Пятьдесят больших иголок. Место для изображения предмета оставлено пустым, что значит

«то же», но под цифровым знаком — длинная горизонтальная черта, показывающая, что иголки большие.

9. Ситец на рубашку. Ситец изображен горизонтальной линией, которая обозначает кусок материи, отрезанный от целого куска.

10. Один шерстяной платок — прямоугольник с бахромой по сторонам.

11. Одна скатерть — обозначена так же, как и платок.

12. Один шарф — горизонтальная черта с бахромой на конце.

13. Три аршина кумача на рубашку. Материя, как и ситец, изображена горизонтальной, но длинной чертой. Цвет материи не указан, потому что верхняя рубашка у богатых коряков делается только из кумача.

14. Две тарелки. Тарелка обозначена кружком, но размер его меньше, чем для горшка (№ 1).

15. Три шерстяных платка (№ 10).

16. Четыре нитки бус. Нитки с нанизанными бусами, концы связаны. Бусы немного странной формы.

17. Две медные цепочки для женской прически. Интересно, что звенья изображены колечками, которые соединены чертой, но не зацеплены друг за друга.

18. Девять бубенчиков — колечко с чертой сбоку вместо ушка.

19. Три железные цепи для собак — изображены, как № 17, только большего размера.

20. Один пояс.

21. Три больших пояса. Черта для ситца или кумача (№ 9 и 13).

22. Двадцать кирпичей чаю. Кирпич чай — черный прямоугольник.

23. Шесть чашек с блюдами. Два концентрических кружка, внутренний изображает чашку, а наружный — блюдо.

24. Шестнадцать пуговиц. Странно, что пуговица изображена не круглыми точками, а черточками. Думаю, что глаз писавшего не ясно видел разницу между ними.

25. Топор. Рисунок слегка стилизован и похож на букву «Р».

26. Три гребешка — ромбоидальная фигура с черточками вместо зубцов.

27. Одиннадцать фунтов сахара — маленькая фигурка, не то квадрат, не то кружок, изображает кусочек пиленого сахара.

28. Сковорода. Кружок с чертой вместо ручки.

Письмо (рис. 172).

1. Пять соболей. Непонятно, почему изображены только задние ноги соболя.

2. Двадцать выворотков. Рисунок изображает шкуру, снятую с новорожденного теленка. Боковые линии — голова и ноги.

3. Пять лисьих шкур. Средняя черта — сама шкура, боковые — ноги.

4. Сто пятьдесят пыжиков. Сама шкура оленя изображается прямоугольной фигурой, а шкура с ног — четырьмя черточками. Разница в изображении шкуры оленя и лисицы происходит оттого, что с лисицы шкуру сдирают чулком, и она круглая, а оленью сдирают, предварительно разрезав

Рис. 174. Корякская карта.

1 — мыс Итканский, 2 — река Парень, 3 — селение Парень (*Poitin*), 4 — селение Куэл, 5 — река Куэл, 6 — река Тыхлой, 7 — зимнее селение Тыхлой, 8 — река Микино, 9 — селение Микино, 10 — селение Шестаково, 11 — река Шестаково (*Egač*), 12 — селение Ягача, 13 — селение Ярночек, 14 — селение Леваты, 15 — селение Каменское, 16 — река Пенжина, 17 — река Оклан, 18 — река Таловка, 19 — селение Таловка, 20 — селение Мамэч, 21 — мыс Мамэч.

ее по всей длине животного, начиная с нижней губы, и потому она показана открытой.

5. Пять шкур медведей. Шкура медведя снимается так же, как шкура оленя, и потому показывается тоже открытой. Лапы не показаны потому, что это не существенно, зато указана другая характерная черта животного, именно его густая черная шерсть.

6. Десять волчьих шкур. Шкура снимается так же, как оленья, и изображение ее отличается только прибавкой длинного хвоста.

7. Две шкуры росوماхи. Шкура росوماхи снимается, как лисья. Случайно она показана меньше лисьей, тогда как росوماха больше лисицы, но характерная черта животного — большое тело и короткие ноги — не забыта.

8. Три шкуры песцов — так же, как № 3.

9. Десять шкур полярной лисицы на 30 рублей.

Эта заметка, имеющая двойное значение, — числа шкур и их цены, поставлена — *Qacilqut*'ом в скобках (две черты). Из цифровых знаков первый (10) обозначает число шкур, а второй (30) их цену. Повторение рисунка лисьей шкуры означает, что числа относятся к одному и тому же предмету.

10. Три кухлянки из оленьего меха. Изображение отличается от изображения шкуры (№ 4) только двумя боковыми чертами, которые изображают рукава, а сверху указан капюшон.

11. Пять пар торбазов. Показан только один сапог.

Перечень товаров (рис. 173).

1. Летняя, зимняя и дорожная одежда юноши (в отдельности). Костюм рисуется как кухлянка, но с прибавкой торбазов (под чертой). На рисунке *Qacilqut* не ставил цифрового знака, когда речь шла об одном предмете.

2. Мужская зимняя, летняя одежда и доха (как № 10).

3. Зимний и летний комбинезон для девушки и две кухлянки. В рисунке указаны широкие женские штаны.

4. Женская зимняя и летняя одежда и две кухлянки, как № 3, но большего размера. Линии между первыми четырьмя номерами не имеют значения и служат только для отделения одних от других.

5. Детский комбинезон. Особенность этой одежды — клапан, пришитый сзади, как хвост, и пропускаемый между ног.

6. Две лямки для оленьей запряжки.

7. Две уздечки и вожжи для оленя. Уздечка отличается от лямки, так как имеет сбоку кольцо для поводка, а еще на рисунке есть указание на костяную перекладину.

8—9. Олений аркан и сверток нерпичьего ремня.

10—12. Пара торбазов, две оленьи шкуры и бич.

Просмотрев письма *Qacilqut'a*, можно прийти к интересному заключению, что стилизованное изображение животных и других объектов природы не всегда бывает искажением первоначального реального представления. В этом случае стилизация является первичной фазой. Примитивный символизм естественных объектов может быть результатом неспособности дать реальное изображение предмета или отсутствия тщательности в исполнении, если оно нужно для одних только практических целей. В настоящем случае, например, нужно было, чтобы рисунок служил только напоминанием о предмете. Исключая рисунки одежды, в которых всякий узнает человеческие фигуры, мы бы не могли без объяснения догадаться о значении других примитивных рисунков. Даже другие коряки, которым я показывал письмо, редко узнавали их все. Не все корякские торговцы, ведущие счета, знакомы с цифровыми знаками, используемыми *Qacilqut'*ом. Один из них, например, пользовался только одним знаком — чертой. У коряков я не видел палочек с зарубками вроде тех, которые употребляются якутами, тунгусами и юкагирами при записывании счетов. Чтобы избежать необхо-

димости писать бесконечные ряды черточек при больших числах, упомянутый торговец прибегал к разнообразным ухищрениям: например, чтобы изобразить пуд, он рисовал весы со стрелкой на точке равновесия — это означало полный вес.

Нельсон говорит о торговых записях аляскинских эскимосов, которые, судя по описанию, совершенно те же, что у коряков. К сожалению, иллюстраций, чтобы сравнить записи эскимосов и коряков, он не дает.⁷³

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ

В числе корякских рисунков есть и географические карты моря и берегов Пенжинской губы. В своих картах коряки вообще выказывают понимание относительного положения морского берега, рек, гор и селений. Карты их в общих чертах похожи на рисунки с эскимосских карт, сделанные другими путешественниками. На корякских картах селения обозначены кружками, точками или маленькими черточками, изображающими дома; маленькие речки изображаются одной линией, большие — двумя параллельными линиями; горы изображены параллельной штриховкой различной степени густоты оттенков. Воспроизводимая здесь карта северной части Пенжинской губы, сделанная в Каменском юношей лет семнадцати, особенно удачна (рис. 174). Мысы Итканский и Минэч выдаются в залив так, что он кажется узким, и в действительности это место залива очень узко. В тихую погоду на байдаре из Итканы в Мамэч можно переехать за восемь-десять часов. Очень хорошо переданы также реки Пенжина и Таловка, впадающие в море одним устьем; верно показаны селения Каменское и Таловка, горный кряж между Таловкой и Пенжиной и некоторые другие детали местности. Три селения Итканы не обозначены. В заливе показаны охотничьи сцены, плавающие льдины с тюленями на них, пускающие фонтаны киты, преследующие морских млекопитающих, и охотники в байдарках и каяках.

⁷³ Nelson E. W. The Eskimo about Bering Strait. P. 198.

XII. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

ОТНОШЕНИЯ ПОЛОВ

Разительный контраст представляют взаимоотношения полов у коряков с отношениями, бытующими в среде окружающих их племен. У камчадалов, чукоц, юкагиров и тунгусов нарушение целомудрия встречается более или менее часто как среди девушек до замужества, так и среди женщин после него, причем отсутствие верности у жен базируется (по крайней мере у чукоц) на особых формах полиандрии, смешанной с полигамией. У коряков же, напротив, мы находим удивительный пример строгой половой морали (в том смысле, как это понимается современными цивилизованными народами), если не принимать во внимание их обычая многоженства. Можно говорить о сексуальной чистоте коряков, так как они соблюдают правила, слишком часто нарушаемые у цивилизованных народов. Интересно, что это ни в коей мере не объясняется влиянием русских. Я говорю о коряках, мало или совсем не обрусевших. Вообще же русские завоеватели оказали разлагающее влияние на семейную жизнь арктических народов. Первые казаки и русские торговцы не брали с собой в поход женщин, а если и брали, то очень немногих. Туземные женщины, добровольно отдаваемые покоренными племенами или чаще отнимаемые силой, переходили с рук на руки как рабыни или заложницы. Обстоятельства эти не способствовали развитию семейных добродетелей в среде полукровных потомков этих случайных союзов, а от них главным образом произошло современное население всех русских селений Северо-Восточной Сибири. Русские покорители, разумеется, смотрели на половые и семейные нормы туземных племен не как на определенные установления, регулирующие семейные права и обязанности, а лишь как на удобные для себя легкие нравы. Так, они широко пользовались обычаем юкагиров уделять гостю место на постели незамужней женщины и правом некоторых лиц у чукоц на чужих жен. Прибавьте к этому насилия, к которым часто прибегали, и тогда можно ясно представить себе процесс, приведший к разрушению первобытных форм семейных и половых отношений и замене их простой половой распущенностью. Социологи, полагающие, что весь людской род без исключения прошел стадию беспорядочных половых отношений

как необходимую ступень эволюции семейных отношений, могли бы найти все признаки этой стадии в свободных нравах, господствующих в селениях русских и обрусевших туземцев Северо-Восточной Сибири. Трудно найти девушку, достигшую половой зрелости или только приближающуюся к ней и сохранившую девственность; а отношение замужних женщин к супружеской верности отлично характеризуется пословицей: «Баба не калач — один не съешь». На Колыме, где часто несколько семей живут в одном доме, трудно сказать, кто чья жена. Случаи кровосмешения и сожительства родственников нигде не встречаются чаще, чем здесь.

Половая распущенность в связи с распространением сифилиса сыграла ни в коем случае не последнюю роль в вырождении и вымирании многих обрусевших сибирских племен.

Я распространялся здесь о половой распущенности у русских жителей и обрусевших туземцев для того, чтобы показать, что то исключение, которое представляют половые отношения коряков среди соседних племен, не может быть отнесено на счет морального влияния немногочисленных русских. Наоборот, коряки вступили в активную борьбу с русским влиянием, грозившим разрушить их семейную жизнь.

От чего же в таком случае зависит то, что половые отношения коряков стоят выше (по нашим понятиям), чем у племен, родственных им по происхождению, живущих в тех же экономических условиях и под воздействием тех же внешних факторов? Объяснение этому лежит, вероятно, в особенностях склада ума коряков.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕВУШЕК ДО ЗАМУЖЕСТВА

Девушки до замужества не должны иметь никаких сношений с мужчинами. Это правило довольно строго соблюдается коряками. Юноша не станет «отрабатывать» распутную девушку. Сделавший это подвергнет себя насмешкам остальной молодежи. В то же время коряки говорят, что отец и старшие братья «сердятся», если замечают, что их дочь или сестра близка с юношей. Все исследователи, знакомые с жизнью примитивных наро-

дов, знают, что гнев старших имеет большее влияние на поведение младших членов семьи, чем наставления в высших или побои в низших классах у цивилизованных народов, потому что гнев старших может повредить тому, на кого он направлен.

В двух мифах мы встречаем характерные эпизоды, когда братья девушки заставляют юношу жениться на ней после того, как она пожаловалась, что он коснулся ее или только обратился к ней с просьбой дать ему напиток воды.

Если девушка забеременеет до замужества, то это считается позором, родители бранят ее, и она уходит в тундру, чтобы там родить ребенка, которого сама убивает и закапывает в землю или снег. Если девушка укажет отца своего ребенка, то ее отец и братья стараются убить его. В старину внебрачное сожителство с девушкой вело иногда к войнам между семьями. Достигнув зрелости, девушка спит в комбинезоне, покроем которого препятствует внезапному насилию. Когда кто-нибудь чужой ночует в доме, девушки совсем не раздеваются и спят все в одной постели. Ниже мы увидим, что в начале совместной жизни с мужем молодая также сопротивляется ему, символизируя этим свою невинность и недоступность.

Девушка недоступна жениху (как чужому), пока он отрабатывает ее. Половое общение жениха с невестой до окончания срока отработки считается грехом. Часто на время отработки ее женихом девушка покидает родительский дом и живет у родственников. В одном мифе говорится, что сестра «Облачного человека» была опущена на землю на время отработки ее женихом.

У племен, ближайших к корякам, мы находим другие правила, руководящие поведением девушки. Богораз говорит, что у чукоч целомудрие ценится очень дешево.¹ Крашенинников, рассказывая о древних камчадалах, пишет, что «сей народ, хотя и женолюбив, однако не столь ревнив, как коряки. При браках знаков детства не наблюдают, а некоторые сказывают, что зятевья в порок тещам своим ставят, когда жен получают девицами, однако я не могу утверждать того заподлинно».² В моей работе об юкагирах я буду говорить подробнее об их обычае помещать гостей на постелях девушек.

Дитмар утверждает, что девушка, имевшая близкие отношения с мужчиной, жестоко наказывалась и что ее собственный отец застрелил ее.³ Но Крашенинников в одном месте,⁴ к которому я позже вернусь, говорит, что приморские коряки предлагают гостям своих жен и дочерей. В другом месте⁵ он говорит, что у оленных коряков жениху позволено спать со своей невестой в период

отработки за нее. Мне кажется, что Крашенинников передает эти факты со слов казаков, которые перепутали обычаи чукоч с корякскими или просто все выдумали. Это тем более невероятно, что даже чукчи своих дочерей гостям не предлагают.

В мифах коряков мы не находим ни одного намека на такой порядок вещей. Наоборот, мы видим случаи противоположного характера. Девушек вообще держат в скрытом месте или их прячут, пока в доме проживает жених, отрабатывающий невесту. В одном мифе *Yine'a-ne'ut*, дочь Великого Ворона, чудесным образом родит дитя от Создателя Земли, лично никогда его не повидав. Впоследствии Создатель Земли приходит к Великому Ворону, признает себя отцом ребенка и уезжает к своим родителям с *Yine'a-ne'ut* как своей женой, взятой с согласия ее отца. Но родители Создателя Земли, встретив их, выражают удивление, что у *Yine'a-ne'ut* уже есть ребенок. Она от стыда превращается в камень. Этот эпизод иллюстрирует до некоторой степени взгляд коряков на внебрачные отношения полов.

Такой характер этих отношений подтверждается не только рассказами и уверениями самих коряков и моими личными наблюдениями над их семейной жизнью, но и свидетельством таких экспертов в любовных делах, как гижигинские казаки. Я часто расспрашивал тех, с которыми мне приходилось ездить или которых я встречал в моих странствованиях, об их отношениях с корякскими женщинами, и они подтверждали рассказы коряков об их недоступности. По их словам, исключения бывают, но очень редко. Так, в селении Каменском, насчитывающем тридцать домов, казаки указали мне только одну девушку легкого поведения, но ни один коряк не хотел работать за нее.

В заключение я приведу еще одно подтверждение того, что я сказал. Я составлял посемейные списки приморских и оленных коряков с целью ясно представить себе число членов семей и их родственные отношения. При этой переписи я не нашел ни одного ребенка, отец которого не был бы известен как законный, по обычаям коряков, муж его матери. В то же время у юкагиров, тунгусов, северных якутов и русских жителей Северной Сибири трудно найти хоть одну семью, где не было бы внебрачных детей или таких, отцы которых совсем неизвестны. Русские называют таких «девичьи дети»; термин этот произведен от юкагирского *ma'rxid-u'o*, что обозначает ребенка, рожденного девушкой и принадлежащего к ее роду или семье, даже если впоследствии она выйдет замуж в другую семью.

ЗАПРЕТЫ БРАКОВ МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ

Родственные категории, между которыми браки запрещаются, довольно многочисленны и могут быть разделены на категории лиц, связанных: 1) кровным родством и 2) свойством.

Кровное родство. Мужчине запрещается жениться на: 1) матери, 2) дочери, 3) родной сестре, 4) двоюродной сестре, 5) сестре отца, 6) сестре

¹ Богораз В. Г. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края // Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. 1899. Т. 30. № 1. С. 36.

² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 125.

³ Dittmar C. V. Ueber die Koräken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschukchen // Melanges Russes tires de Bulletin Historico-Philologique de l'Academie imperiale des Sciences de St. Petersburg. Livraison, 1856. Vol. III. P. 32.

⁴ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 202.

⁵ Там же. С. 22.

матери, 7) дочери брата, 8) дочери сестры. Между остальными кровными родственниками браки разрешаются. На мой вопрос относительно троюродных кузенов, некоторые коряки отвечали, что не считают их родственниками. Из этого можно заключить, что дальше никакое кровное родство не признается; однако по прямым — восходящей и нисходящей — линиям родственники признаются даже в очень отдаленных степенях, таких как прапрадед, прапрабабка и праправнучка.

Свойство. Мужчина не может жениться на: 1) мачехе, 2) сестре живой жены (т. е. одновременно на двух сестрах), 3) двоюродной сестре жены (т. е. одновременно на двух двоюродных сестрах), 4) на вдове младшего брата, 5) на старшей сестре умершей жены, 6) на вдове племянника, 7) на сестре жены брата (т. е. два брата не могут жениться на двух сестрах), 8) на двоюродной сестре жены брата (т. е. два родных брата не могут жениться на двух двоюродных сестрах), 9) одновременно на тетке и ее племяннице, 10) два брата не могут жениться один на тетке, другой на племяннице, 11) два двоюродных брата не могут жениться один на тетке, другой на племяннице, 12) дядя и племянник не могут жениться на двух сестрах, двух двоюродных сестрах и на двух женщинах, из которых одна приходится другой теткой, 13) на падчерице.

Едва ли требует объяснения отвращение к сожительству с родственниками первых двух степеней кровного родства — таких как мать, дочь или сестра, — которое, за редким исключением, мы встречаем у самых примитивных народов. Что же касается запрещения браков между родственниками всех перечисленных выше категорий, то коряки полагают, что родственники этих категорий вскоре умерли бы, если бы вступили в сожителство. Это, к сожалению, еще не дает ключа к выяснению причин запретов. Запреты браков между некоторыми категориями родственников по свойству, как мы увидим впоследствии, тесно связаны с особенностями корякского левирата.

Крашенинников пишет, что у камчадалов запрещены браки только с собственной матерью и дочерью, а между мачехой и пасынком, отчимом и падчерицей и между двоюродными братьями и сестрами браки разрешаются.⁶

Стеллер говорит, что если камчадал женится на вдове, имеющей дочь, то он живет с обеими, как с женами. По его словам, камчадалы позволяют мужчине жениться на своей мачехе или двух сестрах одновременно.⁷ Трудно поверить, чтобы камчадалы в своих брачных запретах так резко отличались от современных коряков. И очень жаль, что сообщения Стеллера и Крашенинникова уже не могут быть проверены теперь, потому что современные обрусевшие и крещенные камчадалы соблюдают в отношении браков православные церковные правила, по крайней мере формально. Впрочем, Крашенинников уверяет, что и оленные

коряки обычно женятся на двоюродных сестрах, тетках и мачехах.⁸ Трудно допустить, чтобы в столь короткий промежуток времени (около 150 лет), который прошел со времен Крашенинникова, брачные законы коряков до такой степени изменились. Однако следует добавить, что если судить по мифам, то придется сказать, что некоторые запреты браков между родственниками по крови и по свойству не были известны в древние времена. Следуя эволюционной теории в развитии брачных⁹ и семейных отношений, мы можем рассматривать данные, почерпнутые из мифов, как отражение обычаев, господствовавших в ранние времена, т. е. как материал исторический.

В легендарных рассказах о кровосмесительных браках мы не находим случаев сожительства с матерью и дочерью, т. е. с кровными родственницами первых степеней. В одном мифе говорится, как *Illa'*, желая попасть в полог своей бывшей жены, чтобы помешать ее сожительству с новым мужем, сначала прошел через постель своей сестры, а потом — матери, и они кричали: «Смотрите, что он делает, он приходит к своей сестре и матери».

В мифах же мы находим историю женитьбы *Eme'mqut'a* на своей сестре, но повествование порицает такое сожителство. По ходу его видно, что кровосмешение не было преднамеренным. Сестра росла отдельно, и *Eme'mqut* находит ее случайно. Узнав, что она его сестра, он все-таки настаивает на продолжении связи, но его сестра *Yine'a-ŋe'ut* находит средство избавиться от этого противоестественного брака, уговорив другую женщину поменяться мужьями.

Браки между двоюродными встречаются в мифах довольно часто, и никто их не порицает. Только в одном рассказе Создатель объясняет свое решение женить своих детей на детях сестры отсутствием близости других людей. Это служит ему как бы оправданием нарушения табу.

В других мифах мы находим случаи сожительства двух братьев с двумя двоюродными сестрами — сожителство, теперь запретное. Два брата *Kalat* женятся: один на сестре *Eme'mqut'a*, другой на сестре *Kilu'* (т. е. на двоюродной сестре *Eme'mqut'a*), а два брата из медвежьего народа женятся: один на *Yine'a-ŋe'ut*, другой на ее двоюродной сестре *Kilu'*.

Можно, следовательно, предположить, что некоторые брачные запреты происхождения более позднего, чем мифы, и что прежде запреты ограничивались меньшей группой родственников по крови и свойству, чем теперь. Такие же противоречия могли бы быть следствием заимствования и пересказа этих преданий от других племен без изменений, соответствующих местным обычаям.

И теперь в местах, удаленных друг от друга, одни и те же запреты соблюдаются не в одинаковом объеме. Кое-где встречаются случаи, когда отдельные лица поступают вопреки общественному

⁶ Там же. С. 169.

⁷ *Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten.* Frankfurt; Leipzig, 1774. P. 347.

⁸ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 221.

⁹ Говоря об эволюции брака, я не собираюсь утверждать, что все племена прошли одинаковые последовательные ступени этой эволюции.

мнению и обычаям. Так, в селении Каменском мне говорили о браках племянника с женой дяди или вдовца со старшей сестрой его умершей жены; браки эти здесь одобрялись. Возможно, что подобные отступления от правил следует приписать ослаблению силы традиций под влиянием русских или, скорее, обрусевших коряков Северной Камчатки.

В селении Иткана мне указали коряка по имени *Eigexmit*, который был женат на двух двоюродных сестрах, а среди оленных коряков полуострова Тайгонос я знал пожилого коряка по имени *Xotit-to*, который женился на вдове своего умершего младшего двоюродного брата. Старики говорили ему, чтобы он этого не делал, что это грех, но он их не послушался. Эти случаи можно, пожалуй, тоже приписать ослаблению законов о запретах.

СВАТОВСТВО И ОТРАБОТКА НЕВЕСТЫ

Обычай сватовства, когда родители или ближайшие родственники жениха отправляются сватами к родителям невесты, практиковался, по-видимому, еще в древние времена. Мы встречаемся с этим обычаем в мифах. Сват называется *pañilöčetalan* (т. е. «вопрошающий»), потому что суть сватовства состоит в том, что отец, мать или другой старший родственник жениха спрашивают позволения жениху отработать невесту. Обычная формула сватовства такова. Войдя в дом, сват говорит: «Вот я пришел». — «Зачем», — спрашивает отец невесты. — «Я ищу жену», — отвечает сват. — «Для кого», — спрашивает отец. — «Для такого-то», — отвечает сват. — «Хорошо», — говорит отец, подумав немного. — «У нас есть девушки, но они плохи; пожалуй вы нас после ругать будете». — «Нет, все в порядке», — должен сказать сват. — «Тогда пусть приходит, — я ему зла не сделаю», — позволяет отец.

Любопытно отметить скромность, с которой отец говорит о невесте, не только не хвалит ее, но даже умаляет ее достоинства. В этом отчасти сказывается желание отца невесты оградиться от ответственности за все недоразумения, которые впоследствии могут возникнуть между молодыми.

Очень часто молодежь обходится без сватов. Это бывает в особенности в тех случаях, когда родители не одобряют выбор сына, а он не хочет подчиниться их мнению. Часто юноша никому не говорит о своих намерениях. Он приходит в дом, где живет девушка, на которой он хочет жениться, и, не говоря ни слова, остается там, исполняя все мужские домашние работы. Хозяин дома так же молчаливо принимает его услуги. Если жених нравился ему, он начинает доверять ему разные поручения. У оленных коряков жениха посылают стеречь стадо. Вообще же будущий тесть очень требователен и старается изморить жениха.

Если родители невесты не хотят жениха, они предлагают ему оставить их дом. Оленные коряки в таких случаях ловят оленя, на котором приехал неугодный воздыхатель, впрягают его в нарту,

выносят все пожитки, грузят их на нарту и говорят просто: «Отправляйся». При этом случается, что молодой человек отъезжает на некоторое расстояние, потом возвращается, останавливается перед ярангой и молча сидит на своей нагруженной нарте, не выпрягая оленя, которому не дает корму до тех пор, пока его не позовут в дом. Благодаря такому упорству настойчивому жениху часто удается добиться согласия родителей невесты.

Срок работы жениха колеблется между шестью месяцами и тремя годами. В Каменском, например, жениха держат долго, прежде чем отдать ему невесту. Это зависит от расположения отца или старшего брата невесты. Часто мать говорит отцу, а если его нет, то старшему брату, что юношу уже достаточно помучили.

Каков же настоящий смысл коряцкого обычая отработки невесты? Этнологи обычно считают отработку платой за невесту, т. е. компенсацией отцу за утрату работницы. Но, по-видимому, к данному случаю это объяснение неприменимо. Если бы отработка была просто платой, то богатые оленеводы из оленных коряков предпочитали бы расплачиваться оленями, но этого не происходит. Кроме того, зять вместе с женой получает и ее оленей, стоимость которых ни в коей степени не уравнивается ценою услуг жениха. Жених должен отработать известный срок, даже если он после брака останется жить в доме тестя. В этом случае отработка никоим образом не может считаться платой за невесту, так как отец не только не теряет работницу, но, наоборот, приобретает лишнего работника в лице зятя. Наконец, если сватается пожилой или очень богатый человек, отработка сводится к минимуму и исполняется только для виду. По моему мнению, отработка невесты у коряков служит как бы испытанием жениха. Работая на невесту жених — не простой работник. Суть здесь не в приносимой им пользе, а в тяжелых и унижительных испытаниях, которым он подвергается. Постель ему дают плохую, кормят скудно, не позволяют долго спать и дают непосильные поручения. Пастухом он должен проводить ночи без сна, в то время как хозяин и братья невесты отдыхают. Одним словом, в течение срока отработки испытываются его выносливость, терпение и покорность, его ловкость как охотника, его бережливость и усердие как пастуха. Отец невесты дает свое согласие на брак только после того, как жених хорошо выдержит свое испытание.

В коряцких сказках мы также находим этот взгляд на испытание жениха, который должен исполнять поручения, опасные для жизни, и выходить победителем на состязаниях.

Коряки рассказывают, что в древности сват тоже должен был исполнять разные домашние работы в период пребывания жениха в доме невесты. Это, вероятно, считалось испытанием родни жениха. Среди чукоч до сих пор широко распространен обычай исполнения сватом обязанностей работника в доме родителей невесты.

Характерную историю сватовства у индигирских чукоч рассказал мне один оленный юкагир,

сватавший для своего брата чукотскую девушку. Его брат влюбился в чукчанку, но отец последней, богатый оленевод, не соглашался на женитьбу, и не потому, что жених был беден, а потому, что чукча считал его плохим пастухом. Тогда девушка сама ушла в семью юкагира и вместе с другими женщинами стала работать по хозяйству. По правилам гостеприимства никто не спрашивал ее, зачем она пришла. Так прошло три дня. Родные юкагира ничего бы не имели против брака, но они боялись, что девушке, самовольно покинувшей родительский дом, отец откажется выделить ее долю оленей. На третий день старший брат юноши сказал чукчанке: «Мы не делаем так, как вы. Идем к твоему отцу, и я буду просить твоей руки». Девушка молча последовала за ним. Дорогой он наломал массу сухих веток и, придя к чукче, сломал их у очага, взял ведра, принес воды и проделал другие домашние работы. «Напрасно ты, пожилой человек, делаешь то, что могут сделать женщины», — сказал хозяин-чукча юкагиру. «Я пришел просить руки твоей дочери», — отвечал юкагир. «Зачем тебе просить? Она самовольно убежала в ваш дом», — сказал чукча, насмехаясь над юкагиром. После этого юкагир продолжал упорно исполнять все работы по дому, а чукча с ним больше не разговаривал. Несколько дней спустя, когда чукча, по принятому у них обыкновению, громко объявил домашним: «Я пойду до ветру», — юкагир вышел с ним, и, пока чукча удовлетворял свои естественные потребности, он нарвал большой пучок мягкой травы и подал ее хозяину. Это унижение тронуло, наконец, чукчу. Он употребил траву в дело и, войдя в дом, сказал юкагиру, что он может присылать своего брата обрабатывать его дочь.

БРАК

Когда отец решит, что пора кончать отработку, он объявляет жениху, что тот может взять свою невесту, то есть жениться на ней. Никаких брачных церемоний и празднеств не бывает. Брак совершается первым совокуплением. Но до этого он узаконивается символическим актом. Мать предупреждает дочь, что жених получил разрешение взять ее, а обычай требует, чтобы невеста не сдавалась без борьбы, даже если она любит своего жениха. Если бы жених нашел свою невесту раздетой в отдельном пологе, который ей дается перед браком, он не тронул бы ее, считая такую доступность обидой для себя. Сопrotивление невесты — доказательство ее невинности.¹⁰

Поэтому с помощью подруг невеста завязывает ремешками рукава и штанины своего комбинезона так, что снять его можно, только разрезав или развязав ремешки. В тот день, когда жених получает право взять ее, невеста все время ходит таким

образом завязанная и старается убежать всякий раз, как жених подходит к ней. Жених пользуется удобной минутой, чтобы неожиданно напасть на нее, разорвать или разрезать ножом одежду и коснуться рукой ее половых органов. Если ему это удалось, то невеста перестает сопротивляться и покорно ведет его в свой полог. Если невеста любит своего жениха, она прямо бежит в свой полог, где молодой человек, следующий за нею, может легче справиться с ней и разорвать ее одежду. Если же она его не любит, то старается убежать из дома и прячется у соседей, но ее родители, если жених им угоден, мешают ей убежать. Прикосновение к половым органам невесты, будучи символом совокупления, делает ее женой коснувшегося их мужчины. В одном из мифов мы тоже встречаемся с этим обычаем. Лунная женщина не верит обещаниям *Ете'mqut'*а жениться на ней, и он касается рукой ее половых органов и говорит, что отныне он обманывать ее не будет, так как это прикосновение равносильно браку. Подобный же символический акт выполнялся и у древних камчадалов.¹¹

Иногда подруги и другие женщины помогают невесте сопротивляться, и в этой борьбе на долю жениха приходится хорошая трепка. При неудаче он несколько раз повторяет свое нападение. Если невеста не хочет жениха, то овладеть ею бывает очень трудно, и иногда жениху приходится отказаться от дальнейших попыток и свести этим на нет всю свою отработку.

Говорят, что в старину не только женщины, но и мужчины-родственники невесты обыкновенно защищали ее и колотили жениха, когда он хотел овладеть ею. Некоторые этнологи видят в этом поведении родственников невесты символ древнего обычая умыкания жен. Не собираясь здесь углубляться в вопрос о том, был ли когда-либо узов исключительной и преобладающей формой заключения брака, я могу только заметить, что считаю побои, достающиеся жениху, последним и окончательным испытанием его ловкости, смелости и выносливости, а не символическим пережитком брака умыканием.

Конечно, в прежние времена коряки наряду с другим способом приобретения жен прибегали к похищению девушек и замужних женщин. Я уже говорил о богатырях-«похитителях женщин». В корякской мифологии мы находим рассказы о девушках, похищенных насильно. В одном сказании Великий Ворон, родоначальник коряков, похищает девушку у *Kamak'*а (злого духа) для своего сына *Ете'mqut'*а, а в другом *Ете'mqut'* сам похищает дочь *Kamak'*а. Но, принимая во внимание, что, во-первых, брак у коряков, скорее, эндогамен, чем экзогамен, и что, во-вторых, во время войн победители обычно убивали детей побежденных (чтобы они, когда вырастут, не стали мстителями) и их женщин (чтобы они не рожали мстителей), можно с достаточным вероятием сказать, что обычай похищения жен из другого племени

¹⁰ Мне кажется небезынтересным будет упомянуть здесь любопытное толкование, приводимое у Стеллера, происхождения обычая камчадалов (сходного с корякским), согласно которому невеста не сразу отдается жениху. Он думает, что это делается в подражание животным: сука не сразу подчиняется кобелю (*Steller G. W. Beschreibung... P. 345*).

¹¹ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 195; *Steller G. W. Beschreibung... P. 344*. По словам Стеллера, жених должен был вложить палец во влагалище невесты.

или рода никогда не был преобладающим среди коряков.

Брак не сопровождается ни праздником, ни шаманскими обрядами. Дочь и зять или сейчас же уезжают в дом жениха, или остаются еще некоторое время в доме отца невесты. В ряде местностей после удачного «хватания невесты» жених едет домой и посылает своих родителей или старших родственников за невестой. Когда невеста подъезжает к дому родителей жениха, они выходят навстречу ей с головнями, взятыми с очага. Эта встреча символизирует приобщение невесты к семейному культу, олицетворенному очагом. Невеста почти ничего не приносит в дом своего свекра, кроме платья и принадлежностей женского рукоделия. Постель и семейный полог готовятся ей семьей жениха. Она привозит только подарки одеждой, мясом и другими вещами для матери и сестер своего мужа, а также своих оленей, если она принадлежит к оленным корякам. Если невеста — первая невестка в доме, то свекровь обыкновенно передает в ее руки все хозяйство и вмешивается потом только в том случае, если невестка окажется неопытной хозяйкой. Войдя в дом, молодая тотчас же принимается за приготовление еды. Приморские коряки не приглашают гостей, и трапеза носит чисто семейный характер. У оленных коряков при встрече невесты один или даже несколько оленей приносятся в жертву «Хозяину вверху» и сыну его, «Облачному человеку», покровителю брачных пар. Из одного мифа можно вывести заключение, что божество наказывает за несоблюдение этой обязанности. В старину мать жениха или старший его брат обыкновенно помазывали кровью жертвенного оленя лоб и живот невесты. Это, по-видимому, тоже означало принятие ее в новую семью и представление ее новому очагу при помощи жертвенной крови. Этот обряд назывался «окрашивание в красное», и мне говорили, что он до сих пор соблюдается оленными коряками на Палпале.

Хотя обычно невеста вступает в дом родителей жениха, но бывают случаи, когда зять поселяется в доме своего тестя; это происходит, если в семье невесты нет сыновей. В таких случаях будущий тесть говорит молодому человеку: «Если ты хочешь прийти жить ко мне навсегда как сын, приходи, но если ты намерен впоследствии увести с собой жену, можешь не приходить».

Чтобы определить относительное число случаев, когда жених переходит жить в дом тестя, я переписал 181 брак, и только в 11 случаях (6 %) зять поселился в доме своего тестя.

После того как молодая пробудет некоторое время в доме своего свекра, она с мужем едет навестить своих родных, где их тоже встречают с головнями из очага, и теперь уже молодой, со своей стороны, привозит подарки, так что обе семьи обмениваются дарами. Подобный же обмен подарками и посещение молодыми родителей происходят тогда, когда молодой человек поселяется в доме невесты.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СЕМЬЕ

Семейная организация коряков носит патриархальный характер. Отец — глава семьи, хотя его власть над женой и детьми ограничена. Отношения других членов семьи основаны на принципе старшинства. Когда отец слабеет или умирает, то главой семьи становится его старший брат или старший сын, а за отсутствием их — вошедший в дом зять, муж старшей дочери. Принцип старшинства соблюдается и во взаимоотношениях женщин. Авторитет в делах, касающихся домашнего хозяйства, принадлежит матери, потом старшей сестре, если она замужем за принятым в дом зятем, потом, если есть братья, жене старшего из них.

Хотя номинально отец может выдать замуж дочь своей властью, но на деле он не только советуется с женой и старшим сыном, а очень часто принимает во внимание желание самой дочери. Бывают случаи, когда дочь в выборе жениха не подчиняется власти отца или старшего родственника, и ее волю не насилуют. Подобное положение отражается и в мифах. Например, «Человек-корень» хотел выдать свою дочь за *Eme'mqut'a*, она же не соглашалась, и жених должен был прервать свою отработку. Юноши очень часто сватаются против желания своего отца или своих семейных «старших». А если девушка убежит к своему возлюбленному против воли своих близких, родители не требуют ее возвращения, так как она ушла по собственному желанию. На вопрос о том, что руководит коряками при выборе жениха или невесты, они говорят, что на наружность они никакого внимания не обращают. От жениха требуется только, чтобы он был хорошим охотником или пастухом, а невеста должна быть хорошей хозяйкой и рукодельницей. Несмотря на это, половое влечение, основанное на чувстве красоты, или физическое влечение играет, несомненно, значительную роль во взаимоотношениях молодых людей и девушек. Это видно по отношениям мужа и жены.

Как принцип старшинства играет роль в отношениях членов семьи, так и принцип главенства мужского авторитета, несомненно, господствует в отношениях ее мужских и женских членов. Например, место стоянки оленных коряков или место охоты и рыбной ловли приморских переносится в другое место по приказанию старшего мужчины (отца, дяди или старшего брата). Мужчины получают лучшие куски пищи, женщины довольствуются остатками. У оленных коряков только мужчины сидят вокруг пищи, подаваемой в пологе, и, кроме детей, там присутствует только мать или старшая жена, раздающая пищу и угощающая гостей. Все другие женщины и девушки получают остатки, которые они съедают во внешней части яранги. У приморских коряков женщины и девушки тоже едят отдельно, у очага, после того как поедят мужчины. Несмотря на все это, отношение мужчин к женщинам, скорее, покровительственное, чем строгое. Бьют жен очень редко, и бывает, наоборот, что жена не только оплачивает мужу,

но и является стороной наступающей. Вообще же в семье царствует полнейшее согласие. Мне даже случилось быть свидетелем трогательных доказательств привязанности между мужем и женой. Так, однажды я видел в Куэле слегка подвыпившего кузнеца, положившего голову на плечо жены, которая поддерживала его, обняв за талию. Когда мое внимание было привлечено этой сценой, кузнец сказал мне, улыбаясь: «Это моя дорогая жена». Еще большее впечатление произвели на меня заботы одного коряка *Qотуа'* из Каменского, которые он расточал своей слепой жене. Отправляясь в поездку, он берет ее с собой и нежно заботится о ней. Он сводит ее в подземное жилище и выводит из него, подает ей пищу и все время сидит около нее. Подобные отношения возможны только при глубокой привязанности. В старину люди нередко лишали себя жизни по смерти любимой жены. На полуострове Тайгонос я видел кочевого коряка, который покушался на самоубийство после смерти своей жены. Вернувшись домой после ее кремации, он наточил свой поясной нож, сказал родным, чтобы они разделили его добро между собой, и вышел. На дворе он вонзил нож в грудь, но не попал в сердце. Со стоном вернулся он в дом, и тогда узнали, что он покушался заколоть себя. Он поправился и не повторял уже своего покушения, но родные впоследствии смеялись над ним, говоря, что он не всерьез собирался убить себя.

Несмотря на то что, следуя за своим мужем, молодая женщина становится членом его семьи и обязана подчиняться авторитету свекра и старшего члена этой семьи, и хотя она считается сроднившейся с очагом и вместе с мужем участвует в культе его предков, она все-таки остается под покровительством своих кровных родных. Миф говорит, что *Ете'тquit* увозит свою сестру, которую мучил муж «Кольчатый тюлень» и его родные. И теперь родные молодой женщины имеют право взять ее у мужа, если он жестоко обращается с нею. Это показывает, что женщина считается собственностью мужа. Если женщина сама убегает к своим родным, они ее не выдают. Иногда муж приходит просить ее вернуться и обещает обращаться с ней лучше. В то же время и муж может выгнать жену без всяких объяснений, если он почему-либо ее не любит, но этим он навсегда разрывает связь, установившуюся между двумя семьями после его брака. Отныне он не сможет свататься ни за одну из родственниц своей отвергнутой жены, за него не выдадут ни одной девушки из ее родни.

Один вдовец-коряк на Тайгоносе снова женился и очень скоро вернул эту свою вторую жену ее родным. На мой вопрос, почему он ее выгнал, он отвечал, что она не ухаживала за ним, когда он был болен, и не заботилась о его детях от первой жены.

Так просто происходит у коряков развод. Если при этом есть дети, то девочки остаются с матерью, а мальчики — с отцом. Бывают иногда споры из-за детей, но они решаются без постороннего вмешательства.

Наряду с тем, что право собственности на одежду, предметы домашнего обихода, дом и домашних животных уже твердо внедрилось в племенное сознание, мы в этой области все еще встречаем пережитки общинных понятий, которые относятся главным образом к охоте и рыболовству. Принцип собственности на продукты труда еще не совсем применяется к пище, добытой охотником и рыболовом. В следующей главе мы увидим, что люди, нуждающиеся в пище, могут заявить право на добычу удачливого охотника или рыболова. На этом основана социальная связь отдельных семей.

У приморских коряков только одежда и украшения считаются личной собственностью. Деревянные охранители и другие амулеты, домашняя обстановка, дом, сети, байдарки составляют собственность семьи. Я уже говорил, что байдара, будучи тоже охранителем семьи, не может принадлежать двум разным семьям. Все эти вещи переходят по наследству от отца к сыну, а если их нет, то к братьям. Дочери и сестры, не вышедшие замуж, остаются со своими братьями и дядями. Если один из братьев обзаводится отдельным домом, то он получает часть движимого имущества и утвари и может наравне с братьями продолжать пользоваться байдарой, пока он живет в том же селении. В случае смерти отца или бездетного брата отделившийся брат получает часть наследства, даже если вдова брата переходит к другому младшему брату. Я упоминал уже, что девушка, выходя замуж в чужую семью, ничего, кроме одежды, с собой не берет. Олени, которые ей назначены, часто передаются ее родными свекру, не тотчас по совершении брака, а в удобный момент, в зависимости от того, какое время года благоприятнее для стада.

Олени составляют собственность всех членов семьи, но передвижения стада зависят от главы семьи. Каждое новорожденное дитя, независимо от пола, получает по обычаю одну или несколько важенок с особой меткой на ухе. Последствием это дает долю в стаде каждому члену семьи. При благоприятных условиях, прежде чем ребенок достигнет брачного возраста, из ежегодного приплода этих важенок может образоваться целое стадо. Основное стадо принадлежит, конечно, отцу, но, принимая во внимание, что каждый ребенок имеет своих оленей, что жена и снохи не теряют права собственности на приведенных ими при браке оленей, все стадо большой семьи принадлежит группе родственников между собою собственников под управлением старшего мужчины. Этим старшим может быть старший брат или дядя со стороны отца. По смерти отца основное стадо делится между сыновьями, а если их нет, то между братьями умершего. При выходе замуж дочери получают обыкновенно часть основного стада отца в прибавку к их собственным оленям. Некоторые коряки делят свои стада поровну между сыновьями и дочерьми и отдают дочери при ее замужестве соответствующее количество оленей,¹² но зато

¹² В одном из мифов *Yite'a-ηe'ut* выходит замуж за «Человека-Сороку». Они съедают всех оленей, которых дал им Великий

после смерти отца она уже не имеет доли в наследстве. Если по смерти отца дома остается незамужняя дочь, братья выдают ей ее часть при замужестве. Если жена оставляет мужа, или он выгоняет ее, то ее родные берут всех ее оленей назад. Я уже сказал, что случаи разводов очень редки. После рождения детей, которые являются наследниками и отцовских, и материнских оленей, муж начинает более независимо распоряжаться оленями жены. Вообще же старший член семьи совершенно бесконтрольно распоряжается общим стадом. Он указывает, каких оленей убить на еду, на одежду, на продажу или в жертву. Он наблюдает за пастбищами и за пастухами и выбирает оленей для подготовки к запряжке. Конечно, он часто советуется с женой или старшим сыном.

Раздел братьев или отделение женатого сына от отцовской семьи случается редко. Бывает это главным образом у людей, очень богатых оленями. Разделение слишком большого стада может стать необходимостью для удобства ухода за оленями. Олени вдовы переходят к ее деверю, с которым она живет, но если у нее есть дети, то ее деверь только временно распоряжается ее оленями. Вдова, не вышедшая замуж вторично, остается со своими сыновьями, и ее олени тоже; если у нее нет сыновей, то она присоединяется к своим братьям или сама управляет своим стадом с помощью пастухов.

Недавно овдовевшая сестра старшины на Тайгоносе замуж не пошла, а со своими двумя взрослыми дочерьми лично ведет стадо в 800 голов. Для этого она держит двух пастухов, один из которых обрабатывает ее старшую дочь.

ЛЕВИРАТ

Институт, известный под общим названием «левират», охватывает брачные обычаи, встречающиеся в сходных, но не совсем одинаковых чертах у различных народов. Я сохраняю этот термин и для корякского обычая этого же рода, хотя в точном смысле он для этого недостаточно широк. Слово «левират» означает обычай, в силу которого брат или другой родственник должен жениться после смерти своего старшего брата или родственника на его вдове. У коряков аналогичный обычай распространяется и на вдовцов. Младшая сестра или родственница его умершей жены должна стать его женой. В общем корякский левират сводится к следующему: 1) вдова должна выйти за младшего брата, младшего двоюродного брата или племянника (сына брата или сестры) своего умершего мужа; 2) вдовец должен жениться на младшей сестре, младшей двоюродной сестре или племяннице (дочери сестры или брата) своей умершей жены.

Я записал двенадцать случаев брака по левирату. Из них в одном случае вдовец женился на сестре жены, в двух — на ее двоюродной сестре и еще в двух — на племяннице; вдова вышла за

младшего брата мужа в двух случаях, за младшего двоюродного брата — в четырех и за его племянника — в одном.

Из этого становится ясным, почему два родных или двоюродных брата, или дядя и племянник не могут жениться на двух родных или двоюродных сестрах, или на тетке и племяннице. При таких браках в случае смерти старшего брата, двоюродного брата или дяди младший брат, двоюродный брат или племянник не могли бы жениться на вдовах первых трех, если не допустить женитьбы на двух родных или двоюродных сестрах, на тетке или племяннице. Как сказано выше, таких браков обычай не разрешает.

Надо полагать, что последний обычай более позднего происхождения, чем остальные брачные запреты, и, как я думаю, явился основой повышения стыдливости женщин. Коряк, имеющий двух или более жен, спит в одном пологе со всеми ними и делит свое ложе то с одной, то с другой. Стыдливость запрещает женщине присутствовать при моментах интимной жизни сестры. Что же положено в основу этого корякского «двустороннего» левирата?

Мак-Леннан¹³ и его последователи видят в левирате других племен пережиток полиандрии. Вестермарк¹⁴ же очень убедительно опровергает этот взгляд. Но если мы допустим, что Мак-Леннан прав, то все, что он говорит, относится к одностороннему левирату, о котором повествуют этнологи и социологи, то есть к женитьбе младшего брата на вдове старшего брата, но, конечно, никто не назовет пережитком полиандрии женитьбу вдовца на младшей сестре своей покойной жены.

Лаббок и Спенсер объясняют левират тем, что на женщину смотрят как на собственность, и зять наследует ее вместе с остальным добром. Может быть, это объяснение приложимо к обычаю левирата некоторых племен, но в корякском случае, когда вдовец берет младшую сестру своей умершей жены, вопроса о его праве собственности на нее быть не может. Точно так же при переходе вдовы к младшему брату умершего семейное право не всегда согласуется с правом собственности, если принять во внимание корякский порядок наследования. Кроме того, согласно обычаю коряков, старший брат не может жениться на вдове младшего, хотя получает часть оставленного им наследства.

Мнение, что левират связан с культом предков (каким он существовал у древних индусов и евреев) и вызван необходимостью иметь наследника ради спасения души и ее блаженства на небе, тоже неприменимо к корякскому левирату, не только потому, что он двусторонен, но также и потому, что у коряков вдова старшего брата переходит к младшему независимо от того, имеет ли она сыновей или вообще бездетна.

И все-таки я думаю, что левират коряков, хотя несколько другим образом, связан с культом предков или, скорее, с культом домашнего очага. Я уже указывал раньше на то, что каждая корякская

¹³ *Mc Lennan I. J. The Levirate and Polyandry // The Fortnightly Review. London, 1877. Vol. XXI. P. 694—707.*

¹⁴ *Westermarck E. The History of the Marriage. London, 1901. P. 510.*

Ворон. *Yipe'a-ne'ut* приходит к отцу просить пищи, но Великий Ворон говорит: «Вы съели свою долю оленей, у меня нет больше ничего для вас».

семья имеет своих охранителей и свои заговоры. Семейный очаг — главный охранитель семьи — не склонен принимать чужих. Примитивный человек смотрит на всякого чужого как на возможного врага, и семейные охранители враждебно настроены в отношении каждого чужого и готовы охранять семью против дурного глаза, слова или других магических действий чужих людей. Получить доступ к семейному очагу трудно. Кроме того, он связан с умершими родственниками, души которых возвращаются в новорожденных детях. Брак между двумя семьями дает свободный доступ к очагу не только членам чужих семей, но также и душам их умерших членов. Душа умершего родственника, как со стороны отца, так и матери, может войти в новорожденное дитя, и всякий ребенок, рожденный невесткой или порожденный зятем, может стать обладателем души умершего родственника чужой семьи. Таким образом, брак, заключенный между двумя семьями, сближает не только живых членов, но и души умерших, а также охранителей обеих семей. Коряки склонны укреплять эту связь новыми браками. Например, брат замужней женщины женится на сестре ее мужа, если она есть. Это один из наиболее желательных союзов. Такие случаи встречаются не только в повседневной жизни, но и в мифах. По моему мнению, левират коряков имеет целью поддерживать связь между двумя семьями: вдовец женится на сестре или родственнице своей покойной жены, а вдова выходит за родственника своего покойного мужа, чтобы поддержать порванный смертью союз двух семей.

Так как, за исключением перечисленных выше степеней родства, брак может быть заключен между жителями одного селения и даже одной семьи (например, между троюродными братом и сестрой), то очень редко сват жениха в поисках невесты едет в отдаленное селение или кочевье. Наиболее часто браки заключаются между жителями соседних селений. На Палпале я встретил раз пожилого коряка из селения Микино, направлявшегося к реке Апуке, и спросил его, зачем он туда едет. Он ответил, что он будет искать там какую-нибудь родственницу своей умершей жены, чтобы жениться на ней. «Разве ты не можешь найти себе жены где-нибудь поближе?» — спросил я. — «Могу, — сказал он, — но связь между моей семьей и семьей матери моих детей не должна прекращаться. Кроме того, родственники моей покойной жены знают меня и не заставят работать за невесту».

Я вижу в корякском левирате установление, имеющее целью продолжение союза двух семей, соединенных родством через брак. Этот союз необходим для того, чтобы духи предков, очаг и другие семейные охранители двух семей, войдя в родство, могли пребывать в мире и согласии. В старину, когда отдельные группы коряков воевали между собой по самому ничтожному поводу, семьи, связанные браком, образовывали оборонительные и наступательные союзы. Часто выдача девушки замуж в семью, с которой воевали, примиряла духов умерших обеих семей и прекращала кровавую месть.

В некоторых случаях можно перекрестными браками семей образовать обширный союз. Если в одной семье несколько сыновей, а в другой несколько дочерей, то эти семьи не могут ограничиться только браками между собой, потому что два брата из одной семьи не могут жениться на двух сестрах из другой. Другие сыновья должны искать себе невест в других семьях, и дочери также должны быть выданы еще в другие семьи. Только в случае смерти женатого сына или замужней дочери в одной семье возможен второй брак с другими по левирату.

Если корякский левират имеет целью укрепление семейных связей, то, естественно, возникает вопрос, почему вдовец не может жениться на старшей сестре своей умершей жены, или вдова не может стать женой старшего брата своего покойного мужа. Я спрашивал об этом коряков, но, к сожалению, не получил удовлетворительного ответа. Лично я думаю, что здесь имеет место замещение кровного родства законным старшинством в семье. Когда отец или мать умирают или дряхлеют, то их место в семье занимают старший брат или старшая сестра. В этом их положении половые сношения старшего брата (пользующегося всеми правами отца) с его золовкой или старшей сестры с деверем считаются равнозначными кровосмешению, т. е. сожителю свекра со снохой и свекрови с зятем.

Я приведу здесь некоторые детали, иллюстрирующие применение левирата в повседневной жизни коряков, из которых видно, что в некоторых местностях обычай этот теряет свою силу и начинает принимать форму права, а не обязанности. Надо обратить внимание и на подчиненную роль женщины при соблюдении этого обычая. Мне говорили в Каменском, что младший брат может жениться на вдове старшего или вдовец — на младшей сестре умершей жены, тогда как в других местах он должен это сделать. С другой стороны, если родные не хотят, они могут не отдать вдову или младшую сестру умершей ее деверю. Из этого следует, что в Каменском обычай предоставляет обеим сторонам при желании выбор — возобновлять связь между двумя семьями посредством нового брака или нет.

Если ближайшие родственники женщины умерли и она, таким образом, лишилась своих естественных покровителей, то вдовец или деверь могут заставить ее следовать левирату против воли. Но этим правом коряки пользуются редко. Незадолго до моего приезда староста селения Каменского, по имени *Opilli*, потерял жену и старшего брата. Вдова последнего с детьми перешла жить к нему. Но когда его спросили, женился ли он на ней, он ответил, что она еще не готова пойти на это. Я знаю еще случай в селении Каменском, когда коряк, женатый на молодой женщине, принял в свой дом двух старых вдов — жен его умершего старшего брата, но не жил с ними, потому что они были слишком стары.

С подобным же случаем я встретился на реке Парень. Коряк *Ewricō*, имевший молодую жену, принял в дом вдову своего дяди, но не жил с ней, потому что она была болезненна.

В. Г. Богораз в своем предварительном отчете о чукчах говорит о существовании у них левирата,¹⁵ но более подробного разбора этих обычаев следует ожидать в его описании социальной организации чукчей, в работе, выходящей в этой серии. На основании некоторых мест в книге Стеллера о камчадалах¹⁶ можно прийти к заключению, что у них существовал левират, подобный корякскому, то есть двусторонний.¹⁷ Очень жаль, что он не остановился на подробностях этого института. Стеллер и Крашенинников¹⁸ упоминают об интересной подробности брачных обычаев у камчадалов, которая, очевидно, связана с левиратом и совершенно подобна еврейскому обряду «калиш», являющемуся заменой настоящего брака с вдовой родственника. По словам этих исследователей, никто не женится на вдове прежде, чем какой-нибудь чужой человек не будет иметь с ней полового сношения, что называется «снять с нее грех». Очевидно, эти сношения освобождают женщину от союза с семьей покойного мужа, и новый муж может привести ее к своему семейному очагу, не опасаясь мести со стороны духа ее умершего мужа. Это объяснение подтверждается в другом месте у Стеллера, где он говорит, что человек может взять вдову покойного брата без соблюдения каких-нибудь обрядов.¹⁹

Тому, кто брался «снять грех» с вдовы, платили за услугу, и до прихода казаков среди камчадалов трудно было найти кого-нибудь, кто охотно шел бы на это предприятие, связанное, по их верованиям, с опасностью.

МНОГОЖЕНСТВО

Герои некоторых корякских мифов имеют по две жены, а в двух мифах и по три; но большинство браков, о которых повествуют мифы, моногамны. Высшее божество и Великий Ворон имеют по одной жене. В современном корякском быту моногамные браки преобладают, хотя обычай не ограничивает число жен.

Я опросил 95 женатых приморских коряков. Из них у 13 (13.6 %) было по две жены, и ни у кого не было больше двух. У оленных коряков я записал семейное положение 65 женатых человек, из которых только трое имели по две жены и один имел трех; процент имевших больше одной жены

¹⁵ Богораз В. Г. Краткий отчет ... С. 35.

¹⁶ Steller G. W. Beschreibung... P. 346, 347.

¹⁷ Обычаи, подобные тому, который я называю «двусторонним левиратом», известны и среди других племен. Некоторые из них перечисляет Kohler (Urgeschichte der Ehe. P. 144), который считает этот обычай пережитком группового брака. Этот же обычай встречается у североамериканских племен. Например, об оджибвеях Джоунс говорит: «Для мужчины было обычным жениться на вдове брата, а вдовец мог жениться на сестре своей умершей жены (Jones W. Central Algonkin // Annual Archaeological Report. Toronto, 1906. P. 136). Это же говорит Тейт об индейцах томпсон (The Tompson Indians. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, 1900. Vol. II. Part VIII. P. 325) и Дорсей о Skidi Pawnee (Congress International des Americanistes, XV Session. Vol. II. Quebec, 1907. P. 73). Все три автора не дают никаких объяснений относительно возникновения этого обычая.

¹⁸ Steller G. W. Beschreibung... P. 346; Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 178.

¹⁹ Steller G. W. Beschreibung... P. 347.

равнялся 6, то есть вдвое ниже того, что было у приморских коряков. Некоторые из двоеженцев взяли вторую жену, потому что первая была бесплодна, другие женились во второй раз потому, что первая жена, полученная по левирату, была слишком стара. В ряде случаев вторая жена, взятая по левирату, была младшей из двух. Только в двух случаях у обеих жен были дети, и левират не применялся ни в том, ни в другом случае. В то же время в трех случаях у людей, имевших по две жены, не было детей ни у одной. Следовательно, их бесплодие надо приписывать мужу. Единственный человек с тремя женами, которого я видел, был старостой оленных коряков Тайгоноса.²⁰ У него были дети от первой жены, но она заболела, по-видимому наследственным сифилисом, и лицо ее было так обезображено, что она закрывала его всякий раз, как кто-либо чужой входил в ярангу. Его вторая жена бесплодна, а от третьей, младшей, у него есть потомство. В одном случае молодой человек, женившийся по левирату на старухе, вдове своего дяди, взял в дом девочку, с которой начал жить, как только она подросла. Когда я видел ее, ей было лет шестнадцать, и она была беременна. Подобные браки с малолетними были в старину распространены больше. Вообще же говоря, девушки выходят замуж лет двадцати и даже позднее.

Интересно отметить, что большая часть моногамных браков среди оленных коряков соотносится с большим числом мужчин сравнительно с числом женщин среди них.

О статистических данных официальной переписи за 1897 год мы уже говорили. Я лично произвел подробную перепись приморских коряков от селения Каменское до трех селений Итканы включительно, а оленных коряков — на полуострове Тайгонос и вдоль реки Тылхой. По моему подсчету, на каждые 100 мужчин у приморских коряков приходилось 102 женщины, а у оленных только 89 женщин. Соотношение числа женщин и мужчин у приморских коряков, найденное мною, совпадало с соотношением в официальной переписи, касавшимся общего числа приморских коряков. А процентное соотношение женщин, полученное мною у оленных коряков, даже ниже процента переписи 1897 года, которая дает 90.8 женщин на каждые 100 мужчин. Возможно, это объясняется тем, что я производил свою перепись после эпидемии кори, которая унесла больше женщин, чем мужчин, и оставила много вдовцов.

Судя по мифам и по современным наблюдениям, можно думать, что преобладающая форма брака у коряков моногамная и что многоженство поддерживается только обычаем левирата и желанием иметь потомство, если первая жена бесплодна. Однако в некоторых преданиях, слышанных мною и относившихся к не очень отдаленным временам, рассказывается о сильных людях, хороших воинах и умелых охотниках, которые обладали целыми

²⁰ По словам Дитмара, когда он посещал полуостров Тайгонос, у старосты было четыре жены (Dittmar C. V. Ueber die Koräken... P. 25).

гаремами женщин, насильно отнятых от своих же соплеменников. Мне даже показывали пещеру на скалистом берегу Пенжинской губы, служившую жилищем такого «похитителя женщин». Он обыкновенно подстерегал проезжающие мимо корякские лодки и отнимал жен у гребцов. Подобный же рассказ есть и в мифах. Человек-червь, похитивший много жен, убив их мужей и братьев, похищает жену *Ete'mqut'a*. Последний убивает его и возвращает к жизни мужей и братьев, похищенных Червем женщин освобождает и возвращает семьям жен и сестер. Многие братья отдают своих сестер *Ete'mqut'u*, но он оставляет себе только трех, остальных же распределяет среди своих братьев и двоюродного брата *Illa'*.

В доме, где больше одной жены, первая считается хозяйкой. Вторая жена советуется с ней во всем и исполняет ее приказания. Большею частью жены живут в ладу. Собираясь взять вторую жену, муж обыкновенно советуется с первой. Старуха, у которой нет взрослых дочерей, помогающих ей по хозяйству, часто просит мужа взять вторую, молодую жену. Но некоторые женщины ревнивы (в особенности, если второй брак был заключен против их желаний) и сорятся со второй женой. В мифах мы также встречаем случаи враждебного отношения между женами и даже убийство одной жены другой. А в одном рассказе первая жена отрезает нос у второй. Я расскажу здесь характерный случай из жизни одного коряка, у которого было две жены. Коряк из Каменского по имени *Qacilqut*, о котором я уже несколько раз упоминал, первая жена которого была бездетна, ухаживал за молодой вдовой своего умершего дальнего родственника. Долго он не мог перевести ее к себе, потому что первая жена была против этого брака. Наконец, несмотря на возражения первой жены, он ввел вторую в свой дом. В отсутствие мужа первая часто била и мучила вторую, иногда даже колола ей лицо иголкой. Вторая жена молча переносила все и не жаловалась мужу. Это наконец успокоило ревность старшей, и теперь они мирно живут вместе. Все это мне рассказала сама первая жена *Qacilqut'a*. Она еще молодая, очень веселая, энергичная женщина. Ее муж торговец, и когда он отправляется в деловую поездку к оленным корякам, она сопровождает его в качестве приказчика и всегда привозит подарок своему другу — второй жене. Как все полигамные коряки, они спят в одном пологе — муж посередине, первая жена направо, а вторая налево.

В связи со всем этим следует упомянуть о случаях превращения мужчин в женщин, что в старину бывало нередко. Они назывались *qava'u*, или *qeve'u*. Подобно древним камчадалским *ko'e'kcič*²¹ и современным чукотским *irkalaul*, корякские «превращенные мужчины» вступали в брак с мужчинами или, если имелась уже настоящая жена, считались наложницами и жили в непристойной близости со своими так называемыми мужьями. Конечно, нельзя смотреть на это, как на нормальный брак, и таких случаев бывало не много. Богораз говорит, что в числе трех тысяч

колымских чукчей он нашел пять мужчин, которые считались превращенными в женщин, и из них только двое были связаны «браком» с другими мужчинами.²² Я думаю, что ненормальные половые отношения развились под влиянием идей о шаманской силе, которую «превращенные» получают от духов, по повелению и с помощью которых происходит в них перемена пола. Эта вера нашла плодотворную почву в людях с ненормальным физическим и психическим развитием. С упадком шаманизма у коряков и обрусением камчадалов эта практика прекратилась у обоих племен.

МНОГОМУЖЕСТВО

В Колымской тундре у оленных чукоч мне пришлось наблюдать, что они иногда меняются женами на ночь или отдают жену в распоряжение проезжего гостя, пока муж уходит к своему стаду. Богораз, ближе изучивший этот вопрос, находит, что обмен женами у чукчей — вид группового брака. Право двух мужчин на жен друг друга устанавливается взаимным соглашением мужей.²³ Подобные брачные союзы происходят главным образом между родственниками, такими как двоюродные и троюродные (но не родные) братья, но возможен и между чужими. Нередко подобный союз заключается между женатым человеком и холостым, который, таким образом, обещает свою будущую жену своему другу. Каждый чукча может заключить подобный союз с несколькими лицами, которые иногда называются «друзьями по жене». Результатом подобного союза является полигамно-полиандричный групповой брак. Семьи, входящие в такой брачный союз, сохраняют, однако, свою экономическую независимость, и дети считаются принадлежащими главе той семьи, в которой они родились.

В описании Камчатки Стеллера²⁴ говорится, что у камчадалов друзья иногда сговариваются об обмене женщинами. Очень жаль, что Стеллер не дает более подробных сведений о характере подобных соглашений.

Крашенинников уверяет, что оленные коряки ревнивы выше меры и могут убить жену по одному подозрению в неверности. В то же время он сравнивает приморских коряков с чукчами и утверждает, что у них жены и дочери хозяина отдаются гостям и что хозяин чувствует себя глубоко обиженным, если гость их не принимает.²⁵

Мне кажется, что это утверждение основано на недоразумении или на рассказах казаков, которые смешивают чукоч с приморскими коряками. Мне трудно решить, кто более ревнив — приморские или оленные коряки. Если у коряков и существовал прежде обмен женами, как это было у камчадалов, чукчей и северо-западных американцев: але-

²² Богораз В. Г. Краткий отчет... С. 31.

²³ Подобные же брачные обычаи описаны Нельсоном у эскимосов (см.: *Nelson E. W. Eskimo about Bering Strait // Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1899. P. 292.*)

²⁴ *Steller G. W. Beschreibung...* P. 347.

²⁵ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 201, 202.

²¹ См.: Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 114, 222; *Steller G. W. Beschreibung...* P. 212.

утов, эскимосов и атапасков,²⁶ то я не нашел и следа этого обычая. Правда, в одной мифе у двух *kalat* была одна жена, но подобные вещи, в которых люди видят грех, всегда приписываются злым духам. В другом мифе *Yiqe'a-ne'ut* бьет своего младшего деверя доской за то, что он ухаживал за ней в отсутствие своего брата. Сами коряки отрицают, что у них когда-либо существовал обычай меняться женами. Они заявляют, что замужняя женщина должна ходить неумытая и в грязном платье, чтобы не привлекать внимания чужих мужчин. Однажды я спросил старосту оленных коряков на Тайгоносе, у которого было три жены, что он думает о чукотском обычае обмена женами. Он ответил, что он с удовольствием воспользовался бы в этом отношении чукотским гостеприимством, но на взаимность в этом деле не согласен. Крашенинников²⁷ говорит, что у оленных коряков по две и три жены и что они держат их в разных местах и дают им отдельные стада и пастухов, как делают и оленные чукчи. Вышеупомянутый старшина уверял, что ни теперь, ни в старину такого обычая не было, что он сам не оставил бы свою жену одну со стадом, чтобы другие люди пришли и воспользовались ею. Если жен две и больше, они всегда живут в одной яранге с мужем, как они живут в одном доме у приморских коряков. У оленных коряков старшая жена имеет иногда отдельный полог, как, например, у жены тайгоносского старосты. Возможно, на северном склоне Палпалского хребта, где оленные коряки приходят в соприкосновение с оленными чукчами и вступают с ними в браки, чукотские брачные обычаи до некоторой степени переняты коряками, но, с другой стороны, кочующие теперь среди коряков Парапальского Дола чукчи, которых мне приходилось встречать, не меняются женами ни с родными, ни с соседями, переняв взгляды коряков на это дело.

Конечно, нарушение супружеской верности встречается среди коряков, но не так часто, как у цивилизованных народов, и никогда муж не смотрит на это сквозь пальцы. В прежние времена неверность жены часто вела к кровавой расправе. Теперь муж выгоняет неверную жену или немилосердно бьет ее, но не трогает ее любовника. Я знаю один случай, когда муж закрывал глаза на связь своей жены с пастухом, но муж был человек болезненный и, кроме того, стадо принадлежало жене. Слышал я и о другом любопытном случае на полуострове Тайгонос. Один коряк, узнав, что в его отсутствие жену посещает сосед, сказал обидчику: «Если ты любишь мою жену, не посещай ее тайно, а возьми совсем, а взамен дай мне свою дочь». Сосед согласился со столь мудрым предложением, и они поменялись женщинами, так как, к счастью, у того была взрослая дочь.

Рождение ребенка — радостное событие и ознаменовывается праздником, на который приглашаются гости из других домов, а у оленных коряков — из других стойбищ. Это празднество называется *anavixatin* («праздник женщины»). У приморских коряков приглашаются все женщины и девушки села, но мужчины не допускаются. Даже хозяин дома уходит. Главное кушанье состоит из каши, сделанной из муки, крови, мяса и жира; она называется *ta'hnapoika* («приносящее счастье») и символизирует будущее благополучие ребенка. Оленные коряки убивают по случаю рождения ребенка одного оленя или больше и приглашают на праздник как мужчин, так и женщин, только женщины едят отдельно от мужчин в пологе молодой матери, в то время как хозяин дома угощает мужчин во внешней части яранги. Оленные коряки готовят тот же род каши, как и приморские, и называют ее так же.

Я говорил уже о запретах, которым подвергается молодая мать, о заботах по охране младенца от злых духов и о церемонии гадания, когда новорожденным дается имя. По словам корякских женщин, роды у них легкие. В каждом селении есть опытная женщина, которая исполняет обязанности повивальной бабки. Пуповина перерезается простым железным ножом, который после этого не употребляется, пока ребенок не начнет ходить. Новорожденного вытирают мхом и сразу же надевают на него комбинезон, который заменяет ему колыбель. Мать качает его на руках или укладывает рядом с собой. На клапан между ног кладут мох и часто меняют его. Мать кормит ребенка до двух или до трех лет, если только новая беременность ей не помешает. С очень раннего возраста ребенку дают сосать кусочки оленьего или тюленьего жира. Мне говорили, что если мать умирает во время родов или вскоре после них, то ребенка убивают и сжигают вместе с матерью, так как искусственное вскармливание невозможно при корякских условиях жизни.

Коряки очень любят детей. Они очень хорошо заботятся о них и ласкают их. Детей очень редко бьют, но они все-таки очень кротки и послушны. Я часто удивлялся авторитету старших у детей. Я уже рассказывал об одной девятилетней девочке, которая согласилась, чтобы если жена сфотографировала ее без одежды, но сейчас же отказалась от подарков, когда тетка крикнула ей: «Не раздевайся, твои дяди рассердятся». Девочка была сирота и жила у братьев отца.

С десяти-двенадцати лет дети начинают работать; мальчики участвуют во всех работах отца. Они помогают ему в ловле рыбы, в возке дров для очага, а у оленных коряков — в заботах о стаде. Мальчики проходят суровую школу, чтобы приучиться переносить лишения, холод и усталость. Одеты они обыкновенно в обноски старших. Девочки, начиная с этого же возраста, помогают по хозяйству, по выделке кож и шитью одежды.

С возрастом привязанность детей к родителям ослабевает, и они становятся более самостоятель-

²⁶ Morice A. J. The Canadian Denes // Annual Archaeological Report. Toronto, 1905. P. 196.

²⁷ Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 221.

ны, в особенности сыновья. Девочки больше подчиняются власти старших членов семьи, а юноши иногда затевают споры с отцами.

ОТНОШЕНИЕ К СТАРИКАМ

Власть стариков в значительной степени зависит от их силы и энергии. Если старик не может больше исполнять обязанности пастуха или руководить охотой, то он перестает быть авторитетом. В большинстве случаев дети относятся с почтением к старшим и слушают их совета, даже если они не могут больше вести хозяйство. Так, я видел старика лет семидесяти-восемидесяти, который не мог уже держать вожжи в руках и которого племянник возил в особо приспособленных нартах. Племянник снимал его с нарта и опять сажал туда, тепло укутывая и т. д. В другой раз я видел жестокое отношение сына, богатого оленевода, к престарелому отцу. У отца было маленькое стадо, а сын женился на богатой девушке, которая принесла ему большое стадо. Отец и сын жили вместе. Однажды, когда они со стадом были около селения Итканы, старик захотел жениться на девушке, оседлой корячке, которая соглашалась выйти за него. Сын был против женитьбы отца на приморской женщине, и, когда отец не захотел слушать его, он его покинул.

Я хотел бы мимоходом сказать здесь, что браки между приморскими и оленными коряками очень редки.²⁸ Это, конечно, следствие различных способов ведения хозяйства у этих двух групп коряков. Невестка из приморского селения будет плохой хозяйкой в оленном стойбище, а зять с берега будет плохим пастухом. Пастушеская жизнь оленеводов не привела к изменению обычаев относительно отработки невесты, брака, левирата и т. п., но новый тип хозяйства резко выдвинул принцип личной собственности и сильнее подчинил мужчину женщину. Это последнее обстоятельство объясняется также влиянием суровой жизни, которую ведет оленевод. В то время, как приморский коряк зимой почти ничего не делает, живя в сравнительно теплом доме, оленный коряк должен терпеть всю жестокость зимы, ухаживая за своим стадом.

Но вернемся к старику, о котором я начал рассказывать. Породнившись с приморскими коряками, он оставался на берегу, кочуя поблизости от селения. Один год выдался очень тяжелый; морской зверь не ловился, и приморские коряки голодали зимой. Старик убил своих оленей в пищу береговым жителям. Когда у него ничего не осталось, он покинул свою жену и вернулся к оленеводам, но его сын не захотел принять его, советуя уйти и жить с приморскими коряками. Наконец, один очень бедный родственник приютил его, и там я увидел его в жалком положении. Он помогал женщинам сушить на солнце рыбу и был одет в лохмотья.

У коряков уже не встречается обычая добровольной смерти стариков, существующего еще у

чукоч, где ближайший родственник убивает старика по желанию последнего;²⁹ но в некоторых местностях сохранилась еще память об этом обычае. В отчете окружного начальника губернатору Приморской области за 1886 год еще упоминаются подобные убийства, но не ясно, о ком говорится — о чукчах или коряках. За подробностями этого обычая я рекомендую обратиться к Богоразу. Вообще же говоря, мотивами желания быть убитым у стариков были: упадок сил, болезнь или просто недовольство жизнью. Исполнителями желания стариков были их сыновья или другие ближайшие родные. Убивали удушением ремнем или ударом копья в сердце.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Из списка терминов родства видно, что эта система соответствует описанным выше брачным нормам.

Кровное родство

Ači'če (Парень), *a'pa* (Каменское), *apa'pel* (кочевые коряки) — дед родной и двоюродный (по отцу и по матери);
Yi'lñy-ači'če, *yi'lñy-apa* — прадед;
A'ma, *a'na* — бабушка родная и двоюродная (по отцу и по матери);
Yi'lñy-a'na — прабабка;
Enni'w (чук. *endiw*) — дядя по отцу и по матери;
It'cei' — тетка по отцу и по матери;
A'pa (Парень), *ta'ta* (Каменское) — отец;
E'npič (кочевые коряки)³⁰ — отец;
Ella' (*va'va*, *a'mma*) — ласкательные у кочевых коряков) — мать;
E'npičiket (двойственное от *e'npič* — «отцы») — родители;
Qaitaka'lñin — брат;
Eni'nelan — старший брат;
Eiča'ni — младший брат;
Čākit — сестра;
Enpi'či-čā'kit — старшая сестра;
Nenča-čā'kit — младшая сестра;
Yila'lñi-tu'mgin (*ŋa'u-yila'lñi-tu'mgin*) — двоюродный брат (сестра) по отцу и по матери;
*Kmiñin*³¹ или *akik* — сын;
Yi'lñi-kmiñin — внук;
Ŋava'kik — дочь;
Yi'lñi-ŋava'kik — внучка;
Illawa (*ŋa'u-illawa'*)³² — племянник (племянница).

Свойство

Mata'lan — свекор, тещь, деверь, свояк;
Ná'u-nata'lan — свекровь, теща, золовка;
Int'wulpi — зять;
Inte' — невестка;

²⁹ Богораз В. Г. Краткий отчет... С. 38.

³⁰ *E'npič* — термин, используемый и в Каменском. Дословно он значит «старший». *E'npičō* (мн. ч.) — означает «отцы», «старички».

³¹ *Qaikmiñin* означает «мальчик».

³² *Illawa'* — имя племянника Великого Ворона, очевидно сокращенное *illawa'*.

²⁸ Исключая оленных коряков, составляющих одну группу с жителями селений по берегам Берингова моря.

Taka'lnin — муж сестры жены;
Na'u-taka'lnin — сестра жены;
Na'ul («женщина-друг») — имя, которым зовут друг друга две жены.

Из этого списка мы видим, что корякская номенклатура родства ближе к нашей системе, называемой Морганом описательной, чем к классификационной. Отец и дядя, мать и тетка, сын и племянник, дочь и племянница, брат и сестра, родные и двоюродные — все имеют разные названия. Только братья и сестры деда и бабки называются с ними одинаково.

Интересно также, что корякские термины для

внука, внучки, прадеда и прабабки образуются комбинацией слова «связанный», «объединенный» с основным термином для сына, дочери и т. д., точно как наши.

Особое название для старших брата и сестры показывает их положение в семье.

Название *mata'lan*, которое охватывает целую группу родственников по свойству (с префиксом *na'u* для женщин), должно рассматриваться как классификационный термин. Слово *mata'lan* — производное от глагола *mata'ikin*, означающего «братъ», а также «жениться», и поэтому означает определенную группу родственников по браку.

ХІІІ. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ДРЕВНИЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Общественных единиц в виде организованных племенных или родовых групп у коряков не существует. Общественной единицей является патриархальная семья. Впрочем, встречаются факты, как будто указывающие на начало образования общественных групп, превосходящих пределы большой патриархальной семьи. Один из таких элементов, как я говорил выше, — родство через брак. Семьи, связанные таким родством, принимают на себя некоторые взаимные материальные и моральные обязательства.

В корякских обычаях, связанных с общественными отношениями, ясно различаются две противоречивые тенденции. Одна из этих тенденций, которую мы можем назвать антисоциальной, содействует изолированности семейных групп кровных родственников. Другая, наоборот, развивает зачатки более широкой общественной организации. Этот антагонизм в общественной жизни коряков раньше, до прихода русских, выступал яснее, и естественное развитие несомненно привело бы к все возрастающему преобладанию общественного элемента. Под влиянием же русских социальная структура коряков деградировала. Все противоречия стерлись, их современная общественная жизнь стала бесцветной, и не приходится ждать самостоятельного развития общественных форм.

Я постараюсь здесь реконструировать древнюю общественную жизнь коряков на основе преданий и сохранившихся еще пережитков прошлого.

Постоянные войны не только с другими народами, но и между отдельными группами самих коряков и раздоры между семьями на почве кровной мести делали жизнь небезопасной. На всякого чужого смотрели как на возможного врага. Если в селении или стойбище появлялся незнакомец, его сейчас же спрашивали, откуда он, его оружие осматривалось и его принуждали к единоборству, чтобы удостовериться в его силе и ловкости. Только после этого его впускали в дом. Мне рассказывали об одном корякском богатыре, который, перед тем как напасть на человека, являлся переодетым, в изодранной одежде с плохим луком в руках. В последующем единоборстве он защищался слабо, стараясь тем временем узнать силу противника. Во

время состязаний на праздниках войны различных селений изучали силу и способы борьбы друг друга, чтобы использовать добытый опыт в случае возникновения настоящей войны.

Отношения к постороннему, как к врагу или недоброжелателю, выражались не только в опасении физического вреда от него, но также в опасении злого влияния его дурного глаза, злого языка и слова. Во избежание таких магических влияний чужак не допускался к семейному очагу, или обитатели ограждали себя, призывая на помощь охранителей. Этими охранителями были особые идолы или разные предметы домашнего обихода.¹

Очаг как главный покровитель семьи был табу для постороннего. Также недоступны ни для кого, кроме родных, были семейный бубен и священное сверло для добывания огня. Котел из чужого дома не мог быть поставлен на огонь очага, так же как и свой котел нельзя было выносить из дому на чужой огонь. Бубен и огонь очага никогда не переносились в чужой дом, и только членам семьи позволялось касаться огнивого сверла. Теперь, как мы увидим, все эти запреты потеряли почти вовсе свою силу, но в свое время при строгом соблюдении они должны были быть большой помехой развитию общественной жизни.

Все эти антисоциальные обычаи объясняются отчасти стремлением к самосохранению, а отчасти — религиозными верованиями. Но я могу указать и некоторые зарождавшиеся тенденции к более высокому социальному строю, нежели тот, который представляла семейная организация.

Во-первых, предание о Великом Вороне (как общем родоначальнике) порождает идею этнического единства. Правда, в сознании коряков представление это очень туманно. Разделительные названия — «оленный человек», «приморский человек», житель того или иного селения или стойбища — более свойственны уму коряка, чем собирательный термин «коряк» как член единого народа; однако при сопоставлении их с тунгусами и якутами коряки заявляли мне, что они, коряки,

¹ Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden; New York. 1905. Vol. VI. Part I. P. 32.

все одной крови, а тунгусы и якуты — чужие. Во-вторых, приморский коряк считает себя более близким, родным с приморскими же, чем с оленными коряками, и наоборот. Этому разделению коряков на две группы способствует разница в формах хозяйства.

В прежние времена селения приморских коряков были не только просто территориальными группами, но союзами хозяйств, члены которых были связаны общинными правами и обязанностями. Новые поселки основывались обычно людьми, покинувшими родное селение, людьми независимого характера, выделявшимися как хорошие воины и искусные охотники. Вокруг этих вождей собирались люди заурядных способностей, чаще всего их родственники по крови или по браку, но иногда и кто-нибудь со стороны, искавший покровительства основателя поселка. Таким образом, селение не превращалось в род, члены которого ведут происхождение от одного общего родоначальника, но являлось союзом родственных и дружеских семей с одним старшим во главе. Ни в традициях, ни в мифах мы не находим никакого следа представительного начала до прихода русских. Принцип старшинства господствовал в селении, как и в семье. Под старшинством понимался не только возраст, но также и большая физическая сила. Дряхлые старики в счет не шли. Основатель поселка считался старшим, пока не появлялся человек сильнее его. Священный столб,² воздвигнутый основателем, считался охранителем всего поселка. Сильный человек имел всегда несколько жен и много детей, и после его смерти семья его продолжала доминировать в селении. В донесениях казаков, воевавших с коряками, говорится о старшинах селений. Казаки называли их якутским словом «тойон» (так по-якутски называют также лиц, являющихся представителями рода или племени). По-корякски они назывались *Éuet*, что значит «сильный». Какова была власть этих вождей, из казачьих донесений не видно, но имеются указания на то, что иногда несколько селений составляли оборонительные и наступательные союзы, как это было во время восстаний коряков против русских завоевателей. Какую роль в образовании этих союзов играли *éuet*'ы, а какую остальная масса коряков, мы не знаем. В бою верховная власть была в руках «сильного человека» и лучших воинов, но военное руководство не всегда поручалось тому, кто был старшим в мирное время.

Семейные и профессиональные шаманы, наблюдавшие за исполнением семейного культа и религиозной жизнью народа, пользовались известным влиянием в общественных делах. Часто «старшие» и «храбрые» сами обладали шаманской силой или держали при себе шаманов-помощников, которые своими магическими действиями должны были помогать вождю в борьбе с врагами.

Укрепление поселка было делом всех его жителей. Я уже говорил об охранителях поселков и об общественном характере китового праздника.³ Очень возможно, что в прежние времена в селени-

ях устраивались специальные дома для собраний и праздников. Я указывал, что китовый праздник происходил в самом большом доме селения,⁴ огонь очага поддерживался дровами, собранными всеми и каждой из семей, участвовавшей в празднике, а постели и спальные полога выносились. Таким образом, жилище превращалось на время в общественный дом, семейный очаг делался очагом общественным, и все жители селения готовили еду на его огне. Я видел раз еще один общественный дом на ярмарке на Палпале.⁵ Это была большая яранга из шкур, поставленная сообща всеми оленными коряками, приехавшими на ярмарку. В одном мифе⁶ рассказывается, что в центре поселка *kalau* (злых духов) стоял большой дом, где *kalau* собирались на совещания.

Другое проявление социальных тенденций выражено во все еще существующем обычае дружбы и побратимства с членами неродственных семей. Никаких установленных обрядов при заключении такой дружбы не соблюдается, по крайней мере теперь, по предложению гостя или хозяина, они просто решают стать друзьями. У коряков есть обычай дарить что-нибудь человеку, пришедшему в дом в первый раз. Очевидно, это первый шаг, чтобы заслужить дружбу или расположение чужого человека. В прежние времена подобная дружба налагала на обоих побратавшихся членов этого союза обязанность взаимной защиты от врагов. Теперь же обязательства ограничиваются взаимной материальной поддержкой. Сущность этой поддержки заключается в обмене в кредит. Кажется, будто друзья не считают подарков, однако один из них всегда оказывается в долгу у другого. Дружественные союзы заключаются как среди оленных, так и среди приморских коряков, но большее значение имеет содружество оленного коряка с приморским, так как эти две части коряцкого народа не могли бы вовсе существовать без определенной системы обмена. Оленному коряку необходимы ремни из тюленьей кожи и целые шкуры морского зверя, ему нужен тюлений жир и хочется иногда полакомиться тюленьим мясом и рыбой. Приморскому же коряку необходимо оленье мясо и, в особенности, оленьи шкуры для одежды. С первым снегом, в октябре или ноябре, устанавливаются сношения обеих групп. Партии оленных коряков тотчас же выезжают в селения своих друзей на берегу, а те в свою очередь посещают оленных коряков в течение зимних месяцев. Хозяин обычно спрашивает своего приезжего друга, что ему нужно, информирует его о состоянии своих запасов и о том, сколько из них отложено для обмена. Впрочем, в этих случаях хозяин нередко преуменьшает количество. Часто гость просит что-нибудь особенно понравившееся ему в доме или кладовой друга и редко получает отказ.

Коряк вообще опасается пренебречь желаниями другого, потому что отказ может возбудить неудовольствие и гнев, а недоброежелательство другого, будь он шаман или нет, может привести к несчаст-

² Ibid. P. 37, fig. 4.

³ Ibid. P. 67.

⁴ Ibid. P. 71.

⁵ См. рис. 8 настоящего издания.

⁶ См.: Jochelson W. The Koryak... P. 314, № 114.

тию. Гость, со своей стороны, старается быть умеренным в своих желаниях, потому что если хозяину это неприятно и у него к гостю появится недоброе чувство, то полученная вещь не принесет счастья. Несмотря, однако, на все это, иногда неудовольствие и недоразумения возникают между друзьями из-за неравноценного обмена и услуг.

Дружба заключается и между женщинами, которые называют тогда друг друга *ñaul*. При обмене приморские женщины дают главным образом вышитые, украшенные принадлежности одежды, мешки из нерпичьей кожи, травяные корзины и украшенную обувь, а оленные женщины предлагают нитки из оленьих жил, оленьи шкуры и одежду.

Коряки распространяют свой обычай дружбы и на русских. Подарки последних состоят обыкновенно из чая, табака, печеного хлеба, сухарей, муки и других привозных товаров.

Приезжая в селение или стойбище, коряк останавливается в доме или яранге друга и, пока живет у него, пользуется столом как член семьи. Молодые парни кормят его собак и пасут его оленей. У приморских коряков ему отводится для постели место на помосте в передней части подвешенного жилища; у оленных коряков он ночует в пологе самого хозяина или в отдельном пологе. Прежде «друзей» встречали с огнем от очага, покровителя семьи, в знак дружеских чувств хозяина. Теперь приезжих приятелей, как и всех других посетителей, встречают приветствием: «*Eh, yéti*», что значит просто: «А, ты пришел». На что гость отвечает: «*Yéti*».

Ясно, что побратимство как общественный институт имеет прежде всего утилитарный базис. В нем есть, однако, и признаки общественной альтруистической тенденции. Так, сообщение о смерти члена семьи, которое родственники передают всем обитателям поселка или окружающих стойбищ, очевидно, является предупреждением опасности со стороны злых духов, вызванной смертью. Предупрежденные соседи принимают защитные меры.⁷

Как правило, материальная помощь оказывается людьми более состоятельными только родственникам. Однако во время голодовок продовольствие делится между всеми, без различия, нуждающимися жителями селения.

Если мы на минуту откинем влияние русских на общественную жизнь коряков, то, я думаю, можно утверждать, что у приморских коряков самостоятельное развитие общественных форм едва ли могло достичь той стадии, когда знать и народ стали бы резко дифференцированными наследственными классами. Храбрый воин и искусный охотник, стоявшие вообще выше масс, как защитники и кормильцы своих групп, теряли свое влиятельное положение в голодные годы, когда охота и рыбная ловля были неудачны. Но этого нельзя сказать о коряках оленных.

Сосредоточение богатств в виде больших стад в руках отдельных лиц и накопление этих богатств по наследству могли бы повести к социальной дифференциации и образованию аристократичес-

ких семей. В прежние времена владелец большого стада должен был быть не только хорошим пастухом, но и воином, способным защитить свои стада от нападений врагов. Вокруг него (как естественного защитника) собиралась группа прежде всего родственников, но также и соседей (*námtingin* — «сосед в стойбище»), имевших маленькие стада или совсем безоленных. Эти люди становились пастухами, подчиненными по положению, и получали от хозяина пищу и шкуру на одежду. Искусные пастухи получали в подарок от хозяина оленей. При дальнейшем развитии этих отношений богатые владельцы стад могли бы консолидироваться в наследственный правящий класс. Этому препятствовал лишь низкий уровень их оленеводства. Частые падежи оленей, перед которыми первобытные оленеводы как были, так и остались бессильными, внезапно превращали богатых хозяев в нищих.

Жизнь хозяев ничем не отличалась от жизни бедных пастухов. Последних не считали низшим классом. Хороший пастух мог надеяться не только жениться на дочери хозяина, как это делается и в настоящее время, но и получить часть его стада. В одном мифе⁸ рассказывается, что Великий Ворон передал своему зятю большую часть своего стада, так как тот оказался хорошим пастухом. В другом случае Великий Ворон дарит часть своего стада пастуху только потому, что он был верным работником.⁹

Коряки говорят, что в прежние времена богатые и сильные люди держали рабов. Их оставляли в доме, и они исполняли разные работы по домашнему хозяйству под присмотром женщин. Трудно установить, в какой степени были они собственностью победителей и можно ли их было покупать и продавать. По моему мнению, рабство как регулируемый институт едва ли в широком масштабе могло существовать у коряков. Коряки не доверяли своим пленным и обычно убивали их, опасаясь мести.

В этом отношении интересен миф, в котором говорится, что родители дали выходящей замуж дочери двух женщин — одну для стряпни, другую для шитья.¹⁰ Эти женщины, конечно, не могли быть наемными работницами в современном смысле слова, а были, очевидно, рабынями, с которыми их хозяева могли делать, что хотели.

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Я упоминал уже о задерживающем влиянии контакта с русскими на развитие общественных отношений коряков. Сравнительная безопасность, прекращение войн, снижение значений суеверий ослабили или вовсе устранили антисоциальную тенденцию к обособленности семей. Такие обычаи, как оберегание семейного очага от соприкосновения с предметами, принадлежащими другим семь-

⁸ Ibid. P. 269.

⁹ Ibid. P. 268.

¹⁰ Ibid. P. 209, № 52.

⁷ Ibid. P. 104.

ям, теперь под влиянием русских соблюдаются лишь частично или совсем оставлены.

Например, в селении Иткана семейный огонь нельзя переносить в другой дом только в то время, когда идет рыбный промысел, так как это может повлиять на удачу рыбака; в другое же время года это делать можно. Котлы и чайники переносятся из дома в дом в любое время.

В Куэле единственное время, когда огонь, а также бубен нельзя переносить в чужой дом, — зима, очевидно, потому, что огонь и бубен как покровители семьи особенно нужны зимой, когда злые духи чаще всего посещают человеческое жилище. Оленные коряки Тылхоя отказались от всяких запретов в отношении огня и бубна. А коряки Палпала не запрещают переносить в другой дом бубен, огонь же позволяют выносить только в жилище родственников. На Тайгоносе обыкновенный огонь переносить можно, а священный, добытый трением, запрещается.

Байдара в необрусевших селениях до сего времени составляет часть семейного культа и может принадлежать только одной семье.¹¹ Жертвенная трава и ольховые ветки, которыми обкладывают остов байдары, когда прячут ее на зиму, нельзя брать в чужой дом.¹² Весной, когда обтяжка из тюленьих шкур снова натягивается на остов и байдара готова к спуску на воду, владелец ее сжигает жертвенную траву и ветки на своем очаге.

Одновременно русское влияние помешало развитию некоторых общественных факторов или дало им новое направление. Вследствие установившейся безопасности пропала тенденция к заключению для защиты против врагов союзов между селениями, стойбищами и другими группами.

В заключительной главе я приведу исторические сведения о завоевании и окончательном покорении русскими коряков. Здесь же нужно сказать о современном общественном положении так называемых старост. Обязанности необрусевших коряков по отношению к русскому правительству заключаются в уплате дани, называемой ясаком, и в бесплатной перевозке русских чиновников. Прежде бесплатно перевозилась и почта, но недавно правительство назначило за это определенную плату. Чтобы заставить туземцев исполнять эти повинности, необходимо было назначить ответственных за это людей. С этой целью коряки были разделены на «роды». Это были чисто территориальные группы, не связанные общностью происхождения, которым искусственно было присвоено наименование «род». Например, какое-нибудь селение приморских коряков или группа оленных, кочующих в определенных границах, именовывались «родом». В настоящее время эти «роды» перестали даже быть территориальными группами, потому что с тех пор, как были составлены списки семей, принадлежавших к той или иной группе, многие семьи переселились в другие селения или перебрались в другую местность. Чиновники ошибочно приняли неоформленную общественную структуру коряков за вполне развитую социальную

организацию, аналогичную существующей у других сибирских народов (например, у якутов, тунгусов), где старейшины являются выборными от членов рода или занимают наследственное положение. Территориальные группы коряков состоят из семей, связанных кровными и брачными узами или экономическими отношениями, бедные и слабые являются вассалами богатых и сильных — эти связи лишь частью основаны на кровном родстве, и старосты, избираемые по указу русской администрации, не были естественными главами этих общин. Самый принцип представительства был принят очень поверхностно. У приморских коряков, например, собираются несколько стариков поселка, и, если кто-нибудь укажет человека с административными способностями, остальные его поддерживают. Результат этих выборов сообщается начальнику округа — или непосредственно, или через казаков. Начальник докладывает губернатору Приморской области, находящемуся во Владивостоке, который и утверждает старосту в его звании. Староста несет свои обязанности несколько лет, потом выходит в отставку. У оленных коряков эти так называемые выборы старост еще проще. Староста всегда один из самых богатых людей и выбирается по указанию стариков-владельцев стад, которые решают этот вопрос на своем собрании.

Староста собирает ясак и доставляет его по началству, наблюдает за поставкой собак семьями в своем районе, надзирает за людьми при проездах казаков или почты, посещениях чиновников, доктора или священника; он распределяет среди жителей селения плату за перевоз почты. Коряки, которые живут вдали от больших трактов, почту не возят и редко дают нарты с собаками или оленями для чиновников.

Старосты оленных коряков часто упрощают исполнение перечисленных обязанностей. Владеа большими стадами оленей, они дают своих животных для перевозки чиновников и часто выплачивают своей пушниной или оленьими шкурами ясак за всю группу. Тайгоносский староста, впрочем, требует сдачи ясака всеми членами группы.

Летом, когда сообщение с русскими прерывается, функции старост также сходят на нет, так как в других областях общественной жизни старосты никакого значения не имеют. Ссоры в семье не выходят за ее пределы, а трения между чужими так или иначе улаживаются самими заинтересованными сторонами без вмешательства какой-либо признанной власти.

Обычаи и религиозные запреты регулируют взаимоотношения отдельных лиц и семей. Часто мнение стариков производит моральное давление на поведение заинтересованных сторон; конечно, все это не исключает случаев насилия со стороны сильного. Вообще же смягчение нравов под влиянием близости русских, а может быть в известной мере и ослабление пульса первобытной жизненной энергии — сделали в последнее время насилие явлением редким.

Следует, мне кажется, допустить, что внедрение института старост не вовсе лишено значения. Все же, хотя и в незначительной мере, он знакомит с принципом представительства и отчасти вырабаты-

¹¹ Ibid. P. 41, 747.

¹² Ibid. P. 78; Plate VII, fig. 1.

вает авторитет представителей. В Иткане, например, староста, кроме уплаты ясака с «рода», закупает в казенных складах муку, порох и другие продукты и делит их между семьями, которые слепо верят в его беспристрастие.

Я договаривался сам с возчиками, когда нужно было перевезти мой личный груз или моих спутников. Но когда требовалось большое количество нарт, я всегда обращался к старосте поселка, и он направлял меня к людям, желающим наняться. О деталях я договаривался с каждым отдельно. Раз я нанял несколько байдар в Пенжинской губе и всю плату, состоящую из кирпичного чая, отдал старосте, который и распределил ее между владельцами байдар и гребцами. Однажды я видел, как староста селения Парень насильно взял у одного старика собак для перевозки казаков. Этот сварливый старик был недоволен выделенной ему старостой частью платы за перевозку почты и не хотел давать собак, которых по закону должен был дать даром; староста насильно отвязал двух собак из его упряжки и припряг их в одну из нарт. Конечно, он не мог бы сделать этого, если бы остальные жители поселка не были бы на его стороне. Часто старосты жаловались мне на непослушание людей. Староста оленных коряков полуострова Тайгонос, самая личность которого и богатство оленями делали его очень влиятельным человеком, выразил мне желание, чтобы царь позволил наказывать ленивых пастухов. Он уверял, что современная молодежь ничего не стоит. Это показывает, что сам этот староста видел источник своей власти в русском правительстве, а не в обычаях своего народа. Кстати сказать, русские законы, касающиеся туземцев Сибири, позволяют старостам налагать наказания за пустяшные проступки. Конечно, староста не знал этого, а если бы и знал, то не мог бы поступать по закону, так как это шло бы вразрез с обычаями коряков.

В вопросах потребления русское влияние направлено в сторону развития индивидуалистических тенденций и в ущерб тенденциям первобытно-коммунизма.

В преданиях идеальный охотник изображается так: он складывает всю свою добычу на берегу и приглашает жителей селения делить все между собой. Сам он сидит поодаль и наблюдает за дележом, довольствуясь лично для себя остатками.¹³ В настоящее время этому принципу следуют в известной мере при охоте на кита и на белуху.¹⁴ На дележ мяса приглашается все селение (в отношении белужьего промысла этот обычай соблюдается не везде). В отношении же продуктов охоты и рыболовства, я думаю, с самых отдаленных времен принцип труда существовал рядом с принципом коммунистическим, но в настоящее время принцип труда стал преобладающим. Как я уже говорил, не каждый приморский коряк является владельцем байдары. Для охоты на морского зверя на лодках нужно много участников; поэтому владельцы байдар охотно принимают услуги тех, кто байдары сам не имеет. Отношения этих помощни-

ков к владельцу складываются не как отношения наемных рабочих и хозяина, а как участников на равных правах. Добыча делится на равные доли. А время от времени владелец, чтобы привлечь больше охотников в свою лодку, берет себе меньше, чем ему полагается. Участники промысла, со своей стороны, доставляют свои гарпуны, а также шкуры и ремни для ремонта байдары. При промысле рыбы и тюленей сетями собственники их составляют группу из нескольких семей вокруг каждой сети, и улов делится поровну между всеми. Некоторые предпочитают охотиться и ловить рыбу самостоятельно. Помощь предлагается главным образом родственникам по крови и браку. Работников, нанятых за определенную годовую плату, можно найти только в обрусевших селениях. Люди, отработывающие невест, занимают положение свободных работников, но если им приходится содержать престарелых родителей, то им выделяется часть продуктов охоты и рыбной ловли. При наблюдении обмена с торговцами становится очевидным, что право собственности охотника на пушнину выражено более определенно, чем в отношении предметов потребления. Охотник распоряжается шкурами и мехами убитых им животных более независимо, чем рыболов рыбой, которую он поймал, и часто меняет пушнину на предметы, нужные лично ему.

Положение пастухов у оленеводов-владельцев теперь по существу такое же, как и прежде; но если пастух живет со своей семьей в отдельной яранге, он часто заранее договаривается о числе оленей, которое он получит на убой в течение года.

Русское влияние сказалось также в стремлении больших семей делиться на меньшие. Коряки говорят, что в прежние времена дома были обширнее, все родственники — до сорока человек и более, жили в одном жилище. Теперь же в домах приморских коряков я никогда не видел больше пятнадцати человек. У оленных же я встретил двадцать пять человек в одной яранге, тринадцать из которых были пастухами со своими семьями. Кроме того, сестры и дочери хозяина вышли замуж в другие семьи, что стало теперь обычным явлением, тогда как прежде семьи, породнившиеся по браку, часто жили вместе. В данном случае старший брат со своей семьей и стадами выделялся из группы, что прежде бывало очень редко. Но теперь я часто встречал двоюродных и даже родных братьев, которые жили отдельно. В связи с разделами братьев установился обычай наследования младшими. Мать, престарелый отец и незамужние сестры остаются с младшим братом, которому передается дом, все семейные охранители и амулеты, а также байдара. Олени остающихся с ним членов семьи находятся под его надзором.

КРОВНАЯ МЕСТЬ

Теперь, по-видимому, не бывает кровной мести. Это один из позднейших результатов русского влияния; в архивах имеются донесения окружных властей областной администрации о случаях кровной мести в очень недавнее время. Впрочем, ис-

¹³ Ibid. P. 275, № 94.

¹⁴ Ibid. P. 66.

чезновение этого обычая следует приписать исключительно культурному влиянию русских нравов, а отнюдь не соблюдению русских законов.

Правительство бессильно заставить уважать русские законы в тундре. В отдаленных местностях за пределами удобных путей сообщения с русскими селениями, вероятно, еще случаются убийства из мести за пролитую кровь или оскорбление.

У коряков, как и у всех первобытных народов, кровная месть является реакцией на незаконное насилие. В известных пределах цель достигалась, но как только совершалось одно убийство, за ним следовала серия других, и иногда вражда двух семейных групп поддерживалась целым рядом поколений.

Обязанность мстить за убийство родственника выпадала на долю мужчин, членов единокровной группы. По словам коряков, ближайшими мстителями были братья, потом следовали двоюродные братья, племянники и более отдаленные родственники по отцовской и материнской линии. При отсутствии братьев их место заступал отец или дядя, если им не мешал преклонный возраст. Вообще же месть за кровь у коряков считалась долгом не отдельных лиц, а всех кровных родных. Единокровная группа, состоящая из одной или нескольких семей, была сообща ответственна за убийство, совершенное одним из ее членов, и в силу этого может рассматриваться как одно юридическое лицо. Мы знаем, что старики часто старались остановить распространение кровной мести. Для этого прибегали к выкупу. Оленные коряки давали оленей семье убитого, у приморских же выкуп состоял из шкур, вышитой одежды, оружия и других вещей.

В одном из своих отчетов губернатору в 1885 году гижигинский окружной начальник говорит об убийстве, случившемся на ярмарке в Палпале. Родственники убийцы начали переговоры с родными убитого относительно выкупа, но когда последние оказались слишком требовательными, то первые прервали все переговоры и поспешно под покровом ночи в сопровождении всех дальних родственников откочевали на север, предоставив этим, согласно обычаю, свободу действий семье убитого. Дальше в отчете говорится, что на другой день семья убитого отправилась в погоню за обидчиками. Этим кончаются все сведения отчета по этому делу.

Кровная месть коряков не настаивала на наказании самого обидчика. Кто-нибудь из его родных или даже несколько человек могут погибнуть вместо него, соблюдался лишь принцип кровь за кровь. Такое толкование обычая мести подтверждается обстоятельствами, при которых иногда происходит примирение семей виновного и пострадавшего. Семья первого уступает второй юношу в качестве зятя или девушку в качестве невестки. Смысл такого способа примирения заключается, очевидно, не в уступке члена семьи для замены погибшего, а в том, что этими браками устанавливаются узы свойства между враждующими семьями, а следовательно, и кровная месть становится ненужной, потому что за убийство родственника никакой компенсации не требуется. Убийство в семье — про-

литие собственной крови, и месть в этом случае привела бы к бесконечному кровопролитию. Мне говорили, что прежде убийство порочных и жестоких людей оставалось безнаказанным. Даже если чужие убивали члена данной группы, поведение которого было антиобщественным или как-нибудь иначе предосудительным, его родные не требовали за него никакой компенсации.

Бывали случаи, когда родственники убийцы выдавали его мстителю, чтобы самим избежать мести. На полуострове Тайгонос я встретил коряка по имени *Xotito*, отец которого пришел сюда с реки Оклан. Брат его отца убил в ссоре богатого и влиятельного коряка; отец, чтобы предотвратить месть семьи убитого, собственноручно убил виновного. Но даже после этого он не чувствовал себя в безопасности и наконец перекочевал с семьей и стадами на Тайгонос. На том же Тайгоносе я встретил другого беглеца с реки Апуки, который убил своего друга-пастуха. Бегство его было удачно, потому что родные убитого были люди бедные и преследовать его так далеко не могли. Это убийство осталось неотомщенным.

Случай, рассказываемые в некоторых мифах, интересны в том отношении, что в них показано, как и в древности старики старались обузывать вражду между младшими. Так, рассказывают, что Великий Ворон скрыл от своего сына, что их родные были убиты соседним чукчей, боясь, что это поведет к мести.¹⁵ Сын, узнав правду, идет ночью к соседу, находит его старшего сына спящим и отрубает ему голову. На другой день чукчи приходят к дому Великого Ворона и говорят: «Ты не научил своего сына не убивать людей. Теперь выходите, мы убьем вас всех». Услышав это, Великий Ворон повернулся к своему старшему сыну и сказал: «Ты не подумал обо мне. Выходи один. Пусть они убьют тебя первым, тогда, быть может, они пощадят других».

В другом мифе¹⁶ старший сын Великого Ворона *Etémqut*, чтобы жить в мире со своими соседями *katak'*ами, велит своему младшему брату «Великому Свету» вернуть к жизни девушку *katak'*ов, которую тот убил.

Ужасный случай кровавой мести рассказан в донесении окружного начальника губернатору от 31 декабря 1882 года.¹⁷ Один олиторский коряк убил другого при дележе добычи после охоты на тюленей. С помощью родственников и друзей убийца сумел принять тщательные меры предосторожности, чтобы обезопасить себя, и все попытки его врагов отомстить терпели несколько раз неудачу. Наконец, родным убитого удалось подкрасться в темноте к дому убийцы. Они забаррикадировали вход и подожгли дом. Вся семья преступника и одна чужая женщина погибли в пламени. Коряки не сочли этот поступок чрезмерно жестоким. Только родные чужеродной женщины сочли себя вправе мстить и потребовали выкупа.

Во время войны победители убивали детей побежденных, чтобы предотвратить мщение. В одном

¹⁵ Ibid. P. 137, № 6.

¹⁶ Ibid. P. 239.

¹⁷ Архив Гижигинского округа. 1882. № 404.

из уже упоминавшихся мифов *Emémqut*, уничтожив чукотских воинов, говорит своему народу: «Пойдем в их лагерь и перебьем их женщин и детей. Если мы оставим жить детей убитых, они могут пойти на нас войной, когда вырастут».¹⁸

Коряки очень злопамятны и стараются отомстить за всякую обиду. На корякской ярмарке на Палпале я был свидетелем драки, которую считаю очень характерной. На третий день ярмарки были оленьи бега и разные другие состязания. Среди состязающихся были два молодых коряка с Апуки — *Ainqo* и *Xataučņin*. Первый был старше и слабее, но сумел ловким приемом повалить своего соперника. *Xataučņin* скоро взял верх над *Ainqo*, но поединок был объявлен безрезультатным. Вечером того же дня *Xataučņin* спокойно подошел к *Ainqo* и ударил его. Последовала драка, в которой *Xataučņin* опять взял верх. Никто не вмешивался. Внезапно *Ainqo*, лицо которого все было избито, перестал защищаться и опустился на корточки. *Xataučņin* продолжал бить его по голове, а *Ainqo* беспомощно сидел с опущенной головой и залитым кровью лицом. Так побежденный коряк выражает свою покорность и просит пощадить его жизнь. *Xataučņin* бесновался, как дикий зверь, и, вероятно, убил бы *Ainqo*, если бы не вмешались старшие. Так как на следующий день ожидалось прибытие на ярмарку родных *Ainqo*, то старики заставили *Xataučņin*'а уехать в тот же вечер во избежание дальнейшего побоища. Перед отъездом *Xataučņin*'а я пригласил его на стакан чая в свою палатку и спросил о причине драки. Оказалось, что его вражда к *Ainqo* длилась уже давно. Когда он был еще мальчиком, *Ainqo*, старший, обыкновенно бил его. Их отцы тоже ссорились. Незадолго до ярмарки *Ainqo* отнял силой двух оленей у брата *Xataučņin*'а. По дороге на ярмарку *Xataučņin* зашел в ярангу *Ainqo*, надел его новые торбаза, которые сушились снаружи, а ему оставил свои старые. *Ainqo* ничего не сказал, но *Xataučņin* окончательно решил свести с ним счеты на ярмарке. Нерешенное состязание в силе, из которого *Xataučņin* был уверен выйти победителем, дало только лишний толчок его намерениям. Подобные схватки кончаются иногда очень печально.

ТОРГОВЛЯ

Я уже говорил о характере обмена и меновых связей у коряков в прошлом. Теперь я приведу суммарные данные о ввозе товаров в эту страну и вывозе их из нее за 1899 год. Сведения эти получены мною от самих торговцев, которых в то время здесь было четыре. Три торговых заведения были в Гижиге и четвертое — в бухте Корфа. Зимой эти фирмы посылают своих приказчиков с товарами по селениям и кочевьям коряков, или сами приказчики устраивают туда свои торговые поездки. Некоторые русские и коряки берут у купцов товары в кредит и торгуют самостоятельно внутри страны.

В 1899 году импорт, высчитанный по продажным ценам вышеупомянутых фирм, равнялся 47 000 рублей.

Состоял он из американских, китайских, японских и русских товаров. Американские — пшеничная мука, сухари, дрель и топоры — на 5833 рубля. Китайские — чай, большею частью кирпичный и немного байхового, — на 12 489 рублей. Единственный товар из Японии — рис — на 140 рублей. Остальная сумма (29 000) рублей падает на долю русских товаров.

Первое место среди русских товаров занимает табак (9710 рублей); второе — мануфактура: колленкор, бумазая, сукно, шарфы, прядево и бечева для сетей (6503 рубля); третье — сахар (5258 рублей); четвертое — железные и медные изделия (4317 рублей). Остальные, почти 3500 рублей, идут на украшения, спички, свечи и предметы роскоши, такие как масло, мыло, готовое платье, сладости, керосин и другие вещи, употребляемые самими русскими.

К общему итогу импорта следует прибавить товары, проданные из казенного склада, — мука, рис, весовое железо, порох и свинец, что дает в год около 10 000 рублей. Некоторую сумму надо еще добавить на контрабандную торговлю спиртом, продажа которого запрещена.

Меновой торг в небольших размерах ведется коряками с американскими китобоями в Пенжинской губе и на побережье Берингова моря.

ЭКСПОРТ

В 1899 году из Гижиги и бухты Корфа были вывезены следующие товары.

Наименование	Количество шкурок	Общая стоимость в рублях	Средняя цена
Соболь	85	1825	21 руб. 47 коп.
Красная лисица	1743	8460	4 руб. 86 коп.
Серая лисица (сиводушка)	122	1524	12 руб. 49 коп.
Белый песец (щенки)	332	347	1 руб. 04 коп.
Взрослый белый песец	525	1535	2 руб. 92 коп.
Голубой песец	4	48	12 руб.
Лисьи лапки	1350	338	21 коп.
Белка	28230	5635	20 коп.
Беличьи хвосты	2.5 кг	18	3 руб.
Медведь бурый	380	4848	12 руб. 76 коп.
Медведь белый	4	200	50 руб.
Волк	120	576	4 руб. 60 коп.
Выдра	14	150	10 руб. 71 коп.
Бобер ¹⁹	69	957	13 руб. 90 коп.

¹⁹ В Северо-Восточной Сибири бобров нет. Экспортируемые бобры (*Castor Canadensis*) происхождения американского. Чукчи Берингова пролива выменивают их у американских эскимосов и продают русским купцам Колымской, Анадырской и Гижигинской округ.

¹⁸ См.: *Jochelson W. The Koryak... P. 138.*

Продолжение таблицы

Наименование	Количество шкурок	Общая стоимость в рублях	Средняя цена
Горностай	124	24	19 коп.
Сурок	105	78	74 коп.
Весенний теленок (выпорток)	1810	7694	42 коп.
Осенний теленок (пыжик)	10520	15370	1 руб. 46 коп.
Летний теленок (недоросль)	1350	930	69 коп.
Зимние шкуры взрослых оленей	650	456	70 коп.
Выделанные шкуры взрослых оленей	1555	1555	1 руб.
Шкуры с оленьих ног (камусы)	3000	150	5 коп.
Ковры из оленьих шкур	10 штук	140	14 руб.
Кухлянки из оленьего меха	76	650	8 руб. 55 коп.
Кухлянки из оленьей кожи	41	123	3 руб.
Рукавицы из оленьей кожи	22 пары	22	1 руб.
Торбаза из оленьей шкуры	254	708	2 руб. 09 коп.
Нерпа	98	147	1 руб. 50 коп.
Нерпичьи ремни	3045 м	145	10 коп.
Китовый ус	1.3 т	328	4 руб.
Моржовые клыки	4 ц	620	4 руб. 80 коп.
Мамонтовая кость	4 ц	500	20 руб.

56831 руб.

Ярмарки. Как я уже сказал, приказчики фирм и мелкие торговцы объезжают селения и стойбища коряков, но только в двух местах бывают настоящие ярмарки. Обе происходят на Палпале — в местностях, отстоящих друг от друга на расстоянии одного дня пути. Одна из них, южная, известна как Корьякская ярмарка, а другая — как Чукотская, в соответствии с численным преобладанием на ней чукок с Палпала. Обе ярмарки бывают в марте, чукотская сначала, а корьякская сейчас же после нее. Место выбирается не всегда одно и то же и определяется кочевыми коряками с Палпала, которые сообразуются с удобством для оленеводов и извещают участников ярмарки о месте, пока они еще в дороге. Обе ярмарки посещаются одними и теми же агентами фирм и мелкими торговцами; продолжается ярмарка от трех до пяти дней. Среди торгующих всегда можно встретить кузнецов с западного берега Пенжинской губы, привозящих свои железные изделия. Покупатели на обеих ярмарках разные. Эти ярмарки устраиваются специально для кочевников Палпала, которые кочуют со своими стадами далеко от больших дорог. Другими видными участниками ярмарок являются северо-восточные приморские коряки с рек Пахачи и Апуки, а также и кереки. Ярмарки эти не очень многолюдны, собирается на

них от двух до четырех сотен человек, а оборот достигает пяти тысяч рублей. На ярмарках присутствует гижигинский чиновник, сопровождаемый тремя или четырьмя казаками, которые собирают ясак с палпалских коряков и поддерживают порядок; хотя на самом деле казаки совершенно не в состоянии этого сделать, если сами коряки им не помогут. Русская администрация запрещает торговцам открывать ярмарку, пока не собран ясак с палпалских старост.

Я был на одной из этих ярмарок — на корьякской. Она проходила в долине реки *Var̄netat*. Оленные коряки остановились на открытой безлесной равнине на берегу реки и поставили большую общую ярангу,²⁰ а две чукотские семьи жили особняком, в отдельных ярангах. Недалеко от большой яранги устроились русские торговцы, выставив свои товары на нартах и ящиках. Двое русских имели брезентовые палатки, в которых они спали, укутанные в меха. На противоположном берегу видны были приморские коряки с Пенжинской губы и с Берингова моря. Там горели многочисленные огни, на которых кипятили чай и варили оленину и вокруг которых коряки спали ночью под открытым небом. По ночам температура падала до -35°C . Разбросанные кругом тополевы и осиновы ветки служили топливом. Около костров стояли нарты приморских коряков, на которых горой лежали мешки с товарами и другие вещи. Собаки были привязаны к деревьям, чтобы они не бросались на оленей, бродивших на другом берегу около яранг оленных коряков. Рано утром коряки переходили реку и направлялись к оленеводам и к русским купцам, а потом возвращались назад в свой лагерь. Шкуры лисиц и другого зверя извлекались из-за пазухи или приносились связками и предлагались купцам в обмен на товары. Купцы торгуют ножами и копьями. В течение первых двух дней оленные коряки приносили жертвы оленями хозяину места и другим божествам.²¹ В последний день, когда лагерь опустел, остались только кучи рогов убитых оленей и следы многочисленных костров.

Единицы мер и цены. Средние цены, приведенные мной в перечне экспортных товаров, — это цены, по которым местные купцы сдают свои товары торговым фирмам во Владивостоке. Действительная же стоимость товаров для торговцев определяется ценой предметов, даваемых в обмен; а эта цена сильно колеблется, как мы увидим ниже. Когда мелкие торговцы продают меха за наличные, то меха ценятся приблизительно так, как указано в перечне. Так, например, красная лисица стоит 4—5 рублей, а сиводушка 12—13 рублей. Белка, меновая единица тунгусов, считается по 20 копеек штука, шкура оленя 1 рубль, выделанная шкура взрослого оленя 1 рубль 50 копеек и т. д. Коряки, приезжающие зимой в Гижигу, продают пушнину тоже за наличные, чтобы уплатить ясак и сделать закупки на казенном складе. Как правило, однако, торговля существует в форме обмена, и оценка торговцами ввозных

²⁰ См. рис. 8 настоящего издания.

²¹ См.: *Jochelson W. The Koryak... P. 96.*

товаров зависит от местности, где происходит обмен. Чем она дальше от Гижиги, тем цена выше. Например, кирпич чая, самая ходовая меновая единица, весом 0.7 кг стóит в Гижиге 50 копеек, но чем дальше отъезжать от Гижиги, тем цена все дороже и доходит до 2 рублей. Во Владивостоке в то же время, когда я был там, кирпич чая стоил 30 копеек. Другая важная меновая единица — папуша листового табаку, весящая около килограмма, идущая в Гижиге за 60 копеек, также доходит ценой до 2 рублей. Кроме этого, торговцы прибегают к мошенничеству. Например, на китайских чайных плантациях по их заказу специально делаются легковесные кирпичи, распаковывают папуши табака и из двух делают три или пропитывают табачные стебли водой, увеличивая таким образом вес свертка. Железные и медные изделия продаются на вес и ценятся: железо от 30 копеек до 1 рубля, медь от 50 копеек до 2 рублей за фунт. В результате этой системы расценки товаров получается, что в одном месте можно достать оленью шкуру за один кирпич чая, а в другом за четыре.

За пять аршин коленкора на рубашку можно получить одну или две оленьих шкуры. Некоторые торговцы-казаки, пользуясь пристрастием оленных коряков к ярким цветам, делают маленькие деревянные ящички, раскрашивают их или обтягивают красной материей и выменивают на лисьи и другие меха. Конечно, на эту удочку попадают только оленные коряки отдаленных местностей. Женщины же выменивают оленьи шкуры, тюленьи мешки, небольшие ковры и другие вещи на стеклянные бусы и бисер, серьги, браслеты, медные пуговицы и другие украшения. Сахар — один из наиболее ходовых предметов обмена, следующий по значимости после чая и табака. Зимой коряки запасают оленьи языки и весной отдают их торговцам в обмен на сахар, по языку за каждый кусок.

Многие оленные коряки, а также мелкие торговцы из приморских коряков пользуются кредитом у купцов и сводят свои счета раз в полгода или в год пушшиной или оленьими шкурами. Вообще же торговля в кредит гораздо реже встречается у коряков, чем у тунгусов и якутов.

Несмотря, однако, на меновой характер их торговли, коряки даже самых отдаленных районов знакомы с русскими деньгами. В местах, ближайших к русским селениям, коряки при торговых операциях, а также как плату за услуги предпочитают деньги товарам, потому что на них они могут делать покупки в казенных складах.

Любопытно, что русская денежная единица — рубль — называется у коряков *polou'nto* — «железо»; бумажный рубль — *kelitul polou'nto*, т. е. «раскрашенное железо»; а серебряный рубль и вообще само серебро называется *ηηη-polou'nto* — «находящееся в обращении железо».

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

В нескольких главах я уже говорил о средствах транспорта. Что же касается дорог, то их нет в местностях, где кочуют оленные коряки со своими стадами. В своих передвижениях они идут по

течению рек и ручьев. Из речных долин они выбираются на безлесные пастбища тундр или переваливают горные хребты в другие долины.

Приморские коряки в своих зимних поездках на собаках придерживаются определенных трактов. Из Итканы один тракт ведет в Гижигу, другой — в Парень. Из Гижиги идет дорога через Парень, Куэл, Микино и Шестаково (*Egač*) на Каменское. Между Шестаковым и Каменским ответвляется тракт к северу мимо селения Пенжино в Марково на Анадыре. Из Каменского один тракт идет на Палпал, а другой — в Таловку. Из Таловки один путь идет через Рекинники на Камчатку, а другой — через Ветвей на Хаилино. Из Хаилино одна дорога идет на реку Адуку, а другая через Вывнуки на Камчатку. Вдоль почти всех этих путей идет и официальный маршрут, по которому перевозится почта. Из Гижиги почта посылается в три адреса туда и обратно: в Якутск через Охотск, в Петропавловск через Каменское и в Марково на Анадыре через Шестаково и русское селение Пенжино. Три раза в год почта идет из Гижиги в каждый из этих трех пунктов и столько же раз получается обратная почта в Гижигу. Почта посылается в ноябре, январе и апреле обыкновенно на двух-трех нартах, на одной из которых сидит казак-почтальон. Перевозится почта обычно на собаках, но через Паранольский Дол на Северную Камчатку ее часто перевозят и местные коряки на оленях. Собаки меняются в каждом русском или корякском селении, лежащем на пути. Несколько времени тому назад жители селений были обязаны перевозить почту даром, но недавно правительство установило определенную плату — по три копейки с версты за каждую нарту. Староста каждого селения собирает у жителей собак, получает казенную плату и распределяет ее между населением. За своим жалованием старосты ездят в Гижигу или получают его от начальника округа или его помощника, когда они объезжают всю округу. Расстояние от Гижиги до Якутска исчисляется в 2975 верст, от Гижиги до Петропавловска — 2061 верста и до Марково на Анадыре — 700 верст.

Летом сообщение Гижиги с внутренней частью района почти совершенно прекращается. До соседних селений или стойбищ добираются пешком; приморские коряки пользуются вдобавок кожаными байдарками. До 1900 года к устью Гижиги приходил летом один правительственный пароход из Владивостока, не считая двух торговых пароходов. Правительство нанимало один из пароходов Добровольного флота. В 1900 году правительство вошло в соглашение с пароходным обществом Восточнокитайской железной дороги, по которому в северные воды до устья Анадыря должно было делаться четыре рейса. Все пароходы должны были заходить в устье реки Гижиги, а второй, кроме того, и в залив Корфа. В период 1900—1902 годов рейсы эти делались регулярно, но с началом Японской войны они прекратились совершенно, и я не знаю, на каких условиях они возобновились после заключения мира.

От Охотска на юг до Амура и Владивостока нет прямого зимнего пути. Это почти исключает всякое зимнее сообщение между Гижигой, Марковым, Пет-

Рис. 175. Игра в ворона.

ропавловском и Владивостоком, где находится резиденция губернатора, которому подчинены Гижигинская, Анадырская, Камчатская округа. Единственное возможное сообщение идет через Иркутск, Якутск и Охотск, и, таким образом, извещение от губернатора начальнику округа в Петропавловске, посланное, например, осенью, доходит по назначению только весной.

БЕГА И ИГРЫ

Оленьи и собачьи бега, а также состязания в ходьбе — излюбленные развлечения коряков. Как я уже отмечал, оленьи бега у оленных коряков в

отличие от собачьих бегов и состязаний в ходьбе имеют отношение к религии. Оленьи бега на приз или без него устраиваются очень часто; собачьи, напротив, происходят редко; а соревнования в ходьбе одинаково популярны и среди оленных, и среди приморских коряков.

На рис. 84 представлены состязания в ходьбе у оленных коряков, проходившие на реке Тополовка в конце зимы. На старте соревнующиеся выстроились в поперечную линию, которая растягивалась в длину по мере того, как более сильные постепенно уходили вперед. Соревнующиеся прошли расстояние примерно в две мили до отметки и вернулись обратно к месту старта, где пришедший первым сорвал с воткну-

Рис. 176. Игра в дом.

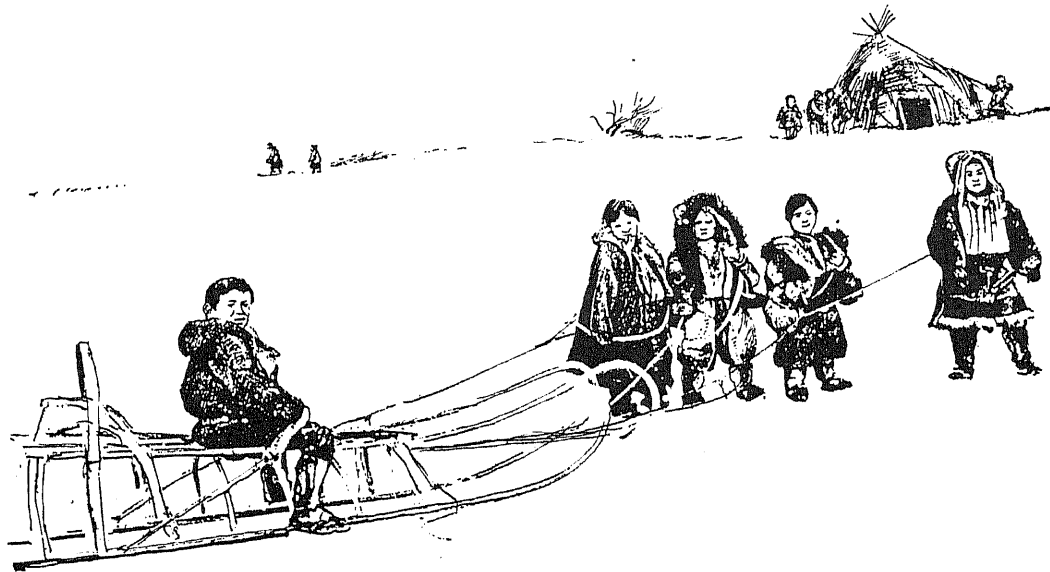

Рис. 177. Дети и нарты.

того в снег шеста пачку табака. Участники соревнования уделяют внимание не только скорости движения, но стараются также делать шаги подлиннее, почти прыгая и вытаскивая ноги из мягкого снега.

Я наблюдал, кроме того, другие игры, в некоторые из которых играли взрослые, а в другие — дети. Игра в ворона (*we'we-či'titkin*) показана на рис. 175, где можно видеть ворона-мать и стоящих за ней молодых воронят. Ворон, стоящий лицом к ворону-матери, старается схватить и съесть воронят, а мать изо всех сил старается не допустить этого. Несмотря на все ее старания, ворон хватается воронят одного за другим и перетаскивает их на свою сторону. В эту игру вперемешку принимают участие и мужчины, и женщины. В других играх мужчины и женщины делятся на две противостоящие друг другу группы. Так, например, происходит в игре «игровой дом», или *koуayaceлaпin* (рис. 176). Мужчины берутся за руки и образуют внутренний круг — «дом», а женщины, окружив их со всех сторон, стараются разрушить дом, разнимая руки мужчин. Происходит настоящее сражение: женщины от пинков мужчин разлетаются во все стороны, многие падают на землю, но поднимаются и снова принимаются за свое с новой энергией. Если женщин больше, чем мужчин, им всегда удается разрушить дом.

Вариант игры в ворона — игра *wita'yočпin* («[мешок] наполненный мхом»). Играющие садятся в ряд на землю, каждый между ног сидящего за ним. Первый в ряду представляет мать, остальные — дети. Подходит *Ka'la* (людоед), приговаривая: «Дай мне ребенка, на что он тебе». — «Это не дети, а мешки с мхом», — отвечает мать. — «Пусть так», — говорит *Ka'la* и хватается самого последнего в ряду ребенка. Так продолжается, пока он не схватит одного за другим всех детей; но когда он добирается до матери, она убивает его и забирает обратно всех детей. Представление

детей «мешками, наполненными мхом», напоминает эпизод корякско-эскимосских сказок, где люди спасаются от людоеда бегством, оставив ему взамен свою одежду, набитую мхом.²²

В игре в сурка участники, взявшись за руки, образуют круг, а двое других представляют собак, преследующих сурка, который все время то забегает в круг, то выскакивает из него.

Очень популярна игра или, скорее, физическое упражнение, состоящее в беге по кругу. И в поселках приморских коряков, и в стойбищах оленеводов, когда все дневные дела переделаны и ждут ужина, можно увидеть молодежь, бегающую по кругу; старики же сидят на снегу неподалеку от игроков. Для бега в снегу утрамбовывается круг. Эти игры прекращаются с наступлением весны, когда отступают морозы.

Организуются, помимо бегов, и другие состязания. Перед схваткой молодые мужчины обнажаются до пояса и растираются снегом. Различные виды борьбы показаны в скульптуре на рис. 117 и 118. У оленных коряков распространенная форма состязания — прыжки через оленя. Игра в мяч у коряков столь же популярна, как и у чукоч.²³ В старые времена коряки, как и эскимосы, прежде чем принять незнакомцев, устраивали с ними игру в мяч.²⁴ Малыши играют с куклами, такими как на рис. 133, с вырезанными из дерева и кости фигурками животных, с игрушечными лодками, бубнами, домами. Дети постарше играют в езду на собаках и оленях. Одни надевают на себя упряжь, другие садятся на нарты (рис. 177). Состязаются дети и в беге, и в борьбе, как взрослые.

²² Ibid. P. 181, 212, 331, 364, 365.

²³ Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Publications of the Jesup North Pacific Expedition // Memoirs of the American Museum of Natural History. New York, 1904. Vol. VII. Part I. P. 271.

²⁴ Jochelson W. The Koryak... P. 129, 163.

Излюбленная игра мальчиков у оленных коряков такова. К воткнутому наклонно в снег шесту привязывается длинный ремень, к нижнему концу которого прикрепляется кусок дерева или кости. Ремень раскачивается, а игроки стараются накинуть на цель лассо. Так дети овладевают искусством владения лассо, которое вскоре понадобится им, чтобы ловить бегущих оленей (см. рис. 9). Тот же характер носят соревнования мальчиков по стрельбе в цель, в которых используются игрушечные луки. Мишенью служит подвешенная к палке старая рукавица.

Среди других игрушек следует упомянуть волчок. Существует еще игра типа серсо, называемая *охха'ltin*, в которой полый в середине кусочек дерева подбрасывается и ловится на палочку с

перекладиной. Подобная игра, называемая *o'kkal*, есть и у чукчей.²⁵

Театрализованные пляски детей и взрослых, представляющие собой имитацию движений животных и издаваемых ими звуков, одинаковы у чукчей и коряков.²⁶ На рис. 176 показан танец оленных коряков, который я видел на полуострове Тайгонос. Мужчины и женщины выстраиваются в ряд, лицом друг к другу, и поочередно воспроизводят в подражание тюленям гортанный звук, переступают ногами на одном месте, сгибая и разгибая колени и поводя плечами.

²⁵ *Bogoras W. The Chukchee...* P. 272.

²⁶ *Ibid.* P. 268.

XIV. ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОРЯКОВ С РУССКИМИ, АМЕРИКАНЦАМИ И СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ¹

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ КОРЯКОВ С РУССКИМИ

В 1632 году русские завоеватели Сибири осели на реке Лене и выстроили укрепленный город Якутск, который служил им центральной базой для дальнейших походов. В результате этих походов русские с течением времени достигли Охотского и Берингова морей на востоке, Ледовитого океана на севере и реки Амур на юге.

При своем продвижении на восток русские встретили коряков. В 1636 году до Якутска начали доходить слухи об изобилии пушнины в Охотском крае, и в 1639 году отряд под командованием казака Москвитина пошел вверх по реке Алдану, его притоку Мае, притоку Май — Юдоме и, перейдя Становой хребет, дошел до верхнего течения реки Ульи, следуя по которой он достиг Охотского моря. В следующем году часть этого отряда продвинулась по побережью до Тауйска, который лежит милях в четырехстах к северо-востоку от устья реки Ульи. Здесь русские первый раз встретили коряков, но завоевания края тотчас вслед за этим не последовало. На южных берегах Охотского моря русским пришлось сломить яростное сопротивление тунгусов, неоднократно нападавших на укрепленный острог, выстроенный в 1644 году в устье реки Охоты, который теперь превратился в город Охотск. В других местах тунгусы вовсе истребили отряды русских.

Сухопутная дорога от Охотска до устья Гижиги шла через Тауйск, Ямск, Таватум и другие селения коряков. На этом пути, шедшем по узкой береговой полосе между Становым хребтом и Охотским морем, русские встретили сильное и продолжитель-

ное сопротивление приморских коряков Охотского побережья. Временами русским удавалось захватить селение или поселок и заставить коряков платить дань, но до 1712 года коряки между Тауйском и рекой Пенжиной решительно отказывались признать русское владычество. В течение этого года отряд под начальством казака Гуторова продвинулся по берегу до устья реки Иглылан² после безуспешной попытки достичь Камчатки от Охотска морем.³ Здесь, по донесениям казаков, они нашли коряков, собравшихся из нескольких селений; произошел горячий бой.⁴ Семьдесят взрослых коряков и двести юношей и детей было убито. Но Гуторов не смог идти дальше на север вследствие отказа тунгусов следовать за ним. Из официальных донесений видно, что между 1730 и 1750 годами, т. е. после экспедиции Павлуцкого, о которой будет сказано позднее, все Охотское побережье было еще в руках коряков, и Охотск мог сообщаться с Анадырем только через Камчатку. Сопротивление коряков окончилось, и некоторые их группы начали добровольно платить ясак не раньше 1757 года, когда был выстроен острог в устье реки Гижиги и после того, как Анадырский острог был оставлен русскими в 1764 году.

Большая часть военных действий против коряков предпринимались начальниками Анадырского острога, а не администрацией Охотска.

В своем продвижении на северо-восток от Якутска русские дошли до реки Колымы, где в 1644 году казак Стадужин основал селение Нижнеколымск. Оттуда русские пошли дальше на восток, и в 1649 году был основан Анадырский острог на реке того же имени казаком Дежневым, который проплыл на лодках от устья Колымы через Берингов пролив к устью Анадыря.

Крепость эта сыграла крупную роль в завоевании русскими северо-востока Сибири. Имея базой Анадырский острог, они предпринимали отсюда военные походы, приведшие к покорению коряков и позднее — камчадалов.

² Это, должно быть, река севернее Ямска.

³ Для этого казаки сделали плот из лодок, но сильные ветры помешали им выйти в открытое море.

⁴ В русских донесениях говорится о «ружейном и лучном бое», что означает употребление в сражении огнестрельного оружия и луков в отличие от «лучного боя», когда единственным оружием были лук и стрелы.

¹ Исторический очерк, данный в настоящей главе, основан на сведениях, собранных автором в гижигинских архивах, уже цитированных трудах Крашенинникова, Словцова, Майделя, Слюнина и других, а также на следующих источниках: Фишер Т. Е. Сибирская история. СПб., 1744. Ч. 1, 2; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Ч. IV; Андриевич В. К. 1) История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1, 2; 2) Исторический очерк Сибири по данным, представленным Полным Собранием Законов. СПб., 1887; Щеголов И. В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. Иркутск, 1883; Семивский Н. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, и чего многое до ныне не было всем известно. СПб., 1817; Приклонский В. Л. Библиография Сибири. Иркутск, 1893; Соловьев С. М. Русская история. СПб., [В. г.]. Т. I—XXI.

Характеристика и толкование исторических фактов принадлежат автору.

На Анадыре русским пришлось иметь дело с чукчами, покорение которых не обошлось без жестокой борьбы. Русские редко знали местонахождение подвижных чукотских стойбищ, и отыскивавшие их в открытой тундре сравнительно незначительные отряды русских всегда подвергались риску быть окруженными многочисленным врагом; к тому же странствование по пустынным полярным тундрам представляло для русских огромные трудности. Кроме того, отдельные группы кочевников предпочитали погибнуть сами и умертвить своих жен и детей, чем платить дань или давать заложников («аманатов»), которых русские всегда требовали от покоряемых сибирских народов как гарантию их покорности. Наконец, после безрезультатной и требовавшей больших расходов борьбы, продолжавшейся больше столетия, русское правительство отбросило мысли о покорении чукоч силою оружия. В 1764 году Анадырский острог был упразднен и его гарнизон переведен в Гижигу и на Колыму.

Причина этих неудач русских лежала не только в воинственном духе, любви к свободе и бесстрашии чукоч, а главным образом в том, что русские пришли в соприкосновение почти исключительно с оленными чукчами,⁵ то есть не с охотниками, а с оленеводами, территория которых не была богата ценной пушиной и которые даже при желании не могли бы удовлетворить алчности завоевателей к дорогим мехам. Эти условия и объясняют переход русских с Анадыря в более южные области, изобиловавшие соболем.

В своем движении на юг русским пришлось иметь дело прежде всего с коряками, судьба которых долгое время зависела от силы Анадырского острога.

Начиная с 1649 года, когда был основан Анадырский острог, отряды казаков, отправляясь из этой крепости, старались обложить данью большую часть гижигинских коряков селений Окланск,⁶ Каменское, Таловка и Мамэч, а также некоторые селения олюторцев. Естественно, на выплату дани этими коряками нельзя было положиться: ясак платили лишь в тех случаях, когда русские были достаточно сильны, чтобы брать его силой.

От олюторских и гижигинских коряков русские узнали, что лучшая пушнина — соболь, морской бобр и морской котик — самими коряками приобреталась обменом на Камчатке. Это открытие привело к экспансии на Камчатку и к покорению камчадалов и коряков северной части Камчатского полуострова.

В 1696 году Атласов, приказчик Анадырского острога, отправил отряд из шестнадцати человек под командой казака Луки Морозко на Камчатский полуостров, чтобы проверить слухи о пушных богатствах. В следующем году Атласов предпринял поход сам. Он послал Морозко с отрядом к Берингову морю, а сам двигался вдоль берега Пенжин-

ской губы, собирая ясак у окланских, каменных, таловских коряков и захватив еще селение Палану и несколько других. В Тигиле он встретил Морозко, который собрал ясак с олюторских коряков и с коряков, живущих по побережью Берингова моря. Дальше они пошли вместе, дошли до реки Камчатки, объясачили камчадалов, живших по этой реке, и основали острог Верхнекамчатский. Так было положено начало покорению Камчатки.

В последующем изложении исторических событий я буду упоминать о Камчатке и камчадалах, только поскольку это необходимо для понимания событий, относящихся к корякам. Восстания коряков и камчадалов и их покорение русскими слишком тесно связаны, чтобы можно было разделить их в историческом очерке.

Когда русские обосновались на Камчатке, полуостров и вся корякская территория оказались подвластными Анадырскому острогу. Морской путь из Охотска на Камчатку в это время еще не был известен, а сухопутный маршрут через территорию «немирных» коряков считался невозможным. В те дни на Камчатку смотрели как на самое ценное приобретение русских на Дальнем Востоке, однако сообщение якутской администрации с Камчаткой поддерживалось дальним и опасным путем. Путь с Камчатки в Якутск шел через всю корякскую территорию до рек Анадыря и Колымы и через Верхнеколымский хребет. Много казачьих отрядов, вышедших с Камчатки с ясаком — мехами, — никогда не дошли до Анадыря. Коряки убивали казаков из засады и отбирали себе меха. Отряды с «ясачной казной», благополучно дошедшие до Анадыря, прибывали в Якутск через три года после выезда с Камчатки. Отряды казаков, перевозившие съестные припасы, порох, оружие и пушки из Якутска на Камчатку, тоже подвергались нападениям коряков. Чтобы положить конец такому явлению, русским надо было найти прямой водный путь из Охотска на Камчатку и окончательно усмирить коряков, чтобы обезопасить зимнюю дорогу.

Пока не был открыт морской путь из Охотска, казаки пытались использовать тихоокеанский путь, чтобы укоротить опасный поход с Камчатки на Анадырь. Они строили большие дощатые суда («кочи») и, выходя из устья Камчатки, плыли на север до устья реки Алют, где в 1712 году казаки основали селение, обнесенное стенами, за которыми их отряды могли бы найти защиту от нападения олюторских коряков. Зимой коряки передвигались по тундре от Олюторского острога до устья реки Оклана, притока Пенжины, к Окланскому острогу, о котором уже упоминалось, и оттуда шли на север по долине Пенжины и, перейдя Нальгинский хребет, попадали на реку Анадырь. Часть пути с Камчатки на Анадырь, которая проходила между Олюторским и Окланским острогами, была, конечно, небезопасна от неожиданных нападений коряков, которые вечно устраивали засады казачьим отрядам.

За неудачной попыткой 1712 года добраться до Камчатки из Охотска морем последовал в 1713 году именней указ Петра Великого о необходимости найти морской путь на Камчатку. Однако все

⁵ Даже сейчас приморские чукчи мало входят в контакт с русскими.

⁶ Корякское селение Окланск было разрушено казаками в 1679 году и на его месте выстроен острог. Оно стояло в устье реки Оклан, притока Пенжины, примерно в 20 милях от ее устья.

попытки оканчивались неудачей до 1716 года, когда, наконец, удалось в большой лодке доплыть из Охотска до устья реки Тигиль. Таким образом, кончилась зависимость Камчатки от Анадырской дороги, и сообщение между полуостровом и Якутском пошло с тех пор прямо через Охотск.

Открытие морского пути на Камчатку дало толчок географическим исследованиям Берингова моря. В 1726 году была предпринята первая, а затем вторая (1734—1745 годы) экспедиции Беринга. В промежутке между этими экспедициями, носившими чисто научный характер и не имевшими никакого отношения к камчатским властям, были окончательно покорены камчадалы.

В то же время продолжались военные действия против чукчей и коряков. Так, в 1720 году боярский сын Харитонов отправился с Камчатки с шестьюдесятью казаками и пушками, чтобы наказать жителей Паланы за отказ платить ясак. Паланцы не сопротивлялись и встретили русских с притворной покорностью, а ночью напали на спящих казаков, убили копьями Харитонова и девяти казаков, а четырнадцать ранили, но остальные казаки взяли над ними верх и отомстили за смерть своих товарищей уничтожением всего селения. В то же примерно время другой из камчатских начальников Трифонов усмирал корякские селения Пахачи, Окланск и Каменское. Самый важный военный поход был предпринят в 1727 году по царскому указу «казачьим головой» Афанасием Шестаковым. Помощником его был капитан Павлуцкий, известный своей храбростью и административными способностями. Выехав из Якутска, они разделились на два отряда. Один во главе с Павлуцким пошел северным путем по дороге из Нижнеколымска на Анадырь, а другой с самим Шестаковым во главе двинулся к востоку на Охотск. У Шестакова было около 400 казаков и много моряков, и он вез с собой материал для постройки судов.

Осенью 1729 года Шестаков погрузился на два корабля и, не дожидаясь прибытия всех своих людей, вышел из Охотска на север. Так как сезон мореплавания оканчивался, он дошел только до Тауйска, откуда продолжил свой путь на нартах. Он удачно пересек малонаселенную часть берега между Тауйском и рекой Гижигой, бесчеловечно жестоко обращаясь с коряками, которые отказывались или, вернее, не могли платить ясак мехами. Однако, пройдя дальше к северо-востоку, он понял, что не справится с большими селениями вдоль берега Пенжинской губы и с многочисленными отрядами оленных коряков. По первоначальному плану он хотел сначала подчинить приморских коряков Пенжинской губы и оленных коряков внутренних территорий, потом идти против олюторских коряков и далее следовать до Анадыря, где он думал встретить Павлуцкого. Но этот план не был осуществлен. Перейдя реку Парень, Шестаков получил через коряков сведения, что на него идет большой отряд чукоч. Он подумал немного и все же решил идти вперед и принять бой с чукчами. Встреча произошла на реке Егаче, называемой с тех пор Шестаковкой в память гибели Шестакова 14 марта 1730 года. В этой битве

Шестаков и большинство русских воинов встретили свою смерть. Поражение Шестакова было следствием незначительности его сил. Его высокомерие и самоуверенность равнялись незнанию местных условий и жестокости. При отъезде из Охотска с ним было тридцать казаков, столько же оленных тунгусов и десять якугов. В Тауйске к нему присоединились тридцать коряков. Таким образом, опираясь, кроме небольшого числа русских, только на ненадежных союзников, он осмелился поджигать селения и сжигать живыми коряков, отказывавшихся платить дань или давать заложников. Так он сжег дотла Таватум, приказав предварительно завалить все выходы из подземных жилищ. Такая зверская жестокость восстановила против него даже самых мирно настроенных коряков. При первом столкновении с превосходящими силами его союзники — тунгусы, якуты и коряки — покинули поле сражения, и, хотя многие из нападавших пали от русских пуль, казаки были скоро побеждены подавляющим количеством нападавших туземцев.

До сего дня твердо не установлено, к какому племени они принадлежали. По донесениям казаков, это были чукчи. Майдель оспаривает это утверждение. По его мнению, это были коряки, выдавшие себя за чукоч, чтобы избежать мести русских. Майдель взял на себя неблагоприятную задачу представить чукоч прямодушным и миролюбивым народом, с которым не было нужды сражаться. Коряков же он считает хитрыми изменниками, принесшими русским неисчислимый вред. Коряки, по его словам, постоянно прибегают к русской помощи против выдуманных нападений чукоч, а сами в то же время нападают на казачьи отряды из засад, убивают одиночных казаков и всю вину сваливают на чукоч.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что коряки в своей борьбе с русскими прибегали к хитростям и вероломству, которыми отлично пользуются и другие, далеко не первобытные народы. И чукчи в этом отношении не отличались от коряков. Коряки, в особенности приморские, пострадали больше от русского завоевания, чем чукчи. Сначала русские имели дело только с кочевыми оленными чукчами, которые бежали в тундру всякий раз, как хотели избежать встречи с казаками, сами же внезапно нападали на русские селения. Приморские же коряки, жившие по заливам Охотского и Берингова морей, хотя и могли летом укрываться на островах от нападений русских, зимой были привязаны к своим прибрежным селениям и лишены всякой возможности скрыться. Поэтому естественно, что всякий раз, когда они не могли защитить себя силой или не могли, или не хотели исполнить требования победителей, они прибегали к хитрости. Возможно, что они иногда приписывали свои грехи чукчам, желая отвлечь на них внимание русских. Но в роковой для Шестакова битве чукчи, конечно, принимали участие, потому что впоследствии Павлуцкий нашел у чукоч, живших по нижнему Анадырю, знамя шестаковского отряда и его оружие. Весьма вероятно, что чукчи в этой битве были не одни и что они объединились с коряками против общего врага, но в другое время

чукчи являлись в корякские селения врагами, а не союзниками, и жалобы коряков на то, что чукчи нападали на них и грабили, в целом имели свои основания.

Весть о поражении Шестакова быстро распространилась по всей корякской территории и по Камчатке. Коряки восстали, как один человек. Гарнизоны, оставленные Шестаковым в Тауйске и Ямске, были уничтожены. Другие селения, укрепленные русскими, постигла та же участь. Восточные коряки от Олюторки до Тигиля примкнули к восстанию, а в скором времени поднялась и Камчатка.

Павлуцкий узнал о судьбе Шестакова в начале апреля 1730 года, когда он был еще в Нижнеколымске. До Анадырского острога (теперь Марково)* он добрался только в сентябре 1730 года. Последние месяцы этого года и весь 1731 год он провел в борьбе с чукчами. Наконец, в 1732 году он решил открыть действия против коряков, чтобы наказать их за разорение русских острогов и уничтожение их гарнизонов. Майдель⁷ видит причину промедления Павлуцкого в усмирении восставших коряков и хитрости последних. Когда Павлуцкий пришел в Анадырск, — говорит Майдель, — он был встречен корякскими выборными, которые представили ему битву, в которой погиб Шестаков, как нападение чукоч и просили о защите против них. Павлуцкий был обманут коряками, не тронул их и обратился против чукоч. Этому рассказу, однако, вряд ли можно верить, так как Павлуцкий отлично знал, что коряки восстали по всей стране и убивали русских. Он откладывал свой поход на коряков по двум причинам: во-первых, он хотел обезопасить себя от чукоч; вторая причина — это природные условия. В летние месяцы переход большого числа людей в этой местности невозможен. Начало зимы — время сильнейших ветров, за которыми следуют большие холода. Самое благоприятное время для военных походов — конец зимы (можно назвать его полярной весной), длящийся от конца февраля до конца мая. Ветры в это время спадают, и морозы легче. Вот почему Павлуцкий провел зиму 1730—1731 годов в преследовании чукоч. Но более или менее удачные бои с кочевыми ордами чукоч не дали все же никаких положительных результатов в смысле покорения страны.

10 февраля 1732 года Павлуцкий предпринял поход против коряков. Силы его состояли из 225 казаков и некоторого числа добровольцев — юкагиров и коряков. Они должны были снабжать отряд оленями для транспорта и питания. Уже в походе он узнал, что значительное число повстанцев собралось в укрепленном селении в устье реки Парень, и повернул туда.

25 марта он достиг корякских укреплений и осадил их. Все попытки уговорить коряков сдаться добровольно оказались тщетными. Укрепление было выстроено на высоком крутом утесе, прямо выступавшем из моря, а со стороны суши было защищено крепким частоколом и земляным валом.

Чтобы не подвергать своих людей обстрелу из корякских луков, Павлуцкий велел сделать большие щиты из плавникового дерева, и под их защитой русские подошли под частокол. Коряки храбро защищались и отступили с бруствера, только когда врагу удалось перебросить ручные гранаты через частокол. Он был сломан, и русские ворвались в крепость, где и произошел отчаянный бой. Когда коряки поняли, что они проиграли, они убили своих жен и детей, с тем чтобы потом убить себя. Прежде чем русские успели помешать этому самоуничтожению, больше двухсот человек уже погибло. Многих из выживших коряков Павлуцкий увел с собой в плен, оставив в селении только десять молодых коряков и пять женщин, чтобы, как говорит летопись, дать возможность населению расти.

После этой победы Павлуцкий вернулся в Анадырск. С дороги он послал отряд в Олюторск с приказанием уничтожить укрепление, воздвигнутое коряками в этом селении.

Вообще весь поход был не что иное, как карательная экспедиция, столь же жестокая, сколь безрезультатная, так как после ухода Павлуцкого корякская территория вернулась в прежнее положение. Конечно, судьба паренцев произвела сильное впечатление на другие группы коряков, но как только прошла непосредственная опасность, они возобновили свои нападения на казаков и опять отказались платить ясак, хотя именно этот отказ и был первоначальной причиной войны. Ниже, подробно рассмотрев вопрос об ясаке, мы увидим, насколько эта политика военного завоевания, даже не принимая во внимание ее зверской жестокости, была бессмысленна как способ приобретения новой колонии для государства. Если мы на минуту представим себе, что русские могли бы послать против всех корякских селений отряды, равные тому, которым предводительствовал Павлуцкий, идя на Парень, то результатом подобных походов, принимая во внимание национальный характер коряков, была бы полная депопуляция страны. К счастью, русские не могли этого сделать. Снарядить и послать отряд в несколько сот человек на Крайний Северо-Восток Сибири, как делало иногда правительство (экспедиции Шестакова и Павлуцкого), было делом очень трудным. А если людей надо было перевозить из Европейской России, то и расходы были очень велики. Кроме оружия и снаряжения, казаки должны были вести с собой большие обозы припасов и одежды. Припасы надо было ежегодно возобновлять и перевозить все на лошадях, собаках и оленях по совершенно пустынным и почти недоступным местам. Жители Якутии, через которую проходили казаки и их обозы, были разорены этими походами; их скот падал от изнеможения, а люди погибали от болезней. А когда войска доходили наконец до места своего назначения после двух-трехлетнего тяжелого странствования, они оказывались лицом к лицу с суровым климатом и бесчисленными лишениями и опасностями. Провиант для гарнизонов дальних крепостей, который должен был прибывать из Якутска, очень часто не присылался совсем или прибывал в недостаточном количестве или испор-

⁷ Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. СПб., 1896. Т. 1. С. 546.

ченным. Казаки были принуждены добывать себе пищу охотой и рыбной ловлей и нередко голодали; выйдя из-под защиты крепостей, они всегда подвергались опасности внезапного нападения. В результате этих трудностей получалось, что войско, которое должно было покорить народы, сопротивлявшиеся могуществу России, было ограничено в своих военных действиях периодом трех-четырёх месяцев в году. В этот небольшой промежуток времени какой-нибудь отряд нападал на селение или нагонял страху на несколько стойбищ только для того, чтобы опять на целый год запереться в свою крепость и оставить страну в прежнем положении. Так случилось и с Павлуцким после его экспедиции против паренских коряков. Своей цели, т. е. покорения чукоч и коряков, он достиг не мог уже потому, что после гибели Шестакова он должен был бороться с двумя народами, каждый из которых трудно было держать в руках в той мере, как это предписывалось правительством в соответствии с рекомендациями сибирских властей. Другой помехой военным действиям Павлуцкого было то, что его главная квартира была в Анадырском остроге, более чем в четырехстах милях от Пенжинской губы, ближайшего залива Охотского моря. Во времена Павлуцкого Камчатка уже не зависела от Анадыря и имела свою администрацию и прямое морское сообщение с Охотском.

Возвратясь в Анадырск после Паренской победы, Павлуцкий нашел приказ из Якутска, которым предписывалось обращаться с туземцами помягче и до новых распоряжений прекратить военные действия. Видя, что его планы будущих походов, таким образом, приостановлены, Павлуцкий решил отправиться в Якутск.

На территории коряков в результате походов Павлуцкого никаких изменений не произошло. Коряки продолжали господствовать на Охотском побережье. Лишь изредка какая-нибудь их группа платила ясак и входила в более дружеские сношения с гарнизонами русских крепостей, но и эти сношения прекратились в 1745 году, когда вспыхнуло новое общее восстание, продолжавшееся до 1756 года.

Я уже упоминал о крепости, воздвигнутой коряками в устье реки Оклан, там где она впадает в Пенжину. Это укрепленное селение было уничтожено казаками в 1679 году, а в 1690 году на его месте казаки построили свою крепость Окланск, которая несколько раз разорялась и вновь отстраивалась во время борьбы с коряками. В 1741 году казак Енисейский, присланный из Анадырска, совершенно обновил окланские укрепления и поставил там гарнизон в 26 казаков. Ему удалось также завязать дружеские сношения с корякскими старейшинами на Охотском берегу, и вследствие этого его поездки в Ямск, Тауйск и Охотск совершались беспрепятственно. Позднее он возобновил укрепления Ямска и Тауйска, разоренные коряками, и оставил в каждом небольшие гарнизоны. Однако число людей в его распоряжении было очень мало, и в октябре 1745 года он отправился в Охотск просить подкрепления. В это время началось новое восстание. Казалось, что

коряки решили уничтожить всех русских и снести все их укрепления. Енисейский еще не доехал до Охотска, как оттуда в Анадырский острог выехал миссионер Флавиан со свитой. Коряки напали на него у реки Шестаковки и убили его и всех его людей. В это же время они уничтожили отряд казаков, шедший с Камчатки на Анадырь, и другой — около Окланска. Енисейского постигла та же участь по дороге в Окланск. Коряки, доставлявшие ему грузовых животных, сумели разделить всех его людей на небольшие группы и поголовно перебили их каждую в отдельности. Судя по донесениям казаков, приморские и оленные коряки действовали сообща. Русские укрепления были осаждены. Окланский острог был окружен первым, но так как коряки знали, что там есть огнестрельное оружие и пушки, то не решились взять острог штурмом, а попытались взять его измором. Осажденным удалось послать гонца в Анадырск, где начальником опять был Павлуцкий, повышенный в звании до майора.

Надо сказать несколько слов о деятельности Павлуцкого после того, как он оставил Анадырск в 1732 году. Я говорил уже о том, как после поражения Шестакова восстание коряков распространилось и на Камчатку. Среди камчадалов брожение было уже давно, но открыто выступать они не решались до 1731 года, когда наконец восстание разразилось. В 1729 году Камчатку посетила научная экспедиция Беринга, и судно «Гавриил» с командой в сто человек, принадлежавших к военному отряду Шестакова, оставалось в Нижнекамчатске до июля 1731 года.⁸

Как только «Гавриил» поднял якорь и ушел в открытое море, камчадалы напали на Нижнекамчатский острог и взяли его; сейчас же был послан отряд повстанцев, чтобы захватить Верхнекамчатск и Большерецк, русские везде были перебиты. Случилось, однако, так, что «Гавриил», не приспособленный к морскому плаванию, и с людьми, вовсе не жаждавшими идти на Анадырь, внезапно вернулся ввиду надвигавшегося шторма. Это неожиданное возвращение «Гавриила» спасло русских, бывших на полуострове. С помощью моряков Верхнекамчатск и Большерецк успешно удержались. Нижнекамчатск был взят обратно, и восстание подавлено.

Когда вести о восстании и его подавлении дошли до Якутска, то администрация решила послать на Камчатку комиссию для расследования причин восстания, многочисленных бунтов казаков против своих начальников и постоянной вражды между начальниками и их отрядами, потому что в Якутск доходили слухи о зверствах, насилиях и разнузданности казаков (как начальников, так и

⁸ По первоначальному плану Шестакова, судно «Гавриил», ушедшее из Охотска одновременно с Шестаковым, должно было посетить Камчатку и идти оттуда к Олюторску, куда начальник экспедиции Шестаков собирался прибыть с Охотского побережья, чтобы покорить олюторских коряков. Предполагалось, что оттуда судно пойдет к устью Анадыря, исследуя по дороге берега, а потом вверх по реке до Анадырского острога, куда Шестаков собирался добраться сухопутным путем. Когда пришла весть о гибели Шестакова, «Гавриил» остался в Камчатке в ожидании дальнейших приказаний. В июне 1731 года ему велено было следовать на Анадырь и быть там в распоряжении Павлуцкого.

подчиненных). Во главе комиссии были майоры Мерлин и Павлуцкий. Расследование продолжалось с 1733 до 1739 года. Члены комиссии приговорили к смертной казни нескольких зачинщиков восстания и казаков, уличенных в преступных действиях.⁹

По окончании этой своей миссии на Камчатке Павлуцкий был назначен военным командующим в Якутск; но в 1742 году правительство снова решило взяться за покорение чукоч и коряков силой оружия, и Павлуцкий был командирован обратно в Анадырский острог. Он отправился из Якутска через Колымск, как прежде, вместо того чтобы следовать по берегу Охотского моря, потому что ему хотелось до поры до времени избежать встреч с коряками. Но, как он ни спешил, он достиг Анадырска только в ноябре 1743 года.

По приезде Павлуцкий все свои силы направил на борьбу с чукчами и не трогал коряков. Когда зимой 1745 года гонцы из Окланска принесли вести об осаде крепости, Павлуцкий готовился к походу на чукоч, хотя и знал о коряцком восстании. Людей, которых он посылал к кочевым корякам за оленями, нужными в походе против чукоч, коряки убивали или отсылали с пустыми руками. Все же Павлуцкий сам не пошел на коряков, а послал офицера Прошина со ста двадцатью солдатами. При приближении Прошина коряки сняли осаду с Окланска. Прошин продолжал идти, и коряки отступали перед ним. Наконец он вступил с ними в переговоры и, удовлетворившись их обещанием сложить оружие и платить в будущем ясак, вернулся в Анадырск, оставив подкрепление в Окланске. Павлуцкий, который вернулся из чукотского похода к концу 1745 года, арестовал Прошина за нерешительный образ действий. Дальнейшие события показали, как неискренни были все обещания коряков: все Охотское побережье оказалось в руках восставших, и крепость Окланск тоже пала. Чтобы пушки и порох не попали в руки коряков, гарнизон закопал их, и только четыре человека из гарнизона добрались до Анадырска в мае 1747 года. В этом же месяце Павлуцкий был убит в сражении с чукчами.

Как уже было сказано, восстание коряков длилось почти до 1757 года. Чтобы дать представление о коряцких способах ведения войны, я опишу два или три наиболее выдающихся эпизода этой борьбы.

Преемник Павлуцкого — Кекерев — прибыл в Анадырск в декабре 1748 года, а 30 января 1749 года выступил в поход против коряков. Отряд его состоял из 236 казаков, 88 юкагиров и 146 покорных коряков, на которых были возложены обязанности перевозки людей и имущества. Коряки, конечно, были ненадежными союзниками в походе против их собственного племени. По дороге Кекерев узнал от двух пленных коряков, что предводитель оленных коряков Текьетога стоит

со своими людьми на реке Парень. Он поспешил туда, но Текьетогу уже предупредили и тот, бросив свои яранги и часть стад, отступил со своими людьми к Охотскому морю. Метель помешала Кекереву успешно преследовать врага, и он взял направление к Каменской крепости, где коряцкие воины собрались в большом числе. По дороге он разрушил укрепление Ягач. Первый приступ на Каменское был неудачен, и сам Кекерев был ранен двумя стрелами; несмотря на это, осажденные убили своих жен и детей и под прикрытием пурги бежали на одну из неприступных скал, окружавших острог. Попасть на эту скалу можно было только в одном месте, которое было так круто, что взобраться без веревочной лестницы или ремней было невозможно. Идти на штурм под дождем камней, сбрасываемых коряками, было вряд ли возможно, брать их измором было бы слишком долго. Поэтому Кекерев снял осаду и вернулся в Анадырск, взяв с коряков, по территории которых он проходил, обещание, что они выплатят ясак осенью. По обыкновению, он увел с собой некоторое число коряцких заложников, из которых несколько было казнено в Анадырске, других били и пытали, чтобы узнать имена зачинщиков восстания. Коряки, конечно, не исполнили своего обещания платить ясак, и в марте 1750 года Кекерев опять был вовлечен в борьбу с ними на реке Таловке и южнее ее. Но успех был не больше прошлогоднего.

Капитан Шатилов, принявший от Кекерева командование Анадырским острогом, пошел опять против коряков в марте 1751 года. Он намеревался расправиться с западной их ветвью и направился к реке Гижиге. Около полуострова Тайгоноса он отправил вперед разведочный отряд в пятьдесят человек под командой поручика Катковского. Разведчики скоро нашли коряцкое стойбище, и началась битва, но, как только несколько коряков пали, сраженные пулями, остальные бежали, покинув свой стан. Войдя туда, Катковский нашел груды мертвых тел женщин и детей, очевидно, убитых своими родными.

От одного пленного коряка Катковский узнал, что большие силы коряков сосредоточены на полуострове. Шатилов поспешил туда и настиг коряков, которые, услышав о приближении русских, отступили на маленький недоступный скалистый остров в нескольких сотнях метров от берега. Шатилов разместил своих людей на льду вокруг острова и вступил в переговоры с осажденными, уговаривая их сдаться и заплатить ясак; коряки с негодованием отвергли все его предложения. Тогда Шатилов решил взять остров приступом, но отложил это на несколько дней, пока не будет произведена разведка всей окружающей местности. Коряков больше не нашли, но разведчикам удалось пригнать стадо оленей. Остров со всех сторон круто выступал из воды; был только один возможный путь взобраться вверх, но коряки защищали его, бросая сверху нарты, нагруженные камнями; кроме того, они устроили вокруг всего острова скрытые волчьи ямы. Русские атаквали сразу с пяти сторон и после отчаянной битвы скала была взята. Защита ее стоила корякам ста тридцати

⁹ Среди казненных был казацкий приказчик Штинников. В 1729 году японское судно с 17 японцами было прибито к южному побережью Камчатки. Штинников приказал убить всех японцев, чтобы воспользоваться их товарами. Только двое избежали смерти — старик и мальчик, которые впоследствии были доставлены в Санкт-Петербург и представлены императрице Елизавете.

убитых, в числе которых был и предводитель Тыкап. Около трехсот трупов женщин и детей было найдено на острове, и только трое мужчин и пять женщин взяты в плен. Из этих рассказов видно, как отчаянно боролись коряки и как они предпочитали собственноручно убивать своих жен и детей, лишь бы они не попали в руки врага. Русские потеряли в этой битве пять солдат и четырех казаков убитыми и пятьдесят одного человека вместе с офицерами ранеными. Эта битва произвела столь сильное впечатление на Шатилова, что при осаде других укрепленных скал он действовал уже не так решительно. Получив ясак и заложников с рек Парени и Гижиги и на полуострове Тайгоносе, он вернулся в Анадырь в мае 1751 года. Восстания коряков он все-таки не подавил.

Поход Шатилова был последним походом, принятым из Анадырского острога. Правительство уже давно пришло к заключению, что покорение коряков требует возведения нескольких крепостей вдоль Гижигинской губы, к которым можно было бы подойти морем из Охотска. Крепость Гижигинск была основана охотскими казаками в 1752 году, но морской путь из нее в Охотск открылся только в 1757 году. Между тем в 1752—1756 годах продолжались враждебные столкновения между коряками и казаками Охотского побережья. 1756 год считается последним годом коряцкого восстания, но это верно только отчасти. Уничтожение целых стойбищ и селений, пытки пленных, захват стад у оленных коряков только в некоторой степени сломили силу их сопротивления. Главной же причиной прекращения войн с коряками была перемена политики со стороны русских. Командант Гижигинской крепости получил приказание не посылать сборщиков ясака в коряцкие селения и стойбища, а предложить коряцким старейшинам самим ежегодно доставлять ясак в крепость. Мы увидим дальше, насколько эта мера привела к улучшению русско-коряцких отношений. Естественно, что сначала было очень мало коряцких групп, которые бы сами добровольно присылали ясак в Гижигинск;¹⁰ но опыт показал, насколько бесполезна была сила как средство получить эту дань.

Другой причиной войн была уязвленная национальная гордость русских, которые настаивали на том, чтобы сломить упорное сопротивление туземцев и подчинить их русской власти. Здесь тоже опыт показал, что подчинение этих племен не окупило тех жертв, которых оно стоило русским. Я говорю только о коряках и чукчах, потому что родственные им камчадалы, как племя оседлое, легче подчинились насильно. Что касается коряков, то смягченная политика победителей привела наконец к только что описанному компромиссу. В отношении чукок было решено прекратить всякие дальнейшие попытки покорить это племя. Анадырский острог был совершенно уничтожен в

1764 году, и все управление перенесено в Гижигинск. Таким образом, войны русских с коряками и чукчами кончились, как только эти последние были предоставлены самим себе.

ЯСАК

Ясаком называется дань мехами, которую русские завоеватели возложили на покоренные сибирские племена. Для историков Сибири несомненно, что в первые периоды колонизации главным фактором, привлечшим русских в Сибирь, был далеко разнесшийся слух о ее богатстве пушшиной. Некоторое время сибирские меха занимали значительное место в бюджете Российской империи. Как велико было богатство Сибири мехами в начале ее завоевания, видно из того, что после поражения сибирского хана Кучума его владения, т. е. территория, лежавшая только в бассейне Оби, были обложены ежегодной данью московскому царю в размере 200 000 соболей, 10 000 чернобурых лисиц и 500 000 белок лучшего качества, не считая бобров и горностаев. Поняв выгоду для казны торговли мехами, государство перестало довольствоваться одной данью, но начало монополизировать всю меховую торговлю. В начале семнадцатого столетия царь Борис Годунов издал указ, чтобы все охотники и торговцы пушшиной сдавали свои товары в казну за справедливую плату. Накопившиеся меха были отданы в ведение особого приказа в Москве, который через своих агентов сбывал их в Турции, Персии, Бухаре и позднее в Китае. Со временем Китай сделался самым крупным и выгодным потребителем сибирских мехов, потому что в обмен на меха из Китая вывозилось главным образом золото и серебро, которыми Московское государство расплачивалось за свои войны.

После Нерчинского договора, заключенного Петром Великим с китайцами в 1689 году, торговля с Китаем продолжала оставаться государственной монополией до 1762 года.¹¹ В этом году императрица Екатерина II отменила казенные караваны в Пекин, оставив торговлю, главный объект которой составляли меха в руках частных торговцев. Свободная торговля мехами сыграла большую роль в развитии торговли Сибири и Европейской России с соседними странами. Казна же перестала требовать в Сибири уплаты ясака исключительно мехами; туземцы могли выплачивать его деньгами, сообразно стоимости мехов. Таким образом, несколько сократилась возможность чиновничьих злоупотреблений, и отношения туземцев к русским начали улучшаться.

Эпоха попыток покорения коряков, камчадалов и чукок совпадает с периодом государственной меховой монополии, когда пушной ясак был причиной жестокого истребления тысяч людей, оттого что они отказывались или не могли удовлетворить жадность чуждых им завоевателей. Трагичность положения туземцев заключалась в том, что со-

¹⁰ До 1848 года, как видно по ясачным отчетам Гижигинской округи, ясаком были обложены 294 оленных коряка; к 1894 году число их дошло до 836, а всего по переписи 1897 года оленных коряков Гижигинской округи было 2389.

¹¹ Государственная пушная монополия была в первый раз ограничена в 1727 году, но в 1752 году она была возобновлена в полной мере.

боль, на которого был наибольший спрос со стороны русских, был редким животным на территории коряков, а у чукоч и вовсе не встречался.

Историки Сибири очень поверхностно освещают вопрос о том, как взимался ясак до так называемой Первой ясачной комиссии 1762—1766 годов, установившей нормы взимания ясака. Мы не знаем, существовала ли до этой комиссии какая-нибудь определенная и общая норма, по которой высчитывался бы ясак с той или иной народности, а, судя по некоторым отрывочным сведениям, мы вправе думать, что количество взимаемой дани постепенно уменьшалось. Это снижение нормы было, очевидно, следствием уменьшения количества пушного зверя, причиной которого было его интенсивное истребление со времен прихода русских в Сибирь. По словам Словцова, в начале ясак равнялся пяти соболям с охотника одинокого и десяти — с женатого. Поэтому, кажется, можно согласиться с мнением, что жены охотников тоже должны были платить свою долю. В некоторых местах с одного охотника требовалось десять-двадцать соболей, но Словцов говорит, что правительство было снисходительно, и эта норма не всегда соблюдалась.¹²

Во второй половине семнадцатого столетия мы находим ясак в семь соболей «с лука», а, судя по данным сибирской переписи 1722 года, взимаемый в это время ясак равнялся трем соболям с каждого охотника. Наконец, после работы Первой ясачной комиссии ясак с каждого охотника ограничился одним соболем или, если соболя не было возможности достать, одной лисой или одним бобром и т. п. Мы знаем, что чукчи вообще отказывались платить ясак, и в этом, вероятно, надо искать объяснение того обстоятельства, которое так поражает Майделя, т. е. почему военная деятельность русских была направлена главным образом против чукоч, а не против коряков, которые гораздо чаще чукоч нападали на русские отряды.

Известно, что ту или иную группу коряков заставляли время от времени платить ясак, но нельзя найти каких-либо сведений о количестве взимаемого и об общей сумме полученного. Кажется, впрочем, что ясак, назначенный корякам с самого начала, был не велик и состоял больше из лисиц, чем из других более ценных мехов. Нет также точных сведений и о размерах ясака, взимавшегося с камчадалов; но, судя по некоторым цифрам, он был очень значителен и состоял главным образом из ценных мехов. Когда Атласов вернулся, например, из своей первой поездки на Камчатку, посетив только долину реки Камчатки, он привез с собой три тысячи двести соболей, несколько сот лисиц, около ста морских бобров для казны, а лично для себя — четыреста соболей и много других мехов. Со временем, конечно, ясак со всего Камчатского полуострова стал значительно больше. В челобитной казаков на Петриловского, одного из камчатских приказчиков в первой половине XVIII столетия, указывается, что он «наградил» в течение одного года 5600 соболей, две

тысячи лисиц, 207 морских бобров и 169 выдр. Несомненно, и другие камчатские начальники недалеко отставали от Петриловского в наполнении своих карманов за счет камчадалов.¹³

Судя по историческим данным, относящимся к Сибири до времени Первой ясачной комиссии, сборщиками в туземных селениях и стойбищах были казаки и чиновники, получавшие список всех обложенных ясаком людей; т. е. всех взрослых, способных охотиться. Подробности этого способа взимания дани теперь выяснить уже нельзя. Известно, что у неграмотных сборщиков были особые бирки с надрезами, показывавшими число обложенных ясаком людей. Каждый охотник должен был платить свою долю,¹⁴ но вдобавок сборщики ожидали подарков для себя, для военных начальников и других высших чинов. В некоторых случаях подарки посылались самому царю и были известны под названием «поминочного», или «поклонного» ясака (в отличие от казенного «податного» ясака).¹⁵

В опасные места сборщиков сопровождал казачий конвой, который тоже требовал свою долю подарков; кроме того, сборщики возили с собой товар для обмена. Поэтому меха, попадавшие в казну, никогда не были первосортными. На Камчатке все эти поборы практиковались особенно широко. В стране, столь отдаленной от центрального управления, сборщики и их люди были на самом деле шайкой грабителей, подвиги которых иногда доводили камчадалов до ярости и отчаяния. Так, одного из таких сборщиков с конвоем из двадцати пяти казаков камчадалы живьем сожгли на реке Аваче, причем в огне погибли и камчадалы-заложники.

Когда сборщик приехал, камчадалы встретили его почтительно, предоставили ему и его казакам отдельный летний дом на сваях и, пообещав заплатить ясак следующим утром, оставили заложников, выбранных из лучших людей поселка. Ночью, когда дом загорелся, камчадалы звали заложников бежать, но те отвечали, что они закованы в цепи, и просили сжечь дом, предоставив их своей судьбе.¹⁶

Что же касается коряков, то, я думаю, можно смело сказать, что у них не только не было никакой нормы для сбора ясака, но что его платили только изредка под прямым давлением воен-

¹³ Судя по словам Крашенинникова, официально дань камчадалов была назначена по соболю с охотника даже до правил, введенных Первой ясачной комиссией. Но, говоря о начале 17-го столетия, он рассказывает о сборщиках, которые требовали с камчадалов по два или по три соболя вместо одного (*Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1819. Т. 2. С. 342*).

¹⁴ В ранний период покорения Сибири некоторые вожди племен с более развитой общественной или политической организацией — такие, как киргизские ханы и ханы некоторых татарских племен Западной Сибири, — были обязаны платить определенную ежегодную дань соболями и другими мехами за все свое племя. Например, татарский князь Едигер должен был платить ежегодно тысячу соболей.

¹⁵ Существовал еще другой вид так называемой десятинной подати. Она взималась исключительно с русских охотников в Сибири, которые должны были сдавать в казну каждую десятую шкуру убитых им зверей.

¹⁶ *Крашенинников С. П. Описание... Т. 2. С. 352.*

¹² *Словцов П. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Т. II. С. 62.*

ной силы, а после основания Гижигинской крепости корякский ясак обратился в добровольную дань, которую представители разных корякских групп сами доставляли в крепость.

Задачей Первой ясачной комиссии, назначенной Екатериной II, было урегулирование ясачного вопроса и прекращение злоупотреблений сборщиков. Реформы, введенные комиссией, основывались на следующих принципах: 1) ясак должен вноситься представителем за весь род или группу; в дальнейшем его назначение предоставляется самим местным жителям; 2) представитель должен доставить ясак в административный центр; институт сборщиков уничтожается; 3) облагаются ясаком все мужчины от 16 до 60 лет, которые должны называться «работниками», или «ревизскими душами»; 4) уплата может производиться мехами или деньгами по расчету на каждого человека, а в случае уплаты мехами размер ясака может изменяться, смотря по местности, сорту меха и его цене.

Вторая ясачная комиссия (1828—1835 годы) приняла эти же правила, снизив несколько общую сумму ясака. Возраст «работников» был ограничен 18—50 годами. Число их в каждом роде определялось *ревизией*; последняя ревизия, произведенная с этой целью, состоялась в 1859 году. Нормы ясака были определены различные для различных мест и, по-видимому, для каждой местности и даже для каждого рода или группы они назначались с обоюдного согласия представителей местного населения и казначейства.

Так называемые корякские роды были до самого последнего времени обложены неодинаковыми податями. Так, например, подушная подать в Вывнуках была 2 рубля 86 копеек, а в Олюторске только 1 рубль 49 копеек.¹⁷ Теперь к 1900 году все коряки Гижигинской округи обложены одинаковой податью в 1 рубль 15 копеек с «работника». По архивным данным я не мог узнать точно, с какого времени введено это последнее обложение. Чтобы показать значительное уменьшение податного обложения, сравню последнюю названную цифру ясака с изначальной в 10 соболей с охотника. По записям Гижигинского областного управления за 1897 год, насчитывалось подлежащих обложению 241 человек оленных коряков и 407 приморских. Но так как в Гижигинской округе больше оленных коряков, чем приморских (по переписи 1897 года — 2389 оленных и 2045 приморских), то данные о подлежащем обложению населении показывают, что много оленных коряков не платили податей и что число 407 ниже общего числа мужчин приморских коряков в возрасте между 18 и 50 годами.

По официальным данным за 1897 год, корякские подати за этот год были уплачены на две трети пушниной и на одну треть деньгами, причем казенная оценка мехов ниже их рыночной цены. Оценка мехов без лап и хвостов в рублях и копейках следующая:

соболь лучшего качества	10 рублей;
соболь низшего качества	8 рублей;

белый песец	1 рубль 50 копеек;
волк — —	2 рубля 50 копеек;
красная лисица	2 рубля;
крестовка	8 рублей;
горноста́й	8 копеек.

Итканские коряки почти не охотятся на пушного зверя и поэтому привозят в Гижигу лахтачьи шкуры и связки нерпичьих ремней. Двадцать восемь человек жителей Итканы обложены податью, и вся сумма к уплате равна 32 рублям 20 копейкам. Для того чтобы покрыть ее, их староста доставляет в Гижигу 10 лахтачьих шкур и 6 связок ремней, что на вольном рынке стоило бы 60 рублей за одни шкуры.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКИХ И КОРЯКОВ

Завоевание русскими той части Сибири, где земледелие невозможно, не могло вызвать мирной земледельческой колонизации. Первые русские колонизаторы были промышленниками и солдатами. С течением времени к ним присоединились насильно присланные поселенцы и ссыльные преступники. Вначале колониальная политика сводилась исключительно к возможности добраться до пушных богатств Сибири. Центральное правительство в большинстве случаев было настроено доброжелательно по отношению к местным жителям. Местным властям часто давались указания обходиться с туземцами помягче при взимании с них податей и не оскорблять их. Но эти благие намерения расходились с действительным положением, когда надо было взимать ясак с туземцев, которые часто не могли его платить. Чтобы удовлетворить требования чиновников, туземец должен был пренебречь материальными нуждами своей семьи и сосредоточить всю свою энергию на охоте за пушным зверем. Кроме того, правительственные приказчики грабили туземцев в свою пользу, чинили насилие, пытали и обращали в рабство мужчин, уводили женщин и детей; а когда туземцы возмущались, они кричали, что те восстают против царской власти.

Тогда правительство присылало карательные отряды, чтобы подавить восстание и наказать виновных. Конечно, Россия поступала не хуже, чем многие другие государства относительно своих колониальных «владений». Даже теперь африканские негры, например, восстают, потому что белые колонизаторы отнимают у них землю и естественные богатства их страны, обременяют налогами на содержание той самой администрации, которая их притесняет. В одном отношении русские были лучше других европейских колонизаторов: они довольно умеренно выказывали сознание своего расового превосходства над туземцами, которое у других белых существует в гораздо более преувеличенном размере. Они в общем не относились презрительно к сибирским туземцам, и когда жадность русских была удовлетворена или не стояла на первом плане, то победители и побежденные очень легко приходили к соглашению. В целом же

¹⁷ По материалам архива Гижигинской округи (№ 751 за 1867 год).

система жестокой эксплуатации и притеснений вела к уничтожению народов не очень многочисленных или не одаренных исключительной жизнеспособностью. Так, много родов юкагиров совершенно исчезли. С другой стороны, чукчи и коряки, также не особенно многочисленные, но упорные и полные жизненной энергии, сумели сохранить в значительной степени свою этническую индивидуальность.

Колониальная политика извлечения из туземцев максимальных доходов в пользу государства и частных лиц привела к истреблению некоторых небольших народов и, наконец, к иссяканию источника этих самых прибылей. Например, теперь ежегодный вывоз соболей из Камчатки не достигает двух тысяч шкурок, а на Колыме это ценное животное совершенно исчезло.

Торговля пушниной как источник государственных доходов постепенно сокращалась, ничто другое ее не заменяло. Таким образом, в результате варварской колониальной политики расходы по управлению отдаленных районов Сибири сделались с течением времени больше, чем доходы, получаемые оттуда. На ясак уже нельзя было смотреть как на статью дохода, а только как на символ подчинения народов, платящих дань, — символ, льстивший мелочной национальной гордости, но выплачиваемый дорогостоящей администрацией не приносящих прибыли колоний. Ничего не значит, что ясак, собиравшийся с мелких сибирских народов, посылался не в казначейство, а в домашнее ведомство Императорского Двора. Бюрократия поддерживала до последнего времени романтический взгляд на пушную подать, как на вещественное доказательство покорности туземцев царю. Даже официальный ученый барон Майдель отчасти придерживался того же взгляда, и главной целью Чукотской экспедиции (1869—1870 годы), во главе которой он стоял, было подчинение России чукоч, не платящих никакой дани. Для того чтобы заставить чукоч платить ясак, прибегали к способам настолько же забавным, насколько и унижительным для Российской империи. Дворцовое ведомство тратило ежегодно известные суммы на подарки тем чукчам, которые добровольно платили ясак. Начальник Колымского округа, выезжая на чукотскую ярмарку на реке Анюй, вез с собой нарты, нагруженные подарками: чугунными котлами, чайникам, табаком и т. п. В 1892 году я был свидетелем церемонии уплаты ясака чукчами на Анюе. Около десяти чукоч из разных мест пришли в казенную избу, где казаки угощали их чаем, сахаром и сухарями в присутствии начальника округа. После того как начальник через переводчика произнес соответствующую обстоятельству речь о том, что царь любит чукоч и посылает им подарки, каждый из туземцев поднес свою маленькую долю ясака в виде красной лисицы или песка. Потом они осмотрели царские подарки и запросили прибавки; эту просьбу начальник обыкновенно удовлетворяет, так как стремится поскорее отделаться от своих гостей. Результат мены был выгоден чукчам: по цене полученные ими подарки намного превосходили их ясак. Тем временем на шкурки был торжественно поставлен штемпель с

казенной печатью, и затем они были отправлены ведомству Двора в Петербург в знак покорности чукоч¹⁸ [X]. В других случаях (как например, у юкагиров) даже очень умеренный ясак имел роковые последствия для экономической жизни народа.

Чтобы показать, насколько расходы государства по северо-восточным округам превосходили доходы, я приведу данные по Гижигинской округе. В моих руках официальные отчеты за 1897 год. Общая сумма ясака за этот год доходит до 1119 рублей (364 рубля деньгами и 755 рублей пушниной), из которых коряки заплатили 745 рублей и тунгусы — 374 рубля. «Добровольные» взносы палпалских чукоч и коряков на Чукотской ярмарке дали еще 73 рубля. Местные жители рассматривали ясак как подарок царю. Как мы видели, ясак не идет в государственную казну. Доходы же казны от Гижигинской округи состояли из так называемых земских сборов¹⁹ в количестве 163 рублей и пошлин с торговцев в 1606 рублей. Я не мог узнать точных цифр расходов по управлению округой, но считаю, что 40000 рублей не будет преувеличенной цифрой. Содержание начальника округи, его помощника, секретаря и других чиновников стоит не меньше 12000 рублей в год. Жалование самого начальника уже составляет 4500 рублей. Далее идет жалование священнику в Гижиге, миссионеру, доктору, двум фельдшерам, которые тоже живут в Гижиге и вряд ли когда посещают стойбища и селения коряков.²⁰ Наконец, содержание отряда казаков, которое составляет самую большую расходную статью в бюджете управления округом.

Надо сказать еще несколько слов о гижигинских казаках. Эти потомки завоевателей Сибири в мое время уже не считались военными и не были подчинены Военному министерству. С 1822 года они принадлежали к Министерству внутренних дел и служили у начальника округа на полицейских или курьерских должностях. Этот архаичный институт гражданских казаков существует во всех городах Якутской губернии и в Приморской области — в Гижиге, Маркове, Петропавловске, Охотске и Удске. Казаки образуют наследственное сословие, служба их обязательна. Срок действительной службы двадцатилетний, начиная с 18 лет. Каждый казак получает 70 рублей жалования в год и ежемесячно по два пуда риса и муки. Мальчики со дня рождения и до 16 лет получают половину этого пайка; поэтому мальчики очень желательны в казачьих семьях, а потому казачка-девушка, у которой есть внебрачный сын, — желанная невеста. Казачий отряд в Гижиге состоял приблизительно из тридцати человек, но с

¹⁸ Др. Мицкевич, бывший врач Колымского округа, рассказывал мне, что во время его посещения Анюйской ярмарки в 1901 году начальник округа не привез подарков чукчам, платящим ясак, и чукчи Чукотского полуострова, узнав это, потребовали вернуть им шкурки, которые они раньше отдали начальнику как ясак. Требование их было уважено.

¹⁹ С 1883 года приморские коряки и другое оседлое население должны были платить в дополнение к ясаку еще налог в 4 копейки с души. Этот налог собирался на покрытие местных расходов на ремонт дорог и т. п.

²⁰ Это верно по крайней мере относительно медицинского персонала на время моего пребывания в Гижигинской округе.

женами и детьми их больше ста. Обязанности гижигинских казаков состояли в дежурствах в присутственных местах, в сопровождении чиновников при их поездках по округе и в перевозке почты. Научные экспедиции также пользовались казаками как охраной, служащими и переводчиками. Так, по приказанию приморского губернатора, с моей партией был отправлен казак. В. Г. Богораза в поездке по Чукотскому полуострову сопровождали два казака. Летом обязанности казаков ограничиваются днями прихода пароходов. Они выгружают государственные грузы, состоящие большей частью из риса и муки, которые пойдут на их же паек. Остальное время они занимаются рыбной ловлей. Впрочем, и зимой у них достаточно свободного времени для ведения собственного хозяйства или для занятия комиссионерством в меновой торговле купцов с местными племенами.

КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ РУССКИХ НА КОРЯКОВ

То, что было показано относительно отдаленных районов Северной Сибири на примере Гижигинской округи, в будущей работе по юкагирам будет продемонстрировано фактами, относящимися к северным районам Якутской волости; а именно то, что эти районы требуют больших расходов от метрополии, и надежды на улучшение обстоятельств малы до тех пор, пока будет осуществляться государственная политика. Из приведенных фактов можно вывести заключение, что Российская империя держится за свои северо-восточные колонии единственно из-за славы владеть огромной, хотя и пустынной, и малонаселенной территорией; или из-за желания цивилизовать туземцев. Мотивы эти несомненно входят факторами в так называемую колониальную политику России, но не они являются главной причиной убытков казны. Превышение расходов над доходами прежде всего зависит от несовершенного администрирования страны, которой управляют невежественные и большей частью ненужные чиновники. Часто высшее начальство совершенно не знакомо со страной, порученной его заботам. Вот интересный пример: начальник Гижигинской округи Раткевич очень небудуменно приложил к своему докладу губернатору Приморской области за 1895 год краткий этнографический очерк,²¹ где описывались случаи убийства стариков и кровной мести среди туземцев округи. В ответ на это вице-губернатор прислал Раткевичу запрос от имени губернатора, на каком основании он, Раткевич, терпит в подведомственных ему местах действия, считающиеся незаконными по законам Российской Империи.

В отношении культурной деятельности белых в колониях вообще мы должны помнить, что ни одна белая нация не подходила к первобытному народу с единственной целью его цивилизовать. Все цивилизованные народы приобретали колонии для эксплуатации их естественных богатств, или как

земли для эмиграции, или как рынки для сбыта своих товаров. В некоторых случаях туземцы приобретали известную степень цивилизованности благодаря сношениям с белыми, если только они не были истреблены или не вымирали под тяжестью угнетения.

Дальний Северо-Восток Сибири мало пригоден для русской колонизации. Культурный уровень первых русских поселенцев понизился, и их образ жизни мало отличается от туземного. Число русских жителей на корякской территории, судя по Гижигинской округе, где большинство жителей коряки, слегка превышает 6 процентов всего населения.

Если территория не может быть заселена русскими, встает вопрос, будет ли при каких-то условиях у русских возможность цивилизовать местных жителей? Ответ должен быть таков: культурное влияние на коряков и их соседей безусловно может быть оказано, если правительство ассигнует на эти цели суммы, сейчас расходуемые на сложную систему управления. Такие расходы на культурные цели обязательно скажутся в улучшении местных условий, что приведет к увеличению доходов, которые легко сравняются, а в конечном итоге и превысят расходы по управлению страной. Вместо существующего сейчас штата чиновников и казачьих отрядов один комиссар и несколько оплачиваемых караульных вполне справятся с простыми нуждами округи. Обязанности комиссара могут выполняться одним из нескольких учителей. В мое время в Гижигинской округе школ не было. Дети гижигинских священников, а также дети начальника округи Пршевалинского, члена Государственного Совета, который умер до моего приезда, едва умели писать, а его жена, принадлежавшая к местным русским, не умела ни читать, ни писать. Казаки и другие жители Гижиги были, конечно, практически все неграмотны. Судя по данным архива, начальная школа периодически существовала, но так как она поручалась обычно священнику и дьякону, которые сами были не особенно искусны в чтении и письме, то вскоре и закрывалась после короткого существования на бумаге. Нечего и говорить о том, что устройство школ с хорошими учителями в Гижиге, а также в некоторых из наиболее значительных корякских селениях приобщило бы коряков к культуре скорее, чем взимание какой-то грошовой дани. Кроме элементарного образования, эти школы должны преследовать и практические цели. Оленеводческая станция при школе могла бы привести к громадному увеличению ценности стад. Там можно было бы знакомить коряков с новейшими методами приручения и улучшения пород оленей, а также способами предупреждения падежей. Школа могла бы научить улучшенным способам ловли и хранения рыбы. Технические способности и художественный талант коряков, направленные как следует, привели бы к развитию кустарных промыслов, например к изготовлению меховых ковров, что дало бы ценный предмет для экспорта. Если бы в течение только десяти лет суммы, расходуемые на содержание администрации, тратились на постройку и содержание таких школ, экономическое и культур-

²¹ Гижигинский архив, доклады окружного начальника от 30 сентября 1885 года и от 31 декабря 1881 года.

ное состояние коряков поднялось бы до того, что дальнейшее их развитие можно было бы предоставить им самим. Таковы результаты, на которые должна быть нацелена колониальная политика, даже не принимая во внимание обязательств цивилизованных народов перед менее развитыми. Нельзя отрицать, что жизнь в условиях и обстановке, подобных корякским, должна быть чрезвычайно тяжела для мало-мальски культурных народов; но когда судьба сибирских туземцев перейдет из рук бюрократии в руки народа, то немало русских интеллигентов охотно пожертвуют своими удобствами и привычками ради работы по поднятию культурного уровня и благосостояния жителей дальнего Севера [XI].

Остается суммировать положительные и отрицательные результаты, получившиеся от соприкосновения коряков с цивилизацией. Но я буду говорить только о тех сторонах этого вопроса, которых не коснусь далее в своем описании современной материальной культуры коряков в сравнении с древней. После окончательного покорения камчадалов, за которым последовал период многочисленных военных начальников, злоупотреблявших своими широкими полномочиями, Камчатка вступила в период, характерной чертой которого было усиление внимания к туземцам. Этот период, начавшийся в конце XVIII столетия, можно назвать периодом «просвещенного деспотизма». Вместо того чтобы стараться развивать местные занятия туземцев, администрация решила ввести у камчадалов занятия, характерные для русской цивилизации. Розгами и другими наказаниями камчадалов принуждали строить русские избы, сеять рожь, сажать овощи и держать скот. Принудительные меры, которыми наивно пользовались деспотичные цивилизаторы, убили в камчадалах всякую инициативу и энергию; их индивидуальность была совершенно уничтожена. Конечно, все попытки ввести земледелие совершенно не удалось, скотоводство и огородничество до сих пор кое-как существуют. Этот «просвещенный деспотизм» повлиял и на корякские поселения Северной Камчатки. Здесь огородничество оказалось почти невозможным, а лошадей и скот разводят в очень малом количестве. Так, по данным 1896 года, в Дранке было 9 лошадей и 17 коров, в Караге — 3 лошади и 2 коровы, в Уке — 1 лошадь, в Паллане — 7 лошадей и 21 корова и в Лесновском — 27 лошадей и 2 коровы. Несколько большее количество этих животных можно найти в Ямске Охотской округи. В 1895 году в этом селении было 30 лошадей и 40 коров; здесь, однако, население состоит частью из якутов, которые как прирожденные скотоводы гораздо больше заботятся о своем скоте, чем камчадалы и коряки. В Ямске сажают картофель; в 1895 году его посадили 63 пуда, а собрали 602 пуда.

МИССИОНЕРЫ

За очень малыми исключениями, — такими, как алеутский миссионер Вениаминов или алтайский миссионер Вербитский, — вся история деятельности православных миссионеров среди тузем-

ных народов Сибири не может быть названа почтенной. Вплоть до настоящего времени священники и монахи, посылаемые на Дальний Северо-Восток, были людьми малообразованными; они не знали и не были в состоянии изучать туземные языки; они грубы и совершенно лишены качеств, необходимых для распространения моральных основ христианства. Среди коряков русские миссионеры сначала не имели никакого успеха. Среди камчадалов баптизм сначала служил средством обращаться в рабство новокрещенных, и миссионеры не меньше казаков прежде всего стремились добыть пушнину. Светские начальники часто смотрели на приобщение камчадалов к христианству как на средство подчинить их. Один из этих начальников вешал камчадалов, которые не хотели становиться баптистами, другие освобождали крестившихся от уплаты подати на несколько лет.²² От камчадалов миссионеры перешли на север Камчатки к корякам Уки и Паланы, а оттуда на Олюторку. Все эти крещенные коряки приняли до некоторой степени лишь формальную сторону православия. То же можно сказать об обрусевших коряках Охотской округи и селения Няяхан, большая же часть Гижигинской округи так и не поддалась христианизации. Это явление можно отчасти приписать той твердости, с которой коряки держатся своих древних религиозных верований. Кроме того, у коряков не было никакой охоты брать на себя тяготы, связанные с баптистским крещением. Священникам нужно было платить за исполнение церковных треб и бесплатно возить их по селениям и поселкам. К этому надо еще прибавить злоупотребления и вымогательства самих священников, против чего неоднократно протестовала даже сама местная администрация. В гижигинском архиве есть несколько дел о злоупотреблениях духовенства. Например, было возбуждено дело против трех священников, которые поступили на службу к торговцам как развозчики товаров, пользуясь в то же время как духовные лица льготами по перевозкам и эксплуатируя в этом отношении и русских жителей, и туземцев.

Не вдаваясь в обсуждение чисто религиозных вопросов, следует сказать, что у священников было бы больше возможностей нести культурную миссию, если бы для этого отбирались лучшие люди и если бы ассигнования правительства и частных миссионерных организаций были бы достаточно велики, чтобы миссионеры не становились бременем для местного населения.

АМЕРИКАНЦЫ

Из представителей других цивилизованных наций коряки знают только американцев — американских китобоев. Трудно определить время, когда американские торговцы впервые появились в корякских водах; определенно известно только,

²² Очень интересные сведения о недостойной деятельности духовенства и о притеснении камчадалов чиновниками можно найти у доктора Тюшова (По западному берегу Камчатки // Записки РГО. СПб., 1906. Т. 37, № 2).

что в первой половине XIX столетия американские китобойные суда охотились на китов и других морских животных во многих местах Охотского и Берингова морей. Американцы вошли в сношения с коряками и завели с ними меновую торговлю. Наиболее посещаемыми местами были залив Корфа, Карагинский остров и Пенжинская губа; теперь эти посещения стали реже вследствие уменьшения там количества морских животных. С самого начала и до наших дней американская охота на морских животных в этих водах велась контрабандно, но благодаря отсутствию береговой охраны и охота, и меновая торговля с коряками продолжают беспрепятственно. Сами коряки относятся к американским морякам доброжелательно. Эти люди из-за моря не требуют ясака, бесплатных услуг; напротив, они сами оказывали услуги корякам. Американские товары, которые они предлагают в обмен на олени шкуры и меха, были лучше и дешевле, чем привозимые русскими торговцами. Староста тайгоносских коряков раз спросил меня: «*Tiyk-e'yim* («солнечный начальник», т. е. царь) очень могущественен, почему же его работники хуже, чем работники американского начальника. Ружья, веревки и одежда, получаемые нами от американцев, лучше, чем русские». Очень высоко ценят коряки и спиртные напитки, которые американские торговцы привозят вместе с другими хорошими вещами. Но бывали случаи, когда экипажи американских шхун высаживались в корякские селения с далеко недружественными намерениями. В архиве управления Гижигинской округи за 1856 год есть интересное «дело» о посещении корякского селения американскими моряками, озаглавленное так: «Дело об ограблении каменных и лыватских коряков людьми неизвестной национальности, прибывшими на кораблях». Сущность его сводится к следующему.

В начале зимы 1856 года несколько коряков из Каменского пришли в Гижигу и пожаловались начальству, что сами они и жители соседнего селения Лываты были ограблены летом американскими китобоями. Все жители этих двух селений ушли на байдарах на тюлений промысел, и только в Каменском остались два коряка. В то время, когда в селениях никого не было, в залив вошли два трехмачтовых судна и стали на якорь вблизи Каменского. Тут были убиты три кита. Люди с судов сели на вельботы и пристали к берегу. Два вышеупомянутых коряка, видя приближение чужеземцев, убежали из деревни на ближайшую скалу. Следя издали за чужеземцами, они видели, как те выносили из домов лисиц, олени шкуры и меховые одежды. Потом грабители отправились в Лываты и там распорядились таким же образом. Дальше из дела видно, что доклад об этом происшествии начальника Гижигинской округи был послан губернатором министру внутренних дел, который передал его в Министерство иностранных дел для запроса в Соединенные Штаты Северной Америки. Однако министр иностранных дел заявил, что он не может поднимать этого дела, так как свидетельства двух коряков недостаточно, чтобы определенно установить национальность моряков. Таким образом, дело осталось невыясненным. Но

так как до тех пор китобой никакой другой национальности не посещали Гижигинского залива, то можно с уверенностью сказать, что и на этот раз это были американцы.

СОСЕДНИЕ НАРОДНОСТИ

В настоящее время соседями коряков являются чукчи с севера, камчадалы с юга, юкагиры с запада и тунгусы с юго-запада. По среднему течению реки Пенжины со своими стадами кочуют остатки почти угасшего племени — чуванцы, родственные юкагирам, но теперь ассимилированные коряками. Со стороны Колымы на корякскую территорию иногда приходят отдельные представители якутов в качестве торговцев. Обрусевшие коряки Охотской округи, как и жители Ямска и Туманского, до некоторой степени смешались с якутами, вынужденными переселиться из окрестностей Якутска на берега Охотского моря.

Я уже говорил, что камчадалы, чукчи и коряки являются ветвями одного и того же народа, о чем свидетельствуют и характер их языков, и их религия и культура, за исключением только того, что у камчадалов нет оленеводства. Судя по преданиям, ранние отношения коряков с чукчами были иными, чем с камчадалами. С первыми коряки вечно воевали, тогда как отношения с последними носили более мирный характер. Причина этого кроется, вероятно, в том, что оленные коряки и оленные чукчи, территории которых были прежде так же неопределенны, как и теперь, постоянно сталкивались при выборе пастбищ. Кроме того, в те времена, когда единственным правом было право сильного, стада очень часто отнимались насильно прямым нападением на владельца. Поэтому их было необходимо охранять с оружием в руках. Оленные чукчи при своих нападениях на стойбища оленных коряков доходили иногда до моря и атаковали приморские селения. Северные поселки кереков до сих пор подвергаются притеснениям со стороны оленных чукчей, которые, как и коряки, часто грабят запасы кереков и требуют от них разных услуг.

Предания говорят и о войнах между камчадалами и коряками. Несомненно, что подобные войны бывали часто, как и враждебные действия между отдельными небольшими группами обеих народностей, но по преданиям же можно заключить, что между камчадалами и коряками не было такого антагонизма, как между последними и чукчами, а также и юкагирами. Может быть, это объясняется тем, что в Северной Камчатке селения приморских коряков приходили в прямое соприкосновение с камчадалскими, и трудно даже провести между ними этнографическую границу. Браки между представителями обеих народностей были обычным явлением, и весь пограничный район был заселен смешанным населением.

Камчадалы вели с оленными коряками мирный обмен, получая от них шкуры для одежды. В древние времена оленные коряки не заходили на полуостров Камчатку южнее Тигиля. Последующее движение оленных коряков на юг вдоль западного

склона Камчатского хребта привело к жалобам камчадалов, которые обвинили коряков в распугивании дичи и охоте на нее в неурочное время. Чтобы упорядочить эти отношения, русские власти требовали, чтобы всякий раз, как оленные коряки переходят на камчадалскую территорию, они спрашивали согласие на это у жителей соседних камчадалских селений и воздерживались от охоты раньше камчадалских охотников. В то же время камчадалы получают выгоды от близкого соседства с оленными коряками, потому что, кроме обмена, коряки в случае голода бьют оленей и бесплатно для камчадалов. В долину реки Камчатки коряки все-таки не допускались.

Отношения коряков с юкагирами и тунгусами будут исследованы более детально в работе о юкагирах. Кроме того, сейчас с юкагирами коряки почти никогда не встречаются. Только те оленные коряки, которые зимой, переходя Становой хребет, спускаются в долины рек Коркодона и Омолона, приходят в соприкосновение с коркодонскими юкагирами. Отношения их к юкагирам, скорее, благотворительного характера: юкагиры слишком бедны, чтобы вести правильный обмен, и обыкновенно они выпрашивают у оленеводов даром шкуры и немного оленей. Тунгусы, постоянно воевавшие с коряками до прихода русских, после покорения страны русскими начали проникать в незанятые районы корякской территории. Будучи охотниками, они занимают поросшие лесом речные долины, богатые дичью, где редко встречаются коряки со стадами. Таким образом, избегают всякие трения. Случается даже, что коряки и тунгусы располагаются стойбищами недалеко друг от друга или даже совсем рядом. Тунгусы постепенно продвинулись до притоков Пенжины, где водится белка, а, идя по берегам Охотского моря, они еще очень недавно проникли на Камчатку, где, кроме корма для своих оленей и горных баранов для охоты, они натолкнулись на ценного пушного зверька — соболя.

Таким образом, воинственные отношения коряков с соседними туземцами с течением времени

заменились мирными, основанными главным образом на обмене. Правда, у коряков для всех этих народов существуют до сих пор насмешливые прозвища, но когда они сходятся с соседями, то дружат и сочувственно относятся к бракам с ними.

Интересной чертой в жизни этих народов является та замечательная терпимость, с которой они относятся к обычаям и верованиям друг друга, и их готовность в случае нужды признать силу и превосходство другого. Так, коряки, не колеблясь, обращаются за помощью к чукотским и тунгусским шаманам. К шаману-чужеродцу относятся даже с большим почтением, потому что он — хозяин над душами, неподвластными местным шаманам. Если коряк входит в брачные или дружеские отношения с лицом, принадлежащим к другой народности, то все нужные обряды справляются по обычаям одного из народов по соглашению. Например, если коряк женится на тунгусской девушке, то обряд совершается по тунгусскому обычаю, и коряк платит за невесту выкуп. Тунгусская же девушка, вступая в корякскую семью, одевает корякскую одежду и подчиняется обычаям, регулирующим семейную жизнь коряков. Тунгус должен отрабатывать свою невесту-корячку. Тунгусско-корякские браки очень редки внутри страны. Как отмечалось, они чаще всего встречаются на территории оленных коряков в районе рек Гижиги и Вархалама. Хотя все тунгусы — христиане, они не приглашают русских священников свершить брачную церемонию, если кто-либо из пары принадлежит к язычникам-корякам, а свадьба совершается по корякским или древним тунгусским обычаям. Браки между коряками и чукчами бывают чаще, чем между первыми и тунгусами. В случае смешанных браков чукотские стойбища на корякской территории, например в Северной Камчатке или Парапольском Доле, подчиняются корякским обычаям; на границе же с чукотской территорией, в северной части Палпала, коряки принимают чукотские обычаи — до обмена женами включительно.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

К. Б. Шавров
В. И. ИОХЕЛЬСОН И ЕГО «КОРЯКИ»

(Вводная статья к подготовленному в 1936 г. первому переводу с английского монографии В. И. Иохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация»)

В. И. Иохельсон принадлежит к старшему поколению современных русских этнографов. Работы его по времени, кругу изучаемых народов и общему направлению стоят в тесной связи с работами прежде всего Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, а также Э. К. Пекарского, И. И. Майнова и других этнографов и лингвистов, начавших в 90-х годах прошлого века в далекой северной ссылке изучение окраинных северных народов.

Иохельсон начал свою научную деятельность в колымской ссылке в 1895 году, и с тех пор вся его последующая жизнь была посвящена исследованиям народов Крайнего Северо-Востока, длительным тысячеверстными путешествиям по Колыме, Камчатке и по островам северной части Тихого океана, разработке этнографических, лингвистических и археологических проблем этой части нашей страны и прилегающих к ней окраин Америки. Первые печатные работы Иохельсона, появившиеся в конце 90-х годов, посвящены юкагирам Колымы. Последние опубликованные им работы 1932—1933 годов — это работы об алеуках и якутах — народах того же Северо-Востока.

Научная продукция Иохельсона очень внушительна. Общеизвестно, что Иохельсон — выдающийся полевой исследователь и лучший знаток языка, фольклора, материальной культуры юкагиров, алеутов, ительменов и коряков. Собранные и далеко не полностью еще опубликованные им материалы по этим разделам исследования упомянутых народов стоят на большой высоте по своей обстоятельности и научной добросовестности.

Ниже мы рассмотрим более подробно ту часть работ Иохельсона, которая относится к корякам и составляет содержание публикуемой в настоящем издании монографии «Коряки», здесь же остановимся на основных вехах жизни В. И. Иохельсона и его деятельности — общественной и научной.

В. И. Иохельсон родился 14 января 1855 года в городе Вильно в патриархальной еврейской семье и первоначальное обучение получил в хедере, а затем в раввинском училище, так как родители готовили его к богословской карьере.

В раввинском училище Иохельсон близко сошелся с А. И. Зунделевичем, впоследствии видным членом «Земли и воли» и «Народной воли». Небольшой кружок «саморазвития», организованный в училище Зунделевичем, превратился через

несколько лет в довольно крупный центр подпольной народнической литературы, хорошо связанный с заграницей, перевозивший через границу книги и переправляющий нелегалов. Идеино кружок был близко связан с ларистами. Иохельсон получил в этом кружке первую выучку и закалку как революционер-подпольщик.

В 1873 году он поступил в реальное училище, а в 1875 году стал нелегальным и после провала кружка успел уехать за границу, в Германию. Он прожил в Берлине до лета 1876 года, работая токарем на двух машиностроительных заводах, жил в «коммуне» русских студентов, ходил на курсы для взрослых, публичные лекции в университете, социал-демократические собрания, встречался с молодым Бернштейном и Каутским, — словом, всячески использовал положение молодого революционера, вырвавшегося из царской России в «свободную» Германию 1875 года, Германию до бисмарковского закона против социалистов.

Летом 1876 года Иохельсон нелегально перешел границу и через Киев проехал в Кременчуг. Там он пробыл около года, всецело занятый пропагандой среди местной молодежи. После раскрытия кружка вследствие провокации Иохельсон бежал сначала в Киев, а оттуда за границу в Берлин. Из Берлина Иохельсон выехал в том же 1877 году с твердым намерением «идти в народ» для культурно-революционной работы. Но вышло не совсем так. Иохельсон попал в Москву и, связавшись с рядом землевольцев, специализировался вскоре как поставщик и транспортер нелегальной литературы. Эту работу он вел в больших масштабах, совершая частые поездки между Москвой и Петербургом, и вскоре заслужил репутацию опытного конспиратора под кличкой «Володьки», или В. Голдовского. В 1878 году он впервые принимает участие в террористической деятельности, в подготовке убийства шефа жандармов Мезенцева. Вскоре после этого Иохельсон опять делает попытку пойти в «народ» и едет для этого на юг России, в Киев, чтобы пройти там землемерные курсы и обосноваться потом в деревне.

В конце лета 1879 года, после Липецкого съезда, мы видим Иохельсона в Петербурге работающим в динамитной мастерской «Народной воли». Затем он заведует паспортным столом «Народной воли». Оба этих дела требовали величайшей кон-

спирации, педантичной четкости работы и вместе с тем смелости. Все эти качества Иохельсон проявлял в превосходной степени.

Из руководящих работников «Народной воли» Иохельсон и в этот период был наиболее близок с Зунделевичем, блестящим организатором и практиком подполья. По своим теоретическим данным Зунделевич уже в этот период склонялся к социал-демократам. В своих воспоминаниях Иохельсон даже называет Зунделевича первым социал-демократом из русских революционеров.¹ Там же он пишет, что теоретические взгляды Зунделевича оказали на него, Иохельсона, сильное влияние.

Впрочем, мы не имеем в записках Иохельсона вполне четких указаний по существу его теоретических взглядов на этот период. Он был по преимуществу, как и его учитель Зунделевич, практиком, техником народовольческого подполья.

В конце 1879 года Иохельсон по поручению Исполнительного комитета стал хозяином конспиративной квартиры на Гороховой улице вместе с Гесей Гельфман. Это было время напряженной работы «Народной воли», время ее смертного поединка с царизмом.

Функции квартиры Иохельсона были разнообразны: здесь хранились взрывчатые вещества, здесь брошюровались номера «Народной воли» и прокламаций Исполнительного комитета, здесь проходили в полной тайне совещания Распорядительной комиссии, здесь же укрывались наиболее разыскиваемые лица, участники покушения на царя: Софья Перовская, Гартман и другие.

Несколько раз за это время Иохельсон по поручению Исполнительного комитета выезжал из Петербурга: он переправлял за границу Гартмана, Веру Засулич, ездил в Кенигсберг для рассылки прокламаций «Народной воли» по поводу ареста в Париже Гартмана, выдачи которого добивалось царское правительство. В результате успешной рассылки Иохельсоном обращения «К французскому народу» (составленного Желябовым, Ал. Михайловым и Тихомировым и переведенным на французский язык А. П. Корбой) поднялась кампания против выдачи Гартмана (известно открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о выдаче Гартмана), и французское правительство вынуждено было отпустить Гартмана в Лондон. Впоследствии, будучи в Лондоне, через Гартмана Иохельсон познакомился с Энгельсом.

Конспиративная квартира просуществовала до весны 1880 года, а летом этого года Иохельсон, выполнив еще некоторые поручения Исполнительного комитета, выехал за границу.

1880—1885 годы Иохельсон провел в эмиграции. Связь его с «Народной волей» не прерывалась. Сохранились и частично опубликованная его переписка с Гартманом, Морозовым, и письма к нему Лаврова. В 1883—1885 годах Иохельсон заведовал типографией и изданием «Вестника Народной воли» в Женеве. В конце 1883 года Иохельсон издал известный «Календарь Народной воли», в

котором принимали участие Лавров, Кравчинский, Оловянный и др.

В конце 1885 года, тяготясь своим положением эмигранта, Иохельсон отправился в Россию. На русской границе, через которую он мастерски переправил в свое время столько беглецов, его ждали жандармы: он был предан провокатором еще в Женеве, и за ним пристально следили. Арестованного Иохельсона доставили в Петербург. После двухлетнего заключения в Трубецком бастионе Петропавловской крепости Иохельсон был выслан на 10 лет в «отдаленные» места Сибири.

Первоначально он жил в Олекминске, но вскоре местная полиция, усмотрев в его переписке, естественно, перлюстрируемой, что-то подозрительное, отправила его в еще более отдаленные места. Он жил в якутских улусах, в Калтусе близ Среднеколымска в условиях несравненно более тяжелых, чем другие политические ссыльные, образовавшие коммуны в самом Среднеколымске.

Свое хорошее знание быта якутов Иохельсон приобрел именно тогда, в эти первые, самые тяжелые годы ссылки.

В 1894 году Д. А. Клеменц, с которым Иохельсон был знаком с первых лет своей революционной деятельности и который в это время в качестве видного сибирского исследователя и правителя дел Восточно-Сибирского отдела Географического общества, организовал Якутскую Сибиряковскую экспедицию, — привлек его к участию в этой экспедиции с такими ссыльными, как Э. К. Пекарский, И. И. Майнов, В. Г. Богораз, С. В. Ястремский, С. Ф. Ковалик и др. Больше двух лет (1895—1897) Иохельсон провел у юкагиров (объехав все районы расселения этого племени) и смешанных с юкагирами ламутов. Он вывез оттуда прекрасное знание юкагирского языка, большой фольклорный материал и ценные этнографические наблюдения. Это были первые научные данные о юкагирах — племени, до того науке вовсе неизвестном, и которое вообще считалось вымершим. Иохельсон обнаружил и изучил два самостоятельных юкагирских диалекта — колымский и тундренный, собрал словарь в 9000 слов, записал 150 текстов.²

Этнографические данные о юкагирах Иохельсон вскоре после окончания экспедиции опубликовал в небольшом по объему, но ярком и насыщенном материалом очерке «По рекам Ясачной и Коркдону» (СПб., 1893).

В этой работе Иохельсон описывает первобытно-родовой строй юкагиров с характерным «противоположением между собой мужчин и женщин, как двух отдельных групп», с «коммунистическим распределением добычи промыслов» и с рядом других очень резких и характерных черт примитивности.

«Без преувеличения можно сказать, что Иохельсон открыл для науки совершенно новое племя, чрезвычайно интересное по особенностям его об-

² Опубликовано до сих пор 100 текстов в издании Академии наук: Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. СПб., 1900. Ч. 1; Материалы по грамматике юкагирского языка (на англ. яз.) // American Anthropologist. 1905. Vol. 7, № 2 (переведены на русский язык в сборнике «Языки и письменность народов Севера». Л., 1934. Ч. 3).

¹ Иохельсон В. И. Первые дни Народной воли. Пг., 1922. С. 17.

ществленного быта», — пишет вполне справедливо один из биографов Йохельсона.³

Честь первого и лучшего исследователя юкаги-ров неоспоримо принадлежит Йохельсону, и его работы по настоящее время сохраняют свое значение.

В 1898 году Йохельсон возвращается в Петербург. Основные его интересы теперь состояли в продолжении научной работы по этнографии. Но романовский Петербург не был подходящей ареной для успешной деятельности вернувшегося из ссылки бывшего террориста, хотя бы и с солидной репутацией исследователя.

И вскоре, меньше чем через год, Йохельсон вместе с В. Г. Богоразом при посредстве академика В. В. Радлова включается в состав известной Джезуповской экспедиции (The Jesup North Pacific Expedition) и едет опять на Крайний Северо-Восток с заданием изучения коряков и продолжением своих юкагирских исследований.

Таким образом, официальная русская наука (Академия наук) в этой экспедиции, организованной на американские средства, была представлена бывшими ссыльными народовольцами. Соблюдая декорум, Министерство внутренних дел выдало Богоразу и Йохельсону «открытые листы», обязывающие все местные власти оказывать экспедиции всяческое содействие, но одновременно с выдачей листов Сипягин (тогдашний министр внутренних дел) разослал секретный циркуляр, в котором предвещал местную власть, что «ввиду прежней противоправительственной деятельности Богоразы и Йохельсона оказание им какого-либо содействия по возложенным на них ученым трудам представляется совершенно несоответственным» и предложил учредить «за деятельностью и сношениями вышеозначенных лиц негласное наблюдение». И действительно, экспедиция не только не получала содействия властей, но эти власти — от генерал-губернатора Гродекова до гижигинского исправника — по мере своих сил и усердия мешали работе.⁴

Корякско-юкагирский отряд Джезуповской экспедиции состоял, кроме Йохельсона, из нескольких работников. В качестве антрополога в экспедиции работала Д. Л. Йохельсон-Бродская (жена и постоянный товарищ в работе Йохельсона). Материальная часть и оборудование стояли на должной высоте: инструментарий антрополога, фонограф, фотоснаряжение и т. д. Путь лежал через Берлин—Антверпен (где были сделаны основные закупки снаряжения и экспедиционного имущества)—Нью-Йорк—Сан-Франциско—Иокогаму—Владивосток. Летом 1900 года экспедиция высадилась в Гижиге (северное побережье Охотского моря).

В течение года Йохельсон обследовал все корякские селения побережий Пенжинского залива, кочевья коряков-оленево-дов полуострова Тайгоноса и

внутренних тундр страны до хребта Пал-Пал, места стыка корякских кочевий с чукотскими.

В конце лета 1901 года экспедиция отправилась на Северо-Запад, в Колымский край, к началу зимы вышла к Верхнеколымску, и работой среди колымских одулов (юкаги-ров) полевые исследования экспедиции в 1902 году были закончены.

Результаты были опубликованы Йохельсоном в течение ряда последующих лет в виде обширных монографий in folio на английском языке в серии трудов Северотихоокеанской экспедиции («The Koryak», 2 тома; «The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus», 3 тома).

В Петербурге Йохельсон, несмотря на свои большие заслуги перед русской наукой, жить и работать не мог. Его всячески «прижимали», у него не было паспорта и т. д. Жил он в те годы главным образом за границей (в Германии, Швейцарии). Но его репутация как крупного этнографа-исследователя уже сложилась, и когда московский миллионер Рябушинский, всячески хлопотавший о славе прогрессивного и либерального капиталиста, затеял большую Камчатскую экспедицию, Йохельсон был приглашен участвовать в ней в качестве начальника этнологического отдела. Йохельсон принимает предложение и по своему почину дополняет программу работ этнологического отдела задачей всестороннего изучения алеутов Алеутского архипелага.

Экспедиция эта продолжалась три с половиной года, с весны 1908 до осени 1911 года. Первые полтора года Йохельсон посвятил изучению алеутов. Он объехал все важнейшие острова Алеутской гряды (Уналашка, Атту, Атка, Умнак и др.), проведя на некоторых из них по нескольку месяцев. К изучению культуры алеутов Йохельсон, как и два его соратника по изучению северо-восточных народов — В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг, шел через изучение языка.

«Опыт прежних работ в Сибири убедил меня в том, что этнологии народа нельзя понять без знания его подлинного творчества и языка, и я прежде всего взялся за изучение алеутского языка», — писал В. И. Йохельсон впоследствии.⁵ Из собранных Йохельсоном материалов видно, что основы морфологии, фонетики и значительная часть элементарной грамматики алеутского языка тождественны с языком эскимосов. Йохельсон собрал словарь в 5000 слов, записал под диктовку на валиках фонографа 150 текстов, мифов, преданий и сказок.⁶ Материалы эти по сие время являются единственными и имеют исключительную ценность.

Значительное место в работе экспедиции занимали археологические работы — раскопки древних жилищ и пещер-могильников, несколько тысяч

³ Максимов А. Биография В. И. Йохельсона // Энциклопедический словарь Гранат. М. Т. 22.

⁴ Йохельсону удалось добыть этот сипягинский циркуляр в Гижиге, и в 1903 г. В. Г. Богораз опубликовал его в штутгартском журнале «Освобождение» (№ 15, с. 255—256), в статье «Двуликий Янус». Таким образом, история «содействия» Джезуповской экспедиции к вящему позору Российской Империи стала широко известной.

⁵ Йохельсон В. И. Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова // Известия Российской Академии наук. 1919. Пг., 1920.

⁶ В сборник «Языки и письменность народов Севера» (Л., 1934) вошла написанная Йохельсоном статья «Уналганский (алеутский) язык», содержащая очерки фонетики и морфологии языка. См. также: Опись фольклорных и лингвистических материалов В. И. Йохельсона, хранящихся в Азиатском музее РАН. 1. Алеуты // Известия РАН. 1918. Пг., 1919.

номеров археологической и этнографической коллекций Йохельсона, а также собрание прекрасных фотографий образовали основной фонд алеутского отдела бывшего Румянцевского музея.

Летом 1910 года экспедиция прибыла на Камчатку. Археологические работы на восточном берегу в районе Авачинской губы дали некоторый новый и любопытный материал по культуре древних ительменов: найдены каменные, кремневые и обсидиановые орудия, остатки гончарного производства и, между прочим, глиняные сосуды с ушками внутри, сходные с гончарными изделиями, с одной стороны, айнов, с другой — индейцев Северо-Западной Америки.

В начале зимы экспедиция санным путем на собаках выехала на западный берег Камчатки, в район современного обитания остатков ительменов, племени, еще два века тому назад, в начале колониального периода Камчатки, заселявшего почти весь полуостров. Зима 1910—1911 годов была посвящена изучению ительменского языка и фольклора, быта и промыслов населения и сбору этнографических коллекций в районе Хайрюзова, Тигиля и ближайших корякских и ламутских кочевий.

Экспедицией 1908—1911 годов заканчиваются полевые работы Йохельсона. По числу объектов исследования отдельных народностей, по числу лет непосредственно полевых исследований — более десяти — Йохельсон превосходит многих русских этнографов. За исключением чукоц и азиатских эскимосов, изучение которых является монополией В. Г. Богораза и его учеников, все остальные племена Крайнего Северо-Востока в той или иной степени изучены В. И. Йохельсоном. Поэтому все его книги насыщены сравнительно-этнографическими данными; вопросы хозяйства, быта и культуры того или иного конкретного народа всегда трактуются Йохельсоном не изолированно, а в сравнении с оседлыми народами Азии и, особенно, Америки.

Об этом последнем обстоятельстве нужно сказать еще несколько слов. «Американские» тенденции вообще сильны у Йохельсона. Так, он явился одним из энергичных адептов своеобразной гипотезы о прошлых миграциях населения Северо-Востока Азии. Согласно этой гипотезе, племена эти еще в один из межледниковых периодов перешли из Азии в Америку по существовавшему тогда перешейку между материками на месте Берингова пролива и надолго остались в Америке. В дальнейшем же они будто бы вернулись в Азию, приобретя в Америке ряд специфических антропологических и этнографических признаков. Впоследствии между американскими и азиатскими группами племен одинакового происхождения вклинились с востока эскимосы. В связи с этой теорией в науке появился и особый термин для народов Крайнего Северо-Востока Азии (чукоц, коряков, ительменов, юкагиров, гиляков): «американоиды». Теория эта, однако, достаточно обоснованной не считается ни с точки зрения антропологии, ни этнографии.

Сильное воздействие на Йохельсона в направлении, которое мы отнюдь не считаем благотворным, имеет американская этнография в лице школы

Ф. Боаса. Мы имеем в виду свойственный ученым этой школы беспринципный по существу эмпиризм, который характерен и для многих работ Йохельсона. Так же, как и прочие представители американской школы «исторической антропологии», Йохельсон ставит себе в заслугу отказ от всяких попыток исторических и социологических обобщений и поэтому, разумеется, не может преодолеть классовообусловленную ограниченность этой школы. Эклектизм и ошибки Йохельсона в социологических вопросах обусловлены, конечно, также народническим прошлым.

Надо, впрочем, сказать, что Йохельсон в отличие от других более последовательных сторонников упомянутой школы не только не отрицает первобытного коммунизма как всеобщей стадии развития общества, но в своих работах по корякам и юкагирам неоднократно подчеркивает наличие у этих народов в производстве и быту первобытного коммунизма.

Говоря об общественном значении работ Йохельсона, нельзя не указать на одну из характерных черт: главы книг Йохельсона, излагающие колониальную историю народов Севера, характеризующие современную ему русскую колониальную администрацию, миссионеров, торговцев, казаков, — дают большой материал для разоблачения отвратительного существа царского колониального режима и его агентов. Йохельсон показывает, как этот режим привел к голодовкам и вымиранию северных племен, к вырождению и обесцвечиванию их общественного строя. Представитель революционного народничества, Йохельсон старается быть верным себе и в роли ученого, хотя и вынужден был работать под флагом «императорских» Академии наук и Географического общества и на средства крупных капиталистов, заинтересованных в колониальной эксплуатации окраин.

В одной из глав своих «Коряков» Йохельсон пишет: «Только тогда, когда судьба сибирских туземцев перейдет из рук бюрократии в руки народа, многие из русской интеллигенции охотно пожертвуют удобствами и привычным образом жизни ради просвещения и улучшения экономического положения народов Крайнего Севера».⁷

Это очень характерное для Йохельсона и очень типичное для всего поколения этнографов-народников высказывание. Разумеется, мы можем и должны ввести здесь «поправку на народника», поправку на ограниченность мелкобуржуазного мировоззрения, должны указать, что улучшение экономического состояния и культурный подъем северных колониальных народов становятся возможными лишь на новой социально-экономической базе, лишь при условии пролетарской революции в метрополии; что это улучшение уже идет чрезвычайно быстро в результате социалистического строительства.

Наши советские культбазы, школы, красные юрты, медицинские и ветеринарные лечебницы и отряды, оленеводческие, охотничьи и т.п. станции в районах Крайнего Севера успешно ведут свою

⁷ Jochelson W. The Koryak. Leiden; New York, 1908. Part 2. P. 806.

работу в интересах развития хозяйства и культуры народов Севера. Иохельсон мог только мечтать об этом, путешествуя по Северу, еще колониальному, среди угнетенного, эксплуатируемого и вымирающего населения.

Нам осталось сказать несколько слов о близких уже к нашему времени этапах жизни и работы В. И. Иохельсона. С 1912 по 1922 год В. И. Иохельсон работает над своими огромными материалами сначала за границей, а затем в Петрограде, состоя сотрудником музеев Антропологии и этнографии и Азиатского.

С 1922 года Иохельсон живет за границей. По командировке Академии наук он выехал за границу для дальнейшей работы над материалами, со-

бранными им в Джебуповской экспедиции и хранящимися в Нью-Йорке, а также над материалами последующих исследований.

К следующим годам относится ряд его публикаций:

Archaeological Investigation in the Alyutian Islands. Washington, 1925;

Archaeological Investigation in Kamchatka. Washington, 1928;

Peoples of Asiatic Russia. New York, 1928;

The Yakut. New York, 1933;

History, Ethnology and Anthropology of the Aleut. Washington, 1933.

В настоящее время (1936) Иохельсон работает над монографией о камчадалах.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. ПРИМЕЧАНИЯ К. В. ШАВРОВА (1936 г.)

I. Деление бывшей Камчатской губернии на округа относится к концу XIX века и началу текущего столетия. Это административное деление сменилось уездным делением, которое сохранялось и в период революции и гражданской войны, закончившейся на Камчатке к началу 1923 г. С 1926-го по 1930 г. Камчатский округ делился на районы, и территория коряков входила тогда в районы Пенжинский, Тигильский, Карагинский и отчасти в Анадырский (кереки). Внутри этих административных районов организованы были особые «туземные» районы коряков (Западно-корякский, Тигильский кочевой и др.). В 1931 г. было проведено национальное районирование по всему советскому Северу, и страна коряков в границах от реки Омолон и водораздела Пенжина — Анадырь на севере, от реки Гижиги на западе, до реки Сопочной на западном берегу Камчатки и Хайлюли на восточном берегу — на юге, были выделены в особый Корякский национальный округ, площадью более 300 тыс. кв. км. Округ входил в 1931—1934 гг. непосредственно в состав Дальневосточного края, а с 22 июля 1934 г. входит в состав Камчатской области. Округ делится на районы: Пенжинский с центром в Каменском, Олюторский с центром в Теличихах, Тигильский — в Тигиле и Карагинский — в Караге.

II. Ошибочно указано, что Паропольский Дол начинается непосредственно у Лесной. К северу от последней простирается обширный горный район, сильно изрезанный многими, впадающими в Пенжинский залив, реками (Тейваям, Кактылан, Нылтуваям, Шаманка, Пелгакваям и др.). Километрах в 100 от Лесной в горах (около 59 градусов 45 секунд и 162 градусов в. д.) берет начало река Пустая (*Ewre'vayam*), текущая в северо-восточном направлении почти параллельно берегам полуострова и впадающая в 15 км южнее Рекинников в Пенжинскую губу. Безлесная сглаженная равнина, которую можно считать за начало Паропольского Дола, начинается на правом берегу реки Пустой от линии Подкагерная—Кичига. Этот дол здесь еще узок, ограничиваясь с северо-запада рекой Пустой, а на юго-востоке — Камчатским хребтом. У Рекинник он значительно расширяется. В районе Рекинники — Куюл — Таловка он называется обычно Рекинникским долом. Можно ли считать его южной частью Паропольского Дола, или он должен считаться самостоятельным — вопрос открытый. В целом весь район ждет еще обстоятельного географического и геоморфологического исследования.

III. Со времени работ В. И. Иохельсона Гидрографической экспедицией Восточного океана произведена полная морская опись всех наших берегов Охотского моря, включая Пенжинскую губу (см.: *Давыдов Б.* Лоция побережий РСФСР Охотского моря. Владивосток, 1923). Пароходы в Пенжинскую губу ходят теперь регулярно.

IV. Данные Приполярной переписи 1926/27 г. этот вывод Иохельсона в общем подтверждают. При производстве Приполярной хозяйственной переписи было проведено сплошное обследование движения населения за два года. По корякам были получены следующие показатели.

Годы	Рождаемость на 100 чел.	Смертность на 100 чел.	Естественный прирост	Детская смертность на 100 род.
1925	35	19	+16	16.5
1926	33	52	-19	42.5

Как видно по показателям первого года, рождаемость относительно высока, смертность невелика, и естественный прирост имеется вполне хороший. Резкое повышение смертности, особенно детской, во втором году было вызвано прохождением по всей территории коряков эпидемий кори, скарлатины и гриппа, занесенных с материка.

В последующие годы таких тяжелых по своим последствиям эпидемий не было, работа по здравоохранению значительно расширена, и численность коряков увеличивается.

В отношении плодовитости коряков в 1926 г. в результате специального обследования 40 семей кочевых коряков северной Камчатки получены следующие коэффициенты: среднее число рождений на семью 5.8 (3.2 муж. и 2.6 жен.), число членов семей родителей, т. е. число живых и умерших братьев и сестер у каждого из родителей в среднем было тоже равно 5.8 (0.3 муж. и 2.8 жен.). Как видим, это подтверждающийся в обоих поколениях коэффициент (причем «детское» поколение непосредственно обследованных семей еще может расти) — выше коэффициента плодовитости, установленного Иохельсоном (5.6 рождений на женщину). См.: *Шавров К.* Естественный состав и естественное движение населения северных окраин Дальневосточного края.

Итоги переписи северных окраин ДВК 1926/27. Благовещенск, 1929.

V. Представляет известный интерес дать здесь для сопоставления с приведенными В. И. Иохельсоном цифрами сведения о численности коряков по отдельным кочевым группам и селениям по данным Приполярной переписи 1926/27 г.

Таким образом, читатель получит возможность сопоставления данных о численности коряков за 60—70 лет, поскольку Иохельсон приводит статистические сведения, начиная с половины 19 века.

Для удобства сопоставления новых данных со старыми сведения, основанные на материалах Приполярной переписи, приводятся примерно в том же географическом порядке, какого придерживался Иохельсон в III главе, т. е. начиная с кочевых коряков бывшей Гижигинской округи, теперь Пенжинского и Олюторского районов.

Всего на этой территории переписью 1926/27 г. учтено кочевых оленных коряков 2869 человек (1476 мужчин и 1393 женщины), в том числе в кочевых группах Пенжинского района:

Тайгоноская группа	272 человека;
Гижигинско-Шайбовея-Омолонская группа	263 человека;
Паренско-Хаймикинская группа	363 человека;
Ассайвеевско-Палпалская группа	336 человек;
Таловско-Рекинниковская группа	571 человек;
Пусторецко-Подкагерская группа	254 человека
	2059 человек

Из числа оленных коряков двух последних групп более 300 человек принадлежит к особой ветви кочевых коряков, называющих себя не *šawši* (*šawšivaw*), а чатки, или *nimila'-ramku* и близко родственных приморским корякам селений Рекинники, Подкагерная, Кичига и др. (об этих группах коряков подробнее смотри ниже при перечислении приморских коряков).

В кочевых группах Олюторского района:

Апукинская	100 человек — коряки <i>šawši</i>
Пахачинская	150 » »
Хаилино-Телгейваямская	42 » »
Култушинская	140 » — коряки <i>nimila'-ramku</i>
Вывинская	92 » »
Говенская	48 » »
Луноваямская	288 » »

810 человек

Кочевых коряков бывшей Петропавловской округи, нынешних Тигильского и Карагинского районов по переписи 1926/27 г. было 1180 человек (599 мужчин и 581 женщина).

В том числе в кочевых группах Тигильского района: Лесновско-Шаманская 116 человек (*nimila'-ramku*, родственная жителям сел. Лесной);

Кинкильско-Лесновская	77 » (<i>šawši</i>)
Паланская	16 » »
Воямпольско-Ургинская	165 » »
Аманинская	59 » »
Омгон-Тигильская	47 » »

Седанкинская	196 » (<i>šawši</i>)
Напанская	129 » »
Хайрюзовско-Сопочная	163 » »
Соболевская	71 » »

1039 человек

В кочевых группах Карагинского района:

Тымлат-Кичигинская	78 человек (преимущественно <i>nimila'-ramku</i>)
Карагинско-Каюмская	63 человека
	141 человек

В Анадырском районе нынешнего Чукотского округа Приполярной переписью учтено 2 кочевых коряка. На Охотском побережье их не зарегистрировано вовсе. Таким образом, всего оленных коряков по переписи 1926/27 г. числится 4051 человек (2077 мужчин и 1974 женщины).

Данные о численности приморских оседлых коряков приводятся также в том порядке, которого придерживался Иохельсон.

На Охотском побережье оседлые, сильно обрусевшие коряки зарегистрированы переписью только в сел. Ямске в числе 246 человек. Жители Наяхана учтены как русские.

В корякских селениях Пенжинского района учтено коряков 1041 человек, в том числе:

В трех Итканах	153 человека
Паренцев (в сел. Парень, Куэл, Тылхой и заимке Майнатхысь)	228 »
Каменцев (в сел. Микино, Ольховая, Шестаково, Ягач, Лываты, Орночек, Каменское, Таловка)	500 »
В сел. Рекинники	105 »

(«Рекинниковскими» (*rekinnoramku*) считает себя также группа оленных коряков в 69 человек)

В Пусторецке	21 человек
В Подкагерной	39 »

(Ближайшими кровными родственниками подкагерцев является стойбище оленных коряков в 17 человек; кроме того, 84 человека из оленных коряков, учтенных переписью на реке Пустой, считают себя «подкагерскими» (*pitkahenramku*)).

На берегу Берингова моря на территории нынешнего Анадырского района учтено оседлых кереков (ветвь коряков) 90 человек. Они зарегистрированы в 9 пунктах (по 1—2 юрты в каждом): Гакчетавин на реке Угольной, Майна-Амамкут, мыс Упанч, на реке Ама, в бухте Амаама, в бухте Кэниут, на реке Кэниут, Хатынь и Мелювеем.

Апукско-Пахачинские приморские коряки учтены переписью в сел. Якнук (13 человек), Укэлаят (5 человек), Ильпи (41 человек), Омелэут (5 человек), Ватына (18 человек), Мачевна (13 человек), Тамак (8 человек), Апука (193 человека), Пахача (81 человек), в общем числе 319 человек.

Олюторские приморские коряки в сел. Олюторском (55 человек), Култушном (51 человек), Увьяям (9 человек), Теличики (60 человек), Ветвей (34 человек),

Хаилино (33 человека), Вывнуки (20 человек), Луновьям (13 человек), Гвалвьям (33 человека), Кичига (75 человек) и Тымлаты (14 человек), всего 397 человек.

На острове Карагинском (население родственно кичигинскому) — 59 человек.

Из оленьих коряков, учтенных переписью на реках Пустой, Рекинники, Анапка, — около 150 человек считают себя кичигинско-тымлатскими (*kichiramku, timplatramku*).

Приморские коряки карагинцы и родственные им, сильно обрусевшие укинцы учтены в сел. Карага (134 человека), Каюм (12 человек), Дранка (19 человек), Ивашка (50 человек), Ука (38 человек). Всего 253 человека.

Родственны карагинским приморским корякам 69 оленьих, называющих себя *qaraŋinramku*.

В корякских селениях нынешнего Тигильского района на западном берегу Камчатки учтено оседлых коряков (паланцев) 934 человека. Они расселены в сел. Лесная — 235 человек (не считая 116 кочующих лесновцев, засчитанных выше), Кинкиль — 125 человек, Палана — 176 человек, Кохтана — 264 человека, Воямполка — 121 человек, Аманино — 13 человек (переселенцы-коряки из Воямполки).

Кроме этих селений приморские коряки зарегистрированы единицами в русских селах (Тигиле, Гижиге, Пенжино и др.) в общем количестве 44 человека.

Всего численность оседлых коряков переписью 1926/27 г. определена в 3383 человека (1734 мужчины и 1649 женщин).

Всего коряков, кочевых и оседлых, в 1926—1927 гг. было 7434 человека (3811 мужчин, 3623 женщины).

VI. По данным Приполярной переписи 1926/27 г. у кочевых коряков было оленей 138.8 тысяч голов (на 391 хозяйство с 4051 человеком населения). Из этого числа кочевых коряки Пенжинского района имели 85.2 тысяч голов, Тигильского района — 38.5 тысяч голов, Олюторского и Карагинского — 15.1 тысяч голов.

Цифра 200 тысяч голов, исчисленная для 1900—1901 гг. Йохельсоном для всех коряков, представляется довольно вероятной, так как рядом свидетельств подтверждается значительная убыль корякских стад именно в первые два десятилетия XX века, когда усилилась хищническая эксплуатация и проедание оленьих стад, в особенности в периферийных районах, близких к торгово-административным центрам русской колонизации. Так, на Тайгоносе, поблизости от Гижиги, где Йохельсон насчитывал в 1901 г. 17 тысяч оленей, в 1926 г. оказалось всего две с небольшим тысячи, т. е. оленеводство Тайгоноса в сущности погибло почти полностью — оленей съела торговая Гижига, разложив и спнив крупновладельческую корякскую голову. Остатки добил белогвардейский отряд Бочкарева в годы гражданской войны. В глубинных тундровых районах, где корякское оленеводство было почти недоступно внешним воздействиям, убыль оленей была значительно меньше.

В советское время хищническое истребление и проедание оленьего поголовья было прекращено, но в начале реконструктивного периода на Севере оленеводство пережило период серьезных трудностей. В связи с сотрудничеством эксплуататорской кулацкой патриархальной верхушки начавшемуся колхозному движению, злостным забоем стад кулаками, а также в связи с трудностями организации нового совхозного хозяйства и с ошибками, допущенными на первых порах местными

работниками при экспроприации эксплуататорских элементов и устройстве первых оленеводческих колхозов поголовье оленей на протяжении 1930—1933 гг. еще продолжало убывать.

К 1934 г. поголовье оленей Корякского округа составляло около 125 тысяч голов, из которых до 20 тысяч принадлежало двум крупным совхозам, а остальные — туземному населению, из которых около 40% — колхозам и 60% — индивидуальным хозяйствам.

Полного и точного учета оленей к настоящему времени еще не произведено. Во всяком случае за последние годы местные партийно-советские и хозяйственные организации основное внимание уделяют укрупнению колхозов и совхозов, улучшению всей работы в области оленеводства (научно-исследовательской, зоотехнической, ветеринарной), и не может быть сомнения в том, что эта работа в ближайшем времени даст свои результаты в виде быстрого роста оленьих стад.

VII. Белки не было на Камчатке в то время, к которому относится работа В. И. Йохельсона. Но в начале 20-х гг. текущего столетия белка появилась на Камчатке первоначально в очень небольшом количестве в северной части западного берега полуострова. В 1925—1926 гг. белка уже была предметом промысла в районе рек Лесной, Кинкиля, Паланы. Переписью 1926/27 г. зарегистрированы 204 штуки добытых здесь за год белок. В последующие годы белка появилась южнее и добывается в более значительных количествах.

VIII. В дополнение к описанию техники промыслов, данному В. И. Йохельсоном, приведем цифровые справки о продукции этих промыслов по материалам переписи 1926/27 г. Аналогичных данных за годы, более близкие ко времени работы Йохельсона, не имеется.

Нижеприведенные данные относятся только к корякским хозяйствам, причем отдельно подсчитана продукция оседлых и кочевых хозяйств.

Рыболовство. Оседлыми коряками, из числа которых рыболовством занималось 518 хозяйств, за год поймано (в тысячах штук) кеты — 613.8, красной — 205.5, кижуча — 253.4, чавычи — 1.3, горбуши — 361.9, гольца — 70.6; (в центнерах) уйка — 1222.1, сельди — 81.3. Всего за год продано рыбы на сумму 33.2 тысячи рублей.

Кочевыми коряками, из которых рыболовством занималось 291 хозяйство, за год поймано (в тысячах штук) кеты — 137.3, красной — 55.7, кижуча — 13, чавычи — 2.4, горбуши — 311.3, гольца — 30.5; (в центнерах) уйка — 359.9, сельди — 66.8. Всего за год продано рыбы на сумму 1.3 тысячи рублей.

Морской зверобойный промысел. Оседлыми коряками, из которых морским промыслом занималось 437 хозяйств, за год добыто 1092 лахтактов, 3117 ларг, 2333 акиб, 6 белух, 5 моржей. Всего за год продано продукции на сумму 17.8 тысяч рублей.

Кочевыми коряками, из коих морским промыслом занималось 160 хозяйств, за год добыто 448 лахтактов, 928 ларг, 446 акиб, 7 белух, 1 морж. Всего за год продано продукции на сумму 0.9 тысяч рублей.

Пушной промысел. Оседлыми коряками, из которых пушной охотой занималось 405 хозяйств, за год добыто (в штуках) лисиц — 1745, белки — 292, соболя — 6,¹ горноста — 1465, выдр — 14, росомах — 43, та-

¹ Число добытых соболей так мало по той причине, что в 1925—1927 гг. охота на соболя на полуострове Камчатка была за-

барганов — 164, сусликов (евражек) — 220, белых песцов — 82, волков — 6, медведей — 52. Всего за год продано пушнины на сумму в 41.1 тысяч рублей.

Кочевыми коряками (из которых пушным промыслом занималось 322 хозяйства) за год добыто (в штуках) лисиц — 322, белки — 1695, горностая — 736, выдр — 43, росомах — 61, табарганов — 148, сусликов — 70, белых песцов — 5, волков — 6, медведей — 122. Всего за год продано пушнины на сумму 35 тысяч рублей.

Охота на птицу. Оседлыми коряками (из которых охотой на птицу занималось 222 хозяйства) за год добыто (в штуках) гусей — 701, уток — 2780, глухарей — 14, куропаток — 1688, прочей птицы — 1618.

Кочевыми коряками (охотой на птицу занималось 80 хозяйств) за год добыто (в штуках) гусей 1217, уток — 472, глухарей — 25, куропаток — 1259.

IX. Следует указать, что Л. Я. Штернберг впоследствии изменил свою точку зрения по вопросу о происхождении древних землянок. На основании анализа своих многочисленных сахалинских материалов он пришел к выводу, что строителями древних землянок на Сахалине были именно айны, а не какой-либо иной народ, в частности все рассказы о котором, по мнению Штернберга, носят характер мифа, широко распространенного на Сахалине (*Штернберг Л. Я.* Айнская проблема // Сборник МАЭ. Л., 1929. Т. 8).

X. Великолепную характеристику Анкюской ярмарки девяностых годов, художественное и вместе с тем исторически правдивое изображение всей процедуры «сбора» ясака дает В. Г. Тан (Богораз) в рассказе «На пьяной ярмарке» (Издание ЗИФ. М.; Л., 1928. Т. 3).

XI. Здесь уместно привести справку о культурно-социальном строительстве среди коряков в настоящее время. По данным Дальневосточного Комитета Севера,

в 1933 г. в Корякском национальном округе было 42 школы; в них обучалось 1545 детей, в том числе 1300 детей народов Севера, преимущественно коряков. Дети оседлого населения охвачены школой почти полностью, началась школьная работа и среди кочевников-оленьеводов путем организации специальных кочевых школ, которых в 1933 г. было три.

Работают 9 изб-читален, 29 пунктов ликвидации неграмотности взрослых, одна советско-партийная школа в окружном центре. В Олюторском районе работает культурная база. Корякская молодежь, кроме того, учится в ряде учебных заведений в городах Дальнего Востока и в центре; так, 9 коряков учатся в Институте народов Севера в Ленинграде, 5 — в Медицинском институте в Хабаровске, 12 — в Техникуме народов Севера в Николаевске-на-Амуре и др.

В 1932 г. создана письменность на корякском языке, преподавание в первых классах корякских школ ведется на родном языке, на нем же проводится и ликвидация неграмотности взрослого населения.

Начиная с 1932 г. издаются книги на корякском языке; в течение 1933—1935 гг. издано 6 учебников, 7 книг для детей и молодежи; переводятся русские классики (рассказы Л. Толстого, А. Чехова), издаются первые оригинальные произведения начинающих корякских писателей (Кецая, Кеккетына и др.).

Бюджет Корякского округа в 1934 г. составляет около 4 миллионов рублей, и более половины расходов приходится на культурно-социальное обслуживание населения.

Этот мощный культурный подъем, разумеется, явился следствием пролетарской революции, освободившей от гнета и эксплуатации все народы царских колоний, в том числе и коряков, и результаты работы компартии и советской власти на Севере особенно ярко видны при сопоставлении нынешнего положения с тем, которое охарактеризовано Йохельсоном в этой главе и относится к началу девяностых годов.

прецена. Указанные 6 соболей были добыты в Олюторском районе. В последующие годы коряки Тигильского района добывали за год 200—300 соболей.

II. РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

СОСТ. Е. А. МИХАЙЛОВА (1996 г.)

Глава I

* — к с. 7. Тунгусы — этноним, использовавшийся в прошлом как название тунгусоязычных народов — эвенков и эвенов (последние назывались также ламутами).

** — к с. 7. В XVIII—XIX вв. камчадалами называли ительменов.

*** — к с. 7. В настоящее время керекиты считаются отдельным этносом, язык которого занимает самостоятельное место в чукотско-корякской группе языков. Их материальная и духовная культура так же, как язык, испытали значительное влияние соседей — чукчей и коряков, — но сохранили и свои особенные черты.

* — к с. 14. *Poitin*, видимо, от корякского названия реки Парень — Пойтуваем.

Глава II

* — к с. 19. Здесь, вероятно, имеется в виду мыс (Алюторский?) у залива Анана.

** — к с. 19. Слово «керекиты» появилось в документах и литературе в конце XIX в. Ввел его в научный оборот Н. Л. Гондатти, управляющий Анадырской округой, который побывал на «земле керекитов» и собрал там коллекцию этнографических предметов. Он писал: «К числу народностей, населяющих Анадырский край, относится и народ керекит. Язык этого народа не понятен ни чукчам, ни ламутам, на даже корякам. Чукчи отделяли керекит от коряков, признавая их совершенно отдельным народом» (*Гондатти Н. Л.* Анадырские очерки. Хабаровск, 1897. С. 217).

*** — к с. 19. Многие исследователи (Г. В. Стеллер, С. П. Крашенинников, В. Г. Богораз и др.) соглашались с тем, что название коряк происходит от слова *коран'ы* — «олень». Но поскольку есть основания полагать, что название это появилось в русских документах XIX в. еще до непосредственного соприкосновения русских землепроходцев с коряками, оно, скорее всего, могло быть заимствовано на северо-востоке от юкагиров, которые были проводниками русских в их передвижении на восток, а на Охотском побережье — от эвенов. Юкагирское название коряков *карака* и эвенское — *хэекэл* в русской адаптации превратилось в слово коряк (*Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. С. 9—10).

**** — к с. 19. Название *нымылг'ын* — «житель», «поселянин» (от корня *ным* — «место жительства»), трансформированное по-русски в «нымылан», «нымыла-

ны», в 1929—1930 гг. при рассмотрении вопроса об изменении наименований малых народов Севера было принято в качестве общего самоназвания, но общего распространения не получило, и поэтому восстановлено было старое официальное название «коряки».

* — к с. 20. В решении проблемы происхождения эскимосов В. И. Иохельсон разделял точку зрения Ф. Боаса (и американской этнологической школы) об американской прародине эскимосской культуры. На этой точке зрения и сейчас стоят многие археологи, в основном американские.

** — к с. 20. Известный с конца XVII в. полуостров в русских документах назывался Тайноцким носом. Это название восходит к корякско-чукотскому слову *Тайны-лот* — «запретная, греховная земля». «Запретные» места довольно часто встречаются в корякской и чукотской топонимике, и связаны они с прошедшими большими эпидемиями или какими-либо другими бедствиями. Возможно, что и на полуострове Тайнонос когда-то свирепствовала большая эпидемия, к тому же плавание у полуострова было крайне опасным из-за бурных приливов и отливов, поэтому коряки всегда здесь совершали жертвоприношения, стараясь задобрить духов (*Вдовин И. С.* Очерки... С. 55; *Леонтьев В. В.*, *Новиков К. А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. С. 350).

* — к с. 27. Имеется в виду вышедшая позже, в 1910 г., в этой же серии трудов Джемуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции работа В. И. Иохельсона «The Yukaghir and Yukaghirized Tungus» (*Memoirs of the American Museum of Natural History. Vol. IX, part 1*).

* — к с. 32. Лингвистические и этнографические изыскания В. Г. Богоразы и В. И. Иохельсона легли в основу дальнейшей разработки вопросов диалектологии корякского языка. С. Н. Стебницкий, учитывая не только диалектологические различия, но и особенности культуры каждой группы, выделил следующие диалекты: чавчувенский, паренский, каменский, апукинский, алюторский, карагинский, паланский (*Стебницкий С. Н.* Основные фонетические различия диалектов ныммыланского (корякского) языка // Памяти В. Г. Богоразы. М.; Л., 1937. С. 289—290). Несколько иная лингвистическая классификация была предложена П. Я. Скориком. В результате сопоставления фонетических, морфологических различий диалектов корякского языка и некоторых элементов их лексики П. Я. Скорик выделил два корякских языка: собственно корякский язык с 5 диалектами — чавчувенским, апукинским, каменским, па-

ренским и итканским; и алюторский язык с алюторским карагинским и паланским диалектами (*Скорик П. Я.* К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 29). В целом проблема диалектного состава языков северо-восточных палеоазиатов исследована еще недостаточно и требует дальнейшей разработки.

Глава III

* — к с. 35. Корякские названия реки Тополовка — Макаланувэем (*Макалганв'эем*) происходит, вероятно, от *макалган* — «клапан детского комбинезона, набитый мхом». Основа *мака*, *макы* встречается в чукотско-карякских топонимах и означает «завал», «запор» на реке (*Леонтьев В. В., Новикова К. А.* Топонимический словарь... С. 364).

* — к с. 38. В. И. Иохельсон не вполне прав. Так, в 1728 г. к южному мысу Анадырского залива подходил В. Беринг. В 1777 г. для сбора ясака в районе Алюторского мыса побывал И. Анкудинов, который составил о своем визите подробную записку, содержащую этнографические сведения. В 1828 г. в губу Св. Гавриила входил Ф. Литке на шлюпе «Сенявин». В 1885 г. в бухтах Анастасия, Дежнева, лагуне Опука, на Туманской в Анадырском лимане побывал А. А. Ресин, оставивший интересные замечания о кереках, которых он называл «чухмарями». Наконец, в самом конце XIX в. здесь, как уже говорилось, побывал Н. Л. Гондatti (*Леонтьев В. В.* По земле древних керек. Магадан, 1976. С. 9—11).

* — к с. 39. Здесь и ниже сохранены приведенные В. И. Иохельсоном на русском языке названия поселков и территориальных групп коряков. Сейчас общепринято написание: Олюторское, Култушное, Тилички, Вывнык (и соответственно «родовых» названий).

* — к с. 40. В XVIII—XIX вв. все местное оседлое население Камчатки, в том числе и коряки-паланцы и карагинцы (или укинцы, как их называет В. И. Иохельсон), официально именовались камчадалами. Это обстоятельство вносило серьезную путаницу в и без того не бесспорные представления о границе между коряками и камчадалами (ительменами). Как справедливо отмечал С. Патканов, так называемые в переписи 1897 г. «камчадалы» северной части округа (по берегам Охотского и Берингова морей) «представляют собой племя, смешанное из камчадалов и коряков, причем разные исследователи Камчатки принимают разные границы между более или менее чистыми камчадалами и этим смешанным населением, которое большая часть из них именуется коряками» (*Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 3. С. 978).

Глава IV

* — к с. 51. Современное название гиляков — нивхи.

Глава V

* — к с. 57. Христиания (Кристиания) — с 1624-го по 1924 г. название столицы Норвегии Осло.

** — к с. 57. Под зырянами следует понимать коми-зырян. Сейчас общеприняты названия: ненцы (само-

еды), ханты (остяки), тофалары (карагасы), тувинцы (сойоты).

*** — к с. 57. Попытка введения оленеводства на Аляске оказалась достаточно успешной. По данным Ассоциации оленеводов в начале 90-х годов нашего века количество оленей на Аляске составляло 37 300 голов, из которых 2/3 выпасались на полуострове Сьюард.

* — к с. 58. Выдвинутая в конце XIX в. гипотеза Л. Я. Шренка, подкрепленная в дальнейшем дополнительными аргументами, легла в основу наиболее общепринятой сейчас теории, согласно которой оленеводство в западную и центральную часть тундровой зоны Евразии было принесено с юга древними скотоводами-самодийцами на рубеже I и II тысячелетий н. э. К народам Северо-Восточной Сибири оленеводство (или его навыки) проникли несколькими веками позднее через древних тунгусов (при посредстве чуванцев). Эту теорию поддерживали и разрабатывали в разные годы Г. М. Василевич, М. Г. Левин, В. А. Шнирельман, И. С. Гурвич. Существует и иная точка зрения о возможности зарождения оленеводства на Крайнем Северо-Востоке Азии. Например, И. С. Вдовин полагает, что чукотско-карякское пастушеское оленеводство «выросло на основе охоты преимущественно на северного оленя», а связи этих народов с тунгусами возникли сравнительно поздно (*Вдовин И. С.* Очерки... С. 243). Точку зрения автохтонного возникновения оленеводства у чукчей и коряков разделяют ныне многие ученые, в том числе Н. Н. Диков, А. Г. Вольфсон. В целом же из-за слабой археологической изученности и отсутствия серьезных документальных свидетельств ранее XVI—XVII вв. вопрос о времени и условиях зарождения в тундрах Евразии крупностадного оленеводства остается до сих пор открытым (*Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 146—164).

** — к с. 58. Археологические раскопки последних лет как будто подтверждают высказанную В. И. Иохельсоном точку зрения. Как теперь представляется, возникновение морской адаптации относится к сравнительно ранним этапам становления культуры предков коряков. Уже приблизительно 4000 лет назад морской зверобойный промысел играл определяющую роль в хозяйстве палеоазиатов Охотского побережья (*Васильевский Р. С.* Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973. С. 109). В конце XVI в. в связи с проникновением сюда тунгусов морской промысел частично деградирует, сокращается население и под влиянием этих процессов «из единого хозяйственного комплекса морских зверобоев выделяются и обособляются группы, которые переходят с побережья в тундровые районы и начинают осваивать оленеводство» (*Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971. С. 173).

* — к с. 59. Положение о генетическом родстве ительменов (камчадалов) с чукчами и коряками подвергнуто сомнению (*Вдовин И. С.* К проблеме этногенеза ительменов // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 28—39; *Володин А. П.* Отношение ительменского языка к другим чукотско-камчатским языкам // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 223—225.

Глава VI

* — к с. 77. Мыс Эри и мыс Восточный — соответственно мыс Шелагский и мыс Дежнева на современных картах.

Глава IX

* — к с. 125. К сожалению, В. И. Йохельсону были неизвестны данные, свидетельствующие о том, что в конце XVIII в. у чукчей также бытовала «хвостатая» одежда. Подробнее об этом см.: *Прыткова Н. Ф.* 1) Верхняя одежда // *Этнографический атлас Сибири.* М.; Л., 1961. С. 232; 2) Одежда чукчей, коряков и ительменов // *Материальная культура народов Сибири и Севера.* Л., 1976. С. 44—48.

Глава X

* — к с. 132. Как теперь известно, благодаря археологическим изысканиям последних десятилетий, железо на северо-восток Азии начало проникать приблизительно на рубеже нашей эры из южных районов — Приамурья и Приморья контактным путем, проходившим по Охотскому побережью и, по-видимому, через Курильские острова. Второй путь, очевидно, был связан с японским источником поступления железных изделий (см., напр.: *Васильевский Р. С.* Указ. соч. С. 141—142).

* — к с. 134. Гольды — употреблявшееся в прошлом название нанайцев.

Глава XI

* — к с. 148. Такое редакционное примечание сопровождало книгу В. И. Йохельсона издания 1908 г.

** — к с. 148. В соответствии с условиями работы в Северо-Тихоокеанской экспедиции Джексона все собранные в ее ходе коллекции поступили в фонды Американского Музея Естественной Истории в г. Нью-Йорке, где и хранятся поныне. Небольшая их часть была передана в 1905 г. в Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге. Научным руководителем экспедиции и редактором ее трудов был Франц Боас.

Глава XIV

* — к с. 214. И. С. Вдовин, проанализировав имеющиеся в литературе сведения о местонахождении уничтоженного в 1771 г. Анадырского острога, пришел к выводу о том, что острог находился не на месте нынешнего села Марково, а был построен на одном из островов на реке Анадырь в 10—15 верстах вверх по течению от Маркова на том месте, которое теперь у местных жителей носит название «У старого острога» и находится недалеко от бывшего села Солдатова (*Вдовин И. С.* Анадырский острог (исторический очерк) // *Краеведческие записки.* Магадан, 1959. Вып. 2).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5		
Глава I. СТРАНА КОРЯКОВ	7		
Современная и прежняя территория коряков (7). Орография (8). Береговая линия (9). Реки и озера (10). Климат (10). Растительность (15). Фауна (17). Влияние природных условий на культуру (17).			
Глава II. КОРЯКСКОЕ ПЛЕМЯ	19		
Название «коряк» (19). Физический тип (20). Смертность, плодовитость, предельный возраст (24). Чувства (26). Чистоплотность (26). Болезни (26). Черты характера (28). Счет и меры (31). Календарь (32). Язык (32).			
Глава III. РАССЕЛЕНИЕ И НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ	34		
Кочевья оленных коряков (34). Селения приморских коряков (36). Общая численность коряков (40).			
Глава IV. ЖИЛИЩА	42		
Оленные коряки (42). Приморские коряки (45).			
Глава V. ОЛЕНЕВОДСТВО	57		
Начало оленеводства (57). Упряжные и верховые олени (60). Породы северных оленей (61). Степень приручения (61). Корм оленей (63). Нарты и упряжь (64). Управление стадом (66). Сравнительные замечания (70). Приручение диких оленей (71).			
Глава VI. СОБАКОВОДСТВО	73		
Начало езды на собаках и ее распространение в прошлом и настоящем (73). Упряжь (74). Способ запряжки собак в нарту (76). Нарта (77). Обращение с собаками (78). Различное использование собаки (81). Характер и количество собак (82). Работоспособность собаки (83).			
Глава VII. РЫБОЛОВСТВО, ОХОТА, ВОЕННОЕ ДЕЛО	84		
Рыболовство (84). Лодки (88). Морской зверобойный промысел (92). Охота на суше (96). Военное дело (99).			
Глава VIII. ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ И ПИЩА	104		
Домашняя утварь (104). Животная пища (108). Растительная пища (111). Наркотики и возбуждающие средства (113). Питание (115). Распоряжение запасами пищи (115).			
Глава IX. ОДЕЖДА	117		
Зимняя одежда мужчин и женщин (117). Летняя одежда (123). Детская одежда (124). Кухлянки с хвостами (125). Украшения, прическа, татуировка (126). Очки, лыжи, палки и шп			
		пы (127). Ярмо и лямки (127). Мешки для хранения одежды (128). Пояса (128).	
		Глава X. ТЕХНИКА И РЕМЕСЛА	130
		Работа по камню (130). Работа по железу (131). Работа по меди, латуни, серебру (137). Работа по дереву и кости (138). Женская портняжная работа (139). Краски (140). Выделка шкур и резка ремней (140). Плетение корзин (140). Древнее гончарное производство (144).	
		Глава XI. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	148
		Скульптура (148). Гравировка (158). Украшение одежды (161). Украшение мешков и корзин (172). Орнамент на коврах из оленьих шкур (174). Рисунки (178). Письмо (181). Географические карты (184).	
		Глава XII. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ	185
		Отношения полов (185). Положение девушек до замужества (185). Запреты браков между родственниками (186). Сватовство и отработка невесты (188). Брак (189). Положение женщин в семье (190). Формы собственности (191). Левират (192). Многоженство (194). Многомужество (195). Обращение с детьми (196). Отношение к старикам (197). Термины родства (197).	
		Глава XIII. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ	199
		Древние формы общественной жизни (199). Современные формы общественной жизни (201). Кровная месть (203). Торговля (205). Экс-спорт (205). Пути сообщения (207). Бега и игры (208).	
		Глава XIV. ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОРЯКОВ С РУССКИМИ, АМЕРИКАНЦАМИ И СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ	211
		Первые встречи коряков с русскими (211). Ясак (217). Современные взаимоотношения русских и коряков (219). Культурное влияние русских на коряков (221). Миссионеры (222). Американцы (222). Соседние народности (223).	
		ПРИЛОЖЕНИЕ	225
		К. Б. Шавров. В. И. ИОХЕЛЬСОН И ЕГО «КОРЯКИ» (Вводная статья к подготовленному в 1936 году первому переводу с английского монографии В. И. Иохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация»).	225
		ПРИМЕЧАНИЯ	230
		I. Примечания <i>К. Б. Шаврова</i> (1936 г.)	230
		II. Редакционные примечания. Сост. <i>Е. А. Михайлова</i> (1996 г.)	234

В. И. Иохельсон

КОРЯКИ

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Утверждено к печати Музеем антропологии и этнографии Российской академии наук

Редактор издательства *А. Ф. Варустина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Е. В. Траскевич*
Корректоры *Г. А. Мирошниченко,*
М. К. Одинокова и *Ф. Я. Петрова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Половой*
и *Л. Н. Напольской*

Лицензия № 020297 от 23 июня 1997 г.
Сдано в набор 21.03.97.
Подписано к печати 26.08.97. Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 30.5.
Тираж 1200 экз. Тип. зак. № 3268. С 157

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН. 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН. 199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12